

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

РУССКИЙ
МИР
В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Ответственный редактор и составитель
Г.А. Комарова

Москва 2018

УДК 39
ББК 63.5
Р88

*Концепция коллективной монографии, Введение, главы 6, 7, 9, 17, 21, 22, 24
разработаны и подготовлены в ходе реализации
проекта РФФИ № 16-01-00287-ОГН «Русский мир в меняющемся мире»*

Авторский коллектив:

*Г.А. Комарова (введение, гл. 22; науч. ред.), А.В. Буганов (гл. 4),
М.Л. Бутовская (гл. 16), Р.О. Бутовский (гл. 16), В.Н. Буркова (гл. 16),
Х. Вишмаранта (гл. 21), А.Д. Гронский (гл. 7), М.Н. Губогло (гл. 20),
М.В. Золотухина (гл. 10), А. Кережи (гл. 17), М.М. Керимова (гл. 12),
О.И. Курто (гл. 11, 23), М.Ю. Мартынова (гл. 8), Е.Э. Носенко-Штейн (гл. 5),
И.Г. Остроух (гл. 13), Е.Ю. Протасова (гл. 21), Н.Д. Пчелинцева (гл. 14),
Н.Л. Пушкарева (гл. 3), Л.Т. Соловьёва (гл. 14), М.Д. Суслов (гл. 6), В.А. Тишков (гл. 1),
О.Д. Фаис-Леутская (гл. 15), Н. Хворостьянова (гл. 18), Е.В. Холлер (гл. 9),
Ю.Н. Цыряпкина (гл. 24), С.В. Чешко (гл. 2), Н.В. Шалыгина (гл. 19), Н. Элиас (гл. 18)*

Р88 **Русский мир в меняющемся мире** / Отв. редактор и составитель Г.А. Комарова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 402 с.

ISBN 978-5-4211-0220-5

Книга подготовлена российскими и зарубежными учеными, представляющими различные гуманитарные дисциплины. Она состоит из трех частей, в которых представлен анализ научного и политического смысла доктрины русского мира; история и современное состояние российской / русской диаспоры; оценка отношений России с русским миром, а также результаты исследований этнокультурных и этносоциальных проблем трансграничного культурно-языкового сообщества «русский мир» в контексте реализации этнополитического проекта «Русский мир». Издание содержит новое научное знание и может быть полезно для ученых, преподавателей и учащихся вузов, специалистов в области реализации государственной этнокультурной, языковой и миграционной политики.

УДК 39
ББК 63.5

ISBN 978-5-4211-0220-5

© Институт этнологии и антропологии РАН,
2018
© Комарова Г.А., составление, 2018
© Коллектив авторов, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	Русский мир: антропологический ракурс	5
------------------	---------------------------------------	---

Часть I. Русские в мире и русский мир

Глава 1.	Русский мир: история и география	13
Глава 2.	«Русский вопрос» в этнополитическом контексте	35
Глава 3.	Русские за рубежом: социальный состав и расселение в XIX–XX вв.	50
Глава 4.	Этнокультурная идентичность современных русских (по материалам опросов и интервью)	73
Глава 5.	Российские евреи в контексте русского мира: от религиозности к этничности и обратно?	86
Глава 6.	Русский мир: политика России в отношении соотечественников за рубежом	97
Глава 7.	Белорусский взгляд на русский мир	114

Часть II. Русский мир: люди и страны

Глава 8.	К столетию русского мира Сербии	125
Глава 9.	Русский мир в Австрии или «австрийцы русского происхождения»?	151
Глава 10.	Русскоязычная Америка: идентичность и образ жизни	165
Глава 11.	Русское сообщество приграничных районов Китая	189
Глава 12.	Русские в Словении: проблемы идентичности в конце XX – начале XXI вв.	198
Глава 13.	Русскоговорящие переселенцы на Кипре: резоны и перспективы	214
Глава 14.	Русская диаспора Азербайджана: этнокультурные аспекты	225
Глава 15.	Русские в Сицилии: актуальное состояние феномена, аспекты и проблемы	239
Глава 16.	Социально-психологическая адаптация наших соотечественников в странах Восточной и Южной Африки	252

Глава 17.	Практика и формы презентации этнической самоидентификации русских жён в Будапеште	278
Глава 18.	Старый дом на новой улице? Культурные институты «русской» общины Беэр-Шевы	295
Глава 19.	«Полёт вниз без парашюта» (некоторые аспекты адаптации русских в США)	311

Часть III.

Языковые и этноконфессиональные ресурсы русского мира

Глава 20.	Коммуникативный репертуар русского мира: язык солидарности и солидарность языков	322
Глава 21.	Столетие независимости и русский язык в Финляндии	342
Глава 22.	Русский язык в коммуникативном пространстве русского мира	356
Глава 23.	Специфика, проблемы и реалии распространения православия в Китае	373
Глава 24.	«Русские» и православие в постсоветском Узбекистане	385
	Список авторов	399

Введение

Русский мир: антропологический ракурс¹

В постсоветские годы в российских СМИ и в общественно-политических кругах все чаще употребляется понятие «русский мир» как один из вариантов осмысления российской цивилизационной идентичности, а также активно обсуждается идея русского мира как цивилизационной концепции. Не последнюю роль в этом процессе играет деятельность фонда «Русский мир», которому в 2017 г. исполнилось 10 лет. Одной из важнейших своих задач фонд считает поддержку деятельности российских диаспор за рубежом по сохранению их культурной идентичности и русского языка как средства межнационального общения. И это неслучайно, так как множество бывших подданных Российской империи и граждан СССР / России в силу разных причин: религиозных, политических, экономических и др. оказались за рубежом – одни в силу их проживания в бывших советских республиках, другие – как международные мигранты, т.е. люди, покинувшие страну своего происхождения. Ныне за пределами России находится, по различным оценкам, от 28 до 30 миллионов наших бывших соотечественников. Русскоязычные диаспоры, зачастую состоящие из представителей различных этнических групп и мировых религий, но объединенные общей русской языковой и культурной принадлежностью, имеются более чем в 50 странах мира.

Хотя термин «русский мир» известен специалистам по крайней мере с XI века, понятие «русский мир» в российском общественно-политическом дискурсе появилось сравнительно недавно. В 2001 году концепция русского мира была сформулирована и актуализирована президентом России В.В. Путиным и вскоре получила широкое распространение не только в

России, но и за её рубежами. Идея большого русского мира и по сей день достаточно часто находит своё отражение в риторике Президента РФ и его окружения. Однако до сих пор понятие «русский мир» как в российских общественных кругах, так и в научном сообществе остаётся многозначным, нечетким и требует осмысления. Более того, по мнению председателя правления фонда «Русский мир» В.А. Никонова, в последние годы, озаменованные «суперстремительными изменениями <...> в этом изменившемся мире достаются и самому понятию «русский мир». На него вешают самые разные ярлыки, порой не самые заслуженные, но точно весьма обидные. <...> Поэтому очень важно обсудить, что такое русский мир, сейчас» (Никонов 2017: 7).

В современной научной литературе и в СМИ чаще всего встречается несколько основных трактовок понятия «русский мир». В частности, с точки зрения Русской православной церкви, «главными критериями русского мира являются историческая принадлежность к Святой Руси, общая цивилизационная принадлежность, а также православные ценности». Патриарх Кирилл даже предложил ввести в употребление специальный термин «страна русского мира»: страна, в которой сильна русская культура, сильны основы русского языка, есть общая историческая память. Это культурное пространство должно осознавать свою общую цивилизационную принадлежность, а «русский мир» следует рассматривать как общий национальный проект (Святейший Патриарх Кирилл 2013).

Свое определение этого понятия в 2001 году дал президент РФ В.В. Путин: «Русский мир крепится на международном сообществе, объединённом причастностью к России, приверженностью к русскому языку и культуре». В послании Федеральному Собранию 2007 года Владимир Пу-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-00287–ОГН.

тин вновь обратился к понятию «русский мир». Он сказал: «Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого российского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий. В этом году, объявленном Годом русского языка, есть повод ещё раз вспомнить, что русский – это язык исторического братства народов, язык действительно международного общения. Он является не просто хранителем целого пласта поистине мировых достижений, но и живым пространством многомиллионного русского мира – который, конечно, значительно шире, чем сама Россия. Поэтому, как общее достояние многих народов, русский язык никогда не станет языком ненависти или вражды, ксенофобии или изоляционизма». В.А. Никонов – председатель правления фонда «Русский мир» считает, что «русский мир – это вопрос самоидентификации. Есть русские, которые уже не говорят по-русски. Есть иностранцы, которые считают себя русскими или считают своей миссией продвижение русского языка и культуры» (Никонов 2017: 7).

Академик В.А. Тишков, один из авторов данного коллективного труда, в 2007 году определял русский мир в узком смысле слова как «наших соотечественников за рубежом, сохраняющих связь с Россией и русским языком». Он полагал, что «в академическом плане речь идет о феномене российской диаспоры, актуализировавшейся в нашей жизни с эпохой горбачевской либерализации и с открытием России для внешнего мира и внешнего мира для России. Вопрос о российской диаспоре обрел драматическое содержание после распада СССР, когда образовалась новая диаспора уже не столько за счет эмиграции в позднем СССР и после его распада, сколько по причине изменения границ и сокращения территории исторического российского государства» (Тишков 2007: 21). В последующие годы В.А. Тишков пришёл к выводу о том, что

«мы имеем дело с явлением, у которого давняя история, но которое сегодня обрело другие конфигурации и смыслы, став как частью культуры новых сетевых сообществ, так и частью государственной политики и межгосударственных отношений» (Тишков 2018: 18). Сегодня, учитывая современный контекст, он пишет: «Несмотря на риск свалиться с общероссийского патриотизма в тупик шовинизма, в России сохраняют и временами даже усиливают свои позиции сторонники «русского вопроса», хотя в чем суть этого вопроса им остается неизвестно. Эта суть становится ещё более запутанной в последнее время, когда выдвинутая десять лет назад концепция Русского мира как мира русофонии, т.е. связанных с Россией и русским языком зарубежных соотечественников и не только соотечественников, стала переосмысливаться как концепция одного народа, проживающего во многих странах и нуждающегося в объединении под единой государственностью» и приходит к выводу о том, что «значимый поворот в осмыслении Русского мира произошёл под воздействием и событий на Украине, перехода Крыма в состав Российской Федерации. Но этот явно политизированный поворот во многом ослабил и сократил мировые ресурсы широко понимаемого мира сопричастных с Россией и с её культурой» (Тишков 2018: 19).

Своеобразным подтверждением подобного наблюдения служит мнение нашего бывшего соотечественника, известного писателя А. Гениса: «Можно долго и с удовольствием перечислять составные части Русского мира, но его нельзя исчерпать. Он ведь и сам не знает пределов собственной всеядности. Ну кто мог подумать, что такой советский артефакт, как КВН, переживет СССР, окажется годным к пересадке и, преодолев океан, расцветет в Америке? Мне говорили, что в Нью-Йоркском университете есть не одна, а две команды, отчаянно сражающиеся друг с другом. Песни у костра звучат в Новом Свете, где тысячи бардов съезжаются на

фестивали. Народные танцы или шахматные кружки, школы гимнастики или математики, азарт домино или преферанса, русские библиотеки или бани, футбол или балет, хор или беговые лыжи, музей нон-конформистов или самогона – все, что было нам дорого дома, с успехом пускает корни в чужую почву. Особенно сегодня, когда вновь уезжают миллионы, чтобы жить, где хотят, а не где родились. Русский мир процветает среди других не потому, что ему некуда вернуться, а потому, что незачем. Создав вокруг себя родную – но в меру! – среду, он редко нуждается в метрополии, научившись заменять ее собой» (Генис 2018: 4).

Другой автор коллективного издания – А.Д. Гронский полагает, что «проблема неоднозначности восприятия Русского мира и, соответственно, размытости в общественном сознании образа Русского мира является отражением неоднозначности понятийной концептуализации данного ценностного стратегического проекта, наличием разнообразных интерпретаций и дискуссии относительно самого концепта Русского мира, его дискурсивных возможностей. Сегодня можно говорить о наиболее адекватной и поддерживаемой обществом трактовке данного ценностного геополитического проекта как особой цивилизации со своими ценностями, исторически сложившимися в России. Цивилизационное наполнение данного образа и концептуализация его в теоретическом и политическом дискурсе актуализирует методологические дискуссии относительно сущности и способов российских социально-политических трансформаций, российской цивилизации, а также дебатов об идентичности и ее воздействии на модернизацию и политическое развитие в условиях современности, новых смысловых стратегиях политических проектов и их корреляцию с общественными ожиданиями».

Анализ концепта «русский мир» содержат многие работы авторов коллективного труда, и прежде всего, это – главы первой части книги. По мнению целого ряда учё-

ных, трактовка этой категории требует ревизии. В частности, С.В. Чешко, рассматривая понятия «русский вопрос», «русский мир», «русскоязычные», «соотечественники», составляющие важную часть концептуализации внешнеполитических задач России с точки зрения многих российских политиков и экспертов, полагает, что «эти понятия в значительной степени имеют умозрительный характер и малопригодны для практической политики».

Очевидно, что неоднозначность понимания русского мира, критериев его оценки, восприятия в массовом сознании, а также многочисленные острые общественные дебаты о российской идентичности, о сущности и способах трансформации «русской цивилизации» требуют серьезного широкого научного обсуждения заявленной проблематики. По мнению авторов проекта «Русский мир», только через полемику и широкое обсуждение концепт русского мира может стать новым смысловым общенациональным проектом будущего. Необходимо подчеркнуть, что участники научного проекта РФФИ «Русский мир в меняющемся мире», приступая к подготовке этого издания, исходили из того, что *«русский мир» не знает политических, этнических границ и представляет собой трансграничную культурно-языковую общность, важной частью которой, в частности, являются многочисленные русскоязычные диаспоры наших соотечественников, сохраняющих приверженность к русскому миру в социально-культурном и в языковом плане* (Комарова 2015: 85). Для научного коллектива наиболее важными были следующие требования: во-первых, избранная проблематика требует специальных междисциплинарных академических исследований; во-вторых, она не имеет пространственных и временных рамок; в-третьих, зарубежное «русское» трансграничное культурно-языковое сообщество представляет собой очень существенную часть русского мира и его проблематика приобретает в современной России особую актуаль-

ность, которая определяется современной этнополитической ситуацией как в регионах проживания представителей русского мира, так и в международном контексте.

Как известно, круг работ, имеющих отношение к тематике российского зарубежья, в целом, очень широк. Прежде всего, существует огромный корпус различной справочно-энциклопедической литературы, многочисленные сборники, антологии, хрестоматии, словари, в частности, такой фундаментальный многотомный труд, как «Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни». Moscow – Paris: ЭКСМО; УМСА-Press, 1995–1997. Только научная литература, посвященная культуре русского зарубежья, составляет огромный массив. В современной отечественной историографии в постсоветские годы появился значительный корпус разнообразной литературы как научного, так и мемуарного характера, посвященной различным волнам русскоязычной миграции. Собственно, научная литература как отечественная, так и зарубежная (монографии, диссертации, материалы научных форумов и конференций, статьи, рецензии и т.д.), посвященная проблемам зарубежного русского мира, в основном представлена работами литературоведов, философов, социологов, демографов, историков, психологов, языковедов, искусствоведов и др. Интересно, что зарубежные авторы в своем большинстве являются нашими бывшими соотечественниками.

Следует также напомнить, что в СССР официальное отношение к зарубежным русскоязычным сообществам, зарубежной русской диаспоре в целом было негативным, поэтому в этнографическом плане они практически не изучались. В советские годы русской эмиграции приписывалась сугубо отрицательная роль. Ныне созидательная роль российского зарубежья не только не оспаривается в научной среде, но широко исследуется. Пример тому – фундаментальный труд «Российское зарубежье: социально-исторический феномен,

роль и место в культурно-историческом наследии», в котором исследуется культурное пространство и культурный потенциал всей совокупности русских диаспор и социально-культурных групп за границей.

В современных отечественных исследованиях русского зарубежья междисциплинарность постепенно становится исследовательской парадигмой. Наиболее активны в этом процессе историки, философы, социологи, литературоведы, искусствоведы, психологи, культурологи и др. Отечественные этнографы/этнологи в этом симбиозе наук представлены, прежде всего, работами В.А.Тишкова, Э.Л. Нитобурга, Ш.А. Богиной, В.М. Кабузана, М.В. Золотухиной, М.М. Керимовой, Г.А. Комаровой, О.Е. Курто, М.Ю. Мартыновой, И.Г. Остроух, Н.Л. Пушкаревой, Т.В. Таболиной, Н.В. Шалыгиной и др. Ряд специальных исследований, посвященных проблемам русского населения ближнего зарубежья России, был проведен отечественными этносоциологами (Ю.В. Арутюнян, А.И. Гинзбург, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижеева, И.М. Кузнецов, Л.В. Остапенко, С.С. Савоскул, Р.А. Старченко, И.А. Субботина и др.) (Комарова 2012: 76).

В 2014 году в ходе реализации исследования «Российское общество в контексте новых реалий» социологами ИС РАН под руководством Л.М. Дробижеевой попутно проводился единственный в своем роде, но, к сожалению, очень беглый опрос общественного мнения по поводу идеи русского мира. Как показало исследование, в современной России наиболее востребованной оказалась модель развития России как многонационального государства, скрепленного русским языком и русской культурой. «Сегодня русские придерживаются установок этнической солидарности и демонстрируют определённые мировоззренческие установки, в числе которых – более позитивное, оптимистичное восприятие развития России, установки российского патриотизма и государственнических ориентации как установки российского самосознания, характе-

ризующиеся чувствами исторической общности и духовного единства. Складываясь на основе этнической идентичности и потребности в принадлежности к своей этнической общности, этническая солидарность русских выступает одной из основ общественной консолидации и поддерживает мотивы гражданского участия» (Дробижева 2015: 12). В то же время опрос общественного мнения по поводу идеи русского мира выявил отсутствие явных приоритетов в понимании русского мира. По словам Л.М. Дробижевой, «проект и идею русского мира как цивилизационную концепцию поддержала наиболее адекватная часть российского общества, как наиболее жизнеспособную трактовку русского мира как особой цивилизации со своими традициями и ценностями, исторически оформившимися в России» (Дробижева 2015: 14).

Других специальных этносоциологических (впрочем, как и этнологических) исследований, посвященных культурно-языковой общности русский мир и этнополитическому проекту «Русский мир», в отечественной и мировой науке не проводилось. Между тем актуальность избранной нами тематики бесспорна и определяется современной этнополитической ситуацией как в различных регионах, так и в международном контексте. Она представляет как прикладной, так и теоретический интерес для науки, не только для российских этнологов, но и для представителей других научных дисциплин. По мнению известного российского историка М.В. Соловьева, «русское зарубежье, представляющее собой, по сути, целый русский мир вне России – это сложный и специфический объект изучения. Ведь в нем переплелись воедино политика, идеология, экономика, религия, наука, литература, искусство и т.д. – все сферы человеческой деятельности, которые тесно связаны между собой и влияют друг на друга, поэтому даже чисто науковедчески трудно выделить в качестве доминанты этого изучения только историю и исторические ас-

пекты, поскольку в одной связке с историей находятся география, политология, социология, психология, культурология. Исследование русского зарубежья на современном этапе в идеале должно носить междисциплинарный характер и осуществляться в симбиозе разных наук» (Соловьёв 2011: 119).

К этому необходимо добавить, что исследование этнокультурных и этносоциальных проблем различных сообществ русского зарубежья, жизни русских диаспор и землячеств в разных странах мира и русского мира в целом, бесспорно нуждается в специальном социально-культурном антропологическом изучении, что и стало важнейшей задачей работы авторского коллектива в данном исследовательском поле. Её результаты наиболее полно представлены во второй и третьей частях издания.

Необходимость антропологического исследования русского мира объясняется тем, что главное, что отличает социокультурную антропологию – это то, что она рассматривает человека в его именно человеческой сущности, т. е. как создателя, носителя и потребителя культуры, как существо, придающее огромное значение культурным и языковым ценностям. И в этом, в частности, состоит коренное отличие антропологии от истории: история делает акцент, прежде всего, на процесс изменений, причем ее объектом является общество целиком и, особенно, его социополитические параметры, в то время, как антропология делает акцент на функционировании культур (причем разных), прежде всего в синхронии. И даже когда вопрос ставится в диахронии, сохраняется акцент на культурологическом подходе. Антропология и этнография, используя свои методики, применяя имеющиеся в распоряжении инструменты и теории, как заметили наши коллеги – социологи, «просвечивают и ставят диагноз усилиям по поиску и разработке научных знаний совершенно с новых, неожиданных перспектив» (Романов, Ярская-Смирнова 2008: 15). Во-вторых, необходимо, чтобы

исследование русского мира было связано с поиском междисциплинарных подходов к изучению человеческой истории и трансформаций в современном меняющемся мире. В-третьих, подобное исследование должно быть связано с антропологизацией социогуманитарного знания, помещающей частного человека в центр исследовательского внимания при разработке таких проблем, как антропология «русских» зарубежных сообществ, культурные механизмы конструирования идентичности в диаспорах и т.д. Антропологическое исследование современного мира, в котором существует бесчисленное множество культур, сфер деятельности, социальных практик, профессий и т.д., особо нуждается в разнообразии позиций, подходов, взглядов, дискурсов. Наши авторы постарались учесть все мнения, разные точки зрения для формирования широкого мозаичного полотна под названием «русский мир». В качестве базовой основы их исследований выступало целостное изучение проблем русскоязычного населения в каждой конкретной стране, в каждом изучаемом регионе. Наиболее яркое подтверждение тому – научные результаты, представленные в данном коллективном труде.

Коллективная монография подготовлена в рамках научного проекта РФФИ «Русский мир в меняющемся мире» коллективом представителей разных социогуманитарных наук, среди которых большинство – сотрудники Института этнологии и антропологии РАН. Она состоит из трех частей, в которых представлен анализ научного и политического смысла доктрины русского мира; история и современное состояние российской/русской диаспоры, реальное содержание и перспективы так называемого русского мира; оценка отношений России с русским миром, а также результаты исследований этнокультурных и этносоциальных проблем трансграничного культурно-языкового сообщества «русский мир» в контексте реализации этнополитического проекта «Русский мир». Конкретная цель авторского

коллектива заключалась в этнографическом и этносоциологическом исследовании этнокультурных и этносоциальных проблем трансграничного культурно-языкового сообщества «русский мир», в ходе которого рассматривались отношения представителей зарубежного русского мира в целом к концепции «русский мир» и к проекту «Русский мир», в частности.

Основной научной задачей антропологического изучения русского мира стало комплексное исследование трёх важнейших блоков (этнокультурных, этноконфессиональных, языковых) проблем с целью научно-теоретического осмысления феномена зарубежных «русских» сообществ, выявления механизмов их формирования, консолидации, функционирования и эволюции и их взаимоотношения с другими группами, а также изучение региональной, языковой, культурной и образовательной политики различных государств и определение наиболее эффективных способов и стратегий защиты прав данных сообществ в современном меняющемся мире.

Важно отметить, что представление о том, что русский мир – это пространство полисемантическое, мультикультурное, многоконфессиональное и даже многоязыковое, вызывает также необходимость обсуждения проблем истории памяти и особенно актуализирует проблему идентичности. Как полагает В.А. Тишков, «именно русский язык и русскоязычная российская/советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир. Связь с Россией в смысле лояльности и привязанности остается важнейшей чертой русского мира, но эта связь может быть изменчивой и иметь противоречивые смыслы и направленности. Здесь главное – это сам факт ощущения связи и демонстрируемое отношение к России, будь это потомки русских эмигрантов, сохраняющие Форт Росс в Калифорнии, или же борцы против “кремлевских режимов”, проживающие как политические эмигранты в Лондоне. Таким образом, русский язык, русскоязычная культура и демонстрируемый интерес к Ро-

дине отличают принадлежность к русскому миру» (Тишков 2007: 11).

В ходе реализации проекта удалось: а) получить новые научные знания по избранной тематике; б) ввести в научный оборот корпус новых разнообразных источниковедческих материалов; в) по-новому взглянуть на современные проблемы возникновения и развития трансграничной культурно-языковой общности; г) выявить и изучить систему взаимоотношений представителей различных русскоязычных диаспор в контексте этнополитического проекта «Русский мир». Целый ряд авторов исследования использовал сочетание количественных и качественных методов, что гарантирует как статистическую достоверность полученных данных, так и глубокий взгляд на изучаемую проблему. Для изучения многогранных и сложных аспектов заявленной проблематики привлекались разнообразные источники как традиционной информации (государственной и ведомственной статистики, архивных источников, периодики, документации различных государственных, общественных, научно-культурных организаций и обществ), так и формирование новой источниковой базы путем массовых опросов населения, интервьюирования экспертов и создания необходимого банка информации. Наряду с широким применением традиционных исследовательских методик, прежде всего, этнографических, использовались различные новаторские методологические подходы, в частности, исследование повседневной практики использования микроблогов в информационно-коммуникационной сети Интернета.

Трудно не согласиться с М.Ю. Мартыновой, автором главы «К столетию русского мира Сербии», полагающей, что «изучение сербской составляющей русского зарубежья имеет как познавательный, так и практический смысл. Материал, проливающий свет на непознанные страницы нашей истории, имеет не узколокальное значение. Он позволяет выявить те или иные факторы, закономерно влияющие на

поведенческие характеристики мигрантов. В частности, заслуживает внимания исследование роли государственной политики как бывшей Родины, так и принимающей страны, различных политических и идеологических концепций на процесс адаптации переселенцев в новой среде обитания. Эмпирические данные также дают основание для некоторых теоретических выводов, связанных с конструированием идентичности и степенью устойчивости самосознания мигрантов». Подобной оценки также заслуживают исследования любой «составляющей русского зарубежья», представленной в нашем коллективном труде.

Авторы и исполнители проекта надеются, что материалы, полученные в ходе его реализации, позволят сравнить как в диахронном, так и в синхронном плане процессы, происходящие в русскоязычных общинах различных стран постсоветского пространства и в различных регионах мира, а также помогут в поисках междисциплинарных подходов к изучению человеческой истории и трансформаций в современном мире.

Публикуемые в этой книге результаты исследований, на наш взгляд, представляют интерес не только для ученых социогуманитарных дисциплин, преподавателей и студентов ВУЗов, политиков, экспертов, специалистов в области этнокультурной политики, но и наших бывших соотечественников, представителей русскоязычных общин и землячеств различных стран постсоветского пространства и в различных регионах мира. Они могут быть полезны как в научных целях, так и в практической работе в сфере образовательной, социально-культурной, миграционной и языковой политики.

Литература

- Генис 2018 – Генис А. Русский мир. Как пускают корни // Новая газета. № 27. 16 марта 2018 г.
- Дробижева 2015 – Дробижева Л.М. О русском самосознании. М., 2015. С. 12–17.

- Комарова 2002 – Комарова Г.А. Русский Бостон. М.: ИЭА РАН, 2002.
- Комарова 2012 – Комарова Г.А. Опыт интеграции: междисциплинарное взаимодействие этносоциологии и этнографии. М.: ИЭА РАН, 2012.
- Комарова 2015 – Комарова Г.А. Русский мир в антропологическом измерении // Бусыгинские чтения. Т. 8. Казань, 2015. С. 85–96.
- Никонов 2017 – Никонов В.А. Главная тема // Стратегия России. 2017. № 1. С. 5–22.
- Пивовар 2008 – Пивовар Е.И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008.
- Романов, Ярская-Смирнова 2008 – Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Мир профессий как поле антропологических исследований // Этнографическое обозрение. 2008. № 5. С. 3–17.
- Соловьёв 2011 – Соловьёв В.М. Актуальные вопросы изучения культуры русского Зарубежья (историографический актив // Вестник Томского ГУ История. 2011. № 3 (15). С. 116–122.
- Святейший Патриарх Кирилл 2013 – Святейший Патриарх Кирилл предложил ввести в оборот термин «страна русского мира» // URL: [http:// otechestvo.org.ua/main/200911/0337.htm](http://otechestvo.org.ua/main/200911/0337.htm) (26/12/2013).
- Тишков 2000 – Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.
- Тишков 2007 – Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. № 76. С. 21–38.
- Тишков 2018 – Тишков В.А. Мировой опыт полиэтничности и Россия: три причины для интереса // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 11–21.

Часть I

РУССКИЕ В МИРЕ И РУССКИЙ МИР

Глава 1

Русский мир: история и география

Феномен исторической российской диаспоры актуализировался в нашей жизни с эпохой горбачевской либерализации и с открытием России для внешнего мира и внешнего мира для России. После распада СССР обрела драматическое политическое и гуманитарное содержание проблема новой российской диаспоры, поскольку образовалась огромная масса связанных с Россией людей уже не столько за счет эмиграции, сколько по причине изменения границ и сокращения территории Российского государства. Еще в начале 1990-х годов эти люди получили название «российские соотечественники» или «соотечественники за рубежом», хотя с правовой точки зрения эта дефиниция была и остается уязвимой, ибо под соотечественниками обычно имеют в виду носителей одинаковых паспортов. Тем не менее всем более или менее ясно, о чем и о ком идет речь в данном случае. Речь идет о людях, которые по культуре и по идентичности сохраняют свою связь с Россией, а многие из них действительно имеют российское гражданство и считают себя россиянами, хотя временно или постоянно проживают за пределами России. Понятие «русский мир» появилось в российском общественно-политическом дискурсе сравнительно недавно. Оно чаще всего используется для обозначения мира русского зарубежья или российской диаспоры и больше носит исторический и культурно-языковой характер, но во многом это понятие совпадает с понятием зарубежных соотечественников.

За последние годы опубликовано много справочных изданий, документальных

публикаций, исследований и публицистики на тему русского зарубежья (Русское зарубежье 2003; Пивовар 2010). Проводятся многочисленные конференции по этой тематике. Лидерами изучения и поддержки русского зарубежья выступают созданная А.И. Солженицыным Библиотекафонд «Русское зарубежье», научно-исследовательские институты РАН, Научный совет РАН по русскому зарубежью, специальные исследовательские группы и центры. В Интернете сложилась целая сеть русских ресурсных сайтов (более 2 млн ссылок в системе «Google» на запрос «русское зарубежье») (Попов 2001), а запрос на тему «русские в Америке» также дает почти 2 млн ссылок в Интернете. Не меньший интерес ученых и политиков вызывает проблема так называемого нового русского зарубежья, а точнее ситуация с русским населением и судьбой русского языка и русской культуры в новых независимых государствах. На эту тему уже опубликовано несколько десятков научных монографий и сотни, если не тысячи, статей (Laitin 1998; Kolstoe 1995; Савоскул 2001). Что касается политических высказываний и разных спекулятивных рассуждений, то их огромное количество. Нет сомнений, что мы имеем дело с *явлением, у которого давняя история, но которое сегодня обрело другие конфигурации и смыслы, став как частью культуры новых сетевых обществ, так и частью государственной политики и межгосударственных отношений*. Поскольку проблемы диаспоры и русского населения в странах бывшего СССР исследовались мною ранее (Тишков

2003: 435–480; Тишков 2004; Тишков 1993а; Тишков 1993б), я решил написать эту главу в контексте как самой идеи «русского мира», так и с целью показать более широкие границы российской идентичности, которая не ограничивается территорией государства. Цель моей работы – это анализ научного и политического смысла доктрины русского мира; изложение истории российской/русской диаспоры, реального содержания и перспектив так называемого русского мира; оценка отношений России с русским миром¹.

Сначала рассмотрим вопрос о русском мире как современном политическом проекте. Пионерами разработки темы в его проектно-философском варианте можно назвать группу российских интеллектуалов, среди которых ведущую роль сыграли Глеб Павловский, Петр Щедровицкий, Сергей Чернышев, Ефим Островский, Максим Шевченко, Сергей Градировский и другие. Некоторые из них были связаны своими корнями с Украиной и Крымом и более остро ощущали проблему распада государства и проблему поиска новой идентичности для людей русской культуры и самосознания, которые оказались в разных странах и в разных ситуациях. Именно в начале 1990-х годов появляется гуманитарно-политическая идея «возобновления русского», как ее определил Глеб Павловский в своей переписке из Одессы с С. Чернышевым: «Есть трудность быть русским. Говорить по-русски, даже зваться русским – трудно, и эта трудность все нарастает, громоздится на повседневное, и невозможно жить, не именуя и самому при этом не именуясь. Крушение СССР, утянув в Лету “советское”, не вернуло русскому его прежних прав. В этом имени сегодня звучит не столько идентичность, сколько забота об

¹ В настоящий момент мы не смогли решить вопрос более адекватного правописания выражения «русский мир». В ряде цитируемых документов выражение пишется с заглавной буквы, в тексте президентского послания с маленькой. Мы придерживаемся последнего варианта как менее амбициозного.

идентичности. В нем нет простодушия, сплошной вызов – именем потерянного достоинства. Фактом стала сама эта потеря, и она больше отличает русского, чем старое имя; отличает, но не роднит...» (Из деловой переписки... 1995).

Нет сомнений, что для русских интеллектуалов из Одессы, как Павловский, или из других мест бывшего СССР, оставшихся вне России, проблема российского и русского самоопределения была гораздо более значимой и острой. Были и такие, как, например, профессор Тартуского университета Ю.М. Лотман, которые попытались принять новые самоопределения бывших советских меньшинств и даже стать их частью, но это были единицы, а попытки – почти всегда неудачны из-за этнонационализма титульных групп населения. В этой ситуации переезд в Россию был избран многими (но не большинством!) наиболее приемлемым жизненным вариантом. Некоторые из них стали яркими политиками и политическими трибунами в пользу русскоязычного населения в странах бывшего СССР, как, например, К.Ф. Затулин – выпускник исторического факультета МГУ, или создали формальные и неформальные группы типа мозговых центров, которые оказывали значительное влияние на высокую политику, главным образом через экспертное обеспечение высшего эшелона российской власти. Не все и не сразу проекты воплощались в реальную политику, но значительная их часть состоялась или по крайней мере была объявлена на государственном уровне. К таковым относится и проект «Русский мир», который более десяти лет разными путями пробивал себе дорогу в реальную политику. И уже сама история этого проекта заслуживает отдельного анализа.

В 1993 г. в Москве был учрежден Русский институт вместе с «Русским журналом», которым руководил Глеб Павловский. С 2000 г. под руководством П. Щедровицкого и С. Градировского начинается сетевой проект «Русский мир» с Интернет-порталом «Русский архипелаг», в котором ныне со-

брано большое число полезных публикаций (http://www.archipelag.ru/ru_mir). По этим материалам можно восстановить возникновение идеи и ее эволюцию начиная с середины 1990-х годов. По словам П. Щедровицкого, «идея возникла в период между 1993 и 1997 годами, постепенно кристаллизируясь от предпонимания, аморфного ощущения нужной формы до законченного имени».

Свою доктрину русского мира как «геокультурного проектирования» Щедровицкий изложил так: «...социальный, культурный, вообще человеческий мир является единством воли и представлений. Если за идеей РМ не будет ничего, кроме слов, если не будет никаких действий, не будет волевой компоненты, то и Русского мира, конечно, не будет. Точно так же, если бы десятки, потом сотни, а потом тысячи людей не стали бы формировать Большую Европу, то ее, естественно, и не возникло». Русский мир в его понимании представляет собой «сетевую структуру больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» (http://www.archipelag.ru/ru_mir). «Признание существования русского мира позволяет нам говорить о *русском капитале*, совокупности культурных, интеллектуальных, человеческих и организационных потенциалов, выразимых в *языковом мышлении и коммуникационных (гуманитарных) ресурсах* русского языка. Энергия воли различных этнокультурных групп, думающих и говорящих на русском языке, позволяет актуализировать эти потенциалы и превратить их в ряд *образов будущего...*» (http://www.archipelag.ru/ru_mir). Русский мир – это не агрессивный, а прогрессивный мир, не стремящийся к территориальным расширениям, но присутствующий в культурном пространстве, в сознании людей, размещенных по всей территории Земли. «Создавать новый имидж России – страны, которой не было, – означает участвовать в происходящем переделе мира, осуществить Бархатный Реванш после поражения нашей страны в третьей мировой – холодной войне» (http://www.archipelag.ru/ru_mir), – писал Щедровицкий в 1999 г.

Я опускаю некоторые усложненные рассуждения этого известного «методолога», увлеченного «великим ученым Л. Гумилевым», особенно его идеей пассионарности в деятельности человеческих коллективов – этносов и их возможного комплементарного поведения по отношению друг к другу. Но не могу не процитировать одно разъяснение П. Щедровицкого в его интервью под многозначительным названием «Кто и что стоит за доктриной Русского Мира?»: «За “доктриной Русского Мира” стоит одно фундаментальное предположение о *комплементарности нашей культуры* по отношению к мировому развитию. То есть мной утверждается следующая вещь, что в силу специфики языка – принципиальной выразимости и невыразимости в различных языках различных аспектов смыслов и содержаний – для решения глобальных проблем развития нужны разные языки и культуры. И в этом смысле разные способы думания (что за собой влечет разные способы действия). Они нужны для того, чтобы, столкнувшись с глобальными проблемами, мы могли бы выстроить кооперацию и коммуникацию культур. Излагаемая мной доктрина опирается на предположение, что XXI век будет веком мультикультурного диалога» (Щедровицкий 2006). А раз это будет диалог и соперничество культурных систем, тогда что может предложить Россия после холодной войны? «Есть ли у России гуманитарно-технологическое обеспечение внешней политики?», – спрашивали Е. Островский и П. Щедровицкий в статье «Россия: страна, которой не было». Это обеспечение в более простом варианте называется созданием образа (имиджа) России, который представляет собой не «роскошь для богатых», а «ничем не заменимый инструмент внешних политик нового поколения... необходимое условие существования России в мире миров XXI столетия» (Островский, Щедровицкий 2006).

Парадигма несостоявшейся модернизации России (до начала президентства Пу-

тина) прочно вошла в сознание отечественных экспертов, и авторы русского мира оказались не исключением. Но рецепт выздоровления страны они видят иначе, чем, скажем, националисты-изоляционисты или имперские реваншисты. «Государственная форма, возникшая на территории РФ на рубеже 90-х годов, не стала адекватной формой включения российского общества в мировой исторический процесс. Вместо более-менее конкурентоспособного научного и инженерного сообщества, производившего $\frac{2}{3}$ всех мировых изобретений и открытий, создан совершенно неконкурентоспособный псевдоолигархический класс и общество мелких лавочников, являющихся питательной средой для экстремистских партий» (Островский, Щедровицкий 2006).

По мнению авторов, этот процесс современной социальной деградации был компенсирован процессами формирования в течение всего XX в. масштабной русской диаспоры в мире. Они считают, что сегодня уже более половины русских проживают вне России, в том числе и целый ряд мировых профессиональных сообществ, как, например, программисты, рекрутируется во многом из русских эмигрантов. «Поэтому уже сегодня можно говорить о возможностях формирования модели своеобразного «гамака», где территория РФ как бы подвешена в сетке связей и отношений, крепление которой находится вне страны» (Островский, Щедровицкий 2006). Авторы не ушли и от распространенной в политологии идеи больших противостояний, полагая, что за одной большой битвой в мире обязательно должна следовать другая. После трех мировых войн (третья – это холодная война) наступает четвертая мировая война – это война за наследство СССР и Восточного блока. Эта война не за новые пространства, а за расширение систем связей между государствами-участниками и людьми, населяющими Мир Миров. «Сегодня решается, войдет ли наша Страна в XXI в. “великой державой” или ее территория и ресурсы

(материальные и интеллектуальные) выступают при этом просто как одна из ставок, достающихся победителю... Создать имидж России сегодня означает построить новую систему связей между русскими – Русский Мир в контексте геэкономике и мировой культурной политики» (Островский, Щедровицкий 2006).

Авторы и участники этого изначально интеллектуального проекта разъясняли его суть: речь идет не о «русском геополитическом мире» в образе СНГ, не об «евразийском континентальном блоке» в версии А. Дугина и его сторонников и не о каком-либо ином военно-стратегическом альянсе в целях обеспечения безопасности и позиций России на постсоветском пространстве. Проект не принимает как свою цель изоляционистский вариант «возвращения к цивилизационной самобытности» России (проект «Острова России» Вадима Цымбурского) или вариант тривиальной интеграции нашей страны с западной цивилизацией, вхождения в ее культурно-историческое и политическое ядро. Но тогда о чем идет речь? А речь идет о том, что, по мнению П. Щедровицкого, «на смену уходящим субъектам мирового развития – национальным государствам и ТНК приходят новые, в числе которых *мировые диаспоры, крупные трансрегиональные объединения или стратегические альянсы стран, мировые города* (инфраструктурные узлы мировой геэкономической сети) *и антропоструктуры* (сплоченные группы и ассоциации, использующие сетевые формы организации деятельности и культурную политику для активного участия в мировых процессах)» (Островский, Щедровицкий 2006).

Вся эта метафоричная публицистика оказала свое влияние на многих как молодых людей, вовлеченных в проекты «Русского журнала», так и на часть политиков и на более традиционных исследователей. Идея, что не национальные государства, а диаспоры как сетевые сообщества ныне будут главными мировыми игроками, отразилась позднее во многих книгах и даже

в некоторых околomidовских и московских программах (Полоскова 2002; Полоскова, Скринник 2003), связанных с проблемой зарубежных соотечественников. Идея своего рода предначертания, или «миссии Русского Мира», оказалась водоудушевляющей на фоне примитивных националистических, изоляционистских конструкций, и этот момент сохраняет свой эмоционально-этический смысл до сих пор. Особенно он значим для разного рода программных документов, необходимых, в свою очередь, для создания организационных структур. А такие организации русского мира стали появляться в 1990-е годы. В статье-интервью под названием «Миссия Русского Мира» сопредседатель Международной ассоциации «Русская культура» и руководитель ее центра в Эстонии Б. Круминг-Сухарев разъяснял, что создание «Русского Мира» нацелено на «несение миссии – расширение ареала распространения русского языка и сохранение русского народа: через его общую деятельность, его численность, его качество» (Круминг-Сухарев).

Кроме этого, русскому миру предписывались задачи содействия экономическому и культурному сотрудничеству России и стран, где находятся русские диаспоры. Авторы проекта называли это «геоэкономической направленностью», т.е., согласно концепции русского мира, диаспоры русскоязычных людей призваны обеспечить «подключение» России к технологическому и финансовому резервуару западного социума. Результатом сознательных усилий россиян в этом направлении должно стать укрепление положения нашей страны в глобальной экономике и, соответственно, в мировой политике. «Чем большее число мировых проблем получит свое выражение, а возможно, и решение в рамках русского языка, – писал П. Щедровицкий, – тем более востребованными будут культурные и человеческие ресурсы русского мира. Парадокс сегодняшней ситуации состоит в том, что любая страна, претендующая на статус мировой держа-

вы, стремится не только к удовлетворению интересов своих граждан, но и к работе в интересах граждан иных государств и стран. Чем большему числу отдельных граждан других государств нужна Россия, тем устойчивее позиции России в мире. Основы своей устойчивости и нужности формирующаяся русская государственность может и должна искать в пределах Русского Мира, в политике конструктивного развития его *мировых сетей*» (Градировский, Межуев 2006).

Помимо западной направленности, сформулированной в самом начале обсуждения концепции, в ней не менее важным является аспект нового зарубежья. Он был сформулирован С. Градиновским и Б. Межуевым в 2003 г. следующим образом: «Русский Мир, взятый в предлагаемой нами геокультурной рамке, оказывается нацелен на интеграцию нашего государства со *странами-источниками* миграционных потоков в Россию (а не странами-приемниками эмиграции из России), иначе говоря, с потенциально или актуально третьим миром. В этом смысле проектируемый нами Русский Геокультурный Мир окажется родственен постимперским образованиям стран Европы – Британскому содружеству наций, объединению ибероамериканских государств, “окормляемых” Испанией, сообществу франкофонных государств и иным аналогичным по своей природе формированиям» (Градировский, Межуев 2006). Это видение проекта как своего рода «бремени метрополии» в отношении бывших колоний было также изначальным, и оно основывалось на двух не самых корректных посылах: СССР был империей, а новые страны (бывшие советские колонии) – это ареал развивающихся стран, т.е. так называемый третий мир. На самом деле модернизированная советская периферия – от стран Балтии до Казахстана и Кыргызстана – никак не могла быть отнесена к третьему миру. Между ними и Афганистаном или странами Африки лежала социально-культурная пропасть. Но сами примеры франкофонного мира и их опыт оказались в

данном случае более чем корректными и даже практически полезными.

Интеллектуальная дискуссия затронула вопрос о границах и критериях русского мира, о «конструкторской» работе в области его идентичностей. По мнению некоторых авторов концепции, «русский язык не может и не должен быть единственной границей Русского Геокультурного Мира». Как пример полиграничности приводилась испаноязычная Мексика, которая посредством миграционных потоков все в большей мере втягивается в культурное пространство англоязычных США, причем для интеграции «латинос» именно североамериканцы вводят у себя двуязычие. Это означает, что к русскому миру, если он сможет быть более плюралистичным в своей манифестации, могут притянуться и те, кто, например, не говорит на русском языке и не исповедует православие, но сохраняет другие значимые для человека российские привязанности. То есть *это не просто объединение разделенного границами русского народа*, как Круминг-Сухарев определял для русского мира его миссию. Все эти интересные идеи и разработки в форме интеллектуальных дебатов 1990-х годов отразились в современной российской политике. Серьезный повод говорить о том, что метафора русского мира воплотилась в политический проект, появился во время первого президентства В.В. Путина.

В октябре 2001 г. на I конгрессе зарубежных соотечественников в Москве В.В. Путин объявил о задаче консолидации и структурирования «единого русского мира» как важнейшего экономического, политического и интеллектуального ресурса России и предложил сделать это одним из приоритетов государственной политики. Но уже на следующий год из администрации президента вышел законопроект о гражданстве, который был принят Государственной думой как закон «О гражданстве Российской Федерации». Он перечеркнул многие надежды российских соотечественников на особые связи и поддержку со стороны России. По этому за-

кону упразднялись все преференции или особые условия в предоставлении российского гражданства для иностранных граждан бывшего СССР и лиц, которые оставались со старыми советскими паспортами и не оформили нового гражданства какого-либо государства после распада СССР. Незадолго до этого был принят закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», который вводил этнически избирательный принцип определения соотечественников и скрыто ксенофобский принцип преференций только для тех, у «кого нет своей государственности за пределами Российской Федерации» (т.е. «соотечественники» без евреев, украинцев, армян, грузин и т.п.).

Интересно, что на конгрессе был создан Международный совет российских соотечественников под почетным председательством мэра Москвы Ю.М. Лужкова. В октябре 2003 г. этот совет организовал международный форум «Зарубежная диаспора – интеллектуальный ресурс России», в котором приняли участие представители 58 стран. На нем было принято обращение участников к президенту В.В. Путину, в котором ученые, деятели культуры и образования, общественные активисты российского зарубежья заявили о своей готовности «способствовать созданию позитивного образа новой России» и разработать «концептуальные основы Русского мира, объединения российской диаспоры». Но самое важное в этом обращении была просьба «конструктивно переработать» два вышеназванных закона. Позднее в закон о гражданстве были внесены поправки, но они не изменили недружественную направленность этого акта в отношении бывших российских сограждан. Форум принял также резолюцию о деятельности Международного совета и его региональных ассоциаций, о поддержке образования на русском языке и для русскоязычных людей, об изданиях и телевещании и даже о проведении Собрания старинных дворянских родов русского за-

рубежья (Международный форум...2003). В 2005 г. прошел II конгресс российских соотечественников, но уже без особой эйфории по причине фактического закрытия доступа в Россию иммиграции из стран бывшего СССР.

Новый интерес к теме в 2007 г. был вызван рядом обстоятельств. Прежде всего событием объединения Русской православной церкви за рубежом с Русской православной церковью Московского патриархата и объявлением указом президента Российской Федерации 2007 года как «Года русского языка». В ежегодном послании Федеральному собранию 2007 г. президент В.В. Путин снова обратился к понятию «русский мир» и сказал в этой связи следующее: «Наша страна исторически формировалась как союз многих народов и культур. И основу духовности самого русского народа испокон веков составляла идея общего мира – общего для людей различных национальностей и конфессий. В этом году, объявленном Годом русского языка, есть повод еще раз вспомнить, что русский – это язык исторического братства народов, язык действительно международного общения. Он является не просто хранителем целого пласта поистине мировых достижений, но и живым пространством многомиллионного “русского мира” – который, конечно, значительно шире, чем сама Россия. Поэтому, как общее достояние многих народов, – русский язык никогда не станет языком ненависти или вражды, ксенофобии или изоляционизма» (Послание Президента...2007).

23 июня 2007 г. Указом Президента Российской Федерации был создан фонд «Русский мир» «в целях популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также для поддержки программ изучения русского языка за рубежом». Учредителями фонда стали Министерство иностранных дел и Министерство образования и науки Российской Федерации. Исполнительным директором фонда был назначен В.А. Ни-

конов. А уже в октябре в Брюсселе прошел первый Европейский русский форум на тему «Русскоязычное сообщество Европы и его роль в отношениях ЕС – Россия». По линии научного сообщества Российская академия наук провела международную научную конференцию «Русский язык в странах СНГ и Балтии» (Материалы конференции 2007), а 19 декабря на Общем собрании РАН была обсуждена тема «Русский язык в современном мире». Материалы этих обсуждений были использованы автором при подготовке главы.

* * *

Каковы исторические факторы и динамика русского мира и откуда растут его корни? Разговор о русском мире необходимо начинать с русского народа, который создал самое обширное по территории государство в мире и входит в число десяти самых крупных по численности народов мира. У русского государства много выдающихся достижений, и вклад его в мировую цивилизацию и в мировую культуру более чем примечателен. Далекое не всем государствам и народам удается породить феномен глобального масштаба, который можно было бы назвать «миром», т.е. *трансгосударственным и трансконтинентальным сообществом, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльностью к его культуре*. Такими мирами обладают наряду с Россией только Испания, Франция и Китай. Возможно, Ирландия вместе с Великобританией.

«Мир» или диаспора – это не просто сумма эмигрантов, выехавших с территории исторического государства в разные эпохи и в разные страны. Это близкие, но не совпадающие явления. Ясно, что без массовой эмиграции невозможно возникновение культурно-родственного населения за пределами государства. Но само по себе большое число не гарантирует возникновения за рубежами Родины *родственного внешнего мира*. Эмигрантов может быть очень много, как, например, выехавших из

Индии, внешняя миграция которой самая большая в мире. Но расовая, языковая, кастовая разнородность в момент исхода и быстрая ассимиляция в новых местах в случае с Индией не создали такого феномена, который можно было бы назвать «Индийским миром» наподобие «Мира хуацяо» (выходцы из Китая) или «Русского мира» (выходцы из России).

Почему более корректно говорить, что российский (а не русский) народ породил русский (а не российский) мир, хотя эмиграция из России и те, кто когда-то был частью России, имеют столь же многоэтническую природу, как и собственно российский народ? Потому что, *во-первых*, в диаспоре часто теряется этническая актуальность. Мигранты воспринимаются принимающим обществом как гомогенные (культурно одинаковые) выходцы из определенной страны: с давних пор выходцы из России назывались и до сих пор называются русскими, как прилагательное от названия страны и не более того. Как правило, мигранты сами следуют этому упрощенному восприятию, хотя в ряде ситуаций и по ряду причин они могут отвергать русскость и объявлять, что они евреи, цыгане, чеченцы, черкесы, финно-угры и т.п. Строго говоря, перевод слова «Russian» на русский язык должен быть «россиянин» как переводится название страны «Russian Federation» – «Российская (а не «русская») Федерация». И тогда действительно для внешнего мира мы все – «россияне», а не «русские».

Скажем, для французов или американцев важнее, что кто-то в их стране – выходец из России и он говорит по-русски, а то, что он может быть чувашом или осетином, в дальнем мире уже не имеет такого значения. С этим соглашаются и мигранты, ибо им сложнее объяснять, что в России есть еще чуваша и осетины и еще много разных национальностей. Упрощенное восприятие выходцев из других стран – это общая норма: для россиян также все выходцы из Китая – китайцы, а из Испании – испанцы, а из Великобрита-

нии – англичане. В самой же России этнические различия среди россиян остаются более значимыми («за рубежом мы все русские, а дома уже разные» – одна из распространенных сентенций среди соотечественников). Здесь уже сказывается не только мировая норма, но и отечественная специфика сугубо примордиальной трактовки этничности.

Во-вторых, диаспора становится именно русской диаспорой, а не тривиальной миграцией или совокупностью всех выходцев из страны потому, что она осознает и воспроизводит свое единство во внешнем мире на основе главной культурно-отличительной черты – а именно на основе русского языка. Утратившие эту черту, как правило, теряют свою принадлежность к русскому миру. Литовские татары, иорданские черкесы или косовские адыги не являются частью русского мира, хотя они есть часть исторических российских соотечественников за рубежом и по федеральному закону о государственной поддержке соотечественников, и по программе содействия добровольному переселению соотечественников в Россию имеют право на поддержку государства. Равно как ассимилировавшийся в языковую и в социальную среду других стран потомок русских или евреев, выехавший из России до или вскоре после революции 1917 г., также не является в полном смысле частью русского мира, даже если желание совершить акт благотворительности или заработать легкие деньги в реформируемой России толкало его вспомнить и объявить свою русскость при основании совместной фирмы или при заключении деловых контрактов. Подобное мы наблюдали в большом количестве в начале 1990-х годов. Один из таких потомков, почти не говорящий по-русски, Б. Иордан одно время возглавлял телевизионный канал НТВ и организовал крупный бизнес в России. И таких примеров «возвращения в русскость» после 1991 г. можно привести очень много. Многие из «возвращенцев» действуют не только по сугубо деловым

соображениям, но конструируют в себе также эмоциональные и культурные привязанности.

Важным историческим моментом восстановления связей России с русским зарубежьем и символическим актом хотя бы частичного примирения с прошлым стала целая серия перезахоронений выдающихся деятелей страны, которые прожили и скончались в эмиграции после Гражданской войны. Этот момент, как и акт захоронения останков расстрелянной большевиками царской семьи, имели большое значение для наполнения российского самосознания теми утраченными и трагическими страницами прошлого, без которых память россиян была бы явно неполной и даже ущербной.

Зато бесспорной частью русского мира являются те, кто выехал из страны в разные исторические периоды и сохранил православную веру, знание русского языка, а вместе с ними – в разной степени лояльность и привязанность к России. Русские духоборы в Канаде или липоване в Румынии – давние выходцы из Российской империи – остаются частью русского мира, хотя их среда обитания далеко не способствовала сохранению русской идентичности, а тем более – русского языка. Бывшие жители СССР, выехавшие в страны Европы и Америки в последние два десятилетия и продолжающие играть в известную телевизионную игру КВН («Клуб веселых и находчивых») на русском языке, составляют часть русского мира, даже если по своему этническому происхождению они могут быть не только русскими, но армянами, грузинами, украинцами, а их родственные корни находятся сегодня не только в России, но уже в новых независимых государствах. Формальным гражданством и политической лояльностью они могут больше принадлежать Украине, Грузии или Армении, а в культурно-языковом отношении сохранять сильную ориентацию на Россию и русскую культуру. Это подтверждает не только пример с КВН, но и наблюдаемая мною среди жи-

телей Нью-Йорка (особенно района Брайтон-Бич), Сан-Франциско и Лос-Анджелеса (особенно районы университетских кампусов и IT-компаний) жизнь выходцев из региона бывшего СССР. Их личное общение, источники информации, читаемая литература, бытовые нормы и интересы во многом реализуются через русский язык и вращаются вокруг России как некоего культурно-референтного магнита (самое частое выражение – это «как в России» или «не как в России»).

Именно русский язык и русскоязычная российская/советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир. Связь с Россией в смысле лояльности и привязанности остается важнейшей чертой русского мира, но эта связь может быть изменчивой и иметь противоречивые смыслы и направленности. Здесь главное – это сам факт ощущения связи и демонстрируемое отношение к России, будь это потомки русских эмигрантов, сохраняющие Форт Росс в Калифорнии, или же борцы против «кремлевских режимов», проживающие как политические эмигранты в Лондоне. Таким образом, *русский язык, русскоязычная культура и демонстрируемый интерес к Родине отличают принадлежность к русскому миру.*

Если брать критерий русского языка, тогда о каком множестве можно вести речь сегодня? По данным Летнего лингвистического института и другим источникам, русский язык в начале XXI в. был родным языком для 147–150 млн человек, а еще 113–120 млн владели им как вторым языком. Общая оценка знающих и использующих русский язык составляла 260–280 млн человек (Crystal 2005); в России и Беларуси – 97%, в странах Балтии, Украине – около 80%, в Молдове, Казахстане, Кыргызстане, Грузии и Армении – около 70% населения говорят или могут говорить на русском языке. По степени распространенности (числу носителей языка) русский язык является пятым языком в мире. По ряду причин масштаб его распространения

не увеличивается, а сужается в последние два десятилетия. В 1990-е годы в новом зарубежье закрыто несколько тысяч русских школ, а число обучающихся в русских школах сократилось более чем на 2 млн человек. Тем не менее школьное обучение на русском языке помимо России (97% обучающихся) продолжается в большинстве постсоветских государств: в Беларуси – 75%, Казахстане – 41%, Украине – 25%, Кыргызстане – 23%, Молдове – 21%, Азербайджане – 7%, Грузии – 5%, Армении – 2% учащихся обучаются на русском языке.

География распространения русского языка за пределами России крайне обширна. Помимо новых стран бывшего СССР русскоязычные люди проживают в странах Европы (около 3 млн), в США (примерно 3 млн), Израиле (750 тыс.). По переписи 2000 г. в США для 706 тыс. человек русский язык был первым языком домашнего общения (The U.S. Census Bureau 2003). В 1990-е годы русскоязычное население США увеличилось почти в три раза! Однако было бы ошибкой объявлять всех этих людей русскими. Как же быть в таком случае с русской этничностью, которая является отличительной характеристикой, когда под русским миром имеют в виду прежде всего 25 млн русских в постсоветских государствах и несколько миллионов в дальнем зарубежье?

В более давние (досоветские) времена и в более отдаленных странах выезда россиян этничность трудно определить как главную отличительную черту русского мира. Собственно русские (великороссы) были в явном меньшинстве и остаются таковыми в дальнем русском мире. Так, например, в США только 25% русскоговорящих – это этнические русские. В Европе две трети русскоговорящих – это российские немцы, греки, евреи, армяне, украинцы и другие нерусские мигранты из СССР и постсоветских государств. Например, только из Казахстана и России в 1990-е годы в Германию выехали около миллиона российских немцев, для которых русский язык был

родным языком. В некоторых странах, особенно в европейских, ситуация достаточно неясная. Так, например, в Финляндии 33,4 тыс. русскоговорящих, из них 5 тыс. – это потомки старых эмигрантов, выехавших или оставшихся в Финляндии в момент ее полного отделения от России. Остальные – это постсоветская эмиграция. Кто они: русские, карелы, белорусы? Скорее всего, в большинстве своем это русские люди, ибо Финляндия примыкает к русскому Европейскому Северу. Но так далеко не во всех странах. В других Скандинавских странах, в Великобритании, Франции, Польше, Чехии сегодня проживают десятки и даже сотни тысяч русскоязычных эмигрантов из России, которые представляют самые разные национальности. Достоверной статистики по этому вопросу не существует. Поэтому к *русскому миру можно относить и нерусских, но тех, для кого русский язык является родным или основным языком общения.*

Но как быть с самоотнесением людей к русскому миру? Все ли русские и русскоговорящие могут считаться (в случае, если сами они не считают себя) частью русского мира, скажем, в Латвии и Эстонии, где некоторые из них стояли в 1989 г. вместе с прибалтами в людской цепи с требованием независимости, а в последние годы поддерживали перенос памятника советскому солдату в Таллинне или закрытие русских школ в Риге? Это – трудный вопрос. Русская этническая принадлежность может привязывать таких людей к русскому миру даже против их политико-идеологических и гражданских идентичностей, ибо им не определено достойное место в эстонском и в латвийском сообществах. Для этого необходимо перестать быть русским и стать эстонцем или латышом. Но со временем русская молодежь, выучившая эстонский язык и не забывшая русский, надевшая по своему гражданскому долгу военную форму НАТО, уже едва ли может считаться частью русского мира, как того мира, который интеллектуально конструировали авторы проекта.

Аналогичную тенденцию ухода от русского мира с сохранением русского языка и даже культурного российского наследия как своего рода личного и коллективного капитала отметил в своем очерке об Одессе известный российский философ А.С. Ципко – сам родом из русской Одессы, каковой она была до 1960–1980-х годов прошлого века, но которая ныне, по мнению автора, уходит из русского мира в сторону новой украинской государственности и Запада (Ципко 2007: 9). Эту новую динамику русского мира нельзя не учитывать, чтобы не оказаться в радикальном разладе с нынешними ориентациями тех, кого мы считаем русскими людьми и хотели бы их принадлежности к русскому миру. Таким образом, вопрос о русской этнической принадлежности важен для поздних (советских и постсоветских) волн эмиграции и для новых диаспор без эмиграции, как православие было важно для более ранних (досоветских) волн эмиграции, но даже русская этничность не всегда может быть бесспорным доказательством принадлежности к русскому миру. Для постсоветских эмигрантов и для тех, кто никуда не уезжал, а от кого «мигрировали» границы собственной Родины, доминирующими факторами идентификации с русским миром являются язык, этничность и гуманитарные связи с Россией. Последние гораздо более актуальны в ситуациях дискриминации и попыток принизить статус или унижить русских или «русскоязычных» со стороны «титовых» этнонационалистов стран бывшего СССР. Религия в этом случае играет меньшую, хотя и все возрастающую роль. При всех отмеченных многовариантностях, ситуативности и мифологичности русский мир есть реальность, он проявляет себя в самых разных ипостасях, в большинстве своем значимых для России и ценимых россиянами.

Обратимся к феномену, который я назвал «старым русским миром» и который имеет особое воздействие на российскую идентичность постсоветского време-

ни. Россия за последние полтора века была мощным поставщиком эмиграции, а значит, и потенциальной диаспоры, хотя не все выехавшие из России – это состоявшаяся диаспора или всегда диаспора. В дореформенной России наблюдались интенсивная пространственная колонизация и преимущественно религиозная эмиграция (русские старообрядцы). И хотя переселенцы XVIII – первой половины XIX в. почти все оказались в составе расширяющей свои границы России, часть их поселилась в Добрудже, вошедшей в состав Румынии и Болгарии с 1878 г., и на Буковине, отошедшей с 1774 г. к Австрии. Еще раньше, в 70–80-е годы XVIII в., имел место отток более 200 тыс. крымских татар в пределы Османской империи: в европейской части Турции (Румелии) в начале XIX в. проживали 275 тыс. татар и ногайцев (Брук, Кабузан 1994). В 1771 г. примерно 200 тыс. калмыков ушли в Джунгарию (калмыки – пример множественной диаспорной идентичности: для многих из них родина – это каждая предыдущая страна исхода или несколько стран сразу в зависимости от ситуации и личностного или группового выбора (Guchinova, Lewis 2006).

В пореформенные десятилетия XIX в. пространственные движения населения значительно увеличились. Свыше 500 тыс. выехали в 1860–1880-е годы (в основном поляки, евреи, немцы) в соседние государства Европы и небольшая часть – в страны Америки. Но особенность этой волны эмиграции в том, что она не привела к образованию устойчивой российской диаспоры, еще раз подтверждая тезис, что не каждое переселение на новое место ведет к образованию диаспоры. А причина здесь в том, что по своему этническому, религиозному составу и социальному статусу эта эмиграция уже была диаспорой в стране исхода, а более позднее появление «настоящей исторической родины» (Польши, Германии и Израиля) исключило возможность выстраивания диаспорной идентичности с Россией. Потомки таких первых переселенцев из

Российской империи, которых мне приходилось встречать и интервьюировать, проживают во многих странах мира. Но свои корни или диаспорную идентичность они связывают с Польшей, Израилем, а сейчас – странами Балтии, Украиной или Белоруссией, или вообще не имеют никаких диаспорных идентичностей. Другими причинами того, что ранняя эмиграция из России не стала базой для образования диаспоры, могли быть сам характер миграции и историческая ситуация в принимающей стране. Это была неидеологическая (трудовая) эмиграция, поглощенная сугубо хозяйственной деятельностью и экономическим выживанием. В ее среде еще было недостаточно представителей интеллектуальной элиты и этнических активистов, которые взяли бы на себя труд политического производства диаспорной идентичности. *Без интеллектуалов как производителей субъективных представлений нет диаспоры, а есть просто мигрантское население.* Возможно, свою роль сыграл также антимонархический содержательный момент ранних российских эмиграций, но этот аспект следует специально изучать. Скорее, это был второстепенный момент для большинства неграмотного населения, вовлеченного в переезд.

В последние два десятилетия XIX в. эмиграция из России резко возросла. Уехали примерно 1,1 млн человек, в основном в США и Канаду. Особую группу составили «мухаджиры» – жители преимущественно западной части Северного Кавказа, покинувшие территории своего проживания в ходе Кавказской войны. Они переселились в разные регионы Османской империи, но больше всего – на Среднем Востоке. Современная численность потомков этих эмигрантов, по разным источникам, составляет до 3 млн человек только в одной Турции (Language, Culture and Curriculum 1995). Именно они составили основу для черкесской диаспоры, которая в момент происхождения не была российской, а стала таковой уже после включения Северного Кавказа в состав

России. Есть основания полагать, что в ряде стран эта часть переселенцев осознавала и вела себя как диаспора: действовали ассоциации, политические объединения, существовали печатные органы и солидарные связи, предпринимались направленные меры по сохранению культуры и языка (Адыгская (Черкесская) энциклопедия 2006).

Однако вклад страны-донора в сохранение диаспоры, помимо первичного выброса населения, был минимальным, особенно в советский период. Не только осуществлять связи, но даже писать о мухаджирах в советских научных трудах было почти невозможно. Родина надолго, а для многих и навсегда исчезла из идеологического комплекса диаспоры. Кавказ был где-то там, за «железным занавесом», и питал диаспору слабо. Единственное обратное воздействие происходило через идеологическую и политическую миссию борьбы с СССР и коммунизмом, но этим занимались только единицы, как, например, Абдурахман Автурханов – чеченский политолог и публицист, проживавший в ФРГ. Его представление о родине было столь смутным, что описание Автурхановым истории депортаций чеченцев и ингушей строилось на убеждении, что вайнахский народ исчез в горниле сталинских репрессий. Отсюда и родилась метафора «народоубийства».

По причине исторической давности и изоляции от родины черкесская диаспора или таяла, или оставалась обычным иммигрантским населением, подвергавшимся местной интеграции и ассимиляции. Ее актуализация произошла в самые последние годы именно под воздействием родины, когда в СССР, а затем в России и других постсоветских государствах осуществлялись глубокие и драматические трансформации. Новая родина вспомнила о диаспоре раньше, чем сам диаспорный материал, ибо последний был нужен для целого ряда новых коллективных, групповых стратегий. *Во-первых*, наличие соотечественников (соплеменников) за рубежом

помогало советским людям осваивать внезапно открывшийся для них внешний мир. *Во-вторых*, новые формы деятельности, например, предпринимательство, породили надежды на «богатую диаспору», члены которой могут помочь в серьезном бизнесе или хотя бы в организации шоп-туров в Турцию, Иорданию, США и другие страны. *В-третьих*, мифические миллионы эмигрантов, якобы готовых вернуться на свою историческую родину, могли поправить демографический баланс и пополнить ресурсы для тех, кто, пребывая в меньшинстве, задумал образовать «свое» государство в ходе «парада суверенитетов».

Первыми предприняли усилия добавить к своей численности зарубежных соплеменников абхазы. За ними последовали казахи, чеченцы, адыгейцы и некоторые другие группы. Например, война в бывшей Югославии возродила образ российской Адыгеи как родины для тех косовских адыгов, которые не смогли остаться в Косово или эмигрировать в более благополучные страны. В Республике Адыгея был принят специальный закон о репатриации адыгов, но его результатом было переселение всего двух десятков семей косовских адыгов. Случай черкесской диаспоры, скорее, свидетельствует о том, что *давние миграции и изоляция от родины редко создают устойчивые и полнокровные диаспоры, как бы на этот счет ни фантазировали энтузиасты «зарубежья» в самой стране исхода.*

Возможно, аналогичная ситуация сложилась бы и с преимущественно восточнославянской эмиграцией из России конца прошлого века, если бы не происходила ее мощная подпитка в последующее время. В первые два десятилетия XX в. эмиграция из страны еще более усилилась. До Первой мировой войны Россию покинули еще около 2,5 млн человек, переселившихся в основном в страны Нового Света. Всего примерно за 100 лет с начала массовых внешних миграций до 1917 г. из Российской империи выехали 4,5 млн человек.

Можно ли считать всех выходцев (точнее – их потомков) из дореволюционной России диаспорой или частью русского мира? Наш ответ: конечно, нет.

Во-первых, территориально большинство эмигрантов того периода поставляли Польша, Финляндия, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина (Волынь). Тем самым Россия создавала диаспорный материал в значительной мере для других стран, которые исторически возникли в последующие периоды. Хотя многие из эмигрантов культурно были сильно русифицированы и даже считали родным языком русский, едва ли можно соратника Адольфа Гитлера Альфреда Розенберга, который был выходцем из Литвы и лучше говорил по-русски, чем по-немецки, считать представителем русской эмиграции. Между тем политические спекуляции историков позволяют создавать подобные конструкции. Так, в книге американского историка Уолтера Лакера (Лакер 1994) именно пример с гитлеровскими соратниками из российской Прибалтики был положен в основу конструкции происхождения фашизма в России. При этом выражение «российские корни фашизма» (Russian Roots of Fascism) в неточном (но часто встречающемся) обратном переводе (как «русские») оказалось откровенно провокационным.

Во-вторых, этнический состав этой эмиграции также повлиял на судьбу последней в плане ее возможности стать российской диаспорой и именно в этом качестве интерпретироваться историками. В числе дореволюционных российских иммигрантов в США (общая численность 3,3 млн человек) 41,5% были евреи. Среди 1,6 млн иммигрантов в первое десятилетие XX в. евреи составляли 44%, поляки – 27%, литовцы – 9%, финны – 8%, немцы – 6%, русские – 5% (Davis 1922: 8; Патканов 1911: 26,58; Нитобург 2002). Погромы и сильная дискриминация евреев в России, а также нищета обусловили у них глубокий и длительно сохраняющийся, отчасти до сих пор, отрицательный образ родины.

Успешная интеграция этой части эмигрантов в американское общество (не без проблем и дискриминации вплоть до середины XX в.) также обусловила быстрое забывание «русскости», а тем более «русскости». Встреченные мной в США, Канаде и Мексике многие потомки этой части эмиграции (несколько десятков только одних коллег-обществоведов!) почти никак не сохранили и не ощущали сопричастность к России. А значит, они не являются ее диаспорой.

Из 4,5 млн эмигрантов из дореволюционной России только около 500 тыс. считались «русскими», но на самом деле и среди них были также украинцы, белорусы, часть евреев. Перепись США 1920 г. зафиксировала 392 тыс. «русских» и 56 тыс. «украинцев», хотя это были явно завышенные цифры, так как среди них были представители других этнических групп, особенно евреев. Статья «Русские» в Гарвардской энциклопедии этнических групп в США предупреждает, что под этой категорией в американских переписях 1910, 1920, 1930 гг. значатся не только великоросы, украинцы и белорусы, но и считавшие родным языком русские евреи, прибалты и карпаторусы из Галиции (The Harvard Encyclopedia 1981: 885). В Канаде перепись 1921 г. также зафиксировала почти 100 тыс. «русских», однако на самом деле в эту категорию оказались включены почти все восточные славяне и евреи, выехавшие из России. Таким образом, всего за годы дореволюционной эмиграции Россия поставила 4,5 млн человек в качестве диаспорного материала для разных стран, из которых только не более 500 тыс. были русские, украинцы и белорусы. Кто из многочисленных потомков этих людей ощущает сегодня свою связь с Россией, сказать трудно, но это малая часть.

* * *

Исторический отчет традиционной для современности российской диаспоры начинается с миграционными процессами после 1917 г. В 1918–1922 годах большого

размаха достигла политическая эмиграция тех групп населения, которые не приняли советскую власть или потерпели поражение в Гражданской войне. Размер так называемой белой эмиграции определить трудно (примерно 1,5–2 млн человек), но ясно одно: впервые подавляющее большинство эмигрантов составили этнические русские. Именно об этой категории населения можно говорить не только как о диаспорном человеческом материале, но и как о манифестной (в смысле жизненного поведения) диаспоре с момента возникновения этой волны мигрантов. *Именно эта миграция ознаменовала рождение русско-го мира.* Объясняется это рядом обстоятельств, подтверждающих тезис, что диаспора – это явление прежде всего политическое, а миграция – социальное. Элитный характер мигрантов, а значит, более обостренное чувство утраты родины (и имущества), в отличие от трудовых мигрантов «в овечьих тулупах» (известное прозвище славян-иммигрантов в Канаде), обусловили гораздо более устойчивое и эмоционально окрашенное отношение к России. Эта эмиграция вобрала в себя все данные выше характеристики диаспоры, в том числе и производство параллельного культурного потока, который ныне частично возвратился в Россию. Именно эта эмиграция не имела и не имеет никакой другой конкурирующей первородины, кроме России во всех ее территориальных конфигурациях XX в. Именно к этой эмиграции в последние два десятилетия оказались больше всего направлены симпатии и политический интерес страны исхода.

Ностальгией оказалась охвачена не столько диаспора, сколько ее современные отечественные потребители, желавшие увидеть в ней некую утраченную норму, начиная от манер поведения и заканчивая якобы сохраненным «чистым русским языком». Русская (российская) диаспора как бы родилась заново, обласканная вниманием и извиняющей щедростью современников на исторической родине. На наших глазах историки сконструировали миф о золо-

том веке русской эмиграции, с которым еще придется разбираться с помощью новых более спокойных прочтений.

Было бы несправедливо забыть то обстоятельство, что «белая эмиграция» существовала и сохранилась не просто в силу своего элитно-драматического характера, но и потому, что продолжала получать пополнение в последующие исторические периоды. Во время Второй мировой войны из почти 9 млн пленных и вывезенных на работы к 1953 г. в СССР вернулись около 5,5 млн человек. Многие были убиты или умерли от ран и болезней. Однако не менее 300 тыс. так называемых перемещенных лиц остались в Европе или уехали в США и другие страны. Не только культурная близость со старой эмиграцией, но и идеологическое сходство в отторжении СССР позволили более интенсивное смешение этих двух потоков (в сравнении с ситуацией враждующей диаспоры), а значит, и поддержание языка и даже мизерных связей с родиной уже в эпоху Хрущева. Мой американский информант Семен Климонсон, молодым человеком вывезенный немцами из Белоруссии, остался после войны на Западе, женился на Валентине – дочке белого эмигранта (родственника генерала Краснова и теософки Блаватской). Валентина Владимировна во время нашей последней встречи в их доме в Вирджинии летом 1998 г. призналась, что со своим французским образованием чувствует себя больше француженкой (выросла во Франции), но остается русской и сохраняет язык «только из-за Семена, который так и остался русским».

Еще более идеологической была небольшая, но политически громкая эмиграция из СССР в 1960–1980-е годы в Израиль, США, затем в Германию и Грецию. В 1951–1991 годах из страны выехали около 1,8 млн человек (максимально в 1990–1991 гг. – по 400 тыс.), из них почти 1 млн евреев (две трети – в Израиль и треть – в США), 550 тыс. немцев и по 100 тыс. армян и греков. Эмиграция продолжалась и в последующие годы, но несколько мень-

шими темпами. Место эмиграции заняли туристические визиты, обучение в университетах и временное проживание, в том числе на собственной жилплощади где-нибудь в Лондоне или Париже. Последняя волна российской эмиграции на Запад представляет собой самую мозаичную по составу диаспору, разнообразную по устремлениям и с конгломератной идентичностью. О ней речь пойдет ниже.

Таким образом, выходцы из России не только сформировали российскую диаспору, но и создали основные этнические общности в двух странах (США и Израиль), которые сегодня входят в так называемое основное население. Еврейская миграция во все эпохи составляла существенную часть мигрантов из России, а в конце XX в. это было большинство всех уехавших из СССР и Российской Федерации. Формально российские евреи и немцы совершали акт воссоединения или возвращения на историческую Родину, но по сути это был отъезд из страны русских по культуре людей. Они уезжали по разным причинам – экономическим, идеологическим, профессиональным, гуманитарным. Давние эмигранты-евреи успешно адаптировались в новых обществах, многие потеряли язык и какую-либо связь с Россией, в том числе и эмоциональную. Потомки первого премьер-министра, выходца из Киева, Голды Меир в Израиле едва ли могут быть отнесены к представителям русского мира, как и десятки встреченных мною американских профессоров русско-еврейского происхождения, дедушки и бабушки которых приехали из России.

Но далеко не все евреи «воссоединились» или «вернулись» и тем более далеко не все евреи отвергли Россию. Перестройка и открытие страны позволили не отвергать страну исхода. Отныне не обязательно было стараться освоить иврит и забыть русский, а также прекратить все контакты с родственниками и друзьями в России. Отныне можно было сохранить квартиру и даже работу, а недавно выехавшие в Изра-

иль евреи ныне контролируют значительную часть деловых связей между двумя странами. Здесь сохраняется мощное русскоязычное информационное поле. Русскоязычные культура, наука, пресса и телевидение сегодня в Израиле превосходят по своей роли арабский компонент и сразу же следуют за официальной ивритоязычной сферой коммуникации (Еленевская, Фиалкова 2005). Похожая ситуация, но с гораздо большей степенью аккультурации в пользу доминирующей американской культуры складывается среди новейшей еврейской эмиграции из России в США. Эту часть мирового еврейства также можно условно относить к русскому миру, особенно если эту принадлежность не понимать как эксклюзивную. Современный человек может пребывать сразу в нескольких культурах и принадлежать нескольким культурно-цивилизационным сообществам. Поэтому во многих случаях было бы неверно проводить этническую различительную линию между зарубежными соотечественниками-эмигрантами из России.

В какой-то мере вопрос о трудных случаях принадлежности к русскому миру касается также российских немцев. Один миллион выехавших за последние двадцать лет из России и Казахстана на историческую родину во многом продолжает принадлежать к русскому миру. Русскими считают их местные немцы, да и они сами. Может быть, только дети, научившиеся говорить без акцента на немецком языке и забыв русский язык, перестанут соотносить себя с Россией и отойдут тем самым от русского мира. Неоднозначных и подвижных ситуаций можно было бы привести много, что говорит о том, что *русский мир – это не просто статистическое множество лиц – мигрантов из России. Это – одна из форм культурного поведения и идентичности.*

Если из общего числа исторических выходцев из России и их потомков исключить тех, кто полностью ассимилировался и не владеет языком предков, кто считает себя французом, аргентинцем, мексикан-

цем или иорданцем и никакого чувства связи с Россией не испытывает, тогда все равно число «соотечественников за рубежом» остается не только большим, но и трудноопределимым по неким «объективным» характеристикам. Тем более, если эти характеристики относятся к сфере самосознания и эмоционального выбора, что тоже следует считать объективными факторами. Нынешняя сложность с определением диаспоральной принадлежности состоит в привычной опоре на акт миграции человека или его предков из одной страны в другую и на сохраняющуюся связь с исторической родиной. Однако не все так просто даже в случае традиционной диаспоры. Объясню эту теоретико-методологическую трудность с определением личностной принадлежности к диаспоре на одном примере. Я был знаком с ныне покойным Джорджем Игнатьевым – известным канадским дипломатом и ректором колледжа Святой Троицы при Торонтском университете. Он ощущал себя не просто канадцем, а именно «русским канадцем» (так его воспринимал и Н.С. Хрущев при встрече в ООН и во время приезда Игнатьева в СССР в 1955 г. в составе официальной канадской делегации). Граф Игнатьев, безусловно, мог считаться представителем российской диаспоры. Спустя почти 20 лет я встретился с его сыном Майклом Игнатьевым – известным английским журналистом и писателем, который с юности жил в Великобритании, не знает ни слова по-русски и, скорее, считал себя представителем канадской диаспоры в Англии («Для меня быть канадцем, – говорил он, – просто одна из тех привилегий, которые я получил по праву рождения»). Объективистская категоризация молодого Игнатьева в числе представителей российской диаспоры была бы явной узурпацией по отношению к его самосознанию и жизненному поведению. В 1987 г. М. Игнатьев написал чудесную книгу «Русский альбом. Семейная сага о революции, гражданской войне и изгнании» (Игнатьев 1996). Это было путеше-

ствие автора в детство, к которому он уже больше не возвращался, и обращение к семейным реликвиям.

Для российского читателя книга – это своего рода историко- культурный документ, порожденный представителем русской диаспоры, и подобное восприятие трудно подвергнуть сомнению, даже если сам М. Игнатъев с этим может не согласиться. Однако во время моей встречи с ним в его квартире в старом Лондоне в январе 1997 г. он не смотрелся как представитель русской диаспоры в отличие от отца, которого я наблюдал в Торонто. Хотя и об отце Майкл написал достаточно интересные слова: «Вместе с тем он всегда держался особняком от русской эмиграции, ее фракционных интриг и допотопной политики. В детстве он казался мне скорее канадцем, чем русским. До сего дня он остается более патриотичным и сентиментальным канадцем, чем я сам. Для него Канада стала страной, давшей ему новую жизнь» (Там же). Мне же М. Игнатъев сказал, что прежде всего он – англичанин, ибо его мать была англичанкой. Однако в 2006 г., когда он решил баллотироваться на место премьер-министра Канады от Либеральной партии, его *канадскость* была им объявлена единственной и бесспорной идентичностью. Кто, когда и где из двух Игнатъевых был в диаспоре и кто из них принадлежал к русскому миру? Строго ответа на эти вопросы дать невозможно. *Дрейф идентичности на уровне отдельной личности и даже группы может быть ситуативным и в любом случае динамичным. Это в полной мере относится и к русскому миру. Здесь очень многое зависит от инструменталистских (личностных) расчетов, а также от экономических и политических воздействий таких важных акторов, как страна исхода и страна пребывания.*

* * *

А теперь о современном дальнем русском мире. Распад СССР не привел к массовой эмиграции из России в более обу-

строенные страны Запада. Тем не менее этот отъезд после 1991 г. был достаточно масштабным, особенно в первой половине 1990-х годов. Всего, по российским данным, за период с 1989 по 1999 г. из России в страны дальнего зарубежья выехали на постоянное местожительство 1046 тыс. человек, а основные направления эмиграции (97% всех выехавших) – это США, Канада, Израиль, Германия, Финляндия (Demoscope Weekly 2007). К этой же части эмиграции можно отнести достаточно многочисленные русские общины, которые образовали в 1990-е годы выходцы из России и других стран бывшего СССР в странах Восточной Европы (Чехия, Польша).

Русские в Америке – это самая мощная и во всех отношениях (экономическом, политическом и культурном) самая значимая для России диаспора или часть русского мира. Демографически *русские американцы* (т.е. русскоязычные выходцы с территории бывшего СССР) составляют около 10% всех нынешних мигрантов в США со средним возрастом 32,5 года¹, и это молодая и динамичная часть населения. Основные районы проживания – район большого Нью-Йорка (24% всех мигрантов), Калифорния (16%), Иллинойс (16%), Пенсильвания (10%), Массачусетс (8%), Флорида (7%). Это наиболее успешное в смысле жизненного преуспевания сообщество среди всех других зарубежных русских сообществ и по сравнению с другими этническими общинами США. Средний доход семей русских американцев составляет 50,5 тыс. долл. США в год, 53% имеют степень бакалавра, т.е. высшее образование, 57% живут в собственных домах (41% для других этнических групп), 67,5% работают в сфере управления, являются профессионально-техническим персоналом, заняты другим квалифицированным трудом (45,6% среди других этнических групп). В последние годы в США родился многочисленный частный бизнес,

¹ Данные по Интернет-сайтам на тему «Русские в Америке».

принадлежащий «русским американцам»: в Денвере – 300 фирм и других предприятий, в районе Сан-Франциско – 700. В 1999–2000 годах сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Г.А. Комарова провела исследование среди русских жителей Большого Бостона, общая численность которых в 2000 г. составляла около 20 тыс. человек. Один из ее выводов состоит в том, что русскоязычная община в этом городском конгломерате сохраняет и воспроизводит себя, включая специфические ниши трудовой занятости и коммуникации, благодаря прежде всего русскому языку, а утрата языка и идентичности не касается новой иммиграции (Комарова 2002).

В целом проблема современной русскоязычной диаспоры в дальнем зарубежье (главным образом в странах Европы и Северной Америки) представляет несомненный интерес своей постоянно меняющейся социально-культурной динамикой и политическими ориентациями. На сегодняшний день русский язык – это язык домашнего общения и коммуникации для нескольких миллионов выходцев из бывшего СССР, которые ныне проживают, и большинство из них останется проживать, постоянно на Западе. Русским языком пользуются и на работе те, кто связан с Россией деловыми интересами, или в тех коллективах, где большая концентрация русскоязычных. Этничность, язык, гражданская идентичность и профессиональные интересы здесь часто находятся в сложном конгломерате («конгломератная идентичность»). *Конец холодной войны и новый облик России разгрузили русский язык и русскую культуру от многих негативных коннотаций и эмоций, хотя этот процесс сильно тормозится некоторыми проявлениями современной российской политики и сохраняющимся в западном обществе взглядом на Россию как на главного врага демократии и стабильности.* При всей противоречивости и изменчивости политической ситуации *дальний русский мир не будет сужаться, в отличие*

от ближнего русского мира, о котором речь пойдет ниже. Постоянная демографическая подпитка, демократические гарантии в пользу этнокультурного многообразия в западных странах, высокий социально-культурный статус носителей русскоязычной культуры будут сохранять русский мир в странах Запада.

* * *

Что случилось с «новым русским миром», который возник после 1991 г.? Распад СССР дал нетитульному населению (главным образом русским и русскоязычным людям) *три варианта жизненной стратегии: ассимиляция в титульную культуру и язык, отъезд в Россию и отстаивание равного статуса в новом обществе.* Большинство специалистов и политиков рассматривали только первые два варианта – самые неестественные с точки зрения рациональных человеческих выборов и самые труднореализуемые. Как и в начале 1990-х годов, моя позиция сохраняется в пользу равностатусности и двухобщинности ряда новых независимых государств и в пользу гарантированных культурно-языковых прав национальных меньшинств из числа российских соотечественников в тех государствах, где равностатусность практически невозможна. При этом мною разделяется вопрос о статусе нетитульного населения или национальных меньшинств и вопрос о статусе русского языка, который касается обеспечения языковых прав значительной части основного (титульного) населения ряда государств.

События последних двадцати лет существенно изменили положение русских и ситуацию с русским языком в новых независимых государствах. Это неизбежно внесло некоторые коррективы и в мою научную позицию, особенно в оценке возможностей российской политики и исторической перспективы для ближнего русского мира. Еще недавно мне представлялось, что ассимиляция русских в новых странах невозможна при наличии русского

этнического ядра по соседству в России и мирового статуса русского языка как языка модернизации и жизненного преуспевания для многих жителей новых независимых государств (ННГ). Некоторые из моих оценок нашли подтверждение, а некоторые – нет. В частности, ассимиляция русских, в том числе языковая, оказалась возможной, хотя и в незначительном масштабе. *Но главным культурным процессом после образования новых государств стала дерусификация титульного населения, в том числе переход от русского языка в пользу титульных (национальных, государственных) языков. Это своего рода процесс языкового «усыхания» русского мира.* Повторится ли в пространстве бывшего СССР феномен сохраняющегося франкофонного или англофонного мира после ухода Франции и Англии из своих колоний? Или же будет вариант постимперской ситуации, характерный для региона бывшей Австро-Венгрии и Османской империи, когда ни австрийский, ни венгерский, ни турецкий языки не стали язы-

ками типа *лингва франка*, а новые национальные культуры почти ничего не оставили в своем багаже от прошлой имперской государственности?

Как и в случае с дальними и старыми мирами, я называю «новым русским миром» не географическое пространство, а воображаемое (конструируемое) социокультурное сообщество, состоящее не только из этнических русских. К русскому миру по языку и демонстрируемой связи с Россией относятся представители других этнических общностей, включая даже часть представителей титульных национальностей, многие из которых никакого другого языка, кроме русского, не знают, и которые продолжают связывать свою судьбу с Россией. К русскому миру относятся не только русские духовоборы, проживающие в Богдановском районе Грузии, но и те карабахские армяне, которые не знают армянского языка. К русскому миру относится значительная часть русскоговорящих белорусов, украинцев, казахов, киргизов, узбеков, православных и русско-

Таблица 1

Численность русских в странах СНГ и Балтии, 1999–2004 годы

Страна	1989 г., тыс. человек	Постсоветский учет, тыс. человек		Убыль, %
Россия	119 865,9	115 868,5	2002 г.	–3,3
Украина	11 356	8334,0	2001 г.	–26,6
Казахстан	6228	4479,6	1999 г.	–28,1
Узбекистан	1653	1362,0	оценка	–17,6
Беларусь	1342	1141,7	1999 г.	–14,9
Латвия	906	703,2	2000 г.	–22,4
Кыргызстан	917	603,2	1999 г.	–34,2
Эстония	475	351,2	2000 г.	–26,1
Литва	344	219,8	2000 г.	–36,1
Молдова	562	198,1	2004 г.	–64,8
Туркменистан	334	156,8	оценка	–53,1
Азербайджан	392	141,7	1999 г.	–63,9
Таджикистан	388	68,2	2000 г.	–82,4
Грузия	341	67,7	2002 г.	–80,1
Армения	52	15,0	2001 г.	–71,2
Всего	145 155,9	133 710,7		–7,9
Без РФ	25 290,0	17 842,2		–29,4

говорящих гагаузов в Молдове, русскоговорящих татар Литвы, «сибирских» латышей, среднеазиатских корейцев и некоторые другие группы. Но демографическую и социокультурную основу нового (ближнего) русского мира составляют этнические русские. Причем в гораздо большей степени, чем в дальнем русском мире, где все русскоговорящие просто считаются «русскими».

Приведем данные о демографической основе нового русского мира, т.е. о численности этнических русских в странах СНГ и Балтии в сравнении с советской переписью населения 1989 г. (см. табл.1). Изменения за 13 лет между переписями говорят о многом.

Мы видим, что общее число русских ближнего русского мира сократилось после 1989 г. почти на 7,5 млн человек (30%), хотя в Россию их переехало примерно 2,5–3,5 млн и около 0,5 млн эмигрировали в дальние страны (Тишков 2000). Куда делись не менее 3,5 млн русских людей, прежде всего в Украине (откуда уехали в Россию около 0,5 млн, а число русских сократилось на 3 млн!) и в Казахстане (откуда уехали около 1 млн, а число русских сократилось на 2 млн!). Если интерпретировать данные переписей только как данные о механическом движении населения (рождаемость, смертность, миграции), тогда в Украине в 1990-е годы произошло что-то наподобие «голодомора» русских, унесшего не менее 2,5 млн, ибо из 3 млн исчезнувших только 0,5 млн можно отнести на естественную убыль населения, которая у русских была примерно такой же, как и у украинцев.

Однако дело обстояло не так. Никто в 1990-е годы в Украине от голода не умирал. Сокращение количества русских произошло прежде всего в результате смены идентичности гражданами (главным образом людьми смешанного происхождения или из смешанных семей) с русской на украинскую. Это не была ассимиляция в ее классическом виде, ибо записавшиеся украинцами сочли это более комфортным и поли-

тически выгодным в независимой Украине, при этом не теряя знания русского языка и оставаясь людьми смешанной или двойной идентичности. Аналогичная массовая перепись, но только из украинцев в русские произошла на Украине между переписями 1926 и 1937 гг., дав политически ангажированным историкам аргумент добавить несколько миллионов украинцев в жертвы голода 1932 г. (Тишков 2007). Специалисты-демографы называли также и другие факторы и механизмы, которые занижали численность русских и русскоязычных в ходе последней переписи населения, в частности на территории Крыма.

В Казахстане на сокращение численности русских смена идентичности не могла оказать такого воздействия, ибо русскому записаться казахом гораздо труднее по ряду обстоятельств – не та степень этноязыковой, религиозной и даже фенотипической близости. Но в Казахстане перепись проходила в 1999 г. в разгар казахского национализма и ожидания получения решающего демографического большинства казахами, которые уже имели подавляющее большинство в структурах власти и в других общественных сферах, кроме промышленного производства. По свидетельствам очевидцев, перепись населения проводилась при слабом энтузиазме переписчиков и населения в крупных городах страны, что привело к недоучету прежде всего русского населения, среди которого больше горожан, чем среди казахов. Однако массовый отъезд русских прекратился, и экономическое состояние страны внушает большие надежды. Русские пытаются закрепить свои права и свой статус, но их уже фактически нет, хотя самая большая ирония в том, что в парламенте президент Назарбаев выступает по важнейшим вопросам на русском языке, на нем же ведется дискуссия. В некоторых постсоветских государствах русскому языку придумали неопределенный статус «языка межнационального общения». Вопрос о русском языке обрел в Казахстане большое гуманитарное и политическое значение.

Литература

- Адыгская (Черкесская) энциклопедия 2006 – Адыгская (Черкесская) энциклопедия / Ред. М.А. Кумахов. М., 2006.
- Брук, Кабузан 1994 – Брук С.И., Кабузан В.М. Миграции населения. Российское зарубежье // Народы России: Энциклопедия / Ред. В.А. Тишков. М., 1994.
- Градировский, Межуев 2006 – Русский мир как объект геокультурного проектирования. Сергей Градировский и Борис Межуев // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. — 21.08.2006. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/64>
- Еленевская, Фиалкова 2005 – Еленевская М., Фиалкова Л. Русская улица в еврейской стране: Новые эмигранты в Израиле: В 2 ч. М., 2005.
- Игнатъев 1996 – Игнатъев М. Русский альбом. Семейная хроника. СПб., 1996.
- Из деловой переписки...1995 – Из деловой переписки Г. Павловского и С. Чернышева // К возобновлению Русского. М., 1995.
- Комарова 2002 – Комарова Г.А. Русский Бостон. М., 2002.
- Круминг-Сухарев Б. Миссия Русского Мира // http://www.archipelag.ru/ru_mir.
- Лакер 1994 – Лакер У. Черная сотня: Происхождение фашизма в России. М., 1994.
- Материалы конференции 2007 – Материалы конференции «Русский язык в странах СНГ и Балтии. Международная научная конференция» / Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. М., 2007.
- Международный форум...2003 – Международный форум «Зарубежная диаспора – интеллектуальный ресурс России». Информационный бюллетень. М., 2003.
- Нитобург 2002 – Нитобург Э.Л. Русские трудовые иммигранты в США (конец XIX в. – 1917 г.): адаптация и судьбы // Отечественная история. 2002. № 5.
- Русское зарубежье 2003 – Русское зарубежье – духовный и культурный феномен. Материалы международной научной конференции. В 2 ч. М., 2003.
- Патканов 1911 – Патканов С.К. Итоги статистики иммиграции в Соединенные Штаты Северной Америки из России за десятилетие 1900–1909. СПб., 1911.
- Пивовар 2010 – Пивовар Е.И. Постсоветское пространство. Альтернативы интеграции. 2-е изд. М., 2010.
- Попов 2001 – Попов А.В. Русское зарубежье в Интернете // История белой Сибири. Тезисы IV научной конференции. Кемерово, 2001. С. 251–257.
- Савоскул 2001 – Савоскул С.С. Русские нового зарубежья. М., 2001.
- Тишков 1993а – Тишков В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 52. М.: ИЭА РАН, 1993.
- Тишков 1993б – Тишков В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 51. М.: ИЭА РАН, 1993.
- Тишков 2000 – Тишков В.А., Зайончковская Ж.А., Витковская Г.С. Миграции в странах бывшего СССР. М., 2000.
- Тишков 2003 – Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Тишков 2004 – Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2004.
- Тишков 2007 – Тишков В.А. Демографические голодоморы // Родина. 2007. № 7.
- Островский, Щедровицкий 2006 – Россия: страна, которой не было. Ефим Островский и Пётр Щедровицкий // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий / <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/46>.
- Полоскова 2002 – Полоскова Т.В. Современные диаспоры: Внутриполитические и международные аспекты. М., 2002.
- Полоскова, Скринник 2003 – Полоскова Т., Скринник В. Русский мир: Мифы и реалии. М., 2003.
- Послание Президента... 2007 – Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации. 2007. 27 апреля.
- Ципко 2007 – Ципко А. Интересная чудачка. Одесса как зеркало нынешней колонизации русского мира // Российская газета. 2007. 29 сентября.
- Щедровицкий 2006 – Кто и что стоит за доктриной Русского Мира. Интервью Петра Щедровицкого // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. <https://gtmarket.ru/library/articles/2510>.
- Crystal 2005 – Crystal D. The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge, 1987.
- Ethnologue 2005 – Ethnologue: Languages of the World (15th ed.) / Ed. R.G. Gordon. 2005. SIL International //

- http://www.ethnologue.com/show_language.asp?code=rus.
- Davis 1922 – Davis J. The Russian Immigrant. N.Y., 1922.
- Demoscope Weekly 2007 – Demoscope Weekly. 2007. 16–31 December.
- Guchinova, Lewis 2006 – Guchinova E.-B., Lewis D. The Kalmyks. L., 2006.
- Laitin 1998 – Laitin D. Identity in Formation. The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad. Ithaca; London, 1998.
- Language, Culture and Curriculum 1995 – Language, Culture and Curriculum. 1995. Vol. 8. № 2.
- Kolstoe 1995 – Kolstoe P. Russians in the Former Soviet Republics. L., 1995.
- The U.S. Census Bureau 2003 – The U.S. Census Bureau, Census 2000, Summary File 3, Table PCT 10. Internet release data: February 25, 2003.
- The Harvard Encyclopedia 1981 – The Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups. Cambridge, Mass. 1981.

Глава 2

«Русский вопрос» в этнополитическом контексте¹

Концептуализация «русского вопроса»

Пресловутый «русский вопрос» составляет важную часть политического сознания российской интеллигенции на протяжении уже, как минимум, целого столетия. А в XIX в. видные историки, философы, публицисты очень много писали о месте России в тогдашнем мире, о российской специфике, путях развития России.

Можно, конечно, иронизировать насчет нашей, наверное, национальной особенности – всюду создавать какие-то «вопросы», а потом мучительно искать ответы на них. Зачастую – в беспощадных дискуссиях и не интересуясь тем, что на этот счет думают сами «простые русские». Рискну предположить, что эти «простые русские» в своем большинстве не подозревают, что они являются объектом глубокомысленных «дискурсов» об их особой судьбе и особых проблемах в России. И слава Богу, что не знают!

В сегодняшнем российском политическом «истэблিশменте» «русский вопрос» повернут вовне – на куски русского народа, во-первых, в странах «ближнего зарубежья», а, во-вторых, в странах «дальнего зарубежья». В первом случае речь идет о защите гражданских, языковых, образовательных, культурных (в том числе религиозных) прав в «постсоветских государствах», в которых возникают проблемы на этой почве – в государствах Прибалтики, на Украине; о Средней Азии и Казахстане практически ничего не говорится – видимо, по геополитическим соображениям (о Туркмении, в которой осталась лишь одна русская школа, – вообще ничего). Есть еще программа реэмиграции русских в

пределы Российской Федерации, но она действует не очень эффективно в силу нерешенности социально-экономических (в том числе жилищных и инфраструктурных) проблем коренного русского населения в провинции – а фактически сразу за пределами московской МКАД. Во втором случае речь идет о поддержании духовной солидарности русской эмиграции в странах «дальнего зарубежья» с современной Россией и культурных связей.

На институциональном уровне все эти настроения и интенции оформлены в структуре фонда «Русский мир», учрежденный во исполнение Указа Президента РФ В. В. Путина от 21 июня 2007 года.

Основные задачи фонда формулируются так (<https://ruskiymir.ru/fund/>):

- поддержка общественных и некоммерческих организаций, профессиональных объединений, научных и образовательных учреждений, предметом деятельности которых являются исследования и разработки методик преподавания и программ изучения русского языка и литературы, исследование истории и современной России;

- содействие распространению объективной информации о современной России, российских соотечественниках и формированию на этой основе благоприятного по отношению к России общественного мнения;

- поддержка национальных и международных организаций и объединений преподавателей русского языка и литературы;

- сотрудничество с российскими, иностранными и международными государственными, общественными, научными, коммерческими, некоммерческими и благотворительными организациями, учреждениями образования и культуры, иными учреждениями, организациями и объединениями, частными лицами в деле популяризации русского языка и культуры;

¹ Текст главы составила статья С.В. Чешко «Русский вопрос» в этнополитическом контексте // Вестник антропологии. 2018. № 2(42). С. 5–23. Публикуется с согласия автора и редколлегии журнала «Вестник антропологии».

– поддержка деятельности российских диаспор за рубежом по сохранению их культурной идентичности и русского языка как средства межнационального общения, содействие установлению климата межнационального уважения и мира;

– поддержка экспорта российских образовательных услуг;

– содействие экспертным, научным и образовательным обменам, соответствующим целям Фонда;

– поддержка зарубежных русскоязычных и российских средств массовой информации и информационных ресурсов, ориентированных на достижение целей Фонда;

– поддержка усилий общественных организаций и государственных учреждений по сохранению рукописного наследия России;

– взаимодействие с Русской православной церковью и другими конфессиями в деле продвижения русского языка и российской культуры.

Здесь вроде бы все понятно и логично, но вот ключевая проблема – как определяется область «Русского мира».

«Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее.

Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологически неоднородного, мультикультурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России.

Формируя «Русский мир» как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития.

Все перечисленные признаки характерны как для россиян, проживающих в

стране, так и для остального Русского мира» (<https://russkiymir.ru/fund>).

А проблема остается той же, что возникла практически сразу после распада СССР – как соотнести понятия «русские» и «русскоязычные». Иноэтничные русскоязычные (а таковым в СССР было много!), к тому же, если они стали гражданами не новой России, а других постсоветских государств, входят ли в область «русского мира», хотят ли они сами там пребывать? Этнически русские украинские националисты – вряд ли. Это экстремальный пример, но ведь и других вариантов этнической и языковой дихотомии можно выделить немало. В сухом остатке: «русский мир» – это русский (или квазирусский) сегмент самосознания человека, безотносительно к этническому происхождению, языковой идентичности и языковой компетенции, национальной принадлежности.

Можно еще упомянуть популярные рассуждения о «русской цивилизации», «российской цивилизации», «евразийской цивилизации», которые не несут в себе ничего конкретного и практического. А в итоге получается концептуальная и идеологическая неразбериха.

В ходу также понятие «соотечественники», которое как-то, но не вполне понятно, как именно, соотносится с понятиями «русские» и «русскоязычные». Видимо, оно шире, распространяясь на всех бывших граждан СССР, о которых тоже вроде бы надо заботиться. Но опять возникает вопрос – а хотят ли все бывшие граждане Советского Союза быть соотечественниками для современной России?

Даже столь беглое рассмотрение базовых понятий, лежащих в основе идеи «русского мира», показывает, что сама она имеет больше идеологический, пропагандистский характер, нежели практический – для выстраивания четкой и последовательной политики. Это, безусловно, тоже важно на фоне тотальной информационной войны против России на Западе. По сути, речь идет о стимулировании формирования своего рода духовной «пятой ко-

лонны», мобилизации общественного мнения за рубежом в пользу России. Но данная глава касается именно практической политики.

Политические аспекты «Русского вопроса»

В 1995 г. вышла в свет монография В.И. Козлова «Русский вопрос. История трагедии великого народа». Книга осталась практически неизвестной за пределами Института этнологии и антропологии РАН, где работал автор. То было время, когда академические институты фактически бросили на произвол судьбы, бюджетного финансирования не всегда хватало хотя бы на регулярную выплату зарплаты, о финансировании экспедиций, издательскую деятельность и прочем, необходимым для нормальной научной работы, не приходилось и мечтать. Сотрудники как-то выкручивались и все же умудрялись публиковать свои труды за счет случайных источников финансирования, нередко на собственные сбережения, во всевозможных, подчас весьма сомнительных типографиях, при отвратительной полиграфии, на плохой бумаге, при отсутствии какого-либо дизайна. Книжка В.И. Козлова как раз и относится к такого рода изданиям (в 1996 г. вышло второе издание, но ненамного лучше по исполнению). А потом о ней забыли, кажется, и в собственном Институте – во всяком случае, я не припомню, чтобы на нее в последние годы ссылались или хотя бы упоминали.

Пишу об этом не для того, чтобы вернуть в научный оборот незаслуженно забытый труд. Таких, практически неизвестных публикаций в 1990-е годы были изданы сотни (это только по нашему Институту!). Они очень неравнозначны по научной значимости, хотя среди них есть действительно заслуживающие внимания и сегодня работы. Кстати, вот хорошая тема для полезного историографического исследования по недавней – практически вчерашней – истории отечественной этнологии.

С пафосом, методологией и идеологической направленностью книги В.И. Козлова я как не был согласен, так и остаюсь несогласным до сих пор. А обратился я к ней потому, что она хорошо выражает одну из заметных тенденций в российской общественно-политической мысли тогдашнего «смутного времени» – впрочем, нельзя сказать, что сегодня она вовсе сошла на-нет.

В.И. Козлов так определял суть «русского вопроса»: «...понимаю под ним две основные группы проблем, одна из которых относится к понижению жизнеспособности русского этноса, другая – к ухудшению отношения к нему со стороны большинства так называемых “титовых” этносов, имеющих свою национальную государственность, к умалению его прежде ведущей роли в жизни многонациональной России» (Козлов 1995: 6). И в цитируемой работе, и в других публикациях того времени утверждалось, что союзные («нерусские») республики жили за счет русского народа (показательно, что в период «суверенизации» конца 1980-х – начала 1990-х годов в этих республиках звучала противоположная мысль, что именно их республики подвергаются угнетению и ограблению и поэтому путь к благоденствию лежит через обретение независимости или, в более умеренном варианте, большей политической и экономической самостоятельности). В качестве одной из причин такого положения понималось то, что русский народ, в отличие от «титовых» этносов других союзных республик, не имел своей национальной государственности, поскольку РСФСР фактически не имела такого статуса, будучи средоточием многих народов, включая целый ряд тоже национальных автономий разных уровней, а русский народ никогда не считался «титовым». А после распада СССР в Российской Федерации остались только национальные же республики и «безнациональные» края и области. Отсюда и делался вывод о необходимости создания в рамках РФ русской

национальной государственности (Козлов 1995: 303 и др.), которая могла бы обеспечить права русского этноса.

Справедливости ради надо сказать, что в публикациях того времени высказывались и более взвешенные мнения. Так, в книге, вышедшей примерно в то же время – «Русский народ в национальной политике. XX век» (А.И. Вдовин, В.Ю. Зорин, А.В. Никонов) – рассматривается судьба русского народа как государствообразующего со всеми вытекающими из этой тяжелой миссии последствиями. Но никакой антирусской конспирологии в этой книге нет. Надеюсь, нет ее и в моей книжке «Идеология распада», вышедшей в 1993 г. (как и в сделанной на ее основе другой публикации – «Распад Советского Союза»).

Невозможно оспаривать тот факт, что в СССР «метрополия» – Россия – была донором «колоний» (союзных республик), в результате чего многие из них жили лучше, чем сама метрополия, а она (и по этой причине) испытывала тяжелые социально-экономические и демографические проблемы – взять хотя бы деградацию российской сельской глубинки. В этом смысле многие приведенные данные в книге В.И. Козлова – о социально-экономическом, демографическом, культурно-инфраструктурном и пр. развитии регионов страны – не вызывают особых сомнений. Но на основании одних и тех же данных можно делать совершенно разные выводы. В русской националистической литературе вывод был таков, что в советское, горбачевское и ельцинское времена проводилась целенаправленная политика по удушению русского народа.

Между тем, тогдашняя политика объяснялась не какой-то русофобией руководства страны, а вполне практическими политическими и идеологическими соображениями. Политика Советской власти с самого начала предусматривала подтягивание жизненного уровня, социального и культурного развития окраин, перетаскивание наиболее «отсталых» народов в со-

циализм, минуя капитализм. Отсюда – и политика коренизации 1920-х годов, которая, впрочем, сохранилась в некоторых своих чертах вплоть до распада СССР, и национально-государственное размежевание в Средней Азии и Казахстане, и создание всей иерархии национальных автономий. А начиная с правления Н.С. Хрущева, добавилась еще необходимость обеспечения лояльности этнических политических элит, которые сама же Советская власть и создала.

Трактовка «русского вопроса» в духе В.И. Козлова и других, близких ему по духу авторов несла в себе сильный разрушительный потенциал. Вместо того, чтобы ставить вопрос о разгосударствлении этничности, предлагалось ее «догосударствить» и таким образом, фактически окончательно расколоть страну по этническим границам на политической карте и в умах людей.

Естественным развитием подобных идей, родившихся в научной среде, стал взрыв русского этнического национализма (вслед за прочими этническими национализмами) в 1990-е годы, когда страну захлестнул вал радикальной националистической литературы, листовок, прокламаций, в которых повествовалось о заговоре против русского народа, о засилье и зверствах «жидомасонов», мигрантов с Кавказа и из Средней Азии, появились радикальные националистические организации, улицы терроризировали бритоголовые (скинхеды) и другие группы неонацистской направленности, охотившиеся за «черными» – выходцами с Кавказа, из Средней Азии, стран Африки, Азии и Латинской Америки.

В последние годы этот вал заметно спал благодаря взвешенной политике государства в «национальном вопросе» и, как можно догадаться, более активным действиям правоохранительных органов в связи со ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), касающейся, в первую очередь, разжигания межнациональной розни,

от применения которой они прежде шаркались, опасаясь перегнуть палку (надо сказать, что эта статья вызывала справедливую критику из-за неясности в вопросах ее правоприменения). Но тенденция не исчезла. Сегодня русские националисты ополчились на идею российской нации, которая якобы ведет к «отмене» русской нации (см., например: Севастьянов 2016) – и по схожей причине эту идею невзлюбили их коллеги из других этнических националистических движений.

В действительности за идеей российской нации не стоит ничего зловещего ни для русского народа, ни для других народов России. Речь идет только о признании неоспоримого факта существования в России единой гражданской (полиэтничной, поликультурной, поликонфессиональной общности), как и в других развитых странах мира, и о необходимости преодоления застарелого советского терминологического стереотипа – «этнизации» нации (см.: Чешко 2017: 144–147).

Возвращаясь к основной теме, позволю себе утверждать, что все, о чем сказано выше, не имеет никакого отношения к пресловутому «русскому вопросу». Потому, что ни в СССР, ни в постсоветской России не проводилось какой-либо целенаправленной политики против русского народа. Проблемы, о которых обычно говорится в контексте этой темы, касаются, главным образом, особенностей и слабостей строения и функционирования специфической советской федеративной системы, отношений между регионами страны (с их особенностями этнического состава населения), между регионами и центральной властью и т. п. Русофобские настроения существовали на бытовом уровне и отчасти на институциональном уровне (в политике руководства некоторых союзных республик), но этнических фобий было немало и других, а русские были вынуждены нести крест «старшего брата». При желании можно составить целый список аналогичных этнических «вопросов» (под чем наверняка подпишутся радикальные патриоты соответ-

ствующих народов), но это абсолютно не даст адекватного понимания социально-экономических и общественно-политических процессов в России. А будет лишь провоцировать взаимные обиды и разделение общества на «этнические курии». Впрочем, справедливости ради надо отметить, что «русский вопрос» действительно существует в ряде постсоветских государств, избравших русофобию для решения своих внутренних и внешнеполитических проблем.

«Русский вопрос» в постсоветских конфликтах

Итак, понятие «русский мир» оказывается столь же неясным, как и само явление, которое им пытаются обозначить. Последнее наполнено многими смыслами и потому не имеет однозначной определенности. Для умозрительных рассуждений это не имеет большого значения, даже, наверное, неплохо, поскольку дает возможность разгулу творчества и тем для публикаций. Но совсем другое дело, когда речь заходит о практической политике российского государства в отношении этого мира – об этом говорилось выше. И уж совсем сложные идеологические проблемы возникают в тех случаях, когда какие-то части «русского мира» оказываются вовлеченными в острые конфликты за пределами России.

Возникает вопрос, необходимо ли защищать русских – именно в силу того, что они русские – в таких конфликтах? И другой вопрос – а надо ли защищать кого-то еще, если они оказываются в аналогичных ситуациях?

На второй вопрос российское государство частично ответило на практике, остудив Грузию в 2008 г. в ходе ее нападения сил на Южную Осетию и заодно окончательно вытеснив грузинские вооруженные силы из Абхазии. Разумеется, атака на российский миротворческий кордон в Ю. Осетии была только одним из поводов для ответных действий со стороны России. Другая причина заключалась в особых

обязательствах перед обеими кавказскими республиками. Думаю, было и третье – стремление усилить позиции России на Южном Кавказе.

Конечно, зарубежные оппоненты и наша внутренняя «либеральная» Фронта (ставлю в кавычки, потому что некогда понятные политические и политико-экономические дефиниции сегодня во многих случаях чудесным образом видоизменились до неузнаваемости) обвиняют российские власти в неоимперскости. Ну, ладно, если тебе постоянно внушают, что ты империя (при всей неоднозначности этого понятия, поскольку империй было много и разных), то, возможно, надо ею и быть, и не стоит этого уж очень стесняться – другие-то не стесняются. Но важнее другое: хотим мы того или нет, но современная Россия просто вынуждена нести ответственность за судьбу тех людей, предков которых она собрала в своих границах, а потом переселяла, аккультурировала, модернизировала и пр., в результате чего получился «советский народ» – проще говоря, советская нация, некоторые части которой (и не только русские, оказавшиеся в этих сегментах новых независимых государств) испытывают фантомные боли и реальные проблемы в результате усекования некогда единого политического, экономического и, в значительной степени, культурного организма.

Но обратимся теперь к наиболее актуальной сегодня проблеме в контексте гипотетического «русского вопроса» – конфликтам на Украине.

Обращает на себя внимание обычная риторика российских государственных деятелей, политиков, политологов в трактовке позиции России вокруг событий в Крыму и на Юго-Востоке Украины в их этническом аспекте. Если суммировать, то получится так: там живут русские, а мы своих не сдаем; Крым – русский. Нисколько не сомневаюсь в том, что возвращение Крыма в состав России стало исправлением исторического недоразумения, случившегося по причине волюнтаризма Н.С. Хрущева, да еще спровоцированным политикой нынеш-

них украинских майданных властей. Не сомневаюсь и в том, что права русских за рубежом надо защищать – даже при всех тех оговорках и сомнениях, которые я приводил выше. Но есть важные нюансы, касающиеся темы данной статьи.

Один из них заключается в том, что эта риторика касается, главным образом или даже исключительно, русских в государствах, возникших на месте СССР. Так, операция наших вооруженных сил в Сирии вовсе не обосновывалась в том числе и тем, что там живет немало русских и вообще выходцев из России (СССР). Российские власти никак, во всяком случае публично, не отреагировали на недавнее обращение «Конгресса русских американцев» к Д. Трампу по поводу ущемления прав русских в США. Правда, наши спасатели стараются эвакуировать граждан бывшего СССР, а заодно и других стран, из «горячих точек» (Йемен, Сирия и др.). И вновь встает вопрос, озабочена ли Россия судьбой все недавних «соотечественников», ставших таковыми после распада Советского Союза. И попутно другой вопрос – а занимают ли такую же позицию другие постсоветские государства в отношении своих граждан (в том числе «этнических граждан») за рубежом? И опять возникает дихотомия между понятиями «русский» и «русскоязычный». Должна ли Россия защищать права русскоязычных представителей нерусских этносов?

Крым – поголовно русскоговорящий и в очень большой степени русскоязычный, имея в виду языковую самоидентификацию по категории «родной язык» (при всем том, что я неизменно пребываю в сомнении относительно адекватности, точности этой категории). На полуострове русский язык считают родным более 80% населения, а собственно русские составляют около 65% жителей Крыма (Этническая и этнополитическая карта Крыма 2017: 80) – только украинцев и татар (включая крымских татар и лиц, указавших в ходе переписи населения Крыма, проведенной в октябре 2014 г.) в совокупности насчитывается свыше 700 тыс. человек, а есть еще десятки других

этнических групп. И при этом свыше 90% лиц, обладавших на тот момент избирательным правом, проголосовали сначала за независимость Крыма, а потом и за его вхождение в состав России. Как мы видим, фактор «русского вопроса» здесь играет важную, но далеко не единственную роль. В этнокультурном плане не меньшее значение имеет то, что преобладающая часть крымского населения ориентирована на русскую культурную и историческую традиции. А в политическом и социально-экономическом планах – опасение за свою судьбу и безопасность в свете разгула на Украине украинского этнонационализма после свержения Януковича. Как бы то ни было, факт таков, что самоопределение в Крыму только отчасти носило характер этнического ирредентизма – в целом же это, скорее, можно характеризовать как самоопределение своеобразной территориальной и историко-культурной общности.

Теперь о Юго-Востоке Украины. 11 мая 2014 г. две восставшие области страны – Донецкая и Луганская – провели референдум о независимости. Результат оказался таким же, как в Крыму. По многим признакам можно предполагать, что дончане были готовы и к следующему шагу – проголосовать за вхождение в состав России, но само российское руководство не было готово к тому их-за тяжелой внешнеполитической ситуации, усугубившейся после присоединения Крыма.

Попутно заметим, что и в других областях юго-восточной Украины с традиционным доминированием русского языка и русской культуры настроения были похожие, но здесь не сложились сильные общественные движения за отделение от Украины или, по крайней мере, за обретение большей самостоятельности – видимо, во многом потому, что киевские власти вовремя приняли превентивные меры. Надо также иметь в виду, что Донбасс отличается чрезвычайно высокой концентрацией шахтеров, металлургов и работников других промышленных отраслей, а эта категория населения характеризуется высокой солидарностью и сплоченностью.

Главные причины восстания на Донбассе – курс на насильственную украинизацию населения страны, который в завуалированном виде проводился на протяжении всей ее постсоветской истории и резко усилился после государственного переворота в феврале 2014 г., а также экономическая эксплуатация региона, который был главным донором на Украине; дончане справедливо требовали для себя больше экономических прав. И, конечно, на Донбассе не могли снести возрождение нацизма, ставшего едва ли не главным идеологическим оружием новой киевской власти.

И вот самое интересное – соотношение русских и украинцев в населении Донбасса. Согласно переписи население Украины 2001 г., в Донецкой области 56,8% жителей назвали себя украинцами и 38,2% – русскими. При этом 79,4% указали в качестве родного языка русский. В Луганской области 56,9% населения идентифицировали себя в качестве украинцев и 38,2% – в качестве русских. 68,8% назвали русский язык родным (Донецкая область 2015; Луганская область 2015). Как это все соотносится с представлениями о том, что Донбасс – это русский регион? И почему такой диссонанс между этнической и языковой самоидентификациями людей?

Отчасти это можно объяснить все той же политикой украинизации, проводимой в течение более двадцати лет, в результате чего часть населения Украины убедили в том, что они этнические украинцы, или побудили сделать такой выбор из опасений быть заподозренными в нелояльности своей стране. Вообще же на Украине, как и в других полиэтничных республиках бывшего СССР в период суверенизации и после обретения независимости, наблюдался характерный феномен «проснувшейся этничности» в среде членов этнически смешанных семей или групп населения, находившихся в состоянии психологического этнического пограничья. В России, кстати, такое тоже происходило – у некоторых нерусских народов.

Вместе с тем, Донбасс – это и особый случай. В силу особенностей освоения

этого региона Россией его население с XIX в. (разработка угольных месторождений, устройство металлургической промышленности и пр.) формировалось выходцами из разных частей страны, преимущественно из великоросских, и с течением времени естественным образом перемешивалось. В результате Донбасс превратился в обширную этноконтактную зону, в которой проводить четкие этнические границы между людьми просто невозможно (эта зона распространяется и на российские пограничные территории). И никто этим не занимался до суверенизации Украины в результате распада СССР. А вот политика насильственной украинизации спровоцировала актуализацию русско-российской части самосознания дончан. Вообще же данные об этническом составе населения Донбасса и подобных ему этнически смешанных регионов надо принимать как довольно условные – этническое самосознание здесь лабильно и ситуативно. Любопытны в этой связи результаты, полученные в ходе опроса в Крыму, проведенного сразу после переписи: 6,5% опрошенных (огромная цифра!) указали двойную этническую идентичность (Этническая и этнополитическая карта Крыма 2017: 27). Думаю, на Донбассе этот показатель был бы еще больше.

Обращение к приведенным выше примерам показывает, что при исследовании и выработке способов разрешения сложных этнополитических проблем нельзя сбиваться к упрощенным подходам. И лучше бы избегать экзальтации и идеологических клише.

«Русский вопрос» в контексте проблемы политического самоопределения

В одном из своих телевизионных интервью о коллизиях вокруг Крыма министр иностранных дел РФ С.В. Лавров высказал такую мысль: в Крыму состоялся акт самоопределения – и точка, больше говорить не о чем. Думаю, Сергей Викторович несколько лукавил: не может быть,

чтобы он не знал о серьезных проблемах и ведущихся вокруг них дискуссиях, связанных с категорией самоопределения в международном праве. При этом ни он, ни В.В. Путин, ни кто-либо еще из высших российских сановников никогда не делал акцент на том, что Крым – русский и потому ему самое место – в России. Возможно, они понимают, что *этническая русскость* в данном случае – не главное, и делать из него главный аргумент в вопросе о Крыме было бы неправильно. Но этого не понимают многие другие, в том числе депутаты Федерального собрания, политики, политологи, журналисты, публично высказывающиеся в СМИ по поводу Крыма и Донбасса. Невольно приходит в голову аналогия: помню, что во времена «перестройки» автор какой-то публикации – к сожалению, уже и не помню, в какой именно – серьезно рассуждал о том, что моноэтническим может считаться государство, если титульный этнос составляет в нем 80% населения. Такой подход очень опасен – он ведет к государственной политике этнонационализма, что и являют некоторые постсоветские страны.

А вот другой и тоже достаточно распространенный подход – но уже «с другой стороны». Из уст одного из участников какого-то политического ток-шоу на Центральном телевидении, украинского «эксперта», прозвучала мысль, что население Донбасса не представляет собой отдельного народа (в этническом смысле) и поэтому не имеет никаких прав на самоопределение.

Если учесть еще сецессию Абхазии, Южной Осетии, «полунезависимость» Приднестровья, «отложенный суверенитет» Гагаузии¹, Косово, Каталонию и многие другие аналогичные случаи в совре-

¹ На референдуме в Гагаузии 2 февраля 2014 г. был одобрен проект закона АТО Гагаузия «Об отложенном статусе народа Гагаузии на внешнее самоопределение», который предусматривал выход автономии из состава Республики Молдова в случае ее вхождения в состав Румынии.

менном мире¹, то ситуация с правовой точки зрения оказывается чрезвычайно запутанной, а, пожалуй, что и тупиковой. В действительности, с формально-правовой точки зрения, все рассуждающие о самоопределении с разных позиций правы и одновременно неправы.

Проблема самоопределения²

Категория права на самоопределение³ относится к числу самых сложных проблем международного права и политической практики. Зачастую она оказывается связанной с этническими и конфессиональными конфликтами, сепаратистскими движениями, действиями террористических организаций. Такая ситуация отчасти обусловлена тем, что парадигма самоопределения относится к числу наиболее политизированных вопросов, касающихся области этнических прав.

Фундаментальная же причина того, что попытки формализации принципа самоопределения не дали до сих пор достаточно ощутимых результатов, заключает-

ся в его сложности по причине внутренней противоречивости. Когда мы переходим от декларирования права на самоопределение к скрупулезному анализу, возникает немало трудных вопросов: в чем суть права на самоопределение; кто и кем может быть признан его обладателем; как оно должно рассматриваться в контексте соотношения индивидуальных и коллективных прав; каковы механизмы осуществления права на самоопределение; где это право должно заканчиваться, чем и кем ограничиваться; приоритет национального или международного права должен действовать при реализации принципа самоопределения?

В некоторых международных актах можно обнаружить ссылки на то, что самоопределение действительно относится к числу неоспоримых прав. Так, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах, принятых Генеральной ассамблеей ООН в один и тот же день, 16 декабря 1966 г., сказано: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» (International Covenant). Следует, однако, отметить что эти установления появились уже после образования самой этой организации. В Уставе ООН только говорится, что среди ее целей является «...Развивать дружественные отношения между нациями, основанные на уважении принципа равных прав и самоопределения народов...» (Устав ООН, ст. 1). Идея самоопределения в рамках ООН стала разрабатываться и материализоваться в правовых актах только в 1950-е годы (Абашидзе 1995: 151).

Если же обратиться к истории возникновения и развития явления «самоопределения», то при большом желании его признаки можно обнаружить в какие угодно эпохи, когда происходило образование новых государств путем распада прежних или отделения их частей.

¹ М.Н. Губогло насчитал, что с 1944 г. по 2014 г. в Европе состоялось более 30 референдумов о самоопределении (Губогло 2014: 8–9).

² Об этом я писал ранее и более подробно. См., например: Чешко 2001; Чешко 2002: 233–244; Cheshko 2015: 174–190.

³ Я имею в виду главным образом территориально-политические формы самоопределения (образование независимых государств или самоуправляющихся автономий), а также статуйрование этнических общностей по признакам отнесения их к меньшинствам, коренным и малочисленным народам и т.п. с предоставлением им правовых, политических и экономических привилегий. И вовсе не потому, что считаю такие формы самоопределения базовыми или наиболее перспективными. Как раз наоборот. Для современной этнолого-правовой мысли все больше становится характерной тенденция рассматривать в качестве приоритетных, с точки зрения удовлетворения этнокультурных запросов и одновременно понижения политизации этничности, экстерриториальные формы в виде национально-культурной автономии и других способов самоорганизации граждан.

В новое время цепь самоопределений тянулась от нидерландской до американской войн за независимость. Однако возникновение и формализация идеи самоопределения как таковой относятся главным образом ко второй половине XIX в. Этот процесс был связан с возникновением *национальных движений*, претендовавших на создание собственных автономий или самостоятельных государств. Экономическая и политическая подоплека этого процесса хорошо исследована: вступление Европы в капиталистическую фазу развития, взаимодействие тенденций международной интеграции и национального размежевания.

Как бы это ни было неприятно современным идеологам антикоммунизма, сама формула самоопределения разрабатывалась и продвигалась в значительной степени в контексте социал-демократической мысли конца XIX в., а свое логическое и радикальное завершение получила в виде знаменитого ленинского императива о праве наций на самоопределение: «Право на самоопределение наций означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации» (Ленин 27: 255). Радикализм заключался в том, что В.И. Ленин не только допускал отделение, но и настаивал на том, что право на самоопределение может быть таким только при условии, что оно должно обязательно включать и право на отделение. Еще яснее высказался И.В. Сталин, когда предложил заменить расплывчатый, по его мнению, тезис о самоопределении «ясным революционным лозунгом о праве наций и колоний на государственное отделение, на образование самостоятельного государства» (Сталин 5: 53).

Нет нужды в очередной раз описывать, как происходило «самоопределение» народов РСФСР, а затем и СССР. Союзные и автономные республики создавались не по мифической воле народов, а в силу политических, экономических, стратегических соображений, компромиссов меж-

ду центральной властью и этническими элитами. Другой вариант «самоопределения» представлял собой вильсонский план переделки государственных границ Европы после первой мировой войны. Идеологическая основа была иной. Общим было то, что в обоих случаях происходило «самоопределение» народов заинтересованными политическими силами.

Следующая крупная волна «самоопределения» пришлось на 1940 – 1960-е годы, когда колонии и зависимые страны обрели государственную независимость. Именно к этому периоду относятся и основополагающие документы ООН, касающиеся принципа самоопределения. Как и во всех предыдущих случаях, не сами народы по большей части решали, как им нужно самоопределяться, а ведущие державы мира. В результате образовалось множество очагов долговременных и часто кровопролитных конфликтов в Азии и Африке. Наконец, можно говорить о последней волне, связанной с распадом СССР.

Один из ключевых вопросов состоит в том, кто является носителем права на самоопределение? Если обобщить существующие формулировки и подходы, то можно сказать, что это некие группы, отличающиеся от основного населения государства теми или иными этнокультурными параметрами. К таким группам разные международные и национальные правовые документы, специалисты в области права и политических наук, политики, идеологи национальных движений, публицисты относят народы, нации, этносы, этнические, национальные, расовые, конфессиональные группы, меньшинства. Однако, согласия относительно определения носителей коллективных прав так до сих пор и нет.

В СССР нормативной была формула «право наций на самоопределение» (в этническом понимании нации), что соответствовало традициям ленинской и сталинской фразеологии. В сегодняшней России эта традиция сохраняется среди части обществоведов старой школы, не признающих новейшие изменения в «нациеведче-

ской» и этнологической терминологии. В международно-правовых документах встречается упоминания о праве наций на самоопределение, однако определение нации в данном конкретном контексте не дается (см., напр.: Абашидзе 1995: 151). При этом международная правовая практика и научная мысль решительно не воспринимают трактовку нации как этноса.

В контексте проблемы самоопределения и шире – коллективных прав – следует сделать вывод, что *нация* не должна отождествляться *этносу* (в своих теоретических построениях ученые, конечно, вольны делать все, что им захочется). Эти общности в принципе по своей типологии, происхождению, исторической обусловленности, функциям не могут быть отождествлены. Вариант совпадения нации и этноса – исключительно гипотетический, поскольку в современном мире нет ни одного моноэтничного государства. Впрочем, таковых не было никогда. «Моноэтничными» не были и известные этнографам первобытные и архаичные общества, поскольку они почти всегда включали иноплеменников. А с точки зрения современных представлений о демократии и правах человека наличие даже одного *гражданина* – представителя иноэтничной группы – должно исключать квалификацию данного государства как государства-этнонации, если это влечет за собой распределение прав и обязанностей гражданина.

Встречается вариант наделения правом на самоопределение *народов*. Этот подход содержится в ряде международных актов (Международный пакт об экономических: 292; Международный пакт о гражданских: 302). На первый взгляд в связи с проблемой самоопределения термин «народ» представляется более удачным, чем термин «нация»: он гораздо менее теоретизирован и идеологически «ангажирован». Однако он оказывается и гораздо более многозначным, о чем неоднократно писалось в специальной литературе (См., напр.: Бромлей 1981: 11.). Термин «народ»

может быть применим, в частности, и к нации, и к этносу. В результате терминологические, а значит, и существенные проблемы, только усложняются.

Увязывание права на самоопределение с *нациями* и *народами* неудачно не только потому, что существуют разные концептуальные подходы к самой этой категории, но и потому, что соответствующие базовые понятия, определяющие субъекты этого права, оказываются нечеткими, неоднозначными по своему содержанию, даже если сделать скидку на различия сугубо лингвистические. В рамках права, как я себе представляю, не может быть поливариантности толкования терминов: А право на самоопределение должно иметь статус именно *права* в юридическом, а не в каком-то ином, абстрактном смысле. Таким образом, ни *нации*, ни *народы* не могут быть признаны *prigoi* в качестве юридических, т.е. безусловных носителей права на самоопределение.

Примем, однако, данность: в контексте советологических/постсоветологических дискуссий принцип самоопределения по большей части увязывается с этносами, этническими общностями, этническими группами и прочими социальными единицами, к которым так или иначе можно приставить магический определитель *этно-*, который зачастую парализует аналитические способности исследователей, не говоря уже о любителях.

При этом, однако, возникает лежащий на поверхности вопрос: почему именно этнические общности должны признаваться в качестве естественных претендентов на самоопределение и вообще на какие-то особые права? Этот вопрос весьма активно обсуждался в отечественной научной литературе и публицистике в конце 1980-х – начале 1990-х годов и не утратил своей актуальности до сих пор. И сегодня нередко приходится слышать, что специфические права этносов фактически выше прав индивидов. Утверждали, например, что этносы – это основные социальные структуры и даже главные элементы экономических

отношений, что поэтому моноэтнические государства должны рассматриваться как норма, что генеральная тенденция современного политического развития человечества состоит в создании именно (моно)этнических государств (Перепелкин, Шкаратан 1989). Апологеты исключительности этносов оперируют обычно сугубо внерациональными аргументами типа того, что этносы – это нетленные гуманитарные ценности, носители чуть ли ни заданного высшей волей многообразия человеческого рода и т.п. Разумеется, подобные аргументы нельзя считать серьезными, хотя на поверку они зачастую оказываются очень даже рациональными, когда подоплеку составляют соображения политического или экономического характера, стремление обеспечить собственные интересы посредством лозунга защиты этнических прав.

Сделаем, однако, еще одно допущение, признав этнические права, включая этническое самоопределение, в качестве категории, соотносимой с гипотетическими «естественными правами». Но тогда возникает вопрос: какие группы людей могут считаться претендентами на роль носителей «этнических прав»?

Излишне говорить о дискуссиях, ведущихся, например, вокруг понятия «этнос» в отечественной литературе. Сторонники традиционного толкования «теории этноса» продолжают делать вид, что она остается непоколебимой, что, следовательно, с этносом в целом все понятно, а критики и сомневающиеся впади в грех конструктивизма, постмодернизма и т.п. Однако и новейшие веяния в отечественной этнологической теории не проясняют суть вопроса. Следует признать, что ни одна из существующих концепций, располагающихся в диапазоне «теория этноса – примордиализм – конструктивизм», не в состоянии дать удовлетворительных и исчерпывающих ответов на вопросы, касающиеся категории *этнического*, хотя каждая из них дает подход к пониманию отдельных аспектов проблемы.

Должен оговориться, что я не принадлежу к числу тех ученых, которые отрицают существование этносов, хотя, как ни удивительно это было прочесть, меня и упрекали в этом или в чем-то подобном (Арутюнов 1995: 7; Заринов 2000: 14.). Если я писал о том, что этничность отчасти иррациональна (а именно на это указывали мои оппоненты), то имел в виду невозможность – по крайней мере, с помощью современных научных методик – определить родовую функцию этничности и ограниченность наших рационально-познавательных способностей (Чешко 1994: 39–40). Впрочем, я вообще не знаю ни одной работы, в которой полностью отрицалось бы существование этносов. В некоторых отечественных публикациях особенно достается именно по этому поводу В.А. Тишкову, недобрым словом поминают и Б. Андерсона, который имел несчастье назвать свою известную книгу «Воображаемые общности». Но справедливости ради надо сказать, что В.А. Тишков со времени существенно смягчил свою ригористическую позицию в отношении «онтологического понимания» этноса, как и нации. А Андерсона у нас вообще многие не понимали – обычно авторы, неважно знающие английский язык или черпавшие представления о его работе из других публикаций. Об этом писал, например, С.В. Соколовский (Соколовский 2016: 145). Я тоже писал об этом много раз – даже не буду копаться в своих публикациях, чтобы привести соответствующие соображения.

Если вдуматься, то классические признаки этноса, выделяемые «теорией этноса», можно найти, например, в сообществах панков, байкеров, футбольных фанов и даже в виртуальном сообществе интернетчиков. Все они демонстрируют межпоколенную передачу традиции, особую (суб)культуру, особый язык (жаргон), собственные самосознание и самоназвание. Между прочим, нация (как *политическое* общество) тоже отвечает этим критериям.

В связи со всем сказанным выше обнаруживается, что современная этнология не может дать строгого научного обоснования принципу этнического самоопределения, поскольку невозможно определить (в принципе, а значит, и в каждом отдельном случае), кто может и кто не может претендовать на это право.

Еще один круг проблем связан с критериями и процедурами самоопределения. Когда, при каких условиях можно быть уверенным, что имеет место именно *самоопределение*?

Некоторые зарубежные страны накопили определенный опыт в выработке подходов к означенным проблемам, однако он скорее подтверждает их сложность, нежели являет убедительные и многочисленные примеры их успешного решения. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о «классическом периоде» самоопределения, связанном с деколонизацией послевоенных десятилетий, а о 1970 – 1990-х годах. В это время политическая карта мира стабилизировалась, и вопросы самоопределения перешли из плоскости отношений между колониями и метрополиями в плоскость отношений внутри государств. Именно этот тип коллизий и вызывает до сих пор непрекращающиеся дискуссии среди специалистов.

Правда, соискатели этнического самоопределения и сегодня зачастую обосновывают свои требования тем, что они как раз и находятся на положении «внутренних колоний». Можно, например, вспомнить, что в период распада СССР практически все национальные движения, выступавшие за ту или иную форму политического самоопределения, заявляли, что их республики находятся в колониальной зависимости от Москвы. Очевидно, что подобные утверждения представляют собой не более чем идеологическое обеспечение сепаратизма и не имеют ничего общего с существующими актами ООН о деколонизации.

Таким образом, проблема самоопределения сегодня касается преимущественно положения и прав этнических и вообще ка-

ких-либо особых групп в независимых государствах. Если в случае с деколонизацией критерии были достаточно ясны и не требовалось выдвигать какие-то особые механизмы выявления воли «самоопределявшихся» народов, то в современных условиях это является одной из главных проблем.

Никогда сам этнос не выступает в качестве сознательного, активного и монолитного борца за что бы то ни было, в том числе и за политическую самостоятельность. Всегда такую роль играют политические группировки, претендующие на выражение интересов своего этноса. В действительности чаще всего они же и формулируют эти интересы и пытаются внедрить их в сознание соплеменников, хотя очевидно, что у этноса не может быть единых интересов по причине его внутренней социальной, а зачастую и культурной неоднородности. Требование самоопределения обычно есть не выражение единой и общей воли этноса, а, чаще всего, фальсификация ее этнической элитой.

Коль скоро этносы внутренне дифференцированы, возникает вопрос: если его члены расходятся во мнении относительно целесообразности самоопределения, то каково должно быть соотношение голосов, чтобы признать его выражением стремления *этноса* к политической самостоятельности? Надо подумать, уместны ли в данном случае демократические процедуры типа референдума. Подобные процедуры имеют смысл тогда, когда речь идет о важных вопросах жизни общества и требуется выявить личный выбор граждан. При этом принимается принцип демократического устройства общества: меньшинство подчиняется большинству. Самоопределение же этноса означает нечто иное: во-первых, выявление, а точнее конструирование, некоего единого мнения, а во-вторых, сецессию этноса или территориально-политическое обособление в рамках государства. А это создает множество проблем: в частности, возникает вопрос, что делать тем, кто не хочет «самоопределяться»? Впрочем, если говорить, напри-

мер, о распаде СССР, то акты или попытки самоопределения вовсе не сопровождались никакими демократическими процедурами. Более того, людям не позволяли раздумывать, сомневаться, дискутировать. Им было предписано стать независимыми.

Один из недостатков идеи этнического самоопределения в виде отделения заключается, как это ни парадоксально звучит, в недостижимости этой идеи. История не знает примеров построения (моно)этнических государств в результате актов самоопределения. В любом государстве есть иноэтническое население, которое вовсе не обязательно собиралось самоопределяться за компанию с отделившимся этносом. Характерные примеры – абхазы в Абхазии, осетины в Южной Осетии, молдаване, русские, украинцы и представители других национальностей в Приднестровье, гагаузы в Гагаузии. В таких случаях последовательное строительство этнического государства неизбежно будет выражаться в притеснении этнических меньшинств, как это происходит в Латвии и в несколько меньшей степени в Эстонии.

Идея самоопределения уязвима потому, что реализовать ее практически невозможно без ущерба для кого-то другого (для иных этнических групп, государств), а зачастую и для части собственного этноса. Не говоря уже о том, что чаще всего принцип самоопределения вступает в неразрешимое противоречие с основополагающими принципами международного сообщества – признанием суверенитета и целостности *существующих* государств-членов ООН. Все это имеет следствием то, что попытки «самоопределения» обычно порождают острые конфликты внутри государств, а в международных отношениях они часто используются в целях давления на соперников или даже разрушения недружественных государств.

* * *

Приходится констатировать, что вся существующая – именно существующая, а не действующая – система международного

права, построенная в свое время вокруг принципа самоопределения, безнадежно устарела и требует капитальной ревизии. Это вытекает не только из ее концептуального анализа, но и из мировой практики последних десятилетий. Попытки самоопределения все меньше основываются на международно-правовых нормах и все больше имеют ситуативный характер – в зависимости от положения в самих соответствующих странах и внешней конъюнктуры.

Состоявшееся самоопределение Крыма и Донбасса в значительной степени относится к этой категории (кстати, думаю, я не очень рискованно утверждать, что соответствующие референдумы относятся к тем, не очень частым случаям, когда они выражают волю действительно народов, а не элит). Дело отнюдь не только в историко-культурной связи с Россией и этническим составом. Власти сегодняшней Украины настолько прижали население этих регионов, что ему просто некуда было деваться, кроме как покинуть сферу ее юрисдикции. Пожалуй, оба случая можно квалифицировать не как *этническое самоопределение*, а как *культурно-региональное самоопределение* (социально-экономический фактор – «по умолчанию»).

А если вернуться к основной теме статьи, то, по моему мнению, оперирование такими категориями, как «русский вопрос», «русский мир», «русскоязычные», соотечественники для нужд практической политики, да и просто для ориентирования в современном мире, малопродуктивно. Подобных «вопросов» и «миров» можно найти или сконструировать множество, а в результате человеческий социум превратится из системы общественных связей, детерминированных, прежде всего, материальными факторами, в этнографо-политический виртуальный музей.

Литература

Абашидзе 1995 – Абашидзе А.Х. Национальные меньшинства и право на самоопределение (международно-правовые проблемы) // Этнографическое обозрение. 1995. № 2. С. 151–162.

- Арутюнов 1995 – Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью СВ. Чешко) // *Этнографическое обозрение*. 1995. № 5. С. 7.
- Бромлей 1981 – Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.
- Вдовин и др. 1998 – Вдовин А.И., Зорин В.Ю., Никонов А.В. Русский народ в национальной политике. XX век. М.: Ozon.ru, 1998.
- Губогло 2014а – Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М.: ИЭА РАН, 2014.
- Губогло 2014б – Губогло М.Н. Энергия доверия. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму 16 марта 2014. Кишинев: Ф.Е. – Р. «Tipografia Centrală», 2014.
- Донецкая область 2015 – Донецкая область 2015 // [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Донецкая область](https://ru.wikipedia.org/wiki/Донецкая_область).
- Заринов 2000 – Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // *Этнографическое обозрение*. 2000. № 2. С. 14.
- Козлов 1995 – Козлов В.И. Русский вопрос. История трагедии великого народа. М., 1995.
- Ленин 27 – Ленин В.И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение (Тезисы) / Полн. собр. соч. Т. 27. С. 255.
- Луганская область 2015 – Луганская область 2015 / [https://ru.wikipedia.org/wiki/ Луганская область](https://ru.wikipedia.org/wiki/Луганская_область).
- Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1989 – Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах / СССР и международное сотрудничество в области прав человека М.: Международные отношения, 1989.
- Международный пакт о гражданских и политических правах 1989 – Международный пакт о гражданских и политических правах / СССР и международное сотрудничество в области прав человека. М.: Международные отношения, 1989.
- Перепелкин, Шкаратан 1989 – Перепелкин Л.С., Шкаратан О.И. Экономический суверенитет республик и пути развития народов (теоретическая дискуссия вокруг вопросов практической жизни) // *СЭ*. 1989. № 4. С. 32–48.
- Севастьянов 2016 – Севастьянов А. Битва за русских. 2016 / <http://sevastianov.ru/prochie-statji/bitva-za-russkih.-chastj-i.html>.
- Соколовский 2016 – Соколовский С.В. Онтолого-логики национального: культурная сложность национальных сообществ и проблемы ее категоризации / *Культурная сложность современных наций* / отв. ред. В.А. Тишков, Е. И. Филиппова. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 35–56.
- Сталин 5 – Сталин И.В. К постановке национального вопроса // *Соч.* Т. 5. С. 53.
- Устав ООН – Устав ООН / <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>.
- Фонд «Русский Мир» – Фонд «Русский Мир» / <https://www.russkiymir.ru>.
- Чешко 2002 – Чешко С.В. Доктрина самоопределения: иллюзии и реальность // *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ* / Под ред. В.С. Малахова, В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 233–244.
- Чешко 1993 – Чешко С.В. Идеология распада. М.: ИЭА РАН, 1993.
- Чешко 2001 – Чешко С.В. Кризис доктрины самоопределения // *Этнографическое обозрение*. 2001. № 2. С. 3–16.
- Чешко 1996 – Чешко С.В. Распад Советского Союза: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Чешко 2017 – Чешко С.В. Российская нация // *Вестник антропологии*. Новая серия. 2017. № 1(37). С. 144–147.
- Чешко 1994 – Чешко С.В. Человек и этничность // *ЭО*. 1994. № 6. С. 39–40.
- Этническая и политическая карта Крыма – Этническая и политическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / Ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов. М.: ИЭА РАН, 2017.
- Cheshko 2015 – Cheshko S. The challenges of self-determination / *Peoples, Identities and Regions. Spain, Russia and the Challenges of the Multi-Ethnic State* / edited by Marina Martynova, David Peterson, Roman Ignatiev & Nerea Madariaga. Moscow: IEA RAS, 2015. Pp. 174–190.

Глава 3

Русские за рубежом: социальный состав и расселение в XIX–XX вв.

История переселения наших соотечественников, в результате чего за границей складывается русская диаспора, насчитывает несколько столетий, если учитывать вынужденное бегство за рубеж политических деятелей еще в период средневековья и раннего нового времени. В «петровскую» эпоху к политическим мотивам отъезда за рубеж добавились религиозные (Шмаро 1964: 22–24). Процесс же экономических миграций, столь характерный для стран Центральной и Западной Европы, практически не затрагивал Россию до второй половины XIX в. Правда, от XVI–XVIII вв. до нас дошли сведения о русских переселенцах в дальние земли – в Америку (Федорова 1971: 248), Китай (Марианьский 1969: 148), Африку (Давидсон, Макрушин 1979), но число их было незначительно. В конце XVIII в. русские поселенцы появились и в более близких европейских странах (Cross 1980). Так, возникновение русской колонии в Ницце (Франция) относят к 1774 г. С XIX в. этот городок стал местом продолжительного проживания семей русской аристократии и иных состоятельных эмигрантов (Le Roy 1988)¹. В Галле, Марбурге, Иене и других городах Германии еще в середине XVIII в. начала обучаться русская дворянская молодежь. В Лондоне, Цюрихе, Лейпциге, во многих университетских городах Франции штудировали науки десятки русских дворян (Williams 1972: 16–17).

Именно потому, что в европейских столицах и на курортах (на Ривьере, в Ницце, Баден-Бадене, Висбадене, Сан-Ремо, Лидо и др.) проживало немало со-

стоятельных россиян, сюда устремились после 14 декабря 1825 г. представители первой волны политэмигрантов (Пугачев 1961: 13). Главным центром российской политической эмиграции второй четверти XIX в. был Париж. После революции 1848 г. им стал Лондон, где А.И. Герценом была основана Вольная русская типография. Благодаря ей русская эмиграция оказалась не просто связанной с политической жизнью самой России, но и стала одним из ее существенных факторов (Горев б.г.: 14; Venturi 1957). Особенностью «дворянской эмиграции» из России во второй четверти XIX в. был сравнительно высокий уровень жизни выехавших за рубеж (Козьмин 1961: 488–498). Кроме того, большинство политэмигрантов первой волны выехали за границу вполне легально, по своей воле и желанию. Другое дело – политэмигранты второй половины XIX в., выехавшие за рубеж после польского восстания 1863–1864 гг. Эта так называемая «молодая эмиграция» осела в Лондоне, Берне, Гейдельберге, Тульце, Женеве, Берлине и состояла она из тех, кто бежал из России, уже разыскиваемый полицией и опасался тюрьмы. Уехавшие в начале XIX в. не рассчитывали на скорое возвращение и старались заранее обеспечить свою жизнь вне отечества. Эмигранты второго потока нередко возвращались обратно. Поэтому ни демократы-шестидесятники, ни сменившие их народники не успевали создать за границей «налаженного» быта (Григорьева 1970; Дейч 1920). Кроме того, в 60–80-е годы XIX в. социальный состав российской политэмиграции расширился: к дворянам прибавились мещане, разночинцы, интеллигенция.

Жить за границей сравнительно продолжительное время позволяли себе тогда многие состоятельные люди, в том числе художники, писатели, артисты, ученые.

¹ Русская колония в Ницце просуществовала до Второй мировой войны, но наибольший ее расцвет относится к концу XIX – началу XX в., когда там проживали члены многих русских аристократических семей (включая царскую) и представители мира искусства и литературы.

Так, И.С. Тургенев, С.А. Ковалевская, П.И. Чайковский, В.Д. Поленов, А.Н. Иванов сами не были эмигрантами, но с готовностью шли на контакты с теми русскими, которые оказались за рубежом по политическим причинам (Lo Gatto 1971: 235–249).

Русские аристократы, составляя наряду с представителями творческой интеллигенции значительную часть *beau monde* на зарубежных курортах и в европейских столицах, жили вольно. Продолжительно жить «на водах» считалось «хорошим тоном». Так что не только преследуемые царским правительством «политические», но и «весьма достойная» часть русского общества формировали тогда представление о русских за рубежом.

Другую долю русской диаспоры продолжала составлять выехавшая на учебу в Европу молодежь (Осоргин 1914). В Швейцарии тогда возникла своеобразная колония, известная под названием «второй России». Тому способствовали скопление здесь политических беженцев и перемещение герценовской Вольной типографии из Лондона в Женеву (Русские эмигранты 1887: 73–179). Бытовая сторона жизни небогатых россиян за рубежом мало исследована. Известно, что многие из русских, живших тогда в Европе, существовали за счет литературного труда и домашних уроков (Киперман 1980). Некоторые зарабатывали на жизнь трудом по найму в качестве чертежников, один из эмигрантов работал даже факельщиком при погребальных процессах. Найти работу считалось удачей (ГАРФ 1; Brachman 1962: 195–196). Дороговизна заграничной жизни буквально убивала прибывших за границу россиян. Это вынуждало политэмигрантов к частой перемене места жительства. Учет численности русских, оказавшихся тогда по политическим мотивам на чужбине, сложен, а выводы о значимости тех или иных центров и регионов их размещения – неопределенны.

Особый поток российской политической эмиграции, возникший после убийства Александра II и внутривосточного

кризиса 80-х годов XIX в., охватил почти четверть века. Вначале репрессивная политика и упадок революционного движения в стране сделали русскую эмиграцию замкнутой, отрезанной от российских реалий. Однако уже спустя десятилетие эта оторванность русских политэмигрантов от родины была преодолена: эмигранты-марксисты создали свой «Союз русских социал-демократов за границей». Хотя В.И. Ленин и считал этот союз «оппортунистическим», призывая создать в противовес ему «настоящую революционную организацию» (Ленин 41: 8; Горев б.г.: 152), стоит учесть, что I съезд РСДРП признал «Союз» официальным представителем партии за рубежом. Ведущую роль в ней в первые же годы XX в. стал играть «большевизм» – левое крыло российской политической эмиграции. Издательства, типографии, библиотеки, склады, касса партии – все это находилось за границей (История КПСС 1964: 272–290). Меньше сведений о деятельности в это время за рубежом политэмигрантов иной идейной ориентации, хотя их тоже было немало (Гусев, Еритян 1968).

Некоторые активные деятели российских партий оказались вовлеченными в масонские ложи. Весной 1905 г. в них вступили десятки русских интеллигентов, как временно проживавших за рубежом, так и эмигрантов «со стажем», заставив царскую охранку задуматься над внедрением своих осведомителей и в эти объединения (Тютюкин и др. 1985: 48, 51).

Социальный состав политэмиграции из России заметно изменился после начала революции 1905 г.: в ее среде появились рабочие, крестьяне, солдаты; 700 матросов бежало в Румынию только с броненосца «Потемкин». Они устраивались на работу на промышленные предприятия. Если в начале 1880-х годов в вынужденном изгнании за рубежом находилось всего 500 человек (Воблый 1905; Тизенко 1909), то в следующую четверть века за счет расширения социального состава политэмиграции это число, по меньшей мере, утроилось.

Говоря о русских, находившихся за рубежом в последней четверти XIX – начале XX в., стоит отметить скорый рост числа трудовых (экономических) «переселенцев». Причиной их отъезда было не столько «относительное перенаселение», сколько различия в заработной плате за одни и те же виды труда в России и за рубежом. Несмотря на слабую заселенность территории России, эмиграция из нее возрастала. Царское правительство не публиковало этих данных. Все подсчеты тогдашних экономистов были основаны на иностранной статистике, прежде всего германской, долгое время не фиксировавшей национальную и конфессиональную принадлежность выехавших. На ее основании можно представить два основных направления отъезда трудовых эмигрантов из России: в Европу (Германию, Данию, Англию и т.д.) и за океан (США, Канаду, Австралию). До

1880-х годов число покинувших Россию по экономическим мотивам не превышало 10 тыс. человек, но затем оно начало расти вплоть до «пиковой отметки» – 109 тыс. человек в 1891 г., и резко спало после торгового договора России и Германии 1894 г., облегчившего переход границы с краткосрочными разрешениями, заменявшими паспорта и позволявшими ненадолго выезжать и возвращаться (табл. 1 и 2).

Следует, однако, учитывать, что данные этих таблиц дают представление о «подданных Российской империи», а не собственно о «русских». В дореволюционной литературе господствовало мнение, будто в те годы эмигрировали лишь «политические» да «инородцы», а «коренное население» (русские. – Авт.) за границу «не уходило», мигрируя лишь в пределах империи, главным образом в Сибирь. О том, что это верно лишь отчасти, говорит тот факт, что

Таблица 1

Эмиграция русских подданных в 1828–1915 гг. (в тыс. человек)

	1828–1859 гг.	1860–1890 гг.	1890–1915 гг.
В сумме	33 314	1 128 563	3 347 618
В среднем за год	1 074	37 619	133 904
% к среднему числу выехавших за год	0,6	21,7	77,7

Таблица 2

Распределение по странам «осевших» эмигрантов из России (1891–1900 гг.)

Страна	Число (тыс. человек)	% от числа выехавших
Соединенные Штаты	444	57,8
Канада	23	3,5
Аргентина	10	1,4
Бразилия	9	1,4
Южноафриканские страны	6	0,9
Австралия	0,3	0,1
Другие заокеанские страны	10	1,4
Европейские (без Англии)	35	5,7
Азиатские	30	7,9
Страны, название которых не указано	152	19,9
Итого	769	100

русские по происхождению все же уезжали навсегда за рубеж. Однако их эмиграцию (несколько сотен человек) трудно сопоставлять с «исходом» евреев (38% убиавших), финнов (13%), прибалтов (эстонцев, литовцев, латышей – 10%), немцев (7%). Выезд, как тогда говорили, «господствующей народности» (русских) составил в 1890–1900-е годы всего 2% уехавших и «важности не представлял» (Тизенко 1909: 8; Annual Report 1990).

Более половины выезжавших из России по экономическим мотивам в конце XIX в. оседало в США. С 1820 по 1900 г. сюда

прибыло и осталось 424 тыс. подданных Российской империи. Так, в 1891 г. («пиковый год» русской эмиграции) примерно 85% переселенцев, т.е. 93 848 человек, переместилось из России в США, и только несколько сотен уехало в Бразилию, Аргентину, Австралию и другие страны разных континентов. Пропорция эта на удивление стойко сохранялась и в другие годы, но собственно русских (к которым вдобавок относили и белорусов с украинцами) в этом потоке было всего 4,4% (Davis 1969).

Выезжали российские эмигранты через финские, русские, германские порты, где

Таблица 3

Динамика эмиграции сельскохозяйственных рабочих из России в Германию и Данию (тыс. человек)*

Год	Численность выехавших из России	Численность возвратившихся	Год	Численность выехавших из России	Численность возвратившихся
1902–1906	348 205	336 926	1910	638 885	636 825
1907	542 103	511 408	1911	739 969	736 697
1908	569 603	533 004	1912	793 716	766 505
1909	513 184	499 193			

* *Лейтес К.С.* Русские рабочие в германском сельском хозяйстве. Пг., 1914. С. 18.

Таблица 4

Сопоставление численности осевших эмигрантов с общей численностью выехавших из России в 1900–1917 гг.

Страны	Осевшие (тыс. человек)	% к общему числу	Страны	Осевшие (тыс. человек)	% к общему числу
Европейские	105	6,8	североамериканские,		
Азиатские	60	3,6	включая Канаду	74	4,5
Заокеанские:			США	1 300	78,5
– африканские	4	0,3	Не учтены в статистических материалах	30	1,8
– Австралия	3	0,3	Итого	1646	100
– южноафриканские	70	4,2			

* Международные и межконтинентальные миграции в дореволюционной России и СССР. М., 1928. С. 23.

** Из выехавших в Канаду бывших подданных Российской империи собственно русских было: в 1900–1903 гг. 11 000 человек (46%), в 1904–1908 гг. – 17 000 (34%), в 1909–1913 гг. – 64 000 (56%), а всего за 1900–1913 гг. – 92 000 человек (49%).

велся их учет. По данным германской статистики, за 1890–1900-е годы уехало всего 1200 православных, в основном – мужчины трудоспособного возраста, женщины составляли 15%, дети (до 14 лет) – 9,7%. По роду занятий выезжали в основном ремесленники (Де-Воллан 1902: 106), а по профессиям – портные и сапожники, которые регистрировались в США чернорабочими, прислугой, реже – сельхозрабочими, и еще реже – фермерами. 99,9% уехавших в рассматриваемое время были самого трудоспособного возраста: старше 14 и моложе 44 лет, грамотные среди них составляли 61,6%; владели несколькими профессиями (ремесленными, сельскохозяйственными) – 88,1% (Оболенский 1928: 58).

С большими сложностями столкнулись в то время некоторые представители православной конфессии и религиозных сект, пожелавшие законным путем оставить Россию. Число их было значительным, и в историографии даже сложилось мнение, что уехавшие по религиозным мотивам в конце XIX – начале XX в. составили «преобладающую часть русских эмигрантов из России». Согласно сведениям В.Д. Бонч-Бруевича, с 1826 по 1905 г. Российскую империю покинули 26,5 тыс. православных и сектантов, из которых 18 тыс. выехали в 1890-е годы и в первые годы XX века (Бонч-Бруевич 1909; Оболенский 1928: 59; Подьяпольская 1962).

На примере эмиграции духоборов (около 8 тыс. человек) можно составить представление об этом первом (за исключением казаков-некрасовцев, переселившихся в пределы Турецкой империи еще в XVIII в.) массовом потоке религиозных эмигрантов из России и о причинах их отъезда (Сулержицкий 1905: 7; Скворцов 1899: 320; Бодянский 1907: 64; Woodcock, Avakumovic 1977). Конфликт с властями (отказ от несения воинской повинности) и утопические надежды на свободу и равенство послужили толчком к принятию решения о выезде в 1896 г. Положительное решение вопроса об эмиграции духоборов в Канаду в 1898 г. в немалой степени было

результатом активной поддержки сектантов со стороны Л.Н. Толстого и «толстовцев» (Бирюков 1908: 169). Однако принцип неподчинения государственной власти во имя всеобщего равенства оказался несовместимым не только с русским, но и с канадским общественным устройством (Сулержицкий 1905: 330; Бонч-Бруевич 1909: 169–175).

В первые же годы XX века из России выехали и иные недовольные отсутствием свободы совести: штундисты (более 1000 человек), отправившиеся в Америку, духовные молокане, группа «Новый Израиль» (крестьяне Юга России, относившиеся к секте субботников и переселившиеся в Палестину) (Прокофьев 1990: 21–23).

Определенным рубежом в истории российской диаспоры явился 1905 г. Манифест 17 октября, провозгласивший амнистию политическим заключенным, способствовал возвращению на родину многих из тех, кто вынужден был жить за рубежом. Вернулись почти все представители народнических демократических партий. Из российских марксистов за рубежом остался один Г.В. Плеханов. Но эйфория длилась лишь несколько месяцев. В условиях спада революции 1905–1907 гг. по стране прокатилась лавина арестов, вызвавшая новую волну политической эмиграции. Бежали в автономную Финляндию, а когда российская полиция добралась и туда – в Западную Европу. Начался новый этап в истории российской политэмиграции – россияне ехали в Швейцарию, в Париж, Вену, Лондон, Северную и Южную Америку, в Австралию, так что в 1910-е годы за рубежом оказалось несколько десятков тысяч русских политических эмигрантов (ГАРФ 2).

Особенно много их было в США. В 1893 г. американское правительство даже подписало договор с Россией о взаимной выдаче государственных преступников, в том числе и политических (Единая Америка 1948: 32), но его реализация была сорвана американскими демократами-радикалами во главе с членом палаты

**Половозрастной состав российских эмигрантов,
прибывших в США в 1905 и 1909 гг. (в %)**

	1905 г.	1909 г.
Пол:		
– мужской	83	86,4
– женский	17	13,6
Возраст:		
– до 13	10,1	6,6
– 14–45	81	91,1
– старше 45	8,9	2,3

представителей Г. Парсоном и журналистом Дж. Кеннаном. Они были членами так называемого Общества друзей русской свободы, оказывавшего материальную помощь российским политэмигрантам (Тудоряну 1986: 273; Дубровский 1975: 350) (ныне Институт перспективных российских исследований в США носит поэтому имя Дж. Кеннана).

После 1905–1907 гг. выросло и число отъезжающих по экономическим мотивам. Так, большинство сельхозрабочих из России принимали Германия и Дания, но лишь 1% крестьян захотел получить иностранное подданство, остальные старались вернуться назад (Дубровский 1975: 350; см. табл.3).

Собственно русских среди российских экономических эмигрантов того времени было также мало. Из прибывших в Германию в 1911–1912 гг. почти 260 000 человек русскими «записались» лишь 1915, а в 1912–1913 гг. примерно из того же числа – 6360 (Воблый 1924: 7).

Большинство выехавших в Европу по экономическим причинам русских ехали исключительно ради заработка. Многие из них возвращались, разочарованные большей жесткостью правил и стандартов труда, неожиданно тяжкими условиями жизни (что отмечено в отчетах российских губернаторов) (Оболенский 1928: 19). Иное дело (см. табл. 9) – заокеанские страны – США, Аргентина, Бразилия, Канада, Австралия, отчасти Африка. Ехавшие туда

сразу готовились сменить подданство и вместе с ним образ жизни и структуру ценностей. Эмиграция в Европу была «эмиграцией холостых» (см. табл. 6), за океан же отъезжали целыми семьями, о чем можно судить по половозрастному составу эмигрантов (см. табл. 5).

В Германию и скандинавские страны отправлялись чаще всего по собственному почину безземельные, безлошадные, разоренные. В Америку и Австралию попадали иные. Десятки тысяч вербовщиков эмиграционных компаний обещали молодым, предприимчивым, физически крепким и здоровым (велся медицинский контроль) мужчинам большие заработки и свободную жизнь. Их в одни только США отправилось 2,6 млн человек (1900–1916 гг.), но не столь уж много было среди них русских. Русские, как и ранее, составили и наибольшее число вернувшихся на родину (см. табл. 11), процент реэмигрантов среди немцев и евреев был незначителен. Хотя категоричное утверждение официальной статистики о том, что эмиграционное движение из России имело «инородческий характер», едва ли верно (Щербатский 1914: 118). Замечу, что численность уезжавших русских постоянно росла: если в 1900–1906 гг. в США их выехало не более 20 тыс., то в 1907–1914 гг. уже 144 тыс. Положение несколько изменилось в связи с Первой мировой войной, почти прекратившей массовый отъезд из России.

Не одни лишь экономические сообра-

Таблица 6

Эмиграция в США и возвращение в Россию в 1908–1913 гг.

Год	Прибыло из России		Выбыло в Россию	
	всего человек	из них русские	всего человек	из них русские
1900	90 787	1 165		
1901	85 257	672	–	–
1902	107 347	1 551	–	–
1903	136 093	3 608	–	–
1904	145 141	3 961	–	–
1905	184 897	3 272	–	–
1906	215 665	5 282	–	–
1907	258 943	16 085	–	–
1908	156 711	16 324	37 777	6 636
1909	120 460	9 099	19 707	3 819
1910	186 792	14 708	17 369	4 223
1911	158 721	17 581	17 053	6 508
1912	162 395	21 101	34 681	8 139
1913	291 040	48 472	26 923	7 980

жения служили мотивом для отъезда из России начала XX в. известных деятелей культуры. Их первый поток сформировался из «маятниковой миграции»: вначале часть из них оказалась за границей в первые годы XX в. благодаря «Русским сезонам» С.П. Дягилева (Дягилев 1982: 131). Вместе с открытой в Париже выставкой русского искусства, «сезоны» стали толчком к рождению российской культурной эмиграции, сохранению интереса и любви к русской культуре среди той части зрителей, которые уехали из России еще в XIX в., но продолжали ощущать себя русскими, говорили по-русски и воспитывали детей в «русском духе» (Стернин 1976: 106–107; Бенуа 1909; Биск 1963). Пожар Первой мировой застал многих из них вне России. Их работавшие на родине родственники также создавали для себя «пути к отступлению» и воспользовались ими после революции 1917 г.

Февральская революция 1917 г. была концом *антицаристской* политической эмиграции. В марте 1917 г. на родину вернулись даже такие ее «старожилы», как

Г.В. Плеханов и П.А. Кропоткин. Для облегчения репатриации в Париже образовался Комитет по возвращению в Россию во главе с М.Н. Покровским, М. Павловичем [М.Л. Вельтманом] и др. Аналогичные комитеты возникли в Швейцарии, Англии, США (Кузнецова, Кулагина 1963: 24).

В то же время победившая демократическая революция положила начало новому потоку «невозвращенцев». Уже к концу 1917 г. за рубежом оказались выехавшие в течение лета-осени некоторые члены царской фамилии, представители аристократии и высшего чиновничества, лица, выполнявшие дипломатические функции за границей и после сложения полномочий оставшиеся там. Их отъезд не был массовым, а количество вернувшихся после долгих лет на чужбине было больше числа выезжавших.

Русские эмигранты после 1917 года

Иная картина начала складываться с ноября 1917 г. Политическая эмиграция из России приняла характер антисоветской,

антибольшевистской, антикоммунистической. Вряд ли верно видеть в «белой эмиграции» только представителей эксплуататорских классов: верхушки армии, купечества, чиновничества, обанкротившихся политических деятелей и «участников банд... Булак-Балаховича, Петлюры» (Мухачев 1982: 38). Все было сложнее: «...представители всех классов, сословий, положений и состояний, трех (или четырех) поколений русской эмиграции» составили ее (Гиппиус 1930: 18).

Людей гнал за границу ужас насилия. Наряду с многолюдными эвакуациями частей белых армий, за пределы «кровью умытой» Родины (Артем Веселый) уезжали «буржуазные специалисты», получая под разными предлогами командировки. О национальном, половозрастном, социальном составе уехавших может сказать информация, собранная в 1922 г. в Варне (3354 опросных листа). Уезжали русские (95,2%), мужчины (73,3%), среднего возраста от 17 до 55 лет (85,5%), образованные (54,2%) (Комин 17–18). Точную численность этой волны эмиграции установить сложно, так как не велось учета ни во время отъезда людей из России, ни после. Обычно называют цифру в 1,5–2 млн человек (Ленин 43:126; 44: 5, 39; Семанов 2001: 123; Барихновский 1978: 15; Куприн 2000: 5).

Географически эмиграция из России была направлена в Европу. Первый путь заканчивался в государствах Прибалтики – в Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии. Второй вел в Польшу. Оседание эмигрантов в соседних с Россией странах объяснялось их надеждами на скорое возвращение на родину. Позже эти неоправдавшиеся надежды заставили выехавших податься в Германию, Бельгию, Францию. Третий путь вел в Турцию, а оттуда опять же в Европу, – на Балканы, в Чехословакию и Францию. Через Константинополь в 1918–1922 гг. прошло около 300 тыс. русских эмигрантов.

Четвертый путь эмиграции российских политических беженцев связан с Китаем.

Еще в начале XX в. в Квантунской области возник особый район их расселения (в 1905 г. – 10 тыс. русских). Отдельные группы россиян с семьями оказались в США и Канаде, в странах Центральной и Южной Америки, Австралии, Индии, Новой Зеландии, Африке и даже на Гавайях. К 1920-м годам на Балканах сосредоточились военные, в Чехословакии – те, кто был связан с антибольшевистским Комитетом Учредительного собрания, во Франции – русская элита и интеллигенция, в США – предприимчивые люди. «Перевалочным пунктом» для одних был Берлин (там ждали «окончательной визы»), для иных – Константинополь (Мухачев 1982: 120) (см. табл. 7).

Центром политической жизни русской эмиграции в 20-е годы был Париж: там были многие ее учреждения, проживало десятки тысяч русских. Менее значительными центрами их расселения оставались Берлин, Прага, Белград, София, Рига, Гельсингфорс (Johnston 1988). Возобновление и затем угасание деятельности за рубежом разных российских политических партий подробно представлено в литературе (Горбунов 1923: 112; Милуков 1926: 135; Postnikov 1939: 356). А вот быт и этнографические характеристики той волны российской политической эмиграции не описаны.

Лишь немногим из эмигрантов удавалось пробиться в верхи общества в других странах, большинство жило в нужде. Поставленные вне закона, они едва смирились с имущественными потерями, но «никак не с тем, что из жизни может быть вышвырнуто их “я”» (Толстой 1958: 279). Этот «комплекс выживания» (Williams 1972) подпитывался страстным стремлением «выжатых» с родины русских людей сохранить за рубежом не просто свою «русскость», но и прежнюю социальную значимость.

Наметившееся после окончания гражданской войны «возвращенчество» в Россию не приняло всеобщего характера ни в период объявленной в 1921 г. политиче-

ской амнистии, ни после. Но несколько лет оно все же было значительным. Так, в 1921 г. в Россию возвратилось 121 343 уехавших, а всего с 1921 по 1931 г. – 181 432 человек. Этому немало способствовали «Союзы возвращения на Родину» («Сов-

народы») и самый крупный из них в Софии. С репатриантами, однако, несмотря на обещания, власти не церемонились. Многие бывшие офицеры и военные чиновники расстреливались сразу же по прибытии в Россию, часть унтер-офицеров и

Таблица 7

**Расселение российских эмигрантов в 1920–1925 гг.
по странам мира* (в тыс. человек)**

Страны	Годы			
	1920	1921	1923	1925
Европейские:				
– Австрия	–	5	–	2,5
– Англия	–	15	15	3
– Бельгия	–	–	–	10
– Болгария	40	–	50	26,5
– Венгрия	–	5	10	5,3
– Германия	560	300**	400	150
– Италия	20	15	15	1
– Литва	–	50	5	10
– Латвия	–	15	30	40
– Польша	1 000 000***	400	125	90
– Румыния	10	10	10	–
– Франция	175	400	125	90
– Финляндия	–	25	50	18
– Чехословакия	–	50	35	30
– Швейцария	–	4	–	2,3
– Эстония	–	20	–	–
– Югославия	20	35	50	свыше 3
Азиатские:				
– Китай	–	–	100	76
– Индия	–	–	2	–
Африканские:				
– Тунис	свыше 5	–	–	–
– Египет	–	–	1	1
США	–	–	около 30	–
Турция	200	90	10	3
Кипр	1,5	–	–	–

* Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 120.

** На начало года. В конце 1921 г. число российских эмигрантов в Германии достигло 600 тыс., но уже в 1922 г. их численность стала снижаться.

*** с учетом поляков, вернувшихся на родину из России, куда они были эвакуированы в годы Первой мировой войны

солдат оказались в северных лагерях.

Вернувшиеся призывали новых «возвращенцев» не верить гарантиям большевиков, оставаться за границей, писали комиссару по делам беженцев при Лиге наций Ф. Нансену (Нансен-Хейер 1971: 57). Это иногда помогало: нансеновская организация и проект паспорта, предложенный им и одобренный 31 государством, способствовали размещению и обретению места в жизни 25 тыс. россиян, оказавшихся в США, Австрии, Бельгии, Болгарии, Югославии (Сёмочкина 2005: 91).

Послеоктябрьская волна отъезда из России по политическим причинам совпала с новым потоком религиозной эмиграции. Ныне страну покидали представители православного духовенства – и высшие его чины, и рядовые священники, дьяконы, синодальные и епархиальные чиновники всех рангов, преподаватели и учащиеся духовных семинарий и академий. Общее число лиц духовного звания среди эмигрантов составляло всего 0,5% (Гордиенко 1987: 33), но даже малочисленность уехавших не предотвратила церковного раскола.

20 ноября 1921 г. в югославском городе Сремские Карловицы было создано так называемое общее собрание представителей русской заграничной церкви, переименованное в ходе его работы в «Русский всезаграничный церковный собор» (Горев б.г.: 13). Руководящим центром русской церковной эмиграции собор назначил Высшее русское церковное управление за границей (ВЦУ), состоящее из Синода и церковного совета. Карловацкое ВЦУ возглавил бывший митрополит Киевский и Галицкий Антоний. Официальным органом РПЦ за границей был объявлен двухнедельник «Церковные ведомости». Он начал выходить с 1922 г. Однако патриарх Тихон указом от 22 мая 1922 г. отказался признать заграничное ВЦУ и передал управление западноевропейскими приходами архиепископу Евлогию, возведенному по такому случаю в сан митрополита

и обосновавшемуся в Париже. РПЦ за рубежом раскололась на два течения. Последовали взаимные обвинения в ереси, не остывшие спустя десятилетия.

Рядовые миряне-эмигранты всегда были далеки от этих раздоров. Они ходили в церковь (в довоенном Париже было свыше 20 православных русских церквей, в том числе и известный по сей день собор на rue Daug). По словам эмигранта Л. Любимова – «так уже повелось» – у правого клироса собиралась эмигрантская «знать», а во дворе – толпы людей попроще (Любимов 1963: 126). Оставаться православным для многих эмигрантов того времени означало чувствовать себя русским. Вера была духовной опорой тех, кто верил в возрождение жизненного уклада прежней Российской державы, в «уничтожение коммунизма и безбожия» (Левицкий 1981: 53; Православный русский фашизм 1937).

«Из России ушла не маленькая кучка людей, группировавшихся вокруг опрокинутого жизнью принципа; ушел весь цвет страны» (Последние новости...), обуславливая громадные потери в области культуры. Уехали тысячи творческих, знающих, одаренных людей, желавших продолжить свою научную и культурную деятельность за рубежом. Показательно, что в 1921–1930-х годах за границей было проведено 5 съездов «академических организаций» бывших российских университетов. За 15 лет нашими соотечественниками за рубежом было издано 7038 названий заметных в научном отношении исследовательских работ (Ковалевский 1971: 133; Beyerly 1973). Достижения русских эмигрантов-литераторов и артистов вошли в золотой фонд отечественной литературы и искусства, не испытав идеологических деформаций (Ковалевский 1971: 130–163; Варшавский 1956; Яновский 1983; Гуль 1981; Raeff 1990: 251).

Большинство литераторов оказались в Париже. От выходцев из иных европейских и азиатских стран их отличала но-стальгия, неумение, а зачастую и нежелание приспособиться к местным условиям,

«перестать быть русскими». Даже молодое поколение русских писателей и поэтов, если не рожденное, то выросшее за рубежом, творило в русле традиций великой русской литературы XIX – начала XX в. (Струве 1984).

Военная угроза, нависшая над миром в 1930-е годы, сильно изменила настроения в русской диаспоре. Ее левое крыло осуждало Гитлера и фашизм, иная часть ее возлагала надежды на отвагу русской армии, способной, как они думали, отразить фашистов, а затем ликвидировать и большевизм. Третью группу эмигрантов составляли будущие коллаборационисты (Кожин 1977: 17; Ковалевский 1971: 231; Мейснер 1966: 238).

Ко времени нападения Германии на СССР численность наших соотечественников во всех странах уже сильно сократилась. Часть представителей старшего поколения просто умерла. Примерно 10% уехавших ранее (1917–1939) вернулись на родину. Кто-то принял новое гражданство, перестав быть эмигрантом. Так, во Франции по сравнению с 1920 г., численность русских сократилась в 8 раз (осталось 50 тыс. человек), в Болгарии и Югославии – по 30 тыс. Всего около 1000 проживало тогда в Маньчжурии и Китае, хотя в 1920-е насчитывалось до 18 тыс. человек (Ковалевский 1971: 31; Аблова 1973: 317; Balawyder 1939: 15–30).

22 июня 1941 г. окончательно размежевало соотечественников. В оккупированных фашистами странах начались аресты русских эмигрантов (Рубакин 1966: 346–348; Аблова 1973: 327) и развернулась агитация с призывами «врагов большевизма» вступать в немецкие воинские части. В первые же месяцы войны свои услуги фашистскому командованию предложили генералы П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро. И на оккупированных советских территориях нашлись люди, согласившиеся на сотрудничество с захватчиками (Мейснер 1966: 243). Впоследствии они дали начало новому потоку покидающих Россию.

Хорошо известно массовое вступление русских эмигрантов в ряды Сопротивления и иные антифашистские организации (Любимов 1963: 325). Многим из них, проявившим себя русскими патриотами, Указами Верховного Совета СССР от 10.11.1945 г. и 20.01.1946 г. было предоставлено право получить гражданство СССР. В Югославии в 1945 г. таковых нашлось свыше 6 тыс. человек, во Франции – 11 тыс. Сотни обращались в возобновившую свою работу консульскую миссию в Шанхае (Внешняя политика 1958: 136; Тарданов 1963). Часть эмигрантов оказалась на родной земле в результате экстрадиции; им были суждены заточение и ссылка в лагеря. Выжив после освобождения, они почти все остались жить на ро-

Таблица 8

Распределение по странам русских и украинских эмигрантов в 1947–1951 гг.* (в тыс. человек)

Страна	Число уехавших	% к общему числу уехавших	Страна	Число уехавших	% к общему числу уехавших
США	77,4	53,4	Аргентина	4,4	3,0
Австралия	25,2	17,4	Бразилия	6,4	4,4
Канада	23,2*	16,0	Другие***	8,3	5,8

* Марианский А. Современные миграции населения. М., 1969. С. 66.

** Общая численность русских в Канаде в 1951 г. достигла 91,3 тыс. человек.

*** В это понятие включены все страны Латинской Америки (численность русских, проживавших там, достигла в 1951 г. 110 тыс. человек), а также ЮАР.

дине, отказавшись от иностранных паспортов (Спатарель 1972: 252).

Завершение разгрома фашизма в 1945 г. означало новую эпоху и в истории русской эмиграции. На родину ехали те, кто был уже стар, испытал преследования в годы «коричневой чумы» и хотел умереть в России. Другие боялись начинать новую жизнь, опасались «не вписаться» в советский строй. Те, что не поехали «к большевикам», составили так называемую старую эмиграцию. Вместе с тем возникла и «новая» – из лиц, именовавшихся «ди-пи» (displaced persons – перемещенные лица). Их после окончания Второй мировой войны оказалось около 1,5 млн человек (Тарле 2004: 45).

Были среди них и русские военнопленные, насильно вывезенные в Европу, и военные преступники, и коллаборационисты, стремившиеся избежать возмездия. Все они быстро получали льготные права на иммиграционные визы в США: там не было проверки на бывшую лояльность к фашистским режимам. Всего же в разных странах мира только при содействии Международной организации по делам беженцев было расселено около 150 тыс. русских и украинцев (их отдельной статистики до 1951 г. нет). Из таблицы 8 видно, что более половины беженцев расселилось в США, немало их оказалось в Канаде и Австралии. «Беженцами» стали называть и жертв фашистского режима, и коллаборационистов, и тех, кто в сталинское время «преследовался вследствие политубждений» (Официальные отчеты 1947: 94). Последним из них президент США Г. Трумен призвал оказывать «особую помощь и поддержку» (Vernant 1951: 14).

В годы «холодной войны» европейские правительства не препятствовали созданию новых антисоветски настроенных эмигрантских организаций и обновлению старых. Так появился НТС (Герэн 1972: 162). Они объединяли так называемую молодую эмиграцию со старой (среди ее представителей многие были русскими, выросшими за границей и русский язык

был для них уже не основным). Одновременно развивалось «возвращенчество», чему немало помогала пропаганда, развернутая СССР с целью побудить эмигрантов вернуться на родину (Klimoff 1983: 159; Jeletzky 1983: 67–81).

С 1950-х годов число эмигрантов – выходцев из СССР – резко снизилось (Programm Data Directorate 1982). Послевоенная проблема «перемещенных лиц» решалась или была уже решена. СССР отделял от других стран Европы и США «железный занавес». Строительство Берлинской стены в начале 60-х годов означало, что последнее «окно в Европу» закрылось. Единственным способом выбраться за рубеж на постоянное жительство в 50–60-е годы оставалось «невозвращенчество», но им могли воспользоваться лишь члены официальных делегаций и редких групп туристов. Случаи были столь единичными, что не влияли на процесс в целом.

Новая и последняя *советская* волна политических эмигрантов из России связана с концом 1960-х годов и движением инакомыслящих. Считается, что в ее основе лежали (в порядке значимости) национальный, религиозный и социально-политический факторы (Jaroshevsky 1983: 89–90). Первый из перечисленных для русских значения не имел, второй и третий были существенны. Началось все с побега из советского посольства в Дели (Индия) дочери И.В. Сталина Светланы Аллилуевой. По своей воле, но от ощущения нереализованности невозвращенцами стали актеры (С. Крамаров), писатели (В. Некрасов), кинорежиссеры (А. Тарковский), артисты балета (М. Барышников, Р. Нуриев). Жалел об отъезде поэт и сценарист А. Галич, умерший на чужбине. Ностальгировавшие по жизни в России философ А. Зиновьев, писатель А. Солженицын, виолончелист М. Ростропович, политик А. Амальрик считали свое возвращение возможным, но не ранее времени падения тоталитарного строя. Среди уехавших большинство составляли люди с высшим образованием, за рубежом они получали нема-

ленькие социальные пособия, зачастую – возможность преподавать, писать, публиковаться, снимать кино и сниматься (Логинов 1989: 80; Ушкалов 2000: 129). Эти образованные группы русских за рубежом выступили (как это было и в 1920–1930-е годы) с инициативой общественных объединений. Неудивительно, что в феврале 1973 г. состоялся учредительный съезд Конгресса русских американцев, который заставил заговорить о себе, изучая русское наследие в Америке, ставя целью помогать русским в духовном возрождении, бороться с русофобией. В те же годы в Нью-Йорке возник русскоговорящий район (Брайтон-Бич), а в общественном дискурсе возникло словосочетание «русская мафия» (Нитобург 1999: 34; Семанов 2001: 31).

В западной печати фигурируют разноречивые данные о численности покинувших СССР в «годы застоя». Наиболее часто встречаются цифры: 170–180 тыс. человек за 1971–1979 гг. и 300 тыс. человек за 1970–1985 гг. (Rueschmeier, Golomstok 1985: 2). Но стоит учесть, что абсолютное большинство уехавших тогда – это использовавшие израильские визы (в 1968–1976 гг. их было выдано 132 тыс.). Разумеется, среди уехавших случались, скажем, русские диссиденты, евреями не являвшиеся, а русских – членов еврейских семей называли потому в обыденной речи «полупроводниками».

Составляющие последней волны – невозвращенцы из числа деятелей культуры и науки и диссиденты – часто сливались (Каменский 1991: 14). Мотивы выезда деятелей культуры были чаще всего экономическими, реже политическими или творческими, чаще же были неразделимы. Реже ехали по своей воле, чаще – по требованию «оставить страну», исходившему от «компетентных органов» (Rueschmeier, Golomstok 1985: 60–121). Что же касается «чисто политических» диссидентов, то они по социальному составу были представителями в основном технических профессий, реже – студентами, лицами со средним образованием, еще реже – специ-

алистами в области гуманитарных наук (Зубов 1982: 144).

Явным рубежом в истории эмиграции советских диссидентов стал 1975 год – год подписания Хельсинкского акта, поставившего проблему прав человека, в том числе права на эмиграцию. Конгресс США принял поправку Джексона-Вэнека о том, что статус наибольшего благоприятствования в торговле с США будет предоставляться лишь тем странам, которые не чинят препятствий к эмиграции (Frederiksen 1969: 152). Это подтолкнуло часть диссидентов в СССР к оформлению движения за «право на выезд», а советские власти – представлять каждую насильственную высылку как гуманный акт. Позже открылся и третий путь высылки за границу нелояльных лиц: помимо лишения гражданства и «добровольного отъезда» возник обмен политзаключенными (Буковский 1978: 378). Конечно, в 70-е годы количество уехавших и высланных по политическим мотивам было ничтожно малым, но дело было «не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания».

Одновременно с последней волной политической эмиграции из России (1970-е годы) в СССР начал оформляться новый поток отъезжающих по религиозным мотивам. Речь идет о пятидесятниках, составлявших в то время несколько сотен тысяч человек. Это религиозное течение в нынешнем его виде существует в России с начала XX в. Однако в Совете по делам религий и культов, созданном в 1945 г., пятидесятники не были зарегистрированы. Возник конфликт с властями, причиной его стала их «антиобщественная деятельность», под которой понимался отказ от самой регистрации, а также от несения воинской повинности (Пятидесятники 1975: 839–840). Пятидесятники открыто стремились «к исходу», но права на него не получали. Первый список желавших эмигрировать был составлен в 1965 г., но лишь весной 1973 г. их начали понемногу выпускать. В феврале 1977 г. о желании выехать из СССР по религиозным причинам заяви-

ло более 1 тыс. человек, в 1979 г. – около 30 тыс. человек. Начались открытые преследования, а с 80-х годов и аресты, продолжавшиеся вплоть до 1985 г., когда наступили решительные перемены (Список политзаключенных 1982: 4–5). Только в 1989 г. по религиозным мотивам страну покинуло около 10 тыс. человек, среди них и многие пятидесятники (Voer et al. 1982).

Что же касается организации РПЦ за рубежом, то стоит сказать о сохраняющихся противоречиях в ее среде, объясняемых неизжитыми последствиями Карловацкого раскола. Несмотря на призыв патриарха Алексия от 10.08.1945 г. (см. «Ко всем архиепископам и клиру так называемой Карловацкой ориентации»), объединения церквей за рубежом не произошло. Большинство представителей «карловчан» из лагерей для «ди-пи» перебралось в 1946–1950 гг. в США, так что центр Русской зарубежной церкви (РЗЦ) после войны обосновался в американском городке Джорданвилле (штат Нью-Йорк) (Граббе), и созданное в 1959 г. братство «Православное дело» (в Брюсселе) стало активно содействовать распространению и расширению православия именно с позиций РЗЦ. Филиалы братства возникли в Женеве, Париже, Франкфурте-на-Майне, Мюнхене.

Идеи РЗЦ не имели господствующего влияния в среде эмигрантов. Крайний политический консерватизм и монархическая ориентация ее деятелей оказались неприемлемыми для той части эмиграции, которая видела пути к реализации своих целей и надежд в новом христианстве. У представителей этого направления в зарубежном русском православии *религиозное* выступало как национально-религиозное, то есть преобладающим мотивом оставалась «русскость», а вместе с нею и православие. Рупором «нового христианства» стал «Вестник Русского (студенческого) христианского движения», издаваемый в Париже (Ковалевский 1971: 134, Ellis 1984: 265). Этот журнал, наряду с другими церковными печатными органами РПЦ за рубежом, равно

как и Западноевропейская Русская Православная Архиепископия, при участии общества «Икона» и Богословского института в Париже вошли в рабочий комитет ознаменования тысячелетия крещения Руси (образован в марте 1985 г.) и активно работали в нем. В июне 1988 г. эта дата была торжественно отмечена в РФ и за рубежом. Уже тогда наметились первые шаги к сближению тех, кого разделил «карловацкий раскол», РЗЦ перестали именовать «эмигрантской религиозно-политической группировкой» (Рар 2011), признавая ее роль в объединении разбросанных по странам соотечественников.

Эмиграция 1990 – 2010-х годов

Эмиграцию 1970-х – начала 80-х годов, состоявшую главным образом из инакомыслящей интеллигенции, сменила «перестроечная» волна уезжавших навсегда (Пальников 2013: 253). Старт был дан «новым политическим мышлением» М.С. Горбачева, выводом войск из Афганистана, либерализацией прессы и формулировкой норм въезда/выезда – едва ли не впервые в российской истории (Красинец 1997; Скутнев 2009: 7). Первым делом возможность смены места жительства была предоставлена имеющим родственников за границей (евреи, немцы, реже – греки) (Денисенко-1). Это была новая волна экономической эмиграции, поскольку политическая казалась навсегда сведенной на нет, а эмиграция деятелей науки и культуры чаще всего сводилась к экономической (Иконников 1993: 7). Это дало основания назвать эту волну эмиграции из бывшего СССР «колбасной эмиграцией» (см., напр.: Чуприна 2012). Тот факт, что основным мотивом отъезжающих – а их было около 500 тыс. чел. (Скутнев 2009: 7) – стало улучшение качества жизни, сделал русских эмигрантов этой волны более схожими с уезжающими из других стран. Особый и мощный поток производственной эмиграции составили тогда научные кадры (Миграционные процессы 1997).

Таблица 9

**Межгосударственная миграция в Российской Федерации
за 1994–1998 гг. (тыс. человек)**

	1994	1995	1996	1997	1998
Эмиграция из России, в том числе	345,6	347,3	291,6	233,0	213,3
– в страны СНГ и Балтии	113,9	229,3	191,4	149,5	133,0
– в другие страны	231,7	118,0	100,2	83,5	80,3

Таблица 10

**Эмиграционный отток из России по российским
и зарубежным данным* (тыс. чел.)**

Страны	Период оценки	Число эми- грантов по российским данным	Иммиграция из России по зарубежным данным
Израиль	2003–2009	10,1	29,4
Канада	2003–2010	4,7	24,1
США	2003–2010	20	99
Франция	2003–2008	1,3	21,4
Австралия	2003–2010	1,4	3,5
Германия	2003–2009	117,7	148,1
Испания	2003–2009	2,3	43,5
Италия	2003–2008	1,7	20,3
Финляндия	2003–2009	5,7	16,4
Австрия	2003–2009	0,7	16,8
Швейцария	2003–2009	0,5	2,1
Нидерланды	2003–2009	0,7	4,1
Дания, Норвегия, Швеция	2003–2009	2,8	20,1
Итого		169,6	448,8

* Российские данные – число снявшихся с регистрационного учета по месту жительства в связи с отъездом за рубеж. *Источник:* Росстат, ЦСБД; <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/database/cbsd>. Зарубежные данные см.: (Денисенко-1).

Всего в 1985 г. выехало 6 100 человек; в 1987 г. – 39 129; в 1988 г. – 108 189; в 1989 г. – 234 994; а в 1990 г. – 453 600 человек (Большаков 1991: 5; Lerner 1989: 23–25). Для ускорения выезда многие русские все так же использовали израильские визы (если была хоть малейшая зацепка среди родственников), некоторые даже остались в Израиле. Из уехавших в Израиль из СССР в 1990 г. 3%, или около 3 тыс. человек, евреями не были. Много граждан СССР уехало тогда в ФРГ (32%), Грецию

(5,3%), США (2,9%). По данным Госкомстата, средний возраст отъезжавших был 30 лет, $\frac{2}{3}$ из них составили мужчины, 34% – служащие, 31% – рабочие, 2% – колхозники, 4% – учащиеся, 25% незанятое в производстве население и пенсионеры. Среди подавших заявления 99,3% граждан никакими языками, кроме русского, не владели (Юревич 1991: 6). Ехали, как и раньше, преимущественно евреи, немцы, греки, армяне (Скутнев 2009: 6), но и доля уехавших русских на протяжении 1990-х

росла: с 24% в 1993 г. до 36,5% в 1998 г. (почти половина уехавших русских – почти 47% – перебралась в Германию, четверть – в Израиль, 15% – в США). В числе уехавших в 1998 году русские составили 64% подавших прошение на постоянное проживание в Штатах, более 75% отправившихся в Канаду и более 55% – в Израиль (Бруй и др. 1999: 38).

Отправлявшихся из России в 1990-е годы по «творческим мотивам» можно разделить на четыре типа. Первый – «элита», 1% известных ученых (в том числе этни-

ческих русских, но все же большинство уехавших были евреями), которым за рубежом дали лаборатории и институты. Второй – имевшие родственников за границей. Третьи – отъезжавшие «по справочнику», кто сам нашел место работы, находясь на родине. Четвертые ехали «все равно куда», считая, что здесь будет хуже (Юревич 1991: 5). Из эмигрировавших половина устроилась за рубежом по специальности (физики, математики, биологи, врачи, лингвисты), более половины (55,9%) имели степень кандидата, 16,2% –

Таблица 11

Родившиеся на территории России, но проживающие за рубежом без сохранения российского гражданства (в тыс. чел.)

Страна	2000–2001 гг.	2010–2011 гг.
Австралия	15,0	15,4
Канада	50,9	64,1
Новая Зеландия	3,1	4,8
США	340	470
Франция	17,0	34,1
Ирландия	2,5	4,5
Дания	2,2	4,7
Норвегия	3,8	14,2
Австрия	–	27,3

Таблица 12

Сохраняющие паспорт РФ и проживающие за рубежом (в тыс. чел.)

Страна	2000–2001 гг.	2010–2011 гг.
Австрия	3,7	22,8
Бельгия	2,9	12,8
Дания	2,1	3,9
Германия	136,1	191,3
Норвегия	3,2	10,8
Швейцария	5,8	11,6
Испания	4,6	48,8
Чехия	12,8	31,8
Италия	13,1	34,4
Кипр	–	8,7
Япония	4,9	7,8
Китай	–	менее 10 тыс.

Источник: российские и зарубежные данные статистических служб. Цит. по: (Денисенко-1)

доктора наук, около половины уехавших были моложе 40 лет (48,5%) (Некипелова и др. 1995). Как и музыканты, артисты балета, они сравнительно легко «вписались» в тамошнюю жизнь. Гуманитариев уезжало меньше. Им было сложно устроиться на работу, а уход «из науки в таксисты» (как это бывало в 1920-е годы) уже не прельщал.

Но ехали не только те, кого ждали. И пока бывший СССР «открывал шлюзы», правительства зарубежных стран вводили квоты. Трудней стало получить статус «беженца» («жертвы коммунистических преследований») в Дании, Норвегии, Италии, Швеции – довод, безотказно работавший в годы застоя (Озеров 1991: 14). Резко сократили прием Швейцария, Испания, ФРГ, Австралия, Англия, Франция (Косинский 1991). Но ряд государств хотел принимать и далее бывших советских граждан: Канада увеличила свою квоту до 250 тыс. (Известия. 1990. 25 окт.; Комсомольская правда. 1991. 10 авг.), а США – до 700 тыс. человек в год (Аргументы и факты. 1991. № 9; Известия. 1990, 28 окт.; 1991, 28 фев.). К 1993 г. специалисты прогнозировали до 2,5 млн эмигрантов из Восточной Европы, а потенциальными эмигрантами называли до 25 млн человек. До 25% детей из крупных городов России, по данным социологического опроса 1991 года, были готовы покинуть родину (Аргументы и факты. 1991. № 29).

Новая страница истории России была начата бурными событиями 1991 года. Постсоветский период истории страны стал и новой страницей истории отъезда из нее (на время или навсегда) части россиян. 20 мая 1991 г. был принят Закон № 2177-1 «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР». С января 1993 г. вошло в действие Постановление Верховного Совета РФ № 4183-1 о необходимости соблюдения права граждан на свободу перемещения, а в августе 1996 г. на основе того же Постановления был обнародован Федеральный закон

№ 114 «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». Неоднократно подвергавшийся изменениям он действует по сей день (http://www.urprofy.ru/zakontxt_pasport4.php).

Перечисленные нормативные акты открыли новую страницу в истории российской эмиграции – до того в России не было принято ни одного аналогичного законодательного документа за всю ее историю (Де Танги 2012): эмиграция из страны существовала, но ее никак не регулировали.

Массовые перемещения граждан из своих стран стали в 1990-е чертой времени, характеризуя не только особенности миграционно-демографических процессов РФ и постсоветского пространства, но и Европы, Америки и Азии (Цапенко 2004: 27–39; Тишков 2001: 9–44). Смена места проживания стала для россиян делом свободного выбора. Многие решались на отъезд, веря в удачу: до 2002 г. в разные страны выехал 1 млн чел. В литературе эту волну именуют «перестроечной». Один миллион – цифра, возможно, преуменьшенная МВД, заинтересованным в приукрашивании реального положения дел, но с 1989 по 2002 гг. страну покинули не менее 1 млн 269 тыс. чел. (Полян 2005). Их отъезд стал органической частью всемирного движения населения (Юдина 2006: 304). Количество уехавших этнических русских трудно выявить в статистике. Скажем, с 1992 по 2000 гг. только в Германию и Израиль эмигрировало более 800 тыс. россиян (большинство – немцы, евреи, но были среди них и русские) (Денисенко-1). Страны, бывшие когда-то с Россией единым целым, вмиг оказались «ближним зарубежьем». Русских там было немало, но и желавшие уехать, скажем, в ту же Прибалтику, исчислялись не десятками и даже не сотнями (см. табл. 9). (Бруй и др. 1999: 36).

С началом нового тысячелетия социологи и демографы обнаружили новую волну отъезжающих, «пятую». Ее составляют люди среднего возраста, которые в 1990-е годы надеялись на то, что выбор

либерального пути развития страны окончателен и бесповоротен, но разочаровались в скорости текущих преобразований. К ним добавилась та молодежь, что успела побывать в подростковом возрасте (с родителями) в других странах и приняла решение, получив бесплатное или все еще недорогое образование в родной РФ, найти применение своим силам за пределами страны. Количество россиян, уехавших на время за рубеж (по контрактам и без них) с готовностью вернуться, не эмигрировать раз и навсегда, возросло в разы (Ушкалов 2000: 128–130). Прежде всего, счастья за границей хотели поискать те, чья квалификация и сфера применения труда всегда востребована (IT-шники, программисты, инженеры); далее – те, чье дело задушили высокие налоги и кто устал бороться с бюрократизмом и коррупцией (работники малого и среднего бизнеса); наконец, ехали и дети обеспеченных чиновников, чьи родители хорошо устроились на родине и, порой в силу занятости, предпочли в свое время отослать детей получать образование за рубежом (Жаренова и др. 2002).

Если в годы застоя и в ходе перестроенной эмиграции многие, покидая страну, продавали машины и квартиры, то теперь стали уезжать по-тихому, оставляя возможность возврата. В начале 2000-х годов за границами РФ (исключая страны СНГ и Балтии) оказалось более 2 млн уроженцев России. Эти 2 млн включают тех, кто выехал из страны до начала перестройки, причем 25% сохраняли паспорта граждан РФ (Денисенко-1). Если прибавить к этим уехавшим в последнюю волну (и быстро адаптировавшимся) тех, кто уезжал ранее, можно указать общую цифру соотечественников за рубежом к началу 2010-х годов – 4–4,5 млн чел. (Dumont, Lemaitre).

Как ни преуменьшает российская статистика размеров оттока из РФ в 2000-е годы, он остается значительным. И если ранее большинство покинувших нашу страну оседало в США, Германии и Израиле, то в последние 10–15 лет очевидно

привлекательными стали Австрия, Италия, Испания, Чехия, но особенно Великобритания. Очевидно, что вместе с перечисленными в таблице странами, а также странами Азии и Восточной Европы, эмиграция из России в 2003–2010 гг. превысила 500 тыс. чел. (Денисенко-2). Изучение мотивов отъезда россиян в прошлом и настоящем – это важная демографическая задача, связанная с необходимостью преодолеть негативное отношение к эмиграции как таковой.

Решившие покинуть Россию сейчас (после 2010 г.) мотивированы разочарованием в перспективах проводимых в стране реформ, обеспокоены уровнем жизни и безопасности детей (48% опрошенных), плохими условиями жизни и труда (более 42%). Все меньше тех, кто желает уехать для воссоединения семей; к русским не относится и такой мотив, как «преследования представителей определенной национальности» (а таковых в начале 2000-х годов было около 19%) (Пронин 2001: 77; Де Танги 2012). Общий тренд десятилетия – уменьшение количества подавших заявление на отъезд навсегда при сохранении темы «пора валить» в общественном дискурсе (особенно у молодых), социальных сетях (Левада-Центр 2011; Чудиновских и др. 2003).

За последние 30–40 лет в рамках российской диаспоры за рубежом сформировалась довольно устойчивая научная диаспора. Это и научная элита (приглашенные на работу ученые с мировым именем), и те, кто уехал позже, но сделал за рубежом карьеру в 1980-е – начале 1990-х годов, и молодежь, выезжавшая по грантам и получившая РНД за рубежом (Аллахвердян, Агамова 2012: 43–54). Иногда представители зарубежной российской научной диаспоры не рвут связей с коллегами и готовы приезжать, участвуя в реформировании науки на родине, как например, нобелевские лауреаты А. Гейм и К. Новоселов (Попов и др. 2011: 51–73).

Церковные деятели тоже не случайно заговорили о «соратничестве» в деле «духовного окормления соотечественни-

ков» (Патриарх Кирилл 2010). Ныне оно длится союзно, без прежнего противостояния: 17 мая 2007 г. в московском Храме Христа Спасителя Патриарх Московский Алексий II и Первоиерарх РПЦЗ митрополит Лавр подписали Акт о каноническом общении. Отсутствие прежних противоречий и претензий друг к другу способствует «уточнению подходов в деле консолидации жизни наших соотечественников за рубежом» (Две в одной).

Еще одной характерной чертой российской эмиграции последнего времени является ее «женское лицо»: женщины составляют от 53% эмигрантов из РФ в Бельгию и до 83% в Италию. Как правило, это брак с иностранцем (у мужчин эта цифра колеблется от 3% до 5,5%) (Терентьев 2004: 40–42; Денисенко-1). Женская эмиграция имеет черты «утечки умов»: большинство покинувших РФ навсегда молодых женщин имеет высшее образование, часто полученное в зарубежных университетах (Зайончковская 2013).

* * *

Подводя итоги истории складывания российской диаспоры за рубежом, замечу, что выезжавших из России в XIII – начале XIX вв., т.е. первых эмигрантов можно назвать людьми, несогласными с политическими порядками, освященными официальной идеологией. Главной причиной их выезда был конфликт между Личностью и Обществом. С другой стороны, русская диаспора с XVIII в. формировалась и за счет российской элиты, длительно проживавшей в Европе. В-третьих, образование в XVIII – начале XIX в. Русской Америки (поселений на западном берегу США, возникших в связи с заселением полуострова Аляска) сформировало и там небольшую группу русских (до 1867 г. – продажи полуострова Америке – появление там переселенцев было внутренним перемещением, отражавшим процесс освоения земель на восток).

Со времени восстания декабристов и до постсоветского периода в истории россий-

ской *политической* эмиграции русские составляли весьма значительную часть. Главный рубеж периода 1825–1985 гг. – это 1917 год. С 1825 г. и вплоть до марта 1917-го (свержения монархии) российская политическая эмиграция носила антицаристский характер. После событий октября 1917 г. политическая эмиграция стала антибольшевистской и антикоммунистической. *Экономическая* эмиграция всегда была пестрой в национальном отношении, касалась в первую очередь западных губерний империи, где жили русские, украинцы, белорусы, поляки, литовцы, евреи. Численность русских в трудовой эмиграции колебалась в пределах 7–10%, а число «возвращенцев» было наибольшим именно среди них. *Религиозная* эмиграция в XIX–XX вв. была связана с отсутствием свободы совести в стране. При существовании официальной государственной религии (православия), к эмиграции как форме социального протеста и способу сохранения своей идейной позиции прибегли представители сект. Массовый отъезд религиозных эмигрантов из России – это период 1890-х –1910-х годов. В 1917 – конце 1920-х годов религиозная эмиграция была формой советского остракизма (по постановлению правительства из страны выслали православных священнослужителей и тех, кто отказался сотрудничать с новой властью). Наименьшая из волн религиозной эмиграции (1970–1980-е годы) связана с движением инакомыслящих в СССР. После 1991 г. она сошла на нет.

Характерной чертой современной эмиграции из России стала ее обыденность: отъезд в другую страну перестал быть трагедией, страна готова принять возвращающихся на родину. Современные миграционные процессы имеют правовое основание. Однако впечатляющей не столько по численности, сколько по значимости потерь для духовной жизни России XX в. остается эмиграция деятелей русской культуры. Наша страна теряла и теряет крупных ученых, писателей, композиторов, а другие страны обогатились их тру-

долюбием, талантом, глубиной русской духовной культуры. Отмечая эти потери, стоит отметить, что благодаря русским деятелям культуры за рубежом там сохраняют лучшие русские национальные традиции, знание родного языка, стремление приумножить достижения национальной самобытности. На облик русского эмигранта за границей большое влияние оказывала потомственная русская аристократия. Многие из ее представителей подолгу жили в Европе и, сохраняя дух высокой национальной культуры, помогали эмигрировавшим из России соотечественникам, способствуя сохранению ими душевного склада русского интеллигента.

Литература

- Аблова 1973 – Аблова Р.Т. Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма: 1941–1945. М., 1973.
- Аллахвердян, Агамова 2012 – Аллахвердян А.Г., Агамова Н.С. Российская научная диаспора и мобильность учебных мигрантов в США (конец XX – начало XXI века) // Социология науки и технологий. 2012. № 3. С. 43–54.
- Барихновский 1978 – Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924). М., 1978.
- Бенуа 1909 – Бенуа А. Художественные письма // Речь (СПб.). 1909. 19 июня.
- Бирюков 1908 – Бирюков П. Духоборцы: Сб. статей, воспоминаний, писем, документов. М., 1908.
- Биск 1963 – Биск А.А. Русский Париж 1906–1908 гг. // Современник: Журнал русской культуры и национальной мысли (Торонто). 1963. № 7.
- Бодянский 1907 – Бодянский А.М. Духоборцы. Харьков, 1907.
- Большаков 1991 – Большаков В. Извините, мы вас не ждали // Правда. 1991. 11 окт.
- Бонч-Бруевич 1909 – Бонч-Бруевич В.Д. Материалы по истории и изучению религиозного сектантства и раскола. СПб., 1909.
- Бруй и др. 1999 – Бруй Б.П., Курилина Е.В., Варшавская Н.Е., Чумарина В.Ж. О развитии демографических процессов в Российской Федерации в 1998 году // Вопросы статистики. 1999. № 10. С. 30–38.
- Буковский 1978 – Буковский В. И возвращается ветер... Нью-Йорк, 1978.
- Варшавский 1956 – Варшавский В.В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.
- Внешняя политика 1958 – Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы, январь–декабрь 1949. М., 1958.
- Воблый 1905 – Воблый К.Г. Заатлантическая миграция, ее причины и следствия. Варшава, 1905.
- Воблый 1924 – Воблый К. Г. Отход на заработки в Германию и русско-германский торговый договор // Тр. Юго-Западного отд. Российской паспортной палаты. Киев, 1924.
- ГАРФ 1 – Государственный архив Российской Федерации. Ф. Лаврова. Оп. 4. Д. 102. Л. 56, 63, 79.
- ГАРФ 2 – Государственный архив Российской Федерации. Д.П. 3-е делопроизводство. Д. 295. Л. 23.
- Герэн 1972 – Герэн А. Коммандос «холодной войны». М., 1972.
- Гиппиус 1930 – Гиппиус З. Что делать русской эмиграции. Париж, 1930.
- Горбунов 1923 – Горбунов М. Торгово-промышленная эмиграция и ее идеология // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923.
- Гордиенко 1987 – Гордиенко Н.С. Современное православие. Л., 1987.
- Горев б.г. – Горев М. Карловацкий собор. М., б.г.
- Григорьева 1970 – Григорьева Е.А. Революционно-народническая эмиграция конца XIX в. М., 1970.
- Гуль 1981 – Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк, 1981. Т. 1–2.
- Гусев, Еритян 1968 – Гусев К.П., Еритян Х.А. От соглашательства к контрреволюции. М., 1968.
- Давидсон, Макрушин 1979 – Давидсон А.Б., Макрушин В.А. Зов дальних морей. М.: Наука, 1979.
- Две в одной 2007 – Две в одной. Русская православная церковь объединилась с «зарубежниками» // Лента.ру. 17.05.2007. <http://lenta.ru/articles/2007/05/17/church/>
- Де Танги Анн 2012 – Де Танги Анн. Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса. Москва: РОССПЭН, 2012.
- Де-Воллан 1902 – Де-Воллан Г.А. Эмиграция в США // Сборник консульских донесений за 1902 г. СПб., 1902.

- Дейч 1920 – Дейч Л.Г. Русская революционная эмиграция 70-х годов. Пг., 1920.
- Денисенко-1 – Денисенко М. Исторические и актуальные тенденции эмиграции из России // Российский совет по международным делам. Общество и культура (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2223#top).
- Денисенко-2 – Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья // Демоскоп Weekly № 513–514. 4–17 июня 2012 <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0513/ema05.php>.
- Дубровский 1975 – Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975.
- Дягилев 1982 – Дягилев С.П. Парижские выставки // Сергей Дягилев и русское искусство: статьи, открытые письма, интервью. М., 1982.
- Единая Америка 1945 – Единая Америка. Нью-Йорк, 1945 // Славяне. М., 1948. № 6.
- Жаренова и др. 2002 – Жаренова О., Кечил Н., Пахомов Е. Интеллектуальная миграция россиян. Ближнее и дальнее зарубежье. М., 2002.
- Зайончковская 2013 – Зайончковская Ж.А. Кто из России уезжает в эмиграцию // Протестант.ру. 17.04.2013 (<http://www.gazetaprotestant.ru/2013/04/kto-iz-rossii-uezhaet-v-emigraciyu>)
- Зубов 1982 – Зубов Б. 17-я республика СССР: о советской эмиграции на Запад. Сан-Франциско, 1982.
- Иконников 1993 – Иконников О.А. Эмиграция научных кадров из России. М., 1993.
- История КПСС 1964 – История КПСС / Под ред. П.Н. Поспелова. Т. 1. М., 1964.
- Каменский 1991 – Каменский А. Наши в Париже // Лит. газ. 1991. 9 окт.
- Киперман 1980 – Киперман А.Я. Разночинская революционная эмиграция (1861–1895). Тамбов, 1980.
- Ковалевский 1971 – Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека. 1920–1970. Париж, 1971.
- Кожин 1977 – Кожин В.В. Идеинный и политический крах мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977.
- Козьмин 1961 – Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России // Избр. труды. М., 1961.
- Косинский 1991 – Косинский Ю. Плохие времена для иммигрантов // Известия. 1991. 4 апр.
- Красинец 1997 – Красинец Е.С. Международная миграция населения в России в условиях перехода к рынку / РАН. Ин-т соц.-экон. пробл. народонаселения. М.: Наука, 1997.
- Кузнецова, Кулагина 1963 – Кузнецова Н.А., Кулагина Л.М. М.П. Павлович (Бельтман) // Народы Азии и Африки. 1963. № 3.
- Куприн 2000 – Куприн Д.О. Эмиграция из России в конце XIX – начале XX в. Автореф. дис. канд. истор. наук. Специальность 07.00.02. М., 2000.
- Левада-Центр 2011 – Левада-Центр: многие россияне готовы навсегда покинуть Родину // Новая газета. 12.07.2011.
- Левицкий 1981 – Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии и общественной мысли. Париж, 1981.
- Ленин – Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 3, 41, 43, 44.
- Логинов 1989 – Логинов В. Закон Судьбы. О трагедии Александра Галича // Человек и закон. 1989. № 6. С. 80–83.
- Любимов 1963 – Любимов Л. На чужбине. М., 1963.
- Марианьский 1969 – Марианьский А. Современные миграции населения. М.: Статистика, 1969.
- Мейснер 1966 – Мейснер Д.И. Миражи и действительность. М., 1966.
- Миграционные процессы 1997 – Миграционные процессы в трансформируемом обществе / РАН. Ин-т междунар. экон. и полит. исслед.; Ред. Н. Чудакова. М.: Эпикон, 1997.
- Милюков 1926 – Милюков П.Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926.
- Мухачев 1982 – Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982.
- Нансен-Хейер 1971 – Нансен-Хейер Л. Книга об отце. Л., 1971.
- Некипелова и др. 1995 – Некипелова Е.Ф., Гохберг Л.М., Миндели Л.Э. Эмиграция ученых: Проблемы, реальные оценки. М.: Центр исслед. и статистики науки, 1995.
- Нитобург 1999 – Нитобург Э.Л. Русские религиозные сектанты и староверы в США // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 34–51.
- Оболенский 1928 – Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в дореволюционной России и СССР. М., 1928.
- Озеров 1991 – Озеров М. Ждет ли Европа наших эмигрантов? // Лит. газ. 1991. 1 мая.
- Осоргин 1914 – Осоргин М. Русские в итальянских университетах // Русские ведомости. 1914. № 97.

- Официальные отчеты 1947 – Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. Вторая часть первой сессии (А/64/Адд.). Нью-Йорк, 1947.
- Пальников 2013 – Пальников М.С. Четвертая волна эмиграции: особенности и последствия // Русское зарубежье: история и современность / Отв. ред. Ю.В. Мухачев. М., 2013.
- Патриарх Кирилл 2010 – Патриарх Кирилл (Гундяев). Зарубежные диаспоры соотечественников. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на открытии 1.12.2009 III Всемирного конгресса соотечественников, проживающих за рубежом // Психология человека. 2010. <http://psibook.com/articles/zarubezhnye-diaspory-sootechestvennikov.html>.
- Подьяпольская 1962 – Подьяпольская Е.П. Восстание Булавина: 1707–1709. М., 1962.
- Полян 2005 – Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005.
- Попов и др. 2011 – Попов Д.С., Творогова С.В., Федюкин И.И., Фрумин И.Д. Российская диаспора в области социальных и экономических наук: проблемы и перспективы сотрудничества // Мир России: Социология, этнология. 2011. С. 51–73.
- Православный русский фашизм 1937 – Православный русский фашизм. Белград, 1937.
- Прокофьев 1990 – Прокофьев Д. Русский Израиль // Столица. 1990. № 2.
- Пронин 2001 – Пронин А. А. История российской эмиграции: состояние и перспективы исследований // Вестник молодых ученых. 2001. № 5. С. 75–81.
- Пугачев 1961 – Пугачев В.В. Исторические взгляды декабриста Н.И. Тургенева // Уч. зап. Горьк. ун-та. Вып. 52. 1961.
- Пятидесятники 1975 – Пятидесятники // БСЭ. 2-е изд. М., 1975. Т. 21.
- Рар 2011 – Рар Г.А. И будет наше поколение давать истории отчет. Воспоминания. М.: Русский Путь, 2011.
- Рубакин 1966 – Рубакин Н.А. Над рекою времени: Воспоминания. М., 1966.
- Русские эмигранты 1887 – Русские эмигранты в Швейцарии // История социально-революционного движения в России (1861–1881). СПб., 1887.
- Семанов 2001 – Семанов С.Н. «Русская мафия». Русская ли? // Наш современник. 2001. № 9. С. 29–31.
- Сёмочкина 2005 – Сёмочкина Е.И. Хронологические границы второй волны российской эмиграции (1941–1955) // Проблемы российской истории. Вып. V. / гл. ред. В.А. Токарев. Магнитогорск: МаГУ, 2005. С. 90–99.
- Скворцов 1899 – Скворцов В. О переселенческом движении в Америку среди закавказских «духоборов-постников» // Миссионерское обозрение. СПб., 1899.
- Скутнев 2009 – Скутнев А.В. Волны российской/советской эмиграции // Новые российские гуманитарные исследования. 2009. № 46. http://www.nrgumis.ru/articles/archives/full_art.php?aid=108&binn_rubrik_pl_articles=296
- Спатарель 1972 – Спатарель И.К. Против черного барона. Кишинев, 1972.
- Список политзаключенных 1982 – Список политзаключенных в СССР. Нью-Йорк, 1982. Вып. 4–5.
- Стернин 1976 – Стернин Г.Ю. Художественная жизнь России начала XX в. М., 1976.
- Струве 1984 – Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984.
- Сулержицкий 1905 – Сулержицкий Л.В. В Америку с духоборами. М., 1905.
- Тарданов 1963 – Тарданов Г. Путь к правде // Голос Родины. М., 1963. № 5.
- Тарле 2004 – Тарле Г.Я. Проблемы адаптации в историографии российской эмиграции // История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX – XX в.) / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М.: Изд. Центр Института российской истории РАН, 2004. С. 30–45.
- Терентьев 2004 – Терентьев Д. Уж замуж за рубеж // Огонек. 2004. № 36. С. 40–42.
- Тизенко 1909 – Тизенко П. Эмиграционный вопрос в России. 1820–1910. Либава, 1909.
- Тишков 2001 – Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. М.: Изд. Центр Института российской истории РАН, 2001. С. 9–44.
- Толстой 1958 – Толстой А.Н. Эмигранты // Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1958.
- Тудоряну 1986 – Тудоряну Н.Л. Очерки российской эмиграции периода империализма в Германию, скандинавские страны и США. Кишинев, 1986.
- Тютюкин и др. 1985 – Тютюкин С.В., Шелохаев В.В., Митяева С.И. и др. Первая российская: Справочник о революции 1905–1907 гг. М., 1985.

- Ушкалов 2000 – Ушкалов И. Интеллектуальная эмиграция и безопасность // Миграция и безопасность в России. М., 2000. С. 128–130.
- Федорова 1971 – Федорова С.Г. Русское население Аляски и Калифорнии. М.: Наука, 1971.
- Цапенко 2004 – Цапенко И. Роль иммиграции в экономике развитых стран // Мировая экономика и международные отношения. М., 2004. № 5. С. 27–39.
- Чудиновских и др. 2003 – Чудиновских О.С., Денисенко М.Б., Донец Е.В. Миграционные намерения российского студенчества. М., 2003.
- Чуприна 2012 – Чуприна М.В. Эмиграция гражданского населения из России в Китай и ее особенности. Дис. ... канд. истор. наук. Специальность 07.00.02. М., 2012.
- Шмаро 1964 – Шмаро А. Казаки вернулись в Россию // Наука и религия. 1964. № 6.
- Щербатский 1914 – Щербатский А.И. Русская эмиграция в Соединенные Штаты. СПб.: Изд. Министерства иностранных дел, 1914. Кн. VI.
- Юдина 2006 – Юдина Т. Социология миграции. Учеб. пособие для вузов. М., 2006.
- Юревич 1991 – Юревич А. Побег с возвращением // Поиск. М., 1991. № 11 (127).
- Яновский 1983 – Яновский В.С. Поля Елисейские. Нью-Йорк, 1983.
- Annual Report 1990 – Annual Report of the Commissioner-General of Immigrations for the fiscal Year ended June 30. Wash., 1990.
- Balawyder 1939 – Balawyder A. Constantinople and Harbin. P., 1939.
- Beyerly 1973 – Beyerly E. The Europecentric historiography of Russia. An analysis of contribution by Russian emigre historians in the USA 1925–1955, concerning Russian history. The Hague; Paris; Mouton, 1973.
- Boer et al. 1982 – Boer S.R., Driessen E.I., Verhaar H.L. Biographical Dictionary of Dissidents in the Soviet Union. 1956–1957. The Hague; Boston; L., 1982.
- Brachmann 1962 – Brachmann B. Russischen Sozial-Demokraten in Berlin. B., 1962.
- Cross 1980 – Cross A.G. By the Banks of the Thames: Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville (Mass.), 1980.
- Davis 1969 – Davis J. The Russian Immigrant. New York: Arno Press, 1969.
- Dumont, Lemaitre 2004 – Dumont J.C., Lemaitre G. Counting immigrants and expatriates in OECD countries: a new perspectives. Paris: OECD, 2004.
- Ellis 1984 – Ellis I. The Russian Orthodox Church. P.; N.Y., 1984.
- Frederiksen 1969 – Frederiksen I. Die politische Tätigkeit der Emigranten aus der Sowjetunion // Osteuropa. Stuttgart. 1969. № 576.
- Jaroshevsky 1983 – Jaroshevsky F.J. Immigration in the 1970s // Russian Canadians. Ottawa, 1983.
- Jeletzky 1983 – Jeletzky T.F. Russian immigration to Canada after World War II // Russian Canadians. Their Past and Present. Ottawa, 1983.
- Johnston 1988 – Johnston R.H. «New Mecca, new Babylon»: Paris and the Russian Exiles. 1920–1945. Kingston, 1988.
- Klimoff 1983 – Klimoff A.D. The Union for the Struggle for the Liberation of the peoples of Russia // Russian Canadians. Their Past and Present. Ottawa, 1983.
- Le Roy 1988 – Le Roy E. La colonie russe dans les Alpes-Maritimes des origines a 1939. Nice, 1988.
- Lerner 1989 – Lerner A. Refuseniks: a Special Stratum of Soviet Society. Opinion of a Veteran Refuse-nik // Quadrant. Sydney, 1989.
- Lo Gatto 1971 – Lo Gatto E. Russi in Italia. Dal sekolo XVII ad oggi. Roma, 1971.
- Postnikov 1939 – Postnikov S. Separatist tendencies among the Russian emigre // Slavonic and East European review. L., 1939.
- Programm Data Directorate 1982 – Programm Data Directorate: Immigration and Demographic Policy. Employment and Immigration Commission. Ottawa, 1982.
- Raeff 1990 – Raeff M. Russia abroad: a cultural history of the Russian emigration. 1919–1939. N.Y., 1990.
- Rueschmeier, Golomstok 1985 – Rueschmeier M., Golomstok I. Soviet Emigre Artists. Life and Work in the USSR and the United States. N.Y.; L., 1985.
- Vernant 1951 – Vernant I. The Refugee in the Postwar World. Geneva, 1951.
- Venturi 1957 – Venturi F. Il mono del decabristi e i fratelli Podgio. Torino, 1957.
- Williams 1972 – Williams R.C. Culture in exile: Russian Emigres in Germany. 1881–1941. Itaca; L., 1972.
- Woodcock, Avakumovic 1977 – Woodcock G., Avakumovic I. Doukhobors. Toronto, 1977

Глава 4

Этнокультурная идентичность современных русских (по материалам опросов и интервью)¹

В период с 2002 по 2017 гг. были осуществлены опросы и получены углублённые интервью русских в Москве, Сочи, Магадане, Московской, Рязанской областях, на Камчатке, в Крыму (после 2014 г.) и в Кишиневе с целью исследования идентичности современных русских во взаимосвязи с различными значимыми для них в начале XXI века этнокультурными компонентами. С августа 2010 г. по август 2011 г. совместно с известным журналистом М.А. Лянге был проведен радиоопрос слушателей на «Радио России». В течение недели по 4–5 раз в день звучала рекламная анонс, и радиослушателям предлагалось дать свои варианты ответа на вопрос «Что значит быть русским в XXI веке?». Ответы позвонивших записывались. Всего поступило 215 откликов, среди них было и около 20 звуковых писем (более пространных размышлений). География звонков респондентов была общероссийской – от Калининграда до Хабаровска, звонили также из Белоруссии, Украины и Латвии. В течение года ведущая проекта М.А. Лянге регулярно выходила в эфир с передачами, в которых звучали их ответы. Один-два раза в месяц выступали эксперты, комментировавшие поступившие мнения и суждения. Таким образом, за год был собран довольно значительный материал².

¹ Публикация подготовлена в рамках НИР «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие». Подтема «Русские XX–XXI вв. Сохранение и развитие народных традиций».

² Конечно, круг респондентов – это только аудитория «Радио России», которая слушала *эту* передачу (тематику) и *эту* радиостанцию. Участников проекта можно определить как отрефлексированных респондентов, т.е. тех людей, которые так или иначе задумывались над поставленной темой и сочли нужным высказать свои соображения. Мнение отрефлек-

В данном тексте опрошенные и проинтервьюированные именуется информантами, позвонившие или приславшие «звуковые письма» на «Радио России» – респондентами. Сразу следует подчеркнуть, что практически все они были людьми преимущественно среднего и старшего поколения. При работе с информантами и респондентами главным для меня было уловить и сформулировать содержательное, качественное представление об изучаемых явлениях.

Историческая память

Существенное место в самосознании русских продолжает сохранять историческая память. Формирование российской гражданской и русской этнической идентичностей происходит путем осмысления исторического развития нашей страны. Идея общности прошлого являлась основой формирования исторической памяти, в значительной мере определяла национально-культурные особенности русских (Громыко 1991; Преображенский 1985; Миненко 1986; Громыко, Буганов 2000; Чагин 1999; Матвеев 2003; Историческая память русского народа... 2012; Буганов 2013).

В историографии под исторической памятью чаще всего понимают одно из измерений индивидуальной и коллективной (или социальной) памяти – как память об историческом прошлом, по сути – сим-

сированных респондентов радиоопроса совместно с данными других опросов и интервью составили источниковую основу статьи. Все опросы и интервью записаны на пяти CD-дисках. В текстовых сносах даются следующим образом – ПМА (Полевые материалы автора): 1-2-3. Цифра «1» означает номер CD-диска; цифра «2» – номер звуковой дорожки; цифра «3» – номер записанного мнения респондента или информанта.

волическую репрезентацию прошлого (Репина 2004; Савельева 2005; Кознова 2001).

В конце XX – начале XXI вв. апелляция к отечественному историческому наследию неслучайно была и остается весьма интенсивной. Роль опоры на прошлое особенно возрастает в кризисные периоды развития стран и народов (Геополитическое положение России... 2000: 287–290). В массовом сознании русских выделяются прежде всего позитивные (по мнению людей) события и личности отечественного прошлого. Большинство информантов и респондентов подчеркивают, что «необходимо хорошо знать историю развития России, русского народа... способствовать его развитию», а самое главное – «воспитывать подрастающее поколение в лучших традициях русского народа, без чего не может быть патриотизма, любви к Родине, нет корней, нет, значит, нации» (ПМА 2-20-3).

Жизнь русского человека, по мнению респондентов, должна быть «основана на любви к своей стране, ее истории», считать русским нужно того, кто «гордится историей своей страны и культурным наследием... чтит память предков и корни свои», «современные русские должны знать свою родословную» (ПМА 3-12-2; 3-33-1; 1-5-1).

Некоторые подчеркивают значение живой связи времен как основы национального самосознания: «Быть русским сегодня – это быть достойным своих легендарных отцов и дедов, матерей и бабушек. Легендарность состояла в том, что они первые, не имея опыта, не боясь трудностей, пытались построить и построили зрелое общество... Претворяя в жизнь свои мечты, россияне XX века наполняли этот век русским духом, поэтому россиянам XXI века необходимо осмыслить события XX века и начала этого века до уровня прозрения и уже прозревшим взглядом определить богоугодный ориентир, чтобы двигаясь к нему, наполнять XXI век душевным русским духом. Задача трудная, но выполняемая. И дело чести для россиян XXI века» (ПМА 2-23-1).

В приведенных высказываниях звучит понимание нации как единства исторической судьбы. Все больше людей осознают, что самосознание народа выплавляется столетиями и опирается на традиционные ценности, на историческую память. Именно историческая память, гордость за подвиги и культурные свершения, за великие имена россиян действительно объединяют сегодняшних русских. Вполне можно говорить об исторической обусловленности русского национального самосознания и русского (в широком смысле слова) национализма.

Исследования показали, что воззрения русских на историю страны и мира проявляются как в характеристике отдельных деятелей, так и в выделении различных эпох и событий прошлого. В героическом прошлом большинство русских видит основу для национального самоуважения, особенно на фоне распада СССР и отсутствия, по мнению многих, положительных достижений последних тридцати лет. В советском периоде выделяют, в первую очередь, победу в Великой Отечественной войне и полет в космос Юрия Гагарина. Фактически в каждом регионе местная история переплетается в сознании людей с общегосударственной, личная и групповая память вписываются в контекст истории страны, так называемой *Большой истории*.

С точки зрения осмысления прошлого и настоящего небезынтересны размышления информантов и респондентов относительно наличия/отсутствия в России национальной идеи, которая могла бы объединить всех русских.

Одна из респондентов из Липецка высказалась довольно пространно: «Сейчас все думают о национальной идее. Я думаю, что она всегда была, есть и всегда будет (подчеркнуто мною – А.Б.). Просто у нас сейчас идет как бы жесткая проверка людей, что они приобрели в своей душе. И получается картина очень, в общем, тяжелая. Каждый человек должен нести свой жизненный крест, а все хотят чужой. Ко-му-то дана нищета, ему давай богатства,

кому-то дано пока побыть простым человеком, нет – хотят власти, хотят денег. А ведь сначала нужно свой крест нести жизненный, а не зариться на чужой. Это, кстати, всегда было, есть и будет – хорошие, порядочные такие люди. У них все это было в душе, и не нужно было, чтобы кто-то их учил, кто-то воспитывал. Они сами так себя вели. И сейчас очень много таких людей, для будущего такие люди нужны. В себе надо развивать нравственность, сознательность, любовь ко всему, терпимость» (ПМА 5-25-1).

В первой части высказывания респондент выразила мысль, которую нередко не улавливают некоторые обществоведы: национальная идея заключается в осознании отечественного прошлого. Ведь история – это биография нации, а школьный учебник истории – главное хранилище национальных мифов, преданий и легенд. Конечно, историческое знание всегда субъективно по своей природе, и вряд ли от этого удастся когда-нибудь избавиться. Когда люди хранят информацию о событиях и фактах, то так или иначе переосмысливают услышанное, увиденное и пережитое. На формирование коллективных представлений о прошлом несомненное влияние оказывают вновь приобретенные знания; разумеется, и сами представления, в свою очередь, испытывают воздействие господствующей идеологии, политической конъюнктуры, массовых стереотипов и т.д. В результате практически любой исторический факт искажает реальность, являясь ее субъективной интерпретацией. И в этом нет ничего страшного, ведь бесстрастные исторические знания бесполезны и неинтересны. Один из респондентов определенно высказался за *чувственное* восприятие истории и выразил надежду, что «Россия обретет наконец свою подлинную древнейшую историю, и русские люди будут учить своих детей, что они не самая отсталая нация на земле, если прочитать учебник истории для 5-го класса, а объяснять своим детям, что когда-то русский – означал человека, как в

сказках: “Здесь русский дух, здесь Русью пахнет”» (ПМА 3-12-2).

Как непреодолимый барьер для объединения нации воспринимается многими информантами имущественное расслоение в современном обществе. Действительно, в условиях кризисов, войн нередко происходит наложение и сращивание этнических и социальных признаков, глубокое, достигшее «красной черты» социальное расслоение часто становится расслоением на разные народы (Кара-Мурза 2007: 149–150).

У бедных и богатых мировоззренческие установки сильно разнятся (можно вспомнить, что *достаток* и *достоинство* – слова однокоренные). В начале постсоветского периода, когда обесценились вклады, месяцами не выплачивалась зарплата, росла безработица, бедных стало свыше 80%. Долгое время примерно половина населения России жили ниже официального прожиточного минимума. Государственная статистика предпочитала называть бедных лукавым термином «малообеспеченные» (Римашевская 2003; Косов 2005: 294–295). В начале XXI в. уверенность власти в том, что доходы населения увеличились, вовсе не означают, что сократилось количество бедных. В действительности бедные становились беднее, а богатые – богаче. При этом, как полагают информанты, «сейчас чем богаче, тем менее русский», «в погоне за богатством мы стали черствыми» (ПМА 5-7-2; 5-17-1).

Утверждение общегражданской российской идентичности в качестве приоритетной и определяющей возможно лишь на основе достижений и успехов в государстве, реальных улучшений в повседневной жизни людей, отсутствии явных национальных, социальных и иных расколов в сознании большинства наших соотечественников¹.

¹ Даже по официальным данным (на 15 декабря 2016 г.) за год на 10% снизилось количество россиян, которые считают, что в стране есть народное единство – оно составляет 46% (об этом заявил глава президиума Совета по меж-

К концу второго десятилетия XXI в., несмотря на определенные успехи в современном нациестроительстве, многие респонденты в оценке сегодняшней ситуации видят дезориентацию, кризис русской идентичности: «люди потеряли достоинство гражданина быть русским», «последние 20 лет из русских выдавливают все русское» (ПМА 3-42-2; 5-7-1). Для этой, довольно значительной части респондентов, становление российскости воспринимается как отступление русского начала, ущемление русскости. Дело, по-видимому, в том, что у русских произошла утрата чувства «своего».

Многие русские (бывшие советские люди), даже безотносительно к своим политическим взглядам, восприняли распад СССР как свое поражение. Воспитанные в духе пролетарского интернационализма, они доверчиво шагнули навстречу ко всем «братским» народам, которые, в свою очередь, опасаясь возврата к недавнему коммунистическому прошлому, разбежались по национальным квартирам. Фактически произошел не показной парад суверенитетов, а выбор этнонациональной формы бытия.

Характерно мнение одного из позволивших на «Радио России»: «В России за последние 20 лет от того традиционного общества, от народа, должен был произойти переход к гражданской нации, т.е. к формированию национальной идентичности на место исторически сложившейся. Но, к сожалению, этого не происходит. Мы как обычно решили перескочить через определенный период и вместо формирования национальной идентичности сразу перешли к гражданскому обществу. Это дало сбой. Вот сегодня русский XXI в., о нем можно сказать, что он растерян. Русский растерян, потому что у него отняли идентичность как принадлежность к народу. Во всяком случае, она просматривается

национальным отношениям при Президенте Российской Федерации Магомедсалам Магомедов на очередном заседании 15 декабря). См.: nazaccent.ru.

как нечто второстепенное, незначимое, неважное. И активно внедряют идентичность чисто индивидуальную. Тем самым, минуя этап национальной идентичности, раскалывая его самосознание, сбивая с толку, если угодно... Русские, конечно, сегодня страдают. Мы очень утрачиваем те качества, которые составляли и до сих пор составляют нашу идентичность» (ПМА 3-8-1).

Русский язык

Чрезвычайно важным представляется современным русским сохранение русского языка – родного языка для подавляющего большинства русского населения Российской Федерации.

Упомянуть прежде всего язык в качестве основного этнического показателя наиболее привычно и объяснимо. Фольклорные традиции и язык практически не подвергаются существенным изменениям. У большинства опрошенных информантов присутствует понимание, что родной русский язык – первое и основное, что цементирует нацию в единое целое: «нация, которая перестает знать свой язык, перестает быть нацией», «русский язык есть то главное, что изначально сплачивает всех нас, делая единой нацией», «одной из главных примет русского человека является русский язык» (ПМА 3-9-1; 5-2-1). Вполне можно утверждать, что именно язык общения объединяет и весь русский этнос, и всю российскую нацию в единое целое.

Информанты не раз высказывали сожаление по поводу засорения русского языка иностранными словами: «непонятно, почему в нашем лексиконе появляется так много чуждых русскому языку слов», «нельзя портить наш язык», «наш язык сейчас выщелачивается». Гораздо меньшая часть опрошенных считают, что «что особой трагедии я не вижу... Заимствования были всегда, что-то приживалось, что-то нет» (ПМА 2-30-1; 5-2-1; 5-4-1). Некоторые очень точно подмечали, что «лучшей языковой скрепой всегда было богатейшее собрание русских пословиц. “Старая пословица – вовек не сломится”. Это

наше богатство непременно надо сохранить... Попробуйте в минуты, когда все кажется темно и пусто, припомнить и записать хоть несколько пословиц. Сразу почувствуете радость» (ПМА 5-2-1).

Как противники заимствований, так и те, кто считает их вполне допустимыми, единодушны в том, что русские XXI в. «просто обязаны сохранить русский язык в его чистоте, красоте и величии», потому что русский язык – это «наши истинные корни, наша богатейшая культура, это наша сила и мощь, это наше сплочение и единение, это великое будущее нашей России» (ПМА 5-36-1).

Православие

В конце XX – начале XXI в. основная часть современных русских стала определенно идентифицировать себя с православной церковью и отечественной культурно-исторической традицией. Православие выступило базой формирования одной из коллективных идентичностей и в общественном сознании чаще всего воспринимается как традиционная религия русского народа и Российского государства.

Сегодня православными себя осознают около 70% русских и 61,9% россиян (Гарусин Исследование; Синелина 2007: 185). По статистическим подсчетам Русской Православной Церкви показатели православности населения еще выше: согласно официальной позиции РПЦ к православию следует относить именно по факту крещения. Крещен – значит православный.

Точные цифры в отношении религиозного чувства привести всегда сложно (вопрос о религиозной принадлежности в переписях населения в СССР ставился только во время переписи 1937 г.). Как правило, человек явно не проявляет его, сказываются не изжитая с советских времен боязнь преследования за религиозную принадлежность, в некоторых ситуациях – нежелание выделяться в условиях иноконфессионального или преобладающего атеистического окружения. Следует учитывать и то, что довольно значительное количество людей,

называя себя верующими, фактически не выполняют предписаний «своей» религии – не посещают храмов или делают это редко, не отмечают религиозных праздников, не соблюдают постов и т.д. Неслучайно, в противовес им, в русском православии есть понятие «воцерковленные», т.е. те люди, которые следуют этим предписаниям и являются верующими в полном смысле слова. По разным оценкам они составляют 3–4% (по самым оптимистичным до 10%) населения. Что касается остальных, называющих себя православными, то это, как правило, обычные люди, которые относят себя к православной культуре через сохранение внешней атрибутики православия, не особо задумываясь о теологической сути этих действий, – развешивают в доме иконы (часто в красном углу, над телевизором), носят крестики, на Пасху красят яйца, в редкие посещения храма ставят свечи и т.д.

Все это дает им ощущение причастности к своему народу, принадлежности к русскому миру. Вряд ли будет ошибочным утверждение, что для большинства современных россиян их самоотнесенность к православию не есть вопрос веры (пока, по крайней мере), и даже не вопрос идеологии, а прежде всего вопрос идентификации, этнонациональный маркер¹. Пожалуй, ничего удивительного в этом нет, учитывая длительную историческую привычку к взаимозаменяемости, по сути синонимичности терминов *русский* и *православный*.

В начале XXI в. основную массу русских людей можно определить как неверующих православных. В их жизни религия не играет почти никакой роли. В ходе опросов и пространственных неформальных ин-

¹ Не будет натяжкой, на мой взгляд, экстраполировать этот вывод на многие страны мира: в современном многонациональном и поликонфессиональном государстве вопрос веры для большинства его жителей – скорее прагматический и житейский. В наше время религия превратилась в средство идентификации, она отражает национальные традиции и только опосредованно выполняет свою изначальную функцию веры-идеологии.

тервью мне не раз доводилось наблюдать, что некоторые сегодняшние русские действительно предпринимали усилия, чтобы как-то продвинуться в вопросах веры; некоторым это удавалось, но большинству, пожалуй, нет. Они так и остались *неверующими православными*. Наверное, другого и трудно было ожидать: страна воинствующего атеизма не может быстро стать верующей, не может быстро отбросить коммунистическую навязанную веру и вернуться к вере традиционной. Произойдет это или нет, многое будет зависеть от того, как проявит себя РПЦ; насколько она станет нравственным ориентиром, чего от нее ждут большинство и верующих, и неверующих.

В настоящее время ко многим русским пришло понимание того, что православная вера является средством единения со всеми своими, не только русскими, но и с другими народами православного мира, славянами и неславянами. В ряде высказываний, причем не только воцерковленных людей, звучит, что русский народ, русский национализм не могут существовать в отрыве от православной веры. Присутствует четкое понимание того, что «культура и традиции наших предков основаны на православном духе», что «Вера в Бога, любовь к Родине, готовность в любой момент стать на защиту Отечества – те черты, которые всегда объединяли русских людей». Информанты говорят о тесной, по сути обязательной взаимосвязи этнонима *русские* и этнонима *православные*: «русский человек должен быть православным» или «русские любого века, в том числе и XXI, это люди, в основном, православные», «быть русским – значит служить Богу. Русскому жизнь для того и дана, чтобы быть православным». Характерно, что в обоснование данного положения некоторые ссылаются на Ф.М. Достоевского, который формулировал этот тезис совершенно определенно (ПМА 3-4-2; 1-18-2; 5-22-2; 2-15-2; 2-8-2.).

Значительно меньшая часть опрошенных недоумевает: почему «русский чело-

век должен быть обязательно православным?» – «если верить в Бога, Бог один, как говорят, а обрядность – это уже кому как нравится, русский человек может быть и атеистом, и молоканином, и баптистом и т.д.» (ПМА 1-1-1).

Рядом с термином «православные» информантами обычно употребляются определения «терпеливые, добрые, доверчивые», «они молятся и верят, что Бог им поможет» (ПМА 1-11-03; 5-5-1). Для многих православная вера с ее этикой, эстетикой, гуманистическим зарядом является главной альтернативой порокам и недостаткам сегодняшнего дня: быть православным – значит «бороться со злом, ... беречь и свой дом Россию, и весь мир от переворотов и войн»; «русский человек сейчас стоит перед выбором – или общество потребления, когда деньги решают все, или вера православная, которая облагораживает все стороны жизни», «только вера может очистить человека от пороков и грехов» (ПМА 3-42-1; 5-5-1; 3-25-2).

Характерно, что при свойственном практически для всех опрошенных понимании необходимости перемен в общественном климате страны, именно православные информанты в первую очередь говорят о необходимости начинать с себя, о необходимости покаяния. Один из них напоминает: «В великой книге Бога сказано, что невинная кровь не простится никогда. XXI в. – исторический, а не хронологический, не может закончиться без покаяния и раскаяния. Без этого раскаяния и покаяния ничего в России не будет». Другой вторит ему: «Если Россия покается, тогда можно ждать от Бога милости». Третий подчеркивает, что «наши грехи и ошибки могут отозваться и на третьем, а может быть, и даже на четвертом поколении. Надо торопиться и начинать нужно с себя. Не отдавать другому славы твоей, и полезного для тебя чужим» (ПМА 1-16-1; 2-34-2; 2-7-2).

Неудивительно также, что именно воцерковленные люди чаще других отмечают «нарушение божественного хода вре-

мени», например: «Мне бы не хотелось, чтобы люди XXI в. жили в веке скоростей. Вот столько храмов строится. Пусть этот век будет веком богопознания, потому что на скорости жизнь не замечаешь, проскакиваешь самые интересные моменты» (ПМА 3-31-1).

Христианская вера, упование на Божью помощь позволяет воцерковленным людям сохранять и определенный социальный оптимизм: «русские молятся и верят, что Бог им поможет...», «Господь всегда сохранял Россию и поэтому мы из всех войн выходили победителями... Надо начинать с Бога, с которым Россия всю жизнь прожила и сейчас живет. Что такое Россия – это подножие престола Господня». Соответственно, для православных русских XXI в. главное – духовность и собранность народа (ПМА 1-11-3; 1-18-2; 2-34-2; 5-13-2).

Толерантность и политкорректность: враги и фобии

Вряд ли можно говорить о том, что в массовом сознании русских сейчас популярны идеи толерантности и политкорректности (во всяком случае, в том виде, в котором они пришли в Россию от европейских марксистов-интернационалистов). Как у каждого народа, у русских существует свой образ врага. Дореволюционная отечественная история, насыщенная войнами и этноконтактами, породила множество репрезентаций *Другого*, в т.ч., и образа врага. При этом в восприятии образа *другого*, а тем более *врага*, определяющую роль играл конфессиональный фактор. Татары, «литва», «паны», поляки, турки, французы были *нехристиами*, посягнувшими на православное Отечество.

Несколько десятилетий железного занавеса при советской власти, когда советским людям постоянно внушали, что страна находится в плотном кольце врагов, несомненно способствовали постоянному репродуцированию этого образа. Две мировые войны XX столетия привели к тому, что немцы – *германцы*, затем *фашисты* –

стали основными врагами для многих поколений русских и советских людей. После Отечественной войны 1941–1945 гг. даже упоминание о фашизме кощунственно. И поэтому особо нелепо, что в сегодняшней России по какому-то молчаливому уговору термин *фашизм* употребляется рядом или через запятую с русским *национализмом*. Одна из причин того, что произошла подмена понятий, заключается в отождествлении в массовом сознании фашизма с нацизмом¹.

Странно слышать словосочетание «русский фашист» в победившей стране. Кто это? Если так называют русских националистов, то фашистами должны с не меньшим основанием являться грузинские, польские, французские, да и любые другие националисты.

Отечественная история (или логика развития империи) порой распоряжались так, что бывшие союзники, народы из дружественного мира, становились врагами. Общеизвестно, что, начиная с XI в., а возможно и ранее, отправным пунктом развития русской духовности была идея общеславянского единства. И все же, несмотря на освобождение болгар и сербов в 1877–1878 гг., непреодолимым барьером на пути реализации славянофильской идеи стала враждебность по отношению к Польше, основывавшаяся на воспоминаниях о польском вторжении во время Сму-

¹ Для массового сознания несущественно, что фашизм вовсе не немецкое, а итальянское изобретение, что нацизм и фашизм – разные идеологии, причем итальянские фашисты прямо заявляли об их несовместимости, о разрушении нацистами основ христианской цивилизации. В произошедшем отождествлении значительную роль сыграло то, что советский агитпроп предпочитал не использовать термин *национал-социализм* из-за второй его части. Выходило, что советские интернациональные строители социализма под красной звездой насмерть сражались с национальными строителями социализма под свастикой. Такая версия не предназначалась для советских людей. Хотя, в действительности, две мощные тоталитарные системы в XX в. строили социализм.

ты, о мученичестве Ивана Сусанина. Ведь получалось так, что самый крупный и значительный из соседних славянских народов имел вековой «имидж» чуть ли не главного врага, интервента, представителя «окаянного католицизма» (католицизм в народе не признавался христианством). Польша и в дореволюционное, и в советское время была самым неуправляемым сателлитом, самой непокорной провинцией Российской империи. Со времени раздела Польши в 1795 г. не было ни одного русского императора, а после большевистской революции ни одного советского вождя, которому не пришлось бы столкнуться с польским вопросом во всей его остроте. Для поляков же неприязнь к русским (советским) долгое время служила, можно сказать, главным стимулом их исторического развития. Не удивительно, что панславизм в конечном итоге оказался нежизнеспособной концепцией. Сейчас, вследствие полного изменения геополитической ситуации, враждебные чувства к Польше почти угасли, равно как и особая теплота по отношению к балканским славянам (Мирский 2004: 222). Правда, на мой взгляд, в отношении сербов и черногорцев это верно все-таки применительно к определенной интеллигентской прослойке; в основной массе народа, в случае актуализации этностереотипов, приоритеты останутся прежними.

Репрезентация врага происходит не только при внешних контактах, но и во внутренней жизни той или иной общности. В России, так уж повелось, враги – это евреи. В народе считали, что евреи распяли Христа, который был любимым героем верующих русских и даже, по убеждению многих простолудинов, сам был, несомненно, русским (в расчет не принималось ни иудейское происхождение, ни обрезание). Шинкаresto, ростовщичество, распространённые среди евреев, также не способствовали симпатиям к ним. Существовавший и при черте оседлости антисемитизм усилился, когда после революции 1917 г. в столицу хлынули «победители», в том числе много евреев, с окраин. Евреи

заняли многие должности в советских учреждениях, в частности, в карательных органах, в банковском деле, в торговле, в общественном питании, медицине, журналистике. Сыграли свою роль не только «природная напористость евреев и их взаимовыручка, свойственная национальным меньшинствам вообще», но и распространённая среди них грамотность. Коренное население в условиях тяжелой жизни – бедности, тесноты коммунальных квартир, бесконечных очередей, террора ГПУ – в евреях видело причину всего зла, творимого в стране (Андреевский 2008: 534).

На рубеже XX–XXI вв. из общественной жизни наконец-то уходит всем поднадоевший антисемитизм, а вакантное место *врага* заняли не только лица «кавказской национальности», но и «вреднющие хохлы». Из истории известны взаимные обвинения в хитрости и коварстве русских и украинцев: «На жида есть грек, на грека – армянин, а всех хитрей полтавский дворянин», анекдоты про украинцев, где вышучивается их неперемнная любовь к салу и чрезмерная бережливость. Естественно, что и украинцы в долгу не оставались.

В связи с присоединением Россией Крыма, военным конфликтом на юго-востоке Украины, необъективной позицией многих СМИ традиционно существовавшие взаимные обвинения между русскими и украинцами несомненно актуализировались¹. Стали более популярными анекдоты друг о друге, чего раньше в таком количестве не было. В подобных анекдотах несомненно слышится смех агрессивного национального превосходства.

Длительное бытование в народном сознании образа врага породила и определенную национальную особенность. Русские любят выдумывать себе врагов. Порой это переходит в агрессивные и мало-

¹ Горячие баталии разворачиваются в СМИ и социальных сетях. Например, администрация Facebook заблокировала некоторые аккаунты своих пользователей за употребление слова «хохол». См.: (Ненашева 2015) и т.п.

продуктивные поиски. К сожалению, усилиями пропаганды для нас *чужими* и врагами становятся (или уже, к сожалению, стали) украинцы, хотя это коснулось в основном политизированных слоев и разного рода маргиналов.

Важно понимать, что агрессивный национализм происходит прежде всего от чувства собственной неполноценности. От агрессивного отношения к «чужим» может спасти лишь чувство собственного национального достоинства. Люди, обладающие этим чувством, к другим народам относятся с уважением, и в этом случае постоянное воспроизводство образа врага теряет свою актуальность. Совершенно справедливо заметил один из респондентов: «Никто нас не будет уважать, пока мы сами не будем уважать себя, друг друга, помогать друг другу» (ПМА 1-10-1).

Если репрезентация внешнего врага исключительно понятна русским людям, то им, как правило, трудно представить, что внутренний оккупант – например, обычный взяточник-гаишник, или прокурор, получающий свою «долю» от пойманного бандита, или собирающий мзду с бизнеса госчиновник – могут быть хуже любого чужеземного захватчика-басурманина. Русские в массе своей предпочитают не замечать, что для страны и нации они такие же враги, как и враги внешние. Русский человек может до бесконечности терпеть издевательства «своей» власти, но не потерпит власти чужой. Встречаются, правда, и осмысления другого рода, делающие акцент на внутреннего врага: «Русские всегда боролись за справедливое государственное устройство России и добились успехов в создании сильного цивилизованного современного государства. В XXI в. у русских появился внутренний враг – армия взяточников, бандитов, мошенников и жуликов. Настоящие русские – патриоты – должны объединить свои лучшие силы на беспощадную борьбу с этими внутренними врагами, иначе не добиться повышения благосостояния русского народа» (ПМА 2-24-2).

Образ *врага* в XX столетии постоянно продуцируется в Большом спорте, особенно в связи с его очевидной политизацией. Спортивный национализм, как и любой другой, имеет и культивирует традиционных врагов, старые обиды и унижения, которые надо компенсировать, пусть даже символически. Репрезентация врага происходит как на внешней, так и на внутренней спортивной арене разных стран.

Роль спорта в консолидации русской нации

В начале XXI в. в России спорт стал одним из самых значимых социокультурных феноменов, способным играть огромную роль в нациестроительстве (см. Буганов 2016). Как и во многих других странах, по степени массовости вовлечения больших людских масс спорт не имеет, пожалуй, сколько-нибудь равноценного аналога среди прочих массовых практик. Вполне можно говорить о возрождении «государственного» взгляда на спорт. Зимняя Олимпиада 2014 г. в Сочи стала одним из самых успешных проектов с точки зрения консолидации русской нации в современной России. После многих лет пораженческих настроений, связанных с распадом СССР, этот проект воспринимался большинством жителей страны как победа – и с точки зрения спортивного результата (Россия выиграла Олимпиаду, стала первой в общем медальном зачете), так и с точки зрения отражения этого события в сознании наших сограждан. Коллективно пережитое на Олимпиаде подарило россиянам едва ли не забытое чувство триумфа.

Многие опрошенные респонденты в своих ответах, наряду с самосознанием, языком и религией, отмечали роль спорта, его объединяющий потенциал. Одна из них – татарка по национальности, родом из Башкирии, живущая в Москве высказалась следующим образом: «Четырёхкратный чемпион Параолимпиады в Ванкувере, выдающийся башкирский спортсмен Ирек Зарипов и его товарищи защищали

честь России. Он нёс государственный флаг Российской Федерации по медальной площади. Сейчас спортсмены Башкортостана готовятся к Олимпиаде 2014 г. в Сочи, к новым сражениям за Россию. Для всего мира они вновь будут русскими!» (ПМА 3-34-1).

Олимпиада дала определенный опыт и с точки зрения апробации подходов к решению проблемы миграции. Мигранты работали на строительстве олимпийских объектов, были заняты в сфере обслуживания, составили часть волонтерского корпуса. Развитие волонтерства особо значимо для укрепления гражданского самосознания и улучшения общественного климата. Победы отечественного спорта на крупнейших мировых соревнованиях поднимают самооценку нации, формируют позитивную идентичность как в общегражданском, так и в этническом вариантах.

Преимственность и трансформации в самосознании русских

Несмотря на кардинальные общественно-политические изменения, связанные с распадом СССР, многие респонденты отмечают, что русские (российские) люди «не особо меняются во времени», «остались теми же, что были и раньше, просто меняется геополитическая ситуация, и люди меняются, берут из этой ситуации чаще, может быть, худшее, чем лучшее. И, скажем так, наш корень неизменен, но необходимо выжимать из него только его лучшие черты», «наши особенности характера никуда не уходят со сменой поколений и эпох. Нужно только остановиться и прислушаться, и Вы непременно обнаружите русского в себе» (ПМА 1-8-1; 2-29-1).

Разумеется, определенные изменения в людях и в их отношении к действительности и стране произошли. Прежде всего, это касается молодежи. По мнению одного из респондентов, «дети становятся умнее, чем мы, когда росли в послевоенные годы. Меняется молодежь» (ПМА 5-21-1). Другой высказался более развернуто и обобщенно: «Изменения в людях – это фунда-

ментальный глубокий процесс. Он быстро не происходит. Я думаю, что наиболее сильно изменились две категории граждан: это, во-первых, жители больших городов, и во-вторых, это молодежь. Молодежь, конечно же, стала намного свободнее, раскрепощеннее и с этим связаны черты, как хорошие, так и не очень. Они не так зашорены, не так напуганы, как советские молодые люди, с другой стороны, у молодежи часто просто нет тормозов, и мы с этим тоже постоянно сталкиваемся. Образ жизни, что все позволено, и то, что по приколу, то и хорошо, это, конечно, распространенная часть молодежной ментальности» (ПМА 2-38-1).

Нельзя не согласиться с тем, что молодежь стала более самостоятельной. Добавлю, что отмеченная здесь черта – важно не то, что истинно, адекватно, морально, верно... но то, что *прикольно* – не является в наши дни присущей исключительно молодежной культуре, но свойственна, наряду с необязательностью, духу нашего времени в целом.

Существенной частью сознания русского большинства страны стали чувства и настроения, связанные с проблемой миграций. Особенно эти настроения актуальны для населения российских мегаполисов. В ряде регионов обострение проблем с мигрантами вызвало определенный рост этнического самосознания русского большинства России и уже является частью его этнической, гражданской и локальной идентичности.

Заметно, что сменяются акценты в понимании роли патриотизма, наполнение патриотизма новым содержанием: «В настоящее время в России идет формирование гражданского общества. Оно проявляется, в частности, в оформлении взаимоотношений общества с чиновниками, и вот в этом процессе стоит проявить всем русским черту, как равнодушие к настоящему положению вещей и, следовательно, к своему будущему. А это, на мой взгляд, и есть патриотизм» (ПМА 2-36-1).

В подавляющем большинстве суждений традиционное понимание патриотизма

в военно-государственном смысле, как защиты с оружием в руках своей Родины, безусловно, остается. Он понятен и востребован. Патриотизм всегда был присущ русскому человеку, «иначе мы как народ не выстояли бы в пиковые моменты истории». Но, по мнению многих, в наши дни патриотизм должен проявляться прежде всего в добросовестном труде, направленном на обустройство повседневной внутренней жизни.

Отрадно, что во многих высказываниях звучит тема ответственности¹ каждого русского человека за происходящее в стране: «Неприемлемо называть Россию *этой страной*... Русский человек никогда, ни при каких обстоятельствах, даже в шутку, не назовет свою страну *эта страна*. “Эта страна” – уже идет понятие отчуждения, “эта” – она не моя, “эта” – она мне чужая. Это значит, я в любой момент могу ее покинуть, значит, я не связан с ней какими-то нравственными, в первую очередь, обязательствами». И напротив, «если называю свою страну *моя страна*, значит, я считаю себя в ней своим человеком, считаю, что перед страной у меня есть какие-то обязательства» (ПМА 1-3-2). Еще одно высказывание: «Русские, я понимаю – это не только этнические русские, а большинство населения, которые родным языком считают русский язык, большинство населения России, и те, кто считает себя гражданином не *этой* страны, как часто у нас по радио и телевидению звучит, а нашей Родины – России, кто болеет за нее душой, о ее будущем думает, именно России, России целостной, как государства» (ПМА 3-5-2).

Один из информантов очень емко определил: «Русский человек – это тот, для которого русский язык является родным, кто

¹ Выступая на заседании Совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 г., Л.М. Дробужева справедливо подчеркнула важность формирования «гражданского сознания и ответственности за то, что происходит в стране». По ее словам, «такое чувство разделяет приблизительно треть только наших граждан». См. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53173>

пропитан национальной культурой, кто помнит, что его предки участвовали в развитии российского государства и осознает свою ответственность за продолжение их созидательных дел» (ПМА 2-25-1).

Довольно остро звучит озабоченность состоянием экологии: «Надо с детства прививать культуру [по отношению] не только к людям, но и бережного отношения к нашей природе». В ряде высказываний экологическая грамотность и ответственность входят в определение русского человека: «Это прежде всего тот, кто заботится о сохранении природы России, его истинного лица, рек, полей, лесов» (ПМА 2-35-1).

Респонденты отмечают, что в нынешней России произошло как бы разгосударствление благотворительности. Многое на себя взяла православная церковь. Возросла частная благотворительность, прежде всего в форме создания различных общественных фондов. Сохраняется память о людях со «щедрой и широкой натурой» – Савве Морозове, Никите Демидове, «московских купцах, построивших 40 сороков церквей в Москве... этим людям в голову не приходило вывозить свои капиталы за границу, они улучшали, украшали жизнь на своей Родине. Они не спрашивали, что мне дала Россия. Они спрашивали, что я дал России. Хотелось бы, чтобы и в наше время были такие люди, которые любили бы свой народ, и старались бы улучшить и облегчить его жизнь» (ПМА 3-13-2).

Проведенные опросы и интервью некоторых информантов и респондентов подтолкнули к своеобразному моделированию типа русского человека. Обращает на себя внимание, что в идеальной модели русского XXI в. не реже, чем профессиональные и деловые качества, присутствуют морально-нравственные характеристики и императивы.

Русские люди должны быть «честными, добросовестными, трудягами», им надо «спасать русскую нацию надо прежде всего от общественной апатии, от отсутствия гражданской позиции у людей, от равнодушия, я бы сказала, преступного, к соб-

ственной жизни, т.е. к ее комфортности, к свободе человека». Один из респондентов довольно эмоционально утверждает, что быть русским сегодня – «значит протрезветь от лихопития, наркотического угара и прочих добровольных сумасбродств. От зависти, злобы, невежества, пошлости, цинизма, а главное от эйфории, от патологической убежденности в нашей национальной исключительности и в нашем мессианстве» (ПМА 5-18-1; 3-28-1; 3-35-1).

Из констатации и оценки ситуации в стране вполне естественно вытекают пожелания к будущему. Большинство убеждены и надеются, что «в XXI в. основой нашей жизни все-таки должен быть закон, наша конституция». Не менее важное пожелание связано с отношением власти и общества к талантливым личностям: «Русские – талантливая нация, вечно мы чего-то выдумываем и изобретаем. Жаль только не всегда умеем ценить выдумщиков и изобретателей», «умных и талантливых людей надо поддерживать, они будущее нашей России» (ПМА 5-24-2, 1-4-1).

Из положительных качеств русского народа часто назывались доброта и терпение. Некоторые выделяли соборность как то свойство национального характера, которое способно помочь русским сохраниться как народ: «Важно не утратить своей соборности как объединенности и культуры. Наша соборность сегодня расшатывается, но мы можем сделать свой позитивный шаг, как это делают в других странах в этом направлении» (ПМА 2-32-1).

Исследованиями начала XXI в. подтверждается, что у русских сохраняются многие традиционные черты в самосознании и ментальности (Русские Рязанского края: 84–85; Касьянова 2003). Ведь национальное чувство, *русскость* в повседневности и в дореволюционной России была трудноуловима, внешне не проявляла себя сколько-нибудь заметно. Подобная аморфность, неоткристаллизованность национальных особенностей как-то сама собой исчезала в моменты невзгод, кризисных для национальной государственности ситуациях.

Принадлежность к народу определяется по духу и сознанию. Идентификация человека себя как русского в настоящее время основывается, прежде всего, на том культурном фонде, который для него близок и мерой сопричастности к истории и судьбе народа, который считаешь своим. В современных русских много советского. Сохранились черты русскости, патриотизм, возвращается в народное сознание православие. Понятие «новая Россия» – это ведь больше оболочка, игра слов. Самосознание русского народа, несмотря на изменения и трансформации, опирается на выработанные столетиями традиционные ценности, на историческую память. В заключение приведу мнение одного из респондентов, которое полностью разделяю: «И все-таки все мы русские. Мы говорим по-русски, думаем о России, любим ее литературу и гордимся ее историей. Готовы защищать границы нашего общего государства. Нас объединяет гораздо больше вещей, чем может показаться на первый взгляд. Давайте не будем забывать об этом в XXI в.» (ПМА 2-15-1).

Литература

- Андреевский 2008 – Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М.: Молодая гвардия, 2008.
- Буганов 2013 – Буганов А.В. Личности и события истории в массовом сознании русских крестьян XIX – начала XX вв. М.: Принципиум, 2013.
- Буганов 2016 – Буганов А.В. Об антропологическом изучении большого спорта // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии / Отв. ред. Г.А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2016.
- Геополитическое положение России 2000 – Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В.А. Колосова. М.: Арт-Курьер, 2000.
- Громыко 1991 – Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая Гвардия, 1991.
- Громыко, Буганов 2007 – Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М.: Паломник, 2000. 2-е изд. 2007 г.

- Историческая память 2012 – Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 г. / Под ред. А.В. Буганова. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2012.
- Кара-Мурза 2003 – Кара-Мурза С.Г. Матрица «Россия». М.: Алгоритм, 2007.
- Касьянова 2003 – Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.
- Кознова 2001 – Кознова И.Е. Исследование памяти крестьянства как способ познания феномена исторической памяти // Историческое знание и интеллектуальная культура. Материалы научной конференции. М., 2001.
- Косов 2005 – Косов Е. Быть русским. Русский национализм – разговор о главном. М.: Зебра Е, 2005.
- Матвеев 2003 – Матвеев О.В. Герои и войны в исторической памяти кубанского казачества. Краснодар: Кубанькино, 2003.
- Миненко 1986 – Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири в период феодализма. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1986.
- Мирский 2004 – Мирский Г.И. Постсоветское общество и внешний мир: наследие прошлого // Новый исторический вестник. Избранное 2000–2004. М., 2004.
- Ненашева 2015 – Ненашева И. Слово «хохол» не несет отрицательного значения // Известия. 6 июля 2015 г.
- Преображенский 1985 – Преображенский А.А. Помня свое отечество // Вопросы истории. 1985. №. 1.
- Репина 2004 – Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5.
- Римашевская 2003 – Римашевская Н.М. Человек и реформы. Секреты выживания. М.: ИСЭПН РАН, 2003.
- Русские Рязанского края 2009 – Русские Рязанского края. Т. I–II. М.: Индрик, 2009.
- Савельева 2005 – Савельева И.М. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. М., 2005.
- Синелина 2007 – Синелина Ю.Ю. Возвращение русских к православию // Русский вопрос / Под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова, И.Б. Орловой. М., 2007.
- Сухова 2008 – Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания / Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М.: РОССПЭН, 2008.
- Тарусин 2006 – Тарусин М. Исследование «Религия и общество». Ч. 1. Отношение к религии. <http://www.religare.ru/article34822.htm>. (15 ноября 2006).
- Трепавлов В.В. – Трепавлов В.В. Белый царь. Образ монарха и представления о подданстве у народов России. М.: Восточная литература, 2007.
- Троицкий 1988 – Троицкий Н.А. 1812 великий год России. М.: Мысль, 1988.
- Чагин 1999 – Чагин Г.Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999.

Глава 5

Российские евреи в контексте русского мира: от религиозности к этничности и обратно?

Введение

В России, по данным Всероссийской переписи населения, в 2010 году насчитывалось 156 801 еврей (<http://www.perepis-2010.ru>). По оценкам крупнейшего израильского демографа М. Тольца, их было несколько больше – 183 тыс. человек (Тольц 2016). Есть и другие расчеты (Синельников 2018), однако, очевидно, что численность евреев в бывшем ССР, в том числе в России неуклонно сокращается (подробнее см.: (Носенко-Штейн 2013; Синельников 2018). Если же сравнивать еврейское население Российской империи на 1897 г. (5 млн 200 тыс. человек) и еврейское население бывшего СССР на 2010 г. (около 326 тыс. человек; переписи в бывших советских республиках проводились в разные годы), то окажется, что численность евреев в этом регионе сократилась примерно в 17 раз (подробнее см.: (Тольц 2016)). Такое резкое уменьшение численности евреев было вызвано рядом причин. Среди них и трагические события в жизни страны и в еврейской истории: погромы, вызывавшие гигантскую волну еврейской эмиграции конца XIX – начала XX в.; революции 1917 г., и Гражданская война, приведшая к значительному сокращению численности евреев бывшей Российской империи; трагедия Холокоста и Великой Отечественной войны, повлекшие за собой не просто массовую гибель еврейского населения, но и уничтожение традиционного культурного уклада, основанного на языке идиш, а также на традициях иудаизма. В послевоенные годы сталинские антисемитские кампании, а впоследствии политика государственного антисемитизма вкупе с продолжающимся отходом большинства советских евреев от иудаизма, ростом числа смешанных браков, продолжающейся аккультурацией

вплоть до ассимиляции привели к серьезным изменениям не только в численности советских евреев (как за счет эмиграции начала 1970-х годов, так и в результате того, что потомки смешанных браков все чаще указывали в пятой графе паспортов нееврейскую национальность), но и их самоидентификации. Массовая эмиграция бывших советских евреев конца 1980-х – начала 1990-х годов и позднее, а также сокращение детности, рост смертности и увеличение доли людей старших возрастных когорт в еврейском населении России привели к значительным изменениям не только в численности и возрастном составе российского еврейства, но и к его, если так можно выразиться, диверсификации (Тольц 2016; Синельников 2018; Носенко-Штейн 2013). Приводимые демографами цифры разнятся, так как при любых подсчетах неизбежно встает вопрос, кого считать российским евреем.

По этим проблемам существует поистине необозримая литература, поэтому здесь я остановлюсь лишь некоторых основных моментах.

Еврейская идентичность: от религиозности к этничности?

Название этого раздела отчасти повторяет название книги, несколько лет назад изданной под редакцией известного американского ученого Цви Гительмана и посвященной трансформации идентичности современного еврейства, в том числе российского (Gitelman 2009). Описывая процесс конструирования еврейской идентичности в разных странах, Гительман отмечает общую для большинства еврейских общин в современном мире тенденцию: а именно «дрейф» от религиозной самоидентификации и внешней идентичности (т.е., к идентификации со стороны нееврейского окружения) к этнической, бази-

рующей на вере в общность происхождения.

Тут уместно напомнить, что на протяжении долгого периода понятия «еврей» и «иудей» были почти равноценными¹. В средневековой Европе такое тождество было практически полным, а господствовавший в христианских странах антииудаизм послужил основанием для многочисленных антиеврейских мер: сожжения Талмуда, изгнания целых общин, «кровавый навет» (обвинения евреев в ритуальных убийствах) и т.п. (Трахтенберг 1998; Поляков 2008). В исламских странах положение было иным: евреи, как все иноверцы-монотеисты, платили налог и пользовались относительной свободой вероисповедания, но и там понятия «еврей» и «иудей» практически не разделялись до начала XX в. (Goiten 1976; Stillman 1979; Stillman 2003).

В еврейской, точнее, иудейской традиции, именно этноконфессиональный принцип поддерживался нормами еврейского права (*Галаха*), которые начали складываться в первые века новой эры. Согласно им, евреем считался человек, рожденный матерью-еврейкой или исповедующий иудаизм (эта норма до сих пор действует в общинах ортодоксального и консервативного иудаизма). Таким образом, вполне правомерно утверждать, что евреи на протяжении около двух тысячелетий представляли собой этноконфессиональную общность, и идентичность ее членов базировалась как на приверженности иудаизму, так и на вере в общность происхождения (по материнской линии).

¹ Исключение составляли относительно небольшие группы, исповедовавшие своеобразные формы иудаизма, как, например, самаритяне, караимы, фалашы (так называемые «черные евреи» Эфиопии), а также обратившиеся в иудаизм группы: часть берберов Магриба и арабов Южной Аравии до исламизации; часть населения Хазарского каганата; так называемые «жидовствующие», или иудействующие и геры в России и т.д.

Положение постепенно стало меняться – сначала в Западной Европе с конца XVIII в., когда начался так называемый процесс еврейской *эмансипации*, т.е. обретения гражданских прав. Постепенно, по мере возникновения и укрепления nation-states евреи стали восприниматься, по крайней мере, de-jure, как полноценные граждане страны, исповедующие особую религию (немцы, французы «закона Моисеева», затем «веры Моисеевой») (Meyer 2001). В качестве таковых они стали воспринимать себя сами, т.е. постепенно превращались в конфессиональную общность, и именно так рассматриваются в большинстве стран Европы и Америки. Здесь нелишне пояснить, что иудаизм – не просто религия, но и образ жизни, так как его законы, предписания и запреты распространяются на все стороны жизни (что характерно для многих архаичных религий). Впрочем, как уже отмечалось выше, в последние десятилетия наметился «сдвиг» в сторону этничности, т.е. идентификации евреев с их реальным или воображаемым происхождением. Такая идентификация («еврейская кровь») и прежде в Западной Европе во второй половине XIX в. послужила «основанием» для конструирования расового антисемитизма, (хотя отдельные его проявления имелись и раньше). Именно расовый антисемитизм достиг своего пика в нацистской идеологии Третьего рейха, где расовая теория получила свое практическое «применение» в виде *Окончательного решения еврейского вопроса (Endlösung der Judenfrage)*, т.е. политики, направленной на уничтожение еврейского населения Европы.

Этнический принцип также лег в основу оформившейся в конце XIX в. сионистской идеологии (прежде всего, в ее светском и ревизионистском вариантах), рассматривавшей евреев как этническую общность, которая в древности возникла на Земле Сиона и которая возродится там же после создания своего государства (отсюда негативное отношение к жизни евреев в диаспоре, в которой, по мнению большинства приверженцев сионизма, ев-

рейский народ существовал лишь физически, подвергаясь преследованиям и не создав значимой культуры) (подробнее см., например: Лакер 2000; Рубинштейн 2002). Сионистский проект нашел свое воплощение в создании Государства Израиль (1948 г.). Концепт «собираания изгнанных» (*кибуц галуיות* – иврит), т.е. возвращения евреев всего мира на землю предков лег в основу идеологии и политики сионизма, поощрявшего еврейскую иммиграцию, рассматривавшуюся в качестве репатриации (*алии*); эта политика поощряется на всем протяжении существования Государства Израиль (подробнее см. Носенко-Штейн 2018). Принятый в этой стране Закон о возвращении (1950 г.; впоследствии в него были внесены поправки) послужил основой для предоставления израильского гражданства для еврея, его детей и внуков, а также членов их семей.

В Российской империи ситуация была иной. В отличие от Западной Европы массы еврейства – а в Российской империи во второй половине XIX в. проживало 2/3 еврейского населения мира – евреи долго сохраняли традиционный уклад и приверженность иудаизму. Выборочная вестернизация началась здесь в последней четверти XIX в. и протекала по преимуществу за пределами черты оседлости, а также она коснулась в основном так называемых «полезных евреев», которым было разрешено проживать «за чертой» (Frankel, 1981; Nathans 2002). Основная масса российских евреев была поражена в правах именно как иудеи, т.е. они рассматривались как конфессиональная общность, хотя в царствование Александра III в ряде случаев начал проявляться и расовый антисемитизм (Klier 1995). Правда, в ряде случаев ряд признаков: общность территории проживания (черта оседлости), язык общения (идиш), самоназвание (*а ид*), бытовой уклад, а также самоидентификация дают основание некоторым исследователям считать евреев Российской империи (и иногда даже восточной Европы) этносом (Дымшиц 2018).

В конце XIX в. в Российской империи назрел кризис иудаизма и основанной на нем традиционной культуры. Он был вызван иными, нежели в Западной Европе, причинами, прежде всего, кризисными же явлениями всего российского общества (Zipperstein 1999; Nathans 2002; Гительман 2009). Он сопровождался постепенным отходом еврейской молодежи от иудаизма и распространением в ее среде различных социалистических и палестинофильских, а затем сионистских идеологических течений. Этот кризис, в свою очередь, вызвал глубокие сдвиги в еврейской самоидентификации. Он резко усилился в первые десятилетия советской власти. Этому способствовали изменения в социально-демографической структуре еврейского населения СССР (массовое переселение евреев в города, в том числе бывшей черты оседлости; разрушение традиционного хозяйственного уклада; отход от многих прежних занятий, и т.д.), а также ускорившаяся вследствие антирелигиозной политики властей секуляризация евреев, особенно их отход от иудаизма (Shneer 1994; Shternshis 2006). Иногда ученые отмечают легкость, с которой еврейские массы восприняли советскую антирелигиозную пропаганду, что, по их мнению, было не только результатом хорошо организованной антирелигиозной кампании, и не только следствием глубинного кризиса традиционной еврейской культуры. Можно спорить с утверждением, что евреи были единственной группой, действительно выигравшей в результате Октябрьской революции (Krupnik 1995), или что отречение от иудаизма было своеобразной «платой» за обретение гражданских прав (Shternshis 2006: 3). Столь быстрый отход от веры предков и традиционной культуры – все же был порождением уже перечисленных кризисных явлений рубежа веков, а также изменений в жизни всего общества после 1917 г. В результате в СССР сформировалась специфическая советская еврейская идентичность (идишская и /или русскоязычная). Иной вариант еврейской

культуры, базировавшийся на иудаизме, существовал до Второй мировой войны в тех странах Восточной Европы, которые были оккупированы СССР по пакту Молотова–Риббентропа. Этот вариант восточноазиатской культуры был сметен с лица земли во время Холокоста. После окончания войны светский советский вариант еврейской культуры и идентичности окончательно возобладал (Altshuler 1987; Altshuler 1998; Shternshis 2006; Носенко-Штейн 2013). И в дальнейшем евреи все более воспринимались как этническая общность; к тому же, этнический принцип в советское время был зафиксирован в паспортах, что в свою очередь оказывало влияние на идентификацию жителей СССР. Более того, углубляющаяся аккультурация и в ряде случаев ассимиляция советских евреев приводила к тому, что именно графа «национальность», а также политика государственного антисемитизма становились едва ли не единственными «опорами» самоидентификации многих советских евреев, превратившихся, по меткому определению Ц. Гительмана в «паспортных евреев» (Gitelman 2008; Носенко-Штейн 2013). Эта тенденция не изменилась и в последние два десятилетия существования Советского Союза, когда, с одной стороны, вера в общее происхождение в ряде случаев сопровождалась переходом в христианство (чаще православие); при этом происходило конструирование своеобразной православной еврейской самоидентификации (Носенко 2009). С другой, успехи Государства Израиль способствовали определенному усилению еврейской этничности, усилению групповой солидарности и возникновению ряда движений среди советских евреев (движение за право на эмиграцию; движение так называемых «культурников» и др.).

Диаспора или родина?

Еще один важный вопрос, который необходимо попытаться решить, чтобы понять, кем в настоящее время являются российские евреи, это проблема диаспоры.

Евреев, живущих за пределами Государства Израиль (а прежде жившими за пределами древнего этнического очага: Земли Израиля / Эрец Исраэль / Палестины), в научной и особенно публицистической литературе обычно обозначают как «диаспору». Прежде чем говорить о правомерности такого определения, необходимо хотя бы вкратце напомнить, что такое диаспора как историко-культурное явление. Существует много определений диаспоры (см., например: Шеффер 2003). Интерес к диаспорной проблематике усилился с 1980-х годов, когда возникла даже «мода на диаспору» (Тишков 1989). Диаспору иногда рассматривают как «кусочек» «этнического материка» (нации, этнической, реже религиозной общности), хоть и отделившийся, но сохраняющий его основные характеристики (язык, религию, бытовую и поведенческую культуру и пр.). Жители диаспоры нередко относятся к обитателям «родины» как к носителям парадигматических черт, или своего рода эталону, квинтэссенции «подлинности».

Обычно выделяют различные виды диаспор: исторические / классические (еврейская, армянская, греческая и др.), существование которых прослеживается на протяжении длительных периодов (Попков 2002); и новые диаспоры, (например, русские в ближнем зарубежье, китайская диаспора), которые возникли относительно недавно и которые находятся на стадии конструирования и обретения своей коллективной идентичности (Дятлов 2004). Часто пишут также о «трудовых» диаспорах, которые бывает непросто отличить от сообществ мигрантов (землячества) и просто их компактного расселения. Иногда, видимо, по образцу единой теории конфликтов предпринимаются попытки создать единую теорию диаспоры. Некоторые придерживаются той точки зрения, что диаспоры и этнические меньшинства практически равнозначные понятия (см. критику этих построений: Тишков 1989). Тут следует заметить, что не все этниче-

ские меньшинства являются диаспорами; кроме того, существуют религиозные диаспоры (сейчас пишут о «мусульманской диаспоре / диаспорах»). Диаспорами иногда называют любые группы мигрантов, будь то беженцы, перемещенные лица, трудовые мигранты, вынужденные переселенцы. Стремление ко «всеобщей диаспоризации» в целом объяснимо, поскольку в современном глобализирующемся мире меняются старые, «исторические» диаспоры, возникают новые типы сообществ, для характеристики которых не всегда имеется понятийный аппарат.

Иногда диаспору трактуют не просто как особый тип расселения, но как особый тип человеческих взаимоотношений, основанных на общности судеб с «исторической родиной» и мифе об исходе (Дятлов 2004), а также как систему информационных связей (эта трактовка восходит к концепции С.А. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова, а через них – к К. Дейчу).

Здесь я очень коротко затронула основные вопросы диаспорного дискурса (см. также некоторые обзоры: (Сафран 2004; Носенко-Штейн 2017). Однако исследователи все чаще сходятся в том, что одним из ключевых понятий для понимания феномена диаспоры является коллективная идентичность и коллективная память.

Где у них Родина?

В случае с еврейской диаспорой именно групповая идентичность и культурная память, а также информационные связи были чрезвычайно важны. И при всем различии дефиниций и разнообразии подходов еврейская диаспора, как правило, рассматривается как парадигматическая модель. Например, предложенные известным специалистом У. Сафраном базовые характеристики еврейской диаспоры применимы ко многим историческим диаспорам. Среди предложенных Сафраном характеристик: 1. Рассеивание из единого центра в два или более «периферийных» региона,

а также вынужденный характер переселения; 2. Коллективная память о стране происхождения и ее мифологизация; 3. Ощущение своей чужеродности в принимающей стране; 4. Стремление к возвращению на «историческую родину», или миф о возвращении в страну исхода; 5. Помощь «исторической родине» со стороны живущих в диаспоре; 6. Сохраняющаяся идентификация со страной происхождения и базирующееся на этом чувство групповой сплоченности (Сафран 2005).

У. Сафран явно или латентно полемизирует с теми исследователями, которые, подобно Р. Коэну, Ш. Занду и другим авторам, стоят на крайне антиссионистских, крайне левых или попросту антисемитских позициях, отрицая само существование евреев как народа (культурной общности) (Сафран 2004; Сафран 2005; Занд 2010). Однако, предложенные Сафраном признаки еврейской диаспоры «работали» в прошлом, хотя и на протяжении длительного времени. Например, связь с землей предков, столь много значившая для евреев в прошлом, как и мифологизация Земли Обетованной, за последние два столетия сильно ослабели или являются скорее декларативными, нежели внутренне обоснованными; это касается и мифологии возвращения. Так, ориентация не только синагог, но и жилых помещений на Иерусалим с помощью так называемых *мизрахов* (*мизрах*: иврит – восток; табличка на стене, ориентированной на священный город) в настоящее время выполняется в домах религиозных евреев. Помощь Земле Сиона, рассматривавшаяся как *мицва* – (заповедь) и выражавшаяся в пожертвованиях живущим там евреям (*халукка*), в большинстве общин превращаясь в моральную поддержку (за исключением тех стран, где, как во Франции, среди евреев распространены антиссионистские настроения). Из перечисленных Сафраном признаков для ряда стран (хотя далеко не всегда и не везде) остается действенным, пожалуй, ощущение чужеродности в стране проживания: оно усиливается в периоды

различных кризисов и политических конфликтов.

Иными словами, ситуация с классической еврейской диаспорой сильно изменилась. Тут уместно вспомнить, что в еврейской (точнее, в иудейской) традиции длительное время существовал нарратив о Земле Израиля как о Земле Обетованной, но утраченной в качестве кары за грехи народа. Подобный нарратив возник в эпоху Вавилонского плена и доминировал в религиозной парадигме, особенно после окончательной утраты этнического и национального очага. Вследствие этого еврейское рассеяние рассматривалось как *галут* / *голуса* (иврит / идиш – изгнание), т.е. как коллективное наказание. На таком восприятии базировалась надежда на божественное избавление (*геула*) и окончание изгнания вследствие восстановления Израильского царства. С этим были связаны (и связаны сейчас) многочисленные обрядовые практики иудаизма: упоминавшаяся ориентация синагог на Иерусалим, пожелание встретиться «на будущий год в (восстановленном) Иерусалиме» и т.п. С мечтой о возвращении на Землю Обетованную были связаны и мессианские движения. Мифология утраченной родины и возвращения играла огромную роль в поддержке групповой солидарности и формировании групповой идентичности. Совершение паломничества в Эрец Исраэль – *алия* (иврит – восхождение), т.е. возвращения из галута в Землю Обетованную рассматривалось как высшая добродетель. Такая идентификация со страной исхода давала почву для обвинения евреев в нелояльности или двойной лояльности по отношению к стране проживания. Религиозная и культурная обособленность евреев, однако, не исключали разнообразных заимствований, что дало известному израильскому этнологу Р. Патаи право утверждать, что проживавшие в разных странах евреи не представляли собой ни языкового, ни расового, ни географического единства, но их объединяла религиозная традиция,

единая на огромных пространствах от Марокко до Индии (Patai 1975).

Как указывалось выше, ситуация начала меняться в конце XVIII в., когда вместе с постепенным обретением гражданских прав евреи в Западной Европе стали рассматривать себя как полноценных граждан того или иного государства. Это вкупе с углубляющейся секуляризацией нередко приводило к ослаблению групповой идентичности, мифологизации утраченной родины. Рост политического и расового антисемитизма, а также распространение сионистской идеологии привели к определенной «реанимации» прежних концептов, хотя и на иной почве (Oren 2007; Носенко-Штейн 2017). Концепция *кибуц галуйот* (иврит – собрание изгнанных) оставалась преобладающей в сионистском движении и после образования Государства Израиль; результатом политики «собирания» живущих в разных частях мира евреев стали массовые (иногда целыми общинами) переселения в Израиль и изменения не только численности, но и социо-культурного состава населения как этой страны, так и евреев, живущих за ее пределами (подробнее см.: Носенко-Штейн 2018).

Евреи в современном мире: новые вызовы

После окончания Второй Мировой войны и создания Государства Израиль произошли огромные изменения в численности, расселении и идентичности большинства еврейских общин мира. Здесь нет возможности даже коротко написать о них. Поэтому остановлюсь на тех, которые имеют отношение к нашей теме. Израиль на протяжении своей истории всячески поощрял иммиграцию евреев из других стран, которая рассматривалась как репатриация и для обозначения которой используется термин *алия*. Огромные усилия были предприняты в конце 1940-х – начале 1960-х годов, чтобы «вернуть» значительные группы евреев, преимущественно из мусульманских стран. Это привело к тому, что в большинстве стран

Магриба, Ближнего и Среднего Востока остались очень незначительные группы евреев. Той же цели служили операции по «репатриации» *фалашей* (черных евреев Эфиопии) в 1984 и 1991 гг. Беспрецедентными по размаху были также усилия по организации массовой репатриации советских евреев в начале 1970-х годов и особенно в 1989–1991 гг. (и позднее). Последняя волна иммиграции («большая алия») привела к резкому изменению численности и половозрастного состава еврейского населения бывшего СССР и к увеличению еврейского населения Государства Израиль (Тольц 2016). И если иммиграция 1970-х годов в немалой степени имела сионистский характер, т.е. многие ехали *в еврейское государство*, то «большая алия» была иной. О ее причинах и характере написано очень много, большинство исследователей сходится во мнении, что в то время люди ехали не *в еврейское государство*, а *из СССР*, в любую принимавшую их страну, выталкиваемые отсюда политической и экономической нестабильностью (Fialkova and Yelenevskaya 2007; Remennick 2007).

Поэтому за пределами Государства Израиль продолжают существовать большие группы евреев (условно называемые общинами) в США, Западной Европе, Латинской Америке и др. Только в последние несколько лет численность еврейского населения Израиля превысила численность еврейской общины США (на 2014 – 2015 гг., по разным оценкам, она насчитывала от 5,3 до 5,8 млн человек). Живущих за пределами Израиля евреев по-прежнему называют «еврейской диаспорой», хотя и отмечают ее изменившийся характер (Wasserstein 1995; Ben-Rafael et al. 2006; Gitelman 2016). Самоидентификация проживающих в этих странах евреев весьма различна. Иногда исследователи отмечают, что современное еврейское рассеяние не следует считать «образцовой диаспорой» в силу отсутствия «общей судьбы» и идентичности (Мелконян 2000; Носенко-Штейн 2017).

Российские евреи в наши дни: изменения и обретение прежних ценностей?

Все эти экскурсы в теорию и историю понадобились мне для того, чтобы читатели, малознакомые с историей и культурой евреев, могли лучше представить, чем же в настоящее время являются российские евреи.

Несмотря на все изменения, российское еврейство представляет собой одну из самых значительных и, пожалуй, самых неоднозначных еврейских групп мира. Например, в постсоветское время, благодаря усилиям разного рода активистов и организаций в нашей стране имеет место так называемый «еврейский ренессанс», выразившийся в легализации многих религиозных общин и структур, открытии синагог и молитвенных домов, реализации различных проектов, направленных на знакомство бывших советских евреев (и не только их) с основными ценностями и традициями иудаизма. Однако, по различным данным, от 13 до 20% российских евреев в середине 2010-х годов придерживались иудаизма; примерно столько же исповедовали христианство (чаще православие); большая часть была атеистами, агностиками, верила в Верховный Разум, судьбу, карму и пр. Так, лишь менее 16% опрошенных мной в разных городах России людей еврейского происхождения полагают, что «быть евреем» означает «исповедовать иудаизм» (Носенко-Штейн 2013: 60, 84). Иными словами, российское еврейство сохранило с советской эпохи преимущественно светский характер, хотя определенные сдвиги, возможно, есть. Но к сожалению, даже в последние десятилетия советской власти не проводилось исследований еврейской идентичности, религиозности и т.п., поэтому сравнивать, по существу, не с чем. Как уже говорилось, не более 1/5 российских евреев декларируют себя приверженцами иудаизма. Но более тщательные исследования показывают, что такие «иудеи» нередко не соблюдают даже основные предписания

иудаизма (о которых иногда имеют довольно расплывчатые представления). Нередко информанты признаются, что им «ближе иудаизм» или что их взгляды «более близки иудаизму» (подробнее см.: Носенко-Штейн 2013: 31–158). Об относительно низкой религиозности вообще и приверженности иудаизму у российских евреев пишут и другие исследователи (Shternshis 2007; Chervyakov et al. 2003).

В то же время советский принцип происхождения продолжает оставаться важным для российских евреев: почти 45% респондентов считают именно так: «быть евреем» для них означает быть сыном (дочерью) еврейских родителей; немало опрошенных даже полагают, что важно иметь просто «еврейские корни». Об этом неоднократно говорили информанты, подчеркивая первоочередное значение «еврейской крови», «еврейских генов» и т.п. Вот характерен ответ Абрама П., 87 лет (Пенза) на вопрос, что важно для того, чтобы считаться евреем: «Гены. Гены. Гены. От отца, от матери» (Носенко-Штейн 2013: 60, 71). Генетические исследования последнего десятилетия, часто неверно и однобоко воспринимаемые специалистами, на первый взгляд, подтверждают наличие «еврейских генов», хотя и не объясняют каких-либо социокультурных традиций и их трансформаций. Я нарочно здесь не останавливаюсь на принципе «еврейство по матери», так как все меньше людей еврейского происхождения считают его правомерным (подробнее см.: Носенко-Штейн 2013: 73); это вполне объяснимо, т.к. в настоящее время среди потомков смешанных браков численность патрилинейных евреев превышает численность матрилинейных. То есть, в нашей стране люди еврейского происхождения продолжают считать генеалогический принцип определяющим.

При этом все больше людей еврейского происхождения в нашей стране (более 80%) полагают, что для того чтобы «быть евреем», необходимо иметь «еврейское самосознание», т.е. самоидентификацию

(Носенко-Штейн 2013: 60). Однако, идентичность и самоидентификация – «величины непостоянные», они ситуационны, т.е. зависят от внешнего окружения, воспитания, ряда социокультурных факторов. Более того, самоидентификация нередко меняется на протяжении всей жизни. Поэтому у современных российских евреев (и не только у них) культурная самоидентификация диверсифицирована: существует несколько ее разновидностей (светские, религиозные, гибридные и пр.). (Подробнее см.: Носенко 2004: 52–55; Носенко-Штейн 2013: 1–69). Разные типы самоидентификации «опираются» на различные символы и ценности. У меня здесь нет возможности писать об этом подробно, поэтому просто перечислю некоторые факторы, которые способствуют конструированию различных типов.

Среди таких факторов, помимо религии и веры в общее происхождение, можно выделить еще несколько. Это отношение к Израилю и эмиграции. В настоящее время практически все российские евреи считают родиной именно Россию (около 76%), некоторые (10%) – одновременно Россию и Израиль (остальные называют СССР или те бывшие советские республики, где они родились) (Носенко-Штейн 2013: 174); единицы считают Израиль «исторической родиной». Многие также полагают, что в России евреям легче реализовать свои возможности, сделать карьеру, добиться благосостояния, чем в Израиле (Носенко-Штейн 2013: 159–200). Эмиграция бывших советских евреев, столь значимая в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда в Израиль въезжали десятки тысяч человек; а еврейская община Германии выросла с 15 тыс. до 180–200 тыс. человек (Тольц 2016), резко сократилась. И хотя она в последние несколько лет несколько выросла, можно считать, что миграционный потенциал российских евреев заметно снизился. Более того, люди по-прежнему в основном уезжают не в Землю Обетованную, не на «историческую родину», а под влиянием «выталкивающих» факторов

(экономический или политический кризис, страх будущего), а также из-за желания получить хорошее образование, развивать бизнес и т.п. В то же время среди российских евреев несомненны интерес и сочувствие к Израилю и живущим там евреям (Ханин и др. 2013; Носенко-Штейн 2013). Иными словами, в настоящее время российских (шире – постсоветских евреев) неправомерно рассматривать как диаспорную группу; они давно превратились в укорененную в стране этническую общность.

В то же время большинство ключевых понятий, характерных для классической (в том числе еврейской) диаспоры, более применимо к русскоязычным гражданам Государства Израиль. Поскольку среди них немало неевреев, а также потомков смешанных браков, то их вполне можно рассматривать как постсоветскую русскоязычную диаспору.

В постсоветский период российские евреи (и их нееврейские родственники) широко расселились и в других странах, особенно в Германии, США, Канаде и др. Это расселение обозначают как транснациональное сообщество, имея в виду, что эти люди объединены русским языком, русской/общесоветской культурой, современными средствами коммуникации: русскоязычным Интернетом, особенно социальными сетями и др. (подробнее об этом см.: Remennick 2007; Носенко-Штейн 2017). Однако такое сообщество имеет временный характер, и оно довольно типично для многих групп мигрантов в современном мире. Такого рода сообщество позволяет поддерживать разнообразные связи с бывшими соотечественниками; однако они сохраняются у иммигрантов первого и полуторного поколений. Их потомки в третьем и более поколениях, как правило, интегрируются в принимающем обществе, язык страны проживания становится для них родным, и столь значимые для более старшего поколения транснациональные связи утрачивают свое значение.

Заключение

Поскольку этничность и религия – суть способы репрезентации культуры, то евреи в современном мире представляют собой различные варианты такой репрезентации. Российские евреи тоже являются давно укорененной в нашей стране сильно диверсифицированной общностью; идентичность разных ее групп базируется на различных символах и ценностях. Среди этих символов лидирует, как было показано выше, вера в общее происхождение («кровь», «гены»), т.е. в этнический принцип. Превалировавший на протяжении многих веков конфессиональный принцип теперь по значимости уступает многим другим (среди них память о Холокосте, Государство Израиль, необходимость знать еврейскую историю и культуру и др. (подробнее см.: Носенко-Штейн 2013: 60)). В то же время в последние полтора-два десятилетия среди молодежи наблюдается явный интерес к иудаизму, его философии и обрядовым практикам. Более того, попытки сконструировать светскую еврейскую идентичность, предпринимаемые многочисленными еврейскими организациями, обычно не слишком удачны. Все попытки приобщить людей еврейского происхождения к еврейской культуре так или иначе «упираются» в традиции иудаизма (диетарные законы, праздники, обряды жизненного цикла и др.); то же можно сказать об истории евреев, которые на протяжении многих веков были именно иудеями. Попытки «реанимировать» уничтоженную культуру на идиш (изучение языка, фольклора, обычаев) привлекает по преимуществу специалистов. Прочие попытки (например, различные литературные, музыкальные и тому подобные вечера и встречи, проходящие в культурных центрах) обычно напрямую связаны именно с принципом происхождения: приглашаются известные люди, имеющие «еврейские корни» (иногда довольно отдаленные) и нередко не связывающие или мало связывающие себя с еврейством (Д. Быков. Л. Улицкая и др.).

Кроме того, несмотря на все усилия ряда организаций (например, Еврейского

Агентства для России / Сохнута), ориентирующихся на приобщение российских евреев к истории и достижениям Государства Израиль и в конечном итоге поощряющих репатриацию, подавляющее большинство их «клиентов» этого делать не намерены. К ним неприменимо определение классической еврейской диаспоры. Более того, группы бывших российских евреев во многих странах мира (особенно в Израиле, Германии и США) можно охарактеризовать как русскоязычную постсоветскую диаспору. В ряде работ уже подчеркивают своеобразный характер такой диаспоры, которую иногда называют «новой еврейской» или «русскоязычной еврейской» диаспорой (Gitelman 2016).

В современном мире возникают новые формы человеческих отношений, базирующихся на новых информационных технологиях и средствах коммуникации и образующие транснациональные сообщества. Иными словами, на смену прежним моделям пришла постмодернистская модель «шведского стола», т.е. набор различных типов расселения, идентичности и культурной памяти. И в каждой стране отдельный человек выбирает из этого набора то, что ему ближе.

Литература

- Дятлов 2004 – Дятлов В. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России // Диаспоры / Diasporas. 2004. № 3. С. 126–138.
- Гительман 2008 – Гительман Ц. Беспокойный век. Евреи России и Советского Союза с 1881 года до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Дымшиц 2018 – Дымшиц В.А. Традиционный костюм. Евреи / Отв. ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018.
- Занд 2010 – Занд Ш. Кто и как придумал еврейский народ. М.: ЭКСМО, 2010.
- Лакер 2000 – Лакер В. История сионизма. М.: Крафт, 2000.
- Носенко 2004 – Носенко Е.Э. «Быть или чувствовать?» Основные аспекты еврейской самоидентификации у потомков смешанных браков в современной России. М.: Крафт, 2004.
- Носенко-Штейн 2013 – Носенко-Штейн Е.Э. «Передайте об этом детям вашим, а их дети следующему роду»: Культурная память у российских евреев в наши дни. М.: МБА, 2013.
- Носенко-Штейн 2017 – Носенко-Штейн Е.Э. Евреи в современном мире: диаспора, профессиональное меньшинство, этническая группа? Труды Института востоковедения РАН. Вып. 3. Культура и политика: проблемы и взаимосвязи / Отв. ред. Любимов Ю.В. М.: Институт востоковедения РАН, 2017. С. 230–243.
- Носенко-Штейн 2018 – Носенко-Штейн Е.Э. Доктрина «кибуц галуйот» и еврейская диаспора: что дальше? 70 лет Государству Израиль. Сб. статей / Отв. ред. Т.А. Карасова, Д.А. Марьясис. М.: РОССПЭН, 2018 (в печати).
- Мелконян 2000 – Мелконян Э. Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Диаспоры / Diasporas. 2000. № 1–2. С. 8.
- Поляков 2008 – Поляков Л. История антисемитизма. Кн.1–4. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 2008.
- Попков 2002 – Попков В. «Классические» диаспоры: к вопросу о дефиниции термина // Диаспоры / Diasporas. 2002. № 1. С. 5–22.
- Сафран 2004 – Сафран У. Сравнительный анализ диаспор (размышление о книге Роберта Козна «Мировые диаспоры») // Диаспоры / Diasporas. 2004. № 4. С. 138–162.
- Сафран 2005 – Сафран У. Сравнительный анализ диаспор. Размышления о книге Робина Козна «Мировые диаспоры» (завершение темы) // Диаспоры / Diasporas. 2005. № 1. С. 98–122.
- Синельников 2018 – Синельников А.Б. Демография российского еврейства. Евреи / Отв. ред. Т.Г. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018.
- Рубинштейн 2002 – Рубинштейн А. От Герцля до Рабина и дальше. Сто лет сионизма. М.: МЕТ, 2002.
- Тишков 2003 – Тишков В.А. Увлечение диаспорой (о политических смыслах диаспорального дискурса) // Диаспоры / Diasporas. 2003. № 2. С. 160–183.
- Тольц 2016 – Тольц М. Евреи на постсоветском пространстве: новые демографические данные. Демоскоп. 693–694, 22 августа – 4 сентября 2016. С. 1–22.
- Трахтенберг 1998 – Трахтенберг Дж. Дьявол и евреи. Средневековые представления о евреях и их связь с современным антисемитизмом.

- тизмом. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим, 1998.
- Ханин, Писаревская, Эпштейн 2013 – Ханин З., Писаревская Д., Эпштейн А. Еврейская молодежь в постсоветских странах: национальное самосознание, общинная жизнь и связи с Израилем. М.: ИВ РАН, 2013.
- Шефер 2003 – Шеффер Г. Диаспоры в мировой политике // Диаспоры / Diasporas. 2003. № 4. С. 162–164.
- Altshuler 1987 – Altshuler M. Soviet Jewry since the Second World War: Population and Social Structure. Westport, CT: Greenwood Press, 1987.
- Altshuler 1998 – Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile. Jerusalem: Center for research on East European Jewry, The Hebrew University of Jerusalem, and Yad va-Shem museum of the Holocaust, 1998.
- Ben-Rafael et al. 2006 – Ben-Rafael E. et al. Building a Diaspora. Russian Jews in Israel, Germany and the USA. Leiden; Boston: Brill, 2006.
- Chervyakov, Gitelman, Shapiro 2003 – Chervyakov V., Gitelman Z., Shapiro V. Thinking about Being Jewish in Russia and Ukraine. Gitelman Z. with Giants M. and Goldman M.I. (Eds.) Jewish Life after the USSR. Bloomington: University of Indiana Press, 2003. P. 49–60.
- Fialkova, Yelenevskaya 2007 – Fialkova L., Yelenevskaya M. Ex-Soviets in Israel. From Personal Narratives to a Group Portrait. Raphael Patai Series in Jewish Folklore and Anthropology. Detroit: Wayne State University Press, 2007.
- Frankel 1981 – Frankel J. Prophecy and politics: Socialism, Nationalism and Russian Jews. 1862–1917. New York: Cambridge University Press, 1981.
- Gitelman 1994 – Gitelman Z. The Reconstruction of Community and Jewish Identity in Russia. East European Jewish Affairs, 1994. 24 (2). P. 35–56.
- Gitelman 2009 – Gitelman Z. (Ed.). Religion or ethnicity? Jewish identities in evolution. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2009.
- Gitelman 2016 – Gitelman Z. (Ed.) The New Jewish Diaspora: Russian-speaking immigrants in the United States, Israel and Germany. New Brunswick, NJ, and London. Rutgers University Press, 2016.
- Goiten 1976 – Goiten S.D. Jews and Arabs. Their Contacts through the Ages. N.Y., 1976.
- Klier 1995 – Klier J. Imperial Russia's Jewish Question. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Krupnik 1995 – Krupnik I. Soviet Cultural and Ethnic Policies Towards Their Jews: A Legacy Reassessed. Ro'i Y. (Ed.) Jews and Jewish Life in Russia and the Soviet Union. London: Frank Cass., 1995. P. 67–86.
- Meyer 2001 – Meyer M. A. Judaism Within Modernity: Essays on Jewish History and Religion. Wayne State University Press, 2001.
- Nathans 2002 – Nathans B. Beyond the Pale. The Jewish Encounter and Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002.
- Oren 2007 – Oren M. Power, Faith, and Fantasy / America in the Middle East: 1776 to the Present. New York: W.W.Norto. 2007.
- Patai 1975 – Patai R. Patai J The Myth of Jewish Race. New York: Scribner, 1975.
- Remennick 2007 – Remennick L. Russian Jews on Three Continents. Identity, Integration and Conflict. New Brunswick (U.S.A.) and London (U.K.): Transaction Publishers, 2007.
- Shneer 2000 – Shneer D. Yiddish and the Creation of Soviet Jewish Culture. New York: Cambridge University Press, 2000.
- Shternshis 2006 – Shternshis A. Soviet and Kosher. Jewish Popular culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington: Indiana University Press, 2006.
- Shternshis 2007 – Shternshis A. Kaddish in a Church: Perception of Orthodox Christianity among Moscow Jews in the Early Twenty-First Century. The Russian Review, 2007. 66 (April). P. 273–294.
- Stillman 1979 – Stillman N.A. The Jews of Arab lands, A History and Source Book. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1979.
- Stillman 2003 – Stillman N.A. The Jews of Arab Lands in the Modern Times. Philadelphia: Jewish Publication Society, 2003.
- Wasserstein 1997 – Wasserstein B. Vanishing Diaspora. The Jews in Europe since 1945. London: Frank Cass, 1997.
- Zipperstein 1999 – Zipperstein S. Imagining Russian Jewry: Memory, History, Identity. Seattle: University of Washington Press, 1999.

Интернет-источники:

[http:// www.perepis-2010.ru](http://www.perepis-2010.ru) [Перепись населения 2010 г. Электронный ресурс. Дата последнего обращения – 22.10.2017].

Глава 6

Русский мир:

политика России в отношении соотечественников за рубежом

Введение

В 1989 году, накануне распада Советского Союза, 17% русских граждан СССР (около 25 млн человек) проживало за пределами Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), то есть сегодняшней Российской Федерации (Ingram 2001: 201). Тем не менее, они сохраняли убежденность в том, что государство в целом – СССР – это *их* страна, в которой они чувствовали свою привилегированную роль в качестве основы государственности, смотрели на себя как на «старшего брата», наделенного особой цивилизаторской миссией по отношению к остальным национальностям. Эта ситуация изменилось в одночасье, когда рухнула советская империя и эти русские оказались в чужих, зачастую враждебных странах, политические элиты которых могли (часто не без исторических оснований) выражать недовольство присутствием в их стране русского населения, которое напоминало им о колониальном подчинении или оккупации.

За последние два с половиной десятилетия, репатриация русского населения привела к его сокращению в Центральной Азии, в то время как миллионы российских граждан покинули свою страну и обосновались в Европе и Северной Америке. В итоге, количество проживающих за рубежом «соотечественников» осталось примерно на том же уровне – около 25–30 млн человек, что делает русскую диаспору одной из самых больших в мире, наравне с такими, как китайская, индийская и мексиканская. В случае Китая, правительство воспринимает китайцев, проживающих за пределами страны, как один из основных геополитических активов и ценный источник инвестиций в отечественную экономику. Поэтому Китай ак-

тивно развивает отношения с ними в том числе на уровне кабинета министров (Guotu 2013). Аналогичным образом, российская политическая элита осознаёт потенциал «российских соотечественников», но способ организации контактов с ними оказывается неэффективным, если не контрпродуктивным. Десять-двадцать лет назад исследователи диаспоры обоснованно отмечали проблемы, возникающие у политического руководства России по отношению к диаспоре. В частности, указывалось на то, что отсутствует четкое понимание, зачем России вообще нужна диаспора (Полоскова 2000: 339). Эта оценка остаётся справедливой и по сей день.

В статье представлены два фактора, объясняющие эту проблему. Один из них – неоднозначность определения «соотечественники за рубежом». Существуют различные интерпретации того, кто является «соотечественником» и где находится «зарубежье». Русские в «ближнем зарубежье» едва ли имеют что-либо общее с «глобальными русскими» в «дальнем зарубежье». Более того, спорны и критерии определения того, кто является русским. Такими критериями могут быть наличие российского гражданства, бывшее советское гражданство, русскоязычность, этническая принадлежность, рождение от граждан России, и этот список можно продолжить. Работа с национальными категориями всегда проблематично, но особенно это касается пост-имперских ситуаций, в которой находится население современная России.

Второй фактор – это структурная напряжённость между политической элитой и диаспорой. На первый взгляд политика постсоветской России по отношению к своей диаспоре выглядит последовательно империалистической и инструменталистской (Grigas 2016). Хотя многие российские политические фигуры дей-

ствительно поддерживают подобную политику и с энтузиазмом её разрабатывают, это мнение ошибочно и отражает, возможно, несбыточную мечту, но не действительную ситуацию. Вместо последовательности и постоянства в этой политике доминируют разрывы и парадоксы. Вместо реальной практики использования диаспоры в «дальнем зарубежье» – ничем не подкрепленные амбиции. Идеологическое управление диаспорой – непростое дело для российской политической элиты.

Непростые отношения между Россией и её гражданами за рубежом также имеют исторические корни, берущие начало в колонизации евразийских обширных, малонаселённых пространств. Русские поселенцы, осмелившиеся выйти за пределы царских владений, оказывались в ситуации юридической, политической и идеологической неопределённости: они были одновременно предателями, избежавшими гнёта государства, и авангардом этого государства, его форпостом и линией защиты от внешних угроз¹. Такое же отношение к русским за пределами России сохраняется и сегодня. Политический истеблишмент колеблется между попытками включить русскую диаспору в понятие «мягкой власти» России, и страхом того, что диаспора превратится в альтернативную Россию, способную поставить под сомнение легитимность Кремля и суверенность его притязаний на то, чтобы говорить от имени всех «русских».

С учётом вышесказанного в главе ставится задача рассмотреть эволюцию государственной политики и идеологии в отношении российских «соотечественников за рубежом», восстановить понятийный контекст и спрогнозировать будущее развитие этой политики. Основная идея главы сводится к наличию нескольких конкурирующих и даже взаимоисключающих проектов конструирования диаспоры. Логика

¹ «Немногие правительства были одновременно столь решительны в стремлении удерживать население на одном месте и столь активны в его перемещении» (Rieber 2007).

недавнего идеологического сдвига в сторону консерватизма, антизападничества и изоляционизма предполагает особую интерпретацию диаспоры как неотъемлемой части геополитического и цивилизационного образования «русский мир». Это видение исключает возможность построения диаспоры как внетерриториального партнёра глобализирующейся России.

Трудность определения русской диаспоры

Понятие диаспоры появилось в социальных науках в результате использования термина, обозначающего конкретное историческое событие – рассеивание евреев после разрушения Первого Храма в VI веке до н.э. – для описания множество подобных, но не идентичных явлений. Сегодня оно включает, по меньшей мере, три важных элемента: перемещение за пределы родной земли, ограниченный доступ к власти и некий политический проект, который наделяет диаспору смыслом существования, проектом будущего и внутренней сплочённостью (Safran 1999). Попытки применить это определение к российскому случаю вызывает ряд вопросов, ставящих под сомнение применимость термина «диаспора» к «соотечественникам».

Прежде всего, идея «перемещения» сомнительна по отношению к русским как в «далёком», так и в «ближнем» зарубежье. Сегодняшние мигранты не теряют связей с родной страной, создавая тем самым транснациональные пространства «двойного присутствия» (Bretell, Hollifield 2014; Чернецкая 2010: 82–86). В эпоху относительно дешёвых авиабилетов и цифровой связи множество «эмигрантов» никогда не теряли контактов с родной страной: они часто ездят домой и поддерживают отношения с проживающими там родственниками и друзьями. Их решение покинуть Россию не привело к драматическим изменениям, как это было несколько десятилетий назад, а лишь дало возможность получить доступ к западному высокому уровню жизни, сохранив при этом при-

вычные социальные связи. Точно так же, идея перемещения с трудом применима к русским из «ближнего зарубежья»: в их случае речь идёт не об отдельных лицах, переместившихся за пределы границ своей страны, а о передвижении самих границ, разделивших их сообщество (Laitin 1998).

Касаясь восприятия членов диаспоры как безвластных аутсайдеров, следует обсудить парадокс интеграции. С одной стороны, доступ, который может иметь диаспора к власти и информационным потокам, зависит от её способности интегрироваться в общество принимающей страны. В современных либерально-демократических режимах этническое происхождение гражданина не должно являться поводом для дискриминации. К примеру, даже в Эстонии и Латвии, подвергающихся суровой критике за отстранение русскоязычного населения от политической жизни, существует ряд примеров хорошо интегрированных русских, таких как Нил Ушаков в Латвии, получивших доступ к ответственным должностям. Те, кто успешно интегрируется на столь высоком уровне, представляют большую ценность для Кремля в качестве влиятельных союзников и проводников российской «мягкой силы». Парадокс, однако, заключается в том, что, чем более интегрирована диаспора, тем менее она восприимчива к российской информационной среде и тем труднее для Кремля манипулировать ее поведением.

Наконец, политическая мобилизация российских «соотечественников» весьма низка. Частично это связано с вышеупомянутой структурной сложностью диаспоры. Трудно найти общий идеологический знаменатель для неоднородной группы, одну часть которой представляет российская бизнес-фронта на Западе, а другую – потерявшие свой привилегированный статус русские в республиках Центральной Азии. Другой причиной пассивность этой группы в политической жизни самой России. Например, по разным оценкам, около 100 000 жителей Швеции имеют российский паспорт, в то время как явка на по-

следние выборы в Государственную Думу в сентябре 2016 года составила 514 человек, то есть 0,5%. При этом официальные государственные источники сообщают о высокой явке среди «соотечественников», достигающей в некоторых странах 90% (Выборы 2016). Для любого, кто знаком с реальной ситуацией, эта цифра выглядит дезинформацией. Отсюда недоверие диаспоры к российской политике, которое усиливается от того, что отсутствует специальный избирательный округ для членов диаспоры. Вместо этого, они приписываются к различным российским регионам. Например, голоса россиян, проживающие в Швеции, учитываются в одном из избирательных округов Алтайского края, хотя лишь немногие «соотечественники» знают, где он находится и ещё меньше знакомы с кандидатами, которым они призваны отдать свои голоса. Вопрос о создании отдельного избирательного округа для «соотечественников» был поднят Комитетом Государственной Думы в 1994 году, но затем застопорился именно потому, что право голоса «соотечественников» во внутренних делах вызывает опасения у политического руководства страны. А это, в свою очередь, приводит к новому парадоксу – парадоксу политической субъектности русской диаспоры: с одной стороны, для достижения желаемого уровня политической мобилизации диаспора должна иметь политический проект. С другой стороны, российские элиты (не без основания) боятся потерять контроль над этим проектом, предоставив право голоса нелояльным Кремлю лицам.

Более того, даже если члены русской диаспоры из разных социальных слоёв могут быть откровенно консервативными, это не делает их автоматически прокремлёвски или некритично пророссийски настроенными. Фактически, попытки инструментализации диаспоры в «дальнем зарубежье» создали в ней раскол: в то время как некоторые её члены становятся «профессиональными соотечественниками», другие дистанцируются от России и

выражают скептицизм относительно любых исходящих от неё инициатив.

Таким образом, русская диаспора не является ни диаспорой в строгом смысле слова (Kosmarskaya 2011), ни «русской». Это постсоветское сообщество за пределами России, которое сохраняет определенную правовую, культурную или эмоциональную связь с Россией, но ее истинной родины, страны исхода, уже давно не существует на свете. Поэтому попытка России «пристегнуть» к себе зарубежных соотечественников изначально проблематична: Россия – *не является* их родиной. Постсоветская диаспора, в этом смысле, более сложный феномен, чем любая другая пост-имперская диаспора. Часто цитируется высказывание Джеффри Хоскинга о том, что в отличие от других европейских держав, Россия не имела империи, она *была* империей (Hosking 1995), поэтому распад имперской конструкции означал также и распад идентичности в самой метрополии.

Кроме того, современная Россия разрывается между попытками предстать в качестве национального государства русских и при этом сохранить черты советского универсализма. Отсутствие четкого понимания того, что такое сама Россия добавляет сложности к и без того запутанному пониманию постсоветской «русской» диаспоры. Но этот же факт предоставляет политической элите бесконечные возможности для конструирования и реконструкции диаспоры в соответствии с текущей политической ситуацией. Политолог Владимир Малахов, например, выделяет пять возможных и даже конкурирующих между собой определений «соотечественников»: граждане РФ, проживающие за рубежом; эмигранты из Российской империи и СССР; русскоязычные бывшие советские граждане; русские по национальности; и, наконец, все бывшие граждане СССР (Малахов 2014: 37).

Трудности в конструировании русской диаспоры отражаются в представлениях и о её размере, на которые распространяются парадоксы интеграции и политической

субъективности: Кремль, одновременно, стремится представить «соотечественников» как огромную, насчитывающую десятки миллионов, силу, и боится того, что это приведёт к созданию альтернативной России, не подчиняющейся его прямому контролю. Поэтому, оценка размера диаспоры может колебаться в диапазоне от 150 млн бывших советских граждан, проживающих за пределами России, до 15 млн этнических русских или 5 млн эмигрировавших граждан РФ, в соответствии с официальными российскими статистическими данными. В 2013 году, Людмила Вербицкая, глава правления Фонда «Русский мир», заявила, что в мире насчитывается 300 млн русскоязычных (Ассамблея 2013). Георгий Полтавченко, мэр Санкт-Петербурга, назвал цифру в 35 млн человек. Депутат российского парламента, руководитель Думского Комитета по соотечественникам за рубежом, Леонид Слуцкий упоминает «более 30 миллионов» соотечественников; Константин Косачёв, бывший руководитель Россотрудничества, государственного агентства по отношениям с соотечественниками за рубежом – «около 30 миллионов» (см., напр.: (Всемирный 2012)). Эти расхождения усугубляются отсутствием надёжных статистических данных как в России, так и в других странах.

Конструирование русской диаспоры

Проблематичный по своей природе характер русской диаспоры делает возможными самые разные способы её концептуализации и конструирования. В зависимости от выбранных идеологических конструкций, на первый план могут выходить различные аспекты диаспоры: советское наследие, русский язык или русская этничность. Совпадение всех трёх параметров приводит к образованию относительно простой и ясной категории – это русские в бывших советских республиках. Эта группа выступает в качестве основного объекта кремлёвской политики инструментализации диаспоры, включающей паспортизацию, репатриацию и ирредентизм.

Ситуация усложняется тогда, когда политическое руководство пытается придать смысл группе, характеризующейся общей советской историей и зачастую (но не всегда) неплохим знанием русского языка, но этнически не являющейся русской. Это касается, прежде всего, бывших советских граждан из стран Центральной Азии, многие из которых исповедует ислам. В их отношении возможны две позиции: инклюзивная и этнонационалистическая. Первая включает их в понятие «соотечественников», вторая нет. В качестве примера первой позиции стоит привести слова придерживающегося официальной линии российского телеведущего Владимира Соловьёва. По его мнению, поскольку Россия объявила себя правопреемницей Советского Союза, постольку она, по умолчанию, взяла на себя ответственность за всех советских граждан (Вечер 2016). Этнонационалистический подход исповедуют националисты, которые предостерегают от того, чтобы признать право миллионов бывших советских граждан из исламских республик на равноправный с другими соотечественниками доступ к (реальным или символическим) благам и привилегиям, включая заманчивое для жителей этих стран право на приобретение российского гражданства¹. Точка в этом споре еще не поставлена. В настоящий момент в Государственной Думе инклюзивный подход лоббируется Константином Косачевым, который предложил пересмотреть закон о гражданстве «права почвы», что означало бы предоставление облегченной процедуры получения гражданства для всех бывших подданных Российской Империи и граждан Советского Союза, а также для их потомков по прямой линии. В то же время, на фоне растущей в России «мигрантофо-

¹ В частности, законодательство предусматривает возможность выпуска специальных документов, удостоверяющих статус российского соотечественника, аналогичного «karta Polaka» для поляков, проживающих за пределами своей страны. Это законодательство подвергается серьёзной критике.

бии» и исламофобии, пропаганда таких идеологов как Михаил Ремизов, президент Института национальной стратегии, находит все более восприимчивую почву.

Ещё большие затруднения для политического руководства вызывает группа, наделённая всеми тремя параметрами (советское происхождение, близость к русской культуре и этничность), но объединяющая людей, добровольно покинувших Россию и, поэтому, не ищущих защиты Москвы. Это так называемые «глобальные русские», обосновавшиеся на Западе в поисках лучших экономических условий, качества жизни или больших свобод. Эта категория оказывается юридически невидимой и идеологически размытой в силу того, что ни инклюзивный постсоветский, ни этнонационалистический проекты не подходят к ней полностью, кроме того, эта группа безразлична или враждебно настроена по отношению к советскому наследию, а именно советское прошлое – основной идеологический ресурс политического руководства для консолидации страны. Политика паспортизации, находящаяся в фокусе интересов Кремля в отношении постсоветского пространства, так же мало актуальна для эмигрантов «дальнего зарубежья», так как «глобальные русские» больше заинтересованы в приобретении гражданства стран пребывания, чем в сохранении или получении российского паспорта. Элемент свободного выбора в пользу эмиграции выталкивает их за пределы обоих идентификационных проектов России как национального государства и как империи. Более того, «глобальные русские» не могут быть представлены в качестве беспомощных жертв дискриминации со стороны принимающих стран, как это делается для конструирования русской диаспоры в Прибалтике или на Украине.

Как следствие, официальная статистика стремится преуменьшить размеры и значимость этой группы, сообщая о 4,5 млн человек, эмигрировавших из России между 1989 и 2015 годами. Следует отметить, что в последние годы, последовавшие за

украинским кризисом и «консервативным поворотом» в политике Кремля, количество эмигрантов, согласно официальным отчётам, увеличилось с нескольких десятков тысяч в 2000-х годах, до 350 тыс. в 2015 г. (см., напр.: The problem 2016)). Однако официальная статистика регистрирует лишь лиц, задекларировавших изменение статуса. По мнению аналитиков, реальное количество добровольных эмигрантов превышает официальные данные в три или четыре раза. К примеру, российские чиновники зарегистрировали 16 тысяч случаев эмиграции в Германию с 2011 по 2014 г., в то время как в немецких источниках указывается цифра в 97 тысяч человек (Воробьева, Гребенюк 2016).

Среди русскоязычных лауреатов Нобелевской премии больше тех, кто постоянно проживает за границей, чем в России, включая, среди прочих, Андрея Гейма (Нидерланды) и Константина Новоселова (Великобритания) (см. также: (Наука 2012)). Точно так же, преобладающая «среда обитания» российских композиторов и музыкантов – это не Россия, а эмигрантские круги (Дубинец 2016). Русскоязычные программисты участвуют в разработке значительной части всемирно известных программных продуктов, включая Google (Сергей Брин), PayPal (Макс Левчин), Evernote (Степан Пачиков), Telegram (Павел Дуров) и другие (Tillmann 2016). По некоторым оценкам, финансовые ресурсы эмигрантов из России превосходят

российский ВВП (Иноземцев 2015). Фактически, лишь немногие российские олигархи действительно живут в своей стране, в то время как значительная их часть, находясь в оппозиции к политике Кремля, покинула Россию навсегда, например, бывшие руководители ЮКОСа Михаил Ходорковский и Леонид Невзлин, которым принадлежат сейчас оппозиционные новостные порталы Grani.ru, «Медуза» и «Открытая Россия», также базирующиеся за пределами России.

Идеологическая разработка категории «глобальные русские» представляет собой ещё одну концептуальную дилемму между геополитической интерпретацией «русского мира» как территориальной единицы с одной стороны, и культурно-экономическим, внетерриториальным видением партнёрства с диаспорой, с другой. В рамках второго подхода «глобальные русские» – это привилегированная часть «русского мира», в то время как первый подход создает условия для отчуждения их в качестве «предателей», не принадлежащих к «русскому миру» (Таблица 1).

Первые шаги в политике по отношению к диаспоре: 1991–1997

Вопрос о «соотечественниках за рубежом» – важный аргумент в российских политических дебатах и, как таковой, он зависит от конфигурации политических сил в высших эшелонах власти. Чтобы

Таблица 1

Конструирование диаспоры: три основные группы

Параметры диаспоры	Этнические русские в «ближнем зарубежье»	Нерусские бывшие советские граждане	«Глобальные русские»
Советское наследие	да	да	не имеет значения
Русский язык	да	да или нет	да
Русская этничность	да	нет	не имеет значения

лучше понять изменения в государственной политике по этому вопросу, необходимо проанализировать четыре периода. В каждом из них, вектор политики по отношению к «соотечественникам» формировался в результате конкретных политических баталий и идеологических дебатов.

Первый период, длившийся примерно с 1991 по 1997 годы, был отмечен борьбой между российскими президентом и парламентом, причём на стороне последнего выступала администрация Москвы. Дебаты по соотечественникам в этот период возглавил Конгресс русских общин (КРО), ставший благоприятной почвой для оппозиционных левых и правых националистов, таких как Дмитрий Рогозин, Сергей Глазьев, Наталья Нарочницкая, Сергей Бабурин, генерал Александр Лебедь и др. Конгресс выдвинул ирредентистскую и реваншистскую повестку, назвав русских «разделенной нацией». Влиятельный мэром Москвы того времени (1992–2010), Юрий Лужков также разыгрывал эту карту, занимая при этом более умеренную и центристскую позицию. КРО и Лужков легко нашли общий язык при содействии Константина Затулина, который, в начале 1990-х годов, инициировал создание Совета предпринимателей при администрации Москвы, а затем, будучи связанным с популярным генералом Лебедем, стал одним из лидеров КРО (Затулин). В 1993 году Затулин был избран депутатом Государственной Думы, а в 1994 назначен главой Комитета Госдумы по делам соотечественников за рубежом. Взгляды Комитета были во многом обусловлены позицией генерала Лебедея по Приднестровскому конфликту, в котором он участвовал (1992) в качестве командующего 14-ой армией, дислоцированной в этом регионе. Лебедь был, пожалуй, первым, кто использовал риторику о жёстком подавлении разделённого русского народа фашистским режимом в применении к ставшей независимой бывшей советской республике (см., напр.: Путь 2012)).

Известный русский писатель и интеллектуал Александр Солженицын, написавший в 1994 году статью под названием «Русский

вопрос к концу XX века», выразил сходную озабоченность по поводу целостности русского народа. Он озвучил цифру в 25 млн русских, оказавшихся за рубежом, и сделал акцент не столько на развале Советского Союза как таковом, сколько на «разорванном состоянии» русской нации, вызванном падением коммунистического режима (Солженицын 1994). Хотя националистический подход Солженицына не устраивал империалистических реваншистов из КРО, эта риторика, всё же, впоследствии, была охотно перенята его лидерами, с целью обвинить Ельцина и официальное российское руководство в пренебрежении интересами русских, оказавшихся в трудной ситуации в постсоветском пространстве¹.

В следующем году Думой была принята выдержанная в духе протекционизма Декларация о поддержке соотечественников за рубежом. В этом документе понятие «соотечественники» определялось в широком смысле, как бывшие граждане СССР, поддерживающие духовные отношения с Россией, независимо от их национальности и нынешнего правового статуса в странах проживания. Использование законодателем термина «российская диаспора» – вместо «русская» – подчёркивало гражданский и приносило этнонациональные аспекты этого понятия (О Декларации 1995). Параллельно с этим, в Государственной Думе был создан Совет соотечественников. Для поддержки этих инициатив, администрация Москвы поддержала создание фонда «Россияне» и Института диаспоры и интеграции, который возглавил всё тот же Затулин (Скринник 2008).

С целью создания противовеса Думскому комитету и перехвата у него инициативы, президент Ельцин издал указ о создании программы «Об основных направлениях государственной политики в отношении соотечественников за рубежом» (1994 год). Эта программа была задумана в качестве

¹ Рогозин использует термин «расеянная российская нация» в своей докторской диссертации: (Рогозин 1998: 169).

дополнения к политике двойного гражданства, в соответствии с незадолго до этого принятой Конституцией, статья 61 которой гласит, что «Российская Федерация гарантирует своим гражданам защиту и покровительство за её пределами»¹. Соответственно, в программе проводилось различие между эмигрантами как таковыми, и соотечественниками, появившимися в результате новой территориальной и политической конфигурации, возникшей после распада Советского Союза. Согласно программе, «соотечественники» конструировались как группа вынужденных переселенцев и «жертв исторических потрясений» (Указ 11.08.1994). Программа предлагала патерналистскую манеру в работе с постсоветской диаспорой на территории бывшего Советского Союза, игнорируя при этом «глобальных русских». Предполагалось, что конечно целью этой политики станет наделение «соотечественников» российским гражданством. Однако по причине сопротивления со стороны как Министерства внутренних дел, так и Министерства иностранных дел, политика двойного гражданства была отклонена, и Программа осталась в основном лишь на бумаге.

Таким образом, на первом этапе, видение диаспоры было сформировано оппозиционными президенту Ельцину правыми и левыми реваншистами, мечтавшими о восстановлении Советского Союза. Эти идеологи выстраивали категорию «соотечественники за рубежом» в инклюзивной имперской манере. Такой подход позволял использовать русских, оказавшихся в роли жертвы в «ближнем зарубежье», в качестве средства обезболивания травмы, полученной от распада страны.

Беспокойные годы: 1998–2003

Решающим для формирования базовой структуры российской политики в отношении соотечественников стал период с

¹ Эта программа выросла из отчёта Сергея Станкевича (1993), посвящённого статусу русских в Латвии: (Станкевич 2011).

1998 по 2003 годы, связанный со сменой власти в постсоветской России, когда президентом страны стал Владимир Путин (Zygar 2016). В этот период, идеологическое строительство русской диаспоры было предпринято кругами прокремлёвских политтехнологов, связанными с Петром Щедровицким и Глебом Павловским, которым было поручено написать одновременно привлекательную и реалистичную программу политики в отношении диаспоры. Эта программа предложила дублирующий «соотечественников» термин «русский мир», который вскоре был принят Администрацией Президента, в особенности, её главным идеологом Александром Волошиным и его помощником Владиславом Сурковым. Программа была рассчитана на то, чтобы вырвать повестку и инициативу у оппозиционного блока Юрия Лужкова, Евгения Примакова и Александра Лебеда, и предложить привлекательную политическую линию в отношении соотечественников президенту Ельцину и его возможному преемнику накануне предвыборного периода 1999–2000 годов. Поскольку позиция Лужкова по диаспоре подчёркивала роль русских в «ближнем зарубежье», для создания конкурентного преимущества Щедровицкому потребовалось подчеркнуть другой аспект русскоязычной диаспоры – идею делового партнёрства с успешными «глобальными русскими» в «дальнем зарубежье».

Эта смена перспективы произошла на фоне жарких дебатов вокруг федерального закона о соотечественниках, предложенного Думской комиссией по вопросам соотечественников в 1997 году и носившего идеологические черты реваншистской оппозиции, что привело к тому, что он был отклонён в первом чтении верхней палатой, а затем, после принятия Думой во втором чтении, на него было наложено вето президента. Лишь 5 марта 1999 года, этот закон смог преодолеть вето, став законом «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом». Придерживаясь постсоветского имперско-

го подхода, закон выделял три категории соотечественников: 1) граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за её пределами; 2) граждане бывшего Советского Союза (но не России), проживающие за пределами России в странах, в прошлом входивших в состав СССР; 3) эмигранты из Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации и их потомки, у которых нет российского гражданства. Первая и третья группы не представляли особых проблем с политической точки зрения, в то время как вторая стала воплощением инклюзивного подхода, охватывающего всех бывших граждан СССР и провозглашающего ответственность России за её имперское наследие и патерналистскую политику в отношении соотечественников. Следуя этой логике, и для того, чтобы закрепить успех «красно-коричневых»¹, Дмитрий Rogozin предложил в 1999 году Федеральный закон «О национально-культурном развитии русского народа», статья 5 которого постулировала, что русский народ является «разделённым народом», а в статье 6 говорилось о необходимости воссоединения русского народа на почве свободного волеизъявления и международного права (ФЗ 1999). Сходные инициативы были выдвинуты депутатами от ЛДПР Владимира Жириновского.

Однако политический климат к этому времени изменился. Новый российский президент слыл либералом, а цены на нефть начали расти. Российское руководство укрепило идею о том, что покупать легче, чем брать силой. Имидж России как страны, больше заботящейся о бизнесе, чем об имперских амбициях, позволил выдвинуться на первый план программе Щедровицкого. Сутью его подхода была идея партнёрства между Россией и её диаспорой. Щедровицкий утверждал, что,

¹ Это понятие означает тактический (как оппозиция президенту Ельцину) союз радикальных правых и левых сторонников реставрации Советского Союза. См., напр.: (Kolstø 2016).

в силу лучшей приспособленности диаспоры к глобализационным процессам, она важнее для роста и модернизации «русского мира», чем «внутренняя» Россия. Русские, живущие за пределами России, образуют сообщество особого типа, основанное на двойном отличии: они отличаются как от местных жителей, так и от русских, живущих в самой России. Именно это отличие делает их значимыми для России, поскольку диаспора способна предоставить Москве доступ к знаниям и капиталам других наций, помогает адаптироваться к глобализации и выступает проводником интересов страны на международном уровне (Щедровицкий 2005).

В своих теоретических построениях, Щедровицкий пытался найти позитивные стороны постсоветской «диаспоризации» русских. Он утверждал, что огромная русская диаспора позволяет переосмыслить понятие «русскости» как внетерриториальное сетевое сообщество, в котором периферийные «острова» русскоязычного населения играют не меньшую роль, чем внутренние российские земли, содействуя международному диалогу и, тем самым, смягчая «шок будущего» (Щедровицкий 2000; Щедровицкий 2001). Способ, каким Пётр Щедровицкий и его круги изображали «русский мир», предлагал радикальный пересмотр традиционных имперских отношений между центром и периферией. В этом подходе, диаспора была призвана оказывать влияние на внутреннюю Россию, а не наоборот, что полностью ломало стереотипы восприятия «соотечественников», сложившиеся за предыдущие десять лет.

Другим аналитическим центром, работавшим над темой диаспоры накануне выборов 1999–2000 годов, была умеренно консервативная сеть интеллектуалов, объединённых вокруг Фонда эффективной политики Глеба Павловского. Согласно его точке зрения, «русский мир» представляет собой мир особой культуры, полученной в наследство от исчезнувшей империи, соразмерный с другими постимперскими культурными «мирами», такими как Бри-

танское Содружество, «франкофония» или «испанидад». Павловский оказал весьма ценные услуги президенту Ельцину и Путину во время предвыборной кампании 1999–2000 годов и имел немалое влияние в те годы (Laguette 2015; Здиорук 2014). Поэтому, скорее всего, именно Павловский внушил идею «русского мира» Администрации Президента и конкретно Владиславу Суркову, в то время помощнику главного идеолога (заместителя главы Администрации Президента) Александра Волошина (Русский 2015). Администрация Президента ухватилась за возможность вырвать диаспоральную повестку из рук оппозиционных сил, и концепция «русского мира» оказалась ей подходящим для этого инструментом. Вскоре после выборов была реанимирована Правительственная комиссия по вопросам соотечественников, в противовес Комитету Государственной Думы и с целью его отстранения от процесса подготовки первого международного Конгресса соотечественников. В августе 2001 года, президент подписал «Концепцию поддержки соотечественников», а в октябре 2001 года состоялся Конгресс.

Речь Путина на открытии Конгресса стала важной вехой в российской политике в отношении диаспоры. По некоторым сведениям, решение об этом выступлении было принято в последнюю минуту в результате схватки между представителями Правительства РФ, которые придерживались ограниченной и сдержанной «приземлённой» политики, и Администрацией Президента, настаивавшей на масштабном, идеологически мотивированном подходе к отношениям России со своими соотечественниками за рубежом. В конечном счёте победила программа Администрации, вобравшая в себя как разработки союзнических аналитических центров, так и идеи противников президента – Лужкова и его команды. Поэтому, речь президента была идеологически эклектичной, хотя её дух был унаследован скорее от либерально-центристского лагеря Щедровицкого и Павловского, чем от красно-коричневой

оппозиции. Путин говорил о новой эре в отношениях между Россией и диаспорой, основанной не на протекционизме, а на принципах взаимовыгодного партнёрства в экономике и культуре, не забыв при этом и старую риторику защиты прав русских за рубежом (Выступление 2001).

Итак, накануне предвыборной кампании 1999–2000 годов проельцинская сторона обратилась к альтернативной, умеренно либеральной концепции русской диаспоры, связанной с именами Петра Щедровицкого и Глеба Павловского. Они предложили бизнес-ориентированный проект конструирования диаспоры как сети партнёров, равноправных с собственно Россией и разделяющих общие экономические интересы и культуру общения. Этот подход делал акцент на экономически успешных и интеллектуально влиятельных «глобальных русских», одновременно снижая значимость нуждающихся в защите русских из «ближнего зарубежья».

Институционализация и инструментализация «русского мира»: 2004–2011

В период с 2004 по 2011 годы, политика в отношении диаспоры изменилась следующим образом: во-первых, её стратегическое планирование ещё более сконцентрировалось в рамках Администрации Президента и подверглось влиянию главного идеолога Кремля Владислава Суркова; во-вторых, на неё оказала решающее влияние «оранжевая революция» на Украине в 2004 году, повернувшая российское руководство в сторону более оборонительно-агрессивной и антизападной позиции; в-третьих, с созданием Фонда «Русский мир» и федерального агентства Россотрудничество, политика в отношении соотечественников получила достаточно мощную институциональную основу.

В толковании Владислава Суркова, концепция «русского мира» основывалась на идее «суверенной демократии». Используя идеи Карла Шмитта, Сурков предложил теорию суверенитета как центральной политической ценности имею-

щей абсолютный приоритет в политике. В его понимании, «суверенная демократия» обеспечивает равные права в глобальной (гео)политической конкуренции, в которой «Запад» слишком часто использует свою нормативную власть. Сурков подчеркивал, что «быть суверенной нацией выгодно» (Сурков 2006: 10). Концепция «суверенной демократии» закрепляет значение «русского мира» в качестве полезного (но не центрального) элемента национальной безопасности и средства «мягкой силы» в «информационной войне» с Западом. Эта интерпретация предполагает особую логику территориальной организации, в соответствии с которой суверенное государство влияет на соседние государства при помощи «щупалец» диаспоры, однако, для консолидации этого влияния, «щупальца» должны быть хорошо структурированы, организованы и тесно связаны со страной происхождения. В соответствии с этими представлениями, сторонники «русского мира» в 2000-е годы хотели спроектировать его как механизм, трансформирующий «присутствие» русских за рубежом во «влияние» русских за рубежом. Отсюда возникла идея об институционализации русской диаспоры (Мазур 2010: 61–62), приведшая к созданию организованного государством негосударственного Фонда «Русский мир» (2007) и Россотрудничества, нового федерального агентства, отвечающего за политику в отношении соотечественников (2008) (Saari 2014).

Однако не следует переоценивать ресурсы, которыми располагают эти структуры. Например, согласно официальным оценкам, в 2013 году Фонд «Русский мир» оказал поддержку 10 000 соотечественникам в рамках 100 проектов в 32 странах (ПравФонд 2014). То есть, если принять оценку размера диаспоры самим руководством фонда, поддержку получили 0,03% «соотечественников». Бюджет в 2011 году составил около 500 млн рублей (13 млн евро) (Russian Federation 2011). В последние годы, в силу финансовых трудностей, бюджет «Русского мира» сократился до 430 млн рублей в 2015 г. (7 млн евро по

курсу 2015 г.). Разумеется, этот фонд не единственный, кто предоставляет средства для поддержки российской политики по отношению к соотечественникам за рубежом. Россотрудничество располагает около 2 млрд рублей и планирует увеличить эту сумму до 9,5 млрд. в 2020 г. (с 48 млн до 157 млн евро по обменному курсу апреля 2017 г.) (Путин 2013). Другие агентства и созданные по инициативе государства неправительственные организации (ГОНГО) также вносят финансовый вклад в политику, направленную на диаспору, к примеру, Министерство иностранных дел потратило в 2011 г. 0,4 млрд руб., Министерство науки и образования выделило 2,5 млрд руб. в период с 2011 по 2015 гг., неправительственная организация «Русский дом» также располагает значительным бюджетом в 0,5–1 млрд рублей. Общая сумма расходов может оцениваться приблизительно в 200 млн евро. Следует иметь в виду, что у Кремля имеются рычаги воздействия на лояльных олигархов, чтобы добиться от них выплаты дополнительных взносов в трудные времена. Наглядным примером может послужить Фонд Святителя Василия Великого, принадлежащий православному предпринимателю Константину Малофееву, известному своей поддержкой пророссийских сепаратистов на Украине. Тем не менее, при сравнении с Британским Советом, с общим оборотом, составляющим около 1 млрд фунтов стерлингов, и 9 000 сотрудников по всему миру (Annual 2015), даже взятые в совокупности российские расходы на диаспорную политику выглядят довольно скромно.

В 2010 году была сделана попытка установить связь с «глобальными русскими» и, в то же время, удовлетворить пожелания наиболее националистически настроенной части российского политического истеблишмента, когда в федеральный закон о соотечественниках были внесены значимые поправки, подчёркивающие исторические, культурные, этнические и духовные связи соотечественников с Россией (Полоскова 2011). В новом

определении соотечественников сохранились первая и третья категории (то есть, граждане РФ за пределами страны, а также эмигранты из Российской империи, Советского Союза и РФ и их потомки). Описание второй, наиболее проблемной категории было переформулировано следующим образом: «Лица и их потомки, [...] относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией». Как было показано выше, законодатель тем самым исключил (впрочем, довольно нерешительно) самую нежелательную категорию – бывших советских граждан, проживающих в республиках Центральной Азии, упоминая в качестве принимающего государства Россию в её нынешних границах; а это значит, к примеру, что узбеки, имеющие теперь собственную государственность, не могут претендовать на статус российских соотечественников в массовом масштабе (Спирьшев 2012: 113). Закон пытается сузить категорию соотечественников, отказываясь от имперского критерия гражданства и вводя вместо этого невнятный этнокультурный принцип «духовных отношений» с Россией. Этот шаг, однако, едва ли можно назвать удачным в плане его практического применения и идеологических последствий, поскольку, вместо чёткого юридического определения, он предлагает туманную идею «духовных отношений», которая не может удовлетворить ни националистов, ни сторонников инклюзивного «имперского» подхода.

Таким образом, после «оранжевой революции» на Украине в 2004 году, российская политика в отношении соотечественников пересматривается с целью удаления из неё элементов партнёрства и подчёркивания её конфронтационной составляющей как инструмента «мягкой силы» России в её борьбе с Западом. Несмотря на значительные финансовые ресурсы и впечатляющую институциональ-

ную поддержку, подобная переориентация воспрепятствовала содержательному диалогу с «глобальными русскими». Вместо этого, проект создания диаспоры как агента «мягкой власти» России фактически расколол русскоязычных за рубежом на меньшинство лояльных «профессиональных соотечественников» и большинство, которое отказывается видеть себя в роли пешки в геополитических играх России. Поправка 2010 года отметила решительный сдвиг в направлении от постимперской правовой инклюзивности к этнокультурной эксклюзивности.

«Русский мир» и «консервативный поворот»: 2012–2016

Аннексия Крыма в 2014 году и война в Донбассе стали самыми значительными событиями не только в новейшей истории России, но и в эволюции её политики в отношении соотечественников. Концепция «русского мира» отделилась от концепции диаспоры и «соотечественников за рубежом» по нескольким значимым пунктам, которые будут обсуждаться в этом параграфе. Прежде всего, в последние несколько лет концепция «русского мира» переместилась с периферии идеологических дебатов в центр российской геополитической идеологии. В качестве примера, в первые две недели мая 2014 года «русский мир» упоминался в российских социальных сетях 2 000 раз, в то время как конкурирующая концепция «Евразия» – 1 300. Менее чем через год, с 22 февраля по 2 марта 2015 года, «русский мир» был упомянут 40 000 раз, намного опережая «Евразию», упомянутую 600 раз. Такая же динамика наблюдалась и в прессе¹.

Подспудный геополитический смысл, цивилизационная риторика и антизападничество концепции «русского мира» выдвинулись на первый план в связи с недавним переосмыслением России себя как «государства-цивилизации» (Tsygankov 2016).

¹ Расчёт произведён автором при помощи служб Integrum Prof и Integrum Social Media.

Эта риторика формирует видение «русского мира» как отдельной цивилизации (Laguette 2015), расположенной на отдельной территории, управляемой единственным политическим субъектом и борющейся с другими цивилизациями за ресурсы и влияние. В таком значении, понятие «русский мир» сблизилось с идеей «собираания русских земель», то есть получило ирредентистскую трактовку, предполагающую стремление к «воссоединению». В этом смысле «русский мир» используется для оправдания аннексии Крыма (Панфилов 2015; Проханов 2014). Такое понимание «русского мира» противоположно его первоначальной интерпретации как внутерриториального сетевого сообщества носителей русского языка и культуры.

Параллельно утвердилась идея о том, что лишь «настоящая Россия» может быть интересна, значима и конкурентоспособна в остальном мире, в отличие от всевозможных гибридных вариантов «русскости», которые с удовольствием обсуждались в рамках проекта Щедровицкого. Эта возросшая чувствительность к границам и территориям побудила политолога и журналиста Бориса Межуева к размышлениям о том, в какой географической зоне расположен костяк «русского мира», и, в частности, стоит ли его искать на юге и юго-востоке Украины, в восточной Белоруссии или, сближаясь с концепцией Солженицына, в северном Казахстане (Межуев). Подобный взгляд поддерживает идею о России, как разделённой нации, давно обсуждавшуюся на различных площадках и подтверждённую в предельно авторитетной и окончательной форме в знаменитой «крымской» речи президента Путина 18 марта 2014 года. Преломляясь через эту призму, фокус внимания сдвигается к насильственному рассечению российского «национального тела» (Фомин 2010).

Размывание диаспоры как исходной составляющей концепции «русского мира» проявляется в позиции Максима Кононенко (известного также как Mr. Parker), бывшего коллеги Глеба Павловского, ар-

гументация которого доходит до утверждения (в вопиющем противоречии с Щедровицким-младшим) о том, что русские, живущие за границей, перестают быть русскими. «Вы должны выбрать, – обратился он к эмигрантам, – или Русский мир, или Лондон. В Русском мире нет никакого Лондона. В нём нет никакой Латвии. Русский мир – там, где русские. А ни в Латвии, ни в Лондоне русских нет. Русские дома сидят...» (Кононенко 2015).

Таким образом, новая интерпретация придаёт ирредентистский смысл концепции, призывая к относительному изоляционизму и закрытию границ «русского мира». Исчезновение элемента «диаспоры» из «русского мира» отчётливо проявилось в отсутствии упоминения «соотечественников» в недавней Концепции внешней политики 2013 года, в отличие от её предыдущей версии 2008 года (Концепция 2013).

Итак, после 2012 года, идеология в отношении диаспоры изменилась и пришла в соответствие с последовательной политикой государства-нации, направленной на «упрочение границ», ирредентизм, репатриацию и отвержение диаспоры. Этот процесс напоминает отвержение диаспоры постколониальной Индией, которая, однако, в 1990-х годах, начала проводить инклюзивную диаспорную политику (Abraham 2014), в то время как сегодняшняя Россия движется в противоположном направлении. В то же время, эта конфронтационная политика успешно мобилизовала «ближне-зарубежную» часть русской диаспоры и сыграла ключевую роль в аннексии Крыма и последовавших за ней пророссийских движениях в восточной Украине. После этих событий, официальная политика и идеология в отношении диаспоры избавились от либеральных наслоений конца 1990-х и начала 2000-х годов и вернулись к началу 1990-х, начиная напоминать взгляды реваншистов той эпохи, таких как генерал Лебедь и Дмитрий Рогозин¹. В более

¹Рогозин продолжает свою карьеру в Военно-промышленной комиссии при Президенте Рос-

широком смысле, происходит понижение значения «глобальных русских» и даже предпринимаются попытки их отчуждения и восприятия в качестве «предателей» России, в то время как соотечественники из «ближнего зарубежья» воспринимаются как неотъемлемая часть самой России, временно отделённая от неё злой волей западных врагов. Следуя этой логике, политическая элита вернулась к вопросу о двойном гражданстве, отвергнутому в середине 1990-х годов (В Думе 2017).

Заключение

В силу структурной сложности постсоветской русскоязычной диаспоры, несколько различных идеологических взглядов конкурируют за роль «культурного программного обеспечения» (Balkin 2002), способного придать смысл политике в отношении диаспоры. Это также означает необходимость выбора в пользу отдельных составляющих этой диаспоры в ущерб другим её составляющим. У Кремля попросту не хватает ресурсов для консолидации «русского мира» как «мира» *всех русских*, где бы они ни жили.

Вполне вероятно, что следующие шаги российской политики в отношении диаспоры будут согласованы с результатами обсуждения законопроекта о «русской нации», предложенного президентом Путиным 31 октября 2016 года. Логика этого обсуждения отражается уже в выборе терминов: этнонационалисты предпочитают называть этот проект «Законом о русской нации», в то время как сторонники гражданского толкования настаивают на том, что речь идёт о «Законе о российской нации». В этом вопросе, равно как и в вопросе о русских соотечественниках, российское руководство хочет добиться одновременно двух несовместимых результатов: с одной стороны, оно пытается консолидировать культурное и политическое

сии. В 2011 году он возродил партию КРО (Конгресс Русских Общин) под названием «Родина-КРО».

сообщество «русских», а с другой, всячески старается помешать сепаратистским устремлениям, неизбежным при любом серьёзном укреплении этнической «русскости». Эта дилемма ограничивает возможности Кремля построить последовательную идеологию «русского мира» и вынуждает его после каждого шага вперёд делать два шага назад. Так, одновременно с предпринимаемыми попытками конструирования «соотечественников за рубежом» в качестве российской национальной ирреденты, Комитет Госдумы торпедирует «Закон о российской нации», предлагая переименовать его в более нейтральный «Закон об основах российской национальной политики». Аналогичным образом, Российская академия наук, уполномоченная подготовить концептуальный список терминов в поддержку этого законопроекта, акцентировала гражданскую составляющую «русской нации», определяя её как «многоэтнический и многоконфессиональный общественно-политический субъект» (Ученые 2017).

Спускаясь на уровень практической реализации концептуальных взглядов, можно предположить, что российская политика в отношении соотечественников в «ближнем зарубежье», вероятно, останется рискованной и агрессивной, в то время как будет расти неспособность России конструктивно взаимодействовать с «глобальными русскими». Построение диаспоры как российской ирреденты, вкупе с вездесущим геополитическим стилем мышления в политике, делает весьма желанной и вероятной аннексионную политику. Следует иметь в виду, что Россия вступает в новый предвыборный цикл, и что идея повторения успеха Крыма, аннексия которого вызвала массовое ликование в 2014 году, будет становиться всё более заманчивой для Кремля.

В то же время, политика в отношении «глобальных русских» будет и дальше отходить на второй план. Упомянутые выше парадоксы, связанные с доступом к власти и интеграции диаспоры, предполагают се-

рѣзные структурные ограничения возможностей манипулирования русскими, проживающими в «дальнем зарубежье». Кроме того, сокращающиеся экономические ресурсы России ставят под сомнение её способность оказывать поддержку «профессиональным соотечественникам» и их информационным каналам. Будущее отношений России со своей диаспорой во многом зависит от того, сможет ли «теневая Россия» в Западной Европе и Северной Америке сконструировать саму себя в качестве политического субъекта.

Литература

- Ассамблея 2013 – VII ассамблея Русского мира // Голос России. 3 ноября 2013.
- В Думе 2017 – В Думе одобрили проект упрощения получения гражданства носителями русского языка // Русский мир. 10 марта 2017. <http://russkiymir.ru>.
- Вечер 2016 – Вечер с Владимиром Соловьёвым. [Видеоролик, размещённый на Youtube 30 ноября 2016].
- Воробьёва, Гребенюк 2016 – Воробьёва О., Гребенюк А. Эмиграция из России в конце XX – начале XXI века // Комитет Гражданских Инициатив. 6 октября 2016. <https://komitetgi.ru>.
- Всемирный 2012 – IV Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. Октябрь 2012. <http://vksrs.com>.
- Выборы 2016 – Выборы в Госдуму: как голосовали российские граждане за рубежом // Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 20 сентября 2016. <http://vksrs.com>.
- Выступление 2001 – Выступление Президента России Владимира Путина на первом Всемирном конгрессе российских соотечественников // Всемирный конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 11 октября 2001. <http://vksrs.com>
- Дубинец 2016 – Дубинец Е. Моцарт отечества не выбирает. О музыке современного русского зарубежья. М.: Музиздат, 2016.
- Затулин – Затулин Константин. Биография // <https://lenta.ru>.
- Здіорук и др. 2014 – Здіорук С. и др. Україна та проект «Русского мира»: Аналітична доповідь. Київ: НИСД, 2014. www.niss.gov.ua.
- Иноземцев 2015 – Иноземцев В. Русский мир против Русского мира // Социс: Социологические исследования. № 5. 2015. С. 150–155.
- Кононенко 2015 – Кононенко М. Русский, возвращайся в Россию // Известия. 19 февраля 2015. <http://izvestia.ru>.
- Концепция 2013 – Концепция внешней политики РФ // Министерство иностранных дел. 18 февраля 2013. <http://www.mid.ru>.
- Мазур 2010 – Мазур С. Конкурентные преимущества тренда Русского мира // Балтийский мир. № 3. 2010. С. 61–62.
- Малахов 2014 – Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 37.
- Межуев – Интервью с Борисом Межуевым. 1 июня 2015 года. Из личного архива автора.
- Наука 2012 – Наука на экспорт: 6 русских учёных, которые добились успеха за рубежом // Теория и практика. 4 апреля 2012. <https://theoryandpractice.ru>.
- О Декларации 1995 – О Декларации о поддержке российской диаспоры и о покровительстве российским соотечественникам. 8 декабря 1995. <http://docs.cntd.ru>.
- Панфилов 2015 – Панфилов М. Жители Краснодар: Крымчане, душой мы с вами! // Комсомольская правда – Кубань. 20 марта 2015.
- Полоскова 2000 – Полоскова Т. Диаспоры в системе международных связей. Дис. ... д-ра полит. наук. М.: Дипломатическая Академия МИД России, 2000. С. 339.
- Полоскова 2011 – Полоскова Т. Россия и диаспора // Бельгийская федерация русскоязычных организаций. 2011. С. 147. <http://www.bfro.be>.
- ПравФонд 2014 – ПравФонд: Намерены и в дальнейшем работать на благо соотечественников // pravfond.eu. 30 мая 2014. <http://pravfond.eu/?p=1643>.
- Проханов 2014 – Проханов А. «Святость» русского оружия // Завтра. 23 октября 2014.
- Путин 2013 – Путин увеличит бюджет Россо-трудничества до 9,5 млрд рублей // Grani.ru. 5 июня 2013. <https://grani-ru.appspot.com>.
- Путь 2012 – Путь Генерала Лебеда // Спецназ России. 4 октября 2012. www.spcnaz.ru.
- Рогозин 1998 – Рогозин Д. Проблемы национальной безопасности России на рубеже XXI века. Дис. ... д-ра полит. наук. М., 1998. С. 169.

- Русский 2015 – Русский мир и мрачная тень Суркова // Блог Сентенции. ДСП. 11 ноября 2015. <http://eugen1962.livejournal.com>.
- Скринник 2008 – Скринник В. Россия и зарубежные соотечественники: Проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях. Дис. ... д-ра полит. наук. Бишкек, 2008.
- Солженицын 1994 – Солженицын А. Русский вопрос в конце XX века // Новый мир. № 7. 1994. <http://magazines.russ.ru>.
- Спорышев 2012 – Спорышев П. Российская диаспора как объект внешней политики России. Дис. ... канд. полит. наук. М.: МГУ, 2012. С. 113.
- Станкевич 2011 – Станкевич С. Ельцин был великий интуитивист // Взгляд. 1 февраля 2011. <https://vz.ru>.
- Сурков 2006 – Сурков В. Суверенитет – это политический синоним конкурентоспособности. М.: Ленанд, 2006. С. 10.
- Указ 11.08.1994 – Указ Президента РФ от 11.08.1994 № 1681 «Об основных направлениях государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом» // Официальный сайт президента Российской Федерации. <http://kremlin.ru>.
- Ученые 2017 – Учёные РАН дали определение российской нации // Lenta.ru. 20 апреля 2017. <https://lenta.ru>.
- ФЗ 1999 – Федеральный закон Российской Федерации «О национально-культурном развитии русского народа» // Государственная Дума. 1999. <http://asozd2.duma.gov.ru>
- Фомин 2010 – Фомин А. Русский вопрос // Балтийский мир. № 3. 2010. С. 17–22.
- Чернецкая 2010 – Чернецкая А. Художники постдиаспоры: двойное присутствие // Русское арт-зарубежье. Вторая половина XX – начало XXI века. М., 2010. С. 82–86.
- Щедровицкий 2000 – Щедровицкий П. Русский мир. Возможные цели самоопределения // Независимая газета. 11 февраля 2000. <http://www.ng.ru>.
- Щедровицкий 2001 – Щедровицкий П. Русский мир. Восстановление контекста // Archipelag.ru. 2001. www.archipelag.ru.
- Щедровицкий 2005 – Щедровицкий П. Русский мир и транснациональное русское // Щедровицкий П. (ред.) В поисках формы. М.: ЦНИИАтоминформ, 2005 [1999].
- Abraham 2014 – Abraham I. How India Became Territorial: Foreign Policy, Diaspora, Geopolitics. Stanford, California: Stanford University Press, 2014.
- Annual 2015 – Annual report. 2014–2015 // British Council. 2015. www.britishcouncil.org.
- Balkin J. Cultural Software: A Theory of Ideology. New Haven: Yale University Press. 2002.
- Bretell, Hollifield 2014 – Bretell C., Hollifield J. (Eds.) Migration Theory: Talking across Disciplines. New York: Routledge, 2014.
- Grigas 2016 – Grigas A. Beyond Crimea: The New Russian Empire. New Haven: Yale University Press, 2016.
- Guotu 2013 – Guotu Z. China's Policies on Chinese Overseas: Past and Present // Chee-Beng T. (Ed.) Routledge Handbook of the Chinese Diaspora. New York: Routledge, 2013. P. 31–41.
- Hosking 1995 – Hosking G., The Freudian Frontier // Times Literary Supplement, March 10, 1995. P. 27. Цит. по: Szporluk R. The Fall of the Tsarist Empire and the USSR: The Russian Question and the Imperial Overextension // K. Dawisha, and B. Parrott (eds.). The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1997. P. 70.
- Ingram 2001 – Ingram A. Broadening Russia's Borders? The Nationalist Challenge of the Congress of Russian Communities // Political Geography. № 20. 2001. P. 201.
- Kolstø 2016 – Kolstø P. The ethnification of Russian nationalism // P. Kolstø and H. Blakkisrud (eds.) The New Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism 2000–2015. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2016.
- Kosmarskaya 2011 – Kosmarskaya N. Russia and Post-Soviet «Russian Diaspora»: Contrasting Visions, Conflicting Projects // Nationalism and Ethnic Politics. T. 17. № 1. 2011. P. 54–74.
- Laitin 1998 – Laitin D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the New Abroad. Ithaca: Cornell University Press, 1998.
- Laruelle 2015 – Laruelle M. Russia as a “Divided Nation”, from Compatriots to Crimea: A Contribution to the Discussion on Nationalism and Foreign Policy // Problems of Post-Communism. T. 62. № 2. 2015. P. 88–97.
- Laruelle 2015 – Laruelle M. The “Russian world”: Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination // Center on Global Interests. Май 2015. <http://globalinterests.org>.

- Rieber 2007 – Rieber A. Colonizing Eurasia // Breyfogle N. B., Schrader A., Sunderland W. Peopling the Russian Periphery: Borderland Colonization in Eurasian History. London: Routledge, 2007.
- Russian Federation 2011 – Russian Federation 2011 / Short-Term Prognosis // Tartu Ulikool. 2011. <http://www.ut.ee>.
- Saari 2014 – Saari S. Russia's Post-Orange Revolution Strategies to Increase its Influence in Former Soviet Republics: Public Diplomacy po russki // Europe-Asia Studies. Т. 66. № 1. 2014. P. 50–66.
- Safran 1999 – Safran W. Diasporas in Modern Societies: Myths of Homeland and Return // Diaspora: A Journal of Transnational Studies. Т. 1. № 1. 1999. P. 83–99.
- The problem 2016 – The problem with Russia's Best and Brightest // Stratfor.com. 29 июня 2016. www.stratfor.com.
- Tillmann 2016 – Tillmann A. Russian Contributions Rich in Silicon Valley // Russia Direct. 6 ноября 2016. www.russia-direct.org.
- Tsygankov 2016 – Tsygankov A. Crafting the State-Civilization // Problems of Post-Communism. Т. 63. № 3. 2016. P. 146–158.
- Zygar 2016 – Zygar' M. All the Kremlin's Men: Inside the Court of Vladimir Putin. New York. NY: PublicAffairs, 2016.

Глава 7

Белорусский взгляд на русский мир

Термин «Русский мир» получил свою актуальность в начале XXI в., хотя известен он, как минимум, с XI в. Именно этот термин использовал анонимный автор в «Слове на обновление Десятиной церкви» (Слово без даты). В 2001 г. термин был актуализирован президентом России В.В. Путиным. Однако Русский мир оказался понятием достаточно размытым по смыслу и содержанию. Под ним понимались и российские соотечественники за рубежом, и носители русской культуры и т.д. Насколько расширительно толковать этот термин решали те, кто его использовал в своих публикациях и выступлениях. В Белоруссии Русский мир также понимался по-разному. Однако после украинских событий 2014 года наполнение термина в информационном пространстве Белоруссии стало более однозначным.

Официальная власть понимала термин «Русский мир» достаточно гибко. Происходило это, видимо, по вполне идеологическим причинам, связанным с экономическим, политическим и прочим взаимодействием Белоруссии с Россией и с проблемами, возникающими по ходу этого взаимодействия. Достаточно показательно будет проследить использование термина белорусским президентом А.Г. Лукашенко. На официальном сайте президента Белоруссии в поиске точной фразы «Русский мир» находится лишь четыре выступления белорусского лидера. Одно из них датируется 2013-м годом, остальные – 2015-м годом. Анализ содержания этих выступлений для понимания того, как воспринимается Русский мир в высших эшелонах белорусской власти, достаточно показателен. 2013 год – время накануне крымских событий 2014-го года, а 2015 год – время, когда белорусская элита успела дать собственные оценки и Крымской весне, и событиям на Донбассе. Таким образом, проанализировав выступления белорусского президента в «докрымский» и

«послекрымский» периоды, можно выяснить, насколько поменялось его представление о Русском мире.

Выступая 20 июня 2013 г. на проходящем в Минске XV Всемирном конгрессе русской прессы, Лукашенко сказал: «Принимая в свое время решение о придании русскому языку государственного статуса, мы исходили из ясного понимания, что великий русский язык, являющийся фундаментом одной из величайших в мире культур, – это общее достояние всех народов, которые когда-то создавали наше единое Отечество и не только его». Таким образом, белорусский президент упомянул «наше общее Отечество» и его достояние – русский язык. Поскольку русский язык формировался не в СССР, упоминание которого в Белоруссии иногда допускают как общего Отечества, а гораздо ранее, получается, что под «нашим единым Отечеством» можно понимать, в том числе, и Российскую империю (вспомним, хотя бы жившего в ней А.С. Пушкина, который внёс огромный вклад в формирование русского литературного языка).

Далее президент продолжил: «Русский язык создал великую русскую культуру, которая также является достоянием многих народов и к которой, если брать понятие русской культуры и русской цивилизации в самом широком смысле этого слова, относимся все мы». Этой фразой Лукашенко подтвердил, что белорусы являются частью русской цивилизации. Причём, по словам белорусского лидера, «русская цивилизация, русский мир дали человечеству не только величайшие культурные достижения, но и особые духовные ценности». И в конце концов Лукашенко сказал: «В этом состоит значительное отличие нашего белорусского пути. Однако именно в этом – его сходство и родство с подлинными духовными ценностями русского мира и русской цивилизации (в ши-

роком смысле этого слова), к которым все мы с вами принадлежим» (Лукашенко 2013). Следовательно, в 2013 г., по мнению белорусского президента, белорусы принадлежали к Русскому миру и русской цивилизации в широком смысле, т.е. не как к миру или цивилизации Российской Федерации, а как к пространству русского языка, культуры, ментальности.

Но, начиная с 2014 г., наполнение понятия «Русский мир» начало меняться. 29 января 2015 г. в Минске прошла пресс-конференция белорусского президента для белорусских и зарубежных СМИ. Вопросы, заданные журналистами А.Г. Лукашенко, были посвящены в том числе и попыткам спроецировать украинские события на белорусскую почву, что очень любят делать в основном белорусские оппозиционные политики и публицисты. Не отстают от них и ряд провластных экспертов. Русский мир как некая реальность проявился в ответах белорусского президента. В частности, он, говоря о гипотетическом вооружённом российско-белорусском конфликте, заявил: «Мы, русские люди (как говорю на хоккее иногда, на тренировке ругаюсь на своих игроков – ты русский или не русский), мы – русские люди – будем воевать с русскими?» (Лукашенко 2015b). В данном случае Лукашенко использовал расширительное толкование определения «русский» не как носителя этнической принадлежности основного населения России, а как наследника того культурно-исторического багажа, который сложился на землях бывшей Российской империи и бывшего Советского Союза. Далее белорусский президент продолжил свои размышления и упомянул Русский мир: «А если есть здесь некоторые умники, которые любят палки в колёса ставить – и у нас, так называемые “свядомыя”¹, и отдельные не то приехавшие, не то долго живущие здесь, считающие, что белорусская земля – это часть,

¹ «Свядомыя» в переводе с белорусского языка означает «сознательный». Часто термин является синонимом понятия «оппозиция».

ну, как они говорят сейчас, Русского мира и чуть ли не России, – забудьте. Белоруссия – это современное и независимое государство [...]» (Лукашенко 2015b). В итоге белорусский президент в одном выступлении указал, что в Белоруссии живут русские (в расширительном толковании), но Белоруссия одновременно не является Русским миром, в котором, по всей логике вещей, должны жить расширительно понимаемые русские люди. Таким образом, термин «русские» был использован в культурном значении, а термин «Русский мир» – в сугубо политическом и даже с намёком на конкретную привязку к территории государства – к России. Более того, Русский мир был политизирован и противопоставлен белорусской независимости.

29 апреля 2015 г. Лукашенко обратился с традиционным посланием к парламенту и народу. В послании также возникла проблема русских людей и Русского мира. И если тема «мы – русские», но не россияне, т.е. трактовка термина «русский» в расширительном смысле, прозвучала в выступлении: «Мы – русские люди, но это не значит, что мы – россияне. Мы – белорусы. Позвольте нам иметь свою точку зрения на мир» (Мельничук 2015a), то предварялась эта тирада следующим замечанием: «Русский мир – это не про нас» (Мельничук 2015a). В результате Лукашенко снова повторил, что белорусы – это русские, но без Русского мира. Однако в этом же выступлении белорусский президент заявил: «Мы приедем 8 мая в столицу нашей родины – нашей бывшей родины – Москву, и продемонстрируем, что мы – русский мир» (Мельничук 2015a). Повторив ещё раз, что «белорусы и россияне – это один русский народ» (Лукашенко 2015a), Лукашенко снова заявил, что «мы – русский мир. Мы были вместе и будем всегда. Мы теснейшим образом связаны с российским народом, мы братья» (Лукашенко 2015a). Таким образом, в одном и том же выступлении у одного и того же человека прозвучали два совершенно противоположных утверждения: «Русский мир – это не про нас» и «Мы – Русский мир».

В августе 2015 г. Лукашенко вновь выступал перед журналистами и снова поднял вопрос Русского мира. На этот раз президент был однозначен, утверждая, что Русский мир – это «глупость, которую кто-то предложил пропаганде». Также белорусский лидер выразил уверенность, «что российский президент Владимир Путин никогда не придерживался этой идеи» (Мельничук 2015b).

Отрицание того, что Белоруссия также является Русским миром, было подтверждено и главным белорусским военным идеологом – помощником министра обороны по идеологической работе в Вооруженных Силах, начальником главного управления идеологической работы Министерства обороны генерал-майором А. Гурой, который в 2017 г. сказал: «На современном этапе острие раскола направлено на внедрение в сознание людей, прежде всего молодежи, примитивного понимания патриотизма, подаваемого либо под русофобией, либо под идеей псевдоимперских амбиций, облаченных в форму “русского мира”» (Главный идеолог 2017). Таким образом, в риторике белорусского официоза Русский мир стал ассоциироваться с псевдоимперскими амбициями. Правда, так и не было расшифровано, чем псевдоимперские амбиции отличаются от имперских.

Белорусская оппозиция, а также организации и лица, разделяющие её убеждения, относятся к Русскому миру однозначно негативно. По сути, их риторика мало чем отличается от украинских заявлений в адрес Русского мира. Русский мир представляется чем-то враждебным. Это – то ли идея, то ли проект, то ли сообщество людей, но однозначно несущее вред белорусскому суверенитету и вообще белорусам. Особо агрессивное отношение к Русскому миру проявилось после событий начала 2014 г. на Украине. Причём, агрессивность Русского мира белорусская оппозиция видит буквально во всём. В частности, реакция одного из оппозиционеров на установку в Витебске памятника Александру Невскому была однозначна: «Это акт

агрессии “Русского мира” в отношении Беларуси. Это то, что было в начале захвата Крыма, когда они придумывали сказки, что здесь был какой-то русский князь» (Дорофейчук 2016). Нужно заметить, что «какой-то русский князь» действительно был в Крыму – Владимир Святославович штурмовал Корсунь, а «начало захвата Крыма» [имеются в виду события 2014 г. – А.Г.] не сопровождалось «придумыванием сказок» о русском князе. Так что риторика белорусского борца с Русским миром можно отнести на счёт ничем не подтверждённых мифов и легенд, которыми так богат белорусский национализм.

Оппозиционное видение Русского мира проходит не только через памятники историческим личностям, но и через традиционные конфессиональные предпочтения. В постсоветской Белоруссии сложилась практика придания конфессиональным праздникам государственного статуса. Так, официальными выходными являются оба (католическое и православное) Рождества, обе Пасхи. Оппозиционные эксперты уверены, что мотивом такого двойного празднования *«было то, чтобы обозначить такой западный вектор (для Беларуси), цивилизационный»*, но также такое дублирование представляет собой якобы дополнительную защиту «от воронки агрессивного проекта “Русский мир”, в которую затянуло часть Украины» (Лукашенко 2017). *Оппозиционный эксперт уверен, что белорусский президент хочет иметь контроль над Православной Церковью, чтобы противодействовать в том числе и идеологии Русского мира. «Ну, а для этого надо получить больше зависимости от Лукашенко [в отношении Православной Церкви – А.Г.] и меньше зависимости от Путина»*, – делает вывод оппозиционный религиовед (Лукашенко 2017).

По мнению оппозиционных экспертов, Русский мир угрожает суверенитету со всех направлений. В частности, **«существенным инструментом в восстановлении российско-советской империи»** назван Рунет (Алексей 2017). К таким инструментам относятся акценты, расставляемые в новостях, а также соб-

ственно русский язык сайтов. «Русский мир», – заключает эксперт, – приходит таким образом к белорусам, в том числе через использование электронной почты с доменом *ru*)» (Криволап 2017).

К Русскому миру оппозиция относит и школьные дневники российского образца, которые время от времени появляются на белорусских книжных прилавках, например, в Гомеле. Причём, со ссылкой на продавцов, оппозиционные журналисты утверждают, что эти дневники не пользуются спросом. Мнения жителей Гомеля по поводу того, нужны ли российские дневники, разделились. Также журналисты упомянули и глобусы с российским Крымом, которые продаются в Белоруссии. Дневники и глобусы, видимо, представляют для оппозиции какую-то угрозу, потому что заканчивается статья небольшим разделом под названием «Как бороться с проявлениями “русского мира” в Беларуси?». После чего следует совет «бороться комплексно – писать жалобы в книгу замечаний и предложений, сообщать о таких случаях в медиа и даже устраивать общественные кампании» (Бабин 2017).

Однозначность оценок Русского мира оппозиционными деятелями прослеживается достаточно чётко. Например, в оппозиционной среде время от времени возникает идея белорусскоязычного университета. Большинство белорусов видит в этом угрозу распространения белорусского национализма. На это один из сторонников такого университета отреагировал следующим объяснением: «В чем там обвиняют энтузиастов, мечтающих про университет с белорусским языком обучения? В том, что он превратится в гнездо белорусских националистов? А гнездование сторонников русского мира в системе образования вас не смущает?» (Мартиневич 2018). Белорусская оппозиция привыкла видеть Русский мир в любом проявлении неопозиционных взглядов, поэтому простое игнорирование сотрудниками высших учебных заведений националистических идей объявляется «гнездованием сторонников русского мира».

Наличие в белорусском медиа пространстве российских СМИ (в основном, в виде части белорусских гибридных каналов с использованием российского контента) воспринимается оппозицией как «“Русский мир” из каждого утюга», в результате чего «белорусская аудитория в основном получает российскую картину мира». Оппозиция предлагает ограничить российское вещание или нейтрализовать его украинскими и польскими каналами. Однако вряд ли это поможет, поскольку именно российские сайты и социальные сети пользуются в Белоруссии огромной популярностью (Класковский 2017). Таким образом, большинство белорусов предпочитает информационную продукцию Русского мира, а не его противников. И если телевидение это показывает не столь явно, т.к. трансляция не зависит от простого зрителя, то предпочтения в интернете говорят лишь о том, что никакой опасности, якобы исходящей от Русского мира, белорусы не видят. Лишь националистическая оптика заинтересованных групп маркирует информационный продукт как угрозу Русского мира.

В начале 2017 г. по Белоруссии прошли волны стихийных протестов простого народа в ответ на введение так называемого декрета о тунеядцах. Эти протесты попыталась возглавить оппозиция, пытаясь социальное возмущение перевести в политическую плоскость, но простые белорусы не пожелали быть массовой для оппозиционных политиков. Белорусский журналист А. Шрайбман достаточно точно подметил, что, если оппозиция будет пытаться возглавить низовой социальный протест, привнеся в него свои традиционные лозунги: «борьба с “русским миром”, за белорусский язык и “честные выборы”», люди сразу поймут, что их пытаются использовать, перестанут участвовать в протестах и «пойдут копить злость на кухню» (Шрайбман 2017). В принципе, с А. Шрайбманом в этом можно полностью согласиться. В массе своей белорусы не настроены негативно ни к России, ни Рус-

скому миру, хотя они вряд ли смогут чётко объяснить, что такое Русский мир.

Простые белорусы не оперируют такими понятиями. Для простых белорусов восприятие Пушкина или Лермонтова как своих поэтов и разговор на русском (иногда только на русском) языке – в порядке вещей. Следовательно, если воспринимать Русский мир как ценность русского языка, позитивное отношение к русской культуре, восприятие Православия как основной конфессии и интерес к России, то белорусы живут в Русском мире. По опросам независимых социологов, офис которых находится в Варшаве, в конце 2016 – начале 2017 г. практически 65% белорусов были уверены в том, что лучше быть в союзе с Россией, чем с Европой (Опрос 2017). Сам руководитель опроса объясняет эти проценты четырьмя причинами: 1) доминирование российских СМИ в информационном пространстве Белоруссии, 2) экономическая зависимость от России, 3) европейские трудности (беженцы, брексит и т.д.) и 4) Европа не даёт ясного сигнала белорусам, что их там ждут (Вардомацкий 2017). Однако тяготение белорусов к России наблюдалось всегда, даже в то время, когда Европа не переживала кризис. Поэтому причины такой ориентации белорусов стоит искать не в европейских проблемах или давлении российских СМИ, а в традиционном мировоззрении, разделяющем те же ценности, которые бытуют и у россиян. Подобное мнение осторожно выразил один из независимых белорусских политологов, сравнив информационные предпочтения Львова и Харькова в 2015 г. Оказалось, что «степень воздействия российской пропаганды [...] в Харькове в разы выше, чем во Львове». При условии, что российские каналы в то время уже не транслировались на Украину, но их при желании можно было смотреть через интернет. «А восприятие очень разное в зависимости от регионального культурного контекста, от установок тех, кто воспринимает» (Дракохруст 2017).

Русский мир часто связывают с Православием. Но православные белорусы также

не видят угрозы Русского мира. Как заявила одна молодая православная христианка, отвечая на вопрос о Русском мире: «Это полемичный вопрос. В обычной жизни я стараюсь политических моментов не касаться. У меня есть национальная идентичность, я – белоруска. В то же время, родилась я в России, часть моих родственников живёт в России, и я чувствую себя частью и того мира тоже. Влияние Православной церкви чувствуется в наших традициях, нашей культуре, а центр этой культуры – там. Я люблю Россию, как люблю и Запад» (Павлюкевич 2017). Таким образом, только ангажированные интеллектуалы видят в Русском мире угрозу, простые люди относятся к нему с симпатией, хотя часто даже не подозревают о существовании такого термина.

Отдельно следует упомянуть российских соотечественников. В частности, один из них видит русскость белорусов в том, что они боролись против польского влияния. Он считает, что началом «западнорусского (белорусского) народно-освободительного движения» стал 1385 г. (Где 2016), когда полоцкий князь Андрей Ольгердович выступил против Кревской унии, заключённой великим князем литовским Ягайло с поляками. Андрей Ольгердович на самом деле выступил против унии, но является ли это выступление «западнорусским (белорусским) народно-освободительным движением»? Князь Андрей выставил против Ягайло свою дружину или жители Полоцка начали массовое сопротивление унии? В первом случае выступление полоцкого князя нельзя назвать ни народным (т.к. масса в действиях князя участия не принимала), ни собственно движением (движение характеризуется массовостью его участников, чего, похоже, на тот момент не было). Помимо того, полоцкий князь пригласил в коалицию своего смоленского коллегу, а вдобавок ещё латгалов и крестоносцев. Католики-крестоносцы против католиков-поляков – это и есть борьба за Русский мир? Далее соотечественник продолжает

видеть борьбу за Русский мир в восстании Михаила Глинского в 1508 г.: «Глинские последовательно выступали против польского владычества на Западной Руси и когда мирные методы противодействия польской экспансии были исчерпаны, они выступили вооруженным путем» (Где 2016). Однако реально М. Глинский поднял восстание против великого князя Литовского по вполне земным причинам. По навету противников рода Глинских князь Михаил был лишён должностей при дворе литовского монарха. Когда попытка вернуть статусы не удалась, князь при помощи своих родственников поднял восстание. В это время шла московско-литовская война, и восставшие вполне логично примкнули к московским войскам. Так что вряд ли можно искать в мотивах такого поведения М. Глинского попытку «противодействия польской экспансии». Сознательно ли российский соотечественник приписывает выступлению М. Глинского идеологические мотивы или просто слаб в истории, сказать сложно. Несомненно лишь то, что российские соотечественники в Белоруссии не имеют никакого научно-исследовательского потенциала, поскольку профессиональных историков среди них нет. Возможно, в среде соотечественников существуют талантливые историки-любители, но это практически незаметно. Более того, такие заявления о борьбе князя М. Глинского с польской экспансией дают повод для вполне объективной научной критики интеллектуальных «достижений» российских соотечественников в Белоруссии. Именно поэтому деятельность соотечественников, скорее, вредит существованию Русского мира, чем его поддерживает. Сама идея Русского мира вполне органична и для её защиты вполне достаточно объективного взгляда на исторические события. Придание же личным мотивам в поведении исторических персонажей какого-то идеологического наполнения может говорить лишь о том, что интерпретаторы исторического прошлого в лице соотечественников либо занимаются идеоло-

гическим оправданием того, что оправданий не требует в силу своей естественности, либо показывает историческое невежество соотечественников. Это не первый случай «достижений» подобного рода. Так, ряд мероприятий, посвящённых 1150-летию российской государственности и 200-летию Отечественной войны 1812 г. с помощью российских соотечественников и курирующего их российского посольства вылился в антирусскую риторику (Островский 2012а, Островский 2012б, Российские 2012). Российское посольство в Белоруссии также не очень готово отвечать на вызовы. Например, когда белорусский президент спросил российского посла о том, что такое Русский мир, тот не нашёлся, что ответить (Мельничук 2015б).

Неожиданное развитие проблема Русского мира получила в конце 2016 г. В декабре 2016 г. белорусские власти задержали трёх публицистов Ю. Павловца, Д. Алимкина и С. Шиптенко, которые, проживая в Белоруссии, писали тексты для российских информационных агентств. Публицистам были предъявлены обвинения в разжигании межнациональной розни и экстремизме. Они были помещены в следственный изолятор и содержались там вплоть до вынесения приговора. В декабре 2017 г. в Минске над ними начался суд, который продлился до начала февраля 2018 г. Суд вынес обвинительное решение, приговорив публицистов к пяти годам лишения свободы с отсрочкой приговора на три года.

Обвиняемые писали статьи, в которых анализировали российско-белорусские отношения, внутреннюю ситуацию в Белоруссии, указывали на несоюзническое поведение белорусских властей в отношении России. Статьи размещались на интернет-ресурсах различных российских информационных агентств, но ни одна из их статей никогда не попадала под подозрение в разжигании межнациональной розни и экстремизме. Лишь белорусская сторона усмотрела в статьях экстремистское содержание.

После ареста публицистов в СМИ появились статьи, авторы которых пытались

разобраться в деле или просто вставали на какую-либо сторону в этом конфликте. Причём, все авторы так или иначе, но соглашались с тем, что задержанные публицисты относятся к Русскому миру, в крайнем случае, защищают его. Так, Б. Айо указывал, что задержанные публицисты борются за Русский мир прямо в названии своей огромной статьи «Павловец, Алимкин и Шиптенко – патриоты и антифашисты, которые борются за Русский мир», написанной в двух частях (Айо 2017а, Айо 2017б). Автор относит задержанных публицистов к борцам за Русский мир, потому что они «критиковали Лукашенко и белорусские власти в целом, обвиняя режим в заигрывании с Западом, антироссийской политике, выступали против наметившегося с молчаливого согласия властей в последнее время повышения активности белорусских националистов и так далее» (Айо 2017а) и «совсем не оскорбляли белорусский народ, а выступали против националистов и заигрывания с ними белорусского режима, это – намек Западу, что Лукашенко – это свой и готов сотрудничать с врагами России по полной, возможно вплоть до вступления в будущем в ЕС и НАТО» (Айо 2017б). Б. Айо видит в задержанных «сторонников Русского мира, адептов укрепления Союзного Государства России и Белоруссии и ярких противников украинских либералов и нациков», а также уверен, что задержанные публицисты «выступают за укрепление Союза между Россией и Белоруссией, осуждают разгул белорусских националистов-русофобов, жестко критикуют бандеровскую агрессию на Юго-Востоке и потворство этой агрессии со стороны Лукашенко, а также стараются сделать все возможное, чтобы события, подобные украинскому майдану, не произошли бы в Белоруссии» (Айо 2017б).

Эстонский правозащитник Д. Кленский также рассматривает арестованных как «убежденных сторонников Русского мира, налаживания равноправных отношений между Белоруссией и Россией, укрепления дружественных связей Союзного государ-

ства Беларуси и России», которые находятся под стражей «только за то, что они выражали несогласие с растущим числом проявлений белорусского национализма, построенного не только на естественном праве нации на самоопределение, но и за счет различных форм русофобии, противопоставления двух братских народов и государств» и беспокоились, что Белоруссия развивается «по киевскому сценарию». Также Д. Кленский сравнил задержанных публицистов с защитниками Бронзового солдата в Таллинне, указав, что те тоже защищали Русский мир. Параллели с защитниками Бронзового солдата видятся Д. Кленскому ещё и потому, что те также оказались на скамье подсудимых. И хотя они были оправданы, тем не менее, «началось уже бесцеремонное наступление местной этнократии на русский язык и образование на русском языке, утвердилось, как сама собой разумеющаяся, дискриминация окончательно притихшего неэстонского населения». Рассуждая о «возможных последствиях размывания основ Русского мира в Белоруссии», Д. Кленский приводит примеры из новейшей истории Украины и Прибалтики (Кленский 2017).

Российский эксперт, специализирующийся на белорусской проблематике, А. Суздальцев уверен, что белорусские власти приказали жестоко наказывать публицистов, «чтобы никому не было повадно поднимать тему Русского мира», а т.к. следствие не может найти никакого логически обоснованного состава преступления, двоим публицистам добавили обвинение в незаконной предпринимательской деятельности. А. Суздальцев уверен, что эти новые обвинения были выдвинуты лишь для того, чтобы в случае гипотетического возникновения вопросов со стороны России «почему сажают людей, которые являются сторонниками Русского мира, можно будет возразить – нет-нет, мы Русский мир не трогаем», указав на наличие неполитических обвинений (Мельникова 2017).

Можно привести множество цитат российского экспертного сообщества и не толь-

ко его, которые будут иллюстрировать лишь то, что арестованные публицисты рассматриваются именно как сторонники Русского мира, которых беспокоило возможное повторение украинской ситуации в Белоруссии и стремление белорусских властей затормозить российско-белорусские интеграционные процессы. Даже те авторы, которые не употребляют в отношении арестованных публицистов термин «Русский мир» и относятся к ним критически, указывают именно на это содержание текстов их статей. Так, один из журналистов пишет, что Ю. Павловца, С. Шиптенко и Д. Алимкина «осудили не за то, что они высказались против Беларуси или белорусского языка, а за то, что поставили под сомнение пророссийскую преданность Лукашенко» (Тур 2018). Также без привязки к Русскому миру, а на основе анализа текстов своё мнение вынесла организация «Репортёры без границ»: «Если руководствоваться международными стандартами свободы слова, то для вынесения таких несоразмерных приговоров оснований нет» (Репортёры 2018)]. В итоге и российские эксперты, и правозащитники, и нейтральные, даже критически относящиеся к публицистам – сторонникам Русского мира лица не увидели в их текстах того, что им поставили в вину.

Оппозиционные белорусские ресурсы также рассматривают судебное разбирательство, связывая его фигурантов с Русским миром. Так сайт «Белорусский партизан» солидарен с российскими экспертами в том, что под стражу были заключены адепты Русского мира, и что таким образом белорусское государство своими действиями показывает свою действительную позицию в отношении России, давая возможность российским критикам белорусского режима иллюстрировать свои утверждения конкретными фактами (Суть дела 2016).

Реакция большинства оппозиционных публицистов показательна – они, якобы выступая за свободу слова, всё же намекают на то, что свобода слова хороша лишь для них, а не для их оппонентов из Русского мира. Если анализировать заявления оп-

позиционных белорусскому режиму авторов, они явно не читали тексты обвиняемых, положившись на заявления официоза о наличии экстремизма, или не поняли этих текстов. На суде обвиняемые требовали у экспертов, которые нашли в их текстах разжигание розни и экстремизм, привести цитаты, однако никто так и не смог процитировать конкретные места, несущие признаки экстремизма. На суде обвинение не смогло процитировать ничего, что указывало бы на призывы к ликвидации суверенитета или к разжиганию розни¹. Т.е. все заявления прозападных и не только прозападных журналистов по поводу того, что «фигуранты дела в этом плане [“наскоки великодержавников на белорусскую независимость, язык, историю” – А.Г.] выражений особо не выбирали» (Класковский 2017), или что «они высказывали мнения, которые ставили под сомнение независимость Беларуси и национальную идентичность белорусов» (Дегтярёв 2017) не имеют под собой оснований.

Публицисты критиковали власть, критически относились к заигрыванию белорусской элиты с националистами из оппозиции, предупреждали, что по этому сценарию развивалась ситуация на Украине, и прогнозировали, к чему это может привести. Причём, это пропагандистское клише о

¹ Я лично присутствовал на нескольких судебных заседаниях, на которых производился допрос экспертов, на основе заключения которых было сформулировано обвинение. Эксперты не смогли ответить ни на один вопрос по существу, показали своё абсолютное невежество в предмете экспертизы. Например, анализируя публикации на исторические темы, белорусские эксперты не обладали знаниями даже на уровне школьного учебника. Экспертизы, проведённые независимыми профессиональными экспертами, которые предоставили адвокаты, полностью опровергали экспертизу белорусских экспертов, а одна из профессиональных российских экспертов Е. Галяшина сделала однозначный вывод в отношении своих белорусских коллег, указав, что они «просто не обладают специальными компетенциями в области судебно-экспертной деятельности» (Галяшина 2018).

якобы сомнениях в наличии у Белоруссии независимости связывалось с причастностью авторов к Русскому миру: «Многие статьи обоих задержанных авторов отличались радикальным пророссийским и анти-белорусским характером. В белорусских экспертных кругах Павловца называют адептом “Русского мира”» (Авторы 2016). Некоторые независимые журналисты указывали на явный политический заказ в открытии уголовного дела против публицистов – сторонников Русского мира, отмечая, что «если отдельные выражения из текстов Алимкина очень близко подходят к этой черте [“возбуждение расовой, национальной, религиозной вражды или розни” – А.Г.], то с остальными двумя авторами следствию и экспертам Мининформа пришлось натягивать формулировки закона на политический заказ. [...] По таким основаниям можно посадить половину белорусских оппозиционных публицистов». Публицисты «стали политической угрозой, лучшим ответом на которую наша [белорусская – А.Г.] власть традиционно считает СИЗО». Также журналист указал, что ранее сам А. Лукашенко говорил: «Побелорусски нельзя выразить ничего великого. Белорусский язык – бедный язык», а «теперь похожие тезисы в статьях Шипченко, Павловца и Алимкина попадают в текст их обвинений» (Шрайбман 2018).

Тем не менее, оппозиционные журналисты уверены, что сторонники Русского мира представляют опасность: «Сегодня мы видим претензии Москвы контролировать смежные территории через промоцию “русского мира” и обвинения соседей в русофобии, предательстве, переходе в лагерь врагов. Причем Москва готова действовать не только словом, но и военной силой. Пропандистские же залпы могут стать арпподготовкой. Так что хрупкая белорусская независимость нуждается в особой защите, в том числе и в информационном пространстве. Не понимать этого и щебетать лишь о свободе слова означает превращаться в полезных идиотов» (Класковский 2018). Получается, что, тексты публицистов, в которых

объективно не содержится ни экстремизма, ни разжигания межнациональной розни, должны восприниматься как угроза лишь потому, что они были написаны сторонниками Русского мира.

Суд над сторонниками Русского мира оказался достаточно показателен. Оппозиционный журналист назвал их «писателями проимперского толка». И для борьбы с Русским миром предложил «укреплять в белорусском обществе иммунитет к имперской пропаганде» (Класковский 2018). Другой независимый журналист в «**поборниках идеи “Русского мира”**» увидел «**наличие угрозы с Востока**» (Шрайбман 2016). Таким образом, у оппозиции Русский мир ассоциируется с проимперской или имперской пропагандой. Стоит напомнить, что провластные чиновники ассоциируют его с псевдоимперскими проявлениями.

Таким образом, идея Русского мира в Белоруссии разделяется большинством населения в силу цивилизационно-культурной принадлежности, но эта принадлежность настолько естественная, что не получила какого-то названия – люди попросту не скажут, что они живут в Русском мире, хотя его признаки (русскоязычие, интерес к России, объявление себя в массе православными, принадлежность к русской культуре и т.д.) наблюдаются повсеместно. Белорусские власти рассматривают идею Русского мира как некий проект, в отношении которого власти ещё не определились, но, скорее всего, после 2014 г. склонны солидаризироваться в этом вопросе с белорусской оппозицией. Оппозиция рассматривает Русский мир как имперский агрессивный проект России по подчинению постсоветского пространства. Оппозиция, а с 2014 г. и власть, видят в Русском мире лишь политическое явление, опасное для суверенитета Белоруссии. Российские же соотечественники и российское посольство создают больше проблем, чем поддержки для идеи Русского мира в силу своих интеллектуальных возможностей и отсутствия в их среде сильной научно-исследовательской прослойки. По причине того, что термин

«Русский мир» с 2014 г. используется в белорусском информационном пространстве практически всегда с политическим смыслом, причём, смыслом негативным, именно такое его видение может закрепиться в будущем. Однако шансы такого негативного закрепления термина малы, т.к. подавляющее большинство белорусов говорит на русском языке, думает по-русски, предпочитает слушать русскоязычные новости, читать русские книги, положительно относиться к России и видеть в ней союзное государство, т.е. живёт в Русском мире, хотя своё бытование в этом пространстве Русского мира белорусы никаким отдельным термином не называют. Тем не менее, основная масса белорусских граждан вряд ли поддержит негативное наполнение термина «Русский мир», т.к. не видит в этом абсолютно никакой угрозы.

Источники:

- Авторы 2017а – Авторы «Регнума» обвиняются властями Беларуси в разжигании национальной розни // Навіны.by URL: <http://naviny.by/article/20161208/1481217261-avtory-regnuma-obvinyayutsya-vlastyami-belarusi-v-razzhiganiia> (опубликовано: 2016).
- Айо 2017а – Айо Б. Павловец, Алимкин и Шиптенко – патриоты и антифашисты, которые борются за Русский мир // Информационное агентство REX. URL: <http://www.iarex.ru/articles/54367.html> (опубликовано: 2017а).
- Айо 2017б – Айо Б. Павловец, Алимкин и Шиптенко – патриоты и антифашисты, которые борются за Русский мир – II // Информационное агентство REX. URL: <http://www.iarex.ru/articles/54371.html> (опубликовано: 2017б).
- Криволап 2017 – Алексей Криволап: «Русский мир» пользуется электронной почтой на yandex.ru и mail.ru // Белсат TV. URL: <http://belsat.eu/ru/programs/aleksej-krivolap-russkij-mir-polzuetsya-elektronnoj-rochtoj-na-yandex-ru-i-mail-ru/> (опубликовано: 2017).
- Бабин 2017 – Бабин В. «Русский мир» запрещают в белорусских школах // Белсат TV. URL: [zapreshhayut-v-belorusskih-shkolah/](http://belsat.eu/ru/in-focus/russkij-mir-zapreshhayut-v-belorusskih-shkolah/) (опубликовано: 2017)
- Вардомацкий 2017 – Вардомацкий: 65% белорусов – за союз с Россией // Белорусский партизан. URL: <http://www.belaruspartisan.org/enjoy/370947/> (опубликовано: 2017).
- Мартиневич 2018 – Виктор Мартиневич: Почему государству нужен университет с белорусским языком обучения // Наша ніва. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=203620&lang=ru> (опубликовано: 2018)
- Где 2016 – Где исток белорусской государственности? Интервью с заместителем председателя БОО «Русь» // Общественно-политический интернет-журнал «Чеснок». URL: <http://4esnok.by/%d0%b1%d0%b5%d0%b7-%d1%80%d1%83%d0%b1%d1%80%d0%b8%d0%ba%d0%b8/gde-istok-belorusskoj-gosudarstvennosti-intervyu-s-zamestitelem-predsdatelya-boo-rus/> (опубликовано: 2016).
- Главный идеолог 2017 – Главный идеолог Минобороны осудил русофобию и «псевдоимперские амбиции» радикалов из России // TUT.by. URL: <https://news.tut.by/economics/558074.html> (опубликовано: 2017)
- Дегтярев 2017 – Дегтярев К. Правосудие. Белорусский суд и дело авторов «Регнума» // Навіны.by URL: <http://naviny.by/article/20171223/1514019172-konstantin-degtyarev-pravosudie-belorusskiy-sud-i-delo-avtorov-regnuma> (2017)
- Дорофейчук 2016 – Дорофейчук И. «Русский мир» в Витебске: страсти вокруг памятника Александру Невскому // Белсат TV. URL: <http://belsat.eu/ru/news/russkij-mir-v-vitebske-strasti-vokrug-pamyatnika-aleksandru-nevskomu/> (опубликовано: 2016).
- Галышина 2018 – Елена Галышина о суде в Минске: «Гнетущее впечатление от допроса экспертов» // Информационное агентство REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/2373170.html> (опубликовано: 2018).
- Класковский 2018 – Класковский А. Дело «Регнума». Наказали и освободили // Навіны.by URL: <http://naviny.by/article/20180202/1517584824-delo-regnuma-nakazali-i-osvobodili> (опубликовано: 2018)
- Класковский 2017 – Класковский А. Дело авторов Регнума. Белорусские власти между двух огней // Навіны.by URL: <http://naviny.by/article/20171218/1513615809-delo-avtorov-regnuma-belorusskie-vlasti-mezhdvuh-ogney> (опубликовано: 2017)

- Кленский 2017 – Кленский Д. Патриотизм несовместим с русофобией // Информационное агентство REX. URL: <http://www.iarex.ru/articles/55024.html> (опубликовано: 2017)
- Лукашенко 2013 – Лукашенко А.Г. Выступление на пленарном заседании XV Всемирного конгресса русской прессы // Президент Республики Беларусь. Официальный сайт. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vystuplenie-prezidenta-respubliki-belarus-aglukashenko-na-plenarnom-zasedanii-xvsemirnogo-kongressa-russkoj-6327/ (опубликовано: 2013).
- Лукашенко 2017 – Лукашенко А.Г. «Русский мир» и Белорусская Православная Церковь // Вне строк. Информационно-аналитические публикации. URL: <http://vstrokaх.net/mezhdunarodnaya-panorama/lukashenko-russkiy-mir/> (опубликовано: 2017).
- Лукашенко 2015a – Лукашенко А.Г. «Мы – русский мир» // Хартия'97 URL: <https://charter97.org/ru/news/2015/4/29/149501/> (опубликовано: 2015a).
- Лукашенко 2015b – Лукашенко А.Г. «Считающие, что Белоруссия – часть Русского мира, – забудьте». // Информационное агентство REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1889647.html> (опубликовано: 2015b).
- Мельникова 2017 – Мельникова К. «Чтобы было неповадно говорить о Русском мире» // Информационное агентство Eadaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2017/06/27/chtoby-bylo-nepovadno-govorit-o-russkom-mire> (опубликовано: 2017).
- Мельничук 2015a – Мельничук Т. Лукашенко: Белоруссия может противостоять любым замыслам // BBC. Русская служба. URL: http://www.bbc.com/russian/international/2015/04/150429_lukashenko_address (опубликовано: 2015a).
- Мельничук 2015b – Мельничук Т. Лукашенко: русский мир – пропагандистская глупость // ИноСМИ. URL: <http://inosmi.ru/sngbaltia/20150804/229437278.html> (опубликовано: 2015b).
- Опрос 2017 – Опрос: 7% белорусов хотят визы с Россией, ка .BY URL: <https://news.tut.by/economics/543469.html> (опубликовано: 2017).
- Островский 2012a – Островский А. Польская «каплица» вместо русской «часовни»: Рос-сотрудничество «работает» в Белоруссии // Информационное агентство REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1560011.html> (опубликовано: 2012a).
- Островский 2012b – Островский А. Почему Рос-сотрудничество вновь и вновь проводит в Белоруссии антироссийские акции? // Информационное агентство REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1552421.html> (опубликовано: 2012b).
- Павлюкевич 2017 – Павлюкевич О. «Насильно в церковь никого не затянешь»: как живет молодая христианка в мире // <https://lady.tut.by/news/life/537900.html> (опубликовано: 2017).
- Репортёры 2018 – «Репортёры без границ» призвали отменить приговор белорусским публицистам // Информационное агентство Eadaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/02/06/reportyory-bez-granic-prizvali-otmenit-prigovor-belorusskim-publicistam> (опубликовано: 2018).
- Российские 2012 – Российские чиновники на российские деньги вели в Белоруссии анти-российскую пропаганду // Русский Мир. Украина. URL: <http://rusmir.info/pol/2169-rossijskie-chinovniki-na-rossijskie-dengi-veliv.html> (опубликовано: 2012).
- Слово без даты – Слово на обновление Десятиной церкви // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35613.php> (без даты публикации).
- Суть дела 2016 – Суть дела адептов «русского мира»: ничего личного, просто бизнес // <https://belaruspartisan.by/politic/364540/> (опубликовано: 2016).
- Тур 2018 – Тур Я. Беларусь: Пять лет тюрьмы за обвинения в откате с пророссийских позиций Лукашенко // Независимое онлайн-издание Eurasianet.org. URL: <http://russian.eurasianet.org/node/65141> (опубликовано: 2018).
- Шрайбман 2018 – Шрайбман А. Дело пророссийских публицистов. Пять выводов перед приговором // TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/economics/574316.html> (опубликовано: 2018).
- Шрайбман 2017 – Шрайбман А. Злость народа, которую проморгали все // TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/economics/532103.html> (опубликовано: 2017).
- Шрайбман 2016 – Шрайбман А. Новая пятая колонна. Почему власть взялась за адептов «русского мира» // TUT.BY. URL: <https://news.tut.by/economics/523202.html> (опубликовано: 2016).
- Дракохруст 2017 – Юрий Дракохруст. Формула народной геополитики: за Россию и независимость // TUT.BY URL: <https://news.tut.by/economics/544223.html> (опубликовано: 2017).

Часть II РУССКИЙ МИР: ЛЮДИ И СТРАНЫ

Глава 8 К столетию русского мира Сербии¹

Согласно последней переписи населения Сербии, проводившейся в 2011 г., численность русских в этой стране насчитывала 3247 чел. Их численность выросла по сравнению с 2002 г., когда 2588 жителей этой страны идентифицировали себя как русские (Попис 2013; Попис 2002). Несмотря на свою относительную малочисленность, русская диаспора занимает особое место в населении Сербии. Она весьма неоднородна по времени заселения, а также по социальному и поколенческому составу. Среди русских Сербии есть как недавние переселенцы из разных регионов России и СНГ, так и потомки эмигрантов во втором и третьем поколениях, сохранившие русский язык и приверженность русской культуре. Особенность, которая, по мнению очевидцев, объединяет всех этих людей – устойчивость их русской (российской) идентичности, медленный процесс ассимиляции.

Изучение сербской составляющей русского зарубежья имеет как познавательный, так и практический смысл. Материал, проливающий свет на непознанные страницы нашей истории, имеет не узколокальное значение. Он позволяет выявить те или иные факторы, закономерно влияющие на поведенческие характеристики мигрантов. В частности, заслуживает вни-

мания исследование роли государственной политики как бывшей Родины, так и принимающей страны, различных политических и идеологических концепций на процесс адаптации переселенцев в новой среде обитания. Эмпирические данные также дают основание для некоторых теоретических выводов, связанных с конструированием идентичности и степенью устойчивости самосознания мигрантов.

Зарождение русского зарубежья многие исследователи относят к XVIII веку, когда становятся популярными поездки русского дворянства в Европу, начинается переселение за рубеж старообрядческих общин. В это время между Сербией и Россией уже были установлены политические и культурные связи. Но особо значимым периодом для формирования русской диаспоры на Балканах стали 20-е годы XX века. Русская эмиграция послереволюционных лет представляет собой особый социально-исторический феномен. Она сохраняет черты, свойственные русской культуре и традиции, поэтому заслуживает изучения и преклонения. Сразу же оговоримся, что всех выходцев из России этого периода в Югославии называли русскими, хотя среди переселенцев были и представители других народов. В литературе встречаются сведения о том, что украинцы, например, составляли не менее половины всех российских беженцев (см., напр.: (Козлитин 1992: 12)).

В более широком плане история русского зарубежья помогает понять место и значение культуры меньшинства, оказавшегося в чужом окружении. Проблема вхождения русских в инокультурную сре-

¹ Работа выполнена в ходе реализации проекта РФФИ № 17-29-09152 «Русский язык, языки народов России и российская идентичность: антропологические подходы к изучению языковой ситуации и этнокультурной политики» (рук. Мартынова М.Ю.).

ду, сохранения национального культурного облика и образа жизни, трансформации их самосознания позволяет делать научные выводы и обобщения и представляет поле для исследовательского творчества ученых разных научных направлений, в том числе и для этнологов. В Сербии общность происхождения, родственность языков и единство вероисповедания двух контактирующих этнических групп теоретически являются важными предпосылками ассимиляции в пользу ведущего этнического элемента. Однако, в случае с русскими, поселившимися в Сербии столетие назад, этого не произошло.

Сербия, наряду с такими странами как Франция и Чехословакия, была одним из основных центров в Европе, где нашли приют беженцы из России после произошедшей здесь в 1917 году революции и поражения «белых» армий в Гражданской войне. Это была первая волна массовой миграции из России на Балканы, отличавшаяся целым рядом специфических черт и составившая основной контингент русских в Югославии. Переселение данной группы лиц, имевшее место в основном в 1919–1923 гг., не только коренным образом изменило их собственную жизнь, но и оказало влияние на некоторые стороны жизни югославского общества.

Вместе с тем, необходимо учитывать и то, что сразу после завершения Второй мировой войны в Югославию тоже попало некоторое число русских. Их можно отнести ко второй волне мигрантов. Следующая волна миграции – назовем ее брачной – началась с середины 50-х – начала 60-х годов XX в., когда после некоторого периода охлаждения восстановились отношения СССР с Югославией, а также были разрешены браки граждан нашей страны с гражданами других государств (если этому не препятствовали особые обстоятельства, например, владение государственными тайнами и т. п.). Брачные миграции русских в Сербию весьма популярны и в настоящее время.

Новым этапом в российско-балканских связях стали десятилетия после распада

СССР. Политические и экономические изменения в постсоциалистическом мире привели к тому, что многие сербы приехали работать и жить в Россию. В то же время в Сербии и других областях Балкан появились новые русские жители. Сюда приехало несколько сотен, может быть и тысяч граждан нынешней Украины, России, Казахстана. Большинство из них не приняло гражданство Сербии или других постюгославских государств. Некоторые живут здесь постоянно, кто-то имеет в этом регионе свой бизнес или место для отдыха.

Каждая из перечисленных выше миграционных волн имеет свою специфику. Учитывая массовость, а также значимость переселения на Балканы русских первой волны не только для них, но и для их нового места жительства, представляется целесообразным более детально осветить ряд аспектов, связанных с приездом и дальнейшей жизнью мигрантов 20-х – 40-х годов XX века.

Историков и литераторов уже привлекало культурное наследие русского зарубежья того периода (см., напр.: (Маевский 1966; Турић 1992; Косик 1992; Никифоров 1992; Косик 2000; Тесемников 2008; Танин 2009; Тимофеев, Арсеньев 2009; Косик 2007)). Данное исследование написано с позиций этнологии и основывается на собственных наблюдениях, интервью, статистических данных материалов ЗАГСов, воспоминаниях самих эмигрантов из России (Гильотен 1991), а также на некоторых разработках сербских, отечественных и зарубежных историков, касающихся проблем русской эмиграции в Сербии в 20-х – 40-х годах XX в., в которых приводятся ценные архивные сведения.

В постсоветские десятилетия возрос интерес к русской диаспоре в целом, как в России, так и в странах ее обитания, в том числе и в Сербии. Свидетельством этого, в частности, является прошедший в 1993 г. в Белграде Международный симпозиум, посвященный вкладу русской эмиграции в развитие сербской культуры. Год спустя в Белграде был опубликован сборник «Рус-

ская эмиграция в сербской культуре XX века» (Международни 1993; Руска 1994). Характерно, что многие докладчики симпозиума и авторы статей сборника – сербы. Этнологический аспект жизни русских в Сербии интересовал сербского ученого – этнолога доктора Д. Дрлячу (Дрляча 1993; Дрляча 1996: 723–729). На Международной научной конференции «Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940 гг.» (Москва. 1993 г.) также освещались вопросы, связанные с разными аспектами русской культуры на Балканах.

Первые русские, живущие на территории современной Сербии, появились здесь еще во времена Османской империи в начале XVIII века. Это были казаки-некрасовцы. После возрождения сербской государственности, согласно переписи Королевства Сербии от 1884 г., в числе подданных зафиксировано 59 русских. Позднее на Балканском полуострове осталось несколько сотен солдат российских войск, воевавших на Салоникском фронте в 1916 – 1918 гг., а также несколько сотен военнопленных, взятых в плен австрийцами и размещенных на территории современной Воеводины (которая до 1918 г. была в составе Австро-Венгрии).

Массовое же перемещение русских, которых можно отнести к первой волне миграции, именно в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС; с 1929 г. – Югославия) было обусловлено целым рядом факторов как ментального, так и прагматического характера. Прежде всего, значительную роль, несомненно, сыграли традиционные давние политические, общественные и культурные связи России с южными славянами, особенно с сербами и черногорцами. Немаловажное значение имел и тот факт, что Россия, длительное время оказывавшая поддержку балканским народам, в том числе и на международной арене, в борьбе за их освобождение от иноземного господства и создание там самостоятельных государств, в тяжелейший период своей истории рассчитывала на взаимопонимание и поддержку с их стороны. И в этом она не ошиблась.

Сказалось и то обстоятельство, что на территории Югославии было разрешено размещение организационным структурам русских. В частности, Архиерейский собор Сербской Православной Церкви 31 августа 1921 г. принял решение принять под свою защиту Высшее церковное управление Русской Православной Церкви с сохранением ее юрисдикции. В г. Сремске Карловице разместились резиденция ВЦУ, здесь же была разработана концепция Русской Православной Церкви за границей и произошло ее учреждение в 1920 г. (Как известно, во время гражданской войны на юге России, находившемся под властью белой армии, была основана Временная Церковная администрация. В конце гражданской войны практически все члены этой Временной администрации эмигрировали в Королевство СХС, в город Сремске Карловице, являвшийся резиденцией патриарха Сербии. За границей в Русской Православной Церкви произошел раскол, в основе которого лежал вопрос, кому принадлежит духовная власть над церковными общинами диаспоры – Патриарху Московскому или Синоду епископов в г. Сремске Карловице.) В этом же городе расположился Главный штаб и Верховное командование вооруженными силами Юга России, во главе с генералом П.Н. Врангелем, а позднее – управление Российского общевойскового союза.

Территориальная близость России и Сербии (если учитывать Европу в целом и, особенно, другие континенты) для значительной части беженцев из России, также была важна, поскольку они твердо верили, что власть большевиков в России долго не продержится, что скоро можно будет вернуться домой и поэтому нет необходимости далеко уезжать от Родины. Кроме того, выгодное географическое расположение Королевства СХС, его связи с другими государствами по суше и морю имели определенные удобства для мигрантов из России в случае принятия ими решения изменить страну своего проживания в будущем.

И, наконец, существенным фактором, оказавшим влияние на выбор мигрантами

из России в Сербию в качестве нового места жительства, как на короткое, так и, особенно на длительное время, была близость, а в чем-то и общность, хотя, конечно, с большей или меньшей степенью вариативности, культур, религии, языков двух народов.

Эмигранты белоэмигрантской волны, бежавшие из России после победы революции и поражения так называемой «белой» армии в Гражданской войне, попадали в Сербию, как правило, организовано, целыми группами на протяжении нескольких лет. Основная масса их прибыла в период с 1919 до середины 1920-х годов. Характерно, что русские мигранты в Королевство СХС в подавляющем большинстве приезжали не сразу из России, а после более или менее длительного пребывания в Турции, на островах Эгейского моря, а также в Румынии и Венгрии (Козлитин 1992: 7, 8). Существенное влияние на значимость Королевства СХС как центра русской эмиграции оказал и тот факт, что здесь нашли пристанище две важных организации бывшей империи: Русская заграничная Православная Церковь и Главный штаб царской армии во главе с генералом Врангелем (коснемся этого вопроса более подробно ниже).

Мигранты из России, попавшие в Сербию, официально считались политическими беженцами (как русские беженцы, не признавшие советской власти). Этот статус давал им право на трудоустройство в стране (с середины 20-х годов, хотя и с некоторыми ограничениями по профессиям для лиц, не получивших гражданства Югославии), на обучение и прочие льготы, в частности, на пенсионное обеспечение. Для русских беженцев, желавших получить гражданство Югославии, был установлен определенный срок (десять лет, впоследствии сокращенный до пяти лет) проживания в стране (Косик 1992: 22).

Сведения о численности в Сербии в 20-х годах XX в. эмигрантов из России довольно противоречивы. Так, например, в отечественных публикациях приводятся данные о 35 тысячах человек в середине

20-х годов, о 50–70 тысячах человек в 1921–1923 гг., о 70 тысячах человек в 1919–1920 гг., об уменьшении этого показателя вдвое к концу 20-х годов (Шкаренков 1981: 17; Косик 1992: 20; Козлитин 1992: 33, Никифоров 1992: 33). По подсчетам югославского историка Вука Винавера в начале 1921 г. в Королевстве СХС могло быть от 60 до 70 тыс. русских эмигрантов, что почти соответствует данным Государственной комиссии по русским беженцам. Другой сербский исследователь Душан Дрляча оптимальной для 1919–1924 гг. считает цифру 42–45 тыс. человек. Если основываться на переписи населения КСХС, проведенной в 1921 г., то численность русских там составляла 20 568 человек. Специальное издание Брюссельского журнала «Часовой», посвященное эмиграции в Королевство Югославию, приводит сведения, согласно которым на 5 июня 1939 г. в Югославии находилось менее 25 тыс. русских, из которых 8 тыс. проживали в Белграде (Demografski 1967: 113; Дрляча 1996: 724; Винавер 1965: 112; Часовой 1939). Эта, довольно существенная разница в показателях не случайна и, по нашему мнению, в основном объясняется двумя причинами:

Во-первых, для многих мигрантов из России Сербия стала своего рода перевалочной базой, где можно было задержаться на какое-то время, а затем либо уехать в другую страну либо, осмотревшись, обосноваться здесь. Многие из организовано прибывших на Балканы беженцев вскоре покидали эти края. Так происходило в течение целого ряда лет, что вносило определенные трудности в учет численности мигрантов из России, которая постоянно колебалась.

Во-вторых, при проведении переписи населения КСХС в 1921 г. национальность населения вообще не фиксировалась, в переписных листах отсутствовала соответствующая графа. Поэтому этнический состав можно лишь приблизительно подсчитать, основываясь на показателях родного языка. Поскольку перепись зафиксировала 20 568 человек, которые назвали родным

русский язык, можно с большей или меньшей достоверностью (как, впрочем, это бывает почти всегда, когда речь идет об официальной статистике), эту цифру отнести именно к русским, а не ко всем эмигрантам из России. Среди последних, как уже было отмечено, значительный процент составляли украинцы, и поскольку на территории Сербии значительные колонии русинов появились еще в XVIII в., то всех, кто своим родным языком считал украинский язык, автоматически здесь отнесли к русинам, а не к русским. Следует отметить, что и при последующих переписях, когда уже фиксировалась национальность, украинцев также причисляли к русинам и только с переписи 1971 г. их стали наряду с русинами выделять как отдельное меньшинство (народность).

Все шесть переписей населения, проведенных за время существования Социалистической Федеративной Республики Югославии (до 1963 г. – Федеративная Народная Республика Югославия), свидетельствуют о постепенном уменьшении численности русских в этой стране. Помимо ассимиляционных и других естественных причин (социальный состав, уровень образования, род занятий, миграции, место жительства – город-село и т. д.), оказывающих, как правило, влияние на изменение численности отдельных этнических групп, для русских в Югославии особое значение имел политический фактор. Принятие Резолюции Информбюро коммунистических и рабочих партий вызвало резкое ухудшение в период с 1948 по 1953 гг. отношений между Югославией и государствами, представители правящих партий которых подписали эту Резолюцию. Данное политическое явление повлекло за собой добровольный выезд или насильственную высылку большого числа российских эмигрантов обратно на Родину или в иные страны. Судьбоносными оказались и три послевоенных года, когда русским сначала была предоставлена возможность советизации (1945 г.), а затем и постепенной реэмиграции.

Приведенная в таблице 1 численность русских по республикам Югославии показывает, что в период с 1948 по 1991 гг. большинство их проживало в Сербии (процент колебался от 66,4 в 1948 г. до 61,8 в 1981 г., подсчитано по: (Popis 1981: 8–14)). Вместе с тем, русские беженцы селились и в других регионах страны, относительно много их было в Хорватии, а также в Боснии и Герцеговине и Македонии. Такая ситуация оставалась практически неизменной на протяжении десятилетий. Проведенный анализ статистических данных о расселении русских в республиках СФРЮ по пяти переписям населения страны (с 1948 по 1981 гг.) дает следующие показатели:

В 20-х годах XX в., когда основная масса беженцев из России приезжала в Югославию, большинство их концентрировалось в городах или в пригородах, так что по всей стране возникали колонии русских, которых в 1923–1924 гг. насчитывалось около трехсот. Беженцы, прибывавшие за границу организованно, – приезжали воинские подразделения, члены политических партий и т.п. – часто, по крайней мере, на первых этапах эмиграции, селились компактно. Остатки войска генерала Врангеля, эвакуированные Черным морем через Босфор, стремились держаться вместе и по приезде в КСХС. Согласно данным «Доклада о расселении русских беженцев в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев» от 20 февраля 1922 г., в начале 20-х годов 8 тыс. беженцев основали 57 колоний. После массовой эвакуации из Крыма число колоний достигло 323. Численный состав каждой из этих общин был очень различен – от 5 семей в городе Сень (Хорватия) до 8–12 тысяч человек в Белграде. Больше всего таких колоний – около 200 – находилось в Сербии, из них свыше половины на севере республики – в Воеводине (Банат, Бачка) (ФП-1: 6 и далее). Численный состав этих групп был непостоянен и колебался вследствие того, что для русских эмигрантов первой волны были характерны частые и

многочисленные переселения в поисках «лучшей доли» (работы, жилья, переезд к родственникам и знакомым, в места учебы детей и т. д.) как внутри страны, так и за пределы Югославии. При этом бывали случаи, что, покинув страну, через некоторое время переселенцы возвращались обратно.

Таблица 1

**Численность русских в Югославии по переписям
1948, 1953, 1961, 1971, 1981, 1991 гг.***

	1948 г.	1953 г.	1961 г.	1971 г.	1981 г.	1991 г.
СФРЮ	20069	12426	12305	7427	4467	**
Босния и Герцеговина	1316	951	934	507	295	**
Черногория	277	198	141	116	96	103
Хорватия	3210	2383	33 11	1240	758	706
Македония	1141	672	640	516	363	**
Словения	796	593	295	302	194	**
Сербия	13329	7829	6984	4746	2761	2576
В том числе:						
– Центральная Сербия	7819	4238	3736	2490	1603	1454
– Автономный край Воеводина						1019
– Автономный край Косово	362	273	239	174	112	103

* (Popis 1981: 8–17; Попис 1992).

** нет сведений

Таблица 2

**Распределение русских (в %) по республикам СФРЮ
(по материалам переписей населения 1948, 1953, 1961, 1971, 1981 гг.)***

	1948 г.	1953 г.	1961 г.	1971 г.	1981 г.
Босния и Герцеговина	6,5	7,6	0,9	2,5	0,7
Черногория	1,4	1,6	1,1	1,6	2,1
Хорватия	16	17,6	27	16,7	17
Македония	5,7	5,4	5,2	7	8,1
Словения	0,3	0,3	2,4	4	4,3
Сербия	66,4	63	59,4	64	61,8

* Подсчитано по: (Popis 1981: 8–14; Konačni 1954: XV).

Место и характер расселения эмигрантов за границей определялись главным образом возможностью найти хорошо оплачиваемую работу. В начале 20-х годов, в первые годы эвакуации, существовали возможности трудоустройства целых групп русских, так как часто работодатели предпочитали иметь дело не с отдельными людьми, а с коллективами, что в свою очередь отвечало и интересам самих беженцев. Это стало также одной из причин, по которой в КСХС возникали компактные поселения русских. Сербские власти (хорваты и словенцы в данном случае не играли активной роли) поощряли создание общин эмигрантов, в основном, хотя и не только, в сельской местности, предоставляя им права автономии и самоуправления. Члены этих общин избирали своих представителей, которые имели право самостоятельно разрешать возникавшие в общине споры и несли ответственность за поддержание правопорядка и сбор налогов. В случае возникновения сложных ситуаций и неразрешимых конфликтов администрация общин должна была обращаться к вышестоящим властям, чье решение считалось окончательным. Правила самоуправления были разработаны в июле 1920 г. Устав Суда чести (разрешавшего споры внутри колонии) был одобрен сербскими властями в сентябре 1920 г., обновлен и дополнен в 1921 году. Такая система сохранялась в сельской местности вплоть до конца 30-х годов, в городах русские коллективы, как правило, распались раньше (ФП-1; Раев 1994: 48).

Чтобы хоть в какой-то мере устранить хаос, придать расселению русских беженцев организованный характер, в январе 1921 г. по указанию правительства КСХС все они были взяты на учет Министерством иностранных дел, получили удостоверения личности. Кроме того, был введен запрет на свободное передвижение переселенцев по стране – покинуть место постоянного жительства, которое было определено властями, можно было, только получив специальное разрешение. Весной

1921 г. этот режим еще более ужесточили, поскольку, как считали власти, некоторые города оказались перенасыщенными мигрантами. По этой причине было ограничено право на их поселение в Белграде, Земуне, Загребе, Любляне, Нови Саде, Сараево и др. Как всегда, из введенного правила бывали и исключения – беженцы, связанные с этими городами местом работы или другими серьезными обстоятельствами, могли получить разрешение на постоянное проживание в них вместе с семьей (Козлитин 1992: 12).

Надо сказать что, несмотря на вышеперечисленные ограничения, большинство русских беженцев в бывшей Югославии в целом и в Сербии, в частности, живет в городах или вблизи них. Выше мы уже отмечали, что значительная часть русских колоний была сразу же основана в городах, особенно много их сложилось в крупных населенных пунктах или в их окрестностях, так что как бы автоматически беженцы стали городскими жителями. На протяжении уже почти девяти десятилетий для тех русских и их потомков, которые живут на Балканах до сих пор и для которых эти края стали вторым отечеством, ситуация в данном отношении остается неизменной. Большинство их живет в городах, в основном в промышленных, научных и культурных центрах. Так, например, по данным переписи 1981 г. 68% русских Боснии и Герцеговины было сосредоточено в четырех городах (Сараево, Банья Лука, Тузла, Зеница); в Черногории – 51% русских – в двух городах (Титиград (ныне Подгорица), Котор); Македонии – 69% – в городе Скопье; Словении – 52% – в двух городах (Любляне и Мариборе); Хорватии – 44,4% в трех городах (Загребе, Осиеке и Вуковаре), кроме того, значительный процент русских, проживавших в это время в Хорватии, сосредоточился на Адриатическом побережье – так, например, в Сплите и Риеке с прилегающими островами жило 15,2% русских (подсчитано по: (Popis 1981: 20–31)).

Сербия, как уже было отмечено, стала

местом постоянного жительства более половины всех русских Югославии. Распределение их по этой республике согласно переписи, например, 1981 г., было следующее: из общей численности в 2761 человек, 1603 человека (58%) проживало в центральной Сербии (т.е. исключая Воеводину и Косово), 112 человек (34%) – в Косово и 1046 человек (38%) – в Воеводине (Popis 1981: 32, 36, 37). При этом характерно, что в центральной Сербии подавляющее большинство населения – 68% было сосредоточено в столице Сербии и всей страны – Белграде (подсчитано по (Popis 1981: 33)). Кроме того, небольшие группы русских расселялись по другим городам. Наиболее крупные русские общины, насчитывавшие от 20 до 55 человек имелись в г. Ниш (55 человек), Пожаревац (39 человек), Смедерево (29 человек), Бор (28 человек), Крагуевац (25 человек), Крушевац (21 человек). Смедеревска Паланка (21 человек), Кралево (20 человек). В автономном крае Косово в этот период насчитывалось всего 112 русских, которые жили в основном в трех городах – столице края Приштине (36 человек), Титове Митровице (32 человека) и Пече (25 человек).

Несколько иной характер расселения русских был типичен для автономного края Воеводина, где их число довольно значительно и составляло около 40% от всех русских Сербии. В этом крае не было такой территориальной концентрации русских, как это традиционно сложилось в других областях страны, в том числе и в центральной Сербии, где они были сосредоточены в нескольких, относительно немногих, городах. Здесь группы русских численностью от двадцати человек и выше жили во многих населенных пунктах. Среди них наиболее значимы Нови Сад (277 человек), Панчево (93 человека), Зренянин (85 человек), Суботица (73 человека), Сомбор (41 человек), Врбас (40 человек), Вршац (40 человек), Белая Церковь (39 человек), Сремска Митровица (32 человека), Кикинда (29 человек), Кула (25 человек), Рума (21 человек) (Popis 1981: 32–39).

Кроме того, отличительной особенностью Воеводины было и то, что тут выходцы из России, причем это были не единицы, а значительная часть переселенцев, селились в сельской местности, где занимались сельским хозяйством. Так, например, есть сведения, что несколько тысяч казаков основали здесь тридцать поселений, в каждом из которых по 10–15 человек специализировалось на скотоводстве (Дрљача 1993: 9).

Стремление русских беженцев поселиться в городах объяснилось многими причинами, в том числе более благоустроенными условиями жизни в городах, большей возможностью найти там работу, учить детей, жить рядом с другими выходцами из России, чтобы в случае необходимости получить от них поддержку и помощь, а также, чтобы общение с соотечественниками хоть как-то помогло скрасить горечь разлуки с Отечеством.

В конечном счете, на выбор места жительства существенное влияние оказало и то, что у себя на Родине большинство переселенцев было городскими жителями (или проводило в городах значительную часть времени), и городской образ жизни был им привычен (исключение составляли казаки). Ведь по социальному составу русская эмиграция первой волны, хотя и была достаточно пестрой, но все же основной ее контингент представляла техническая и творческая интеллигенция, военнослужащие царской армии.

Присутствие большого числа русского офицерства в Югославии объясняется, в частности, тем, что когда генерал Врангель после поражения царской армии осенью 1920 г. обратился к правительствам многих государств с просьбой принять у себя беженцев – гражданских и военных – из России, одним из первых откликнулось на эту просьбу правительство Королевства СХС. Хотя осуществить прием беженцев в разоренной войнами (Балканские войны, Первая мировая война и др.) стране, к тому же в первые годы после ее создания, можно было только при финансовой под-

держке других государств. Такая помощь, как на государственном уровне, так и на уровне благотворительных организаций, была оказана рядом стран, в том числе Францией, Англией, Бельгией. Среди военных лиц были кадровые офицеры, а также рядовые регулярной царской армии, представители казачьего войска, в частности Кубанского казачества, два кадетских корпуса (уже в Сербии они были объединены, в результате чего здесь был создан Русский кадетский корпус). Только в период с 1921 по 1923 гг. в КСХС въехало 11,5 тысяч военнослужащих бывшей царской армии, а по данным профессора Д. Иванцова, возглавлявшего статистический отдел Государственной комиссии по русским эмигрантам, врангелевская военная эмиграция составила 40 200 человек (Козлитин 1992: 7, 10, 15; Лозо 1976).

Точно установить состав (социальный, профессиональный, возрастной, этнический) послереволюционных переселенцев из России в Сербию не представляется возможным. Одной из причин была сложность налаживания учета эмигрантов в силу их мобильности, того, что эти люди меняли, часто неоднократно, свое место жительства, перемещаясь внутри страны или выезжая за ее пределы (были случаи и возврата в Сербию). Кроме того, списки беженцев нередко составлялись несколькими организациями и их данные не всегда координировались.

Известно, что уровень образования эмигрантов первой волны из России был высоким. Так, например, в статье «Русская эмиграция» пражский профессор А. Маклецов, исследовавший данные Государственной комиссии по делам русских беженцев в Королевстве СХС пишет, что в начале 20-х годов XX в. 13% из них имели высшее образование, 62% – среднее, примерно 22% – начальное домашнее и лишь 3% были необразованными. Высшие учебные заведения окончили более 17,5% мужчин и более 13% женщин; средние – почти 56% мужчин и 62,5% женщин. Кроме того, в КСХС в это время находилось около двух тысяч сту-

дентов и курсисток, не успевших завершить образование на Родине (Нова Европа 1922; Зарубежная 1924: 24). По уровню образования переселенцы из России разительно отличались от местного населения Сербии, где в 1921 г. среди лиц старше 12 лет половина (50,5%) была неграмотна (Статистическим 1987: 41).

Председатель Парламента Льюба Йованович писал: «К нам приехало 30 000 русских, из которых большинство составляет то лучшее, что есть в русском обществе». По результатам анкетирования Статистического отдела Государственной комиссии по делам русских беженцев, в апреле 1921 г. среди русских эмигрантов было 276 инженеров, 9 архитекторов, врачей – 114 мужчин и 23 женщины, 19 ветеринаров, зубных врачей – 10 мужчин и 23 женщины, фармацевтов 16 мужчин и 2 женщины, преподавателей университетов – 86 мужчин и 3 женщины, прочих преподавателей – 807 мужчин и 1184 женщины, художников и скульпторов – 66 мужчин и 35 женщин, музыкантов – 171 мужчина и 251 женщина, артистов – 76 мужчин и 100 женщин (Лозо 1976: 24.1; Русский 1925).

В последующие десятилетия русские, несмотря на сложности с трудоустройством, сохраняли свой высокий профессиональный статус. Так, анализ материалов переписи населения Югославии, проведенной в марте 1948 г. показал, что среди постоянно живущих в Сербии русских (учитывались все, включая детей и лиц старше 60 лет) служащие составляли 42,9% всех работающих. Для сравнения отметим, что для титульной национальности этой республики, т. е. для сербов, аналогичный показатель был равен 7,1 (подсчитано по: (Конаћни 1954: 32, 34. 35)).

Анализируя разные данные о возрастном и половом составе беженцев из России, можно прийти к выводу, что большинство их составляла молодежь и люди среднего возраста, преобладали лица мужского пола. Причем процент одиноких (что не означало холостых, т. к. у многих в России остались жены) был непропорционально высок, по-

скольку значительная часть из них эмигрировала в результате поражения в гражданской войне, это были мужчины призывного возраста от 18 до 40 лет.

В разные годы начала 20-х годов XX в. в КСХС находилось мужчин и женщин от 21 года до 60 лет более 23 тысяч, лиц старше 61 года – около одной тысячи человек. Было здесь также 6–7 тыс. русских детей и подростков до 18 лет, при этом 35% из них, преимущественно мальчики, не имели родных в этой стране (это были в основном воспитанники кадетских корпусов). Судя по данным переписи населения 1948 г., проведенной в Югославии после завершения Второй мировой войны и создания там республики, из проживавших в стране 20 069 русских, моложе 14 лет было 2319 человек, а старше 60 лет – 3190 человек (Козлитин 1992: 13; Дрљача 1993: 15).

Статистические данные иллюстрируют соотношение полов русской популяции в Югославии. Согласно исследованию, проведенному в КСХС в 1921 году, 69% русских эмигрантов составляли мужчины, 66% из них мигрировали в возрасте от 19 до 45 лет. 70% всех мужчин были одиночками, тогда как большинство женщин состояли в браке. Так, из более 23 тысяч русских в возрасте от 21-го года до 60 лет (начало 20-х гг. XX в.), мужчины составляли 16 тысяч человек и женщины – около 7 тысяч (Simpson 1939: 85).

Перепись 1948 г. также показывает преобладание в этой группе населения мужчин, но гендерный разрыв уже значительно сократился. В эти годы русскими здесь себя назвали 10 968 мужчин и 9083 женщин. Такое же положение сохранялось и в начале 50-х гг. XX в. Однако в начале 70-х гг. (перепись 1971 г.) картина соотношения полов была уже иной и изменилась в пользу женщин: из 7427 русских, проживавших в Югославии, мужчины составляли 3319 человек. Ситуация в Сербии была типичной для страны – из 4746 русских, живущих тогда в этой республике, мужчин было 2133 человека, в том числе в центральной Сербии – из 2490 русских –

1060 мужчин, в автономном крае Воеводина – из 2082 русских – 978 мужчин (Дрљача 1993: 15, 16; Popis 1974: 12. 36, 40, 44). Возможно, это явление связано с меньшей продолжительностью жизни мужчин, а также с так называемыми брачными миграциями (речь о них пойдет ниже), в результате которых в страну въезжали в основном женщины.

Эти цифры объясняют ситуацию среди русского населения со вступлением в брак и рождением детей. Материальные невзгоды и финансовая нестабильность, с которыми сталкивалось большинство беженцев в начале 20-х годов, препятствовали созданию семей. Те же, кто все-таки вступал в брак, из-за неясных перспектив на будущее не могли позволить себе иметь много детей. Важное значение имело и то, что безусловное предпочтение при выборе спутника жизни оказывалось соотечественникам и единоверцам. Среди эмигрантов, даже если учитывать девушек, достигших зрелости в конце 20-х – начале 30-х годов, было мало женщин брачного возраста. Почти все женщины этой возрастной категории либо состояли в браке, либо вдовствовали. Одинокие мужчины-эмигранты жили изолированно от окружающего общества. Надеясь вернуться домой, они сопротивлялись ассимиляции, в том числе культурной (Раев 1994: 39).

Беженцы из России, покинувшие в результате революционных действий обжитые места, лишившиеся отечества, крова над головой, привычного образа жизни, а многие и средств к существованию, разлученные со своими родными и близкими, перенесшие огромные трудности и лишения, болезни, холод, недоедание во время длительного пути к своему новому месту жительства, в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (в данном случае речь идет о сербских землях) встретили самый радушный прием. Характерно при этом, что и королевская семья, правительство, православная церковь и разные слои сербского народа в целом искренне хотели помочь русским эмигрантам как можно луч-

ше обустроиться на новом месте, создать для них такие условия жизни, которые хоть как-то смягчили бы им горечь расставания с Родиной. Принимая русских беженцев, официальные югославские власти, король Александр, министры и политики, говорили о «возвращении долга России». И это происходило в стране, где жизненный уровень народа по европейским меркам был весьма и весьма низким.

Вот как говорит о своих первых впечатлениях от встречи с Сербией Е. Ж. Гильотен, попавшая туда девочкой вместе со своим отцом – военным врачом – в числе русских беженцев первой волны и прожившая в этой стране три десятилетия. В 1950 г. она выехала обратно на Родину и написала книгу о своей жизни в Сербии (Гильотен 1991). Вспоминая первые впечатления об этой стране, она писала:

«На некоторых станциях нас... встречали, угощали, раздавали подарки. В начале XX века мы прибыли в маленькую страну Сербию с очень скромным жизненным стандартом. Она непрерывно подвергалась постоянному сильному давлению со стороны Турции, но всегда умела противостоять ему, сохраняя свои исконные обычаи, навыки и веру. И хотя она только что пережила тяжелую войну, она добродушно и от всего сердца принимала вздувшуюся реку беженцев, людей, которые бежали со своей Родины, потеряли свое отечество – а в глазах народа – это самое страшное несчастье. Никто не спрашивал кто мы, что мы, зачем бежим. Они – русские, а русские – славяне, а славяне – всегда братья, а если братья – проживем, приспособимся. А сейчас: “Мил ты мне, братушка”, улыбки, легкие похлопывания по спине и по плечу в знак дружбы... А поезд шел все дальше и дальше в незнакомую даль неизвестного завтра» (Гильотен 1991: 60).

Однако реалии жизни требовали решения множества проблем, которые вставали как перед самими беженцами, так и перед властями на местах и на высшем государственном уровне. Чтобы начать жизнь на новом месте, приспособиться к ее новым

условиям, иметь возможность хоть как-то войти в нормальное русло жизни, нужно было незамедлительно решить целый ряд вопросов. Важнейшими среди них оказались бытовые проблемы: поиск источников средств существования, выбор места жительства, обеспечение работой и жильем, медицинским обслуживанием, обучение детей, удовлетворение духовных запросов, воссоединение членов семей и многое другое. Правительство Югославии, доброжелательно настроенное по отношению к беженцам из России, руководствовалось в своих действиях как просто гуманными соображениями, так и тем, что усматривало в приезде переселенцев возможность получить дополнительный интеллектуальный потенциал для страны. Среди эмигрантов, как мы уже писали выше, было много людей с высшим и средним образованием, специалистов в различных областях науки и техники, деятелей искусства, литераторов.

Следует отметить, что Югославия не признавала Советский Союз вплоть до середины 30-х гг., до момента убийства короля Александра I в 1934 г. Здесь сохранялся статус и влияние старого посольства, а посол «правительства в изгнании» имел прямой доступ в правительственные комиссии Югославии, занимавшиеся делами русских беженцев. В частности, посол В.Н. Штрандман участвовал в работе Государственной комиссии при правительстве Югославии (ФП-1: 6). Явные симпатии короля к Российской империи способствовали тому, что сразу же после того, как первые беженцы из России появились в Сербии, там стали создаваться различные организации, занимавшиеся практически всеми насущными вопросами жизни русской общины. Это были как организации государственного уровня, так и общественные.

Многие из этих организаций были недолговечны, их сменяли другие. Некоторые мы считаем важным упомянуть хотя бы для того, чтобы проиллюстрировать на их примере широту спектра деятельности

разных ведомств, связанных с жизнью беженцев из России. Так, например, на правительственном уровне переселенцами занималось Министерство Внутренних дел, был создан Русский культурный центр, а также специальные организации – Государственный Комитет по приему и устройству русских беженцев (существовал с января 1920 г. до ноября 1921 г.), преобразованный в Государственную Комиссию по делам русских беженцев (существовала с 1920 до 1941 г.). Эти государственные структуры, действуя самостоятельно или в контакте с разными общественными организациями русских беженцев, пытались решить очень широкий круг вопросов, имевших первостепенное жизненное значение для эмигрантов, в частности в их ведении были проблемы, связанные с юридическим статусом, расселением, финансовой помощью, трудоустройством и многим другим.

Для эмигрантов из России очень важным было то, что в Королевстве СХС признавались дипломы об их образовании, в том числе и о научных степенях, а также воинские звания, полученные в России до февральской революции 1917 г. Русским была предоставлена возможность служить в местной армии, работать в различных организациях, включая и государственный аппарат. Правительство Королевства СХС выделяло специальные денежные средства, которые вместе с полученными от правительств Франции, Англии и ряда благотворительных организаций этих и других стран финансами, шли на оказание материальной помощи беженцам из России. Они имели право льготного обмена денег на югославские динары и эпизодически получали определенные суммы на обустройство на новом месте, в том числе и на приобретение оборудования, если они планировали открыть какие-то ремесленные мастерские; им обеспечивался бесплатный или льготный проезд по железным дорогам; предоставлялась возможность учиться на курсах, чтобы овладеть сербским языком или языком того народа,

среди которого они поселились, давались дотации на получение образования и т. д.

Правда, в полном объеме все эти меры проводились лишь короткий период – уже с лета 1920 г. они стали несколько ограничиваться, а впоследствии исчезли совсем. И все же та деятельность, которую осуществляла, например, более двух десятилетий Государственная Комиссия по делам русских беженцев, как по оказанию материальной помощи, так и для сохранения и развития их культуры, имела огромное значение для русской эмиграции первой волны. Успешная работа Государственной Комиссии в течение столь длительного времени в значительной мере была связана с тем, что почти все это время ее возглавлял крупный сербский ученый-лингвист академик А. Белич, известный своими симпатиями к русским, и очень много сделавший для того, чтобы облегчить долю изгнанников из России. Кроме А. Белича среди руководителей этой Комиссии были и другие известные общественные деятели и ученые Югославии, а также представители русской эмиграции.

Помимо названных выше организаций, созданных по инициативе принимающей страны для координации обустройства беженцев, действовало еще множество других объединений, возникших в эмигрантской среде. Наиболее крупными и значимыми из них были следующие: Российская дипломатическая миссия, Русско-Югославянский Комитет, Российское общество Красного Креста, Всероссийский Земский Союз, Всероссийский Союз городов, Бюро съездов представителей колоний Королевства СХС (оно состояло из представителей руководства русскими колониями, избранных их членами), Управление главного уполномоченного по устройству русских беженцев, многочисленные объединения русского офицерства и др. Многие из этих организаций функционировали очень недолго – они были ликвидированы по распоряжению правительства Королевства СХС (Козлитин 1992; Косик 1992). Заметную роль в жизни

русской общины играл Белградский представитель Врангеля – С.Н. Палеолог. В общественные организации объединялись также люди одной профессии, что давало дополнительные возможности для поддержки друг друга на корпоративной основе. Сходный характер носили организации типа клубов и объединений преподавателей и учеников различных учебных заведений. Среди русских организаций упомяну Комитет помощи русским воинам и их семьям, Русское археологическое общество в Югославии, Русский научный институт в Белграде, Союз русских инвалидов, Союз русских писателей и журналистов, Союз русских инженеров, Общество русских художников, Русское музыкальное общество, Институт изучения России, Союз ревнителей чистоты русского языка и др.

И хотя деятельность многочисленных общественных организаций, практически охватывавшая все стороны жизни беженцев, нередко дублировала то, что делалось на государственном уровне в плане обустройства новых жителей, в целом она была весьма полезной. Так как члены этих организаций видели жизнь эмигрантов как бы изнутри, испытывали на себе все ее тяготы и лишения, они хорошо знали, в чем наиболее остро нуждаются переселенцы, какие вопросы нужно решать в первую очередь. А таких вопросов первостепенной важности сразу же оказалось очень и очень много: люди, бежавшие с Родины, оставившие там свое имущество и пережившие ужас революции и войны, сложности длинного и тяжелого пути на новую родину, нуждались буквально во всем – в крыше над головой, в средствах к существованию, в трудоустройстве, медицинском обслуживании и т. д.

Несмотря на то, что сербское общество, как уже было написано выше, радушно приняло беженцев из России и оказывало им посильную помощь и поддержку, русские эмигранты, особенно на первых порах, столкнулись с большими трудностями. Сложно было найти работу вообще и

работу по специальности в частности. Те, кто не мог найти применения своим знаниям, приобретали новые профессии. Не гнушались никакой работой – так, например, часть казаков Кубанского войска работала на строительстве железной дороги (Ниш-Княжевац и Мала Крсна-Белград), а оплата их тяжелого труда была столь низкой, что им едва хватало денег на питание (Мирный 198...: 54).

Не просто было найти работу офицерам, хотя они и имели право служить в югославской армии. Части из них удалось продолжить службу, преимущественно в пограничных войсках, а остальные были вынуждены переквалифицироваться. Известны случаи, когда выпускникам Николаевской военной конной академии (г. Белая Церковь – Воеводина) после ее окончания пришлось заниматься неквалифицированным трудом, работать поденщиками (Гильотен 1991: 64, 79, 84, 85).

Наиболее полно процесс включения русской интеллигенции в экономическую и культурную жизнь Сербии изучен на примере автономного края Воеводины. В этой области, как было отмечено выше, примерно 7–8 тыс. русских людей основали около 30 казачьих поселений. В каждом проживало по 10–15 человек, основным видом их занятий стало скотоводство. Русские агрономы имеют большие заслуги в деле основания Сельскохозяйственного факультета в Белграде (1919 г.). Немало русских специалистов работало в водном хозяйстве и гидростроительстве. О вкладе русских эмигрантов в развитие Югославской авиации свидетельствует, среди прочего, факт, что только в Нови Саде было 30 летчиков русского происхождения (Арсеьев 1993).

Русские архитекторы-эмигранты приняли самое активное участие в восстановлении сильно разрушенного во время войны 1914–1918 гг. Белграда. Десятки русских архитекторов проектировали и строили административные и жилые здания в Белграде, среди которых Генеральный штаб, Архив Сербии, Сербская патриархия, студенческое общежитие. Стрoения

прославившегося на весь мир архитектора Н.П. Краснова, автора Ливадийского дворца в Ялте, украшают многие города бывшей Югославии, самые красивые из которых в Белграде (здание Министерства финансов, Министерства лесного, горно-рудного, сельского и водного хозяйства и др.). Русский архитектор Лукомский построил новый дворец в парке Топчидер, гвардейские казармы, дом памяти царя Николая II. По проекту русского архитектора В.В. Сташевского построено более 1000 зданий в Белграде, а И.Г. Артемушкин спроектировал 350 зданий в Скопье. Под руководством профессора Станиславского был создан великолепный Краеведческий музей. Русские специалисты открыли в местечке Панчево под Белградом хирургический госпиталь, составили геологическую карту Македонии.

В то же время, значительное число русских переселенцев вследствие специфики своих профессий или ограничений, вытекающих из законодательства, не могли получить работу по специальности. Многие в кратчайшие сроки овладевали новыми престижными профессиями (так, некоторые кадеты стали священниками или зубными врачами). В русских семьях происходили изменения в половом распределении ролей. Женщинам, благодаря их навыкам и знаниям удавалось поступить на работу, они занимались репетиторством, уходом за детьми, шитьем, работали официантками в русских столовых.

Несмотря на материальные трудности жизни, не остались забытыми вопросы, связанные с организацией обучения детей и молодежи. Огромную работу в этом направлении провели Государственная Комиссия по делам русских беженцев, Всероссийский Союз городов, а также энтузиасты из эмигрантов, среди которых было немало бывших преподавателей, классных дам, воспитателей военных учебных заведений. Особо нужно отметить, что Югославия была практически единственной страной (кроме нее исключение составляла еще Чехословакия, ока-

зывавшая материальную поддержку русским детям), где была решена проблема финансирования русских школ на государственном уровне. Эти учебные заведения получили полное признание властей и финансировались наравне с местными учебными заведениями. Создание сети образования в Королевстве СХС шло двояким путем: с одной стороны налаживалось функционирование учебных заведений, эвакуированных из России, с другой – создавались новые. К числу первых, например, относились Одесский, Киевский, Донской и Крымский кадетские корпуса (два корпуса – Одесский и Киевский – были слиты в один, получивший название Русского Кадетского корпуса), Харьковский и Донской женские институты и др. (Ковалевский 1970: 46, 49).

Статистика свидетельствует, что в 1924 г., когда численность русских беженцев достигла пика, в Сербии находилось 5317 русских детей (3005 мальчиков и 2312 девочек). Из них школьников – 4 тыс. Значительную часть (28%) составляли сироты (Ковалевский 1970: 46). По возможности повсюду, где более или менее компактно жили русские, стали открываться школы, в большинстве которых дети проводили весь день и были обеспечены питанием. В начале 20-х годов XX в. в КСХС работало 24 русских учебных заведения, подавляющее большинство их было в Сербии. Первоначально программа этих учебных заведений копировала аналогичные программы в дореволюционной России, но постепенно, уже с 1922 г., в них стали намечаться существенные перемены – вводились такие предметы как литература, история, география Сербии, в школах стали изучать сербский язык, на котором и велось преподавание названных выше дисциплин; (сербский язык в качестве иностранного языка был введен в учебные программы большинства русских учебных заведений лишь в 1929 г.) Открылись смешанные русско-сербские гимназии – такими были Русско-сербская гимназии в г. Белграде,

Русско-сербская девичья гимназия в г. Велика Кикинда. Эти нововведения осуждались частью русских эмигрантов, опасавшихся, что такая направленность школьного обучения будет способствовать растворению русской молодежи в сербской среде (Часовой 1939).

Однако, сама жизнь в иноэтничном окружении подтвердила необходимость и целесообразность именно такого подхода к школьному образованию, к созданию системы смешанных по этническому составу учебных заведений, а затем и к обучению в сербских школах, в сербских средних и высших учебных заведениях. Большой популярностью не только среди русских, но и среди местного населения пользовалась открытая в Белграде осенью 1920 г. 1-я Русско-сербская гимназия. Инициатором создания этой гимназии и ее первым директором был профессор В.Н. Плетнев. Большой энтузиаст своего дела, блестящий педагог, он прикладывал много усилий для того, чтобы как можно больше детей не осталось вне школьных стен, чтобы они могли получить образование, причем достаточно высокого уровня, дававшего возможность продолжить учебу в высших учебных заведениях страны. Все, кто не имел средств для обучения, учились бесплатно и получали бесплатное питание, те же, у кого не было и кровя над головой – еще и жилье. Выпускники этой гимназии вспоминают, что их учеба не ограничивалась только школьной программой – они слушали лекции по искусству и литературе, истории, ходили в театры, в музеи, на выставки. Во время каникул многие из них работали, в основном на стройках, чтобы иметь деньги на карманные расходы, чтобы получить возможность купить себе какую-то одежду к моменту окончания гимназии. Выпускники ее на всю жизнь сохранили самые теплые воспоминания и благодарность В.Н. Плетневу. Один из них – он окончил гимназию в 1925 г. и впоследствии стал доктором медицины – в своих воспоминаниях о годах школьной учебы, так писал о Плетневе: «Земно кла-

няюсь светлой памяти директора Плетнева за все, что он сделал для нас».

Очевидцы вспоминают, что русские учебные заведения давали своим ученикам блестящее образование. На гуманитарных факультетах Белградского Университета русские институтки блистали знанием иностранных языков и общим развитием, на технических факультетах кадеты были среди лучших учеников. В период с 1925 по 1932 гг. 60% дипломов об окончании Сельскохозяйственно-лесного факультета получили русские студенты (Ђурић 1990: 26).

Наконец отметим, что в период между двумя войнами в Югославии существовали объединения русских педагогов, среди которых наиболее заметную роль играли Союз русских педагогов в Королевстве СХС, Русское педагогическое общество, Союз последователей русской демократической школы на Балканах, Общество учителей русских учебных заведений на территории Королевства СХС и др. (Мирный 198...: 57; Тесемников: 22).

Наряду с педагогами средних учебных заведений важную просветительскую функцию выполняли русские ученые в югославской академической среде, сконцентрировавшиеся главным образом в Белградском университете и Русском научном институте в Белграде. Согласно одной анкете этого института в 1931 г. в эмиграции в Югославии находилось 472 русских ученых, среди которых – 5 академиков, 140 бывших профессоров российских университетов, а в 1939 г. зафиксировано 339 научных сотрудников русского происхождения (Ковалевский 1970: 78). Эта группа эмигрантов объединялись в Общество русских ученых в Королевстве СХС (1920), во главе с профессором Е.В. Спекторским, и Русскую академическую группу, руководимую проф. Е.В. Аничковым, затем проф. Т.В. Тарановским. Библиография работ эмигрантов по общественным и естественным наукам, вышедшая в двух томах в Белграде в 1931 и 1941 годах, наглядно демонстрирует научную деятельность русских ученых в Югославии (Материалы 1931–1941).

Однако не только образование, но и русская культура в целом стала в Югославии предметом пристального внимания. Особенно широкая деятельность в сфере культуры была развернута с конца 20-х годов, когда по инициативе А. Белича был создан Русский культурный комитет (1928 г.), действовавший в тесном контакте с Государственной Комиссией по делам русских беженцев. В состав руководства этого Комитета вошли представители югославян – (министры югославского правительства, ученые) и русских. Председателем был избран А. Белич. Основные направления деятельности Русского культурного комитета были сформулированы уже на первом заседании его руководства тем же А. Беличем. Он полагал, что главной задачей Комитета должно стать развитие тех сфер жизни, «без которых особенно русский интеллигентный человек считает себя вычеркнутым из культурной жизни – науки, литературы и искусства, в которых он занимает достойное к общей чести Славянства место» (цит. по: (Косик 1992: 26)). Планы Русского культурного комитета были широки и многообразны: это и создание Русской публичной библиотеки, и учреждение Русского книгоиздательства, и налаживание выпуска Русского литературно-художественного журнала, и открытие Русского научного института, и организация художественных студий – музыки, живописи, театра, и оказание финансовой поддержки учащимся и молодым русским ученым.

Эти планы во многом реализовались. Так, был открыт Русский научный институт, в его составе работало несколько кафедр, для чтения лекций на которых были привлечены известные сербские ученые, а также русская профессура, эмигрировавшая в другие страны Европы. Быстро была налажена работа Русского книгоиздательства, в котором уже в первые годы его существования были опубликованы произведения многих русских поэтов и писателей – Д.Е. Мережковского, Е.Н. Чирикова. З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцева, А.В. Амфитеатрова,

А.И. Куприна, И.С. Шмелева, И.А. Бунина, К.Д. Бальмонта и др., а также русские народные сказки, альманахи. Всего более 1000 наименований. Для сравнения отметим, что на русском и других языках народов СССР в 1981 г., например, вышло всего 9 изданий; вообще же за пять лет (1978–1982 гг.) количество таких изданий уменьшилось с 25 до 8 (Statistički 1983: 378).

Благодаря усилиям Русского культурного Комитета были открыты такие общества и студии как: Русское музыкальное общество, которое одновременно взяло на себя и обучение истории и теории музыки, оперному пению и регентскому искусству; Художественная студия с классами живописи, скульптуры и рисования, а также Русский драматический театр, Русская публичная библиотека, богатые фонды которой привлекали многих читателей.

Внимание, которое уделяли русские эмигранты культурной жизни, было огромно. Это объяснялось как высоким образовательным уровнем переселенцев, так и представлением об их особой миссии в деле сохранения и развития отечественной культуры. Интеллектуальное наследие русской послереволюционной эмиграции в Югославии включает в себя произведения литературы, искусства, философии, журналистики и т. д.

Квинтэссенцией русскости для эмигрантов была русская литература. В языке они видели основу единства народа. Язык рассматривался как инструмент, который нужно беречь и сохранять. Поэтому основные творческие усилия предпринимались переселенцами в области художественного слова. Хотя по числу литературных шедевров русский Белград не может сравниться с русским Парижем или Берлином, по числу кружков, объединений, изданий он уступал им незначительно. Нужно отметить, что из всех русских периодических изданий, выходящих в межвоенный период в Европе, как свидетельствуют библиографические данные, более 10% печаталось в Югославии. (Для сравнения отметим, что в Париже печата-

лось 25%, в Берлине – 13%, в Праге – 10% русской эмигрантской периодики). Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919–1952 гг. свидетельствует, что список мог насчитывать около 154 названий. По другим расчетам он достигал 200 наименований (Ђурић 1990: 242).

Русские эмигранты свои клубы по интересам называли кружками. Так, в Загребе еще с 1906 года действовал Русский кружок, основанный Ф. Лоточником и продолживший свое существование в 20-е годы. В 1922 г. в г. Нови Сад основан Русский национальный кружок под руководством Александры Розеншильд-Паулин, который перерос в отделение Русской Матицы. В этом же городе функционировал Русский кружок любителей искусства. В Белграде тогда же было основано Литературно-художественное общество, а под символическим названием «Гамаюн» в 1923 г. собрался литературный кружок, который спустя год опубликовал сборник русской поэзии «Гамаюн – птица вещая. Стихи». (Белград, 1924). В середине 20-х годов действовал литературный кружок имени М. Ю. Лермонтова, а также кружки «Новый Арзамас», «Литературная среда» и др. Союз русских писателей и журналистов Югославии насчитывал в тот период около 200 имен (Ђурић 1990: 242, 265).

Наряду с русской литературой, на культурную жизнь Сербии оказывали влияние многочисленные русские спектакли, художественные и литературные вечера, концерты, выступления в русских ресторанах и т. д. В середине 20-х годов в русской колонии отмечался всплеск театрального искусства. Среди нескольких русских драматических трупп особо выделялись две в Белграде. Театр русской драмы (Русскую драматическую студию) возглавила актриса Юлия Щацкая-Ракитина, другую труппу основал выходец из Риги А.П. Крепов.

Именно русские актеры сделали первые шаги в деле становления югославского кинематографа. В 1922 г. в Загребе бы-

ла основана актерская школа под руководством А. Верещагина и А. Базарова (Волк 1973). В культурной панораме русского Белграда видное место занимали балетные и музыкальные деятели. Например, в Белградской Опере дирижером и концертмейстером был композитор Владимир Нелидов, балерина Клавдия Исаченко занималась подготовкой кадров для Народного театра в Белграде, ставившего оперы и балеты. Ее позднее сменила Елена Полякова, балерина Императорского Мариинского театра. Оркестр Народного театра в Белграде главным образом состоял из русских музыкантов (Конради 1982).

Культурным, научным и общественно-политическим центром русских эмигрантов в Сербии стал Дом русских эмигрантов им. императора Николая II, открытый 9 апреля 1933 года. В нем разместились Русский научный институт, Русская народная библиотека, Музей императора Николая II, Музей русской конницы, Русско-сербская гимназия (мужская и женская), Русско-сербская школа, Канцелярия Государственной комиссии по делам русских беженцев. В доме располагались художественные ателье, спортивный зал, актовый зал на 750 мест (Лозо 1976: 26.01). После окончания Второй мировой войны и образования республики функции Дома русской культуры, который стал называться Домом Советской культуры (в настоящее время его опять называют «Русский дом»), существенно изменились – он превратился в центр пропаганды советской культуры, в место демонстрации советских фильмов, встреч деятелей советской культуры и общественности с югославской (чаще всего – сербской) общественностью.

Хотя основным объектом программы Русского культурного Комитета и соответственно названных выше центров образования и искусства, была русская культура, творческая деятельность страны, принявшей беженцев из России, также не осталась вне поля их зрения. Югославская общественность и сама не устранилась, а со-

действовала воплощению этой программы в жизнь: например, участвовала в финансировании многих мероприятий, в том числе строительства Дома русской культуры, лучшая профессура Белграда читала лекции в Русском научном институте. По желанию местные жители могли посещать лекции и практические занятия Русского музыкального общества, Художественной студии, Театральной школы, Научного института и т. д. Ознакомлению русских с сербским народным творчеством содействовала публикация в русском издательстве «Сборника сербских народных песен» (Козлитин 1992; Косик 1992).

Начало Второй мировой войны прервало всю организованную деятельность русских обществ, а точнее центров, в которых вместе с русскими сотрудничали и представители югославской (в основном сербской) науки и культуры. Часть русской эмиграции, главным образом офицерства, добровольно, а бывало, что и вынужденно, или под влиянием веры в то, что успех немецких войск в этой войне поможет сломить большевистский режим в России, выступила на стороне фашистов. В то же время многие русские вместе с югославами отстаивали свободу Югославии, участвовали в партизанском движении и других акциях, направленных на борьбу с фашизмом.

События, происшедшие в годы Второй мировой войны и последовавшая вскоре после ее завершения Резолюция Информбюро коммунистических и рабочих партий (1948 г.), в резкой форме заклеймившая руководство коммунистов Югославии и правительство этой страны, очень тяжело сказались на судьбе многих русских семей и довольно существенно изменили условия их жизни. Вполне естественно, что именно в Югославии, народы которой с беспримерной храбростью сражались с фашизмом, в стране, понесшей тогда огромные человеческие жертвы и экономические потери, эти события были восприняты очень остро. Они вызвали определенную напряженность в отношениях с русскими, в частности, появились

трудности с их устройством на работу, с получением югославского гражданства и т. д. Все это привело к массовому выезду, или даже высылке, русских отсюда – одни перебрались на запад, другие – на восток, на Родину. В результате этого, а отчасти и из-за старения русской популяции и, следовательно, естественной убыли, численность русских в Югославии, как мы уже писали выше, за пять лет – с 1948 по 1953 гг. уменьшилась на 7643 человек, т. е. более чем на треть (38%).

Немаловажную роль в жизни эмигрантов из России, подавляющее большинство которых были людьми верующими, играла Русская Православная Церковь, являвшая собой как бы островок покинутого Отечества. Судя по переписи населения ФНРЮ 1953 г., кстати, это была последняя перепись населения страны, в которой фиксировалось отношение к религии, атеистов среди русских Сербии было примерно 17%. Не затрагивая вопросов организации внутренней церковной жизни Русской Православной Церкви в Югославии, ее взаимоотношений с Русской Православной Церковью в России, отметим лишь, что, как и на Родине, здесь появились приходские общины, в случае необходимости прихожанам оказывалась материальная и моральная поддержка. По традиции русские монахи занимались благотворительностью в разных ее видах. Так, например, при женском монастыре Богородицы в Лесне (близ Хопово), основанном шестьюдесятью русскими монахинями (впоследствии часть их переселилась в монастырь Кувеждин) в начале 20-х годов, существовал приют для тридцати детей-сирот, где они жили и получали школьное образование (Дрљача 1993: 10, 37, 18; Козлитин 1992: 16).

Уже с первых лет жизни русских эмигрантов в Сербии в тех местах, где существовали более или менее крупные их колонии, начали строиться русские культовые сооружения (церкви, часовни), а если их не было, русские священники собирали свою паству в сербских храмах и там со-

вершали богослужение и отправляли другие действия.

В 1924 г. в Белграде по проекту В.В. Сташевского – он был военным инженером и архитектором – была воздвигнута церковь Св. Троицы. Им же на Новом городском кладбище Белграда, где был отведен участок под захоронение русских, в 1931 г. была построена часовня. Эта часовня, будучи копией разрушенной в 1929 г. в Москве Иверской часовни, как бы возродилась на чужбине и даже переняла ее наименование. Возведение церкви Св. Троицы в Белграде было знаменательным событием для всей русской диаспоры, так как она стала Кафедральным собором иерарха Русской православной зарубежной церкви, которым тогда был бывший митрополит Киевский и Галицкий Антоний. В этом храме в 1929 г. захоронен, согласно завещанию, прах генерала П.Н. Врангеля, скончавшегося в 1928 г. в Бельгии. Здесь же были собраны уцелевшие знамена и другие атрибуты царской армии России (Никифоров 1992: 33–37). Церковь Св. Троицы, или, как чаще всего называют ее в Сербии «Русская церковь», действует и в настоящее время.

С первых лет своего существования Белградская церковь стала одним из центров нравственно-духовной жизни русских в Сербии. Эту роль она продолжает играть и теперь. Совместные молитвы оказались не только актом веры, но и подтверждением преданности общей этно-культурной традиции. Церковь укрепляет историко-культурное единство благодаря ее приверженности общему для всех эмигрантов языку и традиционным ритуалам. В этом велика заслуга священнического рода Тарасьевых, который служит по сей день здесь с 1931 г. Первым представителем династии был о. Виталий Тарасьев. После его смерти (в 1974 г.) на смену пришел сын последнего о. Василий Тарасьев (1932 – 1996). Это был человек весьма эрудированный, знаток культуры русского зарубежья в Сербии и ее пропагандист, личность, щедро делившаяся своими знания-

ми и с сербами, и с русскими, в том числе и с автором этой статьи, человек, которого знали многие и о котором уважительно отзываются и русские, и сербы. Сейчас настоятелем Троицкого храма является представитель третьего поколения семьи о. Виталий. Русская церковь в Сербии находится в подчинении Московской патриархии. Отец Василий Тарасьев говорил: «Россия – одна, какой бы ни был в ней политический строй, как бы она официально ни называлась, и другой России у нас не будет».

Ранее отец Василий, теперь его сын, рукоположенный отец Виталий, а также энтузиасты из числа прихожан, организуют при церкви встречи всех желающих, в дни больших религиозных праздников и на именины отца Василия устраиваются совместные трапезы, а на Новый год – елки для детей. Во время этих встреч ее участники узнают что-то новое об истории и культуре своей исторической родины – России, а также русских, ставших жителями Сербии. При церкви существует небольшой музей, в коллекции которого немало ценных экспонатов. Тематика их в основном связана с военной историей Российского государства, здесь представлены полковые знамена, эмблемы полков, ордена, военная форма разных родов войск. Некоторые, по крупицам собранные реликвии относятся к периоду Второй мировой войны. Вызывает сожаление, что в связи с отсутствием помещений, исторические ценности этого музея выставлены на очень тесном пространстве, нет соответствующего хранилища для фондов и очень трудно обеспечить нормальные условия их профилактики и хранения.

Проблема адаптации любой иноэтничной группы к среде ее обитания является одной из ключевых в жизни переселенцев. Говоря об эмиграции русских первой волны в Сербию, необходимо еще раз отметить радушие, с которым они были приняты властями и местным населением. Тем не менее, значительная часть русских не стремилась войти в новое для них обще-

ство, хотя определенные, в основном соседские и производственные связи, нередко самые дружеские, были установлены.

Сербский ученый Душан Дрляча, размышляя над проблемой адаптации русских в Сербии, видит причины некоторой обособленности эмигрантов от сербов в наличии в менталитете этих двух народов целого ряда несовпадений. К ним он причисляет, например, большую приверженность русских религии; их тягу к литературе, живописи, музыке; преданность своему делу; большую эмансипированность русской женщины в семье и обществе, различия в статусе мужчин у этих двух народов и т. д. Видит он также некоторые различия в календарной и семейной обрядности у русских и сербов, в их отношении к вступлению в брак и т. д. В итоге ученый приходит к выводу даже о существовании феномена «закрытости русской общины» в Югославии, хотя и отмечает, что в маленьких городах, где жило мало русских семей или небольшое число одиноких эмигрантов, они быстро сливались с местным населением (Дрляча 1993: 2, 3, 4, 13).

Представляется, что можно выделить несколько общих причин, способствовавших тому, что беженцы из России в целом жили обособленно от сербского населения. Прежде всего, следует отметить достаточно либеральную политику югославского правительства и Сербской Православной Церкви по отношению к русским – их культура и религия не подавлялись и даже более того, они частично субсидировались. Кроме того, большую роль играли и факторы, обусловленные социальной структурой и взглядами самой русской эмиграции. Большинство русских считали, что в Югославии они – ненадолго, что большевистский режим в России скоро падет, и они смогут вернуться домой. Так что переселенцы рассматривали Югославию как своего рода перевалочную базу, где можно переждать смутное время, наступившее в России. Как и в других странах, русские эмигранты этой волны в Сербии, стойко веря в будущее возвраще-

ние на Родину, тщательно сохраняли и оберегали свой менталитет и культуру, сопротивлялись ассимиляции. Даже в относительно близкой по языку, вере и обычаям стране, каковой была Сербия, русские сохраняли чувство изолированности.

Были и такие, которые не верили в возможность быстрого свержения новой власти, не надеялись в ближайшем будущем попасть обратно в Россию, но они рассчитывали, пробыв какое-то время в Югославии, перебраться на жительство в другие страны Западной Европы, что многие из них и сделали. Такая установка на кратковременность пребывания в Югославии сразу же дистанцировала приезжих от местного населения.

Социальный состав переселенцев, среди которых, как мы уже писали выше, было немало представителей науки, культуры, офицерства, также выступал в роли разъединительного фактора, так как культурный и профессиональный уровень мигрантов из России первой волны в целом существенно отличался от аналогичных показателей югославского общества того времени, особенно жителей провинциальных городов.

Принцип расселения большинства русских беженцев колониями также способствовал их некоторой отгороженности от местного общества – в этих общинах была возможность совместного времяпровождения (ходили друг к другу в гости, устраивали любительские спектакли, создавали хоры, занимались в различных кружках, открывали библиотеки и т.д.), взаимной помощи (организация бесплатного лечения, дешевых или совсем бесплатных столовых и т. д.), общения на русском, или на привычном для лиц из так называемого «высшего света», французском языке. Немаловажное значение в том, что переселенцы из России и на Балканах продолжали функционировать, как бы, самостоятельно в иноэтничном окружении, имело то, что в их среде очень быстро стали создаваться и функционировать различные культурные и научные общества, учебные

заведения, службы быта, наладилась издательская деятельность для публикации литературы на родном языке, стала действовать Русская Православная Церковь.

Эмигранты прилагали специальные усилия для сохранения своего единства, в основе которого лежало чувство общности происхождения и ностальгическая мечта о возвращении в Россию. Это было ощущение единой судьбы, которая свела их вместе. Как и во всякой диаспоре, самым прочным консолидирующим моментом было нежелание отказаться от своего самосознания и надежда на возвращение к прошлому. Как отметил историк русского зарубежья Марк Раев, эта тоска по дому стояла за всеми попытками наладить взаимопомощь как среди членов какой-либо узкой группы, объединяемой по профессиональному, религиозному или политическому признакам, так и в целом в масштабах всего Русского зарубежья. Именно благодаря этим усилиям эмигрантам удалось создать и сохранить у расселившихся по всему свету людей чувство единства (Раев 1994: 61).

Нужно отметить, что русские эмигранты не стремились к натурализации на своей новой родине, считали это предательством по отношению к России. Они не предпринимали попыток получить новое гражданство, по крайней мере, до тех пор, пока жила надежда на возвращение домой. Когда же натурализация становилась необходимой, они испытывали мучения морального характера. Страх «денационализации», под которой имелась в виду ассимиляция, являлся характерной чертой Русского зарубежья того времени. В ряде случаев выходом могло стать принятие двойного гражданства. Например, в 1928 г. С. Палеолог советовал А.И. Кулябко (председателю русской колонии в г. Сремске Карловице) пройти югославскую натурализацию и считать ее формой двойного гражданства, что соответствовало существовавшему раньше в Империи правилу, когда с разрешения властей можно было принимать иностранное гражданство (ФП: box 026).

Задача сохранения идентичности, отечественного культурного наследия стала лейтмотивом деятельности русской эмиграции. Переселенцы стремились сберечь знание традиционной культуры. Они чествовали годовщины отдельных событий, организовывали празднование памятных дат и т. д. Повсеместно в Русском зарубежье отмечался День русской культуры, приуроченный ко дню рождения А. С. Пушкина. Личность и творчество этого поэта воспринимались в Русском зарубежье как символ отечественной культуры. Правда, определенные круги в Югославии предложили отмечать альтернативный День русского национального сознания 28 июля, в день св. Владимира, князя, крестившего Русь. Сторонники Дня русского национального сознания утверждали, что Пушкинский день задуман масонами, либералами и безбожниками. Несмотря на успешное проведение нескольких литературных праздников в Югославии и публикацию ряда коллективных сборников, призванных обозначить место св. Владимира в русской истории, День русского национального сознания так и не смог вытеснить традицию празднования Дня русской культуры (ФП-2; Раев 1994: 123). Придерживаясь разных политических взглядов, все эмигранты послереволюционной волны были едины в главном – в любви к России, которую они пронесли через всю свою жизнь. Поэтому этнокультурной ассимиляции русской элиты не произошло в столь близкой им по культуре среде, какой являлась Югославия. Здесь возник мощный центр русской культуры.

Характерно, что и позднее в тех семьях, где имело место некоторое сближение с окружающим сербским населением, например, под влиянием совместной работы, при установлении дружеских отношений, при обучении детей в сербских школах и даже при вступлении в смешанные браки, наряду с тем, что русскими от сербов перенимались некоторые элементы культуры, в русских домах сохранялась какая-то особая, как говорили наши ин-

форматоры, «русская атмосфера». Этот факт отмечают не только сербы, но и сами русские, жившие в Югославии. Е. Ж. Гильотен, прожившая в Сербии более тридцати лет, вспоминает: «Получая советское гражданство, я даже не думала, предаю ли я тем самым Сербию, которая приняла меня, в которой я нашла друзей. Хороших, настоящих друзей. С ее народом я переносила его беды и с ним делила свои радости. Между тем, пока я жила в Югославии, я сохранила все обычаи России (и это притом, что Е. Гильотен попала в Сербию еще девочкой и лишь короткое время жила вместе с отцом – автор). Мой дом был русский дом. Мы говорили по-русски, готовили русские кушанья, читали русские книги, а когда появилось радио, постоянно слушали Москву, Москву, в которой я родилась» (Гильотен 1991: 254).

Тем не менее, проходили годы и те русские, которые оставались в Сербии более или менее длительное время, несмотря на их стремление сохранить, по возможности, свой прежний образ жизни, что во многом им и удалось, воспринимали также какие-то элементы культуры и быта окружающего населения, которые стали близкими для них. Балканские традиции не забывались даже теми, кто впоследствии покинул Сербию. Проиллюстрируем это положение на таком, казалось бы частном, примере: один из учащихся 20-х годов Первой русско-сербской гимназии, принадлежавший к казачьему сословию, вспоминает, что на состоявшейся в США в 80-х годах XX в. встрече ее выпускников, на которую собралось из разных стран примерно 160 человек преклонного возраста, танцевали и лезгинку, и сербское коло (Первые: 53). И еще один пример: при сохранении в целом русской кухни, в нее здесь вводились и элементы сербской кулинарии, что отчасти определялось и составом продуктов питания, произрастающих или производимых в Сербии. В частности, это касалось молочных продуктов, мясных копченостей, спиртных напитков (водка из слив или винограда) и т.д.

Некоторому сближению или, во всяком случае, большей осведомленности русских о жизни сербского общества способствовала совместная трудовая деятельность русских и сербов, или работа русских в сербских семьях. Последнее особенно касалось русских женщин, устраивавшихся гувернантками к зажиточным сербам и тем самым зарабатывавших на жизнь себе и своим близким, если другие члены семьи не могли найти работу. Надо отметить, что оказавшись в Сербии, жизненный уровень населения которой был невысок по сравнению с другими европейскими странами, значительная часть русских беженцев испытала немалые трудности в поисках работы и сносного жилья. Многие из них не могли найти применения своим знаниям и им приходилось срочно переквалифицироваться, часто спускаться как бы на более низкую ступень социальной лестницы, при этом не все могли смириться с таким положением, кое-кто находил утешение в «рюмке». Тем же, кто оказался готов заниматься физическим трудом, были гарантированы равные права с местным населением при устройстве на работу (с 1924 г.). Достаточно легко находили работу русские специалисты, вливаясь в ряды местной технической и гуманитарной интеллигенции, профессуры, а также деятели искусства. Приток русского интеллектуального потенциала в страну, лишившуюся многого во время предшествующих этому событию военных действий, имел большое значение для ее развития. И лишь со второй половины 20-х годов, когда стало появляться все больше местных молодых специалистов, возможности трудоустройства русской интеллигенции несколько ограничились. В частности, медицинская практика, адвокатура и некоторые другие виды деятельности стали возможны только для лиц, принявших гражданство этой страны (Косик 1992: 22).

Незнание или плохое владение сербским языком, особенно в первые годы жизни на новом месте, явилось для беженцев из России существенной помехой для

объективного восприятия условий жизни и культуры той среды, в которую их забросила судьба. Такое положение объясняется, с одной стороны, нежеланием изучать язык окружающего населения (о причинах этого явления мы писали выше), а с другой – с трудностями его полноценного освоения русскими. Несмотря на то, что частично лексика обоих языков схожа и даже тождественна, русским, например, довольно сложно освоить тонкости произношения отдельных согласных букв сербского алфавита, правильную расстановку ударения – его называют тональным или музыкальным – нехарактерного для русского языка.

И все же десятилетия жизни в Югославии оказали влияние и на языковые процессы в среде беженцев из России. Тем не менее, например, по данным переписи 1953 г. около 80% эмигрантов из России были русскоязычными. При этом примерно 5% лиц, назвавших родным языком русский, высказали иную этническую принадлежность, в первую очередь к неславянским народам (к евреям, венграм, валахам, албанцам, осетинам, поволжским немцам). Из общего числа нерусских с родным русским языком лица неславянских национальностей составляли 38%, сербами считали себя 35% эмигрантов, хорватами 11,5%, неопределившихся югославов было среди них 5%. В несколько повышенном проценте иная этническая принадлежность по отношению к родному языку была характерна для женщин (55% и 45%). Для сравнения отметим, данные переписи населения 1961 г. показали, что 81,1% русских, живших тогда в Сербии, считали русский язык своим родным языком. По Югославии в целом этот показатель был несколько меньше и составлял 69,1%. Остальные русские – а это немногим менее 20% всех русских Сербии, чаще всего родным языком уже считали сербский (Demografski 1967: 93, 94, 97).

Стремление русских эмигрантов не раствориться среди сербского населения оказывало влияние и на их брачный вы-

бор. Большинство браков заключалось внутри русского эмигрантского общества, этнически-смешанные браки русских с местным населением были довольно редки, в них чаще всего вступали русские женщины, а не мужчины. Следует отметить, что влиятельные лица из сербского общества охотно женились на образованных и интеллигентных русских женщинах. В соответствии с принятым тогда в сербской городской среде образом жизни, жизнь этих женщин нередко ограничивалась лишь семейным кругом. Не забывая о своих традиционных обычаях, в частности о масленичных блинах, они соблюдали и новые обряды, например, связанные с праздником семейной Славы. Мы не располагаем данными для обобщающих выводов об этническом самоопределении детей из таких семей, однако известные нам отдельные случаи свидетельствуют, что чаще всего представители второго поколения относят себя к окружающему большинству, т. е. в таких случаях имеют место естественные ассимиляционные процессы.

В послевоенные годы вторая волна эмиграции из России, связанная с так называемыми перемещенными лицами, почти не коснулась Югославии, хотя отдельные случаи имели место. В основном на Балканах оседали люди из числа военнопленных или угнанных немцами в трудовые лагеря, а также женщины – военнослужащие, вступившие в брак с солдатами или офицерами – югославами. Эмигранты первой волны в свой круг их не принимали, также как и репрессивные меры югославских властей, обрушившиеся на русских после принятия Резолюции Информбюро, их практически не касались.

Картина жизни русских в Сербии была бы неполной без упоминания о тех россиянах, для которых причиной переезда в Сербию стал брак с местными жителями. Их миграцию мы относим к третьей волне и называем ее брачной. Семейные союзы граждан нашей страны – в основном это касается женщин – с гражданами Югосла-

вии стали возникать после восстановления отношений между нашими странами во второй половине 50-х годов XX века, и после разрешения в СССР браков с иностранцами. Но число сербско-русских семей особенно увеличилось в последние два десятилетия. Это связано с приездом на работу в Россию большого количества мужчин из Сербии, которые остаются здесь на более или менее длительный срок. Первые сербские фирмы, в основном строительные, возникали, например, в Москве, Казани, Осташкове и др. Поэтому нам известно, что в г. Осташкове было заключено несколько десятков браков между девушками-работницами местных предприятий и сербскими строителями-рабочими. Т.о. нередко в такие русско-сербские браки вступают люди одинакового образовательного и профессионального уровня. В крупных городах, где работает немало иностранных специалистов с высшим образованием, как правило, в брак с ними вступают русские женщины того же или более низкого профессионального уровня. Последние путем вступления в брак повышают свой социальный статус. Браки сельских жительниц с гражданами Сербии достаточно редки.

Не всегда легко складывались судьбы русских женщин, уехавших к своим мужьям в Сербию. Это объясняется рядом причин. В течение нескольких десятилетий в Югославии был очень высокий процент безработных и русским женщинам, большинство из которых сохранило советское, а затем российское гражданство, было тяжело трудоустроиться. Отягчающим обстоятельством при этом становилось и недостаточное знание ими сербского языка. Менталитет российских женщин, привыкших к социальной активности и не желающих замыкаться всецело на домашних обязанностях, часто отрицательно влиял на атмосферу семейной жизни. Незнание традиций и обычаев сербского народа также нередко приводило к неурядицам в семье. Так, например, в Сербии в семьях жителей провинциальных городов и не-

давних переселенцев из сел и сейчас еще бытуют патриархальные традиции. Сохраняется обычай, согласно которому решающее слово, пусть теперь и формально, принадлежит лицам старшего поколения; не забыты обычаи, по которым муж в присутствии посторонних лиц или других членов семьи не показывает своего истинного отношения к жене, своего расположения к ней. И если для сербских женщин это является нормой, они знают, что в действительности в семье важные вопросы решают те, кто приносит в нее деньги или что истинное отношение к жене не принято проявлять в присутствии кого-либо, то русские женщины подчас не могут с этим смириться. К сожалению, в наших ЗАГСах перед регистрацией брака с иностранными гражданами или в консульствах на местах никакая ознакомительная работа (типа страноведческой лекции или предоставления брошюры по истории и этнографии) с молодежью не проводится.

Вместе с тем в Сербии, в том числе и в Белграде, есть немало семей, особенно тех, где жены имеют высшее образование, в которых налажена нормальная жизнь и супруги с пониманием относятся к традициям и обычаям, как русского, так и сербского народов. Русские женщины из этнически-смешанных семей общаются в основном с родственниками мужа, семьями его друзей, соседями, коллегами по работе и с русскими женщинами, также вышедшими замуж за сербов. Характерно, что в целом представители русской эмиграции первой волны и их потомки не вступают в контакт с русскими женщинами, недавно переселившимися в Сербию, выйдя замуж за местных мужчин. При определении гражданства детей, рожденных в этнически-смешанных семьях, нет единообразия. По договоренности родителей ребенок может быть вписан в паспорт отца и тогда он становится гражданином Сербии (ранее Союзной Республики Югославии), или матери – тогда он автоматически становится гражданином той страны, гражданкой которой является его мать. Если же такое со-

гласие между супругами не достигнуто, то решающее слово принадлежит отцу и ребенок вписывается в его паспорт со всеми вытекающими отсюда последствиями, желание матери не учитывается. По достижении совершеннолетия право выбора гражданства принадлежит уже не родителям, а самому ребенку и нередко он выбирает гражданство той страны, в которой вырос, родным языком считает сербский язык, хотя обычно знает и русский. Все русские женщины, с которыми мы встречались, независимо от того, насколько счастливо сложилась их семейная жизнь в Сербии и независимо от их материального благополучия, говорили нам о том, как тяжело они переносят разлуку с родными и близкими, оставшимися в России, с привычным образом жизни, в общем со всем, что связано с их прошлой Родиной.

И в заключение хотелось бы подчеркнуть, что русские, вынужденно выехавшие из России и поселившиеся в Сербии в 20-х годах XX в., хотя их доля в населении Югославии, например, в 1948 г. составляла всего 0,1%, в населении Сербии – 0,2% (Конапни 1954: XV), внесли большой вклад в развитие экономики и культуры этой страны – в ее науку, технику, военное дело, педагогику, архитектуру, искусство. Жители Сербии этого не забыли, они и сейчас с благодарностью вспоминают о русской частице их истории, с гордостью говорят о русских, которых знали они или их родители, родственники, знакомые, уважительно отзываются о них. Очень образно и точно выразил это этнолог из Белграда Душан Дрляча: «По праву можно утверждать, что у каждого серба был или есть какой-нибудь “свой” русский, что большинство сербов знакомо хотя бы с несколькими русскими. Русские были и остаются неотъемлемой частью нашей жизни, воспоминаний, обязательной темой разговоров. Они оставили глубокий след в сербской среде, может быть, как раз потому, что они (несмотря на родство с нами) все-таки – иные, и так близки, и так далеки» (Дрляча 1993: 3–4).

Литература.

- Арсенев 1993 – Арсенев А. Руска интелегенција у Војводини – привредни, просветни и културни оквири делатности // Међународни симпозиум: Допринос рускеемиграције развоју српске културе XX века. Београд, 1993.
- Винавер 1965 – Винавер В. Југословенско-совјетски односи 1919–1929 // Историја ХХ века. Књ.7. Београд, 1965.
- Волк 1973 – Волк П. Сведочења // Хроника Југословенског филма 1896–1946. I део. Београд, 1973.
- Гильотен 1991 – Гильотен Е.Ж. Две Моје домовине. Горњи Милановац, 1991.
- Дрляча 1993 – Дрляча Д. Србы и рускије в Србији (взаимоотношение основного населения и национального меньшинства. Доклад на Международной конференции «Демократия и меньшинства в посттоталитарных государствах». Москва, 1993. (Рукопись).
- Дрляча 1996 – Дрляча Д. Прилог проучавању етничког идентитета русина и руса у Србији // Положај мањина у Савезној Републици Југославији. Београд, 1996. С. 723–729.
- Ђурић 1990 – Ђурић О. Руска литерарна Србија. Београд, 1990.
- Зарубежная 1924 – Зарубежная русская школа. 1920–1924. Париж, 1924.
- Ковалевский 1970 – Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека 1920–1970. Париж, 1970.
- Козлитин 1992 – Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Славяноведение. 1992. № 4.
- Конради 1982 – Конради Д. Русские эмигранты В музыкальной жизни Белграда // Новое русское слово. Нью-Йорк. 22.04.1982.
- Косик 1992 – Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. № 4.
- Косик 2000 – Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.
- Косик 2007 – Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда?: Очерки о русской эмиграции в Белграде (1920–1950-е годы). Ч. 1. М.: Институт славяноведения РАН, 2007.
- Лозо 1976 – Лозо С. Руска беломиграција у Југославији // Политика експрес. 1976. 13.01 – 20.02.

- Маевский 1966 – Маевский В. Русские в Югославии // Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк: Исторический кружок, 1966.
- Материалы 1931–1941 – Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып 1 (1920–1930). Вып 2. Часть 1 (1930–1940). Белград. Издательство Русского научного института в Белграде, 1931–1941. Переиздано: The Hague, Pflris, Monton-Slavistic Printings and Reprintings. Vol. 236, 1970.
- Међународни 1993 – Међународни Симпозиум: Допринос руске емиграције развоју српске културе XX века. Београд, 1993.
- Мирный 198... – Мирный А. Воспоминания кубанского казака, 5-го выпуска // Кубанец. Нью-Джерси, 198... № 2.
- Никифоров 1992 – Никифоров К.В. Русский Белград. К вопросу о деятельности русских архитекторов – эмигрантов // Славяноведение. М., 1992. № 4.
- Нова Европа 1922 – Нова Европа, кн. VI. № 3. Загреб. 11.11.1922. С. 238–243.
- Первые – Первые годы на чужбине // Кубанец. Журнал Кубанского казачьего союза. Нью-Джерси, б/г. № 2. С. 53.
- Попис 1992 – Попис становништва, домаћинства и станова у 1991 години. 91. Становништво. Национална припадност. Детална класификација. Београд, 1993.
- Попис 2002 – Попис становништва, домаћинства и станова у 2002 години. Књиге резултата пописа 2002. Књ. 1. Београд, 2002.
- Попис 2013 – Попис становништва, домаћинства и станова 2011 у Републици Србији. Становништво. Вероисповест, матерњи језик и национална припадност. Београд, Републички завод за статистику, 2013. http://pod2.stat.gov.rs/Objavljene_Publikacije/Popis2011/Knjiga4_Veroispovest.pdf.
- Раев 1994 – Раев М. Россия за рубежом. М., 1994.
- Руска 1994 – Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994.
- Русский 1925 – Русский экономический сборник // Пламя. Вып 2. Прага. Февр. 1925. С. 205.
- Статистическим 1987 – Статистическим справочник Югославии'87. Београд, 1987. С. 41.
- Танин 2009 – Танин С.Ю. Русский Белград. М.: Вече, 2009.
- Тесемников – Тесемников В.А. Из истории русской эмиграции в Югославии 1919–1929. (Рукопись).
- Тесемников 2008 – Тесемников В.А. Русский Белград, Москва, 2008.
- Тимофеев, Арсеньев 2009 – Тимофеев Ю.А., Арсеньев А.Б. Русские в Сербии: Взаимоотношения России и Сербии с конца 12 до начала 21 века. Русская эмиграция в Сербии. Россияне в Сербии – последних 60 лет и сегодня. Белград, 2009.
- ФП – Фонд Палеолога (Paleologue Papers).
- ФП-1 – Фонд Палеолога, Вох 17, file 32, part 2. «Доклад о расселении русских беженцев в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев».
- ФП-2 – Фонд Палеолога, Вох 029. Бюллетень № 11 Союза русских деятелей образования в Королевстве СХС.
- Часовой 1939 – Часовой. Орган связи Русского воинства и национального движения за рубежом. Брюссель. № 236–237. 05.06.1939.
- Шкаренков 1981 – Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1981.
- Demografski 1967 – Demografski razvitak nacionalnosti u SR Srbiji. Beograd, 1967.
- Konačni 1954 – Konačni rezultati popisa stanovništva od 15 marta 1948 godine. knj. IX. Stanovništvo po narodnosti. Beograd, 1954.
- Popis 1974 – Popis stanovništva i stanova 1971 g. Stanovništvo. Vitalna i migraciona obeležja. Knj.l. Beograd., 1974.
- Popis 1981 – Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u 1981. godini. Nacionalni sastav stanovništva po opštinama // Statistički bilten. Beograd, 1295. S. 8–17.
- Simpson 1939 – Simpson J. The Refugee Problem. Report of a Survey. L., N.Y., Toronto, 1939.
- Statistički 1983 – Statistički godišnjak Jugoslavije 1983. Beograd, 1983.

Глава 9

«Русский мир» в Австрии или «австрийцы русского происхождения»?¹

Введение

Русский мир в Австрии – что это такое? Формальное название объединения соотечественников или глубокий имперский концепт с геополитическим подтекстом? Вот как растолковывают это понятие на официальном информационном портале одноименного фонда:

«Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки. Это ещё и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее. Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологически неоднородного, мультикультурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России» («Идеология»). Дата обращения: 14.09.2017).

Вместе с тем В.А. Тишков небезосновательно считает, *«что более корректно говорить, что российский (а не русский) народ породил русский (а не российский) мир, хотя эмиграция из России и те, кто когда-то был частью России, имеют столь же многоэтническую природу, как и собственно российский народ»* (Тишков 2007). Дата обращения: 10.09.2017).

На первый взгляд, «русский мир» – это вполне безобидный дискурс, направленный на сохранение и популяризацию русского языка и культуры среди всех заинтересованных. Но в связи с политическими событиями 2014 года в отношениях Украины и России этот концепт приобрёл дво-

якое значение и стал триггером для околополитических дискуссий.

Среди информантов, принявших участие в нашем исследовании, проведенном в Австрии в 2016–2017 гг., выявились разногласия относительно истинного значения «Русского мира». Как правило, среди выходцев из Украины это понятие воспринималось в сугубо политическом контексте:

«Сейчас это империалистический жуупел. [...] Сейчас это имперский проект. Это политическая претензия современного руководства на части территории, которые находятся за пределами российского государства, но в их разумении принадлежат России» (ПМА Сергей).

«Я считаю, что то отношение к русскому миру, которое сейчас формируется, находится под влиянием политики, что неправильно. Русский мир – люди, говорящие на русском языке. Все равно говорят: «русская душа», вот эти славянские корни. Менталитет, язык, культура. Я себя тоже причисляю» (ПМА Наташа).

Выходцы из России воспринимали «русский мир» схоже с вышеприведенным толкованием фонда: «русскоговорящие люди», «сообщество соотечественников за рубежом», «землячество, поддержание языковых и культурных традиций» (ПМА 2017). В основном, он воспринимался нейтрально и даже с ностальгией: *«Русский мир – это диван, чай и папиросы»* (ПМА Andy Vandy). Спецификой же «русского мира» в Австрии было то, что многие вообще сомневались в самом факте его существования, утверждая, что диаспора шаткая и разобщенная. Некоторые были уверены, что его вовсе не существует, другие считали, что он есть и играет большую роль для прибывших в Австрию русскоязычных мигрантов. И действительно, русскоязычное сообщество в Австрии, а точнее в Вене, очень разрозненно и не

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-00287–ОГН.

представлено в той степени, как оно представлено даже в соседней Германии. Нет явных геттоизированных поселений, подобных турецким, далеко не всем известен уже много лет существующий в Вене Российский центр науки и культуры. В отличие от турецкой и арабской диаспор принципы взаимопомощи и сплоченности не типичны для русскоязычного сообщества Австрии, а ведь принципы солидарности можно считать одним из отличительных признаков зарубежной диаспоры или «мира». Вот как последний пункт прокомментировал информант Антон:

«Будучи китайцем, евреем или даже украинцем, он бы сказал: «Ну, ты – свой, если ты мне подходишь, то я тебя возьму, помогу тебе, ну а дальше как-то сам». Для русских это не подходит, все наоборот. Это [взаимопомощь] может быть исключительно из-за человеческих отношений. Если они сложились – может быть, а вообще – нет, и не помогают. И даже совет не дадут. Только потому что я прошел через это, ты тоже пройди» (ПМА Антон).

Число россиян (до сих пор являющимися гражданами Российской Федерации) в Австрии увеличилось за десять лет вдвое (от 14 204 до 32 018 человек) («Bevölkerung zu Jahresbeginn...») 2017. Дата обращения: 24.08.2017). Тем не менее, до сих пор нет стабильного сообщества или диаспоры, а во многом имеет место даже разобщенность соотечественников. Так что же представляют из себя русские и русскоязычные в Австрии сегодня – традиционную диаспору или общность, связанную только номинально – происхождением и языком? Какова этническая и национальная идентичность наших эмигрантов в Австрии – стране с исторически сложившимися принципами мультикультурализма?

Методы исследования

Для проведения исследования в качестве основных были выбраны классические методы этнографии, такие как: вклю-

ченное наблюдение на мероприятиях, проводимых для русскоязычных жителей Австрии в Вене, изучение русскоязычных СМИ и расширенные интервью-беседы с элементами рефлексивно-диадного интервью (антрополог также активно участвует в процессе, рассказывая о себе, обмен историй) в количестве 9. Помимо этого было проведено онлайн-анкетирование, в котором присутствовали вопросы как закрытого, так и открытого типа. На него дали ответы 23 человека. Респондентами являлись совершеннолетние русскоязычные эмигранты (из России и бывших стран СНГ), которые прожили в Австрии как минимум год, то есть уже оправившись от культурного шока и «переросли» статус туристов.

Инновационным методом стала для меня полевая работа в социальных сетях, которой стоит уделить особое внимание. Она представляет собой удобный метод сбора информации, который может даже претендовать на репрезентативность. Контент- и нарратив-анализ постов в социальных сетях можно условно приписать к односторонней интерпретации. Этот метод удобен тем, что оставляет за кадром исследователя, который не может своим присутствием повлиять на публикуемую информацию. Однако, если исследователь выходит из тени и взаимодействует с пользователями социальных сетей (при задании открытого вопроса или просьбе заполнить анкету), то он рискует вдвойне по сравнению с прежним, анонимным, статусом. Во-первых, информанты сразу начинают применять на практике теорию игр и реагируют на вопросы тем, что социолог Эрвинг Гоффман назвал «раскрывающим ходом», то есть отвечают на действие исследователя, исходя из своих домыслов об истинной цели ученого, завязавшего всю эту игру. Таким образом, ответ может быть неискренним и даже намеренно заискивающим или, наоборот, провокационным. В интерактивном пространстве риск получить именно такой ответ оказывается намного больше, поскольку информант судит об исследователе по не-

вербальным данным: его фотографии, образу текстовой речи и профайлу в социальных сетях, которые часто наводят людей на ложные подозрения в мошенничестве, неискренности и даже шпионаже. Я сама вначале столкнулась с агрессивной реакцией на размещенную мною в социальной сети *Facebook* анкету под названием ««Русский мир» в современном мире». Только одно это название вызывало у людей бурю негодования, и на меня тут же обрушилось то, что в современной блогосфере называется *shitstorm* (волна негативных и обидных высказываний). Некоторые начали сомневаться в моей компетенции, некоторые принимали меня за кремлевскую шпионку. Сами вопросы вызывали меньше возмущения, но, на мой взгляд, раздражителем стало именно наличие понятия «русский мир» в анкете. После переименования анкеты в «Русскоязычная диаспора в Австрии» ажиотаж немного стих, хотя по сути «мир» и «диаспора» в этнологическом контексте обозначают одно и то же. К откровенно негативным комментариям добавились «патриотические», которые, наоборот, защищали понятие «Русский мир» и само исследование. Спустя некоторое время я поняла, что столь эмоциональная реакция оказалась мне на руку, ведь именно она раскрывала глубинные разногласия внутри диаспоры и сама стала интересным методом получения информации. Я назвала его «провокационной этнографией»: когда антрополог намеренно задает провокационные вопросы или формулирует провокационные утверждения в постах для получения искренней реакции от пользователей. Благодаря столь бурному обсуждению, мне и пришлось в голову подробнее изучить нестабильную и столь полярную идентичность русскоязычных мигрантов в Австрии.

Австрия как принимающая страна

Перед тем как заниматься деконструкцией идентичности русскоязычных, необходимо обратить внимание на саму страну

эмиграции – Австрийскую республику. Является ли она благоприятной почвой для развития этнокультурных диаспор в принципе?

Известно, что миграция является переменной для всех участников процесса – как для эмигрантов, так и для принимающей стороны. Австрийцы до сих пор гордятся своей исторически сложившейся мультикультурностью Австро-Венгерской империи и приводят ее в пример сегодня в ответ на тенденцию консолидации национальной идентичности в Европе. В XX веке Австрия являлась одной из активно принимающих стран Запада. На 1956–1957 гг. пришла волна венгерской иммиграции, в 1968 – приезжали чехи, в 1981–1982 – поляки. Были и люди из Советского Союза (Scherzova 2001). Как известно, Австрия во второй половине двадцатого века являлась транзитной страной для мигрантов из Восточной Европы. На 2016 г. около 22% населения Австрии составляли люди с так называемым «миграционным фоном» (*Migrationshintergrund*). Из них 75% приходится на мигрантов первого поколения, то есть тех, кто родился в другой стране и переехал жить в Австрию. Остальные 25% – соответственно мигранты второго поколения – те, кто родился в Австрии, но чьи родители эмигрировали из-за границы («*Bevölkerung mit Migrationshintergrund im Überblick*» 2017. Дата обращения: 01.09.2017). Показатель растет с 2008 года, когда люди с миграционным фоном составляли 17,4% населения («*Bevölkerung mit Migrationshintergrund seit 2008*» 2017. Дата обращения: 01.09.2017). С ростом мигрантов наблюдается усиление общей озабоченности австрийцами «проблемой». Но, в первую очередь, амбивалентность чувств и расхождение в позициях направлено на беженцев. Однако часто настроения, как приветственные, так и настороженные, проецируются на всех мигрантов, что, естественно, не могло не отразиться на открытости и готовности к интеграции переехавших. Усилившиеся миграции провоцируют в австрийцах консолидацию двух

противоположных идентичностей – национальной и наднациональной, или космополитичной. Об этом я подробно пишу в своих предыдущих статьях (Холлер 2016, Холлер 2017). Таким образом мигранты и миграционные тенденции всех калибров стали объектами пристального внимания общественности, СМИ и политики. Интересно, что русскоговорящие опрошенные в большинстве относятся к беженцам «настороженно» или «отрицательно»:

«С одной стороны – жалко, с другой – страшно» [ПМА Елизавета].

«Мне не нравятся нахлебники. Если они бегут от катастрофы, от войны, то конечно, мы все люди, должны друг другу помогать. Протяни руку ближнему. Но мне не нравятся люди, которые пользуются этой ситуацией, а таких, к сожалению, много» (ПМА Ирина).

Прослеживается тенденция восприятия беженцев русскоговорящими в качестве «других» мигрантов, в качестве конкурентов, которым все «слишком легко дается». Общую суть прекрасно выразил в своем отношении следующий информант:

«Если это беженцы, которые правда спасались от угрозы их жизни, тогда это нормально. Если это люди, которые приехали получить новые возможности, то они должны подчиняться общим иммиграционным правилам. Как для всех иностранцев. Не может быть так, чтобы ты приехал из какой-то страны, назвал себя беженцем, и поэтому тебе проще. [...] Беженцы имеют больше прав и возможностей, чем человек, который приехал сюда добровольно как иммигрант» (ПМА Антон).

Это ощущение несправедливого отношения подпитывает одна из самых главных сложностей, с которыми сталкиваются наши соотечественники в Австрии: бюрократия и проволочки с документами. Именно недружелюбный настрой чиновников и бюрократию многие считали самой главной проблемой на пути благополучной интеграции: «Я столкнулась с проблемой на начальном этапе, когда в маги-

страте девушки отказывались говорить на английском языке, хотя я точно знала, что они говорят, и делают вид что не понимают» (ПМА Дарья). В этом и кроется чувство негодования по поводу несправедливой селекции в бюрократическом подходе к мигрантам. Очевидно также, что русскоязычные, проживающие в Австрии, считают себя хорошо интегрированными в общество, поскольку, большинство видит основную социальную проблему в стране именно в мигрантах и беженцах. В этом смысле русскоязычные так же, как и местные жители, подверглись влиянию феномена моральной паники, то есть общественным стереотипам, которые предполагают угрозу существования устоявшегося общества. Сегодня в Австрии я бы выделила два вида моральной паники, вызванных, с одной стороны, потоками беженцев, а с другой – утверждением правых партий на политической арене. Русскоязычные озабочены и тем, и другим, но беженцами в большей степени. Это условное отделение себя от остальных переселенцев не могло не сказаться на этнокультурной идентичности русскоязычных в Австрии, которые, все же, причисляют себя к более элитарному слою мигрантов. Дело в том, что сейчас все больше стираются границы между вынужденной и добровольной миграцией. И речь идет не только о беженцах из Сирии и других арабских стран. Даже среди русскоязычных мигрантов есть представители обоих течений. Именно это и усложняет вычленение конкретной идентичности. Среди моих респондентов был только один вынужденный мигрант, который бежал от Советского режима в 1975 году. На сегодняшний день вынужденными мигрантами из России являются, в основном, чеченцы. Для них Австрия является одной из целевых стран миграции. По предварительным оценкам в стране проживает около 30 000 чеченцев (Jäger, Kreid, Reibenwein 2016). Касательно чеченцев с уверенностью можно сказать, что в Австрии они образуют диаспору в ее традиционном понимании.

Причины эмиграции

В основном, русскоговорящие мигранты являются представителями так называемой *lifestyle migration* – то есть обеспеченными гражданами, покинувшими Родину в поисках лучшей жизни, под которой подразумеваются экология, жилищные условия, работа, учеба и т.д.

«Мне здесь нравится по образу жизни, эстетически, приятнее ходить по улицам, приятнее дышать воздухом, климат, логистика, меньше стресса, что самое главное» (ПМА Антон);

«Здесь я ощущаю себя более комфортно: мне нравится, что здесь все по полочкам, размеренность, стабильность. В России все не для людей и большой разрыв. Если у тебя есть деньги – ты можешь себе многое позволить, если нет денег – то ты на дне и шансов мало и защиты нет. Я здесь в своей тарелке» (ПМА Ирина).

По данным доклада Комитета Гражданских Инициатив (КГИ) россияне приводят в пример две главные причины потенциального переезда за границу «Лучшие условия жизни, обустроенность быта за рубежом» и «Нестабильная экономическая ситуация в России» (об этом заявили 42% и 41% респондентов соответственно). Эксперты КГИ снова подчеркивают, что «наиболее высокими миграционными установками обладают российская молодежь и лица, имеющие высокий уровень образования и квалификации» (Карасюк 2016 б. Дата обращения: 04.09.2017). Именно они сегодня относятся к представителям *lifestyle migration* в Австрии, ведь 28 информантов из 32 имеют как минимум высшее образование. У таких мигрантов наблюдалась противоречивая позиция по поводу самоопределения и отношения к австрийскому обществу. Примечательно, что идентифицировали они себя, как правило, сразу очень четко, говоря, что считают себя русскими/украинцами/австрийцами. Однако складывалось впечатлительное размытое впечатление интеграции в общество и неопределенности относительно своего

места в нем. Они обусловлены очень многими факторами как со стороны мигрантов, так и со стороны принимающей страны. Попробуем разобраться в них, и тогда, может быть, сможем обозначить и место русскоязычной диаспоры в Австрии.

Существует «*push-pull*» модель эмиграции Эвереста Ли. Первый фактор «*push*» – все, что отталкивает тебя от своей страны и вынуждает покинуть ее, второй «*pull*» – привлекающие в другой стране («Top 3 Theories of Migration». Дата обращения: 27.08.2017). Респонденты давали самые разные ответы на вопросы о причинах их переезда. Но вот какую тенденцию можно наблюдать: типичные «*push*»-факторы – это нестабильная экономическая, социальная и политическая обстановка в родной стране:

«Социальная незащищенность, отсутствие законов, мракобесие, падение уровня образования и сопутствующие. И невозможность уехать из Москвы сохранив уровень жизни, а Москва все меньше (для меня) места для жизни» (ПМА: Anna).

Среди популярных «*pull*»-факторов можно выделить работу, благоприятные условия жизни, экологию, учебу, а также – самый популярный – любовные отношения. Как правило, это русскоговорящие девушки, которые вышли замуж за австрийцев. Эта модель Эвереста Ли во многом обосновывает одну из миграционных теорий – теорию сегментной ассимиляции. Ее разработчиками стали А. Портес, Р. Румбо и М. Чжоу (Костенко 2014: 67). Эта концепция пришла на смену традиционным теориям ассимиляции Парка и Гордона, согласно которым все мигранты проходят одинаковые стадии ассимиляции и адаптации. Сегментная ассимиляция предполагает, что все зависит от премиграционного статуса переселенца, то есть его происхождения, а также социального положения. И, как мы видим по ответам респондентов, русские, а порой и русскоязычные, причисляют себя не к общему сегменту «мигранты в Австрии», а к осо-

бому, со своими особыми связями, проблемами и ценностями. На Западе до недавнего времени самой популярной теорией миграции была теория мультикультурализма, которая выступает за культурно-этнический плюрализм без ассимиляции. Однако последние пару лет у этого подхода появилось очень много критиков.

Идентичность *Bottom up*

Популярный британский экономист Пол Коллер в своей книге «Исход» развенчивает миф об универсальной применимости политики мультикультурализма, говоря о том, что социальная исключенность не способствует становлению единой идентичности, а политика мультикультурализма тормозит интеграцию. Ссылаясь на другого специалиста в области изучения миграции, Роберта Патнама, Коллиер утверждает, что мигранты при мультикультурной политике склонны к налаживанию объединяющих связей (внутригрупповых), нежели связующих (межгрупповых), а также, что эти связи куда более проще создать в маленьких группах, чем в больших (Collier 2014: 115). Эти два фактора, действительно, наблюдаются в русскоязычной диаспоре. Объединяющие связи, однако, в сегодняшней Австрии строятся все больше на интерактивной платформе. Здесь обратимся к весьма рациональной и актуальной теории транснационализма, разработанное Ниной Глик Шиллер и Рандольфом Борном. Понятие **транснационализм** дискредитирует значимость границ, государств и национальностей. Оно подразумевает адаптацию мигрантов на институциональном уровне, но сохранение культурных и этнических связей на интерактивном (Костенко 2014: 70–71). Сегодня, благодаря интернету и средствам коммуникации можно поддерживать контакт с родной страной 24 часа в сутки и активно участвовать в ее общественной жизни. Теория транснационализма считается одной из самых новых теорий миграции и заслуживает пристального внимания. Транснационализм про-

цветает не только за счет интерактивной составляющей связей, но и благодаря развитию путей сообщения. В Австрии проживает немало семей, где мужчины, являясь основными кормильцами, постоянно живут на родине и приезжают к своим родным на выходных. Эти новые формы брачного поселения набирают все большую популярность, особенно среди семей, проживающих в Вене. Таким образом вместо традиционных диаспор теперь образуются транснациональные сообщества.

Гипотеза транснационализма подтолкнула меня к выводу, что следующей ступенью транснационализма становится локальный **транснационализм**, который на интерактивном уровне объединяет уже не всех русских или русскоязычных в разных странах, но русскоязычных мигрантов в Австрии, или даже в конкретном городе. Они разделяют еще более специфические и узкие ценности, проблемы и общий габитус. Транснационализм перерастает в локальный интерактивный транснационализм. Многие из респондентов признавались, что группы в социальных сетях, объединяющие русскоязычную диаспору («Русские в Вене», «Русскоязычные в Австрии», «Доска объявлений Австрия») являются их единственным и любимым способом контакта с соотечественниками: *«Я комментирую, посты [имеется в виду в русскоязычных группах в социальных сетях]. Потом знакомишься с человеком и понимаешь, что вас что-то объединяет. У меня общение все через интернет. У меня мало возможностей выходить в офлайн. Непонятно, где жизнь настоящая. Посиделки мне неинтересны»* (ПМА Дарья).

Пожалуй, самым главным фактором, оказывающим влияние на ту или иную степень проявления транснационализма, является знание языка. От этого по принципу домино возникают предпочтительные круги общения, СМИ, возможность устроиться на работу, а, следовательно, и степень интеграции и частота контактов с Родиной. Вот как описывает информационное пространство русских мигрантов в Германии политолог В. Мацкевич: «Сего-

дня, в эпоху массового телевидения и интернета с его социальными сетями, вы можете жить в иноязычной среде, по сути, оставаясь дома. Когда иммигрантам в Германии нужен язык, более сложный, чем для совершения покупок, быта или замкнутой профессиональной деятельности, они обращаются к СМИ на своем родном языке. Дети иммигрантов, конечно, куда больше интегрированы в общество, которое приняло их родителей, а вот сами родители – они часто ограничиваются довольно поверхностным знанием языка и остаются в поле медиавлияния своей бывшей родины» (Карасюк 2016а. Дата обращения 30.08.2017).

Идентичность top down

Естественно, существуют и другие возможности, поддерживать контакты с русскоязычной диаспорой в крупных городах. Консолидация «русского мира» происходит не только по принципу *bottom up* (то есть посредством отмеченных самоорганизованных виртуальных комьюнити в социальных сетях), но и по линии *top down*, то есть на институциональном уровне. Многих объединяет Русская православная церковь, а точнее, Кафедральный собор святого Николая в Вене. Как правило, опрошенные (больше половины) причисляют себя к православным, но при этом большинство (около 60%) утверждают, что для них их религиозная принадлежность не значима или мало значима. Они ходят на церковные мероприятия по большим православным праздникам, вроде Рождества и Пасхи или, чтобы «поставить свечи». Но встречались и те, у кого с Венской епархией складывались особые отношения:

«Мы в церковь ходили раньше здесь. Теперь нет. Потому что советская церковь была все КГБ-шная, вся прослежена, и инфильтрирована. Она должна была, по моему понятию, обновиться, но так как она не обновилась, я в эту церковь не хожу. Она заняла место партии и КГБ» (ПМА Andy Bandy).

Не думаю, что при переезде за границу у многих наблюдался спад религиозной активности, скорее наоборот, те, кто у себя на родине вообще не посещал церковь или посещал крайне редко, активизировались, переехав в Австрию. Этому тоже есть объяснение: возможно, это выражение потребности в тех самых «объединяющих» связях внутри группы или даже больше: потребности выделения себя и своей группы из среды местного населения, как это заметил Коллиер (Collier 2014: 109). По его наблюдениям такое же объяснение имеет феномен ношения паранджи женщинами из Бангладеш, которые живут в Великобритании. Стремясь отличаться от коренного населения, они прибегают к традициям, которые не свойственны их родной культуре в той степени, в какой они практикуются в диаспоре (Collier 2014: 109). Помимо функции объединения и отграничения, Русская православная церковь – это намного больше, чем просто приход. В Венской епархии на ее базе сформирован православный детский сад, хор, воскресная школа и православный семейный центр «Венские купола». На сайте центра говорится, что «основной целью центра “Венские купола” является духовно-нравственное воспитание и творческое развитие детей, подростков, и их родителей на основе православных семейных традиций... Здесь священнослужители, педагоги, воспитанники и их родители объединяются для совместного воцерковления семей, укрепления семейной нравственности и развития культурного и православного самосознания детей в западноевропейской среде» («Семейный центр “Венские купола”»). Дата обращения: 02.09.2017). Особенно привлекает внимание последняя фраза об укреплении культурного и православного самосознания, которую можно трактовать как поддержание национальной идентичности в западноевропейской, то есть в непривычной или даже чужой среде. Укреплять самосознание можно посредством многочисленных кружков и мастер-классов: по

рисованию и живописи, по кулинарному искусству, по рукоделию и народному творчеству. В центре также есть вокальный ансамбль духовной музыки для детей и молодежи и занятия по русскому языку и развитию речи («Семейный центр “Венские купола”»). Дата обращения: 02.09.2017). Как мы видим, центр предлагает искать факторы национального сплочения в православии, прикладном искусстве, музыке и языке. В принципе, этот набор, действительно, отражает представления русскоязычных мигрантов о сплачивающих факторах «русского мира»: самые популярные ответы в анкете были «язык, культура, религия» (ПМА). Функцию объединения русских и русскоязычных на институциональном уровне в Вене выполняет Российский центр науки и культуры. Круглый год там проводят мероприятия, посвященные календарным светским, церковным и народным праздникам, предлагают курсы изучения русского и немецкого языков. Для взрослых и детей организованы культурно-развивающие кружки и студии (хор, живопись, танцы, театральные и фольклорные коллективы). Центр позиционирует себя уже не только как площадку для встречи соотечественников, но и как проводник культурно-научных связей с Австрией, что-то вроде культурного посольства: «На протяжении десятилетий центр является одним из самых популярных мест встреч соотечественников, проживающих в Австрии, а также австрийцев, интересующихся культурой России и русским языком» («О центре», Дата обращения 29.08.2017). Коренные австрийцы, в основном, принимают участие в мероприятиях центра, если являются мужьями русскоязычных жен. В большинстве своем это изучение языка на базе центра и детские мероприятия (ПМА).

В качестве еще одного феномена, скрепляющего русскоязычную диаспору, хотелось бы отметить военно-патриотические мероприятия, которые набирают обороты последние несколько лет. Всем известен памятник советским войнам в

Вене на площади Шварценбергплатц. Он представляет из себя высокую стелу с бронзовой фигурой солдата на фоне триумфальной арки. Многие русские гордятся этим образцом монументального искусства и принимают его за символ уважения к России: «После того как я побывала возле памятника русскому солдату на 9 мая, я решила, что вообще проблем нет. Я не ожидала, что со стороны властей все так открыто, поддержка. Там хор был, песни военных лет» (ПМА Дарья). В День Победы в течение последних лет возле памятника проводится ставшая популярной акция «Бессмертный полк», которая собрала в 2017 году около 1000 участников («9 мая 2017». Дата обращения 29.08.2017).

Явным признаком существования какой-либо диаспоры являются собственные печатные органы. В Австрии самым известным и крупнейшим российским печатным СМИ является выпускаемый в Вене «Новый венский журнал». В нем можно найти много исторических статей, посвященных либо австрийским событиям, либо тем или иным связям России с Австрией, также журнал специализируется на освещении культурных событий и предоставлении практической информации. Самый первый разворот отражает актуальные австрийские новости. То, что издание распространяют даже в посольстве Российской Федерации, говорит о его лояльности к российским властям, однако, нужно сказать, что все новости преподносятся довольно нейтрально. Журнал также наполнен всяческими объявлениями разного рода услуг для русскоязычных, где основным рекламным посланием служит фраза «говорим по-русски». «Новый венский журнал», безусловно, является традиционным журналом диаспоры за рубежом, хотя никто из наших информантов его регулярно не покупает и не выписывает.

И Российский центр науки и культуры, и Православная епархия, и «Венские купола», и «Новый венский журнал» по сути предлагают нашим соотечественникам

«национальную идентичность в компактной форме». Эта форма сводится к несколько поверхностным, но ярким маркерам, и вполне устраивает многих русских и русскоязычных мигрантов.

Идентичность русскоязычных мигрантов

Процесс оформления национальной и этнической идентичности среди русскоязычных мигрантов происходит не так, как у их соотечественников на Родине. Дело в том, что сильно стираются границы между национальной и этнической идентичностью. Поскольку *«не все немцы [и соответственно австрийцы] отличают украинцев от русских»* (ПМА Сергей). «Мигранты воспринимаются принимающим обществом как гомогенные (культурно одинаковые) выходцы из определенной страны. С давних пор выходцы из России называются русскими, это прилагательное от названия страны и не более того» (Тишков 2007. Дата обращения: 08.09.2017). Действительно, в немецком языке существует прилагательное *«russisch»*, которое отвечает как за перевод термина «русский», так и за перевод понятия «российский». Однако с недавних пор появился неологизм *«rusländisch»*, который по идее должен соответствовать слову «российский», но его нет даже в крупнейших толковых словарях. Его можно найти в Википедии и нескольких научных трудах, посвященных российской тематике. Поэтому в обиходе понятие *«rusländisch»* не употребляется и все русское и российское для австрийцев сводится к *«russisch»*. Естественно, восприятие со стороны коренного населения очень сильно влияет на собственное восприятие, которое вслед за местным населением тоже склонно к упрощению. Кстати, именно утрату этнической актуальности В.А. Тишков считает одним из признаков «мира» или «диаспоры», а не просто сообщества эмигрантов. И действительно, до недавнего времени даже выходцы из Украины обозначали себя как русские: *«Раньше я никогда не ду-*

мала об этом. Всегда, когда меня раньше спрашивали за границей, вы откуда, я говорила, что я русская. Теперь я говорю, что я из Украины» (ПМА Наташа). Сегодня этническая принадлежность среди русскоязычных мигрантов становится все более актуальной. На идентичность также оказывает влияние знание языка, степень открытости и возраст иммигранта, семейное и рабочее окружение. В результате идентичность либо радикализуется и уплотняется, когда «объединяющие связи» переходят на еще более значимый уровень (национальная и языковая идентичность отходят на второй план, а на первый выходит этническая); или, наоборот, и национальная, и этническая идентичность теряют позиции и люди склоняются в сторону наднациональной (космополитичной) идентичности, пытаются наращивать «связующий» капитал, чтобы приблизиться к коренному населению. Тогда, избрав для себя вектор идентичности, индивид уже адаптирует свою жизнь в эмиграции. У одних происходит процесс «ментальной геттоизации». Назовем таких мигрантов «русские в Австрии». Как уже было сказано, русская диаспора образует не географические гетто, а ментальные. «Русский в Австрии» смотрит русскоязычные кабельные каналы, покупает продукты из русского магазина, которые зачастую не были им столь востребованы на Родине, плохо или неохотно говорит по-немецки и общается в основном с русскоязычными. Смеею предположить, что имеется и прямая корреляция между «ментальной геттоизацией» и посещением культурных мероприятий, которые проводятся «русским миром» на институциональном уровне. Существуют и «украинцы в Австрии», и «казахи в Австрии», которые осознанно не приписывают себя к «русскому миру», но говорят между собой на русском языке и, соответственно, впускают русских в свой круг «ментального гетто». Такие переехавшие чувствительно переносят связанную с эмиграцией потерю привычного круга общения, работы и даже статуса, по-

этому прибегают к усиленной этнической самоидентификации. Чаще всего потеря статуса и престижной работы взаимосвязаны. Многие вообще не работают или являются фрилансерами, у которых время от времени появляются подработки: преподавание, переводы, присмотр за детьми или, как отвечают многие мужчины, «небольшой бизнес», не уточняя какой. Налицо так называемая «уберизация» русскоязычных мигрантов, или самозанятость, которая также способствует размыванию социальной идентичности. Тем самым русскоязычные мигранты ставят себя в состояние лиминальности, что дает как креативный, так и опасный потенциал. По мнению опрошенных, в Австрии русскоязычные мигранты добиваются успехов в основном в культуре, бизнесе и программировании. Но самый большой рынок труда для наших иммигрантов создает сама миграция, вокруг которой многие и строят свой бизнес. Существует множество турфирм, которые работают в качестве принимающей стороны с потоками наших туристов, гидов-экскурсоводов и даже агентств, помогающих в обустройстве русскоязычных мигрантов в Австрии (начиная от оформления документов на вид на жительство, заканчивая переводами и поисками квартир). Кроме того, социальные сети являются негласной платформой по поиску работы и подработки. В *Facebook* размещены сотни объявлений с предложениями услуг в бьюти-сфере, ремонтно-транспортных работ, в работе по дому и присмотру за детьми и т.д. Подобные предложения пользуются большой популярностью, особенно у тех, кто слабо владеет немецким языком, но не только. Некоторые выбирают такой тип услуг из-за низкой цены, другие признаются, что просто больше доверяют «своим» [ПМА].

Второй тип русскоязычных мигрантов условно назовем «австрийцами русского происхождения». Как правило, они свободно владеют немецким, имеют немецкоязычных друзей, а если и общаются с русскоязычными, то, не выбирая их по нацио-

нальному или культурно-языковому признаку. Некоторые даже склонны избегать контактов с бывшими соотечественниками. Так один мой знакомый фотограф, приехавший из Москвы, принципиально не работает с русскоязычными, объясняя это его желанием как можно лучше ассимилироваться. Таких примеров можно найти немало. Национальная идентичность для таких иммигрантов или неважна, или вовсе сместилась в сторону австрийской, или приобрела табуированное значение: «*Я не националист, у меня нет ни австрийской, ни российской гордости. Это не мое. Я человек либеральный*» (ПМА Елизавета). Дело в том, что вопрос национальной и этнической идентичности приобретает в Австрии и Германии очень чувствительную окраску. Если само понятие национальная идентичность во многих странах, включая США, Францию, Китай и Скандинавские страны является вполне нейтральным, то в Германии и Великобритании оно стало атрибутом правых движений и превратилось в табу (Collier 2014: 23). То же можно сказать и про Австрию. Поствоенный и постколониальный комплексы не обошли ее стороной. Сегодня прилагательное «национальный» часто путается с «националистический». Именно поэтому многие австрийцы, а также и русскоязычные, хорошо интегрированные в общество, отказываются от каких-либо проявлений этнического самосознания и отдают предпочтение наднациональным формам идентичности.

Однако, судя по опросу, национальная идентичность для большинства русскоязычных мигрантов является значимым фактором. Как уже было сказано, национальная идентичность мигрантов за рубежом принимает примитивные, поверхностно-компактные формы. Австрийский политолог А.Ф. Райтерер склоняется к точке зрения, что этническая идентичность – это обобщенная социальная идентичность (Reiterer 1998: 226). Я уже выразила предположение, что именно отсутствие стабильной или привычной социальной идентичности (отсутствие стабильной работы и

потеря связей) мигранта в чужой стране подталкивает наших соотечественников к консолидации этнической и национальной и идентичности. Как и социальная идентичность, этническая идентичность проявляет себя прежде всего на групповом уровне, порой заменяя собой другие групповые идентичности. Показательным примером подмены социальной идентичности этнической стала недавно опубликованная в сети Декларация Оргкомитета Форума русскоязычных европейцев в Германии, которая говорит о том, что «Кремль пытается “приватизировать” русскую культуру, вещать от ее имени» (Декларация. Дата обращения 02.09.2017), агитируя голосовать на грядущих выборах Германии за ультраправую партию AfD. Сама же декларация призывает русскоязычных в Германии не делать этого: «Мы призываем наших бывших соотечественников отказать в поддержке на выборах AfD». Как в Германии, так и в Австрии, действительно, существует некоторое условное разделение ядерного электората на социальные слои, которые традиционно выбирают одну и ту же партию: фермеры и религиозные католики – христианско-демократические партии, рабочие – социалисты. Но здесь мы видим наглядный пример попытки объединить электорат по национальному признаку, причем с обеих сторон. Одни призывают всей группой, то есть всем русскоязычным сообществом, голосовать за, другие агитируют это же сообщество голосовать против, тем самым превращая этническую общность, состоящую из людей с совершенно разными бэкграундами, в социальную группу, которая будет традиционно голосовать за ту или иную партию.

Интеграция в австрийское общество

Доктор политических наук В. Малахов в своей книге «Интеграция мигрантов: концепции и практики» пишет о четырех уровнях интеграции мигрантов: в сфере рынка труда, в административно-правовой сфере, в системе социальной защиты и, наконец, в сфере культуры. Ученый пишет, что

«именно в культурной сфере накапливаются основные напряжения, связанные с разными представлениями об интеграции у принимающей стороны и у приезжих. Это использование родного языка в публичной сфере, публичная демонстрация культурной отличительности (дресс-код, строительство культовых зданий), а также сохранение паттернов поведения, связанных с традицией страны происхождения (от особенностей кухни до семейных отношений)» («Главы: Национальные контексты». Дата обращения 02.09.2017). Именно в этой сфере русскоязычные имеют большое преимущество по сравнению, например, с выходцами из Турции и беженцами из Сирии. Совпадение дресс-кода, паттернов семейных отношений и внешнего вида с австрийцами увеличивают их интеграционный потенциал или, по крайней мере, его видимость. А это значит, что и «связующий капитал» тоже становится больше. Как правило, респонденты так или иначе и на практике включены в австрийскую культуру. Большинство посещает различные мероприятия (концерты, выставки, театр) и любит полакомиться национальной кухней: *«я заметила, что от геолокации зависят твои вкусовые предпочтения. Когда я из Москвы сюда привозила какие-то вещи – красную икру например – она здесь не естся. То же самое: когда в Москву привожу какие-то вещи, то там это не вкусно, а здесь нормально. Например, вещи, приправленные уксусом. А из напитков – радлер [пиво с лимонадом]. Я пиво вообще никогда не пила, а здесь не только радлер, но и пиво люблю»* (ПМА Дарья). Уровень культурной интеграции русскоязычных очень высок, но часто лишь на символических началах. Помимо еды и посещения культурных мероприятий удачная интеграция зачастую проявляется и внешне: *«купила всей семье маечки с символикой [принтом] национальных костюмов. У меня браслет с крендельком и ленточкой в клеточку. Это не зазорно надеть, потому что ты видишь на улицах людей, которые к этому относятся очень положительно»* (ПМА Дарья); *«Я купила дирндл [женское национальное*

платье], официальный, дорогой. Теперь мне надо его по наследству передавать» (ПМА Наташа). Все эти попытки хотя бы условно соответствовать местному культурному коду, порой и преувеличивая значение тех или иных символов, объясняются теорией Лин Лофланд в ее книге «Мир чужаков», где урбанистка раскрывает образ чужаков в городской среде. В ней она касается и мигрантов, которые, как и другие «чужаки», чтобы не быть маргиналами и остаться незамеченными и принятыми обществом должны как минимум знать правила принятой культурной кодификации, обладать достаточной информацией об объекте или общественной ситуации, а также иметь определенным репертуаром поведенческих паттернов, который считается приемлемым в данном социуме (Lofland 1973: 96). Именно это и пытаются сделать русскоязычные мигранты в своих попытках приобщения к австрийской культуре и символическом потреблении «национальных товаров», дабы не прослыть чужаком и не выделиться из толпы, то есть в какой-то степени скрыть свою истинную идентичность, выдать себя за «своего». Есть и другие, которые намеренно выделяют себя из толпы и подчеркивают «чужую» природу их культурного кода, тем самым наращивая объединяющий внутригрупповой капитал. «К таким, в частности относятся некоторые группы мигрантов, которые носят национальную одежду (индийцы, турки, некоторые этнические группы из Африки). Среди русскоязычных тоже встречаются такие: они не носят национальных костюмов, но, например, могут громко разговаривать по-русски в толпе, наклеивать изображения российского флага на автомобили, или демонстративно носить меховые шубы, что австрийки и вообще европейки делают редко.

Заключение

Истинным показателем интеграции я все же считаю наличие австрийского круга общения. Информантов, которые имеют в большинстве своем австрийских друзей,

тоже оказалось немало. Именно их можно называть «австрийцами русского происхождения». Но даже они, тем не менее, причисляют себя к русской культуре, в основном, говоря о литературе и первом языке. Соответственно, можно сделать вывод о том, что именно языковая принадлежность является для наших соотечественников главным признаком культурной идентичности. Вот что говорит о своих русских корнях австрийка Елизавета, переехавшая в Вену в 1994 году в возрасте восьми лет:

«Мне нравится литература, язык. Первый язык – русский. Читаю классику. В австрийской кинематографии есть большие минусы по сравнению с русской. Вообще, в сфере культуры и искусства Россия очень могучая. И советские, и современные фильмы. Банальные русские сериалы намного лучше сняты, чем любой немецкий сериал. Детективы немецкие...любой русский актер играет лучше австрийского» (ПМА: Елизавета).

Согласно Колиеру приезжие легче обзаводятся объединяющим капиталом, чем местные (Collier 2014: 115). Но является ли общее происхождение и язык достаточным признаком для образования полноценной русскоязычной диаспоры? Проблемы заключаются именно в мультиэтничности русскоязычных и в современной ситуации в Украине. Действительно, на институциональном уровне *top down* предпринимаются попытки объединить русскоязычных мигрантов в Австрии на почве общей веры, истории и народной культуры. Но *bottom up* люди больше взаимодействуют только лишь на почве общего языка. Дело в том, что в Советское время эмигрантов из России можно было назвать идеологическими, которые, естественно, стремились к другой жизни, которая отличалась от жизни на Родине: *«В начале я ходил в иммигрантские клубы, читали запрещенную литературу. Но потом все то же самое: я все время новоиспеченным мигрантам должен был рассказывать: походи туда, возьми это, пойдём вместе. Я понял, что, если и дальше*

буду этим заниматься, никогда не выйду из этого выража. Это состояние иммиграции – все по-другому, ничего не понятно. Я хотел вырваться, не пережевывать все это» (ПМА: Andy Bandy). Сегодня русскоговорящие эмигранты – это преимущественно представители *lifestyle migration*. Некоторые из них, возможно и заинтересованы в том, чтобы полностью сохранить предшествующий образ жизни на новом месте, однако большинство хочет почувствовать себя в своей тарелке, то есть принятым обществом, поэтому прилагают большие усилия для интеграции. Ведь в этом и заключается принцип *lifestyle migration*. Тем не менее, у российских властей русские и русскоязычные за границей вызывают все больший интерес, который особенно вырос в последние два-три года. Россия и ее зарубежные институты, включая СМИ, действительно прилагают усилия, чтобы «приватизировать» русскую культуру и направлять «русский мир» в нужную сторону. Многие приветствуют подобную консолидацию, но у других, как мы видели из приведенной выше Декларации Оргкомитета Форума русскоязычных европейцев в Германии, эти процессы вызывают обратную реакцию и заставляют скрывать национальное самосознание или вовсе отказываться от него. Собственно, эти две противоположные тенденции – наднациональная идентичность и хорошая интегрированность наших соотечественников, с одной стороны, и консолидированное национальное самосознание под влиянием концепта «русский мир» *top down*, с другой, – объясняют сегодняшнюю неустойчивую и нестабильную позицию русскоязычного сообщества в Австрии. Динамику мобилизованной идентичности необходимо анализировать в ближайшие несколько лет. Сегодня можно говорить о переломном моменте среди русскоязычного сообщества, который может привести как к усилению и развитию «русского мира», так и к полному его распаду. Основываясь на результатах данного исследования, с уверенностью

можно сказать, что русский язык является самым мощным и влиятельным фактором сплочения русскоговорящих мигрантов в Австрии и за рубежом. Транснационализм, выраженный в интерактивном общении и приобщении к какой угодно субкультуре при помощи интернета, компенсирует остальные культурно-общественные потребности русскоязычных мигрантов. С одной стороны, большую актуальность приобретает концепт цифровой диаспоры (*digital diaspora*) который не имеет под собой геолокации, но имеет национальное или этническое начало. С другой стороны, интернет дает почву распространению суперразнообразия (*Super-diversity*) (Vertovec 2005. Дата обращения: 08.09.2017) – этот неологизм подразумевает под собой объемную диверсификацию и уход от клеймирования этнических общностей одним именем, так что разнообразие уже появляется внутри группы. То есть помимо двух вариантов развития: консолидации и распада – русскоязычное сообщество может пойти по третьему пути, где перейдет на совершенно другой уровень существования, но один фактор в любом случае останется нетронутым – это язык: «Русский мир – это люди, говорящие на русском языке» (ПМА Наташа).

Источники и материалы:

ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция в Австрии в 2016–2017 годах. Информанты: Анастасия, Анна, Антон, Антон 2, Валентина, Вера Зайцева, Дарья, Елизавета, Ирина, Ира, Ксения, Маргарита, Наталия, Наталья, Наталья 2, Наташа, Нюра, Петр, Санта, Сергей, Татьяна, Фернер, Чипполино, Andy Bandy, Anna, Arina, B, Bayer, Daria, Lira, Sasha.

Литература и Интернет-ресурсы:

«Bevölkerung mit Migrationshintergrund im Überblick» 2017 – Bevölkerung mit Migrationshintergrund im Überblick (Jahresdurchschnitt 2016) // Bevölkerungsstruktur // Statistik Austria, 22.03.2017 / https://www.statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/bevoelkerung/bevoelkerungsstruktur/bevoelkerung_nach_migrationshintergrund/033240.html

- «Bevölkerung mit Migrationshintergrund seit 2008» 2017 – Bevölkerung mit Migrationshintergrund seit 2008 // Bevölkerungsstruktur // Statistik Austria, 22.03.2017 / https://www.statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/bevoelkerung/bevoelkerungsstruktur/bevoelkerung_nach_migrationshintergrund/069443.html
- «Bevölkerung zu Jahresbeginn...» 2017 – Bevölkerung zu Jahresbeginn 2002–2017 nach zusammengefasster Staatsangehörigkeit – Österreich // Bevölkerungsstruktur // Statistik Austria, 23.05.2017 / http://www.statistik.at/web_de/statistiken/menschen_und_gesellschaft/bevoelkerung/bevoelkerungsstruktur/bevoelkerung_nach_staatsangehoerigkeit_geburtsland/022498.html
- Collier 2014 – Collier, P. Exodus. Warum wir Einwanderung neu regeln müssen [Exodus.Immigration and Multiculturalism in the 21st Century]. München: Siedler, 2014.
- Jäger Kreid Reibenwein 2016 – Jäger, M., Kreid, J., Reibenwein, M. Tschetschenen in Österreich: Die missglückte Integration // Kurrier. 28.11.2016. <https://kurrier.at/chronik/oesterreich/tschetschenen-in-oesterreich-die-missslueckte-integration/232.930.003>.
- Lofland 1973 – Lofland, L.H. A world of strangers. Order and Action in urban public Space. New York: Basic books, 1973.
- Reiterer 1998 – Reiterer, A.F. Soziale Identität. Ethnizität und soziale Wandel: zur Entwicklung einer anthropologischen Struktur. Europäische Hochschulschriften, Reihe XXII, Bd. 321. Frankfurt am Main: Peter Land Verlag, 1998.
- Scherzova 2001 – Scherzova, I. Migration und Integration der in Wien lebenden russisch- und ukrainischstämmigen Migranten. Дипломная работа Венского Университета, 2001.
- «Top 3 Theories of Migration» – Top 3 Theories of Migration // Sociology discussion / <http://www.sociologydiscussion.com/demography/migration-demography/top-3-theories-of-migration/3148>.
- Vertovec 2005 – Vertovec, S. Opinion: Superdiversity revealed. Born Abroad. BBC News, 20.09.2005 / http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/4266102.stm.
- «9 мая 2017» – 9 Мая 2017. Марш в Вене «Бессмертный полк» // Русская Австрия / <http://russianaustria.com/news/9-mai-2017-marsh-bessmertny-polk-vienna-russian-austria-09-05-2017>.
- «Главы: Национальные контексты» – Главы: Национальные контексты // Малахов В. Интеграция мигрантов: концепции и практики // Постнаука. 29.10.2015 / <https://postnauka.ru/longreads/54694>.
- Декларация – Декларация Оргкомитета Форума русскоязычных европейцев в Германии // Сноб // 01.09.2017 / https://snob.ru/profile/8356/blog/128534?utm_source=facebook&utm_medium=social&utm_campaign=targetings-Snob.ru&utm_content=instant#0_5__967_0.
- «Идеология» – Идеология // Фонд // Русский мир / <http://russkiymir.ru/fund>.
- Карасюк 2016а – Карасюк Е. «Людам тяжело тут жить». За что русские в Германии и Израиле поддерживают Путина? Феномен популярности российского президента у бывших соотечественников требует объяснений // Republic. 13.08.2016 / https://republic.ru/posts/71965?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=Republic&utm_content=instant#0_5__1124_0
- Карасюк 2016б – Карасюк Е. Эмиграция из России. Масштаб бедствия в четырех графиках. Из России уезжает все больше людей. Так ли это страшно? // Republic. 11.10.2016 / <https://republic.ru/posts/74696>.
- Костенко 2014 – Костенко В.В. Теории миграции: от ассимиляции к транснационализму // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17. №3(74) / https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/76/150539706169663314c828f1278fd83e58f94e9386/Kostenko_jssa.pdf.
- «О центре» – О центре // Российский центр науки и культуры в Вене / <http://russischeskulturinstitut.at/ru/o-centre>.
- «Семейный центр “Венские купола”» – Семейный центр «Венские купола» / <http://www.venskie-kupola.org>.
- Тишков 2007 – Тишков, В. Русский мир: смысл и стратегия // Стратегия России. № 7. Июль 2007 / http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035.
- Холлер 2016 – Холлер Е.В. Идентичность и трансформации: тренды, сложности, прогнозы // Вестник антропологии. 2016. №4 (36). С. 116–122.
- Холлер 2017 – Холлер Е.В. Функциональность стереотипа в процессе построения идентичности: австрийский кейс // Сибирские исторические исследования. № 1. 2017. С. 74–98. DOI: 10.17223/2312461X/15/6.

Глава 10

Русскоязычная Америка: идентичность и образ жизни

Диаспоры в США и среди них русскоязычная Америка¹ – активно исследуемая проблема в отечественной и зарубежной историографии² (Богина 1976, Пушкарева 1996, Нитобург 1999; Комарова 2002; Тишков 2002, Гапова 2004, Черногорцева 2008; Кудеярова 2003; Пронин 2000, Петров 1992; Govorchin 1993; Morris 1991). Несмотря на явную тенденцию к более широкой трактовке понятия диаспоры³, некоторые исследователи – к примеру, О.С.Зацепина и А.Е.Ручкин, давно изучающие выходцев из России, живущих в США, дают следующее определение – русская диаспора в Америке это «сеть общественных, культурных и образовательных учреждений, созданных выходцами из России в США в XX – XXI веке для оказания помощи новым мигрантам в правовой, социокультурной, профессиональной и политической адаптации к новой среде и в сохранении национальных традиций и обычаев» (Зацепина, Ручкин 2013: 290). Такие рамки ставят под вопрос трактовки идентичности и национальных традиций представителями русскоязычной Америки, не задействованных непосредственно в подобной сети учреждений, соответственно, возникает вопрос о самой применимости к ним термина диаспора. В своей статье я использую слова «русскоязычная Америка, сообщество, диаспора, община» взаимозаменяемо – для обозначения людей схожего, в данном случае, российского происхождения, которое ими осознается и

проявляется, в первую очередь, во владении русским языком (степень владения – другой вопрос) и, возможно, в других практиках, не обязательно институционализированных, но объединенных общей идеей воспроизводства элементов идентичности.

В качестве источников я использовала результаты собственного включенного наблюдения (более интенсивного в период с 1998 по 2003 гг., а также периодических поездок до настоящего времени), бесед и мини-интервью, анализ Интернет-сайтов и русскоязычных изданий, которых, по разным данным, в США в 2012 было не менее ста (Голстикова-Маккей 2012), а также материалы пилотажного опроса⁴ людей, проживающих в США и связывающих свое происхождение с Россией.

Одним из моих предположений является то, что разнообразие идентичностей, способов самоописания и оценок элементов жизни русскоязычной Америки позволяет говорить о наличии разного уровня общностей, коллективных и индивидуальных стратегий и интерпретаций – на уровне самосознания и в повседневных практиках. Отсутствие единства (в самопредставлении, и в способах адаптации) не означает пренебрежение корнями, связывающими с Россией. Иными словами, не обязательно искать в США единую русскоязычную (тем более, русскую) диаспору и именно так называть ее. Важно то, что воспроизводство языковой и этнокультурной идентичности или, во всяком случае, попытки воспроизводства ее в различных комбинациях – достаточно рас-

¹ Некоторые положения данной статьи – см.: (Остроух, Золотухина 2016).

² Анализ большого количества работ содержится в статье Евгения Пивоварова (на английском языке) (Pivovarov 2015).

³ Детальная дискуссия о современном состоянии изучения диаспор (и в том числе конфликтующих определений) и диаспоральности см.: Неприкосновенный Запас. № 3. март 2014.

⁴ «Пилотажный» в данном случае не означает первый в своем роде. В книге «Русский Бостон» (Комарова 2002) респонденты подробно отвечают на её вопросы, «заданные» текстами С. Довлатова.

пространены среди выходцев из СССР и России на сегодняшний день.

В США людей российского (и советского) происхождения насчитывается более трех миллионов (Belousova 2011). За последние четверть века количество владеющих русским языком выросло в четыре раза и достигло – по разным оценкам – от 800 тыс. до почти миллиона человек (Belousova 2011): теперь это восьмой по популярности язык в стране¹. Статистика относительно русских американцев затруднена, в том числе, потому что на английском языке «русский» и «российский» обозначается одним словом (неслучайно представители еврейской эмиграции говорят о себе: «ну вот, наконец евреи стали русскими»). Эта общность – потомки и представители нескольких, по мнению многих авторов, пяти, (но есть разночтения²: см. Ручкин 2016) волн эмиграции. «Волна – относительно большая (хотя критерии не определены) по численности масса людей, выехавшая на постоянное место жительства в другие страны в сравнительно краткие сроки в связи с радикальными изменениями (для них негативными), осознающая общность своей судьбы даже при отсутствии каких-либо организаций, сама считающая себя “волной”» (Семочкина 2014: 78). Они включают: преимущественно еврейскую, конца XIX – начала XX века (1880–1920³; послереволюционную («белую»), ее размер варьируется от 1, 5 до 2 млн человек (Азраэль, Брукофф, Школьников 5). Ее отличитель-

ная особенность – высокая степень сохранения русского языка и культуры в последующих поколениях, которую трудно объяснить лишь неверием в продолжительность большевистского режима в начале эмиграции. Следующая волна – перемещенные лица в результате Второй мировой войны (возможно, их численность достигла 500 тыс. (Belousova 2011)). Далее – еврейская эмиграция 1970-х – начала 1980-х годов, которая, по некоторым данным, составила полмиллиона евреев за период с 1967 по 1997 год. Трудно согласиться с автором в том, что основной характеристикой данной волны является неорганизованность и разобщенность (Orleck 2006: 136). Данные об адаптации в США содержатся, например, в отчете М. Поповского об итогах проведенного им в конце 1980-х годов социологического опроса. М. Поповский отмечал, что 60% опрошенных им эмигрантов читали американские книги, 71% – американские газеты, 87% смотрели американские фильмы. Однако только 40% опрошенных «хорошо чувствовали себя в обществе американцев». Лишь 30% детей школьного возраста «скольнибудь прилично» говорили, читали и писали по-русски (Огонек 1991: 27). Автор исследования (написанного преимущественно на основе русскоязычной периодической печати) культуры и интеллектуальной истории русскоязычной диаспоры в США этого периода, которая включала и потомков первых волн, (Антошин 2011) пишет следующее. В этот период на страницах газеты Русского Центра в Сан-Франциско подчёркивалось, что многие проблемы связаны с тем, что русским детям в семье зачастую не прививается любовь к Родине: «Если ребёнок не получает дома воспитания в русском национальном духе, иногда даже почти не слыша русской речи – когда брак смешанный, не имея в этом случае даже элементарного понятия о родине своего отца или матери... ребёнок быстро превращается в иностранца» (Антошин 2011: 4). В качестве выхода из положения газета «Русская жизнь» предлага-

¹ 3 миллиона человек называют себя Russians – по рождению, происхождению или этничности, дома преимущественно на русском говорит более 864 тыс человек в возрасте старше четырех лет – прирост на 391 процент в сравнении с 1980 (Census Bureau American Community Survey 2008 цит. по: Norton 2011).

² Так, автор книги о русской диаспоре, Людмила Исурина, выделяет всего три волны и считает, что сейчас в Америку приезжают единицы (Isurin 2011).

³ Вообще, первые русские путешественники появились в Аляске и Калифорнии в XVII веке.

ла эмигрантам направлять своих детей в Организацию российских юных разведчиков¹.

Самая многочисленная волна – постсоветская (конец 1980-х – начало 1990-х годов, по мнению некоторых ученых, продолжающаяся и по сей день), за счет которой русскоязычная община США практически удвоилась: это беженцы из бывших советских республик; еврейская эмиграция; профессионалы – так называемая «утечка мозгов»; лица, выигравшие грин-карту, наконец, те, кто ехал и едет получать образование. Огромное значение имеет то, то любой из них может вернуться. «Они создали свое российско-американское общество, которое объединяет ценности и традиции обеих культур. Самые многочисленные центры, где концентрируются обладатели российских (и советских) корней (надо отметить, что принимающая сторона нередко стремилась поселить вновь прибывающих не только в известных центрах миграции) – на восточном побережье (36%) – особенно в Нью-Йорке и Бостоне, и западном (26%, Средний запад – 17% и Юг – 21%) (Norton 2011). Другие города с большим количеством выходцев из России – Лос-Анжелес, Чикаго, Вашингтон, Сан Франциско, Кливлэнд, Хьюстон и т.д.

Вполне очевидно, что русскоязычная Америка – очень и очень разная – по мнению некоторых исследователей (Калинкин 2011: 11), в отличие от других крупных этнических групп США, она не организована и не имеет политической силы...но может быть сформирована как сетевая структура, в которой горизонтальные связи преобладают над вертикальными?». В то же время автор выдвигает предположение о *сохранении и непрерывном развитии* (курсив – мой) первоначальной идентич-

¹ Необходимо помнить, что к моменту возникновения этой «новой волны» миграции продолжали действовать такие организации, как Русское дворянское собрание, Конгресс русских американцев, образованный в начале 1970-х годов по инициативе Ричарда Никсона, и другие (Хисамутдинов 2010).

ности, несмотря на возможность появления новых форм самоидентификации в принимающей стране, сохранение этнокультурных границ. «Последняя или четвертая волна (я уже отмечала, что не все авторы выделяют пять волн – МЗ) особенно характерна для новейшей эмиграции из России. В основном, она представлена молодыми людьми, стремящимися к полной интеграции в американское общество с его капиталистическими ценностями и мало интересующимися судьбой своей исторической Родины». С 1992 по 2004 гг. в Америку переехало более 200 тыс. этнически русских. Автор связывает отсутствия единства в рядах русскоязычной диаспоры с отсутствием единой влиятельной политической структуры, объединяющей хотя бы часть русскоязычных граждан (правда есть Конгресс русских общин и Всемирный Конгресс русскоязычного еврейства). «Русскоязычная диаспора представляет собой некую совокупность организационно оформленных и неоформленных частей, находящихся в стадии становления» (Калинкин 2011: 25). Автор выделяет и так называемые «ячейки диаспоры», как хранители этнокультурного наследия. В каком-то смысле, споря со своим первоначальным утверждением о «полной интеграции» и недостаточном интересе к стране исхода, он, тем не менее, отмечает возникновение и укрепление двойной идентичности как отличительную характеристику русскоязычной Америки.

Вызывает вопросы и вывод некоторых исследователей (Соловьева, Ворокова 2016: 89) о том, что русскоязычное население в США отличается социальным единством. Русскоязычная диаспора в США имеет признаки социальной и национально-культурной общности, выраженные в наличии диаспоральных институтов, общин, ассоциаций и т.д., позволяющих рассматривать ее как однородное социальное целое. Интересно, что однородность видится авторам и в достаточной степени ассимилированности русскоязычного населения.

На мой взгляд, единственной (и то условной) обобщающей характеристикой

выходцев из России¹ является высокий уровень образования и доходов в сравнении с другими этнокультурными группами (Belousova 2011). Вообще же, среди русскоязычного населения США есть очевидные социальные, культурные, конфессиональные, этнические, политические² различия – к примеру, отношение к российскому прошлому и настоящему, восприятие американских реалий. В советское время иммигрантские регионы (Нью-Йорк, Флорида) считались очень политически консервативными, голосовали за республиканцев, за жесткую антисоветскую позицию, за низкие налоги для состоятельных людей (тех, кто добились успеха). Иные, кто долгое время продолжали жить за счет пособий и дотаций, оказывались в более сложном положении и скорее должны были бы голосовать за демократов. Еще одна значимая разделительная линия в сравнении с принимающей стороной – восприятие политкорректности (*«нередко*

¹ С другой стороны, Исурин в своем интервью Голосу России 2013 года считает возможным написать «портрет русского эмигранта» – «у типичного русского эмигранта еврейские корни, ему удобно жить в Америке, даже если он не хочет ассимилироваться в обществе. У большинства выходцев из России консервативные политические взгляды... Большинство из них любят Америку и обижены на Россию (или на Советский Союз. Они радуются плохим новостям из России)». Правда, она тут же уточняет, что это – первая группа – «те, кто живет в русском обществе». Ко второй группе можно отнести успешного профессионала, который смог ассимилироваться в обществе и живет своей «американской мечтой» в американском городе. Они свободно говорят по-английски, они не следят за новостями из России, они либеральных убеждений. Эти две группы объединяет нежелание возвращаться в Россию». (Исурин 11 января 2013).

² Эта тема получила особое освещение в американской прессе во время предвыборной кампании президента Трампа – см. к примеру (Khazan, Olga. Apr 12. 2016) Шутливые в весьма желчном варианте типажи русских приводит блоггер Анатолий Карлин (Karlin. June 11. 2012).

русским одна дискриминация “не нравится”, а другая – “вполне” (С., 21), *«втащили русский патриотизм и ненавидят негров, ... иммигрантов»* (О., 58)).

При всем разнообразии в русскоговорящем сообществе США известны организации с устоявшейся репутацией, призванные реализовывать культурно-просветительное движение, направленное на сохранение культурной и языковой идентичности иммигрантами из России и их потомками. Среди старейших культурных учреждений Русской Америки, продолжающих действовать в начале XXI века, – Общество имени А.С. Пушкина (в англоязычном варианте – некоммерческая корпорация The Pushkin Fund), основанное в середине 1930-х годов, Клуб русских писателей Нью-Йорка. В течение 20 лет его участники собирались на кафедре славянских языков Колумбийского университета благодаря поддержке и активному участию в работе клуба его куратора, профессора университета, русиста доктора Р. Белнапа. Центром литературно-художественной жизни Нью-Йорка стал Культурный центр эмигрантов из Советского Союза. В Русской Америке (еще один термин для обозначения русскоговорящего населения США) 1990-х – 2000-х годов сложилось культурное поле, объединяющее несколько поколений российской интеллигенции и создающее питательную среду для новых историко-культурных инициатив. Стали зарождаться литературные кружки и клубы, возникали общественные русские библиотеки. Это явление было следствием не только увеличения численности представителей интеллигенции в составе российской диаспоры, но и всплеском интереса к отечественной культуре во всем зарубежье, вызванным общественно-политическими событиями в России. Фактором возрождения литературного движения в русском зарубежье стал в этот период «книжный бум», охвативший все мировое русскоязычное пространство. Одним из символов русского литературного Нью-Йорка 1980-х гг. стал ресторан «Русский самовар» в Манхэттене (256 West 52 Str.),

который основали на паях искусствовед и переводчик Роман Аркадьевич Каплан и его друзья, оба – мировые знаменитости: поэт Иосиф Бродский и танцовщик Михаил Барышников. Литературная жизнь современной Русской Америки характеризуется развитой институциональной структурой и разнообразием форм (Воробьева 2012).

Нельзя не согласиться с выводом И.В. Пустовойта (Пустовойт 2015: 166) о том, что «...волнообразный и этнически-религиозно-разнородный характер эмиграции не позволяет представить развитие русского языка в США в виде континуума. Так, последняя волна постсоветской эмиграции породила вавилонское смешение культур, языков и обычаев самых различных этнических групп, которые, тем не менее, воспринимаются извне как единая русская диаспора. Так же, как и американский, этот русский «плавильный котел» оказывается при ближайшем рассмотрении «салатом», состоящим из многочисленных этнических и региональных ингредиентов. При всей сложности процессов национальной самоидентификации в условиях эмиграции, русский язык служит здесь *единственным объединяющим фактором* (курсив мой – МЗ). И язык этот заметно отличается от того, что принято считать нормативным» (известно, что американизированный русский язык – Runglish – сохранил русскую грамматику, но лексически во многом заимствован из американского английского, например, «Сдаю тубедрумный апартамент» (Бурвинова 2012).

Пустовойт считает, что рациональное объяснение внутренних предпочтений, как и любого эмоционального состояния, не имеет особого значения – с чем, вероятно, столкнулась и я во время пилотажного исследования для данной статьи (иногда вопросы казались респондентам новыми или даже неожиданными – «*никогда об этом не думала*»). По опыту автора (который, как можно предположить, имеет дело с так называемыми «херитажниками» – heritage speakers, то есть потомками русскоязыч-

ных семей), студенты предпочитают умалчивать о своей русскости, а семейные связи, знание языка, культуры и истории оказываются второстепенными при ассоциировании себя с Россией. В качестве одной из причин Пустовойт называет то, что семейное общение по-русски не обязательно гарантирует успех вне привычного круга общения, когда коммуникативные задачи приходится осуществлять нейтральными общедоступными средствами.

По мнению С.Я. Абдурашитовой, русскоговорящие в США – пример того, что языковая ситуация во многом зависит от языковой политики государства (Абдурашитова 2016: 47). Так, нередки случаи в Нью-Йорке на Брайтон-Бич (а это – тип антиассимилятивной языковой среды диаспоры, т.е. такой среды, которая сознательно поддерживает родной язык при помощи языковых школ и кружков, радио, прессы и телевидения на русском (Орехова 2003), когда подростки общаются между собой исключительно по-английски, а с родителями – на ломаном русском языке пополам с английскими словами. Считается, что поскольку поддержка родного/семейного/домашнего языка является частным делом каждого иммигранта, состояние русского языка в США показывает, каким образом язык теряется, когда не поддерживается институционально.

Уже упомянутый А.Б. Ручкин полагает, что русский язык соединяет, но не объединяет различные слои и видит отчетливое деление на русскую и русскоязычную общину. При этом автор в качестве предпочтительного использует термин «соотечественники». Однако, на мой взгляд, собственно представление об отечестве тоже является немаловажным дифференцирующим фактором. Высокая степень разнообразия среди лиц российского происхождения, судя по всему, отчасти объясняет тот факт, что среди них отсутствует и единый образ исторической родины. (Сорокина 2011).

Нельзя также забывать о том, что ряд этнокультурных групп в современных

США, исторически связанных с Россией, – мигранты со сложным этнокультурным происхождением. Так, по мнению ряда ученых (Юсупова, Набиуллина 2016), татары в Америке сохранили преемственность языка и культуры из поколения в поколение, татарский язык оказался ведущим при определении принадлежности к татарской нации¹. В зависимости от времени и траектории эмиграции татарское этнокультурное сознание в США дополняется или корректируется элементами советской, русской, территориальной (например, ташкентской или петербургской) или турецкой, тюркской и мусульманской идентичностей. Этничность американских татар сохранилась не потому, что была институционализована, закреплена в каких-либо официальных документах, а потому, что была выражением глубинной и относительно устойчивой идентичности – сердцевинной «Я» человека и важной составляющей его семейной и личной жизни. Все это говорит о том, что помимо инструменталистской этничность выполняет еще и экспрессивистскую функцию (Низамова 2008). И, конечно, один из самых известных примеров сложной идентичности – евреи США (Сидорова 2012).

Большинство из тридцати восьми согласившихся участвовать в моем пилотажном исследовании – женщины, в возрасте 40–55 лет², с высшим образованием (вклю-

¹ О других этнических группах, связанных с Россией, см., в том числе – (Борлакова 2009, Садыкова 2012).

² Собственно, одна анкета и предназначалась для людей, имеющих собственный опыт воспитания детей и передачи культуры и языка, другая же была ориентирована на людей более молодого возраста, возможно уже выросших в США или даже родившихся там. К сожалению, в процессе заполнения произошла некоторая путаница, и часть респондентов более старшего возраста заполняли анкету, ориентированную на молодых людей или тех, у кого пока нет опыта воспитания собственных детей. Однако в силу того, что я обрабатывала результаты частично «вручную», на данном этапе исследования, это хоть и оказалось препятствием, но преодолить

его не представляло. Выборка нерепрезентативна, и респонденты подбирались методом «снежного кома». Эти люди – так называемые профессионалы, занятые в образовательной среде, системные администраторы и т.д. По заявлениям других респондентов в интервью, социальная характеристика очень и очень важна для диаспоры – и проявляется, не в последнюю очередь, именно во владении языком и легком переходе на уже упоминавшийся Рунглиш³: *послайсьте мне хлеб, пожалуйста; зачем тебе брать этот автобус.*

Некоторых опрошенных я знаю лично – они живут в городе Анн Арбор (либо поблизости), в Нью-Йорке и окрестностях; несколько человек «разбросано» по стране. Срок пребывания в Америке, как правило, превышает 15–25 лет; но были и те, кто переехал совсем недавно. Потомков белой миграции не обнаружилось. Ответы разделились между не-причислением себя к какой-либо волне вообще (и таких не менее половины) и ассоциацией с постсоветской миграцией (респонденты выделили в ней период 1987–1995 гг.), включая и совсем недавнюю – (2015 и 2016 год), а также *профессиональную миграцию* как отдельную категорию.

Примечательно, что для ответа на вопрос о **мотивах** иммиграции в США чаще использовался английский (как будто это позволяет «легитимизировать» решение переехать с учетом языковых требований новой земли), текст на котором который я оставила без перевода⁴) включали и глобальные обобщения: *экономические и религиозные причины; голод и антисемитизм; еврейская эмиграция; интерес к другим культурам* и надежды на большую свободу и лучшее обустройство: *better opportunities (2); freedom; искали лучшей жизни (2) и работу (1); все надоело; ино-*

мым. Анкеты распространялись через гугл формы. Выборка не является репрезентативной и осуществлялась методом снежного кома.

³ Подробнее см.: (Найденова 2010).

⁴ На настоящий момент я не посчитала необходимым переводить и ответы на другие вопросы.

гда с невысокой долей уверенности, *we wanted to give it a try* или с юмором – за длинным долларом. Были упомянуты уже известные на момент переезда профессиональные перспективы: *I moved for a job opportunity by myself* (2) и следующее пояснение, что *родители не переехали; муж получил работу в университете; переехали из Израиля; нашел профессорскую позицию; post-doctoral research; job opportunity in the field of science; временный контракт стал постоянным*. Молодые респонденты упоминали родителей как причину переезда (*papa нашел работу в Мичиганском университете*). Те, кто ехал сам, давали весьма детальную оценку современного положения дел в России – *неуверенность в личной обеспеченности..., отсутствие гарантий частной собственности, стремительное ухудшение инвестиционного климата, негативный прогноз на будущее* (респондент – инвестор), *отсутствие профессиональных перспектив и стабильности при наличии возможности уехать; could not stand the post-Soviet society*. Наконец фигурировали и обстоятельства личного характера: *проблемы со здоровьем у ребенка; младший брат возраста призывной регистрации и возможность лучшей жизни; met a nice man and moved to the USA; переехала к мужу, коренному американцу или вышла замуж в аспирантуре* (3).

Есть и мини-истории, судя по тональности ответа, включающие внешние (*мама*), и внутренние (*влюбилась*) факторы и отсутствия изначальной заданности плана: *«Мама всю жизнь хотела в Америку, а мы с моим первым мужем только окончили институты в Москве и приехали сюда учиться в аспирантуру. Вначале собирались вернуться обратно. Потом родился ребенок, мы развелись. Я снова влюбилась...»*. Эта же респондентка считала нужным рассказать, и как сложилась ее жизнь дальше: *«Сначала 10 лет проработала на крупной фирме (опросы населения для Форда и др...) – главным методистом. Потом, после кризиса, у фирмы не*

нашлось для меня денег, больше, чем на три часа в неделю. Я от них ушла – и с тех пор воспитываю двух детей и веду хозяйство по возможности экономно. Занимаюсь всем понемногу – роспись по шелку – то, что я продаю, остальное – на добровольной основе: оказание психологической помощи знакомым (т. н. life coaching), разработка методик преподавания русского языка, литературы, математики в русской субботней школе, сочинительство, репетиторство – от случая к случаю с детьми друзей».

Наиболее подробным стал ответ респондента об антисемитизме, который завершался авторскими стихами:

Спасибки.
Спасибо партии всегда,
Что отпустила нас сюда.
Спасибо партии навеки,
Что мы живем как человеки.

.....
Спасибо моему ОВИРу,
Что разрешил продать квартиру.
Спасибо Первому отделу.
Что на меня завел он дело.

Когда в посольство я пришел,
И рассказал то дело.
Мне дали статус беженца.
И я поехал смело.

Не все респонденты регулярно размышляют об элементах своей **этнической и гражданской идентичности**, хотя, по их словам, *формы про этничность нужно заполнять постоянно, поэтому задумалась, когда стала гражданкой США*. Молодая женщина, приехавшая в Америку 13-летним подростком, утверждает, что думала об идентичности *всегда*, еще один респондент – *с детства*. Была указана и конкретная дата – 2014 г, и конкретные жизненные обстоятельства – *армия*. Значительная часть респондентов гордится своим происхождением, без специальных пояснений, тогда как отрицательный ответ на этот вопрос предполагал замечания: *считаю это бессмысленным, ни да ни нет, это не предмет гордости; не жалуюсь; и*

да, и нет – гордиться нужно тем, что сделал сам, не горжусь, но для меня это важно. Наконец был предложен и свой вариант – *appreciate it*.

Отсутствие заявленной рефлексии на эту тему никак не отразилось на разнообразии ответов на вопрос об идентичности/гражданстве/происхождении. Обращает на себя внимание желание респондентов описать себя наиболее подробно и точно¹ – *русскоязычный еврей с израильскими корнями, живущий в Америке, гражданство – Израиль и США*, – причем это касается и этничности/национальности, и происхождения: *русский с примесью еврейской и татарской крови; русскоязычная (хотела бы гражданином мира, происхождение – из Советского Союза); еврейка/американка из России; еврей/американец/русский еврей; еврейка/американская израильянка/русская-израильянка; еврейка из России, большую часть жизни прожившая в Америке; русская/американка/руссо-американка; white American/США/ советское происхождение; еврей/американец/русский и еврейка/американка/русская (когда русский – это происхождение) и т.д. Использовались даже и эффекты усиления – *русская-русская/гражданка США /русская или, о гражданстве – Russian AND American*. Частое сочетание – *русский/гражданство**

¹ Пример описания иммигранта во втором поколении – *Somewhat important, I identify more as an American individually but it is important to me that I am in touch (M3) with my Russian/Jewish bloodline*. Более важным оказываются индивидуальные черты, хотя общее происхождение приятно: *It is not so important: while having a similar cultural background is good to relate about, it is more important what kind of person they are*. Фактором, который повлияет на будущее, оказывается возможное русскоязычное происхождение будущей супруги, декларируется и добровольность приобщения к культуре: *Yes, if I have kids with someone Russian then I will try to pass along the heritage. If not, then I will encourage learning Russian and getting familiar with Russian culture rather than forcing it on them*.

США/русский. Судя по всему, вполне применимы термин *Russian American* и даже *руссо-американец*, Ответы на вопрос о национальности/этничности и происхождении нередко совпадали. Последнее даже включило социальные характеристики – *интеллигенция, семья учителей* (вероятно, отзвук советских анкет, задающих вопрос о социальном происхождении).

Живя в Америке, выходцы из России упоминают свое происхождение по собственной инициативе в общении с местным населением: *on multiple occasions, чтобы произвести впечатление; только когда меня спросили, откуда я, слыша мой акцент или – почему говорю с акцентом; когда меня спрашивают, я отвечаю*. Очевидно, что основным поводом является именно акцент, который нужно объяснить: *реакция обычно положительная, но в рамках «поддержать разговор»; я хорошо говорю по-английски, но акцент все же очень заметен, так что люди или спрашивают, или я сама говорю (например, рассказываю о наших традициях встречать гостей, или не прощаться через порог, да мало ли)...* Помимо желания завязать разговор, подобная информация может возникнуть при любом взаимодействии (*any social interaction as my views tend to be different because of my background, plus the accent usually prompts it*.) А вопрос «Откуда ты?» совсем не редкий – несмотря на попытки американского общества бороться с так называемыми микроагрессиями – неявным, но потенциально неприятным или оскорбительным стереотипизированием – *новые знакомые делают это тут очень часто*. Одна респондентка надеется, что «некоторые стереотипы сыграют мне на руку». Упоминание происхождения, как правило, вызывает интерес или другую положительную реакцию (хотя дискомфорт может присутствовать: несколько респондентов признались, что говорят о своем происхождении *только с хорошо знакомыми людьми*). Само по себе оно не является причиной дискриминации – за редким ис-

ключением (не явно, но... «ребенку в школе иногда приходится проявлять гражданскую позицию, причем именно из-за “русскости”, а не из-за того, что он с темной кожей), а также включало и обратную дискриминацию.

Меньший интерес к русскоязычным корням собеседника (никому нет дела) может объясняться, по словам респондентов, и местом проживания – в таком интернациональном городе как *Анн Арбор*, не удивишь. Главным, как сказал один из иммигрантов второго поколения, становится именно язык.

Происхождение не всегда совпадает с **родиной** – слово, которое захотели комментировать сравнительно немного респондентов: *нет этого понятия, но ... если использовать словарное определение, то Россия*. Неудивительно, что сложность «выбора родины», обусловлена и поэтапной миграцией: *с культурной точки зрения – русская культура, с других – Израиль; родился в Москве; «моя родина – СССР»; Беларусь*. Русскоязычность вполне может предполагать в качестве родины Израиль. Был упомянут и Советский Союз (2), хотя иммиграция состоялась после распада СССР.

Примерно половина опрошенных не скучают по родине, остальные 40% либо ответили положительно, либо сочли важным пояснить: *скучаю по друзьям и родным в Москве; немного по друзьям; по Израилю; sometimes, but more for the young age*. Несколько более молодых участников ответили, что скучают их родители. Одна из респонденток (она считает своей родиной Москву, Россию, и ее пребывание в США стало результатом, в том числе, и не ее собственных решений) призналась, что скучает *очень сильно*. *«Езжу туда по возможности каждый год. Там чувствую себя «в своей тарелке», а здесь жизнь замечаю только, если удастся быть полезной для друзей и знакомых. И дети, естественно. Но они бы везде со мной были... Дети будут решать сами, а младший может поехать*

со мной – он тоже совсем русский в свои 12 лет...» (О., 47).

Далеко не все иммигранты думают о **возможности вернуться**. В моих разговорах с ними, включая и тех, кто сейчас учится в США, тема широких профессиональных возможностей в России, в первую очередь, за счет лучшего знания языка русского и английского, звучит все более приглушенно. К тому же, одно дело – вернуться после опыта учебы только в колледже или университете и – совсем другое – ехать, не имея никакого продолжительного опыта жизни в России, адекватного знания языка (речь идет о не первом поколении иммигрантов). Общий настрой первого поколения иммигрантов в немалой степени зависит от успешности реализации в США (*«мы знаем одну семью, всего одну, “половина” которой вернулась. Как-то здесь не пошло»* (Я., 64)), от степени выраженности ностальгии, *«тоски по социуму»*, готовности перемещаться по миру: *«Пожалуй, я не припомню никого, кто был бы готов поехать в Россию – это не на слуху. Можно поучиться и уехать развивать другие страны»* (О., 58)¹.

В моем небольшом исследовании лишь у некоторых респондентов вызывает серьезные раздумья *гипотетическая возможность* вернуться: *навсегда нет; если потребуется уход за родителями; учеба или работа на несколько лет; when I retire*. Были выставлены и специфические требования к стране: *открытость России к миру, демилитаризация, курс на укрепление*

¹ Планы поехать в Россию не входит в некий подразумеваемый набор ожидаемых жизненных траекторий, как, например, в случае с Китаем: *«Когда я в Шанхае, то иногда мне кажется, что я буквально встречаю одних и тех же людей. Мои родители вернулись – и потому, что им предложили прекрасный вариант работы, и потому что сейчас в Китае действительно происходит некое нациестроительство, и для них важно в нем принимать участие. Я сама совершенно не исключаю то, что буду жить в Китае»* (К., родилась в Китае, 22).

экономики, поддержка малого и среднего бизнеса на практике, независимость судебной власти; более стабильная экономика и безопасная обстановка. Отрицательные ответы прозвучали с разной степенью категоричности: *я – да, жена не очень видит себя в России; ни за что; ни при какой погоде*. Только одна респондентка, судя по другим ответам, явно не довольная тем, как складывается ее жизнь, допускает эту вероятность – *от невыносимого желания жить на своей родине*. Наконец, есть пример того, что человек вообще не считает себя иммигрантом (*переехала из-за замужества*).

Наиболее вероятная категория «возвращенцев» – это недавно уехавшие учиться – *либо те, кто не совсем самостоятельно принимает решение о переезде, или хуже адаптируется или, наконец, по соображениям более легкого устройства жизни именно в России – в ситуации, когда не очень хочется рассчитывать только на свои силы, строить жизнь с нуля*. И, конечно, *те, у кого нет возможности устроиться на работу в США*. А в отсутствие гражданства или гринкарты это совсем не просто. *Когда ты обладаешь множественными гражданствами, ситуация совсем иная – с такими привилегиями твои возможности безграничны»* (С., 21). В любом случае речь идет об именно личном выборе без добавления общественно-значимых идей. *«Из тех, кто приезжает сюда учиться, я несколько человек знаю, но это не тренд. Один наш приятель (из Москвы, из очень обеспеченной семьи, активно “хранит” культуру) просто горел идеей вернуться: то ли самому работать, то ли пристроиться где-то на теплом месте с помощью папы. Но сейчас он хочет остаться здесь. Знакомая собиралась организовывать какой-то стартап, но ее напугало то, что все было как-то вяло и “на коленке”: пришла в офис, а там ничего не происходило. Я бы сама хотела работать в Москве, но многие компании, банки закрываются, нет того*

ощущения возможностей, которое было еще несколько лет тому назад» (Н., 21).

Личные (но одновременно, не исключая и высокие) мотивы характерны для тех, кто готов вести бизнес с Россией: к примеру, прекрасное издательство детской литературы «Розовый жираф», вдохновитель которого родилась в СССР, выросла в США, долгие годы провела в России, сейчас живет в Америке. Благодаря ей на русский язык переведены лучшие книги американских писателей для детей. Взаимодействие с Россией для многих стало гораздо более активным – к примеру, это и доступность русскоязычного контента в Интернете, и общение в социальных сетях, и аудитория Нью-Йорка или Бостона, когда туда привозят блистательные спектакли: к примеру, «Евгений Онегин» Р. Туминаса и «Вишневым сад» Л. Додина.

Отношение к России (как, кстати, и к Америке), зависит от адаптации к новым условиям и той степени, в которой человеку удастся утвердить себя на новом месте, а также от бинарности мышления (по принципу если мне здесь плохо, значит там – хорошо), которое встречается и среди высокоинтеллектуальных людей. Обычно (хотя не всегда) успешно адаптируются более молодые люди, которые могут состояться в стране, иногда не обязательно в своей изначальной профессиональной области. Хотя известны примеры «освоения» Америки людьми старше 60. Важными факторами позитивной самоидентификации на новом месте являются активность, знание английского языка или готовность его учить, а также, хотя эта точка зрения не универсальна, и отсутствие обременительных негативных чувств по отношению к стране исхода. Тогда, преодолевая культурный шок, человек опирается на личный опыт и ценности, которые не нужно отвергать, и может одновременно реализовывать два психологических запроса – на отличительность и на принадлежность. Те, кто «в Америку не ходят» и живут во всех смыслах обособленно, могут практически не менять свои

ценностные ориентации, но и не всегда довольны положением дел вообще.

Ряд вопросов анкетирования подразумевал сравнение принимающей среды – американской – и русскоязычной, вернее, той, что представляет некое «мы». Такое разграничение, в первую очередь, означало отличия в пользу «своих», «наших», пусть даже и выраженные по-английски – *connection of old friends – closer friendships; more meaningful interaction, higher interdependence; closer relationships with parents and in-laws who are in Europe; у нас более расширен взгляд; мы уделяем больше внимания образованию; русским интересны взгляды человека, отношение к воспитанию детей, а не степень материального благополучия; speaking Russian; ability to listen and be empathetic; американцы больше считаются со своими личными интересами, а не интересами своей семьи (включая родителей, братьев и сестер)*. Однако прозвучали и комментарии прямо противоположного толка: так именно недостаток к уважению личности в русскоязычной среде противопоставлялся уважению к частной жизни и признанию того, что закон должен соблюдаться всегда как стереотипичный американский подход.

Удивительным стал ответ об отсутствии какой-либо специфики и разницы – по большому счету ни в чем – ведь, судя по ответам других респондентов «счет» оказался очень и очень подробным – зато один участник исследования в качестве характерной черты известной ему русскоязычной общины отметил: *приносят в гости тапочки; из таких этнографических комментариев были указаны еще – празднование дней рождения и покупка цветов на праздники и путешествия*.

Более подробное представление о том, какими видятся американский и русский (российский? советский?) миры, отражено в ответах на непосредственный вопрос об **отличительных характеристиках** знакомой респондентам **русскоязычной среды**, для которой нужно было подобрать и

предпочтительный термин: диаспора, община, сообщество.

Конечно, комментарии зависят от размера общности – так, русскоговорящее население Анн Арбора (откуда существенная доля моих респондентов) невелико – не более 500 семей. Русский Бостон гораздо многочисленнее (Комарова 2002). Диаспора в Анн Арборе представляется как *очень маленькая община, где все почти друг друга знают или слышали, но главное, что все новости распространяются очень быстро. Есть несколько человек, которые пытаются удержать культуру и язык, организовывать встречи и лекции, русскую школу, но, в основном, приходится видеть, как все утекает между пальцами как песок. У меня чувство, что вся эта культура кончится, когда уйдет мое поколение, потому что новые люди больше не приезжают, а дети, в основном, по-русски говорить перестают с какого-то возраста (исключения у нас все наперечет)* (О., 47). Однако такой скорее пессимистичный взгляд едва ли подтверждается уровнем активности и растущим разнообразием повседневных практик как в Анн Арборе, так и в других местах, в которых задействованы представители сообщества: *соблюдают родные традиции, родители уделяют много внимания образованию детей (эта отличительная черта была приведена неоднократно) – детей учат; Russian school for kids*.

Среди характеристик русскоязычного мира, помимо огромной важности университетского образования упоминались **язык** (*если оба супруга русские, то дома говорят по-русски и большинство друзей русскоговорящие*); ценностные ориентации, причем как со знаком плюс, так и со знаком минус – *более полный взгляд на человечество; независимость и удовлетворенность своим положением; менее индивидуалистский, более социально-консервативный (традиционный) образ жизни, выше ожидания от детей; тесные родственные связи и бесцеремонность, а так-*

же *shaming children* – заявление 21-летнего респондента, родившегося в США. Впрочем, надо пояснить, что этот момент он отметил применительно к практически всему, связанному с русскоязычным обществом, культурой и пр.

Попытка подобрать наиболее подходящий **термин** для определения русскоязычного мира (и того, что под ним подразумевается) вызвало затруднение у людей, к этому миру принадлежащих, и явило большое разнообразие идей. Во-первых, как будто снятие фактора обособленности: это *часть общества, в котором живу – американского; это все люди, которые живут в США (живу в стране, а не в общине внутри страны), принадлежность к культуре группы*) означает интеграцию в американское общество, как бы парадоксальным это ни показалось, отметил один из участников. Это – *компания людей, с которыми у меня больше общего в плане опыта, интересов и взглядов на мир, несколько человек, которые помогают друг другу, группа*; прозвучало пояснение – *скорее принадлежу к пересечению двух обществ, то есть, сообществу русскоязычных американцев и еще – русскоязычные жены американских мужей и русскоговорящая группа*. Были пространные (на английском) объяснения о коннотациях и волнах миграции, культуре Брайтон Бич и даже использование слова «тусовка» (*they have a connotation of the Soviet era predominantly Jewish waves and the resulting Brighton Beach culture. I have Russian friends in NY but they would probably call Russian tusovka¹ (which I don't consider myself part of but it probably describes it better), My Russian friends in NY*

¹ См. рассуждения по поводу так называемых Global Russians – термин, изначально придуманный журналом «Сноб». По словам М. Гессен, это те, кто агрессивно принимает черты других культур, не предавая при этом свои – готовит, как француз, принимает гостей, как американец и дружит, как русский» (Norton 2011).

are similar to me in the sense that they moved for an opportunity that came up, not because they were suffering in Russia and/or leading a hard life. У каждой части русскоговорящей Америки – своя история: «*Диаспора у нас ...маленькая, но много активных людей. Не все опирается на церковь, есть и светское общение, частично за счет русской субботней школы, которую мы же и основали 10 лет назад.*

Наполнение терминов, таким образом, подразумевают *возможность* общения и его определенное качество: *приятная компания, группа друзей, близких по интересам и моральным, культурным ценностям; groups of friends для психологического спокойствия; община – люди, объединенные общими корнями (не знаю, типична ли); сообщество – a group of people, untied by common ethnicity and culture; общаюсь с людьми, с которыми меня связывает общее происхождение, схожие взгляды; общие детские и подростковые воспоминания, язык, юмор; common language and cultural interests, someone I can go and see Nautilus Pomplius or Theater of Nations with, and sing Russian songs at Mari Vanna.* Очевидным представляются *разномастность, уровень образования и несколько полярные характеристики; русскими чертами характера – мрачностью и недружественностью; своей духовной составляющей; по hard feelings toward Russia, recognizing that there are a lot of positive things we miss about it, traveling back often.*

Альтернативой терминам **диаспора** (который предпочла не более пятой части опрошенных), **сообщество** (около трети) и **община** (пятая часть) служат – *наша компания состоит из людей, занимающихся умственным трудом. Это – профессора, программисты, музыканты; многие работают в университете, обедают/ужинают дома/готовят сами. Отличительные черты противопоставляются именно окружающей культурной среде (в данном случае я намеренно обозначила ее как стереотипичную американскую – что-*

бы оговорить очевидное обобщение и упрощение на гораздо более разнообразном материале): *женщины готовят домашнюю еду; предпочтения домашней еде, не фаст-фуд; американки (обращает на себя внимание гендерная окрашенность наблюдения) не готовят; оливье на Новый год; справляют разные праздники. Американцы так же часто кушают не дома, а в ресторане; ну вот этим и отличается... едим домашнюю еду, не полуфабрикаты. Ходим на концерты классической музыки... здешнее население тоже отличается от «стереотипичного американского», небольшой культурный университетский городок; «мы больше “цепляемся” друг за друга и чуть больше общаемся. Есть понятие “своих”, и это, в общем все естественные носители русского языка и жившие в Союзе»; застолья с громадным количеством еды дома – американцы столько дома не готовят, обычно встречаются где-то в ресторане или пикникут в парке, русские родители среднестатистически очень требовательны к детям в смысле манер, воспитания и уважения к старшим и образования (следят за прогрессом и требуют хорошие отметки), американцы более расслаблены к своим детям по этим вопросам, стараются не портить им детство.*

Надо отметить, что свою **принадлежность** к общине/диаспоре готовы заявить от половины до двух третей опрошенных, остальные поясняли: *не принадлежу, а просто продолжаю общаться со своими старыми друзьями; не член; сожалею, что не принадлежу.* Возможно, помимо нежелания обобщать, все же пугает путаница с терминами, но, главное, – очевидное разнообразие форм диаспорального поведения: она (в данном случае – община) *делится на этнических русских и евреев бывшего СССР, отсюда различие взглядов, культурных ценностей; несколько очень разных; не связываю себя с какой-то одной общиной, есть несколько русскоязычных групп, с которыми общаюсь; отличаются степенью интеграции в*

окружающую (американскую) жизнь; дистанцирование от других русскоязычных общин.

Судя по тому, что ряд респондентов подчеркивают свою **непринадлежность** к диаспоре или сообществу, речь идет не об идентификации с ней как таковой, а именно об общении и неких коллективных или разделяемых практиках (хотя язык и был упомянут в качестве основной отличительной черты): *скорее, нет – большинство друзей – американцы, но есть несколько русскоязычных семей, с которыми мы часто встречаемся; not a member (kids are bilingual); не отношусь к общине.* Важно отметить, что у респондентов очевидно разные представления и о типичности своих ответов на эти вопросы.

Большинство в качестве определения сообщества предпочли прилагательное **русскоязычный** (а не русский); вариант, который практически не нашел поддержки – российский. **Главным в общении** с представителями этого мира оказываются *взаимопонимание* (наиболее часто упоминаемая характеристика), *дружба.* Но *главное – чтобы были интересны и доброжелательны люди, такую компанию всегда непросто найти.* Лучшему пониманию друг друга способствует знание языка (*упрощает общение*), *одинаковое культурное прошлое; общие воспоминания и similar experience (immigration, life in Soviet Union, etc.); израильский опыт сближает взгляды на мир; the ability to talk in both languages and without meaning/references/cultural aspects being lost or wasted;* то есть, *общее происхождение, сходные взгляды; единство духа, искренность* (именно ее на английском языке отметили два человека). Одна из респонденток подчеркнула и разницу нарративов: *conversation based on ‘stories’ (American conversations tend to be fact-based) humor/jokers/entertainment value, common cultural references especially from childhood.* Важным эмоциональным предназначением является возможность за счет общения *утолять ностальгию – quelling nostalgia.*

Бывшие соотечественники весьма активно **участвуют в жизни друг друга**: в адаптации в целом; в чрезвычайных ситуациях, при устройстве на работу, решении бытовых вопросов, поиске помощи на дому. Помощь в бытовых вопросах тем проще, что схожи представления о том, когда именно «можно зайти за солью» (и можно ли). И все это при том, что сообщество характеризуется как более соревновательное в сравнении с другими. **Традиции диаспоры**: собираемся два раза в год и справляем еврейскую Пасху и еврейский новый год на русском языке; *Night Pashal Service*; ходить в баню в ночь на Новый Год; старый Новый год, масленица, Русский фестиваль (осенью при церкви); дарить цветы учителю. Участие членов сообщества бывает и в конкретных **мероприятиях диаспоры** весьма разнообразных: преподаю в школе, читаю лекции и встречи на русском языке о науке, культуре и литературе; церковь, встречи с друзьями, помощь в театральных постановках; помощь в организации Русского фестиваля; интересные лекции, КВН, концерты бардов; Новый год, Русские балы, пикники – социальные, клуб интересных встреч. Как обобщила одна из респонденток: *Мы тут с компанией организовали культурные вечера на русском. До этого был детский русский театр. Уже не знаю, можно ли назвать это «организациями», но это как раз о диаспоре; в Бостоне – огромное количество – русский досуг, магазины, бани, детские садики, врачи, центры для пожилых, концерты и дискотеки.*

Один из респондентов отметил, что в жизни русскоговорящего сообщества много элементов **советского образа жизни**¹ – хотя эта позиция не универсальна: нашлись те, кто не увидели ничего, кроме языка или: *I really try to look at individuals, not find typical traits, maybe, respect for education.* Черты, которые были озвучены,

¹ Один из респондентов отметил идентичность своих родителей – советские инженеры-шестидесятники.

приводятся с весьма разными коннотациями: нейтрально – *праздники с примечанием – из советской эпохи (Новый год и елка; оливье; 8 марта, 9 мая), еда за одним столом и песни с танцами; как ни странно – barbeque* (вероятно, подразумевался шашлык?) *воспитание детей и упоминаемый и в других ответах – child shaming.* Помимо этого, другие откровенно критические замечания касались ценностных ориентаций – *нетерпимость ко всему выходящему за стандартные рамки, навязывание детям своих взглядов и вкусов; указывать, что делать; иждивенчество.* Есть и явные бытовые отголоски советской эпохи – *buying in bulk; интерьер; довольствоваться малым.* И все же находится место для положительной самооценки: *у русского человека всегда есть надежда на лучшее. Испокон веков, находясь под давлением диктаторов и недобросовестного государства, надежда умирает последней. Я думаю, это советский менталитет – верить в лучшее.* Интересно, что именно советский (а не российский) опыт кажется более позитивным: *из элементов советского (именно советского, а не современного российского образа жизни) – взаимовыручка, чувство плеча, чувство ответственности и за не своих детей – то есть, они тоже немножко свои. Современный российский образ жизни представляется не только менее известным, но и менее привлекательным: отсутствие знаний о недавнем прошлом; не толерантность к нетипичному поведению или другим группам; злобность; снова хамство и изворотливость; и этнографическое – going out dressed to impress.*

Нельзя сказать, чтобы диаспоре или обществу приписывались какие-то магические черты (правда, один ответ из опрошенных обратил внимание на очень важное – *быть собой*): *общаюсь с людьми, которые близки по интересам, взглядам... общим делам, независимо от национальности, языка, религии; помогают близкие люди, а не диаспора. Кто-то намеренно держит дистанцию, не общается, отно-*

сится с явным недоверием. Мешает то же самое, что и объединяет – необходимость общаться с людьми исключительно из-за общности происхождения.

Проблем и несогласия у сообщества много: сплетни, русская халыва; оторванность от современной жизни России, люди живут прошлым. Интересно, что помимо ассимиляции детей и подростков: переживается не сплоченность, отсутствие чувства нации; разобщение, отсутствие центра притяжения. Разный уровень культуры, ее примитивность, отсутствие вкуса нередко упоминается представителями интеллигенции как причина не участвовать в жизни общины, не водить детей в русскую школу и пр. То, что сплотить группу трудно, осознается и самим ее участниками – *it is hard to keep a group cohesive that is united just on the basis of a common demographic*. Объяснения кроются в том, что *чем дольше живешь в стране и лучше адаптируешься, тем меньше запрос на общение, основанное на общем происхождении и больше ни на чем* – ведь это совершенно разные люди, объединенные не общностью интересов или социально-экономическими факторами, а языковой средой, они неизбежно испытывают разочарование, становятся частью конфликтных ситуаций.

Поэтому неудивительно, что в одной и той же общине (в территориальном смысле этого слова) обязательно находятся те, кто не участвуют в деятельности имеющихся организаций, но при этом эти люди предпринимают усилия по сохранению языка и культуры. Незадействованность в каких-либо институционализированных формах диаспоральной жизни вовсе не означает пренебрежение к традициям, в том числе, кулинарным, которые всегда играют важную этнодифференцирующую роль. Однако далеко не все (около четверти респондентов) выделили их в качестве важнейших: *они – традиции и важны, и нет*; *we eat mostly Russian food; когда собираемся с дедушками/бабушками, готовим, в основном, блюда русской кухни; ма-*

ма готовит пироги, сырники, делает (! – МЗ) творог, вареники, блины; первые блюда; любим малосольные огурцы, квашенную капусту, глазированные сырки, «птичье» молоко.

Порой важны не обязательно собственно блюда: *почти никаких, главное – собраться вместе и вкусно поесть (а всем нравится разное)*. Безусловным лидером стал *бориц* (недаром один из молодых респондентов сказал, что в семье едят фиолетовые блюда – *eating purple things*; «советские салаты» (Оливье) – несколько раз, в том числе в варианте написания – *salad olive*, а также – *выпечка, блины, пельмени; форшмак, пирожки, котлеты и birthday cake*.

По моим впечатлениям традиции сохраняются и в самом подходе к организации питания – горячим завтракам (хотя это сохранить сложнее) или бутербродам с колбасой или сыром на завтрак, горячим («полноценным») обедам – с супами (американские дети, как правило, супов не едят). Частично ностальгическая ниша в гастрономии заполняется тем, что продается в русских магазинах. Что-то можно купить и в супермаркетах (так, в последнее время популярностью пользуется кефир). Многие респонденты отмечали еврейскую кухню в качестве традиционной – *пасхальный седер, бульон с кигалем, пирожки с маком на Пурим, твороженное на Шавуот; хорошие завтраки: сырники, ладушки, вареники*.

Гастрономические практики тесно связаны с идеей праздника, не обязательно российского происхождения: *важен как повод провести время вместе и как возможность поддерживать традиции – День благодарения, Рождество (но не как религиозный праздник, а семейный ужин и встреча, потому что у всех выходные дни, Новый год, дни рождения* (Р., 54). Праздничный календарь получается весьма богатым и нередко включает три категории – американские, российские и еврейские праздники – *Кристиане отмечают Крстмас, евреи – Хануку* (орфография

сохранена). Живя в Америке, довольно сложно «избежать» Рождества – даже учитывая политкорректные стремления обозначать его как «зимний праздник». В то же время отсутствие специальных **новогодних** традиций облегчает задачу русскоязычной Америки. Для детей устраиваются утренники со Снегурочкой и Дедом Морозом (формат праздника очень напоминает типичные советские мероприятия) – как при церкви, так и отдельно – общий, для детей и взрослых новогодний карнавал в специально снятом помещении и пр. Вообще, собираются и на Рождество, и, конечно, на Новый год, который оказался среди моих респондентов самым универсальным праздником, (из американских такой – День Благодарения). Отмечают 8 марта, День независимости, День труда. Первое мая не было упомянуто вовсе. Поразительным образом почти никто не считает День Победы праздником – и это в городах, где есть дома престарелых и где еще остаются ветераны, к которым ездят, показывают им детские спектакли. Память о Великой Отечественной войне чтут и в программах встреч, и в детских занятиях. Только один респондент отметил 23 февраля.

Меня больше всего интересовало, что сами респонденты сочли **принципиальным сохранить** из традиций – с точки зрения их собственной семьи и детей. Центральной категорией и в анкетировании, и во время наблюдения, и интервью стал именно **язык** – как сам по себе, так и «вместе» с традициями. Примечательно, что он заслужил подробного описания – *русский язык (чем не этническая традиция) и еврейские праздники; язык и культура; богатый русский язык; язык общения; праздники, традиции, общение, разделение языка на формальный (для знакомых учителей) и слэнговый – для более близкого круга; знакомство с русским образом жизни и осознанием совести (изучение этого всего на «старых» фильмах, современных ситкомах и других сериалах (таких как Склифосовский) и литературы*

– всего, что удается «впихнуть» (О., 47). Русский язык воспринимается как свой и родной, упоминается в паре с верой – православной (включая уточнение – сохранить ее по возможности,) и иудаизмом (вариантом было пожелание, чтобы дети знали свою принадлежность к еврейской национальности), праздниками и семейными рецептами, с любовью к русской культуре; ценностями. Еще один пример ответа: не думала в терминах, главное... – отношение между поколениями (дружба, интерес, взаимопонимание и забота); уважением к старшим (дедушки, бабушки, родители); идеей to support each other, to work hard, to respect elders, to be honest. Среди ответов попадались и очень конкретные – празднование Нового года, май-онез, тепло одеваться...

Общая тональность того, что респонденты считают **принципиальным передать детям**, не совпадает полностью, но сопоставима с идеями важного для их семьи (таким образом, предполагается, что сами дети могут перенять не все): *сохранение православной духовности; традиции (связанные с иудаизмом), культура (литература, искусство, фильмы и пр.) – по крайней мере, стараюсь – язык. Именно the Russian language – вновь стал главной категорией. Среди ценностных ориентаций – тяжелый и упорный труд ведет к успеху, лень – это стыдно; семья, это, прежде всего дети, причем мои, и немножко чужие тоже. У меня ведь есть возможность не ходить на работу с девяти до пяти. Я могу и с чужими детьми играть больше двух. (О., 47). Представители молодого поколения оказались менее единодушны в том, что они планируют передавать дальше: помимо языка в качестве безусловного лидера (по меньшей мере четверть ответов) были перечислены *American sense of responsibility; small talk; критическое мышление, здоровая доза циничности.**

Вопрос обучения русскому языку и/или его сохранения принципиален для абсолютного большинства, хотя мне известны

примеры и смешанных семей, и изначально моноязычных, которые отказывались от этой идеи: *когда я могла бы найти время – я все время работала, а я говорю на нем одна* (М., 42); *ну не в нашем случае, был сплошной детский сад* (М, 54); *племянник приехал с отличным русским, но было не до этого, теперь жалеет, пытался изучать в университете, как херитажник, но все же, в основном, утратил* (И., 48). Как правило, (что подтвердилось и анкетированием), взрослые редко рефлексировали по поводу какой-то специальной задачи поддержания своего русского языка. Кажется, что забыть его трудно, хотя сохранить чистоту очень непросто – в том числе и из-за активного смешения языков в семье, когда говорят на смеси русского и английского: *сочетание языков при любом общении, при этом ни один язык не является родным; mix of english/russian/mix.*

Итак, речь идет о детях, и главный вопрос – как мотивировать их на то, что *родной язык важно сохранить* и самому не переходить на английский, когда ребенок упорно отвечает на нем. Наконец, как обращаться к ребенку на иностранном языке на публике (не говоря, о смешанных семьях). Нередко язык стремятся сохранить для *контекста семьи*: *«на память хотела бы им оставить после себя русский язык, из эгоистических соображений; разговор, взаимопонимание с родителями, бабушками и дедушками, они должны понимать мой язык; я – мама, значит, потому что я на нем говорю; это нужно мне, не могу представить общение с детьми без всего “нашего”, а это не передашь на английском – все цитаты из фильмов, анекдотов и книг; иметь общий с детьми язык общения, который я знаю лучше, чем английский, желание, чтобы дети знали книги фильмы и т.д., которые я люблю».* Речь идет об освоении культурной компетентности, без которой полноценное общение представляется *невероятным*. И всем этим движет русское упорство – *Russian stubborn mentality.*

Обычно владение русским языком менее распространено среди последующих

поколений, но подобное «угасание» русскоязычности – вовсе не линейный процесс: так, многие представители «белой» эмиграции достаточно хорошо говорят по-русски. У кого-то в дальнейшем язык переплавляется в интерес к стране происхождения и появляются те, кто начинает учить его на уровне колледжа или университета и называется херитажником – (от *heritage speaker*) – это дети иммигрантов, которые дома говорят, в основном, по-русски, но не получают формального образования на русском. Не последнюю роль играют и индивидуальные особенности ребенка. В одной и той же семье опыт детей (и результат) может оказаться существенно отличающимся один от другого, и вырастают дети с разными проявлениями русскости и русскоязычности. *«Я считаю себя русским, хотя никогда в России не был. Просто я по-другому, чем американцы. Смотрю на мир. Еще бы, столько лет есть бабушкин суп: до восьми лет вообще не разговаривал по-английски. Бабушка боится возвращаться – тогда она никогда не поедет обратно в Америку: у нее там осталось все. А родители – успешные люди и очень довольны: мама – медсестра, себя считает американской и русской украинкой, для нее одинаково важно и то, и другое. Папа – армянского происхождения, для него тоже важно, что он и американец. Младшая сестра (10 лет) говорит вперемешку на обоих языках, а средняя – то говорила по-русски, а теперь – только по-английски. С нами даже в школе специально занимались, обучая нас английскому. Теперь я хочу научиться лучше читать и писать, чтобы я мог работать в России. Еще хочу там девушку найти. Бабушка говорит мне, что девушки там другие. Среди моих друзей есть те, кто тоже считают себя отчасти русскими. Но таких, кто хотел бы поехать туда, нет. Потому что здесь им привычнее и вообще больше нравится. Они довольны жизнью и не хотят уезжать»* (П., 17). Действительно, до кризиса 2008 года часть владеющих русским языком американ-

цев – выходцев из России рассматривала ее с точки зрения карьеры: *«Сыну – 35, владение русским сыграло принципиальную роль в найме на работу – именно в Россию. За два года не привязался. Уехал в совершенно другую страну, но увез девушку»* (А., 57).

Становится понятно, почему **мотивы сохранения языка** включают и прагматичную сторону: *пойдет в зачетку* (в том смысле, что может быть засчитан в колледже), *расширить кругозор; общечеловеческие (любой язык – большая ценность, жалко терять); общение с родственниками и друзьями, чем больше языка в обиходе, тем лучше для мозга – хорошая профилактика Альцгеймера и развитие пластичности мозга; important skill, being bilingual is good for your health!*

Но все же, и в прагматичных рассуждениях (знание *дополнительного языка, как и любое знание, никогда не бывает лишним*) доминирует более высокая цель – *доступ к русскому культурному наследию; показать, что русский язык и культура тесно связаны с мировой, сохранить культурные корни; язык – важнейшая часть идентичности*. Особый акцент сделан на ценность русской литературы. Как было подытожено на английском, *it is a nice language, there is a wonderful literature in Russian; it is important for their identity, ability to communicate with friends and family in Russian*.

Как правило, среди моих респондентов (да и не только), дети отвечают родителям по-английски (*я говорю по-русски, она отвечает по-английски – все друг друга понимают или когда я слышу – по-русски, когда нет – по-английски, а также в зависимости от обсуждаемой темы*). Были приведены примеры, когда дети *отвечают, основном, на русском; стараются на русском, но зависит от темы о работе, компьютерах, науке – по-английски; билингвы – отвечают на том языке, на каком был задан вопрос, а между собой на английском или билингвы, могут и так, и так*. Один респондент упомянул, что дети

и между собой говорят на русском языке. Косвенно можно сделать вывод о близком круге общения (друзьях) самих взрослых, исходя из их языковых практик. В моем исследовании все же больше респондентов упомянули оба языка как языки общения с друзьями, и то же самое я наблюдала среди известных мне русскоговорящих.

Самое сложное в поддержании языка у детей связано с непропорциональным присутствием в жизни английского языка, особенно, если дети ходят в школу или дошкольные учреждения: *if they are spending a lot of time in childcare and school like my kids; русским не пользуются в обыденной жизни, не могут общаться со сверстниками, получается необходимость противостояния Американской школе*. В результате возникает *нежелание говорить, если проще на английском*. Проблема и в том, что *язык не является частью жизни детей и, следовательно, поддерживается искусственно*.

Отсюда и задача – *«научить их читать до того, как они пойдут в школу; создать и как можно дольше поддерживать круг русского общения со сверстниками, проводить с детьми как можно больше времени, вместе смотреть кино (по интернету) и, особенно, слушать аудио сказки из фонда Гостелерадио. Никогда не ругать их по-русски, а лучше вообще не ругать, а устанавливать доверительные отношения. К тому же для этого есть специальный родной язык (О., 47)*. Но для этого, повторюсь, обязательно требуется *мотивация – объяснение (даже внушение), для чего он нужен*. Поэтому нужно *научить любви к культуре, чтобы хотели читать и смотреть, что родители читают. Помимо общения чтение (причем, с удовольствием) отмечается – это главный навык, который нужно освоить. И это очень сложно – нужна систематичность, практика. Важно поддерживать лексику и расширять активный словарный запас на уровне сверстников-носителей*.

Эффективных способов довольно много – *общение в неформальной обста-*

новке, причем, общение со сверстниками, *русская школа, поездки в Россию, лагерь*. По моим наблюдениям, на практике участие в театральных постановках, клубах и пр. гарантирует спонтанную речь ребенка, и то, что он/она находится в языковой среде, слушает взрослых, которые ни при каких условиях не переходят на английский и видит функциональное применение языка – видит, как получается спектакль на языке.

Литература (особенно, классическая русская) оказывается самым ценным из того, что можно «взять» из русскоязычного мира – а это дает возможность понимания *другой стороны*, также упоминались история, культура, православие; последнее для многих – важнейший фактор изучения языка, посещения русской школы. Подобное *расширение кругозора* помогает *развить не американоцентричную модель мира, сохранить культурные корни*, наконец, приобрести новые знания, в том числе, *знание о культуре и традициях родителей*.

Большинство моих респондентов отметили, что им известны случаи успешного освоения русского языка. То, что в принципе это возможно, мотивирует многих: *«знаю людей во втором и третьем поколении, сохранивших язык»*. Мнения разделились по поводу того, достаточно ли для этого усилий семьи (вопрос был сформулирован неудачно, но мне кажется, было понятно, что речь шла преимущественно о внутрисемейном общении). С небольшим перевесом возобладало мнение тех, кто находит эти усилия достаточными, и все же – *можно, но гораздо лучше, если есть поддержка извне*.

И вот, каждые выходные родители, которые, возможно, едва ли здоровались бы с этими людьми дома (в СССР или России), привозят детей на занятия в воскресные школы (светские и религиозные), репетиции спектаклей (которые могут проходить и на дому, в подвальном помещении), которые потом смотрят ветераны войны в орденах и бейсболках, и немногие

из которых были бы понятны даже современным российским детям («Иван Васильевич меняет профессию», например). Постановки могут быть и совсем детскими («Муха-цокотуха», «Винни-Пух», и взятыми из школьной программы – «Ревизор»). В год их выходит немного – один – два спектакля, но это становится важным событием для местного русскоязычного населения.

Русская школа в Анн Арборе (альтернатива таким школам – индивидуальные или групповые занятия с репетитором или с родителями) АзБукиВеди: *ее мы создали, нас было пять «матерей-основательниц»* (О., 47) – выросла из так называемого Русского клуба, бессменным вдохновителем и организатором которого была Маргарита Барвинок (сама родом из Белоруси) – *весь [русскоязычный мир] держится на деятельности одной женщины*. Она – один из общепризнанных лидеров местного русскоязычного сообщества [<http://www.russianabc.org/TeachersRu.html>], сказано на сайте школы. Поставив более двадцати спектаклей, на которых в буквальном смысле выросли дети в так называемом Русском клубе, она и еще несколько человек решили организовать школу. Потом на этой основе выросли и молодежная театральная труппа, и так называемый Клуб Интересных встреч, предлагающий лекции, обсуждения на самые разные темы (проблемы ислама, математические сюжеты и пр.). Школа открыта для детей с двух лет, делает акцент на преподавании русского языка и литературы, а также русского как иностранного: «Русская школа нужна и нам, русскоговорящим родителям, и нашим детям. Мы, родители, стремимся к культурной целостности семьи: хотим говорить с детьми на одном языке, петь вместе с ними любимые с детства песни и смеяться над одними и теми же шутками. Для детей же важно не только взять самое лучшее из разных культур, но и отформатировать свой ум под разные культурные стандарты, сделав его более гибким и открытым для информации о мире вокруг. Давайте же совместными стараниями семьи

и русской школы поможем нашим детям реализовать полученную ими при рождении¹ возможность выучить еще один язык. Знание русского языка на уровне родного может оказаться решающим преимуществом в их жизни, и пусть они будут готовы им воспользоваться» (<http://www.russianabc.org/TeachersRu.html>).

Как и школа, постановка детских спектаклей предполагала ежесубботнее, многочасовое участие детей и родителей в течение всего учебного года. Даже небольшая роль (а чем больше задействовано детей, тем скромнее роль каждого) или репетиция, казалось бы, неязыкового номера – танца, занимает много времени, тем более, что почти все делается в буквальном смысле своими руками – от декораций и костюмов до угощений. Все это позволяет привлекать детей с минимальным знанием языка – так два израильских мальчика отплясывали русский танец, не говоря ни слова по-русски, никогда не бывав в России – и надо сказать, постепенно они освоили язык. Неудивительно, что не все родители в состоянии этим заниматься. Их усилия могут вызывать и обратную реакцию у детей: *«чтобы мамочкина душенька была довольна»*, – заявил один 21-летний респондент. Но это редкость. По счастью дети (хотя сопротивляются), в основном, ценят подобное упорство: *родители записали, вот я и ходила. Но там интересно было, сохранение языка.* Дети вспоминают, как участвовали в школьных или церковных мероприятиях – *была Снегурочкой на утреннике в честь Нового года.* Примерно две трети моих респондентов довольны своими результатами передачи языка, при том, что оценка зависит от преследуемой цели².

¹ Подробнее о так называемых ЛУРах – лицах, унаследовавших русский, см. (Дубинина, Полинская), (Романов http://bilingual-online.net/index.php?option=com_content&view=article&id=1964%3Aromanov-usa-bilingual-uni&catid=41%3Aвыпускники-школ-и-студенты&Itemid=16&lang=ru).

² Исурин утверждает, что «дети эмигрантов не особо знают русский язык или культуру. Моя дочь с трудом говорит по-русски, как и боль-

Русский фестиваль, изначально организованный церковью Св. Владимира в маленьком городке Декстер, недалеко от Анн Арбора, проходит с 2013 года ежегодно. Интерес оказался таким значительным, что теперь на него отводится два дня. Помимо русской народной культуры (в ее лубочном и поп-вариантах) представлены украинцы, грузины, в 2016 году исполнялся и узбекский танец. Организаторы утверждают, что среди 2000 гостей есть и потомки белой иммиграции, и совсем недавно приехавшие. Атмосфера становится все более живой, и в хороводах и танцах задействованы все – как и полагается на фестивале. Подобная традиция характерна для университетского города, где всегда проводятся международные мероприятия, но имеет место и во многих других городах. Конечно, для этого интернет и социальные сети весьма полезны, но, по мнению респондентов моего небольшого опроса, они скорее не укрепили чувство единства в конкретном сообществе и не сделали диаспору всеамериканской. Более того, примерно треть опрошенных убеждены, что интернет и социальные сети, скорее, размывают понятие диаспора (и это понятно, так как эмоционально значимое общение происходит, в том числе, и там, в сети, а не при личных встречах или по телефону).

Известны примеры «неофилов», утверждающих, «что сидеть на двух стульях невозможно и не нужно» и что *истинная интеграция* (выд. – МЗ) *в американское общество осуществима только через полный отказ от прошлого, в том числе, от передачи детям языка, обременительной и ненужной.* Однако есть семьи, для кото-

шинства моих студентов с русскими корнями. Но нужно учитывать, что многие эмигранты, которые живут диаспорами, уехали из России в то время, когда им пришлось отказываться от гражданства. Когда у вас есть документ, подтверждающий гражданство страны, вы отождествляете себя с этой страной. У вас ностальгические чувства к стране, которую вы покинули» (Исурин 2013).

рых попытка билингвальности и бикультурности – осознанный выбор (и которые по возможности делают очень много, включая то, что обязательно отправляют детей на лето в Россию). Поддержание языковой и культурной грамотности далеко не просто: в Америке значительно меньше русского, чем в России – американского (или англоязычного). Иногда стараются селиться поближе друг к другу, кооперироваться в самых разных делах, опять же тем самым увеличивая «пространство» общения на русском. Иногда «из своих» выбирают брачного партнера (белая, еврейская эмиграция). Вообще, респондентов отличает высокий уровень толерантности к межэтническим и межрасовым бракам.

Успешность адаптации – очень личное. Есть мнение, что кто убежал от родины, тому и легче, да и то не всегда получается. Она, по мнению моих респондентов, практически не зависит от гендера (небольшой перевес тех, кто считает, что женщинам адаптироваться легче). Можно предположить, что один вариант – путь ассимиляции – видится как предпочтительный тем (особенно, если это касается детей), чьи дети уже практически ассимилировались. Но лишь немногие респонденты оптимальным считает ассимиляцию (или ее в сочетании с интеграцией), но для детей предложили бы именно интеграцию. Получается, что ассимиляция для них самих – скорее, вынужденная мера, хотя никто не отметил собственно принуждение к ассимиляции). Мне кажется, что в выводах нужно осторожно обращаться с терминами: судя по ответам, ассимиляция не всегда предполагает отказ от происхождения с точки зрения владения языком, причем вплоть до уровня билингвизма – *быть частью страны, гордиться американским происхождением и не забывать корни и традиции* (и это – ассимиляция?). Безусловно, предпочтительной для опрошенных мною стала именно *интеграция*. Возможно, именно она предполагает наличие существенно большего выбора. **Идентич-**

ность детей, по мнению их родителей, множественна и нередко отражает русский компонент: *русские американцы или американские русские; Russian Americans; Humans (very international) русским (и сын благодарен за сохранение языка), хотя есть и «одновалентные» ответы – украинец, американцы, русский*. Конечно, этот вопрос заслуживает гораздо более пристального изучения.

Если послереволюционная эмиграция увозила с собой Россию «на подошвах ботинок» и пыталась сохранить связь с русским миром во что бы то ни стало – в знаменитой ли толстовской деревне или в Русских скаутах, в церквях, которые стали для этой преимущественно православной волны центром общинности, то представители еврейской эмиграции советского периода уезжали после мучительных лет ожидания и нелегкой участи отказников. Главным было (как и у их предков рубежа веков, выражением судьбы которых стала кукла Ребекка в известнейшей американской серии кукол-исторических персонажей) – стремление интегрироваться в новую жизнь, как правило, за счет ассимиляции, вплоть до изменения фамилии и, нередко, забвения языка и многих традиций. Уезжали, безусловно, навсегда, и страну исхода воспринимали вовсе не как тоскующую по покинувшим ее сыновьям и дочерям отчизну: все эмигранты советского периода были лишены гражданства.

Современная русскоязычная диаспора не только многолика, но характеризуется, порой, как подтвердило и мое небольшое исследование, взаимоисключающими стереотипами: «только еврейская ее часть и есть истинно диаспора» или «русские очень дружны». Если не пользоваться классическим определением диаспоры (мечта о возвращении на первородину, компактное проживание), то элементы диаспорального поведения присущи весьма многим: взаимопомощь в поиске работы официальной (математики, программисты, биохимики и пр.) и неофициальной (няни, работники по уходу за престарелы-

ми), организация досуга, общения и, конечно, титанические усилия по поддержанию или даже изучению русского языка. Мария Белоусова (Belousova 2011) считает, что сети русскоязычных создаются по принципу уже существующего знакомства, профессиональных объединений, аффилиации с церковью или синагогой (а также еврейскими центрами по уходу за детьми или за престарелыми).

Но именно идея **сохранения языка и культурной грамотности (компетентности)** становится для существенной части русскоязычного мира главной «скрепой», потому что конфессиональные, политические и другие взгляды далеко не всегда совпадают. Ощущение причастности к России, представления о **своем** происхождении (причем своем в более глубоком, чем можно предположить, смысле – своем варианте российского), воспроизводство идентичности, порой очень сложной, поэтому говорить о прямой передаче ее элементов, едва ли возможно, у современных выходцев из страны и их потомков выражается во множественных культурных и повседневных практиках. Среди них – кулинарные традиции, праздники, совместный досуг, способ организации домашнего пространства, некие ритуалы – например, «сесть на дорожку». Остается надеяться, что эта дорога будет долгой и успешной.

Литература

- Абдурашитова 2016 – Абдурашитова С.Я. Социолингвистические особенности языковой ситуации в городе Нью-Йорке // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2016. № 7–2 (61). С. 47.
- Азраэль, Брукофф, Школьников 1992 – Азраэль Д.Р., Брукофф П.А., Школьников В. Д. Перспективы миграции и эмиграции из бывшего СССР // Бывший СССР – внутренняя миграция и эмиграция. Вып. 1. М., 1992. С. 5.
- Антошин 2011 – Антошин А.В. Культура Российской диаспоры в США (1960–1980) // Ойкумена Регионоведческие исследования. 2011. № 1. С. 1 – 11.
- Богина 1976 – Богина Ш.А. Иммигрантское население в США. Л., 1976. 276 с.
- Борлакова 2009 – Борлакова Ф. А. Карачаево-Балкарская диаспора в США. Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 15. С. 9–15.
- Бурвикова 2012 – Бурвикова Е. Русский язык в Новой Англии: опыт преподавания РКИ в университетах // Русский язык за рубежом. 2012. № 1 (23). С. 116–120.
- Воробьева 2012 – Воробьева О.В. Литературные объединения Русской Америки на рубеже XX–XXI веков (традиции и современность) // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 262–267.
- Гапова 2004 – Гапова Е. Жены русских программистов, или Женщины, которые едут вслед за мужчинами // Семейные узы: модели для сборки. Сост. и ред. С. Ушакин. М., 2004. С. 409–431.
- Дубинина, Полинская – Дубинина И.Е., Полинская М.С. Русскоговорящие американцы: лингвистические портреты // https://scholar.harvard.edu/files/mpolinsky/file/s/inion_article_mp.id_aug_12.12_0.pdf
- Зацепина, Ручкин 2013 – Зацепина О.С., Ручкин А. Е. Русские в Америке: Общественные организации русской эмиграции в XX–XXI веке. RACH, 2013. 290 с.
- Калинкин 2011 – Калинин В.Ю. Особенности политической деятельности русскоязычной диаспоры в США. М.: МГУ, 2011.
- Комарова 2002 – Комарова Г.А. Русский Бостон. М.: ИЭА РАН, 2002. 306 с.
- Кудеярова 2003 – Кудеярова Н. Ю. Кубинская диаспора в США // Лат. Америка. 2003. № 4. С. 58–65 и № 5. С. 91–101.
- Найденова 2010 – Найденова Н. RunGLISH. СПб., 2010. 100 с.
- Низамова 2008 – Низамова Л.Р. Меньшинства, ассимиляция и мультикультурализм: опыт России и США // Ученые записки Казанского Государственного Университета. Т. 150. Кн. 4. 2008. С. 225.
- Нитобург 2005 – Нитобург Э.Л. Русские в США: история и судьбы (1870–1970). М., 2005. 421 с.
- Огонек 1991 – Огонек. 1991. № 45. С. 27.
- Орехова 2003 – Орехова И.А. Языковая среда. Попытка типологии. М., 2003.
- Остроух, Золотухина 2016 – Остроух И.Г., Золотухина М.В. За пределами России // Брикс. 2016. № 3 (14).

- Петров 1992 – Петров В. П. Русские в Америке XX век. Вашингтон: Изд-во Русско-Американского ист. о-ва, 1992. 149 с.
- Пронин 2000 – Пронин А. А. Историография российской эмиграции. Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2000.
- Протасова, Каган 2012 – Протасова Е.Ю., Kagan O. Heritage Language Learners of Russian and L2 Learners in the Flagship Program: A Comparison // Kagan O., Kudyma A. Russian Language Journal. 2012. V. 62. С. 27–46.
- Пустовойт 2015 – Пустовойт И.В. На перекрестке двух мировых языков: русскоязычная диаспора США // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ в 15 т., 2015. С. 166–170.
- Пушкарева 1996 – Пушкарева Н.Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Российская история. 1996. № 1. С. 53–58.
- Русская жизнь 1983 – Русская жизнь. 1983. 22 сентября, цит. по (Антошин 2011).
- Романов 2016 – Романов А.Ю. Студенты с унаследованным русским языком в США: учет мотивационных ориентаций при обучении и преподавании // Русистика и современность 2016. № 2. С. 167–175.
- Ручкин 2016 – Ручкин А.Б. Русская диаспора в США: реакция общественных организаций на события на Украине и присоединение Крыма. Знание/понимание/умение. 2016. № 1. С. 201–215.
- Русская диаспора 2013 – Русская диаспора в США: «Не будет еще одной волны эмиграции» («Окно в Россию». 11 января 2013 // <https://news.rambler.ru/politics/17118588-russkaya-diaspora-v-ssha-ne-budet-eshe-odnoy-volny-emigratsii-okno-v-rossiyu>.
- Садыкова 2012 – Садыкова Л.Р. Тюрско-татарская диаспора в США, ее формирование и деятельность. Вестник ВЭГУ. 2012. № 3. С. 161–164.
- Семочкина 2014 – Семочкина Е.И. Волны российской эмиграции как историографическая проблема современного отечественного эмигрантоведения // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 1. С. 78.
- Сидорова 2012 – Сидорова Е. Особенности еврейской диаспоры в США Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 10. С. 69–78.
- Соловьева, Ворокова 2016 – Соловьева Е.А., Ворокова М.К. Деятельность российских русскоязычных СМИ на территории США: социокультурная миссия или инструмент внешней политики? // Новая наука. От идеи к результату. 2016. № 12(4). С. 86–89.
- Сорокина 2011 – Сорокина Т.В. Русскоязычные общины в США и перспективы политического лоббирования российских интересов // Вестник ТГУ. Вып. № 9(101). 2011. С. 308–311.
- Тишков 2002 – Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнологическое обозрение. 2002. № 2.
- Толстикова-Маккей 2012 – Толстикова-Маккей И.Ф. Русскоязычная пресса США: история становления, содержательная специфика и функции // Русский язык за рубежом. 2012.
- Хисамутдинов 2010 – Хисамутдинов А.А. Русские в Америке: проблемы адаптации. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 4. С. 9–16.
- Черногорцева 2008 – Черногорцева С.В. Этнические диаспоры в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 2.
- Юсупова 2016 – Юсупова А.Ш. Набиуллина Г.А. Язык и этническая идентичность татарской диаспоры в США. Вестник Чувашского университета. 2016. № 2. С. 158–164.
- Письменные тексты 2014 – Письменные тексты билингвов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 3. С. 116.
- Andrews 1999 – Andrews D.R. Sociocultural perspectives on language change in diaspora: soviet immigrants in the United States, Amsterdam-Philadelphia, 1999.
- Belousova 2012 – Belousova Maria. The Russian Diaspora in the US // Russian Analytical Digest. №. 107. January 27 2012. http://www.laender-analysen.de/russland/rad/pdf/Russian_Analytical_Digest_107.pdf.
- Eubank 1986 – Eubank N. The Russians in America. MN. 1986. 92 p.
- Govorchin 1993 – Govorchin G.G. From Russia to America with Love: A study of the Russian Immigrants in the United States. Pittsburgh, 1993.
- Isurin 2011 – Isurin L. Russian Diaspora: Culture, Identity, and Language Change. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2011. 234 p.
- Itkowitz 2017 – Itkowitz C. “I am American right now: Russian immigrants split over rising hostilities with their native country // The Washington Post. October 20, 2017 <https://www.washingtonpost.com/news/post->

- nation/wp/2017/10/20/i-am-american-right-now-russian-immigrants-divided-over-rising-hostilities-with-their-native-country/?utm_term=.4ec61ca79541#comments.
- Itkowitz 2017 – Itkowitz X. Russian Americans divided over Trump, fear another Cold War // The Washington Post. October 20. 2017 / https://www.washingtonpost.com/national/russian-americans-divided-over-trump-fear-another-cold-war/2017/10/20/9333b79c-ae8-11e7-be94-fabb0f1e9ffb_story.html?tid=a_inl&utm_term=.74c24af36b99.
- Kagan 2010 – Kagan, O. Russian Heritage Speakers in the US: A profile // Russian Language Journal. Vol. 60. 2010. P. 21–228 / <http://www.jstor.org/stable/43669184>.
- Karlin 2012 – Karlin, A. The 5 Types of Russian Americans. June 11 2012 // <http://akarlin.com/2012/06/the-5-types-of-russian-american>.
- Khazan 2016 – Khazan, O. Why Soviet Refugees Aren't Buying Sanders's Socialism. Atlantic. April 12. 2016 / <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2016/04/bernie-sanders-trump-russians/477045>.
- Laleko 2013 – Laleko, O. Assessing Heritage Language Vitality: Russian in the United States / O. Laleko // Heritage Language Journal. 2013. V. 10. № 3. P. 89–102.
- Morris 1991 – Morris R.A. Old Russian ways: cultural variations among three Russian groups in Oregon. N. Y.: AMS Press, 1991.
- Neha Thirani Bagri 2016 – Neha Thirani Bagri. The heart of a Russian enclave in New York beats strong for Donald Trump // Oct 17, 2016 / <https://qz.com/809857/the-heart-of-a-russian-enclave-of-new-york-beats-strong-for-donald-trump>.
- Norton 2011 – Norton W.P. Rediscovering Russian America. Oct 19, 2011. Institute of Modern Russia // https://www.imrussia.org/index.php?option=com_content&view=article&id=133:rediscovering-russian-america&catid=56:society-a-trends&Itemid=99&lang=en.
- Orleck 2006 – Orleck A. The Soviet Jewish Americans // Greenwood Press. 2006. 216 p.
- Pivovarov 2015 – Pivovarov E.G. Historiography of the Russian Diaspora in the USA // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 1. С. 113–121.

Глава 11

Русское сообщество приграничных районов Китая¹

Термином «Трёхречье» в современной синологии принято обозначать междуречье трёх притоков реки Аргунь – рек Ган, Дербул и Хаул, расположенное в северной части АР Внутренняя Монголия, либо район северо-восточного Китая, протянувшийся между реками Амур, Сунгари и Уссури. Среди коренного населения этих земель помимо тунгусов, дауров, ороченов, монголов и пр. были и русские казаки. Первые казачьи заимки и зимовья появились сперва вдоль р. Хаул, а затем и по рекам Ган и Дербул. Казаки пасли здесь скот, заготавливали сено на зиму, «зверовали». В местах охоты казаки строили охотничьи избушки, создавали заимки, имевшие временный, сезонный характер. В них укрывались в непогоду и жили во время покоса или зимней охоты. Практически все первые заимки со временем переросли в посёлки и деревни (Кайгородов 1993: 3).

Помимо казаков в Трёхречье жили золотоискатели, а также прятались от российских властей политкаторжане (Аргудяева 2003: 102). В ходе проведённых мною полевых исследований удалось установить, что и сейчас в регионе проживают семьи, чьи предки занимались добычей золота в близлежащих районах. Например, рядом со зданием администрации посёлка Эньхэ расположен дом с надписью на русском языке – «Счастливая семья». В нём проживает и содержит частную гостиницу «Дом у Анны» полукровка Анна Ли-Балябина. В XIX в. её дедушка, этнический китаец, занимался незаконной добычей золота в Китае и в России. Особенно часто он уходил на работы в известное своими запасами золота местечко Балей. Из очередной поездки он привёз в Китай русскую жену. «Посмотрите яку бабушку нашёл себе дедушка! – говорит Анна,

протягивая чёрно-белую фотографию. – *Маленькая девочка – это я!*» Русская женщина родила своему мужу пятерых детей. Внучка этой пары – Анна Ли (1948 г. рождения, по матери – Балябина) хорошо говорит по-русски и соблюдает русские традиции. Её дочь также хорошо понимает русский язык, но уже не говорит на нём. Внук не знает по-русски ни слова. Поддерживая политику властей по привлечению в край туристов, Анна открыла частную гостиницу на двадцать спальных мест. Эта работа даёт ей неплохой, по местным меркам, заработок (ПМА Балябина).

Упомянувшиеся выше беглые политкаторжане также нередко вступали в смешанные браки, в которых рождались русоволодые дети. Такие семьи жили в русских избах, держали коров и лошадей, мужчины ходили на охоту. Писателю и этнографу А.М. Кайгородову, выросшему в трёхреченской деревне Дубовая, с помощью опросов местных старожилов, удалось установить даты основания и имена первых поселенцев почти всех деревень Трёхречья. Согласно этим данным, все они возникли в период с 1880 г. до середины 1920-х годов (Перминов). Ю.В. Аргудяева приводит несколько иные данные. Например, хутор Ивановка, состоявший из четырёх дворов с небольшими огородами, был образован в 1870 г. На месте заимки Парамонова в 1875 г. появился хутор Ернишная, состоявший из четырёх дворов с огородом и баней. Посёлок Черноусиха, известный своими высокими урожаями ржи, возник в 1885 г. на месте заимки, созданной Т.И. Лопатиным. Деревня Манерка, славившаяся своим богатством и тысячными отарами овец, стадами крупного рогатого скота и табунами лошадей, была основана в 1890 г. на месте заимки С.Л. Шестопалова (Аргудяева «Абигос»). В превращавшихся в крупные деревни заимках и хуторах жило исключительно русское население. Хотя по сосед-

¹ Глава подготовлена по теме НИР «Кросс-культурные и междисциплинарные исследования».

ству проживали китайцы, корейцы, монголы, эвенки и др.

За долгие годы судьбы проживавших в Трёхречье народов (китайцы, монголы, корейцы, хуэй, эвенки и др.) тесно переплелись. Было заключено много межнациональных браков, результатом которых стало не одно поколение метисов. Неслучайно и теперь отличительной чертой региона остаётся полиэтничность, поликонфессионализм и мультилингвизм.

С законодательной точки зрения право на сельскохозяйственное освоение русскими земель было закреплено соглашением о предоставлении сроком на двенадцать лет права аренды земельных участков в Трёхречье с возможностью возводить на них постройки. Соглашение было заключено хайларским вице-консульством ещё в 1914 г. Его действие распространялось на территории вдоль р. Аргунь от старого Цурухайта до Меректа, а также по р. Хайлар с притоками и вдоль линии КВЖД (Голгофа 480). Однако китайские власти предусмотрели для русских ограничения. В документе, носившем название «Условия найма рабочих для засева земли», русские арендаторы земли назывались рабочими, арендовавшими один посев из части урожая. Такие условия сохранялись до 1926 г., когда начальником Хулунбуирского округа было принято решение о пересмотре правил аренды.

Начиная с 1919 г., в Трёхречье устремляется непрерывный поток беженцев. В числе первых на китайскую сторону переместились крестьяне российского Приаргунья. Эту страницу российской истории наглядно иллюстрирует история жителя посёлка Сенькина Падь Приаргунского района Читинской области Карпа Михайловича Пешкова (род. 1912 г.), интервью у которого взял известный исследователь А. Тарасов (Тарасов 2007). В 1920-е годы родители увезли его из казачьего посёлка Зоргол в Китай, на правый берег р. Аргунь, где до 1968 г. он жил в трёхреченском посёлке Попирай:

«В двадцатом году, мне было семь лет... нет, семи-то еще не было. Мы уехали –

наверное, в феврале... в январе ли? Отсэдова за границу. Мы Аргунь переходим, значит, и там сразу китайская, свободно. Мы жили на самой границе, звон – Зоргол, 25 километров отсэда, близко... было же изгонение, убивание людей. Приходят, всё тащат, грабят, убивают. Видите, какая было. Коммунисты, оне, значит, говорят: этот белобандит – и начинают его прижимать. И уничтожат тоже – перебили много, кладбища-то вон какие по границе тут... Я помню, как переходили границу, мама, сестра была с нами. Отец и сестра старшая, два брата – те вперед уехали за границу. У нас там скот был немного, там жили они. А мы тут в их дому жили. Так потом отсэль туды перешли тоже мы, переехали. Пешкам переходили границу-то, Аргунь. Чё, близко же, видно все» (Тарасов 2007).

Вслед за крестьянами Приаргунья начали прибывать беженцы из Сибири и Забайкалья. Позднее через Баргу отступали войска атамана Семёнова и других лидеров «белого» движения, часть из которых осела в этих краях. Китайские власти весьма спокойно отреагировали на массовый приток беженцев в свою страну.

«Ну, чё они, сильно нас ничё не прижимали так. Но вот налоги брали с нас тоже. Облагали там, за сено, за землю вот. Сеяли, платили мы. А в поселке у нас китайцев мало было. Семейки такие были, семейные люди. А таких не было, мало было. Жизнь-то негде тут имя. А потом когда обжилось всё, они потом налезли. Но не много же их было, все боле русски были» (Тарасов 2007).

В итоге, нестабильность в России (революция, Гражданская война и притеснения, чинимые большевиками), благоприятные природно-климатические условия Трёхречья (обширные поля, богатые зверем леса, обилие рыбы, неразработанные месторождения полезных ископаемых) и согласие китайских властей на освоение региона привели к тому, что в северо-восточной части Китая – нынешний северо-восток автономного района Внутренняя Монголия – сформировалась крупная русская община.

Численность общины постоянно росла на протяжении 1920–1930-х годов.

Освоиться на новой территории, особенно в первые годы, было чрезвычайно тяжело. Беженцы были лишены всего – дома, земли, средств к существованию, скота. Приходилось осваиваться в практически безлюдных районах Трёхречья, адаптироваться к новым условиям.

«Ну, народ – куды деваться, там делали такие землянушки. Где-нибудь в горах подроет и заделает – живут. Кризис же был, ни леса, ничё нету. А вот так потом постепенно начали там строиться посёлочки, а то заимки были как. Ничего не было, чистое поле. Много-много, у нас там вот посельчанцев было, много. А потом начали кому где какой посёлок интереснее, он туды переезжат. Там родство какое-нибудь, ещё чё так, жили... Потом дома начали, тоже брёвна стали возить. Стали строить посёлки, стало походить на жильё потом. А то в землянушках жили, вот выкопает где-нибудь, и жили. Не пропали» (Тарасов 2007).

Утратив в скором времени надежду на быстрое возвращение, русские переселенцы начали заниматься привычным для них видом деятельности – сельским хозяйством. Основной упор был сделан на земледелие и молочно-мясное скотоводство. Сеяли казаки в основном рожь, пшеницу, ячмень, коноплю; из домашнего скота держали обычно коров, овец и коз. Благодаря казачьему укладу жизни, основанному на принципах демократии, общинного землепользования, трудолюбия, взаимовыручки и братской поддержки, край быстро расцвёл, а люди в короткий срок достигли высокого уровня достатка. Излишки получаемой продукции казаки сбывали на крупных местных рынках, получая взамен те продукты питания, которые им были необходимы для сохранения привычного рациона.

Оказавшись оторванными от Родины, русские переселенцы особенно ревностно стали бороться за сохранение своего привычного жизненного уклада и православных традиций. Не всегда выполняя церков-

ные предписания на Родине, казаки строго следовали им на чужбине. В те сложные годы церковь стала сильной консолидирующей основой для русских беженцев.

«Церковь потом стали строить, да. Када обжились-то. У нас там все верующие были. Священников высылали нам с этой, с Харбина – епархия-то эта у нас была, – оттудаво. Ну, а как же, помню батюшку. У нас был отец Ланский перва, потом Маккавеев, ещё священники там, не помню много, менялись они. Кто приболет, кто чё-нибудь... Школы были, как же. Перва такие делали, в домике пустом у нас. А потом стали школы делать. Школы, церкви сразу начали делать» (Тарасов 2007).

В настоящее время православная вера продолжает занимать особое место в жизни представителей русского национально-го меньшинства Китая. Например, некоторое время назад русские жители села Шивэй (Шивэй-русской национальной волости АР Внутренняя Монголия) собственными силами возвели небольшое здание, напоминающее часовню, куда по праздникам ходят помолиться. Многие жители соблюдают Великий пост и отмечают наиболее значимые церковные праздники. С подачи местных властей празднование Пасхи стало не только официальным, но и коллективным мероприятием, во время которого верующие собираются за общим праздничным столом в центре города Лабдарин. После окончания местные жители расходятся по домам для продолжения празднества в кругу семьи. Одна из местных жительниц Татьяна Кайгородова (по отцу – Ма; а по маминой бабушке – Анабутина) рассказала, что Пасху неизменно праздновали и её родители, и она сама, а теперь и её дети. И хотя дети сейчас ощущают себя китайцами, они по-прежнему соблюдают старые обычаи: в пост не едят масло, мясо, яйца, не пьют молоко. Таня рассказала, что когда была маленькая, особенно тяжело давался отказ от яиц, ведь «пища и без того была не питательная» (ПИМА Кайгородова).

Церковные праздники – важная духовная составляющая жизни русских жителей Китая. Как в прошлом, так и сейчас к каждому торжеству тщательно готовятся: убирают дом, накрывают на стол, покупают красивую одежду и подарки. Совместная молитва неизменно усиливала ощущение единства, родного плеча рядом. В это время отступает тоска по дому, и чувство оторванности от Родины становилось менее острым. До сих пор главными праздниками церковного календаря остаются Рождество и Пасха. На Пасху пекут необыкновенно вкусные куличи, красят яйца, дом украшают вербовыми или любыми другими веточками. На Рождество ходят колядовать, кататься с гор, устраивают всевозможные забавы.

«Все праздники у нас были, а с китайцем – не-е, оне к нам не касались. Так оно все мы справляли православны праздники. Все какие есть-были, все мы их и справляли. Паска и Рождество, и всё. В такие праздники тоже мы никогда не работали. Пашешь ли там, косишь сено, праздник – поехал домой. Пропраздновал, завтра обратно на работу. Мы все праздновали праздники. [На Пасху] было так, качели делали, ставили, качались. Но была, видите, у детей, у всех радость какая-то, праздник. Так оно и шло, Паска же – великое дело. Священники были, службы. И такие праздники, все справляли. Рождество тоже так же. Христовлащики всё ходили. Никто нам не отказывал, ничё. Китайцы не вмешивались» (Тарасов 2007).

Русские Трёхречья до сих пор сохраняют пищевые традиции своих русских предков, испытав влияние и китайской кулинарной школы. В их каждодневный рацион входят картофель (жареный и отварной), соленья (огурцы, помидоры, чеснок), яйца (варёные, яичница с колбасой и помидорами), свинина (жаркое, котлеты, пельмени), выпечка (пироги с капустой, яйцами, картофелем, с мясом и овощами), молочно-кислые продукты (сметана, масло, творог, сыр¹) и т.п.

¹ Молочно-кислая продукция Внутренней Монголии отличается от аналогичной в Рос-

Первые русские жители Трёхречья не перенимали китайских традиций и китайского языка. Это происходило прежде всего потому, что жители большинства посёлков были русскими и необходимость в китайском языке была минимальной. Беженцы говорили на русском, а китайским языком пользовались лишь в крайних случаях.

Жизненные истории русских Трёхречья очень похожи. Например, в Шивэе проживает семья Лины Васильевны Ведерниковой, одной из старейших местных жительниц. В её семье нескольких поколений. Сама Лина Васильевна родилась в 1926 г. Её мама была родом из г. Тайнинска. Рано лишившись родителей, она прожила тяжёлую жизнь:

«Мама всяку жизнь приняла. Мать её после родов сразу и померла. Дедушка отдал её другим в дети [отдал на воспитание в другую семью – прим. авт.]. Потом арестовка была большая, когда красный с белым воевал. Однако вскоре народ слобождать стали. И мамин дедушка пожелал её суды [в село Шивэй – прим. автора], и она пришла» (ПМА Ведерникова).

В Шивэе она вышла замуж и родила девять детей. Её мужа-китайца русские называли Василием. В России у матери Лины Васильевны не осталось родных, поэтому, когда появилась возможность вернуться на Родину, переезжать она не стала. Кроме того, село в это время окружали исключительно русские деревни. Рассказывая о своей семье, Лина Васильевна называет современные китайские сёла русскими именами: Верх-Кули, Новый Аргунск, Караванная и др. Молодость Лины Васи-

сии. Технологии производства многих молочно-кислых продуктов были привнесены в регион русскими переселенцами, хотя молоко исторически занимало важное место в жизни кочевых народов, например, монголов. А общение русских мигрантов с местными жителями обогатило китайский язык рядом новых слов, среди которых слово «симидань», или сметана, «леба» – хлеб и др. Сметана, производимая во Внутренней Монголии, намного жирнее русской и напоминает кислое сливочное масло.

льевны совпала со временем японской оккупации: «Если видим, японцы едут, бежим сполоняться» (ПМА Ведерникова). Каждого, имеющего русские корни, подозревали в шпионаже, допрашивали и нередко пытали. Воду в то время брали в реке. Из-за этого, опасаясь диверсий и передачи секретной информации советским гражданам, над рекой японцы ставили дозорного. Местные жители, подходя к реке, должны были следить за тем, чтобы в это же время никто на противоположном берегу не пришёл по воду, в противном случае японцы подозревали жителей деревни в переговорах, пособничестве СССР и учиняли допрос:

«Чичас жизнь лёгка. А тогда нет. По берегу чяжело было. Японцы спрашивают: “Вы кого стояли тут? Вы туда хотите?”. А ведь тут русские хлеба сеяли, но потом был какой-то конхликт, и русские назад» [ПМА Ведерникова].

Именно из-за творимых японцами бесчинств Лину Васильевну рано отдали замуж. Её муж Иван Самохвалов, как и она, метис. Он и его брат двойняшки, обоих назвали Иванами: старшего – «большим», младшего – «малым». У большого Ивана и Лины родилось девять детей: Женя, Тоня, Прасковья, Зина, Вася, Миша, Коля, Витя, Юра.

«Большим-то досталось. Нянек не на чо достать, так сами нянчили. Молодежу – то нонче лёгка жизнь. Про ранешню жизнь слушать не хотят. Не верят» (ПМА Ведерникова).

В семье Лины Васильевны празднуют как русские, так и китайские праздники, так как по мнению Лины Васильевны нельзя обижать ни память отца, ни память матери. Все дети Лины Васильевны закончили школу, работают. Она довольно легко отдала дочерей замуж, а вот сыновьям пришлось долго искать невест. Китайки не хотели идти замуж за полукровок.

«Девшник-то дочкам делала. А старший [старший сын – прим. автора] во внутрени Китай ездил за женой. Тут-то за него не шли. Мекисы за мекисов тоже не идуть»

Чичас-то ничо, всё прошло. Зима не лето, пройдёт и это. Так что нам не чо чичас ватажиться» (ПМА Ведерникова).

Следует заметить, что немногочисленность русско-китайских браков сохранялась на протяжении всего XX в. Это подтверждают слова другого жителя Трёхречья, К.М. Пешкова. По его рассказам межэтнические браки периодически заключались под давлением со стороны китайцев. Китайские пограничники и другие чиновники нередко шантажировали русских девушек запретом на въезд в страну. Боясь возвращения в Россию, дочери многих зажиточных крестьян («кулаков») были вынуждены соглашаться на такой брак:

«Так выходили, как не выходили [замуж за китайцев – прим. автора]? Ум-то всякой, у каждого свой. Но мало у нас, почти не выходили за китайцев, за полукровцев выходили, вот. А вот за китайцев, я чё-то не помню, такого у нас не было. Это вот отсэдова когда изгоняли народ, переходили, на Аргуни же эти были, посты. Бакалеи назывались. И вот тут они, где девчонка, значит, переходит, она там прижмут. Замуж ее забирает, вот какой китаец хочет. Вот такая-то была штука, прижимали оне. Не хочешь – обратно пойдешь. Она бьётся-бьётся, и идёт. Хороши девушки выходили, богатые, отцы были, а вот видел! Вот это было» (Тарасов 2007).

Сейчас все дети Лины Васильевны уже на пенсии, а сама она вдова. Из Шивэя она выезжала лишь несколько раз: «Езжала до Якишей, до Хайлару. Семья-то больша. Времени мало» (ПМА Ведерникова).

Когда была маленькая, ездила с отцом в какой-то приграничный российский город. Из всей поездки больше всего запомнился обед, во время которого подавали сибирские пельмени:

«В печи горшочки. А хозяйка их ухватили, да в печь. У нас того ж не было. Хлеб давали к пельменям. Я булку-то одну нарушила. Глядь, латочку подали и деревянны чашечки. А пельмени маленьки. Еки пельмени маленьки! И всегда с бульоном»

Отец говорит: “Ешь!”. А мне всегда чай глянется» (ПМА Ведерникова).

Зимой дети Лины Васильевны разъезжаются по городам, и она остаётся одна: *«В моих-то годах старух мало. Сижу одна»* (ПМА Ведерникова).

О современной жизни Лина Васильевна отзывается хорошо, говорит, что препон русскому языку никогда не чинили, потому и помнят его старожилы: *«Чичас всё другое. Люди живут на слободе. Молодежу жизнь чичас вообще легка и свободна. Только поговор у вас чичас другой. Большие по городскому. А мы всё на прямы говорим, а вы на “вы”, да чуть что “да” да “да”»* (ПМА Ведерникова).

В 1926 г. местные китайские власти решили пересмотреть условия пользования землёй для русских. Новое постановление позволяло русским заниматься сельским хозяйством при условии принятия китайского подданства или поступления в так называемые «наёмные рабочие» к китайскому обществу, арендовавшему у правительства район Трёхречья. Общим решением русские жители Барги постановили перейти в разряд «наёмных рабочих», не желая менять своё подданство. Для советских граждан, желающих возделывать земельные участки Трёхречья, достаточно было получить пропуск на пересечение границы и уплатить арендную плату.

Проживание в непосредственной близости от российско-китайской границы потенциальных врагов советской власти не могло не тревожить кремлёвское руководство. В результате, в 1920-е годы было предпринято несколько вооружённых вылазок на китайскую территорию, в ходе которых отряды молодых забайкальских коммунистов под прикрытием пулемётов нападали на русские поселения Трёхречья, грабили и убивали местных жителей (Кайгородов 1990–94: 4–5). Карательные отряды, среди которых был особенно известен отряд Степана Толстокулакова, вынудили осевшее здесь русское население покинуть обжитые места и уйти дальше от границы. В приграничной зоне остались жить лишь китайцы, у большин-

ства которых были русские жёны (Перминов). Итогом данных операций было следующее: 1) физическое уничтожение большого числа русских беженцев (прежде всего, мужского пола); 2) психологическая дестабилизация обстановки в русской эмигрантской среде Трёхречья, лишение беженцев чувства покоя; 3) возобновление миграционных процессов в Трёхречье, отъезд русских из приграничных территорий вглубь Китая и за его пределы.

Действия большевиков вызывали горячий отклик в эмигрантской среде. После очередной бойни, устроенной коммунистами в Китае в 1929 г., в свет вышла гневная статья под названием «Трёхреченская Голгофа» (Голгофа 2004). Работа имела вид воззвания к мировому сообществу с просьбой жёстко отреагировать на зверства большевизма, чинимые в отношении жителей Трёхречья. Автор воззвания рассказал о благополучии, достигнутом русскими мигрантами, укрывшимися от «красных» в Китае. Указывая на различия в уровне благосостояния между бедствующими жителями советской России и зажиточными, трудолюбивыми трёхреченцами, он обличал большевистский строй. События второй половины 1929 г. и начала 1930 г. получило название «Трёхреченский погром». Согласно приводимым автором статьи данным в результате этой вылазки были убиты или сильно пострадали жители ряда посёлков. В посёлках Цанкыр (24 убитых) и Тынэхэ (64 убитых) из мужского населения в живых осталось только трое человек. Кроме того, были разгромлены посёлки Домасово (50 убитых), Камары, Наждин, Кули, Лабдарин и др. (Голгофа 2004: 485). В это же время советские источники сообщали, что в ходе операции на территории Китая были разбиты «белогвардейские отряды», потерявшие убитыми 140 «белобандитов».

Событие всколыхнуло русских трёхреченцев. В испуге они побросали свои дома, скот, землю. В итоге, в течение десяти дней с начала погромов в Хайларе и в Якешах было сосредоточено уже около

1200 беженцев, продумывающих пути своего дальнейшего перемещения. Реакция эмигрантских центров была незамедлительной. В Харбине, Шанхае и других городах были созданы комитеты помощи трёхреченцам, организовывалось предоставление материальной и медицинской помощи пострадавшим. Ряд общественных организаций обратился за помощью к жителям Европы и Америки.

В уже упоминаемой статье «Трёхреченская Голгофа» (Голгофа 2004), приводятся данные о численности русских в Трёхречье в конце 1920-х годов: к северу от КВЖД около 60 русско-китайских посёлков (1300 хозяйств; до 7000 человек; 35% населения – русские); в районе Трёхречья (Ган, Дербул, Хаул) русские – 9/10 общего количества населения; в долине р. Гана – 9 русских посёлков (202 хозяйства; 1130 человек обоего пола); в долине р. Дербула – 8 русских поселений (151 хозяйств; 865 человек обоего пола); в долине р. Хаула – 4 селения (22 хозяйства; 135 человек обоего пола). Итого, всего в Трёхречье насчитывалось 21 поселение (375 хозяйств; 2 130 человек обоего пола). Население района Мергело-Хайларской долины, преимущественно русское, насчитывало 1200 человек. В целом, по речным долинам насчитывалось 799 русских хозяйств с 4 619 населением обоего пола, а по всей Багре – около 23 000 русских.

Население Трёхречья сформировалось в основном за счёт беженцев из России. Однако со временем сюда стали приезжать русские из других районов, включая пристанционную полосу КВЖД и такие города, как Хайлар, Маньчжурия, Харбин. Ю.В. Аргудяева приводит следующие данные: в конце 1944 г. в 16 посёлках Трёхречья проживало 9050 чел., из которых 4739 – мужчины и 4311 – женщины (Аргудяева «Абирус»). А по данным, приводимым А. Кайгородовым, в 1945 г. русское население Трёхречья составляло 11 тыс. чел., включая жителей 16 посёлков и 3 выселков. В подавляющем большинстве это были забайкальскими казаки с семья-

ми, бежавшие сюда во время Гражданской войны или в период коллективизации 1930-х годов, т.е. так называемые «тридцатники» (Кайгородов 1993: 141). По сведениям В.В. Перминова, численность русских в 19 посёлках Трёхречья к 1945 г. составляла 20–25 тыс. человек. После ввода в край советских войск численность русских резко сократилась. А крупная деревня Верх-Урга, насчитывавшая около 800 жителей, исчезла вовсе (Перминов).

В августе 1945 г. вторым эшелоном войск НКВД была арестована и депортирована в ГУЛАГ и СССР примерно четвертая часть всего мужского населения Трёхречья. Осенью 1949 г. собравшие богатый урожай казаки по тайной инициативе советского консульства были раскулачены, а в деревнях были созданы колхозы. Это спровоцировало новый отток жителей из края. В 1954 г. под видом репатриации для освоения новых земель (например, целинных земель Казахстана) началась депортация русских беженцев, осуществляемая по инициативе СССР и с согласия китайской стороны.

«Попросили нас, мы и поехали. Убраться же, как же, на родину. Вот и поехали потом. Все уехали, всё бросили китайцам» (Тарасов 2007).

После депортации основного населения в Трёхречье осталось примерно 3 тыс. человек. В 1959 г. они подверглись очередному раскулачиванию. На этот раз, оно осуществлялось по инициативе китайского руководства:

«...забирали все и навсегда, не разрешили сеять хлеб, оставили на семью только по корове, лошади и 5 овец» (Перминов).

Тем не менее, уже спустя несколько лет многие хозяйства возродились. В 1962 г. Китай позволил русским трёхреченцам выезжать за рубеж. Многие русские мигранты предпочли уехать в другие страны: Австралию (примерно 80% (225 семей) всего потока), Аргентину, Боливию, Бразилию, Парагвай и др. Оставшиеся в Китае русские до конца держались за родные посёлки. До-

жившие до начала 1970-х годов последние трёхреченцы из посёлков Дубовая, Усть-Урга, Покровка, Верх-Кули всё-таки выехали в Казахстан, откуда затем многие переехали в Красноярский край и Приаргунье. В.В. Перминов писал, что в 1972 г. во всём Трёхречье насчитывалось всего 23 русских, проживавших в Дубовой, Усть-Кулях и Тулунтуе. В конце 1970-х в Дубовой умерла последняя русская женщина Полина Ельчина (Перминов). В основанные русскими посёлки въехали китайские переселенцы. Однако, в настоящее время в Трёхречье всё ещё живут люди с русскими корнями. Это потомки от смешанных браков русских с китайцами.

Дать правильную оценку перемен, затронувших русских края в 1950-х годах и позднее, а также охарактеризовать нынешнее их положение возможно лишь опираясь на данные пяти всекитайских переписей, проводившихся в 1953, 1964, 1982, 1990, 2000 годах (Нац. бюро статистики), материалов, публикуемых официальными службами Китая (Внутренняя Монголия), и пр. К представителям современного русского национального меньшинства в Китае относятся две категории лиц. Во-первых, это поселившиеся в КНР и принявшие китайское гражданство российские («эцяо» – «российские эмигранты») или советские («суцяо» – «советские эмигранты») эмигранты. Во-вторых, это так называемые «хуаэ хоуи» (досл. «потомки китайцев и русских»). К данной категории относятся лица, рождённые от смешанных русско-китайских союзов. Не все представители данной группы относятся к русскому меньшинству. Число чистокровных русских в регионе стремительно уменьшается, а доля «хуаэ хоуи» возрастает. Китайские учёные склонны характеризовать русских как «хунсюэ миынцзу», т.е. «народ со смешанной кровью» (Гутин 2011: 74).

Численность русского населения Китая вообще и Трёхречья в частности, начиная с 1950-х годов, изменялась радикально. Первых три Всекитайских переписи не фиксировали сколь-нибудь значительного

присутствия русских в стране. В 1954 г. в стране насчитывалось 22 656 русских жителей. После проведённой СССР репатриации и массового выезда из КНР к 1964 г. русских осталось 1326 чел. В 1982 г. их насчитывалось 2917 чел., в 1990 г. – 13 500 чел. Резкое увеличение численности русских в Китае в 1990 г., по всей видимости, объясняется тем, что в качестве русских стали регистрировать потомков от смешанных русско-китайских браков. А это, в свою очередь, стало следствием нормализации отношений между СССР и КНР в 1989 г. Произошедшие в отношениях двух стран перемены ярко иллюстрируются данными статистики. Согласно исследованиям 1982 г. в Право-Аргунском хошуне проживало всего двое русских. Но в 1989 г. в том же хошуне было уже 7012 потомков русско-китайских браков. В 1990 г. в Хулуьбуире было зарегистрировано уже 4219 китайских граждан русской национальности. А крупнейшими населёнными пунктами с наибольшим числом проживающих в них русских были признаны Маньчжурия (143 чел.), Хайлар (628 чел.), Чжаланьтуни (179 чел.), Якеши (725 чел.) (Тарасов 2005: 66). В 2000 г. численность русского национального меньшинства Китая составила 15 609 чел., из которых 5020 чел. проживали в АР Внутренняя Монголия (Гутин Вн. Монг.: 74–75). В 2001 г. в Хулуьбуире, преобразованном из аймака в город, проживало 4897 китайских граждан русской национальности (Тарасов 2005: 41). У многих русских жителей Трёхречья есть родственники в России. Следует отметить, что представители данного меньшинства проживают также в некоторых других регионах.

В настоящее время русские – это одна из 56 национальностей Китая. Несмотря на свою немногочисленность, они делегируют депутатов во Всекитайское Собрание Народных Представителей, а также в различные региональные представительства. Они говорят по-русски, сохраняют свои традиции и обычаи, являются православными. С 27 июля 1994 г. у русского мень-

шинства в Китае есть собственная национальная волость. Власти предоставляют русским гражданам Китая льготы по рождению второго ребёнка.

Русские мигранты, вернувшиеся в Россию, в настоящее время живут преимущественно в тех регионах, откуда они когда-то бежали. Их жизнь на Родине складывается по-разному. Нередко они испытывают сложности. Примером этого может служить письмо, написанное в начале 2011 г. атаманом Аргунской станицы Д.А. Медведеву. В этом письме потомственный казак рассказал президенту о сложностях своего края. Среди претензий, высказанных главе государства, была жалоба на отсутствие у казаков юридических прав на защиту рубежей своей страны, народное недовольство действиями пограничных войск. Атаман сетует, что *«местное население совершенно отстранено от забот о сохранении границы»*. По его мнению, большая зона отчуждения порождает бесконтрольное и безграмотное использование земель, в результате чего, *«край, некогда богатый и песенный, превратился в нищую резервацию для выживания местных жителей»*, а в душах казаков *«крепнет мнение, что экспансия Китая неизбежна и неотвратима и заранее спланирована Москвой»* (Письмо приаргунских казаков).

Источники и литература

- Аргудяева («Абирус») – Аргудяева Ю.В. Русские в Трёхречье // Проект «Абирус»: www.abirus.ru/content/564/623/624/639/11456.html.
- Аргудяева 2003 – Аргудяева Ю.В. Крестьяне-старообрядцы в Маньчжурии (по воспоминаниям мигрантов 1930-х гг.) // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества: материалы третьей международной научно-практической конференции. Владивосток: Информационно-рекламное агентство «Комсомолка ДВ», 2003. С. 99–106.
- Внутренняя Монголия – Официальный сайт Внутренней Монголии КНР: www.nmg.gov.cn (дата обращения 18.04.2017).
- Голгофа – Трёхреченская Голгофа // Приложение «Сибирское обозрение». Красный террор в годы гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / Под ред. Ю. Г. Фельштинского и Г. И. Черныявского. М.: ТЕРРА, 2004.
- Гутин 2011 – Гутин И.Ю. Динамика численности русского населения Синьцзян-Уйгурского автономного района (1949–2000 гг.) // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3 (18). С.74–82.
- Гутин Вн. Монг. – Гутин И.Ю. Динамика численности русского населения Автономного района Внутренняя Монголия КНР (1949–2000-е гг.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение, 2011. № 2. С. 72–85.
- Кайгородов 1993 – Кайгородов А. Русские заимки в Трёхречье (по личным наблюдениям) // Газета «Советское Приаргунье». 20 июля 1993. № 56.
- Кайгородов 1990–94 – Кайгородов А. Потерянная земля: (Ист.-этногр. очерк). Рукопись. М., 1990–1994.
- Нац. бюро статистики – Сайт Национального бюро статистики Китая. / National Bureau of Statistics of China: www.stats.gov.cn (дата обращения 14.06.2017).
- Перминов – Перминов В.В. Начало и конец русского Трёхречья // Информационный портал «Города Сибири»: www.xx13.ru/pages/perminov.htm (дата обращения 10.07.2017).
- Письмо приаргунских казаков – Письмо приаргунских казаков президенту России Д.А. Медведеву: www.arguncrisis.ru/pismo-argunskix-kazakov-prezidentu-rossii/ (дата обращения 11.07.2011).
- ПМА Балябина – Интервью с А. Балябиной-Ли. (ПМА, АР Внутренняя Монголия, г. Лабдарин, август 2009 г.).
- ПМА Ведерникова – Интервью с членами семьи Л.В. Ведерниковой (ПМА, АР Внутренняя Монголия, г. Лабдарин, август 2009 г.).
- ПМА Кайгородова – Интервью с членами семьи Т. Кайгородовой-Ма (ПМА, АР Внутренняя Монголия, г. Лабдарин, август 2009 г.).
- Тарасов 2005 – Тарасов А.П. Русские в приграничном Китае // Восток. 2005. № 4. С. 65–82.
- Тарасов 2007 – Тарасов А.П. Русские в Китае // «Эксперт Сибирь». 27 августа 2007. № 31 (173).

Глава 12

Русские в Словении: проблемы идентичности в конце XX – XXI вв.¹

Проблема историко-культурного присутствия россиян в зарубежных славянских странах после Октябрьской революции и в Новое время достаточно хорошо изучена в историографии этих стран, многое по этой теме опубликовано и в России. Однако проблематика русской иммиграции в Словении практически не получила освещения в русскоязычной² литературе. В словенской же науке опубликовано крайне мало историко-этнографических материалов по этой теме (Pulko 2004; Pulko 2010; Pulko 2010a; Брглез, Селяк 2003).

Обратимся к прошлому. Присутствие русской армии А.В. Суворова в словенских землях во время наполеоновских войн имело большое значение в утверждении идей славянской взаимности. Они широко охватили словенское общество в период господства в словенских землях (Крайны, Штирии, Каринтии) Габсбургской монархии, а это в свою очередь усиливало интерес российского общества к словенским землям. В последней четверти XVIII в., когда на этой территории начался процесс становления славянских наций, интерес к братьям-славянам значительно возрос. Именно он в дальнейшем стимулировал эмиграцию пореволюционных беженцев из России в словенские земли. После октября 1918 г., в результате объединения югославянских земель при распаде Австро-Венгрии и образования Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев

(СХС) заметно усилилось внимание российских ученых-филологов и историков-славистов к словенской культуре и, в первую очередь, к словенскому языку³. Вопросы богатой истории словенского языка особенно привлекают славянофильскую интеллигенцию. Все это усиливает словенско-русские научные и культурные контакты.

Большая волна эмигрантов хлынула из России почти сразу после революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны. Как известно, предпочтительными для эмиграции оказывались славянские страны, наиболее близкие россиянам по языку и культуре.

Переименование Королевства СХС в 1929 г. в Югославию с ее парламентской демократией впоследствии также удовлетворяло интересам эмигрантов с востока.

В период после Второй мировой войны в Словении оказалось незначительное количество российских политических консультантов и специалистов, находящихся здесь в рамках сотрудничества СССР и Югославии еще до конфликта 1948–53 гг. Это были в основном специалисты в области гражданской и военной авиации (JUST и JUSPAD)⁴, а также весьма незначительное число интернированных лиц, оставшихся в Югославии после освобождения из фашистских концлагерей.

Однозначных данных о количестве поселившихся в Словении российских беженцев нет. Численность русской диаспоры в Словении на 31 января 1921 г. составляла 1630 чел., проживавших в Любляне, Птуе, Камнике, Целье, Мариборе,

¹ Глава подготовлена по теме НИР «Многообразии культур и стратегии развития. Институты управления в полиэтничных обществах». Подтема «Европейский и американский образы жизни в диалоге культур».

² О «русском следе» в истории словенского драматического театра, о деятелях оперы и балета см., например: (Косик 2010; Вагапова 2007). См. также: (Созина 2014; Rusi 2016).

³ О русско-словенских научных контактах в конце XVIII – XIX столетии см: (Чуркина 1986; Чуркина 2017; Керимова 1997).

⁴ Об этом периоде российской иммиграции имеются крайне фрагментарные сведения. См., например: (Brvar 2014: 24).

Радовлице, Кршко, Брезице, Коннице и Логатце. В 1921 г. в столице Словении Любляне их было около 600 человек. В период с 1922 по 1924 г. произошло увеличение численности мигрантов благодаря прибытию офицеров и солдат Крымского и Донского кадетских корпусов и Кубанских казаков. По переписи 1931 г. 1352 чел. заявило, что их родной язык – русский. В 1948 г. их было 796¹, а в 1953 г. – 593, в 1961 – 295, в 1971 – 302, в 1981 – 194, в 1991 – 170 (Vidmar 2000: 10).

В Словении действовало множество различных союзов русской пореволюционной эмиграции (Керимова 2016: 41–57), которые наряду с целью объединения и помощи соотечественникам в изгнании стали маркером этнической и культурной идентичности, символом единения русских за рубежом. Здесь нашли пристанище известные российские профессора, преподававшие в Люблянском университете: А.А. Копылов, Е.В. Спекторский, М.Н. Ясинский, Д.В. Фрост, А.Д. Билимович, А.В. Маклецов и многие другие. В санатории Вурберк в 1920–1940-е годы лечились прославленные генералы А.П. Кутепов и Е.К. Миллер, поэт И. Северянин, певица Е.И. Крокос, шахматист А.И. Немцович (Пулко 2010: 229–238). В межвоенное двадцатилетие на подмостках Люблянской Драмы (начиная с 1922 г.) с колоссальным успехом выступали актриса Мария Николаевна Наблочкина (1892–1969) и ее муж – режиссер и актер Борис Николаевич Пулята (1871–1925), создавшие яркие образы Гурмыжской в «Лесе» А.Н. Островского, Настасьи Филипповны и Рогожина в «Идиоте» Ф.М. Достоевского, Мадлен Петровны в «Агонии» М. Крлежи, Вронского в «Анне Карениной» Л.Н. Толстого,

¹ По другим данным в 1938 г. в Любляне проживало 293 русских, в Мариборе – 94; в 1941 г. во всей Словении жило всего 588 «эмигрантов из царской России» (включая и тех, кто принял югославское гражданство), а в 1955 г. – 489 (447 из них имели югославское гражданство): (Арсеньев 2003; Рец 2006). См. также: (Brvar 2014: 37).

городничего в «Ревизоре» Н.В. Гоголя и мн. др. Словенский балет прославили русские балерины Е.Д. Полякова, А. Никитина, В.А. Калченко, М.А. Тулякова, на подмостках словенской оперы выступали М. Асеева, А. Балабан, В. Смоленская, Б. Попов, Б. Архипов, Н. Баранов, Д.М. Орлов-Чекорский, В. Байдаров, Г. Господинов, П. Холодков (Rant 2016: 69–86; Koter 2016: 47–68).

* * *

Цель настоящей статьи: представить комплексный анализ этнокультурной жизни россиян, поселившихся в Словении начиная с 1990-х годов². В ней будут использованы немногочисленные словенские научные статьи по обозначенной теме, данные личных опросов автора и периодической печати.

Основной прилив мигрантов из России и стран СНГ начался после распада СССР и Югославии³ (начало 1990-х годов). В настоящее время по официальным данным (Министерства иностранных дел Республики Словения на 2015 г.) русских с ПМЖ (постоянным видом на жительство в Словении) проживает 566 чел., с временным видом на жительство (ВНЖ) – 1919 чел. Таким образом, можно констатировать, что среди всех мигрантов, получивших временный и постоянный вид на жительство в Республике Словения в 2015 г., лидируют россияне (если не принимать во внимание мигрантов из стран, входивших ранее в состав бывшей Югославии) (Seznam prvih deset tretjih držav 2015: 21–22).

² Жизнь россиян в Словении в период титовской Югославии практически не освещена ни в словенской, ни в российской историографии. Для этого периода характерно незначительное количество русских военных и политических специалистов и крайне низкий процент брачной миграции (русские женщины, вышедшие замуж за словенцев).

³ 25 июня 1991 г. Словения стала самостоятельным государством, 1 мая 2004 г. вступила в Европейский союз.

По неофициальным данным число русскоговорящих в Словении достигает 10 000 чел. Если с 1990 по 2000 г. намечался приток русскоговорящих трудовых иммигрантов из РФ, Украины и Белоруссии, то сейчас (по неофициальным данным)¹ наблюдается некоторый их отток. Всего чужеземцев в Словении проживает около 100 000, то есть иностранцем является каждый двадцатый житель этой страны.

Россиянам, приезжающим на работу в Словению, первый срок на ВНЖ предоставляется на 1 год. Затем он продлевается в обычном порядке². Получить статус ПМЖ в Словении можно, только прожив в пределах ее территории 10 лет, из которых пять должны пройти под статусом временного резидента. Однако важно учитывать то, что исчисление данного периода прерывается, если пребывание вне территории страны будет продолжаться более шести месяцев подряд или девяти месяцев суммарно в течение всего пятилетнего периода по временному или постоянному виду на жительство. Таким образом, после 5 лет непрерывного пребывания в Словении иммигрант имеет право на ПМЖ, а после 10 лет непрерывного проживания – на гражданство Республики Словения. Отмечу, что наиболее ценным специалистам может быть выдано ПМЖ сразу на 3 года. Например, мой информант Игорь, 28 лет, химик, закончивший МГУ (диплом нострифицирован в Словении) и имеющий ценную для словенской науки специализацию «химия фтора», работающий в Любляне в НИИ, на основании предписания, завизированного Министром образования, науки и спорта Республики Словения, получил ПМЖ, прожив в стране лишь год по временной визе. Что касается русских женщин, заключивших брак с гражданами Словении, то им выдается сначала разрешение на двухлетнее временное пребыва-

ние, затем на постоянное еще на год, а впоследствии они могут претендовать на получение гражданства Словении (при этом должны отказаться от гражданства РФ) (Сукот 2009)³. Двойного гражданства в настоящее время не предоставляется, хотя в титовской Югославии оно существовало. Второе словенское гражданство могут получить (в виде исключения) видные деятели культуры, спортсмены и т.п. Дети, рожденные в смешанном браке, автоматически получают словенское гражданство (по отцу).

ВНЖ можно получить (как это часто делают россияне) в результате регистрации фирмы в Словении, путем долгосрочной аренды жилья или путем трудоустройства. К программам адаптации мигрантов, получивших ВНЖ, относится обучение словенскому языку: максимально они могут получить 180 часов бесплатного обучения. Занятия проводятся в специальной школе для взрослых Цене Штупар в Любляне. Экзамен по словенскому языку должны сдать все, кто хочет получить работу или гражданство Республики Словении.

³ В статье подробно (на основании интервью с русскими и украинскими женщинами) анализируются причины иммиграции в Словению. Отмечается, что отнюдь не экономические причины являются первоосновой женской иммиграции в Словению. Первая причина (часто у уже немолодых женщин) – найти спутника жизни. Многие женщины свой приезд в Словению мотивировали тем, что их пригласили уже живущие в Словении российские друзья, и поводом к переезду в эту страну явилось желание посмотреть мир, путешествовать. Для некоторых мотивом явилось стремление к свободе, автономности, утверждению своих амбиций. В основном это относится к женщинам, уже занимающим высокие статусные позиции, например, женщины-ученые, занимающиеся научными исследованиями. Еще две категории – это молодые женщины, приехавшие для получения высшего образования в Словении, и немногочисленная доля женщин, приехавших на небольшой срок, чтобы заработать и вернуться назад.

¹ Сведения получены из интервью с зам. председателя Клуба соотечественников «Русло» Е. Бресквар.

² См.: <http://visasam.ru/emigration/europe-emigration/kak-poluchit-grazhdanstvo-slovenii.html>.

1 января 2015 г., в связи с миграционным кризисом в Европе, вступили в силу изменения в «Закон об иностранцах» (Zakon o Tujcih – ZTuj-2), ещё более осложнившие жизнь тем, кто желает поселиться в этой стране. Так, например, с 1 января 2015 г. воссоединение членов семьи возможно только через 1 год после получения основного ВНЖ. Второе важное изменение касается разрешения на работу, которое получает каждый, въезжающий в страну с целью трудоустройства. Раньше оно выдавалось на бирже труда Департаментом Республики Словении по трудоустройству (Zavod za zaposlovanje). Теперь же иностранцы должны подавать документы напрямую в местный муниципалитет, где они одновременно получают и разрешение на работу, и разрешение на проживание. Для всех иностранцев создана единая точка входа – Административная единица (Upravna Enota).

Причины, по которым иммигрируют в Словению и на основании которых предоставляется ВНЖ: трудоустройство или работа, исследовательская работа, сезонная работа, воссоединение семьи, обучение, образование, повышение профессиональной квалификации, участие в программах международных обменов, а также причины, узаконенные международными актами, принципами, традициями (получение словенской пенсии, владение недвижимостью, стационарное лечение, опекуновство, получение денежной компенсации и т.п.), словенское происхождение до третьего поколения по прямой линии (Vključevanje 2009: 9–26). Для получения ВНЖ необходимо предоставить паспорт, имеющий срок действия дольше срока предполагаемого пребывания в Словении; медицинскую страховку, достаточное количество средств для существования (сумма на месяц не менее основного минимального дохода в Республике Словении).

Среди россиян преобладает брачная миграция (русские женщины, вышедшие замуж за граждан Словении), бизнес-иммиграция – граждане РФ, открывшие

фирмы в Словении¹ или работающие по контракту², на третьем месте – студенты и аспиранты, обучающиеся в ВУЗах Словении. Есть еще три небольшие категории мигрантов: потомки эмигрантов первой волны, российские пенсионеры, купившие квартиры в Словенском Приморье, а также сезонные иммигранты (официанты в ресторанах, уборщицы в отелях, работники на предприятиях малого бизнеса). Большинство россиян, приехавших сюда с целью трудоустройства, объясняет свою иммиграцию потерей работы на родине, нерегулярной выплатой зарплаты, плохой экономической ситуацией в стране и семье (родственники не могли или отказывались помочь в тяжелой материальной ситуации), некоторые рассматривают Словению как трамплин для последующего перемещения в другие страны Европы и т.п.

Большинство соотечественников живет не в столичной Любляне, а рассеяно по всей стране. Иммигранты, проживающие в Словении, должны иметь полис обязательного медицинского страхования. Помимо него обычно присутствует еще и договор о дополнительной медицинской страховке, т.к. спектр медицинских услуг по обязательной страховке невелик. Для того чтобы получить место в муниципальном детском саду, родители должны заполнить анкету, где указывается уровень дохода семьи. Если общий доход семьи, например, 1000 евро, то за одного ребенка платят 14 евро в месяц.

Нужно сказать, что словенцы очень доброжелательный и весьма политкорректный народ. Иммигрантов они не счи-

¹ Для ведения бизнеса можно организовать «Družba z omejeno odgovornostjo» (d.o.o.) – Общество с ограниченной ответственностью или «Samostojni podjetniki» (s.p.) – Индивидуальное предпринимательство. Размер уставного капитала компании, создание которой дает право на ВНЖ, сравнительно небольшой – минимум €7500.

² В эту категорию входят деятели культуры: оперные певцы, музыканты, артисты балета, художники, а также спортсмены, тренеры и т.п.

тают людьми второго сорта и никогда не выказывают к ним отрицательного отношения. Старое поколение словенцев (70–80-летние люди) прекрасно знакомы с русской культурой и интересуются ей. Посол РФ в Словении (с 2004 по 2006 г.) В.И. Долгов оставил очень теплые воспоминания о Словении и словенцах в своей книге «Словения глазами русского» (Любляна, 2009), в которой он задается вопросом: «почему все-таки в Словении так по-доброму относятся к России? Ответ, пишет он, ... кроется прежде всего в славянском начале страны и ее народа, в ощущении словенцами себя частью большого славянского мира... Словения может при определенных обстоятельствах позиционировать себя в качестве своего рода духовного славянского союзника России» (Dolgov 2009). Несмотря на конфессиональные различия, практически все словенцы и русские отмечают культурное сходство двух народов.

Отмечу, что по данным опросов М. Радаковича (Radakovič 2008), А. Видмар 1990–2000 (Vidmar 2000) и моих (в 2008, 2012, 2016 гг.), большинство россиян, приезжающих в Словению, хочет здесь остаться. Возвращение на родину, как правило, не обсуждается. Объясняют это хорошим географическим положением этой маленькой, спокойной горной и морской страны, достаточно высоким жизненным уровнем, доброжелательностью славянского народа, близостью языков, менталитета и т.п. Иногда информанты говорили о возможном последующем переезде в третью страну.

Наибольший процент среди российских мигрантов составляют женщины, состоящие в браке со словенцами, они адаптируются в словенском обществе гораздо быстрее, чем россияне в гомогенных семьях. Например, Маргарита (53 года), муж русский, балерина из С.-Петербурга (выпускница балетной школы им. Вагановой), живет в Словении 8 лет, словенским владеет свободно, говорит, что общается больше с русскими, Словению выбрала как страну, близкую по языку и ментали-

тету. Считает, что адаптировалась в словенском обществе на 80%, но полностью никогда не адаптируется. Из опроса, который я провела среди россиян, явствует, что по истечении примерно 10 лет жизни в этой стране, практически все они оценивают степень своей адаптации на 80–90%. Приобретение знаний словенского языка способствует более быстрой адаптации в словенском обществе. Россияне, прожившие в Словении 10 лет, говорят по-словенски свободно, но с небольшим акцентом (редко с большим акцентом), отмечают, что часто даже думают по-словенски, но при этом русский язык считают родным. Дети в смешанных браках обычно хорошо владеют русским.

Если круг общения для женщин, вступивших в брак со словенцами, в течение 1–2 лет составляют, в подавляющем большинстве, выходцы из РФ и стран СНГ и лишь по истечении этого срока начинают появляться словенские друзья, то российские гомогенные семьи в Словении общаются в подавляющем большинстве с россиянами, и, в меньшей степени, со словенцами.

Средний возраст россиян, приезжающих на жительство в Словению, колеблется в пределах от 20 до 40 лет.

Данные анкетирования и интервьюирования показывают, что большинство словенцев относятся к россиянам лояльно или хорошо, меньшинство связывает их с мафией и проституцией. Подавляющее большинство россиян, проживающих в Словении, имеет высшее образование, сохраняют российское гражданство и имеют интенсивные контакты с родственниками и друзьями на родине, чтят российские обычаи и стремятся сохранять и поддерживать свою культуру. Опросы доказали, что россияне успешно интегрированы в общество страны проживания, причем женщины – быстрее, чем мужчины (Radakovič 2008: 21–35). Россиянки, состоящие в браке со словенцами, празднуют как словенские, так и русские праздники, в основном используют в рационе словенскую кухню, хотя не отказываются и от

исконно русских блюд, таких как борщ, пельмени и т.п.

* * *

Символом этнической идентичности россиян за рубежом всегда было сохранение православных традиций¹ и русского языка.

Кратко остановлюсь на жизни *православного сообщества* в Словении. В центре Любляны расположена сербская церковь Кирилла и Мефодия, построенная в 1936 г. и освященная в 1990-е годы.

Сюда на сербскую службу приходят православные прихожане из России. С мая 2015 г. один раз в месяц из ближайшего к Любляне Крестовоздвиженского прихода Русской Православной Церкви в г. Удино (Италия), существующего уже 8 лет, приезжает священник отец Виталий, который проводит литургию специально для россиян. Православный приход в Удино поддерживается Московским патриархатом и курируется штатным священником отцом Владимиром. Отец Виталий приезжает в Любляну на своей машине (прихожане компенсируют ему затраты на бензин), привозит алтарника и проводит богослужение на церковнославянском языке со вставками на сербском. Литургических отличий от сербской службы практически не существует. Русскоязычные православные посещают также сербские церкви в Копере, Кране и Мариборе. На службе обычно присутствует около 50 человек. Средний возраст прихожан от 35 лет и выше. Русские богородичные праздники в сербской церкви не служат, но все остальные праздники и обряды совпадают с сербскими и отмечаются в этой церкви совместно (Успение, Рождество, Пасха). Чаше россияне приходят на исповедь, проходящую во время службы, к сербскому священнику. Совсем недавно для православных россиян произошло знаменательное событие: москвичи Максим и

Наталья Корнеевы основали и официально зарегистрировали (как общественную организацию) «Общество русской православной культуры в Словении». В приходском доме (рядом с сербской православной церковью) российскими художниками проводятся занятия по иконописи для словенцев, Корнеевы организовали воскресную православную школу, в которую приходит 13 детей, собирают своими силами книги для православной библиотеки. Сегодняшняя цель новообразованного Общества состоит в том, чтобы Московский патриархат прислал штатного священника в Любляну и т.о. здесь было бы организовано российское православное подворье, а со временем, может быть, удастся изыскать средства на строительство русской православной часовни в Любляне.

В настоящее время *преподавание русского языка* в Словении проводится в рамках Российского центра науки и культуры в Любляне (РЦНК Агентства Россотрудничество) во главе с Ю. Метелёвым, Фондом «Русский мир» с представительством в Словении во главе с И. Романовым, Общества дружбы «Словения – Россия», Клуба соотечественников «Русло», Общества межкультурного диалога «Самовар», помогающих осуществлять многочисленные проекты в поддержку русского языка особенно среди детей и молодёжи.

По состоянию на 2004 г. в Словении русским языком владели около пяти тысяч жителей (Справочник 2006: 124). В настоящее время изучение русского языка здесь находится на подъёме. Крупнейшим центром по изучению русского языка является Люблянский университет, готовящий специалистов-русистов (как лингвистов, так и литературоведов) на весьма высоком профессиональном уровне. На курсах двух факультетов университета русский язык в течение года изучают более двухсот человек (<http://ruskiymir.ru.publications/85015>).

Кроме того, русский язык преподаётся в 11 гимназиях и 6 средних школах страны, организованы студенческие и школьные лингвистические обмены. В рамках

¹ По данным опроса, большинство россиян, проживающих в Словении, – атеисты.

Общества дружбы «Словения – Россия» создан и активно работает Фонд содействия и поддержки изучения русского языка, который занимается, прежде всего, популяризацией изучения русского языка в средних школах и гимназиях Республики Словения. Первая русская школа здесь была создана в мае 2006 г., когда у группы родителей возникла потребность объединить усилия в сохранении русского языка и культуры у детей, привезённых в страну в юном возрасте или уже родившихся в Словении в русскоязычных или смешанных семьях (семьях билингва).

Процесс становления и развития школы был схож с появлением подобных школ в дальнем зарубежье. Самые первые из них были созданы в середине 1990-х в Германии и Израиле, а позднее в Голландии, Франции, Дании, Италии, Испании, Норвегии, Бельгии, Люксембурге, Австрии и других странах. К 2000 г. было зафиксировано уже около 250 русских школ по всей Западной Европе.

Первые шаги по объединению родителей в тесный коллектив единомышленников сделала сибирячка, большой подвижник и энтузиаст, многолетний член Общества дружбы «Словения – Россия» Лиана Церар. Именно по её инициативе в 1990-х годах сложилась русская традиция проведения детских новогодних праздников, которая существует по сей день и уже приближается к своему 20-летию.

Большой вклад в обучение русскому языку в Словении внесла лингвист из Тобольска Юлия Месарич, благодаря которой школа дополнительного образования «Веселые ребята» (*Vesela Družčina, zavod za izobraževanje in kulturo*) в настоящее время успешно развивается. Русская школа в Любляне – член Международной ассоциации преподавания русского языка и литературы, она на протяжении 10 последних лет помогает тысячам русскоязычных иммигрантов в Словении сохранить связь с исторической родиной и найти свой круг общения. Гармонично дополняя программы словенских общеобра-

зовательных школ, русская школа предлагает уникальные образовательные продукты: обучение русскоязычных детей по программам российских школ, проведение целого ряда культурно-образовательных проектов для детей и взрослых. В законе об образовании Республики Словения говорится, что дети мигрантов имеют право на бесплатные уроки родного языка. По окончании школы выдается сертификат, подтверждающий изучение родного языка и культуры. Каким образом можно включить ребенка в эту программу? В школы Словении рассылается документ «*Povabilo šolam*» («Обращение к школам»), в котором оповещается о составлении списков, желающих обучаться родному языку, эти списки идут на утверждение в Министерство образования, науки и спорта Республики Словении. Министерство оплачивает аренду помещения (обычно в школах), обучение и затраты на труд учителя. С родителями составляется договор на оплату: 4 евро 50 центов за каждый урок длительностью 45 мин. Министерство образования Словении выделяет по 45 евро в год на обучение каждого ученика, 1/3 из этой суммы идет на аренду помещения, остальное – на целевые взносы. Затрата на учебники покрывает общество «Русский мир» (из бюджетных средств, приходящих из РФ). В настоящее время с родителями заключается договор на проведение 3-х уроков в неделю (105 часов в год). Сейчас в школе «Веселые ребята» в разных городах Словении учатся 150 детей (10 групп) из 50 словенских школ.

Главные уроки в расписании для старшеклассников – русский язык и литература. Для средних и младших школьников – уроки чтения, письма и развития речи, а также уроки страноведения с элементами истории, географии, математики и культуры России. Дошкольники занимаются по программе раннего комплексного развития и подготовки к школе. Один раз в неделю после основной школы (во второй половине дня) дети и подростки приходят в русскую школу на три урока. Педагоги

школы на деле доказывают, что даже за один день в неделю можно добиться колоссальных результатов в обучении, если действует правильно отлаженная система: эффективные практические занятия с использованием хороших пособий, дополненных чёткими домашними заданиями на закрепление материала.

Все инициативы, связанные с детьми, находят поддержку и внимание у словенских членов Общества «Словения – Россия»: бессменного председателя Саши Ивана Гержина, Саши Славца, Игоря Фурлана, Александра Сказа, Антона и Мойцы Ипавец и др.

По инициативе Саши Славца десятки русскоязычных детей вместе с родителями и сотни словенских школьников смогли побывать на бесплатных экскурсиях и познакомиться с уникальным памятником – Русской часовней на перевале Вршич. «Весёлые ребята» с помощью десятков волонтеров, среди которых дети и взрослые, ежегодно помогают в организации торжеств на Вршиче.

Благодаря всесторонней поддержке этого Общества, а также Посольства РФ в Словении, Министерства образования Словении и других партнёров движение энтузиастов переросло в официальное учреждение дополнительного образования со слаженным коллективом педагогов-единомышленников. Сегодня школа организует дополнительные уроки родного языка и культуры в Любляне, Кране, Новом месте, Копре, Радовлице, Жальце и других словенских городах. Многие школьные культурно-образовательные проекты стали реальностью, в первую очередь, благодаря Фонду поддержки и развития русского языка в словенских школах им. Тоне Павчка, который был основан Обществом «Словения – Россия» совместно с Посольством РФ и Министерством образования Словении. Среди самых важных и значимых для русскоязычных детей и родителей проектов стоит назвать новогодний праздник в русских традициях, олимпиаду по русскому языку, а также фестивали детской песни

«Весёлый ветер» и русской культуры «Масленица в Любляне» (на рыночной площади в центре города каждый год собирается 150–200 человек) и многие, многие другие. Лауреаты, проводимых регулярно олимпиад по русскому языку награждаются поездкой в Россию.

Школа «Веселые ребята» с 2014 г. стала издавать «Школьный альманах» (вышло три номера). В него входят рубрики: Мир, в котором я живу; Мир, который я придумал; Школьный календарь; Сказки и стихи наших друзей из Дании; В мире любимых книг; В мире любимых фильмов; Здравствуй, Россия!; Мир без войны. К 100-летию Русской часовни; Слово об учителе.

Организатор и директор первой русской школы Юлия Месарич в 2013 г. была удостоена высокой награды РФ – Медали Пушкина за заслуги в области культуры, просвещения, гуманитарных наук, литературы и искусства, а также за выдающийся вклад в изучение и сохранение культурного наследия, в сближение и взаимообогащение культур наций и народностей. В прошлом году Юлия стала инициатором проведения акции «Бессмертный полк» в Любляне.

* * *

В резолюции под названием «Стратегические коммуникации ЕС как противодействие пропаганде третьих сторон», за которую проголосовал Европарламент (ноябрь 2016 г.), несправедливо утверждается, что Россия, якобы, использует фактор двусторонних межгосударственных отношений, ведет «враждебную пропаганду», чтобы «расколоть ЕС». В качестве основных информационных угроз Евросоюзу и его партнерам в Восточной Европе в резолюции среди различных средств массовой информации назывались фонд «Русский мир» и подведомственное российскому МИД федеральное агентство «Россотрудничество».

Чтобы опровергнуть это обвинение, мы проанализируем деятельность различных организаций русского зарубежья в Слове-

нии и их роль в сохранении идентичности россиян, покажем какую конкретную помощь они оказывают проживающим здесь соотечественникам и как укрепляют общественные и культурные связи между Республикой Словенией и РФ. К таким организациям, как мы уже отмечали, относятся: Общество дружбы «Словения – Россия», РЦНК в Любляне, Клуб соотечественников «Русло», Русский центр Фонда «Русский мир» в Мариборе, Общество межкультурного диалога «Самовар», Международное общество культуры «Согласие», культурная организация «Rustika». Все эти объединения преследуют единую цель: помощь в адаптации и устройстве достойной, комфортной жизни россиян в новой стране пребывания, а также демонстрацию достижений русской культуры и науки в Словении и словенской культуры – в России.

Общество дружбы «Словения – Россия» возникло в 1996 г.. Тогда оно насчитывало 400 членов, а сейчас уже около 1 тыс. Одна из основных его миссий – забота о русской часовне на Вршиче и множество культурных мероприятий, проводящихся при его поддержке в Словении и России. Общество издает свой бюллетень, на обложке которого изображен логотип (DSR), символизирующий связи Словении и России. Идея его создания возникла с обретением Словенией независимости в 1991 г. и была связана с желанием ускорения всестороннего развития отношений с Россией в области культуры и общественных связей. В 1994 г. несколько представителей словенской интеллигенции разработали основные положения организации общества, а в январе 1996 г. группа из 11 граждан Словении в соответствии с законом об обществах в республике Словения подписала документ о регистрации Общества «Словения – Россия». Первое общее собрание состоялось в апреле 1996 г. На нем присутствовало около ста представителей политической, хозяйственной, интеллектуальной и культурной общественности Словении. Собрание приветствовал тогдашний посол РФ в

Словении А. Никифоров. На Общем собрании был принят устав общества и избрано руководство во главе с председателем Сашей Гержина, его заместителем Сергеем Бубновым (русским эмигрантом первой волны). По сей день первый посол Республики Словении в РФ Саша Гержина, имеющий русские корни, бессменно возглавляет общество, работающее в тесном контакте с посольством РФ в Словении.

Общество является самостоятельным, внепартийным и некоммерческим объединением. Его цели заключаются в следующем: информировать своих членов и широкую общественность по важнейшим вопросам истории и современной жизни России, актуальным проблемам русско-словенских связей, российскую общественность – о жизни Словении, ее достижениях, в особенности в сфере культуры, организовывать взаимный обмен деятелями культуры, искусства и науки Словении и России, устанавливать межкультурные, научные, хозяйственные, спортивные и другие связи между различными организациями РС и РФ. С начала 1990-х годов Общество дружбы во взаимодействии с посольством РФ и местными властями г. Краньска-Гора ежегодно проводит встречи представителей словенской и российской общественности, политических, деловых, церковных кругов у Русской часовни на перевале Вршич.

Общество имеет собственное помещение, где проводятся встречи его членов. «Словения – Россия» и его региональные отделения совместно с посольством РФ регулярно проводят Дни русской культуры и кино, «круглые столы» по двусторонней и международной проблематике, вечера, посвященные творчеству российских поэтов, писателей, ученых. Эти мероприятия Общество проводит как в Словении, так и в России. Например, «День русской культуры в Словении» в 1996 г. был посвящен 175-й годовщине со дня рождения Ф.М. Достоевского, «Дни словенской культуры» в Москве были организованы в честь словенского поэта Франце Прешерна. Проводятся мероприятия, посвященные юбилеям

Пушкина, Чехова. В 2000 г. состоялся международный симпозиум, посвященный Чехову и Прешерну. Общество организует экскурсии в Москву и С.-Петербург, по золотому кольцу России, по Волге; поддерживает связи с МГУ (в частности, с кафедрой славянской филологии), мехматом, Институтом славяноведения РАН, с РГБ, Иностранным отделом Патриархата, Министерством культуры РФ и многими другими культурными и общественными организациями. Общество дружбы имеет свои филиалы и секции в Мариборе, Новой Горице, Крке. Многие российские ученые по линии общества приезжают в Люблянский университет для чтения лекций. В посольстве РФ, например, состоялась встреча посла РФ в Словении Д.Г. Завгаева с руководством и активом Общества. Он назвал его надежным партнером Посольства, объединяющим словенцев, которые искренне симпатизируют России, стремятся больше узнать о ее сегодняшнем дне и истории, богатом культурном наследии, русском языке и литературе, а также заинтересованы в развитии делового сотрудничества с нашей страной. В настоящее время общество объединяет в своих рядах видных представителей словенской интеллигенции, известных политиков, крупных бизнесменов, работников культуры, науки и образования, соотечественников, проживающих в разных городах Словении.

Общество является продолжателем традиций Русской Матицы (Керимова 2016: 46–48) в Словении, основной сферой деятельности которой, как уже отмечалось, было содержание Русской православной часовни на горе Вршич (в регионе Краньска Гора, в центре Восточных Юлийских Альп). Здесь во время Первой мировой войны под сходом снежной лавины было погребено свыше 300 русских военнопленных, строивших дорогу. В 1930 г. Русская Матица приобрела в собственность земельный участок, на котором находилась часовня, таким образом, обеспечив охрану чрезвычайно ценного с национальной и религиозной точек зрения памятника. Каждый год

в конце июля Матица устраивала здесь торжественное богослужение, на которое собирались практически все русские эмигранты. И сегодня эта традиция не прерывается. 22 июля у русской часовни на Вршиче происходит торжественный молебен. В 2005 г. часовня была отреставрирована (фактически перестроена), вокруг нее на средства Министерства культуры Словении и РФ создан мемориальный парк. В 100-летнюю годовщину событий на перевале Вршич присутствовал В.В. Путин. К этой столетней дате было приурочено открытие в Любляне памятника русским солдатам и офицерам, павшим в Словении в Первую и Вторую мировые войны. Авторами памятника «Журавли» (воплощение в камне и бронзе песни на стихи Расула Гамзатова) стали московские скульпторы и архитекторы, проект спонсировался Российским Военно-историческим обществом. Благодаря стараниям Общества часовня на перевале Вршич была включена в основные туристические маршруты по Словении, в рамках специального проекта на этом памятном месте побывали сотни словенцев. В текущем году, по словам зрителя часовни, члена правления Общества С. Облака, памятник ежедневно посещает более 300 человек. Силами местных активистов из г. Краньска-Гора была выпущена информационная брошюра на основных европейских и китайском языках, изданы памятные открытки. В последние годы Русская часовня стала символом российско-словенской дружбы.

В 2015 г. году особое место во взаимодействии Посольства и Общества занял Юбилей Великой Победы. В рамках подготовленного российской дипмиссией цикла «70 мероприятий Посольства к 70-летию Победы» состоялись памятные церемонии у каждого из 46 захоронений советских воинов на территории Словении, тематические выставки, кинопоказы, концерты, вечера и уроки Памяти. Большой резонанс в Словении получили участие в 2015 г. президента страны Б. Пахора в праздновании юбилейного Дня Победы

9 Мая в г. Мурска-Собота, выступление председателя верхней палаты словенского парламента М. Бервара на открытии обновленного посольством памятника советским военнопленным 7 мая в г. Дравоград. Члены Общества дружбы приняли активное участие в подготовке и проведении торжеств. Д.Г. Завгаев в торжественной обстановке вручил председателю Общества «Словения – Россия» С. Гержине памятную медаль «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которой Российский организационный комитет «Победа» отметил большой вклад Общества в подготовку мероприятий, посвященных празднованию Юбилея Победы, а также диплом, подписанный Президентом РФ, возглавляющим этот Комитет.

Посольством по согласованию с Фондом «Русский мир» были разработаны и изготовлены юбилейная почтовая марка и медаль «100-летие Русской часовни», которая теперь будет вручаться словенцам и нашим соотечественникам за вклад в увековечение памяти российских воинов, сохранение культурно-исторического наследия нашей страны за рубежом.

В марте 2011 г. было подписано российско-словенское Межправительственное соглашение об учреждении и деятельности центров науки и культуры в разных странах при Представительствах Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). В апреле 2011 г. состоялась торжественное открытие *Российского центра науки и культуры в Любляне (РЦНК)* с участием Министра иностранных дел РФ С. Лаврова, Министра иностранных дел Республики Словении С. Жбогара и Руководителя Россотрудничества Ф. Мухаметшина. С момента своего открытия в Русском доме прошло множество мероприятий: концертов, встреч с деятелями науки и культуры Словении и России, конференций по проблемам русско-словенских научных и культурных

контактов. В РЦНК проводятся занятия по русскому языку, живописи, балету, созданы музыкальные ансамбли «Рулада», «Талисман», устраиваются фото- и художественные выставки, просмотры новых российских фильмов, олимпиады русского языка (Кирилина 2013: 37).

Деятельность Россотрудничества также ведется в тесном взаимодействии с Посольством Российской Федерации и направлена на осуществление следующих задач: развитие культурных и деловых контактов между двумя странами, ознакомление словенской общественности с сегодняшним днем, историей и культурой народов России, российской внутренней и внешней политикой, научным и экономическим потенциалом; продвижение русского языка в Словении, содействие культурным, научным, образовательным учреждениям, творческим коллективам, деятелям науки, культуры и образования в популяризации России и российской культуры; поддержка объединений соотечественников, проживающих в Словении, организация с их участием мероприятий, нацеленных на сохранение в стране русского этнокультурного пространства.

РЦНК в Любляне развивает активную деятельность по проведению различного рода мероприятий: концерты российских песенных и танцевальных коллективов и выступления сольных исполнителей (например, Олега Погудина), концерты словенских артистов. В октябре 2016 г. в РЦНК прошел вечер русского романса, когда русские романсы исполняла словенская певица Сашка Коларич на русском языке, пение чередовалось с декламацией стихов русских поэтов на словенском языке (вела вечер театральный педагог и режиссер, исполнительница русских романсов Ирина Гущина, живущая в Словении). Центр проводит фестивали-конкурсы детской песни, встречи с интересными людьми (учеными, писателями, проводятся презентации новых изданий русских переводов произведений словенских писателей (совместный проект РЦНК и Всероссий-

ской государственной библиотеки иностранной литературы), а также других изданий, так или иначе связанных с культурой России и Словении. В сентябре 2012 г. в РЦНК состоялась презентация и моей книги (Керимова 2011) о русских этнографях Харузиных, оставивших замечательные этнографические очерки о Словении и словенцах.

Кроме того, в октябре 2016 г. прошел семинар «Российские инновационные проекты для муниципалитетов Словении: комфортная и безопасная среда обитания», международный конкурс на соискание Премии Русского географического общества. РЦНК проводит дни Москвы в Любляне и дни Российской духовной культуры в Словении. В рамках дней Москвы в Словении выступал, например, ансамбль им. Локтева, проходили также гастроли Д. Мацуева, А. Нетребко, оркестра В. Гергиева, труппы Большого и Мариинского театров, ансамбля народной песни и танца из Волгограда (он проходил в зале UNION в Любляне, рассчитанном на 800 мест). Часть из перечисленных культурных мероприятий бесплатные, спонсируются Межправительственной комиссией по сотрудничеству Министерства культуры и МИДа.

Институт цивилизации и культуры Республики Словения в здании РЦНК в 2014, 2015 и 2016 г. провел три симпозиума, посвященных русско-словенским научным и культурным связям, их материалы в последствии были изданы в Словении.

Фонд Е.Т. Гайдара совместно с московской Библиотекой иностранной литературы и Терге Кгка устроил в РЦНК несколько мероприятий, среди которых было торжественное открытие в замке Оточец (Ново Место) мемориальной таблички на словенском и русском языках, свидетельствующей о том, что Гайдар неоднократно останавливался в замке (1997–2006 гг.).

В рамках программы «Русский язык вне России» при поддержке Департамента внешнеэкономических и международных связей Правительства Москвы, Московского центра международного сотрудни-

чества, Общества славистов Словении С.-Петербургский учебно-издательский центр «Златоуст» в РЦНК регулярно проводит методические семинары для преподавателей русского языка.

При РЦНК действует библиотека, книжный фонд которой оснащен автоматизированной информационно-библиотечной системой нового поколения «MARC-SQL» (электронный каталог) и на сегодняшний день насчитывает более 6000 книг: русская и зарубежная классика, книги по истории и культуре России, общественно-политическая литература, учебники по русскому языку и литературе, детская литература и др. Основная часть изданий на русском языке, но есть книги и на словенском. Читатели библиотеки имеют возможность пользоваться медиатекой. Ее постоянно пополняющийся фонд располагает видео- и аудиодисками с обучающими и справочными программами, документальными и художественными фильмами, мультфильмами, музыкальными записями, аудиокнигами. Библиотека Российского центра науки и культуры в Любляне открыта для всех желающих.

Недавно при поддержке РЦНК организован новый образовательный проект для школьников школы «Веселые ребята» совместно со Словенским планетарием по изучению планет (занятия проводятся на русском языке).

Уже десять лет существует «Международный клуб славянских соотечественников Русло». Все это время наиболее приоритетным направлением этой организации была поддержка русскоговорящей диаспоры, людей, переехавших в Словению на жительство из стран бывшего СССР. Ранее «Русло» имело отдельную украинскую секцию, но в настоящее время ее деятельность приостановлена (по неофициальным данным в Словении живет около 1500 украинцев). «Русло» помогает соотечественникам в подготовке пакета документов на ВНЖ, в трудоустройстве, устройстве детей в детские сады и школы, в поиске пропавших соотечественников и т.д.

Организацией всех мероприятий, которые проводились обществом «Русло» на протяжении первых шести лет, занималось его руководство, и в большинстве случаев, они оплачивались из собранных членских взносов. Последние годы все мероприятия финансируются из средств, выделяемых спонсорами. В 2011 г. в Любляне состоялся I Международный молодежный форум «Молодежь диаспоры – опора современной России», организованный клубом «Русло».

В сентябре 2015 г. в рамках общества был создан специальный Фонд поддержки соотечественников (при помощи генерального спонсора компании «Диалог»), в котором будут аккумулироваться все спонсорские средства, на которые в дальнейшем планируется проводить мероприятия «Русло».

Недавно начала свою работу школа дополнительного образования «Ступеньки». В ней детям один раз в неделю (3 урока по 45 мин.) преподают русский язык и литературу, проводятся беседы по истории России.

С октября 2015 г. общество «Русло», оставляя за собой лишь поддержку и развитие проекта «Школа дополнительного образования “Ступеньки”», совместно с Фондом поддержки соотечественников, проживающих за рубежом, МИДа РФ и Россотрудничества, объявило конкурс на проведение общественных мероприятий: встреча Нового года, Детского новогоднего утренника (Елочка), празднование Дня Победы, Молодежного форума (неформальное общение), организация концертов и творческих вечеров. Стараниями «Русло» в Словении состоялись концерты Макаревича, Розенбаума, «Песняров». Фондом рассматриваются как индивидуальные заявки для получения финансирования на проведение такого рода мероприятий, так и заявки от различных организаций соотечественников в РС и в других странах. «Русло» организовало цикл русского фильма для Словенцев. Например, в Русский дом Марибора каждый год передается для бесплатного показа 4 русских фильма с субтитрами. Такие кинопоказы проходят и в других городах Словении:

Лютомире, Медводе, Ясенице, Идрии, Изоле, в которых показ производится в библиотеках. Цель этих мероприятий – продвижение (промоция) русской культуры для сближения русского и словенского общества, для понимания русского национального характера. Многие словенцы отмечают, что русские и словенские фильмы имеют много общего.

Недавно Фонд поддержки соотечественников «Русло» назначил годовую стипендию российским студентам, обучающимся в словенских ВУЗах (стипендия единократная, ее размер от 1500 до 2400 евро). Предпочтение для ее выделения предоставляется медикам и юристам. Кроме этого, раз в год паре наших соотечественников, проживших в Словении не менее года и решивших скрепить свой союз узами брака, «Русло» дарит праздничную церемонию бракосочетания на озере Блед.

Центр Фонда «Русский мир»¹ во втором по величине городе Словении Мариборе, в 2012 г. получившем статус культурной столицы Европы, был основан бывшим консулом России в Словении И.Д. Романовым в 2011 г. В 2012 г., когда среди руководства города возникла идея создать культурные центры разных стран (речь тогда не шла только о России), мэр Марибора поддержал идею создания русского центра. Здесь уже существовала тесная связь Словении с Россией, учитывая, что Марибор и Санкт-Петербург – города-побратимы.

Основная миссия Центра – приблизить русский язык и культуру к людям, которым это интересно. За годы его существования сюда обратилось несколько словенских организаций, которые попросили обучить их сотрудников русскому языку, таким образом, возник проект с Термами Марибор об обучении практически всего персонала русскому языку (поскольку владелец этой компании – русский и подавляющее число отдыхающих тоже из

¹ Фонд «Русский мир» был создан в 2007 г. по указу президента В.В. Путина, а возглавил его Вячеслав Никонов.

РФ), а также со средней школой гостиничного бизнеса и туризма Марибора.

При Центре действует воскресная школа для детей, которую в основном посещают дети билингвы из смешанных семей, но все больше становится детей из русских семей, так как родители хотят, чтобы они в новом окружении одинаково владели двумя языками.

Центр вызывает постоянный интерес среди словенских студентов, пенсионеров, бизнесменов, интересующихся Россией – некоторым это просто интересно, другим необходимо по работе. Кроме занятий русским языком в Центре проводятся кино вечера, концерты, выставки и т.п. Самым первым мероприятием Центра было интерактивное представление Алтайского края, вызвавшее большой интерес и показавшее, что словенцы очень интересуются нашей страной и ее богатой культурой, и таким образом она становится для них ближе и понятнее.

В 2011 г. Марибор и Санкт-Петербург отмечали 10-летие установления партнерских отношений, а в 2012 г. Центр совместно с правительством С.-Петербурга организовал ряд мероприятий, в том числе, визит делегации из С.-Петербурга во главе с председателем Комитета по внешним связям А.В. Прохоренко и большую совместную культурную программу. В рамках этого мероприятия в Марибор приехали 12 солистов балетной труппы Мариинского театра, которые выступили на сцене Словенского национального театра. В этот же период состоялось множество встреч бизнесменов и представителей разных городов; эти связи продолжают по сей день, проводится регулярный обмен делегациями.

В 2014 г. Центр провел (совместное с коллегами Русского центра в Венгрии, Университета венгерского города Печь) фестиваль русской культуры. Интересен и еще один большой проект, совместный со студией «Союзмультфильм» – первый фестиваль российской анимации в Словении. «Русский мир» представил словенцам 27 старых советских мультфильмов, семь из

которых было дублировано на словенский язык, для двадцати других были сделаны субтитры. На показы приезжали авторы некоторых фильмов, продюсер «Союзмультфильма». Один из последних крупных проектов осуществлен совместно с переводческим отделением Мариборского университета – проект «Месяц творчества М.Ю. Лермонтова в университетах Словении», посвященный 200-летию со дня его рождения. К сожалению, в университете пока нет кафедры русского языка, и студенты переводили стихи и прозу Лермонтова на словенский язык с английского и с немецкого языков, не зная русского. В завершении проекта была проведена большая международная научная конференция, на которой участники представили книгу этих переводов с великолепными иллюстрациями, подготовленными выпускницей художественного отделения мариборского университета Никой Лоперт. В международной конференции «Михаил Лермонтов в глобальном дискурсе» участвовали студенты и профессора из разных стран, почетным гостем была Татьяна Юрченко, заместитель директора Государственного музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Результатом этих проектов явилось то, что в Мариборском университете началось преподавание русского языка. Мариборский муниципалитет очень хорошо воспринял Русский центр – единственный культурный центр иностранного государства в Мариборе.

В июне 2015 г. в библиотеке Философского факультета Университета г. Марибор состоялась церемония вручения книжного дара от Дома русского зарубежья им. А. Солженицына в Москве. Русский центр и Философский факультет Мариборского университета планируют осуществить совместный проект: празднование 100-летия со дня рождения А.И. Солженицына в 2018 г.

Русских следов в современном Мариборе сохранилось немного: это два кладбища с остатками захоронений русских солдат и офицеров – участников двух мировых войн и руины замка Вурберк, в котором 1920-е–1940-е годы находился сана-

торий Русского Красного Креста, но все мариборцы знают и помнят о них.

Общество межкультурного диалога «Самовар» является добровольной, культурно-просветительской некоммерческой общественной организацией. Деятельность общества «Самовар» – реализация проектов в области культуры и образования, направленных на сохранение и развитие культурно-национальной самобытности, продвижение и популяризация российского и европейского культурного разнообразия, сохранение российского историко-культурного наследия, способствование повышению уровня культурных связей между нашими странами. Одна из главных задач организации – активное содействие социально-культурной адаптации и способствование скорейшей интеграции соотечественников в словенское общество.

Основной деятельностью общества, как и других, о которых мы писали выше, является организация обучения словенскому языку для русскоязычных людей и русскому языку для словенцев. Одной из форм обучения для детей (от 8 до 16 лет) стало проведение летних лингвистических лагерей русского языка «Русская деревня», где дети и подростки могут познакомиться с русским языком, поближе узнать русскую культуру, а также провести незабываемые летние каникулы на лоне природы. «Самовар» активно сотрудничает с языковой школой «Русский экспресс», где каждый может найти для себя подходящие курсы русского и словенского языков.

Как уже отмечалось, посольство РФ в Словении активно поддерживает все вышеуказанные общества. При посольстве создан Координационный совет (КС) соотечественников, проживающих в Словении, который координирует связи между РКНЦ, «Русло», Обществом дружбы «Словения – Россия», школой дополнительного образования «Веселые ребята», обществом «Русский мир», общественной некоммерческой организацией «Русский самовар».

В 2000 и 2010 г. возникли еще два общества: Культурное общество Rustika в Любляне и Международное общество

культуры «Согласие» в Новой Горице, объединяющие деятелей культуры и искусства. Их целью является публикация книг о знаменитых деятелях культуры и искусства, организация концертов классических вокалистов и симфонических оркестров, в том числе и из России, обучение русскому языку и живописи.

Необходимо отметить, что помощь иммигрантам из России и других стран в РС оказывают, во-первых, государственная благотворительная организация «Словенская филантропия», существующая с 1992 г. Волонтеры из этой организации с помощью различных проектов помогают иммигрантам в трудоустройстве, в обучении словенскому языку, предоставляют финансовую поддержку. Кроме того, существует самоорганизованная группа мигрантов «Социальный центр ROG» (создан в 2006 г.), целью которого является небольшая денежная помощь мигрантам и беженцам, помощь в адаптации в обществе новой для них страны. Из денег, собранных членами ROG выдается пособие 18 евро в месяц на карманные расходы, люблянская школа Цене Ступар предоставляет ROG специальные программы по адаптации мигрантов и обучению их словенскому языку, в основном предназначенные для подростков с 13 до 18 лет. В настоящее время эта организация активно стремится к поиску новых проектов для поддержки иммигрантов¹.

Итак, нами представлен общий обзор жизни российской диаспоры в Словении с 1990-х годов по настоящее время. Весьма важную роль в сохранении этнической идентичности играют русский язык, религиозная идентификация и деятельность различных организаций русских соотечественников, оказывающих реальную поддержку россиянам (материальную помощь, помощь в трудоустройстве, получении ВНЖ и ПМЖ, обучении словенскому языку и т.п.). В таком ракурсе этот вопрос ра-

¹ В настоящее время Центром руководит Айгуль Хакимова из Киргизии.

нее не освещался, хотя жизнь российского сообщества в Словении заслуживает пристального изучения и является весьма актуальной темой в свете упрочивающегося и интенсивно развивающегося сотрудничества между двумя дружескими странами.

Литература

- Арсеньев 2003 – Арсеньев А. Две книги о русской эмиграции в Югославии // Александр Стерјовски. Битола – руската колонија. Битола, 2003.
- Вагапова 2007 – Вагапова Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. СПб.: Наука, 2007.
- Керимова 2016 – Керимова М.М. Русское присутствие в Словении 1910-е – 1930-е гг. // Вопросы истории. 2016. № 4. С. 41–57.
- Керимова 2011 – Керимова М.М. Жизнь, отданная науке. Семья этнографов Харузиных. Из истории российской этнографии 1889–1930-е гг. М.: Восточная литература РАН, 2011.
- Керимова 1997 – Керимова М.М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М.: ИЭА РАН, 1997.
- Кирилина 2013 – Кирилина Л.А. Центр науки и культуры в Любляне // Вестник Европы. 2013.
- Косик 2010 – Косик В.И. Русские краски на балканской палитре. М.: Институт славяноведения РАН, 2010.
- Наумов – Наумов А. Русская община в Словении // <http://russskiymir.ru.publications/85015>
- Пулко 2010 – Пулко Р. Санаторий в Вурберке // Новый журнал. Н-Й., 2010. № 259. С. 229–238.
- Созина 2014 – Созина Ю.А. Образ русских эмигрантов в словенской прозе // Россия и русский человек в восприятии славянских народов / Серия «Slavica et Rossica». М.: ООО «Центр книги Рудомино», 2014. С. 449–464.
- Справочник 2006 – Справочник российского соотечественника. М.: Тип. «Русский мир», 2006. С. 124
- Чуркина 1986 – Чуркина И.В. Русские и словенцы. Научные связи конца XVIII в. – 1914 г. М.: Наука, 1986.
- Чуркина 2017 – Чуркина И.В. Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в. – 1914 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2017.
- Рец 2006 – Рец. на книгу: *Pulko R. Ruska emigracija na Slovenskem 1921–1941*. Logatec. 2004 // Кадетская переключка. 2006. № 77. С. 218–233.
- Brglez A. Seljak 2003 – Brglez A. Seljak M. Rusija na slovenskem. Ruski profesorji na Univerzi v Ljubljani v letu 1920–1945 (Брглез А., Селяк М. Россия в Словении. Русские профессора люблянского университета в период с 1920–1945 г.) Ljublan: Narodna in Univerzitetna knjiznica. 2003.
- Brvar 2014 – Brvar M. Ruska skupnost v Sloveniji. Diplomsko delo. Ljubljana, 2014. S. 24.
- Dolgov 2009 – Dolgov V. Slovenija v ruskih očeh. Ljubljana: Myra Locatelli, 2009.
- Cukut 2009 – Cukut S. Hotela sam samo videti svet okoli sebe. Ženske iz Rusije i Ukrajine v Sloveniji // Krila migracij: po meri življenjskih zgodb. Ljubljana SRC JAZU. 2009. S. 193–215.
- Koter 2011 – Koter D. Vplivanje ruske emigracije na delovanje ljubljanske opera // Monitorish. XVIII/1. 2016. S. 47–68.
- Radakovič 2008 – Radakovič M. Ruskogovorece prebivalstvo v Sloveniji. Celje, marec. 2008.
- Rant 2016 – Rant T. Balet in ruske umetnice v Ljubljani po letu 1920 med obema vojnama // Monitorish. XVIII/1. 2016. S. 69–86.
- Rusi 2016 – Rusi v Sloveniji: Suvremena stvarnost in navdihujoča kultura // Monitorish. Revija za humanistične in družbene vede. Ljubljana, 2016. № 272.
- Pulko 2004 – Pulko R. Ruska emigracija na slovenskem 1921–1941. Logatec: Vojni muzej, 2004.
- Pulko 2010 – Pulko R. Taborišče ruskih beguncev v Stišču // Zbornik občine Kidričevo. Kidričevo. 2010.
- Seznam 2015 – Seznam prvih deset tretjih držav, katerih državljani so imeli v 2015 največje število veljavnih dovoljenj za prebivanje v Republiki Sloveniji. Poročilo z delovnega področja migracij, mednarodne zaščite in vključevanja za leto 2015 // Ministarstvo za notranje zadeve RS. 2015. S. 21–22. <http://visasam.ru/emigration/europe-emigration/kak-poluchit-grazhdanstvo-slovenii.html>.
- Vključevanje 2009 – Vključevanje v slovensko družbo // Ministarstvo za notranje zadeve. Ljubljana. September 2009. S. 9–26
- Vidmar 2000 – Vidmar A. Rusi v Sloveniji v zadnjem desetletju. Diplomaska naloga. Ljubljana. Maj 2000. S. 10.

Глава 13

Русскоговорящие переселенцы на Кипре: резоны и перспективы

Русская община на Кипре появилась в 90-е годы двадцатого столетия и насчитывает по разным источникам от 40 до 50 тыс. человек. В основном они проживают в городах Лимасол (от 10 до 20 тысяч), который считается столицей «русского» Кипра, Ларнака, Пафос и Никосия. На острове также постоянно проживает некоторое число русскоязычных граждан Молдовы, Беларуси и Украины.

Данная статья написана на основании полевого исследования автора, проведенного в греческой части острова Кипр в марте–апреле и августе–сентябре 2012 г., по результатам которого была опубликована статья «Русские на Кипре» (Остроух 2013: 359–388). На протяжении последующих пяти лет у меня была возможность общаться с представителями русскоговорящей общины в Республике Кипр и наблюдать за процессом их адаптации и интеграции, что позволило продолжить исследование и проследить перспективы их пребывания в стране.

В предлагаемой работе под русской общиной по-прежнему подразумеваются все русскоязычные граждане вне зависимости от их этнического происхождения и гражданства, а именно те, кто сам причисляет себя к ней и участвует, в различной степени, в ее культурной и общественной жизни.

В средствах массовой информации и на бытовом уровне наравне с определением *русская/русскоговорящая община* можно услышать термин *российская диаспора*. В научном же сообществе понятие *диаспора* также всё чаще встречается в его расширительном значении. *Диаспора* трактуется как часть народа, проживающая вне страны происхождения и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей идентичности (Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира». http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/

proposition). Под российской диаспорой подразумеваются в основном русскоговорящие граждане, выходцы из России или Союза ССР и признающие свою духовную, историческую и культурно-этническую связь с Российской Федерацией или любым из её субъектов.

Несмотря на то, что термин *диаспора* для современных общностей не является строго определенным, по поводу правомочности его употребления не утихают научные дискуссии, но он прижился, и, в общем, все понимают его смысловую нагрузку. На Кипре он распространен больше, чем *русская или русскоязычная община*. Например, на информационном русскоязычном портале можно прочитать следующий текст: «Уже сегодня российская диаспора на Кипре имеет высокую степень институализации: на острове существует несколько крупных организаций российских соотечественников, выходят русскоязычные журналы, есть радиопрограммы и телеканалы на русском языке» (Проект «Русскоязычный мир». <http://www.russian-world.info/russkie-na-kipre>).

Еще совсем недавно бытовало мнение, что русская диаспора самая неустойчивая, меньше всех сохраняет связь с родиной, что русские, выезжая за границу, прилагают максимум усилий, чтобы ассимилироваться в другой стране. Возможно, такая стратегия существовала у советских людей, пытавшихся скорее адаптироваться к новым реалиям жизни, и в первые годы постсоветской довольно массовой эмиграции из стран СССР. До начала двадцатого века относительно немногочисленные русские эмигранты нигде не образовывали устойчивых и замкнутых сообществ. Эмигранты из СССР стремились как можно скорее адаптироваться и натурализоваться, у них не было возможности поддерживать отношения с Советским Союзом. На со-

временном этапе русские за рубежом начинают стремиться к поддержанию связей с исторической родиной. И все же на данном этапе формирования русской общины на Кипре кажется более уместным называть их переселенцами. В качестве подтверждения такой номинации приведем цитату из монографии известного британского экономиста и исследователя процессов миграции Пола Коллиера: «Эмигранты по сути покидают свое родное сообщество, чтобы стать членами нового общества. Напротив, переселенцы забирают свое родное общество с собой» (Коллиер 2016: 129).

У любого переезжающего на постоянное место жительства или просто на какой-либо долгосрочный период в страну, например, Европейского Союза, теперь есть выбор дальнейшей жизненной стратегии. Некоторая часть русскоязычных иммигрантов первого поколения целенаправленно старается ассимилироваться: не общается с соотечественниками, переходит на местный язык в общении с детьми, не пользуется русскоязычными источниками информации. На Кипре такую стратегию выбирает ошутимое меньшинство переселившихся из России. Информационный сайт ассоциации «Европейский русский альянс» – общественная инициатива русских Европейского Союза оценивает численность этой группы переселенцев в 5–10% от общего количества русскоязычных жителей. Здесь же приводится следующая статистика по русской диаспоре Кипра: число русскоязычных граждан в стране – 40 тыс., включая и проживающих нелегально, как правило, с просроченной визой – 25–30%; русскоязычное население, имеющее гражданство Кипра составляет 15%, доля имеющих российское гражданство равна 60%, при этом 20% русскоязычных переселенцев заявили, что владеют государственным языком (греческим) на уровне, достаточном для работы и понимания масс-медиа (<http://eursa.eu>).

Здесь необходимо заметить, что статистика одного информационного агентства

или какой-либо общественной организации часто не совпадает с данными, опубликованными другим источником. Понятно, что время от времени делаются замеры и социологические исследования, но ситуация стремительно меняется, а цифры приводятся старые, возможно, используются и разные методики мониторинга. Факт, который непросто объяснить, заключается в том, что статистические показатели по русской общине на Кипре часто не совпадают с реальной ситуацией в среде переселенцев на острове.

Сколько же на самом деле русских проживает на Кипре? Ответ будет неоднозначным, в первую очередь он зависит от того, как и кого считать *проживающими*. *Российские киприоты* определяют число сограждан, как превышающее 80 тысяч. По информации чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации (2008 – 2013 гг.) Вячеслава Шумского, постоянно на Кипре проживает 40 тысяч россиян. По большей части «это семьи бизнесменов, имеющих на острове недвижимость и работающих в Москве, также среди них есть сотрудники крупных международных организаций» (RealEstate. Информационный портал о недвижимости. www.realestate.ru/interview.aspx?id=366).

Покупка недвижимости на острове дает право на получение вида на жительство, а в дальнейшем предоставляет возможность стать гражданином Кипра (обычно на это требуется от трех до семи лет после обращения в соответствующие государственные органы), что, в свою очередь, позволяет проживать в любой стране Европейского Союза.

Семьи бизнесменов – одна из самых представительных составляющих русской общины, но не единственная. В основном наши соотечественники работают в тех сферах, которые принадлежат россиянам: в филиалах российских банков и инвестиционных компаний, в фирмах, оказывающих юридические и бизнес-услуги, например, по регистрации новых фирм на Кипре, а также в компаниях, осуществляющих

ющих международные морские перевозки, в туристическом и ресторанном деле.

До 2013 г. Кипр был одной из основных юрисдикций, где регистрировался российский бизнес. Но в последние годы многое изменилось: Центральный банк Кипра обязали делиться со странами ЕС и РФ информацией о зарегистрированных на острове компаниях, Кипр перестал быть оффшорной зоной, финансовый кризис в стране повлек за собой ужесточение соответствующего законодательства, многие российские фирмы были вынуждены покинуть страну. При этом количество русскоязычных граждан не уменьшилось, а увеличилось. На острове обосновались представители IT-индустрии.

Только за 2016 г. сюда из России, Белоруссии и Украины переехало несколько десятков технологических компаний. С 2015 г. на Кипре действует государственная программа, в соответствии с которой компании на первые 17 лет работы в стране освобождаются от уплаты целого ряда налогов, а у технологических компаний льгот еще больше – до 80% прибыли может не облагаться налогами. Иностранцы владельцы зарегистрированных на Кипре компаний имеют право нанимать до 15 сотрудников, не являющихся гражданами ЕС, а их семьи получают вид на жительство (Юзбекова И. Кипр наш: почему все больше российских айтишников уезжает на остров. Журнал РБК, май 2017 <http://www.rbc.ru/magazine/2017/05/58f629049a7947218ed59bd1>).

За последние четыре года на Кипр переехали несколько сотен программистов вместе с семьями и нянями. Расселились они по всему острову. Одни предпочли жить в маленьких городках, практически в деревнях – главное, чтобы там был быстрый Интернет. Но все же основная часть IT-комьюнити живет в Лимасоле, он же «Лимасольск». Живут дружно, регулярно встречаясь в одном из пабов, вместе отмечают праздники, их жены и дети тоже общаются между собой. Интересно, что двадцать лет назад мне пришлось наблюдать примерно такое же профессиональное со-

общество программистов в Австралии. Оно было организовано по подобному принципу: все жили дисперсно, в различных городках (правда, в одном штате NSW), часто встречались по различным поводам, вместе проводили досуг. Сначала приехали две семьи, потом они помогли с переездом и оформлением документов другим семьям: коллегам, однокурсникам, одноклассникам. Во время интервью с кипрскими айтишниками стало понятно, что повторилась та же схема переселения.

Большинство программистов, проживая на Кипре, предлагают свои услуги не на местном рынке, а за его пределами – интернациональным компаниям. Жизнь на острове, по мнению представителей этой категории переселенцев, «очень архаична», «местные совсем не продвинуты как пользователи». При этом киприоты и не так зависимы от Интернета, заметим мы... Особенно значим Интернет в жизни жен айтишников. Если их мужья зависят от Интернета в силу своей профессии, то женская половина русскоязычного сообщества проводит в виртуальной среде значительную часть своей жизни. Существует огромное количество женских объединений в Интернете. Самое крупное из них – «Русский женский клуб Кипра», в котором насчитывается 12 тыс. участниц. Обсуждаются всевозможные темы: дети, мужья, досуг, кулинария, книги, фильмы и т.д. Как говорит один из героев фильма Дэвида Финчера «Социальная сеть» (The Social Network, David Fincher): «Мы жили в деревнях, а потом в городах, а теперь будем жить в Интернете!»

Но не только программисты переехали на остров. Например, туда переселился вместе с семьей и семьями 15 разрешенных к найму сотрудников основатель анимационной студии Toonbox Павел Мунтян, известный пользователям Интернета по ютьюб-сериалу «Mr. Freeman». Студия производит на Кипре и продает по всему миру детские мультсериалы (Бенюмов Константин. Игра в утопию. Как остров Кипр стал центром постсоветской IT-индустрии – и что там делают сто тысяч русских //

Meduza, 16 октября 2017. <https://meduza.io/feature/2017/10/16/igra-v-utoriyu>).

В последнее время представители русскоязычной общины начинают более активно участвовать в общественной и политической жизни Республики Кипр. Например, бизнесмен Александр Светаков пожертвовал 8,2 млн евро на строительство Технологического института в Лимасоле, который будет готовить инженеров и техников и где смогут получать профессию, в том числе и дети из русской общины на Кипре (8 октября 2017 г. <https://evropakipr.com/novosti/na-sredstva-rossijskogo-milliardera-v-limassole-postroyat-tehnologicheskij-institut>).

Александр Волобуев, владелец ресторана «Тарас Бульба» в Лимасоле, и белорусский предприниматель Иван Михневич подали заявку в Министерство внутренних дел Кипра на регистрацию партии «Эго о полис» (*Я – гражданин*), которая будет продвигать на острове интересы IT-индустрии. Партия пока не зарегистрирована, но ее основатели считают, что это вопрос будущего. Павел Мунтян ведет строительство гигантского лабиринта рядом с деревней Писсури между Лимасолом и Пафосом. Мэр Лимасола Никос Николаидес считает, что «русские стали частью нашего города. Они не живут изолированно, они участвуют в городской жизни, проводят фестивали, на которые приглашают нас, ходят на наши праздники» (Бенюмов Константин. Игра в утопию. Как остров Кипр стал центром постсоветской IT-индустрии – и что там делают сто тысяч русских // Meduza, 16 октября 2017. <https://meduza.io/feature/2017/10/16/igra-v-utoriyu>).

В вышедшей недавно на русском языке монографии британского экономиста Пола Коллиера «Как миграция изменяет наш мир» автор задается вопросом: «Следствием миграции являются диаспоры, а те способствуют миграции: что у них – курица, а что – яйцо?» – и сам же отвечает на свой вопрос. По его мнению, во второй половине XX в. по мере роста диаспоры увеличивается поток миграции (Коллиер 2016: 59).

Русская община на Кипре сформировалась в первую очередь в результате глобализации мировых экономических процессов и создания общего информационного пространства. На протяжении длительного исторического периода наряду с диаспорами, возникавшими в результате изгнания (как правило, подразумевается еврейская) или вынужденного бегства (например, армянская), существовали диаспоры, чье происхождение было связано с более или менее добровольными миграциями со своей родины – в поисках работы или коммерческой выгоды (Cohen 1997: 180). Резоны формирования русской диаспоры на Кипре – пример именно такого варианта миграции.

На острове живут и российские пенсионеры. Схема переселения та же: покупка жилья, возможно, и в бюджетном секторе и наличие счета в банке. Многие из них продали свои квартиры в различных городах России и в других странах, входивших в Советский Союз, и решились на переезд на Кипр.

Наличие недвижимости даёт возможность получить вид на жительство, но не даёт права на работу и бесплатное медицинское обслуживание, поэтому необходимо озаботиться еще и покупкой медицинской страховки. Как правило, у многих пенсионеров здесь уже проживали ко времени переезда их дети, но в некоторых случаях это были родственники и даже просто соседи, которые помогли им определиться с жильём и оформить документы для переезда. Эту категорию условно можно назвать как «переселившиеся по совету тех, кто уже обосновался здесь» (ПМА). Сначала они приезжают посмотреть на то, как живут их родственники или знакомые, а потом решаются переехать сами. Эта категория людей, как правило, не работает, они живут на деньги, полученные от продажи или сдачи в аренду собственных квартир на родине, некоторые получают дивиденды от акций. Иногда они становятся нянями в русских семьях, возят детей в школы, обучают музы-

ке и русскому языку. Поскольку среди этих резидентов Кипра большое количество людей с высшим образованием, они без особых проблем находят себе занятия и подработку. Именно эта категория переселенцев не чувствует оторванности от родины и ностальгии, про которую говорили все советские эмигранты. Если совсем недавно сам факт эмиграции означал «прыжок в неизвестность», отрыв навсегда от привычного существования и отлаженного образа жизни, то сегодня среди русских переселенцев на Кипре понятия *эмиграция* или *иммиграция* по отношению к своему переезду на постоянное место жительства услышишь нечасто.

Мотивы переехать на Кипр у всех пенсионеров были, конечно, разные, но всех их объединяет любовь к размеренности местной жизни, нравится климат, чистый воздух, природа и низкий уровень преступности. Некоторые, совершенно не сговариваясь, замечали, что порой чувствуют себя, как в Крыму, где были в последний раз во времена своей молодости. Пенсионеры производят впечатление самой довольной части российской диаспоры. Возможно, это поверхностное впечатление, при более близком знакомстве они говорят, что им не хватает общения с бывшими коллегами и друзьями. Жительница Санкт-Петербурга жаловалась на отсутствие хороших городских парков, музеев и ощущения причастности к местной жизни. Но эти люди сделали свой выбор и жалеть о нём не хотят. Вот что говорит еще одна переселенка Наталья, 67 лет: «Я прожила в России всю жизнь, там, где значительную часть года лежал снег, устала от всего этого, сейчас хочу тепла и спокойствия». Не все пенсионеры хорошо переносят климат Кипра, в самые жаркие летние месяцы они предпочитают возвращаться в родные места. Таким образом старые связи с близкими людьми не прерываются, а современные средства коммуникации – WhatsApp, Skype и другие – позволяют им на протяжении всего их пребывания на острове быть в курсе событий, происходящих в семьях и стране (ПМА).

Основным языком общения для русских вне рамок диаспоры является английский. Кипр, как известно, с 1878 по 1960 годы находился под управлением Великобритании, и английский язык стал обязательным языком делового общения, преподавался во всех учебных заведениях, поэтому на нем в той или иной степени говорят все киприоты. Русские, желающие быстрее адаптироваться, или, как еще говорят, натурализоваться, начинают говорить между собой и с детьми не на греческом языке, а на английском. Хотя в дальнейшем многие посещают курсы греческого языка. Если позволяют финансовые возможности, детей отправляют учиться в частные английские школы, которые представлены на острове в достаточном количестве, а также в частные колледжи, где обучение ведется на английском языке, что дает возможность поступить в дальнейшем в любой университет Великобритании и других стран Европейского Союза, при наличии, конечно же, достаточного проходного балла. Если есть гражданство Кипра или вид на жительство, то ребенка могут взять в кипрскую школу, муниципальный детский сад тоже обязан его принять. Эти детские учреждения бесплатные, но в таком случае, как правило, нанимают няню – носительницу греческого языка. Здесь необходимо уточнить, что русские проживают в основном в греческой части острова, хотя, по данным агентств по продаже недвижимости, в последние годы участились покупки россиянами домов и в турецкой части.

Русские школы, дающие аттестат государственного образца, на острове тоже есть. Как правило, россияне первоначально выбирают для своих детей именно русские школы. В республике действуют четыре русские школы (по одной – в Никосии и Пафосе, две – в Лимасоле), два детского сада, Русский православный образовательный центр в Ларнаке, центры культуры и эстетического воспитания. Наиболее укомплектованные и хорошо оснащенные школы находятся в Лимасоле. Они образо-

ваны в 1998–1999 гг. При каждой школе действует детский сад и подготовительное отделение для будущих первоклассников. Все они являются частными и лицензированными, например, «Ученики Пифагора». По окончании школы учащиеся получают аттестат кипрского образца (на английском и русском языках), а также государственный аттестат Российской Федерации после сдачи ЕГЭ при Посольстве Российской Федерации в Республике Кипр. В качестве дополнительного образования в школе заявлен Центр «Интеграция», работающий по 3 направлениям: художественно-эстетическое, спортивно-оздоровительное, научно-техническое. Занятия в секции по волейболу и художественной гимнастике часто ведут опытные тренеры, мастера спорта международного класса СССР и России. Большинство приезжающих на Кипр русских стремится дать своим детям полноценное европейское образование. Но достижению этой цели мешает, прежде всего, отсутствие знания английского языка. Поэтому первый шаг всех приезжающих – обучить ребенка английскому и, по возможности, греческому языкам. В Лимасоле действует около 30 различных языковых курсов. Занятия ведут выпускники московских лингвистических вузов, киприоты, учившиеся в России, а также носители языка – преподаватели из Великобритании (ПМА).

На Кипре выпускаются газеты и журналы на русском языке, есть две местные русскоязычные радиостанции, русские центры творчества для детей и взрослых. Переселенцы имеют доступ ко всем телевизионным каналам, получают ту же информацию, что и жители России. Существует у них и возможность подписки на российские журналы и газеты. На Кипре есть магазины с «русскими» продуктами. Конфеты из советского детства, пастилу, зефир, клюкву в сахаре, мармелад, колбасы, пельмени, сардельки, консервы и многие другие традиционные «русские» продукты без проблем можно купить в специальных русских магазинах. Все это привозят из огромного скла-

да-магазина, расположенного в Германии, откуда продукты и другие товары распространяют по всей Европе.

Русская община устраивает совместные праздники и культурные мероприятия, но их, конечно же, не так много, как в России. На острове существует несколько крупных организаций российских соотечественников, самые известные: общество «Россия – Кипр», бывшее общество дружбы «СССР – Кипр», «Ромашка», образованное ещё в 1980-е годы для граждан СССР, постоянно проживавших на Кипре (в основном в результате вступления в брак), Ассоциация русскоговорящих жителей Кипра «Горизонт», «Русское общество Ларнаки» и многие другие. Они совместно с еженедельной газетой «Вестник Кипра», которая выходит с 1995 г. по пятницам и освещает на русском языке кипрские, российские и международные новости, устраивают различные фестивали и праздники, включая Новый год с Дедом Морозом и Снегурочкой, Рождество, традиционные ёлки для детей, широкую Масленицу с блинами, Восьмое марта, Пасху (ПМА). Отмечают День Победы 9 мая, а в последние два года участвуют в марше общественного движения «Бессмертный полк», который организует Русский дом на Кипре (<http://rusdomcy.com/>).

В России в 2007 г. создан фонд «Русский мир», исполнительным директором которого был назначен В.А. Никонов. Одним из направлений этой организации стала поддержка культурных связей с российскими диаспорами за рубежом. В октябре 2012 г. в Санкт-Петербурге проходил IV Всемирный Конгресс соотечественников, в котором приняли участие более 500 делегатов из 94 стран. Свою задачу фонд «Русский мир» видит в том, чтобы «способствовать консолидации российской диаспоры за рубежом, защите русского языка и сохранению отечественной культуры». Русский дом на Кипре претворяет в жизнь эту задачу: организует культурные мероприятия для соотечественников и киприотов, круглые столы для политиков и журналистов,

художественные выставки. Востребованы курсы русского языка для всех желающих, которых достаточно много среди тех, кто занимается туристическим бизнесом, ведь Кипр – одно из самых популярных направлений отдыха и туризма у россиян, включая паломничество православных христиан.

Однако то, что так мило на острове для большинства пенсионеров, не устраивает молодое поколение, особенно представительниц женского пола, тех, чьи мужья работают в России, а свои семьи вывезли на Кипр. На сайтах русскоязычных жителей страны они постоянно жалуются на скуку и однообразие. Их жизнь ограничена: дети, школа, хозяйство. Они пытаются объединиться для совместного досуга, самоорганизоваться, устраивают совместные праздники, детские прогулки, но тема «разгуляться негде» присутствует во всех сообщениях. Эти молодые женщины не работают, а роль матери и домохозяйки для них недостаточна. На Кипр приезжают мировые звёзды, в том числе и из России, гастролируют театры, привозятся различные шоу, но культурных мероприятий, по оценкам наших соотечественников, недостаточно.

Помимо непосредственного общения с представителями русской общины и проведения кратких интервью-бесед, интересным источником информации о жизни на Кипре стали русскоязычные порталы и форумы, где люди обмениваются мнением обо всём, что происходит, и часто жалуются на то, что после жизни в России им кажется, что событий очень мало. Особенно тяжело в этом контексте жителям больших городов. Они начинают рассматривать остров как стартовую площадку для дальнейшей жизни в какой-либо ещё стране. «Для детей здесь – рай, но вообще-то – деревня», – резюме многих сообщений (ПМА).

Большая часть русскоговорящих пока еще не включена в местную действительность, их жизнь и жизнь киприотов проходят параллельно. Возможно, это временное явление, российская община здесь ещё совсем молодая, но наблюдается некото-

рая замкнутость и погруженность в свои внутренние проблемы. О киприотах все отзываются очень хорошо, никто не жалуется на какое-либо недоброжелательное отношение со стороны местного населения, но говорить с ними не о чем, нет общих тем. Многих задевает еще и то, что при приёме на работу, например, в туристическом бизнесе, предпочтение отдаётся гражданам Европейского Союза (ПМА). Если местный работодатель нанимает россиянина, то он должен доказать, что никто из киприотов не может заменить его, что российский претендент лучший. И все же, по общему мнению, киприоты традиционно дружелюбно настроены по отношению к русским и вообще к иностранцам.

Между киприотами и русскими заключается много браков, но высок и процент разводов. В брак в основном вступают русские женщины. Так повелось ещё со времён существования Советского Союза, когда граждане Кипра получали высшее образование в учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Воронежа, Твери, Ростова. На острове много врачей и инженеров с советскими дипломами. Вместе с дипломами они привозили русских жён. Киприоты нередко вступают в браки с иностранцами. Чаще всего в таких парах мужья – киприоты, жёны – иностранки; реже мужчины – иностранцы, в основном англичане, греки и сирийцы, женятся на киприотках. Жён из Восточной Европы в смешанных браках можно встретить чаще, среди них: румынки, польки, украинки, но подавляющее большинство – русские (Баскина 2010: 121).

В книге Ады Баскиной «Листок посреди моря: как живут современные киприоты» приводятся интервью с русскими жёнами. Как правило, они отмечают, что среди ценностей жителей острова самой главной является семья, но не нуклеарная, а большая, расширенная, родственные связи пронизывают всю жизнь киприотов, отношение к родственникам всегда очень внимательное, их мнение очень значимо, игнорировать его просто неприлично. В

нашей стране всё уже давно по-другому, поэтому русским жёнам трудно привыкнуть к тому, что поездка в гости к дяде в деревню в воскресенье обязательна. Там надо долго пить кофе, потом обедать, потом опять пить кофе, разговаривать про других родственников и получать от этого удовольствие. Для русской жены такое воскресенье «не удалось», а муж-киприот уже планирует провести так следующее (Баскина 2010: 121).

Кипр очень долго развивался как сельскохозяйственный регион, поэтому крепкие большие семьи сохранились и в наши дни. Отношения между родственниками традиционно очень близкие. Русским жёнам кажется абсолютно неприемлемым то, что мама и сестры мужа могут давать советы по ведению хозяйства, следить за расходами семьи, «вмешиваться» в процесс воспитания детей и иметь активную жизненную позицию по различным внутрисемейным конфликтам. В то же время многим русским жёнам не нравится, что их мужья-киприоты принимают серьёзное финансовое участие, например, в подготовке к свадьбе сестры. На острове до сих пор принято, что муж приходит жить на «территорию» жены, поэтому покупкой будущего дома или квартиры для молодых занимается вся большая семья. Подавляющее большинство киприотов считают, что семья – это самая большая ценность, ради семьи зарабатываются деньги, на неё тратится всё свободное время. Семейные праздники среди большого количества родни дают им чувство защищённости и причастности к клану близких людей. Они ходят в гости друг к другу и в будние дни, без предупреждения, по-родственному. Для женщин из больших российских городов такие близкие отношения среди родственников не всегда подходят и соответственно вызывают частые конфликты между женой и мужем. Как сказала одна наша соотечественница: «Быть замужем за киприотом – это значит быть замужем за всей его семьёй» (ПМА). Но только те браки, где жёны понимают и принимают

значимость таких стандартов семейных отношений, имеют шансы сохраниться. Многие рассказы о непростых отношениях в браках публикуются в рубрике «Житейские истории» в русскоязычной еженедельной газете «Европа – Кипр». Часто русские жёны жалуются на необоснованную ревность мужей, на запреты ярко одеваться и краситься, встречаться с подругами в кафе и на требование отчитываться о проведённом времени в отсутствие мужа. Наши соотечественницы подчёркивают, что неудачные браки киприотов с русскими нередки, но женщины не спешат уезжать и пытаются найти счастье с другим претендентом (ПМА).

И мужчины, и женщины в смешанных браках отмечают, что ожидания от совместной жизни у тех и других при его заключении были различны. Отличаются их привычки, обычаи и образ мышления, который, как правило, опирается на опыт жизни в родительской семье. На Кипре, например, большую роль играет репутация семьи и такое понятие как «честь семьи», поэтому поведение её членов должно соответствовать традиционным нормам поведения, принятым в семье их родителей. Основная из них – разная степень свободы для юношей и девушек. Первым дозволяется до брака полная свобода: никто не осудит мужчину за то, что он вступил в связь, и не одну, до свадьбы. Но на молодую женщину будут смотреть с большим осуждением. И это в городах, а в деревнях согрешившая девушка становится позором для всей семьи. Киприотки предпочитают выходить замуж за своих соотечественников, по их мнению, брак с европейцем – это всегда рискованное мероприятие. Те, по их мнению, редко настроены на создание крепкой семьи. Киприоты же планируют вступать в брак один раз в жизни и сохранять его, несмотря на какие-либо семейные конфликты. Конечно, современные тенденции распространяются и на семейные отношения киприотов, но не так стремительно, как в других частях Европы.

Еще одна особенность, отличающая киприотов от других европейцев, – они,

как и греки, религиозны. Четыре пятых населения страны принадлежит к православной церкви Кипра. Религия и церковь имеют большое значение в жизни каждой киприотской семьи, даже если она не очень регулярно бывает на богослужениях и не соблюдает все ритуалы. Несколько раз в году в дни религиозных праздников киприоты посещают монастыри. Почти у каждого монастыря есть своя земля, на ней издавна выращивают оливки, апельсины, лимоны и другие фрукты. Во многих монастырях занимаются пчеловодством, монастырский мёд отличается особым ароматом и вкусом, очень ценится и монастырское оливковое масло. Занимаются в них виноделием и производством виноградной водки, сохраняются и поддерживаются монахами традиции иконописи, вязания чёток и крестиков из ниток, а в женских монастырях широко распространены вышивка и шитьё.

Кипрская церковь имеет огромное влияние на жизнь страны и на её экономику, владеет большим объёмом недвижимости и земли. В её собственности находится один из крупнейших банков страны и объекты курортной инфраструктуры острова. Сегодня она осуществляет серьёзные инвестиции в энергетический сектор республики, одним из последних инновационных проектов кипрской церкви стала постройка крупнейшей на острове производственной линии солнечных панелей. Архиепископ Хризостом сообщил в прессе, что церковь уже подписала предварительное соглашение о строительстве крупной электростанции на острове, которая по мощности скоро сможет конкурировать с Электрической компанией Кипра (МОНИТОРИНГ СМИ: Визит Патриарха Кирилла на Кипр. Портал Кредо.ру. Мониторинг различных СМИ, связанных с религией / www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=91831).

И, конечно же, говоря об авторитете и влиятельности церкви, необходимо вспомнить, что первым президентом Республики Кипр 13 декабря 1959 г. был избран глава автокефальной Кипрской Православной

Церкви архиепископ Макариос III, непосредственно участвовавший в борьбе киприотов за независимость от британского колониального правления, а турок-киприот доктор Фазиль Кучук стал первым вице-президентом. 16 августа 1960 г. была провозглашена Республика Кипр. В 1963 г. турки-киприоты вышли из состава правительства из-за разногласий по поводу поправок, внесённых в конституцию республики и создали Временное турко-кипрское управление. В результате в 1964 г. возник конфликт между греческой и турецкой общинами острова, что привело к принятию Советом Безопасности ООН решения о введении туда миротворческих сил. В 1974 г. на Кипре произошёл военный переворот, в результате которого был отстранён от власти президент архиепископ Макариос III. Турция, в свою очередь, воспользовалась переворотом как поводом для введения своих войск на территорию Кипра. 20 июля 1974 г. турецкие войска высадились на острове и взяли под свой контроль 37% территории на севере страны. Примерно 200 тысяч греков-киприотов, проживавших в северной части, были выселены со своих земель. Турецкие войска до сегодняшнего времени контролируют северную часть острова. Остров поделён на две части, в которых проживают две общины. Проблема раскола страны на две части остаётся нерешенной и после вступления Республики Кипр в Европейский Союз в 2004 г.

Напомним также, что на протяжении более чем полутора тысячелетней истории церковь Кипра была автокефальной, сохраняла полную независимость и играла интеграционную роль в среде православного населения острова. За этот период островом владели римские и византийские императоры, крестоносцы, франки, венецианцы, османская империя, британская корона. Каждое завоевание оставило свой след в самобытной культуре народа, который, несмотря ни на что, сохранил греческую основу и кипрский диалект греческого языка. При том, что Церковь по-

прежнему пронизывает всю жизнь греков-киприотов, она как институт весьма толерантна по отношению к иностранцам и отдыхающим на острове.

Русская Православная Церковь традиционно поддерживала дружеские связи с кипрской Церковью. Сейчас на территории острова есть её приход. В деревне Алетрико недалеко от Ларнаки находится храм Иконы Божьей Матери Семистрельной, где установилась традиция: после окончания службы прихожане устраивают совместную трапезу, приносят из дома угощение и пьют кофе, обмениваясь новостями, помогая друг другу советами, собирают помощь нуждающимся. Прихожанами храма становятся не только русские, но и молдаване, украинцы, белорусы, сербы, болгары. В 2010 г. РПЦ был передан в собственность участок земли в пригороде Лимасола, а в июне 2012 г. был заложен камень в основание первого на Кипре русского православного храма Святого Николая. Многие члены русской общины принимают участие в православных праздниках, даже те, кто никогда не посещал церковь у себя на родине, на Кипре крестят детей и венчаются. Церковь в определенной степени становится объединяющим фактором для россиян. Хотя среди православных встречаются и те, кто предпочитает ходить в кипрские храмы, несмотря на то, что служба идет на греческом языке. Среди них большинство составляют женщины. Они отмечают, что «во время богослужения можно сидеть и не надо покрывать голову платком» (ПМА). Российская диаспора на Кипре ежегодно прирастает и, несмотря на то, что одни россияне уезжают с острова на постоянное место жительства в другие страны Европы, а другие возвращаются на родину, уже сейчас можно сказать, что на Кипре ими созданы устойчивые социальные институты, среди которых РПЦ занимает особую позицию.

Русскоязычное сообщество Кипра существует почти 30 лет. «На местных кладбищах уже есть русские могилы, мы здесь

уже укоренились», – так сказал мне один из старожилов острова. Диаспора и современные средства коммуникаций позволяют существовать в двух средах одновременно, не ощущая культурного и информационного отрыва от страны происхождения. Современные диаспоры уже не замыкаются только на себе, по крайней мере, это относится к представителям молодого поколения. Но здесь возникает следующий аспект для осмысления. Если 30–40-летние айтишники открыты миру и часто им «все равно в какой стране жить, лишь бы она соответствовала моим потребностям и создавала ощущение внутренней гармонии» (ПМА), то детям, которые родились или выросли на Кипре, получив совсем другой социокультурный опыт, чем их сверстники в России, Украине и Белоруссии, будет нелегко обрести собственную идентичность. Очень многие (почти все мои информанты) планируют, что после окончания школы их дети будут продолжать обучение в европейских колледжах или университетах. Далее – «как сложится», но, скорее всего, в страну происхождения родителей они не вернутся. Хотя, если будет «хорошая работа и их знания будут востребованы, то, конечно, поедут» (ПМА). Детям из русскоязычной диаспоры на Кипре предстоит сделать выбор и либо вернуться на родину родителей, либо найти свое место еще в какой-нибудь стране. И может быть, это будет Кипр...

Будущее и перспективы российских граждан, выросших, получивших воспитание и образование вне своей страны пока еще не подвергались осмыслению и изучению, но на Кипре такой опыт уже имеется. Речь пойдет о так называемых В.В.С. (*British-born Cypriots* или *британских киприотах*). В 1960–1970-х годах в связи с драматическими событиями на острове в Великобританию были вынуждены иммигрировать около 160 тыс. жителей Кипра, как греков-киприотов, так и турок-киприотов. Там они получили гражданство, образование, профессию, создали семьи и родили детей. Некоторые из них позднее

переехали в Австралию. И вот уже в XXI в. потомки иммигрантов, будучи британскими подданными, обращаются в соответствующие государственные учреждения Республики Кипр с просьбой о получении кипрского гражданства. Репатриантами становятся как британские пенсионеры греко-киприотского происхождения, так и их дети и внуки. Они возвращаются на родину предков с уже другим социокультурным опытом и сталкиваются с тем, что их идентичность – это некое «третье культурное пространство» (Teerling 2010: 171–175). От местных жителей острова они получили ироничное прозвище *Чарли*, вследствие того, что их поведение и привычки отличаются от местных. Новые переселенцы создают различные сообщества как для общения в реальной жизни, так и в Интернете, что помогает им адаптироваться в новой среде (ПМА).

В заключение хотелось бы выделить особенности русскоязычного сообщества на Кипре:

1. Все они граждане своих стран – России, Белоруссии, Украины и др.;
2. Они не получают пособий или социальных льгот от государственных органов Республики Кипр;
3. Они экономически самостоятельны, несмотря на разные стили жизни;
4. Они мобильны и социально активны;
5. Они сохраняют культурную идентичность и русский язык.

Во многом именно этими качествами русскоязычное сообщество на Кипре отличается от подобных ему в странах, принимающих иммигрантов и имеющих по отношению к ним государственную социально-направленную политику (Германия, Австралия, Канада, Новая Зеландия, в меньшей степени США).

Литература и источники

Баскина 2010 – Баскина А. Листок посреди моря: как живут современные киприоты. М.: ЭНАС, 2010.

Коллиер 2016 – Коллиер П. Исход. Как миграция меняет наш мир. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.

Остроух 2013 – Остроух И.Г. Русские на Кипре // Очерки о европейской идентичности и многокультурности. Отв. редактор-составитель М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2013.

Cohen 2005 – Cohen R. Global Diasporas. London: UCL Press, 1997. P. 180. (Цит. по: Вишневский А.Г. Русский или прусский. Размышления переходного периода времени. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005).

Teerling 2010 – Teerling Janine. The “Return” of British-Born Cypriots to Cyprus: A Narrative Ethnography / DPhil in Migration Studies School of Global Studies. University of Sussex, August 2010.

ПМА – полевые материалы автора

Интернет-источники

Бенюмов 2017 – Бенюмов Константин. Игра в утопию. Как остров Кипр стал центром постсоветской IT-индустрии – и что там делают сто тысяч русских. Meduza. 16.10.2017 – <https://meduza.io/feature/2017/10/16/igra-v-utopiyu>

МОНИТОРИНГ СМИ – Мониторинг СМИ: Визит Патриарха Кирилла на Кипр. Портал Кредо.ру. Мониторинг различных СМИ, связанных с религией – www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=91831

Общественная инициатива – Общественная инициатива русских Европейского Союза «Европейский русский альянс» <http://eursa.eu>, <http://dev.eursa.eu/node/83>

Проект «Русскоязычный мир» – Проект «Русскоязычный мир» – <http://www.russian-world.info/russkie-na-kipre>

Русский Архипелаг – Русский Архипелаг. Сетевой проект «Русского мира» – http://www.archipelag.ru/ru_mir/rm-diaspor/proposition

Юзбекова 2017 – Юзбекова Ирина. Кипр наш: почему все больше российских айтишников уезжает на остров. Журнал РБК, май 2017 – <http://www.rbc.ru/magazine/2017/05/58f629049a7947218ed59bd1>

8 октября 2017 – 8 октября 2017 <https://evropakipr.com/novosti/na-sredstva-rossiyskogo-milliardera-v-limassole-postroyat-tehnologicheskij-institut>

Глава 14

Русская диаспора Азербайджана: этнокультурные аспекты¹

Русская община Азербайджана – самая многочисленная на Южном Кавказе. По данным переписи 1999 года, в Азербайджане насчитывалось 141 700 русских (1,8% населения). По оценке на 2009 г., русских насчитывалось 119 300 чел. По мнению экспертов, в последние годы отток русского населения из Азербайджана прекратился и даже наметился некоторый естественный прирост. Более двух третей русских живут в Баку. В других крупных городах страны – Гяндже, Мингечауре, Сумгаите, Хачмасае – русские составляют 1–2% от общей численности населения. Несмотря на значительные демографические изменения и активные миграционные процессы постсоветского периода, русское население в Азербайджане продолжает сохраняться и в сельских поселениях.

Появление русского населения в Азербайджане было связано с присоединением этого региона к Российской империи в начале XIX в. В числе переселенцев были представители различных социальных и религиозных групп, что было обусловлено целым комплексом социально-экономических, политических и конфессиональных факторов. Наряду с военными и чиновниками, прибывавшими в эти края по делам службы, на земли Азербайджана переселялись и русские крестьяне – в первое время среди них преобладали многочисленные религиозные раскольники и сектанты (молокане, субботники, духоборы, баптисты и др.), расселявшиеся в основном в сельской местности.

Начало законодательно оформленному водворению русских на этих землях было

положено в 30-е годы XIX в. 20 октября 1830 г. вышло первое правительственное распоряжение о переселении раскольников и сектантов в так называемые Закавказские провинции. С утверждением этого указа прекращалось переселение их в Новороссийский край, до того времени служивший на юге России основным местом их ссылки. Некоторое время «сектантам» запрещалось селиться в городах. Чуть позже они основали слободы в Шемахе и Ленкорани и лишь в 1859 г. им было разрешено поселение слободой в Баку (Волкова 1989: 7).

Таким образом, с 1830-х годов русское население Азербайджана формировалось главным образом за счет сосланных сюда раскольников и сектантов, отколовшихся от официального православия. В 1830–1840-е годы на территории Азербайджана появляются первые русские села; в их создании участвовали в основном молокане, духовные христиане, субботники и др., высланные царским правительством или выехавшие добровольно из южных губерний России. Так, в середине 50-х годов XIX в. они составляли 94,3% русского населения Шемахинского уезда (Исмаил-заде 1993: 86). К началу XX в. в Азербайджане было уже 46 селений, основанных представителями этих конфессиональных групп.

Во внутренних губерниях России эти группы русских подвергались преследованиям как со стороны государства, так и церкви. По отношению к ним применялись различные санкции в экономической, социальной и религиозной сферах. В то же время подобные ограничения не действовали в Закавказье, напротив, были приняты законы, существенно облегчавшие их положение и способствовавшие их вовлечению в экономическую жизнь этого региона: в течение пяти лет с них не брали

¹ Глава подготовлена по теме НИР «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие». Подтема «Народы Северного и Южного Кавказа: цивилизационные и этнокультурные взаимодействия».

налоги, а мужчины были освобождены от воинской повинности, их не брали в армию. Таким образом, обосновавшиеся в Закавказье сектанты должны были стать опорой в проведении царской политики в этом крае. Молокане, поселившиеся в Закавказье, «образовали единую культурную общность, в основе своей однонациональную – русскую. Она особенно оформлялась и оттенялась на протяжении длительного времени в условиях жизни среди численно преобладающего инонационального населения с другой культурой и вероисповеданием» (Пучков 1973).

Русским в новых местах приходилось приспосабливаться к новым природным, климатическим, социальным условиям, к новому этническому окружению. Исследователи отмечают, что «русские переселенцы к природным условиям Азербайджана адаптировались успешно, решив основные задачи хорошей адаптации: сохранить свое “ядро”, свою структуру в общих чертах неизменной, и в то же время “врасти” в иную среду, сродниться с ней» (Дубова и др. 1989: 45).

Успешная адаптация переселенцев в немалой степени была связана также и с тем, что в новых местах они встретили в целом доброжелательное отношение коренного населения. Это обусловило многочисленные взаимные межкультурные заимствования, в основном охватывающие элементы традиционной материальной и духовной культуры данных двух этносов: язык, пища, убранство жилища, архитектура и др. (Дубова и др. 1989: 45; Агаева 2006: 244). Д.И. Исмаил-заде справедливо отмечает: «С возникновением переселенческой деревни в Закавказье судьбы русского и местного крестьянства переплетаются, их дальнейшее развитие происходит в процессе взаимовлияния во всех сферах жизни и деятельности» (Исмаил-заде 1982: 5).

Значительная миграционная волна русского населения в Азербайджан была связана также с нефтяным бумом в Баку в конце XIX в., с превращением этого города

в крупный промышленный центр Южного Кавказа, а также с ростом других городов региона.

Численность русских мигрантов в Баку в период с 1897 по 1913 гг. увеличилась с 38 975 до 76 288 чел. Русскими рабочими преимущественно заселялись Черный и Белый город, промышленный пояс на северо-восточной окраине Баку. В 1902 г. русские составляли 29,4% рабочих в нефтяной промышленности Баку. Русские доминировали в административном аппарате. Так, по данным 1910 г. в Баку практиковали 107 адвокатов и их помощников, из которых 38 являлись русскими (Бабе-ровски 2004: 322–323).

Особое значение царская администрация уделяла колонизации Мильской и Муганской степей. Первые одиночные русские поселения на Мугани появились в 1860-е годы. Однако активное заселение Мугани началось на рубеже XX в. Согласно Н.Г. Волковой, заселение русскими Мугани относится к 1897 г.; до 1917 г. здесь возникло 48 селений (Волкова 1989: 7). Только с 1902 по 1917 гг. на Мугани образовалось около 55 русских поселков с населением свыше 20 тыс. человек.

Крупным мероприятием стало орошение Мугани, которую власти надеялись превратить в базу промышленного хлопководства. К 1916 г. планировалось завершить орошение ее территории и обеспечить расселение в этой зоне до 100 тыс. человек. Проводимые правительством работы, а также принятый в 1912 г. закон «Об отводе казенных орошенных участков в Муганской степи» предоставляли переселенцам существенные льготы в условиях землепользования и имущественных правах. В эти же годы несколько десятков русских поселений образовались вдоль Каспийского побережья, на территории Кубинского и Ленкоранского уездов. На рубеже XIX–XX вв. в Азербайджане в общей сложности появились более ста русских православных селений (Комарова 1990: 9).

Миграции советского времени в этот регион были обусловлены также в основном развитием промышленности, что увеличивало русское население, главным образом, в городах. Определенную долю русского населения городов Азербайджана составляли и семьи военнослужащих Советской Армии. В целом по Азербайджану динамика изменения численности русского населения, согласно данным Всесоюзных переписей, выглядит следующим образом: 1926 г. – 220 545 чел.; 1939 г. – 528 318 чел.; 1959 г. – 501 282 чел.; 1970 г. – 510 059 чел., 1979 г. – 475 255 чел. (7,9% населения республики), 1989 г. – 392 304 чел. (5,6% населения республики). Как мы видим, уже с 1970–1980-х годов начался отток русского населения из Азербайджана, в основном по экономическим причинам (отметим, что аналогичные процессы проходили и в других республиках Закавказья) (Захарьев 2013: 52).

В 1990-е годы происходил массовый выезд русских из Азербайджана в связи с нестабильностью внутривнутриполитической обстановки, длительным Карабахским конфликтом, экономическим кризисом и другими факторами (сужение сферы применения русского языка, возрастание психологического дискомфорта этой группы населения и т.д.). Один из экспертов определил причины этих массовых миграций следующим образом: «неясная социально-экономическая перспектива и разрушение промышленного сектора, в котором традиционно трудились русские» (Попов 2010).

Необходимость в самоорганизации была осознана русским сообществом Азербайджана уже в первые постсоветские годы. По инициативе группы русских интеллигентов во главе с доцентом Бакинского государственного университета Виктором Зотовым в начале 1990-х годов была создана организация, представлявшая интересы всех граждан республики, в том числе русских, – добровольное общество солидарности народов Азербайджана «Со-

дружество» (сегодня эта структура объединяет русских, белорусов, азербайджанцев и представителей других народов Азербайджана). В 1992 г. по инициативе Михаила Юрьевича Забелина депутата парламента (Милли Меджлиса) Республики Азербайджан была создана первая организация собственно русской диаспоры – общество «Азербайджан–Россия».

В 1993 г. им же была организована Русская община Азербайджана (РОА) – самая авторитетная и масштабная организация русской диаспоры в республике. Своей главной целью она ставит защиту интересов этнических россиян, сохранение русского языка, русской культуры. Община ведет активную работу с русским населением республики, в первую очередь путем предоставления консультаций по гражданским и юридическим вопросам. Деятельность РОА охватывает практически все районы республики.

Руководящий орган РОА – Совет из 25 человек. При общине работают комиссии: организационная, по экономической программе, по гражданству и миграции, по народному образованию, по социальным вопросам и благотворительности, по защите прав граждан, по вопросам религии, по связям с зарубежными общинами, по связям с политическими партиями и общественными движениями, по делам ветеранов войны и Вооруженных сил, Совет старейшин, Центр русской культуры, молодежный клуб «Садко», Клуб деловых людей, газета «Вестник», пресс-служба (Русская община). Деятельность РОА довольно разнообразна. Так, проводились Дни международного сотрудничества «Москва в Баку», круглый стол, посвященный 120-летию со дня рождения С.А. Есенина, семинары учителей русского языка общеобразовательных школ города Баку, фестиваль русской песни «Родники души», презентация фильма «Русские Азербайджана» (2015 г.), устроено праздников в дни Нового года, Масленицы, Пасхи.

При РОА действует Центр русской культуры (ЦРК), Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений, Ассоциация блокадников Ленинграда, Объединение деловых людей «Русский мир», Ассоциация русской молодежи Азербайджана.

Деятельность ЦРК направлена в первую очередь на сохранение, развитие и пропаганду русской культуры и языка, литературы, русских традиций, обычаев и обрядов, на укрепление межнациональных связей и взаимообогащение русской и азербайджанской культур, а также культур народов, проживающих на территории Азербайджана. Центр проводит литературные и музыкальные вечера, православные концерты, конкурсы-фестивали на лучшее исполнение русской народной и классической музыки. Проводятся также специальные мероприятия (например, «Молоканский мир»), посвященные традициям русских-молокан. При Центре русской культуры работают ВИА «Русское поле», женский вокальный ансамбль «Поющие сердца», хор «У самовара», танцевальный ансамбль «Нежность», детский хор «Кораблик» и др. Большой популярностью пользуются организуемые ЦРК новогодние представления для детей (единственные в Баку на русском языке); местные организации РОА также устраивают новогодние представления в городах и районах. Важным направлением работы РОА является защита прав членов русской общины (Заплетин, Ширван-заде 2008: 283–285).

В Азербайджане с 16 ноября 1994 г. действует Землячество казаков Азербайджана, объединяющее приблизительно полторы тысячи человек. Большая часть из них – это потомственные казаки, чьи предки были казаками. Остальные, так называемые приписные казаки – это те, кто не имеет казачьих корней, но принимает устав и традиции казаков. Казаки появились в Азербайджане раньше других русских групп. Первое упоминание о казаках в Азербайджане в официальных документах – это отчет 1795 г. о походе гене-

рала-бригадира Антона Андреевича Головатого, который по высочайшему повелению прибыл с Кубани во главе двух казачьих полков и десантной гребной Каспийской флотилии в Азербайджан для охраны его южных границ. Недалеко от Ленкорани был создан казачий форпост во главе с атаманом Головатым, который спустя два года скончался от лихорадки и был похоронен на острове Сары.

Со времен русско-турецкой войны казаки начинают переселяться на азербайджанские земли в поисках приюта, чтобы пережить «лихую годину», а после вхождения Азербайджана в состав Российской империи в Ленкоранском и Хачмасском уездах появляются первые казачьи поселения, в частности село Пришиб.

Землячество поддерживает тесные связи с Кубанским и Сибирским казачеством, Союзом казаков России, активно действует в самом Азербайджане, проводит культурные и гуманитарные акции, связанные с организацией отдыха детей, оказанием помощи нуждающимся и престарелым.

Землячество казаков Азербайджана так определило основные цели и задачи своей деятельности:

- Возрождение старинных национальных обычаев и традиций взаимопомощи, близости в радости и горе, когда только всем миром можно превозмочь беду.

- Сохранение нравственных религиозных ценностей.

- Социальная защита. Это не только безвозмездная помощь престарелым, пенсионерам, одиноким и больным, но и помощь в трудоустройстве более молодых.

- Воспитание детей в духе казачества.

- Правовая защита членов организации.

Землячество многое делает для сохранения истории и культуры казачества. Так, оно обращалось к Президенту Азербайджанской Республики Гейдару Алиеву с просьбой дать разрешение на установление памятника Георгиевскому кавалеру, атаману, войсковому судье А.А. Головатому, бравшему штурмом Измаил, в городе

Ленкорань, и такое разрешение было получено [Землячество казаков Азербайджана]. В 2008 г. в Ленкорани был открыт 10-метровый памятник казачьему атаману и российским военным, защищавшим в конце XVIII в. азербайджанские земли от нашествий с юга, а рядом с ним – Аллея азербайджано-казачьей дружбы. Для создания этого мемориала казаки России и Азербайджана собрали 40 тыс. долларов (Мишин).

В Азербайджане также функционируют такие организации, как Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана, Центр культуры славян, Ассоциация русской молодежи Азербайджана, Международный центр русскоязычной молодежи и ряд других.

Большинство русских Азербайджана исповедуют христианство и являются последователями Православной церкви. Русская община Азербайджана действует в тесном контакте с Православной церковью. Стало традицией ежегодно проводить праздничные Пасхальные и Рождественские концерты, причем не только в Баку, но и в районных организациях РОА.

28 декабря 1998 г. была создана Бакинско-Прикаспийская епархия (ставшая 128-й епархией Русской православной церкви), в состав которой вошли православные приходы на территориях Азербайджана, Дагестана и Чечни. 22 марта 2011 г. из ее состава была выделена Бакинская епархия, объединяющая приходы Русской православной церкви в Азербайджане (Баку, Гянджа, Хачмас и Сумгаит). Кафедральный собор Святых Жен-мироносиц в г. Баку вновь открыт в конце XX в.¹

¹ Храм Святых Жен-Мироносиц был отреставрирован и вновь освящен лишь в конце XX в. ныне покойным российским бизнесменом азербайджанского происхождения Айдыном Курбановым, о чем гласит надпись на памятной доске: «Собор Святых Жен-Мироносиц восстановлен и реконструирован на средства предпринимателя и мецената Курбанова Айдына Самад оглы в 2002 году» (Заплетин,

В мае 2001 г. состоялся первый в истории визит Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго в Азербайджан – на землю, «освященную трудами и кровью святого апостола Варфоломея, впервые преподавшего здесь евангельское учение две тысячи лет назад» (Заплетин, Ширван-заде 2008: 204). Во время визита в Азербайджан Патриарх заявил: «Создание Бакинско-Прикаспийской епархии явилось важным событием для православных верующих Азербайджана, способствовало налаживанию диалога между представителями мусульманской и православных общин страны». Патриарх высоко оценил доброе отношение к русским в Азербайджане, подчеркнув, что наличие здесь русской общины является «важным фактором взаимопроникновения культур». В апреле 2010 г. с визитом в Азербайджане побывал патриарх Московский и всея Руси Кирилл. 26 декабря 2017 г. Святейший Патриарх Кирилл *наградил* вице-президента Азербайджанской Республики *Мехрибан Алиеву* за многочисленные заслуги в сфере укрепления дружбы между Азербайджаном и Россией орденом святой равноапостольной княгини Ольги.

Несмотря на обилие русскоязычных организаций, их структурированность, наличие прочных связей с Россией и в целом неплохое положение в стране, русская диаспора в Азербайджане, будучи национальным меньшинством, испытывает определенные трудности, особенно вне больших городов. Конечно, проблемы русской диаспоры – в большинстве своем те же, что и у остального населения Азербайджанской Республики, например, проблема занятости (Русская община).

Но русская диаспора Азербайджана в своем развитии сталкивается и с определенными специфическими проблемами. На одну из них обратил внимание руководитель Русской общины Азербайджана М.Ю. Забелин: это то, каким образом в

Ширван-заде 2008: 193, цветная вклейка; Интервью ... с Азер Гарибом).

современных учебниках по истории Азербайджана отражаются вопросы присоединения Азербайджана к Российской империи, особенности советского периода. Ссылаясь на учебник для 7-го класса «История Азербайджана» (Баку: Асполиграф, 2006. Параграфы 22 и 23), он пишет: «К сожалению, ... раздаются голоса, пытающиеся представить российско-азербайджанские отношения как сплошную мрачную, депрессивную историческую полосу ... А в учебниках по истории Азербайджана авторы пытаются только русских (русов) изобразить кровожадными, беспощадными и жестокими грабителями, забывая, что покорение азербайджанских ханств Арабским халифатом, Персией, Турцией и другими сопровождалось более масштабным уничтожением народа, грабежами и пленением в рабство населения» (Забелин: 8–9).

Актуальна для многих представителей русской диаспоры проблема освоения на соответствующем уровне государственного азербайджанского языка. Как отмечает глава русской общины М.Ю. Забелин, «многие из русских в Азербайджане не знают азербайджанского языка, являющегося государственным», и русская община заинтересована предпринимать соответствующие меры, чтобы стимулировать его изучение (конкурсы и олимпиады среди русской молодежи на знание азербайджанского языка и др.) (Забелин).

Незнание государственного языка русским населением зачастую становится одним из основных препятствий для полноценной интеграции в азербайджанское общество. Постепенное сокращение сферы применения русского языка в республике в связи с принятием закона о защите азербайджанского языка в 2002 г., переводом на него делопроизводства в госучреждениях, заменой кириллицы на латинский шрифт создает значительные проблемы для русской диаспоры, поскольку препятствует более активной общественно-политической деятельности, участию в различных партиях и движениях, создает трудности при устройстве на работу. За-

метим, что сразу после принятия нового закона представители русской общины выражали обеспокоенность, поскольку документ предусматривал перевод всей образовательной системы на азербайджанский язык, а русскому языку отводилась роль иностранного (Русская община).

Участники конференции, посвященной 15-летию Русской общины Азербайджана, в своем обращении к Президенту Азербайджана Ильхаму Алиеву отмечали важность и значимость проблемы русского языка: «Русский язык был и остаётся очень важным каналом информации. Это родной или ставший вторым родным язык для сотен тысяч граждан Азербайджана. Это – язык межнационального общения. К сожалению, сокращение присутствия русского языка в Азербайджане, проводимое под любым предлогом отдельными высокопоставленными чиновниками, вызывает серьёзную озабоченность. Необходимо и дальше развивать процесс преподавания русского языка в Азербайджане, которое во многом зависит от сотрудничества российских учебных и научных центров с азербайджанскими учебными заведениями, где преподаётся русский язык, координации их усилий, обмена информацией» (Обращение 2008).

Следует отметить, что русский язык в Азербайджане и в настоящее время продолжает сохранять довольно прочные позиции и в образовании и в общественно-политической сфере. За годы существования независимого Азербайджана, несмотря на сокращение количества русских классов, не была закрыта ни одна русская школа, в которых родители могут выбрать русский язык в качестве основного для своих детей, начиная с первого класса. По некоторым данным, примерно около миллиона человек в стране владеют русским в совершенстве, ежедневно общаются, пишут, читают на этом языке, регулярно смотрят российские каналы. По имеющейся информации количество обучающихся в азербайджанском секторе детей за 2015–2016 год составляло 279 616, а в русском секторе – 55 809 (примерно 16,6% учени-

ков) (Рафигоглу). Особо следует отметить созданный по указу президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева от 13 июня 2000 г. Бакинский славянский университет (БСУ), где изучают славянские языки (Русская община).

И сегодня, по словам Рамиза Мехтиева, «русский язык в Азербайджане сохраняет свое значение как окно в мировую культуру». По мнению Азера Гариба, главного редактора русскоязычного интернет-телеканала AzRu.TV, в Азербайджане сформировалась особая субкультура – русскоязычная культура Азербайджана, «и ее носители представляют целый пласт талантливейших людей, составляющих гордость Азербайджана» (Интервью 2011).

Есть у русской диаспоры в Азербайджане и другие проблемы. Так, русское население Азербайджана примерно на 60% представлено пожилыми людьми. А русская молодежь, выросшая в Азербайджане, играет явно недостаточную роль в экономическом развитии республики. Следует отметить и такую проблему, как нехватка русскоязычной специализированной профессиональной литературы для студентов и преподавательского состава вузов (Русская община).

Общественное объединение Ассоциация русской молодежи Азербайджана (АРМА) сформировалось в ходе первой конференции русской молодежи Азербайджана 26 июня 2004 г. 29 декабря того же года АРМА прошла государственную регистрацию в Министерстве юстиции АР в качестве юридического лица. Значимым событием в жизни АРМА стало проведение 15 мая 2010 г. совместно с Русской общиной конференции, посвященной вопросам интеграции русской молодежи Азербайджана в общественно-политическую, экономическую и культурную жизнь республики. Мероприятие проходило с участием руководителя общественно-политического отдела Администрации Президента республики, министра молодежи и спорта Азербайджана, замминистра образования, ответственных сотрудников дру-

гих министерств и ведомств, а также депутатов парламента страны и представителей различных общественных и молодежных организаций. АРМА проводит рождественские балы-маскарады, пользующиеся среди молодежи большой популярностью.

Русская молодежь Азербайджана сталкивается с теми же проблемами, что и вся молодежь республики. При этом недостаточное знание государственного азербайджанского языка нередко становится непреодолимым препятствием при поисках достойной работы. Этим отчасти определяется и основная причина общественно-политической пассивности русской молодежи Азербайджана, практически не представленной на госслужбе и не выдвигающей своих кандидатов на выборах всех уровней.

Для привлечения внимания к изучению азербайджанского языка Ассоциация русской молодежи совместно с Ассоциацией преподавателей русскоязычных учебных заведений проводит конкурсы и олимпиады в школах и институтах на знание азербайджанского языка среди школьников и студентов русских секторов. Победители этих конкурсов, так же как и преподаватели, поощряются ценными подарками.

Проблемой является также малая вовлеченность русской молодежи в бизнес. Это существенно снижает возможности для интеграции русской молодежи Азербайджана в экономику страны. Однако молодые русские достаточно широко представлены в сфере торговли, а также в профессиональных группах, требующих высоких технических навыков (программисты и др.) (Попов 2010). АРМА помогает членам ассоциации в поиске работы и трудоустройстве, а также оказывается помощь молодым людям, которые оказались в сложной ситуации.

После рассмотрения вопросов, касающихся в целом русской общины Азербайджана, остановимся на некоторых сторонах жизни современного населения русских селений этого региона.

В октябре–ноябре 2009 г. во время экспедиционной поездки в Азербайджан (Ше-

махинский и Исмаиллинский районы)¹ мы посетили села Ширванской зоны, в которых еще несколько десятилетий назад русские преобладали или во всяком случае составляли весьма значительную часть населения. Большинство русских в этих селах – молокане. В советское время этнографы и антропологи ИЭА РАН, в основном сотрудники сектора этнической экологии, неоднократно работали в этих селах, и в публикациях 1980–1990-х годов отражена ситуация в русских селах на тот момент (Козлов и др. 1988; Дубова и др. 1989; Русские старожилы Азербайджана 1990; Духоборцы и молокане в Закавказье 1992; Русские старожилы Закавказья: молокане и духоборцы 1995). Этой темой занимаются и азербайджанские исследователи; в частности, в Баку была защищена диссертация, посвященная русским сектантам в Азербайджане (Агаева 2004).

В период основания (1830–1850-е годы) и до начала 1950-х годов молоканские села Азербайджана были преимущественно мононациональными. Как отмечают информанты, в прошлом, когда молокане продавали дом, то, согласно неписаному правилу, разрешалось продавать только «своим», односельчанам. Конечно, этот запрет давно исчез. Следует сказать, что для местного русского населения всегда были характерны общинная взаимопомощь и взаимная поддержка во всех ситуациях. Так, если семье по тем или иным причинам приходилось покидать селение, то соседей просили ухаживать за могилами своих близких. Наши информанты отмечали: «Молокане очень дружные были. Так воспитали нас матери: “Люби ближнего как самого себя”».

Со второй половины XX в. удельный вес русских во многих селах стал заметно сокращаться, соответственно увеличилась

доля азербайджанцев и других коренных народов региона. Уже в 1960–1980-е годы этот процесс приобрел устойчивый характер; его главной причиной, по мнению специалистов, была более быстрая урбанизация русского населения (Ямсков 1990: 51).

В последние десятилетия число азербайджанцев в русских селах заметно увеличилось, в том числе за счет естественного прироста и массового притока азербайджанских семей. Значительную долю новых жителей бывших русских сел составляют беженцы из Армении и Карабаха, а также переселенцы из Грузии.

В 1987 г. в с. Ивановка (Исмаиллинский р-н) русские составляли 80,5% (2850 чел.) всех жителей, а в с. Чухурюрд (Шемахинский р-н) – 90,0% (787 чел.) (Комарова 1990: 15–16]. К 2009 г., по нашим полевым данным, в с. Чухурюрд осталось всего 90 молокан, большинство населения составляли уже азербайджанцы и таты, причем приехавших только в последние годы насчитывалось около 120 человек. В с. Нагарахана (бывшая Кировка, Шемахинский р-н) русское молоканское население также стало меньшинством. В то же время в Ивановке, несмотря на значительные миграции из села представителей в основном среднего и молодого поколения, демографическая ситуация более благоприятная. Здесь проживало около 2500 русских.

Селение Ивановка – одно из крупнейших поселений молокан на территории Азербайджана – основано более 160 лет назад. Следует отметить, что в Ивановке сохранился единственный в Азербайджане колхоз (по настоятельной просьбе жителей селения, обращенной к Гейдару Алиеву). В селении насчитывается более тысячи дворов, большинство из которых принадлежит русским-молоканам. Кроме того, здесь проживают азербайджанцы и лезгины. Официальный язык – азербайджанский, на нем ведется делопроизводство. В селении есть средняя школа, больница, два благоустроенных детских сада, три стадиона, АТС, 2 мельницы, несколько магазинов, аптека, двухэтажная гостиница, интернет-клуб, столовая. Огромный Дом

¹ Экспедиционный отряд работал в следующем составе: заведующий отделом современной этнографии Института археологии и этнографии НАН Азербайджана Э.А. Керимов, сотрудники отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН Н.Д. Пчелинцева и Л.Т. Соловьева.

культуры, построенный в советское время, имеет зрительный зал на 700 мест. Создан интернет-сайт с. Ивановки, где представлена история села и его окрестностей, освещаются текущие события, связанные с жизнью села.

В настоящее время поддержку селению и колхозу оказывает действующий президент Ильхам Алиев, который объявил себя «гарантом» Ивановки после ухода из жизни своего отца. Осенью 2009 г. Ильхам Алиев с супругой посетили Ивановку во время Праздника урожая. Жители селения (старцы) поблагодарили президента за оказанную помощь, в частности, в строительстве нового здания школы и бассейна, попросили помочь с водоснабжением. Встреча с президентом вылилась в настоящее торжество: на площади перед Домом культуры была развернута красочная экспозиция сельскохозяйственной продукции и предметов народного творчества, был дан концерт, в котором выступили местные творческие коллективы.

Определенная изолированность сравнительно небольшой популяции (жителей того или иного селения), тенденция заключения браков по большей части внутри села способствовала тому, что многие элементы традиционного быта и культуры русских, как в сфере семейной, так и общественной жизни, сохраняются до настоящего времени. К ним относятся и некоторые элементы традиционной материальной культуры, в основном те, что связаны с обрядовой жизнью: ритуальные блюда (обязательно домашняя лапша), вышитые полотенца (во время свадьбы), ношение женщинами платков на похороны и на моления (прежде это было обязательным для всех женщин; вдовы носили платки с отвернутой наружу кромкой). Любопытно, что после газификации Ивановки во многих домах убрали русские печи, занимавшие в комнате много места, но вновь установили их во дворах, поскольку они необходимы для приготовления традиционных ритуальных блюд (традиционная лапша, пасхальные куличи и др.)

Пища молокан в первые годы переселения, естественно, мало чем отличалась от той, к которой они привыкли на местах прежнего проживания. Но природные и климатические различия Закавказья и России часто не позволяли выращивать те сельскохозяйственные культуры, к которым они привыкли. Так, жители Ивановки на протяжении ряда лет безуспешно пытались выращивать гречиху, которая не вызревала в новых условиях. В результате от этих попыток пришлось отказаться. Постепенно, в ходе адаптации переселенцев к новым условиям некоторые изменения претерпевал и их рацион питания. Достаточно тесные межнациональные контакты русского населения и коренных жителей во второй половине XX в. привели к тому, что кухни этих народов обогатились новыми продуктами и национальными блюдами соседей. Русские, наряду с картошкой и капустой, стали употреблять в пищу баклажаны, фасоль, болгарский перец, местные травы, а также заимствовали у соседей традиционные способы обработки и употребления молочных продуктов (Григулевич 1990: 62, 68). В их рационе питания появились такие блюда, как хингаль, халва, долма, соус, кята, в то же время сохраняются традиционные для молокан борщ, мясо с картошкой, домашняя лапша на мясном бульоне – старинное ритуальное блюдо.

В пище молокан существовал ряд религиозных запретов: на свинину, зайчатину, некоторые виды рыбы, алкоголь, которые в настоящее время нередко нарушаются.

Свадебная обрядность обязательно включает сватовство, «венчание» молодых пресвитером (как известно, молокане не признают венчание в православной церкви), благословение родителей и старцев, свадебное застолье. Обычно свадьбу играют в конце лета или осенью после уборки урожая. Предсвадебная обрядность богата множеством игровых моментов. Устраиваются вечеринки в доме невесты (2–3 вечера), куда собирается молодежь, не обходится без песен, плясок, игр. На одной из таких вече-

ринок гости «катают лапшу», а жених приносит для них угощение (магарыч) – конфеты, яблоки, орехи. В один из вечеров бывает девичник – прощание невесты с подругами. После этого «катают лапшу» в доме жениха, В этот день невесту с женихом благословляют родители жениха, затем родители невесты, и в доме невесты их «венчают».

Собственно свадьба проходит на следующий день. Перевозят в дом жениха приданое невесты, которое «дружок» и «поддружок» жениха должны выкупить у подруг невесты. Жених с друзьями приходит за невестой, с него требуют выкуп у ворот и у входа в дом. В комнате, на столе, покрытом белой скатертью, лежат хлеб, соль и Библия. Здесь молодых благословляют, и они отправляются в дом жениха, где их встречают хлебом и солью, при этом поют русские народные песни.

Перед свадебным угощением проводят регистрацию брака, во время которой жениху и невесте надевают обручальные кольца, перевязанные красной ленточкой. Свадебное застолье, в котором принимают участие не только русские, но и соседи-азербайджанцы, в прошлом устраивали в доме жениха. Теперь в Ивановке оно проходит в Доме культуры, а в других селах обычно в ресторане или кафе. Танцуют как современные танцы, так и азербайджанские. Обязательно провозглашается здравица Азербайджану, дружбе русских и азербайджанцев, азербайджанской земле. На стол подают традиционную лапшу, а также сыр, колбасу, блинчики (с мясом, творогом), долму. Из напитков – вино, водку, коньяк.

На другой день после свадьбы молодые и их близкие родственники отправляются в дом невесты. Для этого визита невесте шьют специальный наряд («подвенец»). Еще сравнительно недавно в этот день ей полагалось надеть «файшонку» – специальный кружевной праздничный головной убор замужней женщины черного цвета. В настоящее время файшонка – лишь экспонат местного музея.

Через некоторое время, обычно через неделю, родные невесты приглашают отца, мать и родственников жениха в гости – устраивают «отвод» («тёщины блины»); здесь активную роль продолжают играть свашка, поезжане и другие персонажи свадебного действия. В отличие от азербайджанской свадьбы, во время свадьбы у русских на воротах не вывешивают красное полотнище (ПМА; Свадебный обряд с. Ивановки).

Сохранность русских традиций демонстрирует также обрядность, связанная с рождением ребенка. Ритуал благословления и одаривания новорожденного и роженицы носит название «зубок». Время его проведения зависит от состояния здоровья роженицы (говорят, когда женщину только привезли из роддома – у нее «хвост еще мокрый», т.е. она еще не поправилась). Поэтому устраивают «зубок» кто через месяц, кто через полгода, кто через год: при этом обязательно молятся, одаривают ребенка деньгами и подарками. Для гостей в русской печи готовят традиционные блюда: лапшу, пироги, печеную в чугуне картошку со сметаной.

В Ивановке Дом культуры и школа играют очень важную роль в общественной, культурной, обрядовой жизни. В Доме культуры проводятся праздники, свадьбы, торжественные проводы новобранцев в армию, выпускные вечера и вручение аттестатов школьникам. В школе имеется интересный музей истории села, где собраны предметы традиционного быта: мебель, всевозможная утварь, деревянная и керамическая посуда, повседневная и обрядовая мужская и женская одежда, кружева и вышивки местных рукодельниц, орудия труда, фотографии, книги о селе и многое другое. Коллекция земледельческих орудий из этого музея, переданная в районный Краеведческий музей в г. Исмаиллы, выставлена в постоянной экспозиции. В Ивановской школе имеется азербайджанский сектор, где учатся азербайджанские дети из Ивановки и окрестных сел (приходят обычно в старшие классы, гото-

виться к выпускным тестам, поскольку школа считается одной из самых «сильных» в районе), а также дети местных лезгин (они живут в части села, именуемой «Черным городом»), которые прежде обучались на русском языке. Азербайджанский сектор год от года растет, но все же пока большинство школьников обучается в русском секторе. Многие выпускники Ивановской школы поступают в вузы России, а затем остаются там жить и работать.

В Ивановке, как и в советские годы, практикуются торжественные проводы в армию. Накануне отъезда призывников собираются гости, которые одаривают новобранцев деньгами. Старцы совершают моление. На следующее утро призывники с вещами собираются у Дома культуры, где их приветствуют председатель колхоза и представители администрации, которые также дарят им подарки (обычно наручные часы). По свидетельству местных жителей, в первое время после начала Карабахской войны некоторые сельчане принимали участие в военных действиях. Впоследствии, по просьбе старцев, власти республики разрешили не посылать призывников из Ивановки на карабахский фронт. В настоящее время уже есть случаи, когда русские юноши выбирают военные профессии и поступают в военные училища Азербайджана (ПМА).

Важной частью духовной жизни молоканских селений продолжает оставаться «молоканская вера», а молельный дом – одним из центров общественной жизни села. По словам информантов, было время в последние годы, когда в молельный дом ходили только пожилые люди, а представители среднего поколения, воспитанные в «атеистический» советский период, оказались в некотором отчуждении от веры предков. Эта ситуация обеспокоила жителей, и в Ивановке уделяют большое внимание приобщению детей к религиозным традициям, их обучают довольно сложному и своеобразному молоканскому пению. Около 25 детей (детский хор) ходят в молельный дом. Когда в Баку в Центре

русской культуры проходило мероприятие «Молоканский мир» – дети рассказывали об истории села, выступали со старинными молоканскими песнями.

При активном участии Русской общины Азербайджана в 2005 г. в республике отмечали 200-летие молоканства, а в 2009 г. – 165-летие переселения молокан в Азербайджан, на земли Ширвана. Торжества проходили в селении Чухурюрд Шемахинского района, жительницей которого является известный общественный деятель, заместитель руководителя Русской общины Азербайджана Мария Николаевна Кожевникова. Нам довелось посетить это старинное село и встретиться с М.Н. Кожевниковой. Она рассказала много интересного о жизни села в постсоветский период, о том, как жителям приходилось адаптироваться к новым социально-экономическим и политическим условиям, изменению национального состава села (как уже отмечалось, в молоканских селах после выезда русских селились беженцы и вынужденные переселенцы из Армении, Грузии, районов Карабаха). Несмотря на некоторые сложности взаимной адаптации, русским и азербайджанцам благодаря многовековым традициям толерантности все эти годы удавалось сохранять мир и спокойствие в селе. Отдельные возникавшие конфликты благополучно разрешались путем переговоров авторитетных представителей обеих сторон (ПМА).

Изменения последних десятилетий привели к более тесным контактам молокан с азербайджанцами и другими коренными народами региона. В частности, это проявляется в сфере праздничной культуры: сельчане совместно проводят мусульманские (Курбан байрам, Новруз байрам), христианские (Пасха, День Жатвы – отмечается после Покрова, т.е. после 14 октября) и общегосударственные праздники (День независимости, День Победы 9 мая, который считается и днем поминовения всех погибших на войне).

Дальнейшее изучение русского населения Азербайджана, как и других госу-

дарств Южного Кавказа, представляется важным и плодотворным. Оно поможет выявить не только проблемы русской общины и перспективы ее существования, но также, как отметил министр иностранных дел РФ С. Лавров, «колоссальный созидательный потенциал “русского мира”» (Заплетин, Ширван-заде 2008: 3).

Динамика изменения численности русского населения на всем Южном Кавказе и в частности в Азербайджане говорит о том, что, по всей видимости, и в дальнейшем эти процессы продолжатся, численность русской диаспоры в этом регионе, возможно, будет сокращаться. Тем не менее, нет сомнений, что для Южного Кавказа факторы наличия русской диаспоры и русского языка сохраняют немалое значение и в дальнейшем. Эти факторы играют определенную роль и в укреплении добрососедских взаимоотношений между государствами Южного Кавказа и Россией, между Азербайджаном и Российской Федерацией, особенно учитывая многочисленную азербайджанскую диаспору в России (по некоторым оценкам, до 2,5 млн).

Так, в выступлении 10 июня 1996 г. президент Азербайджана Гейдар Алиев подчеркивал: «Связи, отношения, дружба между русским и азербайджанским народами складывались в течение веков и десятилетий... Независимо от формы государственного правления, от того, в каком режиме мы жили и находились, народы всегда поддерживали дружеские отношения. И считаю, что эта дружба обогащала азербайджанский народ, приносила, естественно, немалую пользу и России, русскому народу. Поэтому мы сегодня можем говорить о дружеских отношениях между Россией и Азербайджаном, между нашими народами, имеющими большую, богатую историю, замечательные традиции... мы с чувством глубокой благодарности и уважения отмечаем сегодня все то доброе, хорошее, что наш народ приобрел от дружбы и сотрудничества с Россией и русским народом» (Цит. по: Заплетин, Ширван-заде 2008: 6).

По словам главы русской общины Азербайджанской Республики, депутата парламента от правящей партии «Ени Азербайджан» Михаила Забелина, «Русская община Азербайджана пользуется поддержкой как общества, так и правительства Азербайджанской Республики, и не испытывает тех проблем, с которыми иногда приходится сталкиваться русским, проживающим в других странах постсоветского пространства» (Мехтиев 2011), в целом «общее отношение к русским в Азербайджане – благожелательное. И мы... одобряем нынешнюю политику государства, которое не допускает обострения националистических проявлений в стране». Того же мнения придерживаются и официальные власти Азербайджана. Принимая 14 октября 2004 г. представителей русской общины Азербайджана, президент республики Ильхам Алиев подчеркнул: «Мне очень приятно, что русская община в Азербайджане очень успешно развивается, очень активно работает во всех направлениях. Межнациональных вопросов, проблем в Азербайджане никогда не было. Русские граждане Азербайджана внесли и вносят очень большой вклад в дело развития страны» (Русская община).

Посол Азербайджана в Москве Полад Бюль-Бюль оглы обратил внимание на то, что наличие многочисленной русской диаспоры в Азербайджане и еще более многочисленной азербайджанской диаспоры в России придает особый статус отношениям двух стран: «...Связи между государствами и обществами измеряются не только в категориях сугубо политических или экономических интересов, но и в плоскости гуманитарной, непосредственно затрагивающей судьбы миллионов людей. Сотни тысяч русских, многие из них из поколения в поколение живут в Азербайджане, который стал для них Родиной. Сотни тысяч азербайджанцев живут в России. И это – наше общее богатство, цементирующее наши отношения» (Полад Бюль-Бюль оглы 2011).

Конечно, как и в случае с любой диаспорой, положение русских в Азербайджане далеко от идеала, и мы кратко останавливались на имеющихся у русской диаспоры проблемах. Однако, как отмечается на форуме портала «Русские в Азербайджане» (Русская община), по сравнению с проблемами у русскоязычного населения в некоторых других южных (и не только) республиках бывшего СССР русская диаспора в Азербайджане чувствует себя вполне комфортно. Это позволяет надеяться, что представители русской диаспоры в Азербайджане, подобно своим давним предкам-переселенцам, смогут успешно адаптироваться к новым условиям, и говоря о русском населении этой республики, можно будет не только изучать интересные страницы прошлого этого этнического сообщества, но и надеяться на его будущее развитие на земле Азербайджана.

Литература и источники

- Агаева 2004 – Агаева Л.Н. Русские сектанты в Азербайджане в XIX – начале XX в. (историко-этнографическое исследование). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Баку, 2004.
- Агаева 2006 – Агаева Л.Н. Взаимовлияние национальных культур (по материалам русских Азербайджана) // Археология и этнография Азербайджана. Баку. 2006. № 1. С. 244–247.
- Баберовски 2004 – Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань: Центр исследования национализма и империи, 2004.
- Волкова 1989 – Волкова Н.Г. Этнические процессы в Закавказье в XIX–XX вв. // Кавказский этнографический сборник. Т. 4. М., 1969.
- Григулевич 1990 – Григулевич Н.И. Питание русского населения Азербайджана: традиции и инновации // Русские старожилы Азербайджана: Материалы по этнической экологии. М., 1990. Ч. 1. С. 61–79.
- Дубова и др. 1989 – Дубова Н.А., Лебедева Н.М., Оборотова Е.А., Павленко А.П. Адаптация русских старожил в Азербайджане // СЭ. 1989. № 5.
- Духоборцы 1992 – Духоборцы и молокане в Закавказье / Отв. ред. В.И. Козлов, А.П. Павленко. М., 1992.
- Забелин 2008 – Забелин М. Вместо предисловия // Заплетин Г.П., Ширин-заде Г.Х. Русские в истории Азербайджана. Баку: Ганун, 2008.
- Забелин – Забелин М. Русское население Азербайджана должно владеть азербайджанским языком – http://aze.az/news_mixail_zabelin_russkoe_27177.html.
- Заплетин, Ширин-заде 2008 – Заплетин Г.П., Ширин-заде Г.Х. Русские в истории Азербайджана. Баку: Ганун, 2008.
- Захарьев 2013 – Захарьев Г.Р. Этнокультурное многообразие Азербайджана: Основные процессы в условиях перехода от стабилизации к модернизации. М.: ИД «Достоинство», 2013.
- Землячество казаков Азербайджана – <http://kazakiaz.narod.ru/azerb.html>
- Интервью 2011 – Интервью с соучредителем и главным редактором русскоязычного интернет-телеканала AzRu.TV, журналистом, телеведущим Азер Гарибом «Русский язык в Азербайджане никогда не исчезнет» // ИноФорум. Дискуссионный клуб по материалам зарубежной прессы – http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/russkij_yazyk_v_azerbajdzhane_nikogda_ne_ischeznet/ – Дата публикации: 30.11.2011.
- Исмаил-заде 1982 – Исмаил-заде Д.И. Русское крестьянство в Закавказье: 30-е годы XIX в. – начало XX в. М.: Наука, 1982.
- Исмаил-заде 1993 – Исмаил-заде Д.И. Население городов Закавказского края в XIX – начале XX в. М.: Наука, 1993.
- Козлов и др. 1988 – Козлов В.И., Комарова О.Д., Степанов В.В., Ямсков А.Н. Проблемы адаптации русских старожил в Азербайджане // СЭ. 1988. № 6.
- Комарова 1990 – Комарова О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. Ч. 1. М., 1990.
- Мехтиев 2011 – Мехтиев Р. В Азербайджане русский язык сохраняет свое значение как окно в мировую культуру // Кавказский узел <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/180022?print=true> – 24.01.2011
- Мишин – Мишин В. 15 лет Русской общине Азербайджана // Сайт «Нефть России». <http://www.oilru.com/sp/22/938/>
- Обращение 2008 – Обращение участников конференции, посвященной 15-летию Рус-

- ской общины Азербайджана, к Президенту Азербайджанской Республики господину И.Г. Алиеву // Новости Бакинской епархии – baku.eparhia.ru 24.09.2008
- План работы 2011 – План работы Русской общины Азербайджана на 2011 г. 27.04. 2011 г. / Международный союз российских соотечественников: www.msrs.ru/news/6679.html
- Полад Бюль-Бюль оглы 2011 – Полад Бюль-Бюль оглы: «Для сотен тысяч русских Азербайджан стал Родиной» // <http://vesti.az/news.php?id=728395> Апрель 2011 г.
- ПМА 2009 – Полевые материалы авторов 2009 г. (Шемахинский и Исмаиллинский районы).
- Попов 2010 – Попов Э. Русские в Азербайджане. Заметки о жизни наших соотечественников в одной из бывших советских республиках // Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. Интернет-газета. 25.08.2010 – <http://www.stoletie.ru/print.php?ID=61295>
- Пучков 1973 – Пучков П.И. О соотношении конфессиональной и этнической общностей // СЭ. 1973. № 6.
- Рафигоглу – Рафигоглу И. Разрешить или запретить русский язык в Азербайджане? // Sputnik <https://ru.sputnik.az/columnists/20160925/407151147/razresit-ili-zapretit-russkiy-yazik-v-azerbaydjane.html>
- Русская община – Русская община // Форум портала «Русские в Азербайджане» (rusinaz.ucoz.ru/forum/)
- Русская община Азербайджана – Русская община Азербайджана // Международный Совет российских соотечественников – <http://msrs.ru/organisations/azerbaijan/144/>
- Русская община Азербайджана – Русская община Азербайджана: вчера, сегодня, завтра // Азербайджанцы в России – <http://azeri.ru/az/etno/345/>
- Русские в Азербайджане – Русские в Азербайджане. Википедия. <http://wikipedia.org>
- Русские старожилы Азербайджана 1990 – Русские старожилы Азербайджана. Ч. 1–2. М., 1990.
- Русские старожилы Закавказья 1995 – Русские старожилы Закавказья: молokane и духовборцы / Отв. ред. В.И. Козлов. М., 1995.
- Интернет-сайт села Ивановка Исмаиллинского района – <http://ivanovka.sitcity.ru/>
- Свадебный обряд с. Ивановки // Архив школьного музея с. Ивановка.
- Ямсков 1990 – Ямсков А.Н. Различия в профессиональном составе этнических групп и миграции // Русские старожилы Азербайджана. Ч. 1. М., 1990.

Глава 15

Русские в Сицилии: актуальное состояние феномена, аспекты и проблемы¹

Оформление русских диаспор за пределами Российской Федерации стало одной из актуальных проблем современной России и мира в целом, начиная с 90-х годов XX в. Особенную важность этот процесс приобрел в настоящее время ввиду его масштабности и значимости. Одним из европейских регионов, где процесс формирования русских диаспор идет особенно активно, является Италия, причем в разных ее областях он протекает очень по-разному. Мы уже неоднократно обращались к проблеме иммиграции в Италию из различных регионов бывшего СССР, в том числе и из России, что нашло свое отражение в ряде публикаций, основанных на полевом материале (Фаис 2006: 119–136; Фаис 2009: 79–133; Фаис 2013: 389–417), но тогда речь шла о «зарождении» этого социодемографического явления. Сейчас можно констатировать, что мы имеем дело с уже оформившимся феноменом, требующем глубокого исследования со стороны историков, этнологов, социологов, демографов и даже психологов. Мы полагаем, что в каждом отдельном случае, в каждом отдельном регионе проживания россиян за пределами России исследователи имеют дело с особой, неповторимой спецификой исследуемого объекта, зависящей не только от своеобразия принимающего русских региона, но и от обстоятельств оформления каждой отдельной диаспоры, ее специфики и ее «поведения» как своего рода живого организма. В силу этого, на наш взгляд, пока представляется невозможным выявить какие-либо общие объективные закономерности существования феномена

«русских за рубежом», т.к. мы имеем дело с молодым и крайне разноликим явлением. По этой причине весьма актуализируется и возрастает ценность каждого эмпирического исследования, позволяющего дополнить картину бытования русских диаспор за пределами России еще одним составным элементом.

Объектом нашего научного интереса выступает русская диаспора в Сицилии, одной из областей Италии. Отметим, что данная тематика не получала освещения в литературе ни в России, ни в Италии, и что оно базируется исключительно на полевых материалах, полученных нами методами опросов и включенного наблюдения. Подчеркнем: мы не пользовались каким-либо опросником, а, исходя из специфики опрашиваемого контингента и конкретных эмпирических реалий, проводили опрос преимущественно в форме свободной беседы. Это не могло не предопределить жанр данного сообщения, представляющего скорее «вольное» этнографическое описание, нежели строгий научный отчет, что не умаляет его способности достоверно отражать картину бытования русских в Сицилии.

Полевые исследования проводились в 2016–2017 гг. в различных городах Сицилии: столице – Палермо (население: 671 531 чел.); Катании (315 576 чел.); Мессине (237 603 чел.); Трапани (68 370 чел.); Агридженто (59 791 чел.); Сиракузе (126 764 чел.) (DatoISTAT: 28.02.2017).

Опросы охватывали различные категории респондентов: представителей русской диаспоры, священников двух православных приходов Московской Патриархии в Сицилии, их прихожан, президентов ряда культурных ассоциаций – своего рода «обществ дружбы» России и Сицилии, жителей острова. Также мы используем частные мнения, в приватной неформальной беседе высказанные, например, пред-

¹ Глава подготовлена по теме НИР «Многообразие культур и стратегии развития. Институты управления в полиэтничных обществах». Под-тема «Европейский и американский образы жизни в диалоге культур».

ставителями квестуры (главного полицейского управления) Палермо и Катании, а также генерального консульства РФ по Сицилии и Калабрии в Палермо.

Вопросы, задаваемые респондентам, касались: численности русских в Сицилии; преобладающего гендерного состава русской диаспоры; статуса их пребывания, временного или постоянного; законности их пребывания в Сицилии (легальное/нелегальное); статуса и гражданства детей, рожденных в смешанных браках россиян и итальянцев; знания русского языка детьми от смешанных браков и проблемы сохранения русского языка в среде эмигрантов; скорости, степени и характера ассимиляции мигрантов; региона исхода из России и/или других регионов бывшего СССР; численности и состава, в том числе и этнического, прихожан русских православных приходов; компактности/дисперсности проживания русского сообщества; существование сообщества как компактной, поддерживающей внутренние связи общины; наличия какого-либо «центра» или «ядра» консолидации русской диаспоры; роль культурных ассоциаций в деле сплочения русских в Сицилии; взаимоотношений русской диаспоры с местным социумом и статуса диаспоры в глазах представителей этого социума; самосознания информаторов, позиционирующих себя как «русские» и именуемые «русскими» сицилийским социумом; многие другие.

Но прежде чем перейти непосредственно к теме современной российской диаспоры в Сицилии, необходимо обратиться к истории.

«Основательницей» русской колонии в Сицилии можно считать Ольгу Андрес. Родившаяся в Гродно в 1897 г., Ольга в 1914 г. повстречала в Киеве молодого сицилийского физика Антонио Селлеро, приглашенного в университет для чтения лекций. Вскоре А. Селлеро вернулся за Ольгой, заключил с ней брак, преодолев яростное сопротивление семьи и сословные преграды (А. Селлеро обладал ба-

ронским титулом, а Ольга, хотя и получила прекрасное образование и воспитание, была еврейкой), и отбыл с женой в Сицилию. Ольга приходилась родственницей известному киевскому ювелиру И. Маршаку, которого именовали «киевским Картъе» и считали соперником Фаберже. Во время визита Николая II в Киев в 1913 г., все официальные подарки по случаю 300-летия дома Романовых были изготовлены в мастерских И. Маршака и имели его клеймо; именно у Маршака М. Булгаков заказал кольца для венчания со своей будущей женой Т. Лаппа. Впоследствии Ольга, которую в Сицилии считали «русской», преподавала в университете Палермо русский язык, а супруг занимался научными исследованиями. Их сын Энцо, талантливый фотограф, в 1969 г. основал в Палермо издательский дом Селлеро, ныне одно из крупнейших итальянских издательств.

Автору настоящего сообщения в детстве выпала честь быть представленной О. Андрес, которая, невзирая на счастливую семейную и профессиональную жизнь, в целом лишенную невзгод, всю жизнь испытывала жесточайшую ностальгию по родине. Ее комната была трогательно и подчеркнута убрана рушниками, матрешками, русскими лубками – и одновременно портретами Ю. Гагарина; в буфете стояли сервизы от Кузнецова и Попова, в красном углу висели иконы (в эмиграции О. Андрес приняла православие). До сих пор вспоминаются слова этой пожилой женщины и интонация, с которой они были сказаны: «Я всю жизнь хожу на вокзал, смотрю на поезда, уходящие на Север, и плачу».

По свидетельствам жителей квартала Вуччерия в Палермо, в 1946 г. у них появилась «русская соседка» по имени Анна (умерла она в 1983 г.). По прошествии времени оказалось невозможным восстановить ее сколько-либо достоверные биографические данные. Респонденты рассказывают, что женщина была заключенной немецкого концлагеря, где и встретила

со своим мужем-сицилийцем, а после освобождения их советскими войсками, каким-то образом избежав возвращения в Советский Союз, уехала в Палермо. Также сообщали, что всю жизнь Анна продолжала бояться карательных мер со стороны НКВД, и, хотя она не скрывала своего русского происхождения, старательно избегала контактов с теми немногими советскими женщинами, которые появились в Сицилии в начале 60-х годов, когда были разрешены браки с иностранцами.

В Палермо же нам рассказали еще одну историю, только там «русской» оказалась украинка с польскими корнями Татьяна Радзиевская, уроженка Львова (умерла в 1993 г.). Со своим будущим мужем Вито Д'Онофрио, входившим в состав «Экспедиционного итальянского корпуса», направленного в СССР в годы Второй Мировой войны, она познакомилась во Львове в 1942 г. (рассказ приводится со слов дальних родственников пары). Когда в 1943 г., после свержения Муссолини, новое итальянское правительство подписало перемирие с союзными войсками и объявило войну Германии, немецкое командование отдало приказ об уничтожении своих бывших союзников во всех местах их дислокации. В частности, эти события происходили и во Львове, где большинство итальянцев было расстреляно в концлагере Цитадель и в Яновском лагере. Среди немногих спасшихся был и В. Д'Онофрио, который вплоть до прихода советских войск скрывался в доме Т. Радзиевской. Далее его ждал советский особый лагерь для военнопленных № 48 в Чернцах (Владимирская область) и лишь после освобождения отъезд на родину в начале 50-х годов. Татьяна Радзиевская, сумев подтвердить свое польское происхождение, в 1947 г. вместе с сестрой эмигрировала в Польшу и, списавшись с матерью В. Д'Онофрио, установила его местонахождение. Далее следовало ее бегство через Германию в ЮАР (!), и лишь потом – в Сицилию, где паре удалось воссоединиться только в 1953 г. Всю жизнь Та-

тьяна продолжала сохранять в семье русский язык и «балак» (львовский диалект польского языка), на которых немного говорил и ее муж, учила этим языкам и своих детей, а также внушала им, что они – «русские».

О возникновении русской колонии в Сицилии можно говорить лишь с начала 60-х годов XX в. Появление ее было обусловлено частичным «приоткрытием» железного занавеса в СССР после XX и XXII съездов партии. В 1955 г. в Москву приехала первая в послевоенные годы группа итальянцев (12 человек), деятелей итальянского молодежного коммунистического движения, 5 человек из которых были выходцами из Сицилии. Не все, как предполагалось, пошли учиться в Высшую партийную школу, некоторые предпочли МГУ, но все без исключения женились на русских девушках, которые и поехали в Сицилию вслед за мужьями (Э. Сахарова-Филья, С. Паризи, З. Леутская-Фаис, В. Волпе, Е. Ферранте). Жены образовали в Палермо «землячество», деятельность которого, среди прочего координировало работу «Общества дружбы СССР – Италия», популярного в Сицилии в 60-е годы XX в., в период политических успехов компартии Италии и активной роли СССР в мире.

Невзирая на свою малочисленность, «русская колония» в тогдашнем Палермо была на виду, вызывая в местном обществе острый интерес. Диаспора была сплочена, женщинам приходилось дружить семьями, но эта сплоченность была вынужденной: перед лицом социума (в те годы Сицилия была закрытым, архаическим, этнически гомогенным регионом, в котором практически не было иностранцев) надо было «держать марку», помнить о своей «советскости», о политической принадлежности мужей-коммунистов и о том, что сицилийское общество, в котором исторически правили мужчины, всегда критически оценивало женщин, особенно иностранок (согласно народным представлениям, основанным на опыте эмиграции

сицилийцев, все иностранки распутны и порочны) (Io, siciliano 23–24).

Отношения внутри русской «колонии» не были идиллическими – неизбежно сказывались различия социального происхождения, характеров, уровня образования и культуры этих столь разных женщин; не последнюю роль в трениях сыграл статус их сицилийских мужей. Так, например, одна из жен, бывшая в Москве простой вагоновожатой с незаконченным средним образованием, при покровительстве супруга, быстро сделавшего в Сицилии «партийную карьеру» и вскоре ставшего пожизненным сенатором от ИКП, объявила себя «доктором филологических наук» и на долгие годы оккупировала кресло преподавателя русского языка на филологическом факультете университета Палермо («под нее» вскоре была создана кафедра русского языка, единичным представителем и заведующей которой она оставалась до недавнего времени), а также узурпировала пост «главного переводчика с русского языка», и близко не подпуская конкурентов ни к сфере преподавания, ни к делу перевода. Некоторые жены, пройдя нелегкую процедуру признания своих советских дипломов о высшем образовании, преподавали в университете; моральную поддержку многим из них оказывала вышеупомянутая Ольга Андрес, понимая, сколь нелегко приходится этим женщинам в Сицилии.

Новая, современная глава в истории создания русской диаспоры в Сицилии открывается в начале 90-х годов XX в., когда на фоне перестройки, в условиях крушения старых границ Советского Союза, хаоса, безработицы и экономического кризиса начинается эмиграция в Европу.

Характерна и показательна судьба русскоязычных супругов, встреченных в Палермо: Эвелина – молдаванка, Константин – русский из Красноярска, где до эмиграции проживала пара. Приехав в 1996 г. в Сицилию по туристической визе, они остались там, дождались очередной легализации статуса нелегальных мигрантов и узаконили свое положение.

Здесь следует пояснить, что, начиная с 2005 г. власти Италии вначале раз в 3 года, а потом ежегодно в соответствии с Законодательным декретом № 32 от 28.02.2008 г., представляющим скорректированную версию знаменитого в Италии миграционного «Закона № 62» от 18.04.2005 г. («Legge sanatoria N 62») (Gazeta Ufficiale 1.03.2008), проводили так называемую «санацию» (ит. «sanazione»): власти предоставляли нелегальным мигрантам некий период времени, в течение которого им предлагалось добровольно «выйти из тени» и легализовать свой статус в условиях гарантированной властями ненаказуемости их незаконного проникновения в страну и нелегального пребывания в ней. После «открытия» массовой иммиграции в Италию из стран Африки, Азии и Ближнего Востока, продолжающейся и сегодня (ежесуточно через порты Сицилии и Пантеллерии в Италию прибывает до 1 тыс. незаконных мигрантов, пополняющих преимущественно армию нелегалов) с 2012 г. применение на практике «Legge sanatoria» было временно приостановлено. Кроме того, изначально существовавшие квоты на приезд в Италию представителей той или иной страны, установленные согласно «Закону № 62», весьма скоро были «смяты» массовой волной нелегальной миграции.

Сегодня у Эвелины и Константина постоянный вид на жительство (ит. «permesso di soggiorno»), они подали прошение на предоставление им итальянского гражданства (для чего требуется 8-летний стаж непрерывного проживания в Италии и 5-летний стаж непрерывной работы в стране), трудоустроены, выписали к себе из России дочерей, которые получили в Палермо образование и уже работают. Домашним языком общения остается, наряду с итальянским, русский, а на вопрос, как супруги себя позиционируют, оба отметили, что скорее «советскими», чем представителями конкретного этноса; соседское же окружение считает их русскими.

В этой связи уместно упомянуть, кого в Сицилии относят к числу русских. До недавнего времени к ним причисляли всех выходцев из бывшего СССР, в первую очередь русскоязычных, но сегодня для сицилийцев различия между выходцами из Украины и из России, например, уже очевидны. Русскими считают всех, кто так себя позиционирует: русским, например, представляется некто Гиви (имя изменено), сван, владелец земель в провинции Палермо, по определенным причинам не могущий вернуться в Россию.

Все годы вышеописанная русско-молдавская семья, исповедующая православие, посещала церковь Марторана. Этот храм, один из двух кафедральных соборов епархии Пьяна-дельи-Албанези (греко-албанского поселения неподалеку от Палермо), является униатской итало-албанской церковью (албанцы Сицилии и Южной Италии исповедуют греко-католическую веру), но вся Сицилия упорно называет его «греческой православной церковью». Пара осталась в числе прихожан Мартораны и тогда, когда в Палермо уже появился приход РПЦ. Так поступают и многие русские Сицилии, избравшие именно Марторану своим храмом: популярность церкви среди православных до недавнего времени обуславливалась человеческим обаянием и пастырскими достоинствами служившего в ней, но почившего в 2016 г. о. Настасия – греческого священника, бывшего духовником многих представителей русской диаспоры.

Семья не общается ни с другими русскими в Сицилии, ни с выходцами из Молдовы; в круг друзей входят преимущественно местные уроженцы и несколько украинцев, хотя, по словам Эвелины, «раньше последних было больше». Супруги занимают пророссийскую позицию, к событиям на родине относятся положительно, но достаточно опосредованно – приходится жить текущими заботами. В отношении численности русских на Сицилии достоверных данных у наших респондентов нет, но «навскидку» Эвелина оце-

нивает их «присутствие» в одном только Палермо и провинции Палермо примерно в 2000–2500 человек.

Подобная приблизительность в вопросе статистических оценок феномена «русских на Сицилии» показательна. Отсутствие точных данных в отношении численности русской диаспоры является самым «болезненным» аспектом изучения этого феномена.

Достоверно одно – русская диаспора в Сицилии носит «женский» характер: 98% ее составляют женщины. В основном это жены (русские женщины замужем за сицилийцами) и представительницы трудовой миграции – сиделки («баданты»), домработницы и няни, легальные и нелегальные, заполняющие нишу востребованной в Италии рабочей силы.

Также в составе русской диаспоры существует еще одна прослойка мигрантов, относящихся к различным социоэкономическим стратам; ее доля в массиве диаспоры не превышает 5%. Речь идет о людях, эмигрировавших в Сицилию семьями; супруги могут быть «одной крови» и выходцами из одной страны (оба русские и из России, например), а могут и различаться «по крови» и формально быть «приписанными» к разным государствам (например, брак между россиянином и украинкой) постсоветского пространства. Для смешанных семей критерием их «самоприписки» в Сицилии к тому или иному обществу, а зачастую – и самоидентификации, как показали результаты опросов, является «регион исхода»: если семья, вне зависимости от фактической этнической принадлежности ее компонентов, эмигрирует в Сицилию из России, то ее представители склонны позиционировать себя как русских. Более того, опрошенные смешанные пары, эмигрировавшие в Сицилию из Украины, но имевшие русскую «составляющую» (русский – украинка; русский – русская; украинец – русская; молдаванин – русская; румынка – русский), также позиционировали себя как «русские» и соотносили себя с русской диаспорой.

Кроме того, исключительно в Палермо сосредоточена и категория так называемых «самостоятельных» русских женщин. Речь идет о состоявшихся, внедренных в локальный социум женщин с легализованным статусом пребывания, часто формально одиноких, реализовавшихся на значительно более высоком, чем у «бадан-ти», экономическом, социопрофессиональном и культурном уровне. Хотим отметить, что эти женщины в таком традиционном и архаичном социуме как сицилийский, где по традиции «женщина без мужчины ничего не стоит», даже сегодня находятся очень «на виду», а их социализация и реализация была сопряжена со многими практическими и психологическими трудностями.

Вернемся к проблеме статистики. Точными сведениями о том, сколько на данный момент проживает в Сицилии русских, не располагает ни генеральное консульство РФ по Сицилии и Калабрии (ибо регистрация в консульстве является делом сугубо добровольным), ни квестуры отдельных сицилийских городов, ни священники приходов РПЦ в Палермо и Катании и приходов греко-православной церкви в Сицилии, ни президенты многочисленных культурных русско-сицилийских ассоциаций.

Приведем примеры слабой репрезентативности официальных данных. В 2015–2016 гг. в консульстве РФ по всей Сицилии было официально зарегистрировано 2 000 российских граждан (но речь идет лишь о россиянах, добровольно ставших на учет в консульстве), хотя очевидно, что их на порядок больше. По информации же квестуры Палермо в городе и провинции на начало 2017 г. проживают 324 человека с российским гражданством, преимущественно женщины, но не отмечено, ни каков их статус, ни к какой категории мигрантов они относятся; фактически же в Палермо число представителей русской диаспоры превышает 2000 человек.

Поэтому подсчет суммарной численности русских на острове мы основываем на

данных, приводимых респондентами в отдельных сицилийских городах, и оперируем цифрой в 20–25 тыс. человек в масштабах Сицилии, отдавая себе отчет, насколько субъективными являются эта информация и базирующиеся на ней выводы.

Второй проблемой, связанной с существованием русской диаспоры в Сицилии, является разобщенность ее представителей, что, например, кардинально отличает русскую диаспору от украинской, весьма консолидированной в масштабах области. Русскую диаспору в Сицилии затруднительно именовать колонией не только ввиду дисперсности проживания ее представителей, но и в силу отсутствия контактов (на наш взгляд, сознательных и «традиционно-русских») между ними: русские в очередной раз зарекомендовали себя «Иванами, родства не помнящими».

Следует отметить, что пример русских в Сицилии отнюдь не исключителен. Обратимся к выводам итало-американского социолога Р. Гамбино, анализировавшего степень сплоченности в общинах итальянских мигрантов в Старом и Новом Свете и мельком затрагивавшего также аналогичный показатель в современных и исторически сложившихся русских колониях в Австралии, США (Брайтон Бич) и в Латинской Америке. Согласно Р. Гамбино, высокий показатель сплоченности русских в Уругвае и Парагвае не типичен и не показателен: в первом случае он мотивирован религиозным фактором (в Уругвае была колония русских «хлыстов»), во втором – воинским духом корпоративности (в Парагвае «осели» казачьи части, эмигрировавшие из России в 20-е годы XX в.). «Русско-советские» же диаспоры в Австралии и на Брайтон Бич (несмотря на то, что в последней этнически доминируют евреи) отличаются высокими показателями индивидуализма их представителей, отсутствием духа корпоративности, сплоченности и взаимопомощи (и это при том, что на Брайтон-Бич «русская» колония проживает компактно). Исходя из этого, Р. Гамбино делает вывод, что сплочен-

ность по принципу национальной (этнической) принадлежности, очевидно, присуща малым народам; большие же грешат некоммуникабельностью и отсутствием связей «по крови» (Gambino 2005: 32, 114–116). В силу этого о компактности русской диаспоры в масштабах всей Сицилии и говорить не приходится.

Однако, на наш взгляд, возможно говорить о существовании на острове отдельных микро- и макро-колоний в каждом населенном пункте, в котором дислоцируются выходцы из России. Часто вокруг них группируются и русскоязычные выходцы из других регионов бывшего СССР (в Палермо, например, выходцы из Белоруссии консолидируются с русской диаспорой, в Катании же они сделали выбор в пользу украинской общины). Более того, анализ позволяет нам в каждом отдельном случае выявить особый принцип консолидации русских. Обратимся к конкретным примерам.

Так, например, в Агридженто ассоциация «Культурный мир», занимающаяся пропагандой российского искусства в Сицилии, является центром взаимодействия русских женщин, состоящих в браке с сицилийцами и проживающих в этом городе и провинции (20 чел.). Но при этом работа ассоциации никак не затрагивает русских представительниц трудовой миграции (легальной и нелегальной), которых в Агридженто 150–160 чел.

Аналогична ситуация и в Мессине, где общее число россиян достигает 1500 человек (к ним необходимо прибавить еще человек 500 из тех, кто считают себя русскими, но фактически являются выходцами из Украины, Белоруссии, Молдовы). В задачи существующей там культурной ассоциации «Мессина – Россия» также входят пропаганда российской культуры и создание положительного облика России в Сицилии. Сплочение россиян никогда не было целью этой организации, поэтому «за бортом» ассоциации остаются многие представители диаспоры.

Говорить о реально существующей русской общине можно только примени-

тельно к Катании, и опыт этой русской колонии уникален. В Катании число выходцев из России превышает 2000 человек, также преобладают женщины, хотя мужчин из России здесь несколько больше, чем в целом по Сицилии. Примерно 20% женщин – жены, 80% представляют трудовую миграцию (сиделки или домработницы).

Катанию отличает то, что русская диаспора представлена преимущественно выходцами из одного региона: Ленинградской области, Карелии, Гатчины, Тихвина, Луги, Вологды. Более половины русских мигрантов – нелегалы. Поставляет их агентство «Виразж+» (Санкт-Петербург). Взимая с каждого мигранта сумму в 1500 евро и обещая ему трудоустройство и место для проживания, оно отправляет его в Катанию, где по прибытии он платит еще 400 евро и остается «в свободном плавании» – без работы, документов, жилья, часто и без знания языка. Очевидно, судьба этих мигрантов была бы еще более печальной, чем у беженцев из африканских стран, если бы они не находили помощь и опору у русской пары – Татьяны и Андрея Павловых, которых русские мигранты не только Катании, но и всей Сицилии с любовью и уважением именуют «мамой» и «папой», невзирая на их молодой возраст.

Эта семейная пара из Старой Ладоги в 2007 г. уехала в Катанию, не имея перспектив работы, жилья, документов и знания итальянского. За прошедший срок они узаконили свое положение, добились признания дипломов (особенно тяжело пришлось Татьяне – медсестре, ибо легализация медицинского диплома в Италии относится к числу сложных юридических процедур) и нашли работу по своему профилю; они совершили чудо для многих россиян, основав «Дом России», ставший ядром русской колонии в Катании.

Успевая интенсивно работать (Татьяна – ассистирующая хирургу медсестра в штате крупной косметической клиники, Андрей – судовой инженер в судостроительной компании, также пара владеет магазином рус-

ских продуктов в Мессине), семья Павловых держит на своих плечах гигантский круг добровольно взятых обязанностей по отношению к русской колонии.

Достаточно сказать, что Павловы несколько раз по своей воле (и за свой счет) организовывали в Катании похороны умерших россиян и отвозили в Россию урны с прахом усопших соотечественников; в настоящее время они хлопчут о помещении в хоспис на постоянный пансион пожилой русской, страдающей онкологическим заболеванием, от которой в России отказались дети; неоднократно осуществляли гигантскую поисковую работу в России по установлению биологических родителей русских детей, усыновленных сицилийскими семьями. Дважды именно усилиями Павловых удалось спасти от уголовной ответственности незаконно заключенных российских граждан: они обеспечили адвоката для жены, которую сицилийский супруг ложно обвинил в покушении на его жизнь; во втором случае Павловы организовали широкую кампанию в защиту русских моряков (капитана и двух матросов), которых в Турции под дулом пистолета вынудили взять на борт нелегальных мигрантов и отправиться курсом на Сицилию – все трое были оправданы и освобождены из тюрьмы в Рагузе. Их вниманием и заботой охвачены все: они добиваются легализации статуса вновь прибывающих мигрантов, хлопчут об их документах, помогают им найти работу и жилье; на момент проведения опроса Татьяна тревожилась о русском нелегале – «бомже Борьке» из Челябинска, уже 8 лет живущего в Катании «за Христа ради», которого она уже несколько дней не видела.

Кроме повседневных хлопот на благо диаспоры, семья Павловых курирует проведение масштабной культурно-просветительской работы. Так, их стараниями был налажен обмен студентов и преподавателей аграрных университетов Катании и Мичуринска, обмен студентов-лингвистов из вузов Сицилии и Москвы, организованы лингвистические школы для детей с

преподаванием русского языка и культуры в самой Катании и в городках Бронко и Лентини, был также утвержден годовой курс русского языка для взрослых. Их усилиями в Катании проведена неделя русского искусства, организованы творческие вечера звезд российского кино, концерты российских музыкантов, более сотни сицилийских детей участвовали в организованном ими конкурсе на лучший рисунок. С «Домом России» тесно сотрудничает культурный центр «Апельсин», в котором для детей открыты преподавание русского языка и художественные кружки.

Несколько лет подряд Павловы организуют проведение шествия «Бессмертный полк»; на 1 мая и 9 мая ими арендуется помещение ресторана, в котором диаспора, вместе с сицилийскими друзьями, празднует эти даты, готовя сами угощение (салаты, блины, пельмени). Силами «Дома» устраиваются показ модной одежды, конкурс на лучший русский народный костюм, лотереи в пользу неимущих представителей общины, благотворительные базары русской сувенирной продукции или русских деликатесов.

Показательно, что вся деятельность Павловых абсолютно бескорыстна, добровольна и держится на их неимоверном энтузиазме и человеколюбии. Они сетуют на то, что им зачастую не хватает поддержки для улучшения положения русской общины, несколько раз Павловы обращались в генеральное консульство РФ с просьбой об учреждении должности почетного консула РФ в Катании, что, при их занятости, весьма оптимизировало бы решение многих проблем. Некоторую спонсорскую поддержку им оказывают консульство РФ, а также предприятия Лукойла, расположенные в Августе (пров. Сиракуза), но эта помощь невелика и нерегулярна.

Наиболее разобщена русская диаспора в Палермо. Здесь также преобладают женщины, и наблюдается, как сказано выше, наибольшая социально-профессиональная пестрота представителей, что не встречается в других городах Сицилии.

Имеются культурные ассоциации (например, «Сицилия – Россия»), но они в основном играют роль элитных «клубов» для тех, кто проявляет интерес к различным аспектам русской культуры – от кухни до музыкальной культуры и языка.

Большинство женщин русской диаспоры в Палермо – жены сицилийцев (60%) или представительницы трудовой миграции (около 30%). Остальные 10% представлены работающими русскими женщинами – женами выходцев из постсоветского пространства, эмигрировавшими вместе с мужьями, либо вышеупомянутыми «самостоятельными» женщинами.

В числе последних можно назвать, например, Елену М. из Москвы, 19 лет назад открывшую в курортном местечке Сане-Вито-Ло-Капо модный ресторан «Каза дел Кавиале» («Дом Икры»), где подается только икра и дорогие сорта шампанского, Нана (Надежду) Аристову – дипломированного ювелира и дизайнера модной одежды и украшений, владеющую в оживленной туристической зоне Палермо магазином собственной продукции; Яну Р., владелицу магазина русских продуктов, этническую украинку, которая называет себя русской и причисляет себя к русской общине вследствие остракизма, которому ее предала украинская община за русский товар. К русской диаспоре относит себя и казашка, уехавшая из Казахстана 20 лет назад, хозяйка прачечной в Багерии (вблизи Палермо). Когда позволяет время, она приезжает на церковную службу в русский православный приход Катании. Последнее неизбежно породило вопрос о ее конфессиональной принадлежности, на что она ответила, что делает это, чтобы побыть рядом с «советскими» и чтобы «услышать русскую речь», которой сама, кстати, плохо владеет. К числу русских отнесла себя и румынка, жившая с русским мужем в Черновцах и эмигрировавшая в Сицилию еще в 1988 г.; в Палермо она владеет магазинчиком специфической одежды для представителей молодежных субкультур.

Кстати, следует отметить, что описанная выше категория «самостоятельных» русских в целом относится к числу наименее коммуникабельных представителей диаспоры: они не склонны поддерживать связи с соотечественниками и вполне обходятся без каких-либо контактов с ними. Наиболее общительными и склонными к консолидированности проявили себя жены сицилийцев. Представительницы трудовой миграции чаще всего держатся особняком, хотя, казалось бы, в их случае должна возникнуть трудовая солидарность, предполагающая общение между собой.

Ядром русской колонии в Палермо, возможно, со временем станет община прихода Московского патриархата РПЦ, открытого в 2013 г. Сейчас эта церковная община в этническом отношении весьма пестра: в число клира и прихожан, помимо русских, западных украинцев (части украинской диаспоры в Палермо) и белорусов, входят эритрейцы, сомалийцы, принявшие православие сицилийцы, несколько греческих семей, сербы, хорватские цыгане, македонцы, румыны, болгары, грузины. И тем не менее, на наш взгляд, для верующих россиян, живущих в Палермо, храм мог бы стать центром объединения. Туда приводят своих детей и женщины, работающие в итальянских домах, и русские жены сицилийцев, что, несомненно, укрепляет его роль как центра опоры для проживающих в Палермо русских.

В этой связи уместно затронуть тему русского православия на острове. До открытия двух православных приходов РПЦ, действующих ныне, в Сицилии с 1984 по 1998 гг. уже существовал приход Московского патриархата, но судьба его была весьма специфической. Он открылся как домовая церковь во имя св. Марка Эфесского в частной квартире Палермо, принадлежавшей личности очень экзальтированной – исследователю в области молекулярной биологии и генетики Г. Коньетти, возведенному в сан митрофорного протоиерея с наречением имени о. Григория. Паству его составляли 3–4 греческих

студента, обучавшихся в Палермо. Вскоре здоровье Г. Коньетти, в первую очередь, душевное, стало ухудшаться, и после его кончины в 1998 г. приход св. Марка Эфесского перешел под омофор Константинопольского Патриархата, руководство приходом принял на себя священник, служивший диаконом у о. Григория.

Первый из ныне существующих на Сицилии русских православных приходов появился в Катании в 2008 г. За его открытие ратовали мигранты из России, Украины, Болгарии и Грузии; их решением он получил имя св. мчц Агафии (Агаты) Панормской – христианской мученицы III в. н.э., погибшей в Катании в период гонений на христиан. Вначале под церковь был отведен арендуемый магазин, но вскоре пришлось искать другое помещение. Судьба православной общины Катании оказалась кочевой. Ей пришлось сменить много «мест обитания»: и храм греческой православной общины, и часть церкви, где находятся мощи св. мученицы Агафии, и церковное помещение на территории городской больницы, и приделы церквей св. Гаэтано и св. Льва Катанского. Сегодня русская православная община вновь без храма – службы проводятся в освященном помещении «Дома России».

В 2008 г. в Москве на заседании Священного синода РПЦ по согласованию с митрополитом Киевским и всея Украины было принято решение направить в Италию для окормления украинской православной диаспоры двух клириков Украинской Православной Церкви. Один из них, о. Аполлинарий (Симонович), был откомандирован в Катанию (Журнал заседания Священного Синода РПЦ 2008), где получил в свою паству не только украинскую, но и русскую общину. Сегодня русскую православную общину окормляет о. Сергей (Литвинчук), сменивший в мае 2017 г. о. Аполлинария. Богослужение проводится на русском, итальянском, греческом языках.

В Палермо же, до открытия храма, службы проводились в стенах музыкальной школы – «вотчины» культурной ассо-

циации «Музы», причем окормлять палермскую общину приходилось периодически наезжавшему о. Аполлинарию. Впервые вопрос о выделении здания для русской православной общины в Палермо был поставлен в 2011 г. генеральным консулом РФ в мэрии города. В 2013 г. общине были отданы ключи от бывшей католической церкви свщмч. Александра Команского, жившего в III в. н.э. и преданного смерти в период гонений на христиан. Церковь была лишена освящения после обрушения здания из-за бомбардировок Палермо в 1944 г. и передана в собственность мэрии города. После реставрации ее помещение использовалось в качестве коммунального жилья, а начиная с 2001 г. там размещался факультет религиозной живописи Академии художеств Палермо. Церковь передавалась общине на условиях аренды на срок в 22 года с обязательством проведения ремонта здания.

В 2014 г. окормление общины в Палермо было поручено иерею Андрею (Парфенчику), бывшему ранее настоятелем храма в г. Клецк Минской епархии. Силами прихожан были проведены работы по уборке здания церкви и прилегающей территории, осуществлены ремонт, покраска стен, замена разбитых стекол в окнах. Иконописцем Александром Соколовым (1960 – 2015 гг.) для храма была создана икона Пресвятой Троицы. Богослужение в храме свщмч. Александра Команского ведется на русском, итальянском и греческом языках. Знаменит церковный хор, выступающий на концертных площадках не только Палермо, но и всей Сицилии. С церковью и приходом тесно сотрудничает и вышеупомянутая культурная ассоциация «Музы», которая не только проводит музыкальные занятия для детей, но и организует курсы русского языка для них. Но, как уже говорилось выше, многие представители русской диаспоры по давней традиции отдают предпочтение Марторане либо греческим католическим храмам Пьяна-дельи-Албанези, куда в основном ездят русские, проживающие в провинции Палермо.

Русские также приходят и в греческие православные храмы Константинопольского Патриархата, существующие в Сицилии. Они есть в Палермо (вышеупомянутый приход св. Марка Эфесского), Мессине (храм св. Николая Угодника), Кальтаниссете (церковь св. Калоджеро и св. Илии Нового).

Отношение к русским в Сицилии в эпоху перестройки было заинтересованным и весьма положительным. Позже, с началом массовой эмиграции русских в Италию, впечатление от «наших» несколько испортилось, в чем были повинны отдельные представительницы русской диаспоры, поведение которых органично дополнило существующие в Сицилии предубеждения в отношении женщин-иностранок. В настоящее время в Катании усилиями «Дома России», а в других местах – благодаря деятельности культурных ассоциаций отношение к русским намного улучшилось. В ответах наших сицилийских респондентов в 2017 г. исчезли пейоративные оценки в отношении русских, которые звучали еще несколько лет назад.

Отметим, что в последнее время у представителей русской диаспоры появились новые проблемы. К числу наиболее болезненных можно отнести вопрос взаимоотношений русских с украинцами и белорусами в социальном пространстве этой области Италии, – взаимоотношений, еще недавно вполне мирных, но в настоящее время ставших сложными, чтобы не сказать проблематичными, а иногда и открыто враждебными. Показателен пример «Славянского союза». Созданный в 2012 г. по инициативе трех женщин – русской, украинки и белоруски, задуманный как организация, способствующая консолидации и взаимопомощи русской, украинской и белорусской диаспор Сицилии и Калабрии, в 2015 г. он прекратил свое существование по инициативе украинской стороны и из-за активного противодействия его деятельности украинской диаспорой.

В наиболее затруднительном положении оказываются выходцы из Белоруссии ввиду

своей малочисленности (так, в Палермо и провинции их всего 23 человека, во всей же Сицилии число белорусов не превышает 1 тыс. чел.); им приходится «лавировать» и выбирать, с кем быть. Выше уже говорилось, что в Катании этот вопрос решился в пользу украинской диаспоры, а в Палермо – в пользу русской, причем, на наш взгляд, особую консолидирующую роль в русско-белорусских взаимоотношениях в этом городе сыграл тот факт, что священник православного прихода Московской патриархии в Палермо – белорус. Ситуация с белорусами осложняется еще и тем, что не все из них являются православными: часть белорусов-католиков в Сицилии неизбежно тяготеет к сближению с польской диаспорой и с местной средой.

В последнее время на Сицилии предельно обострились отношения представителей русской и украинской диаспоры, причем следует признать, что негативная инициатива в разрыве былых контактов часто принадлежит последним.

Исключением здесь является Палермо, где в русской православной общине прихожан сосуществуют украинки (причем все они происходят с Западной Украины) и русские. При том, что в церкви украинки группируются отдельно от русских прихожан, взаимоуважение братьев и сестер по вере берет верх над мирскими сиюминутными, часто очень политизированными настроениями. В Мессине же только часть украинок – прихожанки греческого православного прихода св. Николая Угодника, куда ходит русская община, а большая часть украинской диаспоры, преимущественно западные украинки, посещают домовую церковь, где служит рукоположенный Украинской православной церковью сицилиец.

Показателен пример Катании, где в 2017 г. враждебные антирусские и антироссийские выступления украинской общины заставили представителей «Дома России» отказаться от идеи проведения акции «Бессмертный полк» ввиду страха провокаций с украинской стороны.

Как ни прискорбно, но события «большой политики» не оставили в стороне и церковь. Так, в марте 2017 г. уже упомянутый выше о. Аполлинарий (Симонович), возможно, в силу своей этнической принадлежности (он родом из Западной Украины) и конфессиональной принадлежности к Украинской православной церкви, во время исповеди русской прихожанки весьма положительно отозвался о поджоге Дома профсоюзов в Одессе в 2014 г., повлекшего многочисленные жертвы, прокомментировав, что погибшие «получили по заслугам». Характер комментария был таков, что прихожанка, пусть и истово верующая, покинула храм, не окончив исповеди, и в результате русская община в Катании обратилась с прошениями в Московский патриархат, запрашивая о смене священника. В мае 2017 г. о. Аполлинарий Симонович был отозван «в связи с окончанием срока командировки», и в Катанию был прислан новый священник. Отъезд о. Аполлинария, к сожалению, еще более обострил взаимоотношения украинцев и русских на Сицилии: украинская община, лишившись священника, обвиняет русских в кознях, в «сживании со света» пастыря, в сведении счетов.

Подводя итоги исследования русской диаспоры в Сицилии, необходимо отметить, что, при всей ее разобщенности, есть общие черты, присущие всем ее представителям.

Во-первых, это ярко выраженный, акцентированный патриотизм, активные пророссийские настроения, поддержка Российского государства, вне зависимости от того, собираются представители диаспоры туда возвращаться или нет. Более того, все без исключения опрошенные нами представители русской диаспоры, а также и русскоязычные выходцы из других регионов бывшего СССР подчеркивали свое личное восхищение президентом России, его качествами политика, занятой им позицией в международной политике. Что поразительно, подобное мнение звучало даже из уст многих представителей

антироссийски настроенной части украинской диаспоры (!), которые говорили, что если бы у Украины был подобный лидер, то она оставила бы далеко позади и Россию, и США, не говоря уже о других государствах. Иногда высказывания о президенте России носили абсолютно личный характер. Приведем слова Элины, русскоязычной белоруски, переселившейся в Сицилию к мужу 33 года назад: говоря о В.В. Путине, она с энтузиазмом превозносила не только его «политическую доблесть», но и мужскую статью, сексапильность, брутальную привлекательность, личную харизматичность. Необходимо отметить, что подобные высказывания, исходящие от женской (преобладающей) части русской (русскоязычной) диаспоры, звучали в ходе нашего исследования достаточно часто.

Во-вторых, русскую диаспору отличает ярко выраженная разобщенность ее «компонентов», хотя, как говорилось выше, часто она подпитывается самими представителями диаспоры, не желающими общаться и консолидироваться с соплеменниками. Отсутствие сплоченных общин и разобщенность приводит к тому, что женщины (составляющие преобладающее большинство диаспоры), вне зависимости от того, к какой категории мигрантов они относятся, остаются один на один со многими практическими и психологическими проблемами, что часто ввергает их в депрессию и кризис. Не стоит забывать, что Сицилия представляет собой сложный с социальной и психологической точек зрения и до сих пор «закрытый» регион, в котором адаптация любого инокультурного индивида, а особенно женщины, протекает крайне непросто ввиду существования ригидных семейных, культурных, гендерно-социальных норм и стандартов поведения.

Одной из практических проблем для многих русских женщин из числа не только жен, но и представительниц трудовой миграции, является обучение их детей русскому языку. Многие приезжают с русскоязычными детьми из России или других регионов бывшего СССР, у многих дети-

полукровки рождаются уже в Сицилии, но те или другие, ввиду отсутствия доминирующей русской лингвистической среды, обречены либо на утрату русского языка и культуры, либо на их незнание. В этом вопросе реальная помощь исходит от культурных ассоциаций (в тех населенных пунктах Сицилии, где они существуют), либо непосредственно организующих курсы русского языка, либо курирующих их открытие (в Палермо, Катании, Мессине). В Агридженто, в Чефалу, да и в других местах, где таких курсов нет, русские мамы с детьми жалуются на то, что единственным каналом передачи лингвистической и культурной информации детям остается домашний, не всегда надежный. Эффективность этого канала зависит не только от наличия свободного времени у матери и от ее педагогических способностей, но и от готовности/желания сицилийского отца поощрять знание русского языка у ребенка; кстати, именно от воли отца зависит и регистрация российского гражданства ребенка, рожденного от российской гражданки.

Обобщая все эмпирические материалы нашего исследования, в заключение подчеркнем, что русская диаспора на Сицилии как феномен не имеет аналогов в мире не только в силу своего исключительно женского характера, но и, на наш взгляд, в силу предельной разобщенности ее представителей. Показателен факт «неосвещенности» численности «русских» на Сицилии – это доказывает лишним раз необходимость глубокого исследования этого «сегмента» России, пусть и отдаленного от нее, но прочно связанного с ней внутренними узами. В настоящее время трудно делать сколь-либо основательные прогнозы в отношении будущего этой русской диаспоры, но реалии доказывают замедленность процесса ассимиляции ее представителей местной средой, преимуще-

ственно обусловленной их нежеланием ассимилироваться, равно как и наличием у них прочной культурной «самости», позволяющей противостоять нивелированию «русскости» как у них, так зачастую и у детей. Также эмпирические результаты исследования еще раз высветили многоликость, сложность и разноплановость понятий «русский мир» и «русский дух», которые многократно становились объектами исследований литераторов, историков, философов, культурологов как в России, так и за ее пределами.

Литература

- Журнал заседания Священного Синода РПЦ 2008 – Журнал заседания Священного Синода РПЦ. № 16. 15.04.2008.
- Фаис 2006 – Фаис О.Д. Эмиграция из России и Украины в Италию: некоторые аспекты феномена // Меняющаяся Европа. Проблемы этнокультурного взаимодействия / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2006. С. 119–135.
- Фаис 2009 – Фаис О.Д. Институт «BADANTI» как новое явление в жизни Италии: некоторые социально-психологические аспекты феномена // Европейская интеграция и культурное многообразие / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2009. Ч. 2. Европейский образ мысли. С. 79–133.
- Фаис 2013 – Фаис О.Д. Мигранты в Сицилии: восприятие их местным населением и проблемы толерантности // Очерки о европейской идентичности и многокультурности / Отв. ред. М.Ю. Мартынова. М., 2013. С. 389–417.
- DatoISTAT: 28.02.2017 – DatoISTAT: 28.02.2017 // demo.istat.it.
- Gambino 2005 – Gambino R. Stando assieme. Palermo: Nuova IPSA ed. 2005.
- Gazeta Ufficiale 1.03.2008 – Gazeta Ufficiale. N. 52 dal 1.03.2008.
- Io, siciliano 2009 – Io, siciliano. Tra orgoglio e disincanto. Identita, legalita e sviluppo sostenibile. Tre concetti un'unica emergenza // A cura di M. Miliziano. Palermo: Ed. OT., 2009. P. 23–24.

Глава 16

Социально-психологическая адаптация наших соотечественников в странах Восточной и Южной Африки¹

Наши соотечественники, переехавшие по тем или иным причинам жить в другую страну, сталкиваются с рядом проблем, вызванных, как правило, не очень хорошим знанием культурных, религиозных, политических и других традиций нового места жительства. В особой степени это касается тех, кто переехал в Африку. Обычаи и традиции стран этого континента разительно отличаются от нашей культуры. Зачастую социально-психологическая адаптация таких мигрантов крайне сложна, и многим просто не удается преодолеть культурный шок и комфортно жить в той или иной африканской стране.

В результате нескольких полевых выездов в 2009–2010 гг. нами были получены материалы о современной жизни русскоязычных мигрантов в четырех странах, три из которых (Танзания, Руанда, Уганда) относятся к Восточной Африке и одна (Замбия) – к Южной Африке².

Нами были использованы качественные методы исследования – включенное наблюдение и углубленные интервью. В общей сложности было проведено 64 интервью с 18 соотечественниками в Руанде, 12 – в Уганде, 21 – в Танзании и 13 – в Замбии. В статье приведены многочисленные высказывания респондентов, отражающие их расовые предрассудки, предвзятость, особенности мировоззрения.

По данным Представительств Россотрудничества и Посольств РФ в этих странах на тот момент проживало: около 70 человек на территории Руанды, русскоязычное население Танзании оценивалось приблизительно в 250 человек, Уганды и

Замбии – по 200 человек³. Интересно отметить, что по данным Посольства в 2003 году количество соотечественниц, вышедших замуж за африканцев, в Танзании насчитывалось около 100 человек (ср.: в 1993 г. – чуть более 40 чел.) (Львова, Крылова 2010: 258).

Таким образом, наше исследование охватило около 5% всех соотечественников в Уганде, 6% – в Замбии, 8% – в Танзании и 26% – в Руанде. Определенная часть русскоязычного населения осталась неучтенной, так как не все прибывшие регистрируются в Посольствах.

Интервью проводились в форме свободного собеседования с наводящими вопросами и записывались на диктофон. Наряду с этим, проводилось анонимное анкетирование для получения более детального представления. Нами опрашивались только те, чей стаж пребывания в Африке превышал 1 год. Кроме того, мы не опрашивали сотрудников посольств и членов их семей, а также российских контрактников, которые работали вахтовым способом.

Все опрашиваемые были отнесены нами к одной из следующих категорий: 1) «семейные» мигранты (муж-африканец); 2) «экономические» мигранты (приехали на заработки); 3) мигранты-«африканисты» (испытывающие теплые чувства к Африке, ее традициям, которым было интересно поехать в Африку, когда представилась такая возможность). Следует отметить, что первая категория – самый распространенный «вариант» среди живущих на африканском континенте соотечественников. Как показывают исследования последних лет, в

¹ Глава подготовлена по теме НИР «Кросс-культурные и междисциплинарные исследования».

² Краткие результаты данного исследования были опубликованы в нашей более ранней работе (Бутовская и др. 2011).

³ Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству – <http://rs.gov.ru>

настоящее время в Африке постоянно проживает около 10 тыс. женщин из бывшего СССР, вышедших в разное время замуж за африканских граждан, и их детей (Крылова 2006; Львова, Крылова 2010: 258; Крылова 2010а: 85; Бутовская и др. 2011). Численность таких браков и семей в нашей стране начала расти с 1960-х годов, когда из африканских стран стали приезжать студенты на обучение (Крылова 2010: 87). Этой категории соотечественников посвящены работы многих наших африканистов (подробнее см.: Крылова 1996; Крылова 2006; Крылова, Прожогина 2007; Мужчина и женщина 2004; Гендер и власть 2008; Гендерные исследования в африканистике 2000; Африка. Гендерное измерение 2010). Другие «африканские» мигранты мало исследованы. Специфика нашей небольшой выборки также состоит в том, что на интервью соглашались в основном люди, которые считали себя «успешными» и адаптированными в современном африканском обществе.

Возраст опрошиваемых варьировал от 18 лет и старше. Практически все они имели высшее образование и работали либо преподавателями в школе и вузах, либо в научных учреждениях, либо в коммерческих компаниях, в отдельных случаях имели собственный бизнес. Практически все респонденты приехали в Африку из небольших российских или бывших советских городов, выйдя замуж за африканцев или по экономическим соображениям (испытывая в родных странах трудности с низкой оплатой труда, невозможностью найти достойную работу, жильем и т.д.), или «по велению чувств».

В силу того обстоятельства, что различный социально-экономический уклад, политическая ситуация и природные условия в разных странах могли оказать влияние на условия пребывания здесь соотечественников, что нашло отражение в оценке ими ситуации в стране, перед результатами по каждой стране мы приводим небольшие справки об этих странах на момент проведения исследования с комментариями наших соотечественников.

Руанда

В 1959 г. за три года до провозглашения независимости от Бельгии, преобладающая в стране этническая группа хуту свергла с трона короля-тутси. В последующие несколько лет были убиты тысячи тутси, а 150 тыс. изгнаны в близлежащие страны (Демократическую республику Конго, Уганду, Бурунди, Танзанию). Дети беженцев сформировали повстанческую армию, Руандийский патриотический фронт, которая вторглась на территорию Руанды и развязала гражданскую войну в 1990 г. Эта война достигла кульминационной точки в апреле 1994 г., когда от рук хуту погибло 800 тыс. тутси и умеренных хуту (Prunier 1995: 62; Eltringham 2004; Melvern 2004).

Вот как описывает эти события одна из наших соотечественниц, вышедшая замуж за руандийца, учившегося в СССР, и живущая в Руанде уже более 30 лет:

«Когда я ехала в Руанду, то ничего про страну не знала, даже не знала, что здесь живут два племени – тутси и хуту. Только когда приехала, стала обращать внимание на внешние отличия и спросила мужа. Мой муж – хуту. Он сказал, что – да, в стране живут два племени, но все они ощущают себя руандийцами. Много межплеменных браков и нет розни и неприязни. Когда начались погромы и прочие события, мы ничего не могли понять. А потом стали громить хуту. И пришли в наш дом – группа мужчин в возрасте от 11 до 20 лет, одетые кто в чем, с оружием и приказали собраться и в пять минут покинуть дом. Запретили что-либо брать с собой, деньги и драгоценности забрали себе. Не дали даже взять какой-либо одежды. Даже документов у нас не было. Наши вещи стали пилить на себя и вынесли все, что только можно. Я не хотела уходить, но они пригрозили, что убьют и меня, и мужа. Отвезли нас в «Новотель» (отель, куда свозили многих иностранцев по время этой бойни). Там потихоньку стали за всеми приезжать из разных посольств

и вывозить из страны. А за нами никто не приходил. В принципе, я могла уехать с другими белыми, мне предлагали из других посольств, но только, если я оставлю тут мужа. Но я не согласилась. Потом пришли трое русских парней-пилотов (неофициально) и помогли нам с мужем уехать. В конце концов, я осталась одна белая там. Это был последний самолет из Руанды. Мужа положили на дно машины и накрыли тряпками. Все сильно рисковали, так как проезжали блокпосты и машину несколько раз останавливали. Но видели европейцев и не решались детально обыскивать машину. А потом меня повели к трапу самолета. А мужа переодели в форму пилота и так доставили на борт. Так мы попали в Кению и прожили там 10 лет... Наш дом в Руанде за это время чуть не захватили родственники мужа, уже оформляли на него собственность, так что мы могли и недвижимости лишиться. Все было разграблено и запущено. Все пришлось начинать с нуля...».

«Бойня» прекратилась в июле 1994 г., но примерно 2 млн хуту бежали в соседние страны. С того времени большинство беженцев вернулось в Руанду, но несколько тысяч хуту остались в Демократической республике Конго и сформировали экстремистские партизанские группировки. Первые выборы на местном уровне прошли в 1999 г., а первые пост-геноцидные президентские выборы – в 2003 г. (Prunier 1995: 62; Eltringham 2004; Melvern 2004). «Я знала, что мой муж – хуту. Тяжело, что муж – хуту, на нем клеймо геноцида и из-за этого могут быть определенные последствия. Ему тяжелее, чем мне. В банках работают тутси. Вот ты – хуту и у тебя белая жена – смотрят с укоризной. Он всем должен доказывать, что он к геноциду не имеет отношения» (Анна, 33 года, 8 лет – в Руанде).

На момент сбора данных в Руанде проживало в общей сложности 11 055 976 чел., из которых подавляющее большинство составляют хуту (84%), тутси составляют

15%, а на долю пигмеев *тва* приходится около 1%¹. Руанда является одной из самых густонаселенных стран Африки, при этом оставаясь бедной аграрной страной, где 90% населения занимаются сельскохозяйственным производством и первичной обработкой минерального сырья (Economy of Rwanda 2010). Геноцид 1994 г. серьезно подорвал экономику Руанды, привел к обнищанию населения, особенно женщин, и снизил привлекательность страны для частных и внешних инвестиций. Однако, Руанда достигла определенного прогресса в стабилизации и восстановлении экономики до уровня 1994 г. К 2008 г. ВВП вырос до 1150\$, а инфляция была остановлена; в 2010 г. ВВП достиг уже 1195\$ (WEOD, Rwanda 2010). Тем не менее, большинство руандийцев живет ниже уровня бедности (US\$ 0,43/день). Руанда продолжает получать существенную финансовую помощь от мировых финансовых институтов, в том числе от Мирового Банка (The World Bank, Rwanda 2010). Правительство страны проводит определенную фискальную политику для борьбы с бедностью путем улучшения образования, инфраструктуры, привлечения иностранных и местных инвестиций и проведения рыночных реформ, хотя проблемы с энергоснабжением, нестабильность в соседних странах и отсутствие современного транспортного сообщения с другими странами продолжает сдерживать развитие (Economy of Rwanda 2010). «Когда мы попали здесь в первый раз в магазин, подумали – куда мы попали? Здесь даже купить нечего! Сейчас уже появились супермаркеты. В прошлом году возвращались поздно домой, даже ни одного огонька не было. Сейчас уже стали больше использовать электричество. Раньше была такая нищета, сейчас понемногу улучшается» (Екатерина, 43 года, в Руанде – 2 года).

Особый интерес представляют высказывания наших соотечественников об отношении к ним местного населения, часто противоречащие друг другу и, по-

¹ Данные CIA World Factbook 2010 года

видимому, связанные с личным опытом. Одни отмечают, что отношение к европейцам в Руанде лучше, чем в других странах Африки. *«К белым здесь относятся хорошо, т.к. они активно участвуют в развитии экономики страны. Объявлено открытие границ. Здесь много соблазнов для иностранцев. Белой дискриминации нет. По сравнению с Кенией, где местные очень агрессивны к любым проявлениям неуважения или невежливости к ним. В Кении англичане жестоко обращались с кенийцами во время колониализма, поэтому такое отношение к белым. В Руанде такого нет, т.к. бельгийцы хорошо относились. «Mzungu» («белый» на суахили – прим. авт.) звучит с большой буквы. Большой человек. Не негативно. Но в случае выбора, конечно, руандийцы встают всегда на сторону африканцев, а не белых, даже если квалификация хуже – так появляется скрытая дискриминация. При этом руандийцы предпочитают руандийцев, а не других африканцев, хотя официально провозглашают равенство»* (Кирилл, 45 лет, в Руанде – 11 лет). Другие говорят, что белый расизм широко распространен среди местного населения. *«Расизм со стороны руандийцев есть – они завистливые и очень жадные: даже когда они тебе звонят и им что-то нужно, они сбрасывают звонок, чтобы ты им перезвонил, чтобы им не тратить деньги. По отношению к руандийцу он не поступил бы так. Местное ГАИ белых штрафуют, а местных нет. Часто открыто говорят, что белые глупые, у них даже существует что-то вроде поговорки: «Белые сразу рождаются богатыми и глупыми». Часто работники-руандийцы садятся на шею белым хозяевам. В Танзании, например, к белым лучше относятся, чем тут. Добрее. Здесь агрессивны. Где были английские колонии – больше порядка»* (Елена и Саша, 30–35 лет, 8 лет – в Руанде). Третьи отмечают, что отношение меняется. *«Для окружающих моя дочь – экзотика. Ей не было ещё 9 лет, когда мы приехали. Раньше было тяжелее (её трогали, тыкали в*

глаза), кричали «мзунгу». Правда, никогда не было страшно, скорее просто надоедают. Когда она стала начинать понимать киньяруанду, поняла, что кричали «мзунгу с черными ногами», когда она носила колготки (смеётся). Когда было сложно, я всегда ей говорила, что вот у наших детей есть телевизоры и т.п., а здесь нет источника информации – они делают это не со зла. У них нет источника знания. Теперь она нормально к этому относится. У неё даже нет белой подружки, лучшая – руандийка» (Анна, 33 года, 8 лет – в Руанде).

Среди опрошенных нами соотечественников в Руанде 83% выборки составили женщины, 17% – мужчины. 61% респондентов – это люди в возрасте от 27 до 45 лет, 17% – от 46 до 55 лет, и 22% – люди старше 56 лет. В выборке оказалась одна незамужняя женщина и одна вдова. 72% опрошенных состояли в браке, а еще 17% сообщили, что проживают отдельно от супругов. Как правило, это люди, приехавшие на работу на год-два, и «задержавшиеся» на 5–10 лет. Большинство опрошенных (67%) женаты/замужем за нашими соотечественниками (русские, украинцы, белорусы), 17% – женщины, вышедшие замуж за руандийцев. Интересно отметить мнение самих соотечественников (как правило, мужчин) о женщинах, вышедших замуж за африканцев. *«Русская женщина, вышедшая за африканца – это ерунда, это не по любви, а по расчету. Какая там любовь!»* (Кирилл, 45 лет, в Руанде – 11 лет). *«Женщины, которые выходят замуж за руандийцев – дурочки. У мужчин здесь почти всегда по две семьи. Дети мало что значат в смысле, что их надо воспитывать. Их общи дети – тем более не ценность»* (Михаил, 50 лет, 4 года – в Руанде). *«Девушки из маленьких городов стремятся выйти замуж за африканца как за иностранца и уехать. Из-за денег. Нет альтернативы, куда уезжать в лучшие условия»* (Елена и Саша, 30–35 лет, 8 лет – в Руанде). Несмотря на это, как показывают примеры опрошенных нами женщин, если подобный брак не распался

сразу, то семейная жизнь такой пары вполне благополучна, в семье присутствует любовь и взаимопонимание.

В выборке не было ни одного мужчины, женатого на руандийке, а также мужчин, женатых на европейских женщинах, хотя по сообщениям самих респондентов, в их среде имеются несколько мужчин-соотечественников, состоящих в браке с руандийками, но многие отмечают, что после заключения такого брака русские мужчины сильно меняются. *«У руандийки одна цель – выйти замуж за белого. Они дураят белых, используют самые разные способы. Наша служанка говорила, что и травы есть, привороты и т.п. Часто травят мужей. Нашего знакомого жена так охмурила, что теперь он строит дом для всех её родственников. Здесь африканка – машина для рождения детей, а с белым ей будет гораздо лучше, отношение другое. А в браке со своим жизнь у них в лучшем случае драматична, в худшем – трагична»* (Михаил, 50 лет, 4 года – в Руанде).

Среди опрошенных в Руанде соотечественников 39% имеют высшее образование, 28% – кандидаты наук (все женщины), 16% – незаконченное высшее, 11% – среднее образование (женщины, замужем за руандийцами), 6% (мужчины) – доктора наук. Уровень образования в выборке очень высокий, так как большинство опрошенных – специалисты, приехавшие работать в Руанду преподавателями (математики, химии и физики). 83% опрошенных в настоящее время работают, остальные 17% – нет (женщины, сидящие с маленькими детьми). При этом, из числа работающих 39% оценивают свою удовлетворенность работой на 4 балла (по шкале от 1 (совсем не удовлетворен) до 5 (полностью удовлетворен)). 22% оценивают свою работу на 3 балла, по 11% отметили минимум и максимум баллов, соответственно. В среднем, большинство работающих в Руанде соотечественников удовлетворены своей работой (3–4 балла). Если оценивать удовлетворенность работой в материальном плане, то 50% опрошенных отметили,

что считают свое экономическое положение нормальным, хотя им и приходится экономить. 44% отметили, что материальное состояние благополучное и экономить не приходится. *«Мы 8 лет назад приехали на 1 год работать, и каждый год продлевали контракт. Уехали, потому что там на родине нет хорошей работы, постоянный финансовый кризис, и к тому же у нас очень плохой экологический район»* (Елена и Саша, 30–35 лет, 8 лет – в Руанде). Только 6% написали, что постоянно себя ограничивают и средств хватает только на питание. Здесь стоит отметить, что Руанда по сравнению с остальными исследованными нами африканскими странами (Уганда, Танзания и Замбия), является самой «дорогой» по уровню цен на продукты питания и услуги.

Большинство опрошенных в Руанде (50%) живут в Африке от 1 года до 5 лет, 39% – 6–16 лет, и 6% – более 26 лет, соответственно. Местным языком киньяруанда владеют единицы (6%). Остальные (94%) язык знают плохо, понимают лишь отдельные слова. Что касается французского языка, который является государственным языком в Руанде, дело обстоит лучше. Большинство (33%) отметили, что говорят и пишут по-французски, 22% свободно владеют, 17% общаются на бытовые темы, 17% имеют базовый уровень общения. И только 11% отметили, что знают французский очень плохо. Статистический корреляционный анализ показал, что уровень владения местным языком у респондентов был отрицательно связан с наличием русских друзей ($r = -0,748$, $p = 0,001$, $n = 18$), т.е. чем больше у опрошенных друзей из среды соотечественников, тем меньше их владение киньяруанда. Полученные данные свидетельствуют о том, что у русскоязычных граждан в Руанде нет недостатка в общении с соотечественниками, поэтому они особо не ищут общения с местным населением (исключение составляют женщины, состоящие в браке с руандийцами). Кроме того, соотечественники, работающие в государственных структурах, отмечают, что

знание местного языка необязательно. «В школе и университете я базово учил немецкий. Английский знал только по программированию, пришлось за 3 месяца работы здесь выучить и его. Понемногу выучил и французский. Киньяруанда я не знаю – по работе все говорят по-английски или по-французски. Местный язык не нужен» (Кирилл, 45 лет, в Руанде – 11 лет).

Что касается ближайшего круга общения, 77% опрошенных отметили, что имеют более 5 друзей-соотечественников, 17% – 4–5 человек, 6% – менее 3 человек. Относительно друзей-руандийцев большинство респондентов (45%) отметили, что имеют менее 3 человек друзей из местной среды, 33% – 4–5 человек, 22% – более 5 человек. «Среди руандийцев нет друзей, только коллеги по работе. Иногда ходим вместе на футбол, но не в гости. Если у тех случаются какие-то большие праздники, например день рождения детей, Новый год, если нас пригласят – ходим. Здесь большой расизм со стороны руандийцев. К белым относятся так, как никогда бы не поступили по отношению к руандийцу. А друг друга они боятся, так как не знают, кто за ними стоит...» (Елена и Саша, 30–35 лет, 8 лет в – Руанде).

57% опрошенных также отметили, что друзей среди европейцев у них также немного (менее 3 человек), 28% – более 5 человек, 17% – 4–5 человек. В целом, можно отметить, что среди наших соотечественников в Руанде большинство общаются с выходцами из России и стран СНГ. Вероятно, это связано с причинами (экономические трудности 1990-х), побудившими их приехать сюда: как правило, эти люди приезжали работать в Руанду целыми коллективами. «Мы уехали 10 лет назад. Нас отправили в командировку работать целой лабораторией. И с тех пор мы каждый год продлеваем наши договоры. Поскольку наше учреждение не государственное и не подчиняется руандийскому правительству, наш российский диплом признается. Здесь нет лаборатории такого уровня как наша. Мы сами заказываем приборы, чтобы было больше разнообразия и чтобы соответ-

ствовать уровню. Что-то привезли с собой. Здесь нас слишком мало. Нам повезло, что мы попали в нашу Руанду» (Светлана, 50 лет, Ирина, 37 лет, Руанда).

На вопрос «С кем вы больше всего контактировали из выше перечисленных групп в течение последних 3 дней» 61% также ответили, что с соотечественниками, 17% – с руандийцами (речь идет, прежде всего, о коллегах по работе), 5% – с европейцами, 17% – и с теми, и с другими.

По религиозной принадлежности 83% опрошенных являются православными, 11% – атеисты, 6% – католики. Лишь одна женщина за время проживания в Руанде сменила свою религиозную принадлежность с православной на католическую (женщина, вышедшая замуж за руандийца).

Большинство опрошенных (89%) сказали, что не являются членами какого-либо национального или культурного общества (в частности, общества русских соотечественников). При этом, 11% никогда не слышали о наличии таких обществ. Эти данные соответствуют руандийским реалиям, так как ассоциации соотечественников в этой стране действительно нет. Однако, важно отметить, что российское посольство активно сотрудничает с соотечественниками, проводит вечера встреч и разнообразные совместные мероприятия для детей и взрослых (просмотры кинофильмов, вечера встреч с интересными людьми, спортивные соревнования, конкурсы детского рисунка и пр.).

В случае возникновения каких-либо проблем, большинство опрошенных предпочитают их решать с помощью членов своей семьи или друзей. К коллегам обращаются иногда (как правило, имеются в виду представители местного населения). Также обращение за помощью к психологам или священникам среди наших соотечественников не принято.

Уганда

Колониальные границы, установленные Великобританией для Уганды, объединили широкий спектр разных этнических групп

с различными политическими системами и культурами. Эти различия помешали созданию рабочего политического сообщества после получения страной независимости в 1962 г. Диктаторский режим президента Иди Амина (1971–1979) привел к гибели 300 тыс. его противников. Одна русская женщина, вышедшая замуж за угандийца и живущая в стране уже более 30 лет, так вспоминает жестокие времена Иди Амина: «Съесть врага, сердце там или печень, или мозги – это очень даже хорошо. Но это не все так делают. Это редкие случаи. Подручные Амина ели. Я жила по соседству с его дворцом. Когда его захватили, я сама не пошла – на улицах ещё страшно было ходить, я послала свою домработницу, говорю – сходи и погляди – лежат в холодильнике головы врагов или нет. Она пошла, прибегает: “Ой, мама, страсть. Большой холодильник и головы, головы”. Он коллекционировал своих врагов. Но в его племени его некоторые подручные действительно любили печь или ещё что-то делать с людьми. И некоторые в северных племенах, если съешь сердце врага, будешь очень смелый. А если съешь мозги – будешь очень умный. Ну чего ж не поумнеть?! (смеётся). Может он сам и ел. Он умер своей смертью в Саудовской Аравии пару-тройку лет назад. Он убежал. Он, знаете, как интересно сделал – он запер тех, которые по телевизору вещают, что мы, мол, там отбиваемся, он их запер, охрану поставил, а все думают, что он там сидит, речи произносит, а он давно уехал. Он куда-то в сторону рванул и как-то вылетел. Не через Энтеббе аэропорт. В то время такая неразбериха была. Удрал. А ливийцев оставил, те пробивались в аэропорт, потом куча этих бронетранспортеров перевернутых тут лежала, многие тут и погибли, не смогли пробиться в аэропорт, туда одна дорога ведет. Наши (посольские – прим.авт.) даже ехали с конвоем, и несколько из других посольств, конвой ООН вел их. Правда, тут европейцев почти тогда не было, в основном, советники

военные. Тогда мало было белых. Тут в посольствах работали при Амине только *skeleton staff* (минимальный состав – прим. авт.), только самые необходимые. Семей почти не было. Тут был такой случай – у него был прием, пришли посольские, кто-то с женой. И жена была из каких-то азиатских стран, сильно она ему понравилась, он её на ночь оставил. Мужу так и говорит: “Все идите, а ты оставайся”. Тот “а-а!”, а потом с ней развелся. А она ж не виновата. И после этого старались посольства быть в минимальном количестве. Амин пил, людей убивал, чужих жен любил. Какой же это, пардон, ислам. Его камнями должны побить, судя по Корану. Но в основном это, по-моему, распространяется на женскую половину человечества» (Наталья, 61 год).

Партизанская война и нарушение прав гражданского населения в последующее 5-летнее правление следующего президента, Милтона Оботе (1980–1985), привели к гибели ещё по меньшей мере 100 тыс. человек (History of Uganda 2010). «Муж работал на правительство, получал зарплату. Когда был Амин – бандитов не было. Расстреливали по ночам, не разбираясь. Если появлялся больно умный – он их к крокодилам. Его военные были не бандиты, они ему подчинялись. Когда танзанийские войска вошли в город, местные стали грабить – многие же бежали, оставляя дома. Разрушили аптеку, причем бессмысленно (вылили лекарства из-за тары). Танзанийцам тоже перепало, поэтому они не вмешивались (у нас забрали радио – типа на проверку). После этого начали меняться правительства как перчатки. Каждый со своей армией, все голодные, гребут, что видят. Мы даже одежду лишнюю замачивали на ночь, т.к. увидят лишнее – все заберут. А нигде не купишь, кругом разруха... Сегодня много стреляли – ну оставляем детей дома, а завтра мало стреляют – ну поведем в школу. Если началась заварушка, договариваемся между родителями – ты берешь этого, я этого, потому что в два места

не успеешь (дети разного возраста ходят в разные школы – прим. авт.). С утра договаривались – кого кто хватает в случае аврала... Был у нас такой случай – к нам завалилась целая бригада (военная) нас грабить. Я дочку под кровать, сына на руки и вышла к ним. Стала готовить чай. Мужа не было. Они ходят, осматривают хозяйство, а я их позвала чай пить с молоком, с хлебом. Человек автоматически кладет калаш (автомат Калашникова – прим. авт.), берет чашку, стали со мной разговаривать – пришли грабить, а их поят-кормят. Говорят, заберем телек (русский). Я – забирай, но что ты с ним будешь делать, он по-русски говорит и показывает. Говорят – тогда холодильник! А у меня там деньги за салом, думаю – ну, сейчас не будет ни холодильника, ни денег, ни сала. Но они со мной пообщались и говорят – не будем мы тебя грабить, здесь много домов есть, ты – хорошая мзунгу (белая). Я так и села. После этого деньги в холодильнике не прячу (смеется). Муж прибежал: “скорее хватай детей и поедем к колдуну, чтобы не пришли больше”. Деньги взял колдун, наколдовал небось (смеется) – больше не приходили» (Наталья, 61 год, более 30 лет – в Уганде).

Некоторую стабильность и экономический рост Уганде принесло правление Йовери Мусевени с 1986 г. В 90-е годы правительство провело непартийные президентские и законодательные выборы. В январе 2009 г. Уганда получила место временного представителя в Совете безопасности ООН до конца 2010 г. (History of Uganda 2010). Уганда располагает существенными запасами природных ресурсов, включая плодородные почвы, достаточное количество осадков, небольшие запасы меди, золота и других минералов и недавно открытые месторождения нефти (Uganda's oil rush 2009). Сельское хозяйство – наиболее важный сектор экономики, в котором работает до 80% трудоспособного населения. С 1986 г. правительство при помощи других государств и международных организаций пытается

восстановить и стабилизировать экономику путем проведения денежной реформы, увеличения цен производителей на экспорт продовольствия, повышения цен на нефтепродукты и повышения заработной платы в госсекторе. Изменения политики нацелены на обуздание инфляции, рост выпуска продукции и доходов от экспорта. Рост экономики остается существенным, несмотря на колебание цен на кофе, основного продукта экспорта Уганды. Глобальный экономический кризис негативно сказался на экспорте страны, однако рост ВВП остается заметным благодаря проведенным реформам и сильной системе управления (Economy of Uganda 2010).

На момент сбора данных в стране проживало 33 398 682 чел., представляющих различные этнические группы (The World Bank, Uganda 2010). В 2009 г. ВВП на душу населения составил US\$1196, а в 2010 г. – US\$1227 (WEOD, Uganda 2010). В Уганде до настоящего времени продолжают столкновения между этническими группами, партизанами, вооруженными бандами и проправительственными силами, в том числе и за пределами страны. В Уганде находится 210 тыс. суданских, 27,5 тыс. конголезских и 20 тыс. руандийских беженцев, в то время как члены Армии Сопrotивления (организация, объявленная в Уганде вне закона) находят убежище в Южном Судане и ДРК (Lord's Resistance Army 2010).

В нашей выборке 58% респондентов в Уганде составляют женщины, 42% – мужчины. 75% составили люди в возрасте от 27 до 45 лет, 17% – от 46 до 55 лет, 8% – старше 56 лет. Большинство респондентов (75%) женаты/замужем. 46% опрошенных имеют в супругах наших соотечественников (русские, украинцы, белорусы и буряты), 36% – замужем/женаты на угандийцах, 18% – имеют в супругах метисов русско-угандийского происхождения. Надо отметить, что на самом деле количество женщин, вышедших замуж за угандийцев, существенно больше, но многие отказались заполнять анкеты или не смогли по тем или иным причинам. «У остальных

девочек так – они замужем, но многие номинально, через несколько лет оказывается, что у мужа параллельно другая семья. Но чтобы эту вторую семью вскрыть – надо мозги иметь. Все зависит от материального положения мужчины и его совести. Некоторые наши женщины скрывают. Некоторые закрывают глаза. Если порядочная – она терпит, приходит домой и слава богу, что-то дает и слава богу. Стараются сами зарабатывать. Он полностью вращается в свою среду после возвращения. Многие девушки делают вид, что у них все хорошо. У многих дети – угандийцы (у кого муж пообеспеченнее), у некоторых – россияне. Некоторые женщины меняют гражданство, если муж обеспечивает. Кого муж донимает, стараются жить отдельно, но обычно вместе под одной крышей, но разными жизнями. Женщины же из провинции и без образования – у них в семьях дети не говорят по-русски, она с ними на ломаном английском. Муж подавляет, вот папа – он достиг всего, а мама – низшее. Это самосознание угандийское. Некоторые уходят в эту среду. Для таких детей положение здесь лучше, чем в России. Такие дети идут за отцом, женятся на местных. Даже есть общества смешанных людей, они стараются между собой общаться, но наши туда не входят. Наши ищут или что-то другое, или с местными...» (Наталя, 61 год, более 30 лет – в Уганде).

В большинстве среди опрошенных нами женщин такие браки с угандийцами сложились неудачно. «Мой муж учился в Политехническом институте, мы встречались, пока он учился, поженились в России, а потом уехали в Уганду. Сейчас муж болеет уже больше 8 лет, не работает. Я содержу всю семью. Официально мы не развелись, но живем давно отдельно. У него есть другая семья (сначала была тайком, а потом я узнала, и мы разошлись). Узнала, когда он заболел. Здесь часто узнают про другую семью на похоронах, когда приходят все дети. Дети с ним не общаются, он не помогает. Про-

сто не воспринимают его» (Ирина, 45 лет, 25 лет – в Уганде). «Муж в России учился, в Ленинграде. Мы там были долго знакомы. Потом я приехала в Уганду, но не к нему, а к сестре. Потом стали жить вместе, но мы не были расписаны. Я осталась тут, в то время было сложно в России. Родственники его приняли к сведению, что я есть, но не больше. Рождение нашего ребенка им не важно было. С мужем рассталась в 2004 году. Сама попросила уйти – он завел другую семью. Сейчас мы не общаемся. Муж с детьми тоже не общается, не помогает. У него свои дети. Родственники с его стороны тоже не общаются. Здесь только могут взять от тебя, а тебе дать... Они не считают их своими, они от белой, это не их дети, это мои дети. Тут во всей Африке так. Женщины просто не знают, за кого выходят замуж. Они успеют завести здесь другую семью. Здесь нету счастливых семей, это все только визуально. И жена даже не знает про другую. Так ведь узнаешь, если переживешь – на похоронах. Они же все дети приходят. Так больно, ещё больнее» (Светлана, 35 лет, 15 лет – в Уганде).

В данной выборке есть один мужчина, женатый на угандийке. Справедливости ради следует отметить, что во время пребывания в Уганде мы встречались ещё с несколькими мужчинами, женатыми на угандийках, но они отказывались заполнять анкеты. «Моя жена – угандийка (гугторо), мы же 5 лет в браке. Познакомились случайно – я пришел в магазин, увидел, понравилась. Детей пока нет, да мы и не планируем из-за работы. Общаемся с ней на английском. Её родственники относятся нормально – у нас была местная свадьба, мы спрашивали разрешение у старейшин, я давал выкуп. Она все делает по дому, готовит уже и русские блюда» (Дмитрий, 38 лет, более 6 лет – в Уганде).

59% опрошенных имеют высшее образование, 25% – кандидаты наук (все женщины), 8% – среднее профессиональное образование и 8% – доктора наук (мужчины). 92% опрошенных в настоящее время

работают, остальные 8% – нет (женщины, сидящие дома с детьми). При этом из числа работающих по шкале от 1 (совсем не удовлетворен) до 5 (полностью удовлетворен) 64% оценивают свою удовлетворенность работой на 4 балла, 27% – на 3 балла, и 9% отметили максимум баллов. Все недовольных работой и условиями жизни (1–2 балла) среди наших респондентов в Уганде не отмечено.

67% опрошенных оценили свое экономическое положение как благополучное, и подчеркнули, что экономить им не приходится, 8% отметили, что достаточно состоятельны, покупают, что хотят, и 25% респондентов оценили свое материальное положение как нормальное, но все же с необходимостью экономить. Большинство опрошенных (42%) проживают в Африке 1–5 лет, 25% – 6–15 лет, 25% – 16–25 лет, 8% – более 26 лет. При этом каким-либо местным угандийским языком на приемлемом уровне никто не владеет: 78% очень плохо говорят на баганда, а 22% освоили лишь его базовый уровень. Что касается английского языка, то большинство (45%) отметили, что говорят и пишут на английском, 33% – свободно владеют, а 22% – могут общаться на бытовые темы.

56% респондентов отметили, что имеют более 5 друзей-соотечественников, 44% – 4–5 человек. Что касается друзей-угандийцев, то большинство респондентов (56%) отметили, что имеют более 5 человек друзей из местного окружения, 33% – менее трех человек, 11% – 4–5 человек. *«В данный конкретный момент у моих детей круг общения – это русские, сербы. Я сейчас в основном сижу дома. В принципе раньше был большой круг общения, сейчас сузился, потому что устала. Раньше это были нужные люди, угандийцы, которые занимают какое-то место в обществе, нужно было по работе. А так... Часто были и гости, и в ресторан, и к себе, и куда-то пойти. Раньше я ходила на всякие мероприятия очень часто, в посольства, в клубы английские, в катер. Общество Каледонии – шотландское общество, я была*

членом, ни одной русской там больше не было. Сейчас мне уже достаточно для бизнеса. Я уже с ними не общаюсь. Мне уже не надо. Дети подросли, пусть сами бизнес делают. Общение – я могу уехать домой, там у меня общение» (Наталья, 61 год, более 30 лет – в Уганде).

56% отметили, что имеют более 5 друзей среди европейцев, 22% и 22% – менее 3 человек и 4–5 человек, соответственно. Достоверно больше друзей соотечественников было у лиц, состоящих в браке с русскоязычными гражданами ($t = -0,729$, $p = 0,04$). *«Друзей таких с угандийцами нет, общение только с русской общиной. Только по работе с угандийцами. Конфликтов, правда, с ними тоже не было. Общаемся с русскими женщинами, иногда с их мужьями. А с местными – культурный барьер, да и времени нет. Они совсем другие. Менталитет другой. Нет контакта. Они больше думают о себе, а мы больше привыкли о других заботиться»* (Вера, 45 лет, 15 лет – в Уганде). На вопрос «В течение последних 3 дней, с кем вы больше всего контактировали (русскоязычными гражданами, европейцами или угандийцами)» 56% ответили, что с угандийцами, 33% – с соотечественниками, 11% – в равной мере общались с теми и другими. *«Среди угандийцев у меня друзей нет. С ними можно просто общаться, но близкие – только русские (женщины, с которыми я вместе работаю). Дети наши тоже между собой дружат, если совпадают по возрасту. Но в основном у детей школьные друзья – угандийцы или метисы. Моя дочка вписана в местную культуру»* (Ирина, 45 лет, 25 лет – в Уганде).

Большинство опрошенных (78%) не являлись членами какого-либо национально-го или культурного общества, а 22% при этом подчеркнули, что никогда не слышали о наличии ассоциации русских соотечественников.

По религиозной принадлежности 78% респондентов были православными, 11% – буддистами (буряты), 11% – атеистами. Никто не менял свою религиозную принадлежность после приезда в Уганду.

Как и в Руанде, большинство опрошенных в Уганде предпочитают решать возникшие проблемы с помощью членов своей семьи или друзей. Существенно реже обращаются за помощью к коллегам. Обращение же за помощью к психоаналитикам или священникам в среде наших соотечественников в Уганде также не принято. Эти данные указывают на преобладающую роль родных и друзей в успешной адаптации наших соотечественников в Африке. Комфортность существования в условиях столь отличной от российской культуры, таким образом, в первую очередь определяется благополучным климатом в семье и наличием близких друзей.

Замбия

Территория Северной Родезии управлялась Британской Южно-американской компанией с 1891 г., пока не была присоединена к Великобритании в 1923 г. В 1964 г. после получения независимости страна сменила название на Замбию (History of Zambia 2010). В 1920–1930-е годы бурное развитие горнодобывающей промышленности привело к иммиграции и экономическому росту. В 1980–1990-е годы падение цен на медь и продолжительная засуха привели к обвалу экономики.

Около 68% замбийцев живут сегодня ниже уровня бедности (Economy of Zambia 2010; Development Indicators Unit 2007). Перевыборы в 2001 г. привели к власти Леви Мванавазы, который в 2002 г. начал антикоррупционное расследование деятельности предыдущей администрации. В 2006–2007 гг. было выявлено четыре случая коррупции в правительстве, включая хищение 41 млн долл. предыдущим президентом Чилубой и его сторонниками. Мванавазы был переизбран в 2006 г. на честных выборах. После его неожиданной смерти в августе 2008 г., пост президента занял бывший вице-президент Рупия Банда, который выиграл президентские выборы в октябре 2008 г. (Politics of Zambia 2010).

На момент сбора данных в стране проживало 12 056 92 чел., представляющих

различные этнические группы (наиболее многочисленные: *бемба* 30%, *ньянжа* 11% и *тонга* 11%)¹.

Экономика Замбии бурно развивается в последние годы, причем рост ВВП составлял в 2005–2008 гг. около 6% в год. Приватизация принадлежащих правительству медных рудников привела к повышению их доходности. С 2004 г. экспорт меди устойчиво растет в связи с ростом цен на медь и объемов иностранных инвестиций. Бедность остается важной проблемой в Замбии. Мировое падение спроса на медь ударило по росту ВВП в 2009 г., но резкое повышение цен на медь и небывалые урожаи кукурузы помогли Замбии начать восстановление экономики (Economy of Zambia 2010). В 2009 г. ВВП на душу населения составил US\$1542, в 2010 г. – US\$1612 (WEOD, Zambia 2010).

85% опрошенных в Замбии составили женщины, и лишь 15% – мужчины. 23% были люди от 18 до 26 лет, 39% – от 27 до 45 лет, 39% – от 46 до 55 лет. Лишь одна из опрошенных женщин – вдова, большинство же женаты/замужем (77%) или живут вместе (15%). Большинство наших соотечественников (46%), все исключительно женщины, имеют в супругах замбийцев. *«Мы учились в одном университете, там и познакомились. Он всегда куда-то хотел поехать учиться. На конкурсной основе поехал бесплатно в Россию. Тут так все едут. Хотя многие возвращаются – просто погодные условия не выдерживают, особенно в Москве и Питере. Жили почти 10 лет в России. Потом сюда приехали. Первые полгода “познавали замбийскую культуру” (жили вместе с родственниками мужа – прим. авт.), потом переехали жить отдельно. Слишком мы разные. Между нами тысяча лет. Понятия о семье – все другое. Меня его родственники восприняли нормально, потому что были заранее подготовлены. Мы в России жили уже почти 10 лет. Примерно знали, что к чему, да и люди об-*

¹ Данные CIA World Factbook 2010 г.

разованные. Приехали – познакомились. Сестра его сразу сказала: «Вот это ваша комната, если ты хочешь, чтобы что-то было только твое – храни здесь». Неважно, что это – продукты, стиральный порошок... Как только получилось – мы уехали. Я так воспитана – со мной никогда не будут жить там братья, племянники. Я первая их выгону. Я не собираюсь их терпеть. **Значит, семью не сохраняй!** (реплика другой женщины – Ирины, 45 лет, 8 лет – в Замбии.) Тут главное, чтобы муж был согласен, а мой муж согласен с этим. Многие мужья так не считают, хотят жить большой семьей, всем помогать, чтобы жена работала» (Инна, 25 лет, 2 года – в Замбии).

23% женщин замужем за местными европейцами. Остальные женщины замужем за русскими. Ни одного мужчины, женатого на замбийке, в нашей выборке не оказалось. Все опрошенные мужчины были женаты на своих соотечественниках. 84% респондентов имеют высшее образование (в том числе все опрошенные мужчины), 8% – незаконченное высшее, 8% – среднее профессиональное.

77% респондентов в настоящее время работают, остальные 23% – нет (женщины, сидящие с маленькими детьми). Так описывают свой приезд в Замбию врачи Екатерина и Олег: «Приехали к товарищу, случайно, в гости, он тут работает врачом. Учились вместе. Он нас все звал – приезжай-приезжай. Ну и приехали в гости. Раз в жизни живем. Посмотреть. Потом прокатались недели 2–3 по Замбии. Катя говорит – хочу тут английский немного изучить. Ну, изучай. Вот тебе книга. Но она хочет в реальной жизни. Значит, надо продлить время. Спрашиваем – можно тут подработать устроиться? Можно. У вас есть какие-то документы? Есть ксерокопии нашего диплома на русском языке. Ничего, я его, говорит, переведу в свободном стиле. Ну, хорошо. Мы вообще не знали английского языка. А английский лучше учить здесь. Пойдем на экзамен – может, возьмут работать. А там как-то пристроимся. Как раз тут с

врачами напряг был. Экзамен мы прошли. Ну, надо было там сумку-кошелку поднести с “бананами” – нам люди рассказали. Поднесли. Послали меня работать хирургом, Катю – педиатром. Стали работать. Рассчитывали на 6 месяцев. Привел нас этот наш друг к менеджеру – подписывайте здесь. Подписали. Оказалось 3 года...» (Екатерина и Олег, 50 лет, 4 года – в Замбии). При этом, стоит отметить, что эти врачи в целом довольны своей работой, в особенности зарплатой, которая несравнима с зарплатами на родине.

В целом, наши соотечественники по степени удовлетворенности работой разделились поровну: 23% оценивают на 3 балла, 23% – на 4 балла, 23% – на 5 баллов, и только 8% не удовлетворены работой (1 балл). В материальном плане 7% отметили, что состоятельны, могут позволить себе все, что захотят; 46% опрошенных отметили, что живут благополучно и экономить им не приходится; 31% живут нормально, но приходится экономить на каких-то вещах; 15% постоянно ограничивают себя и хватает денег только на питание. 8% опрошенных соотечественников живут в Африке менее года, большинство опрошенных живут 1–5 лет (31%), шестеро до 15 лет (30%). 23% от 16 до 25 лет, 8% – более 26 лет. При этом большинство владеют местным языком очень плохо (85%), 8% – на базовом уровне, 8% – могут разговаривать на бытовые темы. Что касается английского языка, большинство (54%) русских соотечественников в Замбии отметили, что могут говорить и писать, 39% свободно владеют языком. И только 8% сообщили, что владеют английским на базовом уровне (эту категорию представляют те, кто находится в стране менее года).

46% отметили, что имеют более пяти друзей-соотечественников, 39% – 4–5 человек, 15% – менее трех человек. «Мы с русскими общаемся вот так вот на таких встречах, может день рождения или еще какой праздник. Но все равно редко – у всех же своя жизнь, разные интересы, разное общение. Есть у меня три подруги, которые здесь давным-давно. Мы как сестры,

наши дети выросли вместе, и они общаются между собой. А вообще это обычно по приезду частое общение – вот только приедешь, друг за друга держатся, а потом жизнь немного разводит. Сейчас даже наши дети больше общаются, даже если и не живут тут – по интернету, по телефону» (Ирина, 45 лет, 8 лет – в Замбии). Что касается друзей-африканцев, также большинство респондентов (46%) отметили, что имеют более пяти друзей из местной среды, 31% – менее трех человек, 23% – 4–5 человек. 62% имеют более пяти друзей-европейцев (женщины, которые замужем за местными европейцами), 31% – менее трех человек, 8% – 4–5 человек. *«Здесь у нас много друзей католических. Поляки – очень хорошие наши друзья. Не врачи, это католическая миссия здесь – католический отец, сестры. Кроме того, в клинике работает ещё пара врачей с Украины, один – с Узбекистана»* (Екатерина и Олег, 50 лет, 4 года – в Замбии). На вопрос «С кем вы больше всего контактировали в течение последних 3 дней из выше перечисленных групп» 46% ответили, что с соотечественниками, 23% – и с теми, и с другими, по 15% – с африканцами и с европейцами, соответственно. Большинство опрошенных (62%) не являются членами какого-либо национального или культурного общества, 39% – состоят в Ассоциации соотечественников. При этом не было никого, кто бы ответил, что никогда не слышал о наличии таких обществ. *«После того, как я узнала, что у мужа другая семья, я чуть ли не руки хотела на себя наложить. Но мне повезло, что я была не первая такая. Тут уже были женщины. Они послушали, привели меня в чувство. Поругали – мы все это прошли. Поддержали. Я, как говорится, попереживала и выплюнула. И по-другому тут никак нельзя. Очень мне помогла поддержка со стороны русских женщин – все это прошли, в большей или меньшей степени. До сих пор с ними и дружим»* (Светлана, 37 лет, 15 лет – в Замбии).

По религиозной принадлежности 84% респондентов являются приверженцами православия, 8% – атеисты, 8% – протестанты.

Никто не менял свою религию. Из них большинство (85%) не являются членами религиозного общества.

Большинство опрошенных в Замбии, также как и в остальных странах, предпочитают решать возникшие проблемы с помощью членов своей семьи или друзей. К коллегам обращаются иногда. Обращение за помощью к психоаналитикам категорически не принято, тогда как к священникам все же обращаются.

Танзания

После провозглашения независимости от Великобритании в начале 60-ых годов Танганьика и Занзибар объединились и образовали Объединенную Республику Танзания в 1964 г. В конце 1995 г. в стране прошли первые демократические выборы (History of Tanzania 2010). Танзания относится к 10% беднейших мировых экономик в пересчете на душу населения. Экономика сильно зависит от сельского хозяйства, которое дает более ¼ ВВП, обеспечивает 85% экспорта и дает работу 80% населения. При этом сельскохозяйственные культуры возделываются только на 4% территории страны в силу климатических условий (Economy of Tanzania 2010). Мировой Банк, Международный Валютный Фонд и двусторонние доноры постоянно предоставляют денежную помощь для восстановления ветшающей экономической инфраструктуры и борьбы с бедностью. Долгосрочный рост с 2005 г. привел к росту промышленного производства и существенному росту добычи минерального сырья, особенно золота. Недавние банковские реформы стимулировали рост частного сектора и инвестиций. Продолжающаяся помощь доноров и серьезные макроэкономические изменения продолжают поддерживать рост ВВП, несмотря на мировую рецессию (Economy of Tanzania. History 2010; Projects and Programs. Tanzania 2010). На момент сбора данных в стране проживало 41 892 895 населения, представляющие собой более

130 различных этнических групп¹. В 2009 г. ВВП на душу населения составил US\$1416, в 2010 г. – US\$1484 (WEOD, Tanzania 2010).

81% опрошенных в Танзании составили женщины, 19% – мужчины. В нашей выборке оказалось 52% лиц в возрасте от 27 до 45 лет, 19% в возрасте от 46 до 55 лет и 29% – старше 56 лет. Среди респондентов только 1 мужчина был не женат и 2 женщины – в разводе. Большинство же женаты/замужем (57%), живут вместе (14%) или живут раздельно (14%). Последнюю категорию составляют люди, приехавшие работать по контракту и оставившие семью на родине. Большинство опрошенных (62%) имеют в супругах танзанийца и это исключительно женщины. Так описывает свою первую встречу с будущим мужем одна из наших респонденток: *«Ну, друзьям мы обычно говорим, что познакомились в научном зале библиотеки. А на самом деле оно было не совсем так. Мы увидели друг друга в переполненном трамвае – ехали в университет оба и как раз на одной остановке выходили. Все лезли, толкались, мне бабка порвала ведром колготки, и в него меня толкнули. Я сказала: “Извините!” и пошла. Он мне потом сказал: “Ты была – первый русский человек, который, наступив на меня, сказал «извините», и даже этой бабке ничего не сказала, хотя было видно, что она с этим ведром проперла как танк”. Ну и вышли на одной остановке. А потом уже, как-то зайдя в институт, увидели друг друга в библиотеке, разговорились, кто на каком курсе и т.д. Провстречались 3,5 года, поженились перед самым отъездом. Как-то других вариантов не было, чтобы не жениться и не ехать, это даже не обсуждалось»* (Елена, 38 лет, 14 лет – в Танзании).

Ни одного мужчины, женатого на танзанийке, в выборке не оказалось. Двое из троих мужчин были женаты на русских женщинах, один – на татарке. Остальные женщины были замужем: двое за европейцами,

одна за русским. 57% респондентов имеют высшее образование, 19% – среднее профессиональное, 14% – неоконченное высшее, 5% учились в аспирантуре, 5% получили кандидатскую степень (оба мужчины). Профессиональное и незаконченное высшее образование имели только женщины.

86% опрошенных в настоящее время работают, остальные 14% (женщины) ухаживают за маленькими детьми. При этом из числа работающих по шкале от 1 (совсем не удовлетворен) до 5 (полностью удовлетворен) 33% оценивают свою удовлетворенность работой на 4 балла, 29% оценивают свою работа по максимуму на 5 баллов, 14% – на 3 балла. Таким образом, большинство работающих в Танзании удовлетворены своей работой. Что касается материального положения в целом, то 71% опрошенных отметили, что живут благополучно и экономить им не приходится. 19% ответили, что живут нормально, но приходится экономить на каких-то вещах. 10% написали, что постоянно ограничивают себя и хватает денег только на питание. *«Я первый раз, когда приехала в Букобу, мне очень понравилась окружающая природа, но так как ни с кем не поговоришь, я только приехала, денег не было, жизнь тогда для всей страны была жуткая – даже с деньгами особо нечего есть, транспорта не было. Как мы туда добирались третьим классом в пароход, это как в кино “Броненосец Потемкин”. Вот сейчас я думаю, это было конечно интересно, но когда ты в этом участвовала – крысы в трюме у тебя над головой скачут, а ты приехала с Украины из среднего класса. Но я тогда решила – один раз, но я приеду сюда, когда я смогу делать то, что я хочу – зайду, куда хочу, куплю, что я хочу. И вот в этом году я это сделала, и вот сейчас я приехала в Букобу, остановилась в хорошем отеле, и транспорт хороший, и мы ездили смотрели их картины, в какой-то ботанический сад, на остров...»* (Инна, 50 лет, 25 лет – в Танзании).

Большинство опрошенных в Танзании живут в Африке более 6 лет, из них: 29% – от 6 до 15 лет, 24% – от 16 до 25 лет,

¹ Данные CIA World Factbook 2010 г.

24% – более 26 лет. При этом свободно владеют местным языком суахили только 10% респондентов – это люди, живущие в Танзании уже больше 20 лет. По 19% соответственно отметили, что могут говорить на бытовые темы, говорить и писать на суахили. При этом большая часть опрошенных (38% и 14%) написали, что знают язык очень плохо и общаются на базовом уровне. Что касается английского языка, который также является государственным языком в Танзании, дело обстоит заметно лучше. Большинство (38%) русских соотечественников в Танзании отметили, что свободно владеют английским языком, 33% могут говорить и писать, 19% общаются на бытовые темы. И только 10% отметили, что имеют базовый уровень (эту категорию представляют те, кто только недавно приехал в страну). *«Суахили я изучила так – в 1973 г. я поехала в Россию с маленькими детьми, бабушку-дедушку повидать. А когда вернулась – муж уехал за границу по работе. И мне пришлось тут одной жить без него. Надо платить за электричество, за воду, разговаривать с работниками и все решать проблемы самой. Само по себе выучилось по ходу дела. Я считаю, на бытовом уровне я хорошо говорю, но литературный суахили – я его не знаю. Могу читать газеты, слушать радио, слушать больше, чем читать. Но есть слова, мне не выговорить просто. Английский я лучше знаю – по работе много общаюсь»* (Марина, 54 года, 38 лет – в Танзании).

Относительно круга общения 48% респондентов отметили, что имеют более 5 друзей-соотечественников, 29% – менее 3 человек, 24% – 4–5 человек. Что касается друзей-африканцев, также большинство респондентов (48%) отметили, что имеют более 5 друзей из местной среды, 33% – менее 3 человек, 19% – 4–5 человек. 57% имеют более 5 друзей – европейцев, 33% – менее 3 человек, 10% – 4–5 человек. В этом отношении интересно отметить, что от продолжительности проживания в Танзании, владения суахили или английским, национальности супруга это не зависит.

«В 1977 г. было очень много у меня русских друзей, которые работали тут по контракту – учителя, военные. Смешанные пары все концентрировались в Даре, а мы жили на периферии. У меня очень много друзей и очень крепких таких друзей разных национальностей. Я не выбирала их по национальности» (Марина, 54 года, 38 лет – в Танзании).

На вопрос «В течение последних 3 дней, с кем вы больше всего контактировали из вышеперечисленных групп?» 38% ответили, что с африканцами, 33% – с русскими, 14% – с европейцами, 14% – другое (как, правило, имелось в виду, что и с теми, и с другими). Большинство опрошенных (67%) являются членами какого-либо национального или культурного общества (имелась в виду ассоциация соотечественников). При этом не было никого, кто бы ответил, что никогда не слышал о наличии таких обществ. 76% опрошенных являются приверженцами православия, 14% – атеисты, 5% – католики, 5% – мусульмане. Только 1 человек за время жизни в Африке сменил свою религию с православной на католическую (женщина, замужем за танзанийцем). Большинство (95%) опрошенных не являются членами какого-либо религиозного общества.

Большинство опрошенных предпочитают решать возникшие проблемы с помощью членов своей семьи или друзей. К коллегам обращаются крайне редко (на работе не приняты такие дружеские отношения, как в России). Также обращение за помощью к психоаналитикам или священникам среди наших соотечественников не принято. Один респондент (мужчина) ответил, что надеется только на свои собственные силы и у других помощи просить не станет.

Обобщенный портрет соотечественника

В ходе беседы неизбежно затрагивались следующие аспекты «африканской» жизни соотечественников: 1) сильные стороны пребывания в Африке (привлекательность

африканской жизни); 2) слабые стороны пребывания в Африке (неприятные аспекты африканского бытия); 3) угрозы (риски) и 4) возможности дальнейшего пребывания в Африке (перспективы).

В качестве важнейших **положительных сторон африканской действительности** все наши соотечественники называли следующие:

1) существенно более высокую зарплату по сравнению с Россией и республиками бывшего СССР. *«Мы приехали с мужем работать по контракту. Здесь, потому что контракты продлевались, а дома очень плохая экономическая ситуация. Госпиталь сначала снимал нам дом, который принадлежал Посольству – там жили. Потом этот дом отошел Президенту, сейчас госпиталь снимает другой дом»* (Вера, 45 лет, 15 лет – в Уганде).

2) более высокое общественное положение (консультант в проекте ООН, профессор в Университете). *«Здесь сильно привлекает статус белого – он очень высокий. Для тех, кто решил остаться в Африке – это важно. Статус даже больше важен, чем деньги. Например, в Министерстве финансов у белого консультанта зарплата составляет около 5000\$ в месяц (сравните эту зарплату с Россией). И здесь меньше мест, где их потратить, чем в России. Меньше развлечений и возможностей. Иностранец может купить в частную собственность землю. Многие даже берут ипотеку у государства (процент меньше), дают всем»* (Кирилл, 45 лет, живет в Руанде 11 лет). *«Мы – русские, должны помогать студентам, мы не можем им отказать в помощи. Но они нас за это любят и уважают. Мы востребованы. У студентов очень уважительное отношение – называют нас “мой профессор”, звучит как “мой фюрер” (смеются). Такого отношения мы никогда не видели в России»* (Екатерина, 43 года, живет в Руанде 2 года; Сергей и Елена, 45–47 лет, в Руанде – 3 года).

3) уважение со стороны местного населения. *«Видимо церковь воспитывает уважение к старшим, к учителям. Да и*

друг к другу. Подкупает ответственность и старательность студентов, вежливые, уважение к старшим, к родителям, и друг к другу. Не поддевают друг друга, очень гордые, щадят самолюбие других. Скромные – в коротких юбках не ходят или голые животы. Все прилично. Чистые и аккуратные. Никто не курит, не пьет пиво. Не принято на улице принимать пищу» (Сергей и Елена, 45–47 лет, в Руанде – 3 года).

4) хорошие материальные условия (коттеджи, прислуга). *«В смысле быта, тут все проще – не надо ничего добывать, все приносят, только торгуйся. Когда уезжали, в России было дешевле, но теперь дешевле тут. Здесь у нас есть работники – “золушки” (смеюсь). Мы так никогда хорошо не жили, как тут. Материально мы живем здесь лучше, и нас уважают. Здесь проблемы со специалистами и поэтому много выпускников из России (хорошие инженеры, врачи) – занимают хорошие позиции, радуются при встрече. Даже спрашивают африканцы – что за секрет такой? Почему в России такое образование хорошее?»* (Сергей и Елена, 45–47 лет, в Руанде – 3 года).

5) благоприятный теплый климат (лето круглый год) и красивая природа. *«Нам так нравится наша Руанда! Климат безумно хороший. Здесь есть места, в которых просто холодно. Удивительно, что тут в Африке холодно, даже топят печки. Нам нравится тут. Привыкли. Здесь настолько комфортно. Малярией здесь болеют очень редко, из нас никто не болел. Мы готовим варенье из местных ягод и фруктов. Очень любим местный мед, сыр»* (Екатерина, 43 года, живет в Руанде 2 года; Сергей и Елена, 45–47 лет, в Руанде – 3 года).

6) обучение детей в хороших (часто международных) школах, открывающее для них дальнейшие перспективы обучения в западных ВУЗах. *«Моя дочь с 9 лет в Уганде, сначала училась в простой руандийской школе, сейчас заканчивает американскую школу. Свободно говорит на киньяруанде, французском и английском. По телефону руандийцы не могут догадаться,*

что с ними говорит белая девочка. Хочет изучать международные отношения, право. Знает местный язык даже лучше, чем местные одноклассники. Знает всякие тонкости языка и культуры (пословицы, прибаутки, всякую культурную специфику). Понимает суахили. Я хочу, чтобы она училась в Европе или Америке, но сама она хочет в Россию. Но в России очень дорого...» (Анна, 33 года, 8 лет – в Руанде).

7) поддержку со стороны Посольств России, ощущение себя русским. *«Я горжусь, что я – россиянин. Неприятно, когда люди отказываются от своего гражданства, переходят в другую культуру. Обидно, когда дети русских говорят только по-английски. Я даже рад, что мои сейчас в России. Плохо, что пошатнулась вера самих россиян в Россию. Уезжают лучшие умы»* (Кирилл, 45 лет, в Руанде – 11 лет). В Руанде российские учителя в бельгийской школе устраивают «дни культуры», на которых ученики из разных стран рассказывают своим одноклассникам про свою культуру. Наши ученики читали им русские сказки, показывали фотографии, угощали русской выпечкой. Сами учителя в школе пропагандируют русский язык, устраивают концерты с русскими и украинскими песнями, проводят вечера в Посольстве.

В Замбии и особенно Танзании, многие состоят в ассоциациях соотечественников и устраивают разные мероприятия. В Руанде и Уганде дело обстоит хуже, хотя по данным Н.Л. Крыловой, и в этих странах действуют или оформляются различные женские ассоциации, объединяющие русскоговорящих женщин, постоянно проживающих здесь (Крылова 2010: 32). Люди отмечают, что им важна моральная поддержка со стороны «своих», чувство причастности к своей родине. Многие соотечественники также отметили позитивные сдвиги во взаимоотношениях с Посольством по сравнению с «советскими временами». Особенно важны такие связи для женщин, вышедших замуж за африканцев. Как отмечали другие авторы, эта катего-

рия соотечественников, как правило, напрямую сталкивается с проблемами, вызванными слабым знанием культуры мужа, особенностей культурных, этнолингвистических, конфессиональных традиций места своего нового жительства, вследствие чего является крайне социально незащищенной и часто оказывается в этнокультурном одиночестве (Крылова 2010: 38, 90; Бутовская и др. 2011: 72).

Слабые стороны жизни в Африке, как следует из интервью, состояли в том, что русскоязычные граждане:

1) оказались погруженными в другую, очень отличную от привычной с детства культуру и не все оказались психологически готовыми принять правила поведения нового африканского окружения. *«Я только приехала, а мне уже дали курсы (преподаватель), на которые я не ехала. Часто дают уже во время учебы, а легкие забирают для местных. Так что думаю, я здесь долго не задержусь – не справлюсь...»* (Марина, 46 лет, первый год – в Руанде). Но следует отметить, что не все так категоричны. Так, Наталья (56 лет) из Руанды рассказывала, что ей *«было не сложно адаптироваться в Руанде, потому что здесь не было выраженной африканской специфики. Все ходили в европейских костюмах. Не было выраженных предрассудков, колдовства, клановых традиций»*. Культурная специфика для Натальи не стала преградой и во взаимопонимании между нею и мужем. По возвращении в Руанду из СССР он никак не изменился сам или по отношению к ней. Но необходимо отметить, что довольно быстро она пресекла общение со всеми его родственниками, которые даже подговаривали её мужа бросить её и найти себе жену-руандийку, поскольку долгое время у них не было детей. Но муж не согласился, поскольку они очень друг друга любили, и эта любовь сохранилась до настоящего времени. Она, узнав о происках его родственников, перестала пускать их к себе в дом. Правда, не все смешанные пары смогли сохранить свой брак и принять культурные нормы и традиции своего партнера. О та-

ком «диссонансе», возникающем при столкновении культур много писали другие авторы (Мужчина и женщина 2004; Бутовская и др. 2011: 72). «Они очень уважают своих родителей, даже если те им ничего не дали. Ты не можешь не принять к себе в дом мать мужа, например. Даже если вы не нашли общий язык. Плохо примешь, будет жаловаться. Ей нужно все подносить и присесть на колени при этом. Я такого в своей семье делать не буду. Мне это непонятно. Почему я должна присесть, кланяться?! Я же из другой культуры. А она скажет, что я её не уважаю. У меня у мужа образованные родители, они понимают, что я другая и не требуют от меня этого. Но у многих так из смешанных браков. Я своему мужу объяснила – он меня понимает. Но есть такие мужья... в России они одни, здесь – другие. В своей стране начинают качать свои права. Вот мы с мужем жили 10 лет в России – никаких проблем не было. Сюда приехали... Здесь у всех одни и те же проблемы. Неважно, откуда ты приехал. Мужья начинают русской женщине навязывать, чтобы жила так, как они. Общалась с родственниками. Есть такие русские, которым это нормально. У них принято жить большой семьей. Здесь как – с родителями жить, взять к себе братьев-сестер-племянников. Чтобы была служанка. И со всеми ними надо найти общий язык. Если такая семья – по вашему ничего не будет! У них должен быть свой обед, своя рыба. У нас совершенно другая кухня. Для меня, например, готовили отдельно. Они готовить не умеют, им главное, чтобы поесть...» (25 лет, 2 года – в Замбии, замужем за замбийцем).

Те, кто перед отъездом хоть что-то знал про Африку и интересовался ей, гораздо проще адаптировались к новому окружению и оказались более готовы к предстоящим трудностям. «Я знала, куда еду, много читала. Считала, что если тут много необразованных людей (60% не пишут – не читают), то смогу себя здесь проявить. Мне хотелось узнать новую культуру, выучить новый

язык. И сейчас интересно!!! Хотелось дать что-то новое детям (она – учитель, прим. авт.). Я знала, что здесь будет не очень хорошо» (Анна, 33 года, 8 лет – в Руанде). Многие зависело и от того, что рассказывали мужья-африканцы о стране будущего проживания: «Мне муж говорил – тут в Африке все плохо, жить здесь тяжело. Африка – она только для черных, белым тут очень плохо. Там вода не такая, как здесь, и еда не такая, как здесь. Все там кошмарно. Ну, если ты выживешь, то хорошо, но там все ужасно. Мне казалось – ну что там такого, у нас времена перестройки, чем меня можно было испугать, непонятно. Хоть какая-то еда там должна быть, как-то люди живут. А у нас-то ничего не было, только если где-то что-то перехватишь. Поэтому я, когда приехала, увидела – и вода течет, и солнце светит, травка зеленая. Все нормально. Сразу ко всему этому привыкла и была в полном восторге» (Елена, 38 лет, 14 лет – в Танзании).

Как правило, такие люди сохраняют свой интерес к Африке и по сей день интересуются местной культурой, они наблюдательны. «Частично для меня был шок, но я была готова, что эти люди не такие, как мы. У них свои традиции, я много чего видела. Во-первых, я работала среди местных. Они мне рассказывали. Женщина работала (подносила чай), говорила – не бери, могут отравить. У нас так принято. Давай я тебя удочерю, и не будут тебя травить. Потом я вот так слушала, спрашивала – у какого племени какие традиции. У своего покойного мужа спрашивала – почему так? Рассказывай. Мы часто путешествовали – ему было рассказать интересно. Просто надо уметь спрашивать, смотреть. А если живешь в своей маленькой среде, и ничего тебя не интересует – ты ничего не узнаешь. Как-то колдуны разложили шкуры, я спросила – зачем? А чтобы дождя не было, пока мы тут пируем. Ещё что-то сделали – а это для счастья. Шкура дикого кота или цветты – должно быть у мужчины, зашито, туда кладутся ракушки (каори) и денежки,

женщине нельзя трогать – денег не будет; копья и стрелы, чтобы нечистую силу отгонять. Там петуха черного зарежут, закопают под крыльцо, чтобы бандиты не приходили. Всякие такие вещи...» (Наталья, 61 год, более 30 лет – в Уганде). *«Здесь существует определенная иерархия – даже бедные люди имеют работников (так принято). Это было непривычно, не по себе. С самого начала был мальчик, который обслуживал дом, хотя я удивлялась – ну что мы не можем сами за собой убрать. Здесь такая культура – если ты работаешь, дай возможность заработать другим. Для нас это непонятно, но меня родители с детства учили – нельзя отрицать то, что тебе кажется странным, в том, что ты не знаешь, в чем не разбираешься. Принимай, как есть»* (Анна, 33 года, 8 лет – в Руанде). Многие начинают интересоваться местной культурой в самых разных её проявлениях – местная кухня, одежда, традиции и обычаи. Люди с достатком часто коллекционируют предметы искусства или интерьера, украшая ими свои дома, используют традиционно африканские бытовые вещи в хозяйстве. *«У женщин тут есть, чему поучиться, в плане воспитания детей. Я, например, ношу чтенги (платок, обвязываемый вокруг тела женщины, используется как часть одежды или средство переноски детей; «канга» в танзанийском варианте – прим. авт.) и это мне очень нравится. Я много читала, что если у груди ребенок постоянно, то потом на всю жизнь остается связь с ним. Мой, например, очень хорошо засыпает. И вообще, спокойней: захотел поесть – поел, спать – заснул. И привязан ко мне очень сильно. Тут женщины всегда так – ребенок за спиной, она что-то делает, он все видит. Она песни ему поет. И не плачет. А с коляской я бы дома намучилась»* (Карина, 25 лет, 1 год – в Замбии).

В любом случае, многие до сих пор не могут привыкнуть к особенностям поведения местного населения, часто связанным с невербальной коммуникацией. В частности, во всех странах наши респонденты отмечали назойливость местного населе-

ния как одну из главных раздражающих черт. *«Здесь нереально куда-то выехать – все набегают сразу и смотрят. Нигде нельзя остаться наедине – местные окружают, стоят, отгонять палками приходится»* (Светлана, 50 лет, Ирина, 37 лет, Руанда). *«У них свое чувство красоты. Мы уже привыкли, освоились с местными правилами. Но народ тут меняется в худшую сторону, озлобленные становятся. Когда я ехала сюда – ничего не знала про Африку. У меня был шок уже с аэропорта – продавали любые мелочи: дождевую воду, листья. Сейчас уже привыкли»* (Ирина, 45 лет, 25 лет – в Уганде).

2) испытывали трудности общения, связанные с недостаточным знанием официального языка страны, в которой проживали – английского, французского языка (а также местных языков). *«Нам было очень трудно адаптироваться из-за языка. Тут просто перестают разговаривать, если плохо знаешь. Сейчас я немного местный знаю уганда, в основном чисто медицинские термины по работе»* (Вера, 45 лет, 15 лет – в Уганде). *«Когда к нам приезжают врачи американские – изучать тропические болезни – они шутки понимают. А местные – им надо говорить, где надо смеяться. Разное чувство юмора. Хотя первое время мы жили, как в сказке – в результате языковых нюансов, ничего толком не знали. Казалось, что ни преступлений нет, ничего. Казалось, что все идеально. И жилье все предоставили, все вроде бы такое благоприятствие. А потом вживаешься и видишь – преступность есть, мужья бьют жен и т.д.»* (Екатерина и Олег, 50 лет, 4 года – в Замбии).

3) проблемы с признанием дипломов российского образца, более низкий уровень оплаты труда по сравнению с лицами сходного и более низкого уровня квалификации, но имеющими дипломы западных ВУЗов. *«В бельгийской школе, где я преподаю, мой украинский диплом не признают и меньше платят. Признают только бельгийский, хотя я работаю тут уже 6,5 лет. По квалификации я лучше*

многих преподавателей, но зачем платить большие, если можно меньше. Предлагают перезачитать диплом в Бельгии, но это сложно – нужно туда ехать, собирать кучу документов, которые нужно ещё в Киеве получить и т.д. Да и делают они эквивалент очень долго, да и не факт, что дадут. Сейчас мне здесь платят как учителю после педучилища. В руандийском университете мой диплом признали, но там зарплаты маленькие. Как учитель в бельгийской школе я получаю больше» (Анна, 33 года, 8 лет – в Руанде).

4) непонимание со стороны начальства, стремление загрузить работой по максимуму на фоне отчетливой лени со стороны местных кадров. «Сначала было очень тяжело. Трудностей тут очень много. Непреходящее чувство непрерывного подвига (смеются). Нами здесь затыкают все дырки в учебе, курсы дают любые. Студенты все смотрят в рот, просят помощи, а мы не можем им не помогать. У них даже нет компьютеров, постоянно что-то нужно пробивать. Администрации, преподавателям можно отказать, но не студентам. Работаем 7 дней в неделю» (Екатерина, 43 года, в Руанде – 2 года; Сергей и Елена, 45–47 лет, в Руанде – 3 года). Те из наших соотечественников, кому удалось наладить собственный бизнес в африканских странах, отмечают лень, нежелание и неумение работать как одни из основных качеств местного населения. «У нас на шамбе (ферме – прим. авт.) работает 20 работников, но их все время нужно контролировать. Они поедают все фрукты до того, как они созревают (улыбается). Так что полакомиться нам самим нами же посаженными плодами никак не удастся. Не помогает ни ругань, ни штрафы. Здесь в Африке очень трудно, за всеми работниками нужно следить, сами они ничего не делают или делают не так. Нужен постоянный контроль. В Африке мало возможностей, особенно в Руанде. Бизнес маленький, крупных нет» (Наталья, 56 лет, в Руанде – более 30 лет). «А я за год 22

операции сделал. Причем, что я только не оперирую. Потом подходят – благодарят. Но бывает по-разному. Тут одному пациенту местный врач сделал плохо операцию. Он побоялся писать жалобу на него, написал на меня “на всякий случай” (смеётся). Написал, что я ему недостаточно внимания уделил, а не то, чтобы плохо оперировал. А через месяц у него началась другая проблема из-за операции. А теперь я ему не могу помочь. Он и сейчас приходит. Я ему говорю – я же outside, я теперь не могу тебя оперировать. Давайте открыто разбираться. А потом выяснилось, что это замбийский врач виноват. Госпиталь сразу поменял политику – зачем тут разбирать открыто, medical это или не medical поведение. Я ж ему (пациенту) ничего такого не сказал – просто послал его к тому, кто его оперировал. А я ж под подозрением. Госпиталь думает – что написать в ответ на жалобу больного. Говорят, давай напишем, что друг друга не понимали. Я, говорю, всё он понимал. В итоге написали, что это с воздуха недопонимание возникло. В общем, я сказал, что я буду оперировать, если больной подойдет сам ко мне и попросит, извинится. И напишет, что отзывает жалобу. И что доктора Олега resolve. Он уже сходил к замбийскому урологу, тот ему назначил лекарства на 4 млн, сказал, что у него простата выросла вдруг. А потом, как все вскрылось – что говорить. Я говорю – говорите, как есть: простату ему врач не смог удалить. Я ж ему не буду это говорить. Чуда-то уже не будет» (Екатерина и Олег, 50 лет, 4 года – в Замбии).

5) отсутствие русскоязычной среды общения. «Мы познакомились тут в Посольстве с несколькими женщинами, но мне сложно – у меня нет машины, я езжу на автобусе. А тут расстояния не такие. Да и с ребенком не наездишься. Вот и нахожусь все время в семье мужа» (Карина, 25 лет, 1 год – в Замбии);

6) отсутствие различных бытовых благ, к которым привыкли на родине. «Сейчас я могу точно сказать, что я не представля-

ла, куда еду. Муж, может, и пытался просветить, но наверное, он не понимал, что я хочу узнать. Он говорил – все есть у нас, как у вас здесь в России. Приехали – все есть, но совершенно другие понятия о жизни. Вроде все есть, но это недоступно. Что нам надо, ну вот если есть ребенок – детский сад, парки, общество, такое же, как наши дети. Чтобы ребенок не рос в одиночестве. А здесь ничего подобного нет. Здесь все платное – это, во-первых. У нас в садике оставить можно ребенка – не бояться. Постоянный медицинский осмотр. Будете работать спокойно. Сдали в 8 часов, забрали в 6. Здесь такого вообще не может быть. Здесь все платное и только до 12.30. По европейским стандартам. А платит минимум 300\$ за месяц. Здесь даже если искать – не найдешь других вариантов. А с нянями – ещё хуже: или вынесут пол дома, либо считают, что приходят к вам жить и распоряжаются тут всем» (Инна, 25 лет, 2 года – в Замбии, замужем за замбийцем).

7) невозможность интегрироваться в местное общество. «Когда мы приехали, было тяжело с общением. Мы плохо знали язык. Тяжело и в смысле – не из кого выбирать, с кем общаться. Мало интеллигенции и образованных людей» (Михаил и Ольга, 45–50 лет, 4 года – в Руанде). «На родственные посиделки я не хожу, да и в гости мало. С угандийцами у нас нет общих тем для разговора. Менталитет разный. Они необразованные, нет знаний. Разные люди. Африканцы ленивые, у них все и так хорошо, ничего не планируют на будущее. Есть, конечно, местные нормальные люди по бизнесу, но нет такого общения, как с белыми (русскими)» (Дмитрий, 38 лет, более 6 лет – в Уганде). «С местным населением... если им нужно что-то от тебя, то они будут с тобой дружить. А я... что ты от них можешь получить?! Ничего. Невозможно. Здесь тебя никто защищать не будет. Здесь каждый трайб сам за себя. Все друг друга ненавидят. Очень маленький процент тех, кто может оказать помощь» (Светлана, 35 лет, 15 лет – в Уган-

де). «Мне африканский народ не ясен, особенно женщины, да, особенно их, Россией не понять! Я сделала вывод, что щедрая, открытая душа, только у русских женщин» (Карина, 25 лет, 1 год – в Замбии, замужем за замбийцем).

8) ностальгия по родине и чувство «чуждости» при посещении России. «Мы очень скучаем по родственникам. Ездили в Россию в отпуск, но и там уже не чувствуем себя своими. Одна нога тут, другая – там. Чувствуем, что уже отличаемся от русских там. Мы смотрим русские фильмы и сказки. Глупо терять русский язык, все в жизни пригодится. Дети очень скучают по бабушкам, дачам. Для нас отпуск – это праздник» (Елена и Саша, 30–35 лет, 8 лет – в Руанде). «После перестройки я ездила один раз домой, когда сыну было 4,5 года (там он чуть научился русскому). Родители умерли, общаюсь с сестрами, но нет возможности поехать туда, да и склоки из-за наследства. Возвращаться не к кому. Тут привыкла, а там по-новому привыкать к России» (Ирина, 45 лет, 25 лет – в Уганде). «Я один раз домой уехала навсегда и сбежала оттуда. В Москве мы искали мне работу, но это кошмар – после 35 лет никуда не берут. И все там дорого очень. Зарплаты при этом небольшие. Не могла устроиться. Где моя мать живет – там вообще ничего нету в маленьком городке. Свой бизнес тоже не откроешь – деньги нужны. И такие все неприветливые тут. Я там паспорт получила – так они мне говорят, ты что сюда приехала, чунга-чанга. Сидят взрослые тетки и так говорят. Я там наревелась, сестру корила – куда ты меня привезла, что ты сделала. Я не могу уже там приспособиться. Хотя вроде красивый современный город, а менталитет – все так и осталось. Оскорбляют, эгоистичные, жесткие и жестокие люди. Постоянно сюда звонила девочкам, плакалась» (Мария, 50 лет, 28 лет – в Замбии).

Жизнь в африканских странах таит в себе отчетливые **опасности**, связанные с:

1) нестабильностью политической ситуации в стране (Руанда и Уганда пережи-

ли тяжелые времена, вплоть до геноцида), и те соотечественники, которые оказались невольными свидетелями кровавых событий, часто оказывались жертвами трагической ситуации, о чем вспоминают с горечью и содроганием. *«Мужа убили давно, когда ещё дети маленькие были. В деревне у него земля была, но родственники забрали. Раньше и детей забирали. Но мои дети – все граждане России. Он был не против, тут же все время постреливали»* (Наталя, 61 год, более 30 лет – в Уганде).

2) высокий уровень инфляции в России, обесценивающий собранные накопления (в том случае, когда речь идет о респондентах, планирующих в перспективе вернуться на Родину).

3) большая распространенность различных болезней. *«Здесь много малярии. Здесь вообще микробы в раю – хлеб оставь на пару дней, там же такие гроздья всего вырастут. Среда такая влажная, пыльная, такая температура, как в чашке Петри. Все растет, любая микроба блаженство получает. Комаров меньше стало, когда королева приезжала года два назад, немного траванули, наверное, Дустом (название химиката – прим. авт.), а раньше роились. Сетки используют, но очень жарко под ними. Душно. Есть более благополучные районы на холмах. Кто может, те и лечат. Клиники, госпитали. Иногда народ и сам лечится. Когда знаешь, как это выглядит, пьешь лекарство – не задумываешься. Почувствовал, что начало тебя вертеть, и лучше выпить. Местные к малярии больше адаптированы, а выживаемость лучше. Они в таких условиях растут. Если он не умер в детстве, его колом не убьешь»* (Наталя, 61 год, более 30 лет – в Уганде). *«По приезду у нас был шок – очень много СПИДа (я испугалась), тропические заболевания. Дозы лекарств гораздо больше, чем у нас. Выживают сильнейшие. А лечение зависит от суммы денег»* (Вера, 45 лет, 15 лет – в Уганде).

В зависимости от личных обстоятельств и с учетом позиционирования себя по

трем выше перечисленным факторам, наши респонденты рассматривали для себя следующие дальнейшие перспективы:

1) продление контрактов и дальнейшее пребывание в Африке. *«Мы каждый год продляем наши договоры, но положение все равно неустойчивое. Кризис коснулся и нас. Неизвестно, будем ли работать дальше. Сейчас нет заказов»* (Светлана, 50 лет, Ирина, 37 лет, Руанда).

2) возвращение в Россию. *«Я хотел бы уехать в Россию, но боюсь, что так просто не смогу вписаться обратно, не найду такую хорошую работу. Когда езжу домой – присматриваюсь, но пока ничего достойного. Те, кто хочет вернуться в Россию – у них нет денег, и государственные программы по возвращению очень странные, например переселение в деревни»* (Кирилл, 45 лет, в Руанде – 11 лет). *«У меня в России квартира есть, у детей по квартире (трое). Я в любое время могу уехать. Мне 61 год и мне там работу не найти. Что я там буду делать? Я на лавочке сидеть не привыкла, здесь у меня есть работа. Я хотела много раз, но не получалось. При СССР физически было невозможно, когда развалилось – там дурдом был. Я езжу туда каждый год – маме помогаю, сестре. Дети там. Я построила дом там, но он сгорел, потому я здесь задержалась. Здесь мы снимаем жилье, у нас все там. В любое время мы пакуем чемоданы»* (Наталя, 61 год, более 30 лет – в Уганде).

3) получение российского гражданства для своих детей с последующим их отъездом на обучение в Россию. Большинство наших соотечественников гордятся тем, что они граждане России и переживают за будущее страны. *«Эмигрантом я себя не считаю, скорее временно работающим за границей. На отъезд меня подтолкнул финансовый кризис в России в 1998 г. Обидно, что Россия совсем не представлена в Африке. Тут много перспектив, развивающаяся страна. Китайцы очень активно внедряются, выдавливают конкурентов (американцев и европейцев). Обидно, что Россия в этом не участвует. Студенты*

хотят учиться в Штатах, Европе. Здесь бытует два мнения о России: 1) Старые люди помнят, что Россия – великая держава (за СССР), особенно потому, что многие там учились; 2) Новые: плохо знают о России и не рассматривают её как мировую державу (как США или Китай)» (Кирилл, 45 лет, в Руанде – 11 лет).

Те, кто мечтает послать своего ребенка учиться в Россию, часто сталкиваются с трудностями экономического и социального характера. «Сейчас мало из Уганды учатся в России – образование платное и бьют там. Едут в Малайзию (дешево), Индию. Наших смешанных детей у многих нет денег послать их учиться в Россию» (Наталя, 61 год, более 30 лет – в Уганде). Кроме того, требования, предъявляемые при поступлении в российские ВУЗы к таким детям с российским гражданством (на общих основаниях) для них непреодолимы. «С русскими паспортами вот такая проблема – моего сына нельзя было устроить в университет, тут он окончил английскую школу с оксфордским дипломом. Принесла я им этот сертификат – а они говорят: “Пусть сдает на общих основаниях”. Да, он русский знает, говорит без акцента, я с ним занималась, но пишет с ошибками. Экзамен ему, конечно, не сдать, потому что программы совершенно другие. Вот и пришлось искать альтернативу. Я стала искать, где можно с русским паспортом быть немного иностранцем. В Минске!!! Другая страна, язык тот же, там он пошел на биофак, закончил как иностранец. Ему это было легче. Русский язык он знал довольно хорошо... У меня работают трое с российскими паспортами – дети от смешанных браков. Те, которые с угандийскими паспортами – им проще. Они едут как иностранцы. А те, которые сохранили российский паспорт – ага! Вот вам! Многие женщины, которые сохранили наш паспорт, у них может голубая мечта, чтобы ребенок уехал и там учился, и там может как-то устроился. А получается, что им ещё хуже, чем тем, которые поменяли гражданство. И получается дилемма.

И смешно. А два паспорта – двойное гражданство нельзя по угандийскому закону. Надо смотреть факту в лицо – если прописано нельзя, значит нельзя. В принципе все можно, но зачем? Исхитриться можно, но все равно это выяснится. В Уганде если ты получаешь паспорт, ты должен сдать тот. А если тебя заловят с этим паспортом, когда ты не имеешь на него права? Здесь закон есть. Сначала лучше действовать по закону. А когда уже исхитряешься – это уже второй номер. И что я с ним (2-ым паспортом) буду делать? Что мне это даст? Он что, меня в другой цвет перекрасит? Я как есть белая, так и буду. Детям никакого облегчения. Образование, конечно, да, но почему я должна хитрить? И врать и что-то придумывать...» (Наталя, 61 год, более 30 лет – в Уганде).

Кроме того, большой проблемой стало нарастание расовой нетерпимости в самой России – те, кого родители уже послали учиться в Россию, сталкиваются с проявлениями открытого насилия на расовой почве и вынуждены возвращаться домой, не доучившись. «Младшая моя дочка учится в Рязани на врача, хотя сначала училась в Питере. У меня осталась квартира после родителей в Питере, да и бабушка была рядом. Но от нас до института далеко было ездить, и по дороге начались вот эти расистские эксцессы. Она проучилась там половину года, очень хорошо сдала сессию, но пришлось перевестись в другой город. Один раз на них налетели штук 100 скинхедов (дочка была с двумя друзьями – их было трое), у неё такие волосы пушистые, большие, хотели поджечь волосы, оскорбляли. У неё дня три потом был шок, боялась идти, боялась метро, чтобы не столкнули. Даже парни-танзанийцы говорили, что в метро очень опасно – могут скинуть под рельсы, толкнуть. Поэтому я её перевела... А девочка очень светлая. Она рассказывала – вот едешь в автобусе, люди смотрят – не могут понять, кто она. По цвету очень белая, по чертам лица – непонятно. Когда

не понимают, пытаются заговорить – спрашивают. Если нет акцента – нормально, а если есть – цепляются, мол, что ты сюда приехала. Как-то её в метро обступили... Очень трудно жить в таком напряжении, да и страшно» (Марина, 54 года, 38 лет – в Танзании). Кроме того, как отмечают наши соотечественницы в Замбии, африканцы начинают относиться хуже к русским, проживающим в Африке, бумерангом возвращая им то плохое отношение, которое они почувствовали на себе в России во время учебы.

Необходимо отметить, что в данном ключе нами не раз затрагивалась тема жизни и судьбы **детей от смешанных браков**. Они сталкиваются со своими трудностями в силу своей двойной идентичности. У кого-то возникают проблемы официального характера – какое гражданство давать ребенку, где получать образование; у других возникают трудности с самоопределением – к кому себя относить: к местным или к европейцам. «У многих дети – угандийцы (у кого муж пообеспеченнее), у некоторых – россияне. Некоторые женщины меняют гражданство, если муж обеспечивает. Кого муж донимает, стараются жить отдельно, но обычно вместе под одной крышей, но разными жизнями. Женщины их провинции и без образования – там дети не говорят по-русски, она с ними на ломаном английском, муж подавляет, вот папа – он достиг всего, а мама – низшее – самосознание угандийское. Некоторые уходят в эту среду. Для таких положение здесь лучше, чем в России. Такие дети идут за отцом, женятся на местных. Но тяжело – здесь по традиции, если женился на местной девочке, принес несчастье в дом, в некоторых племенах. Даже есть общества смешанных людей, они стараются между собой, но наши туда не входят. Наши ищут или что-то другое, или с местными. Более светлая кожа привлекает на ночь, но не на серьезные отношения. Могут принять в семью разве что более образованные» (Наталья, 61 год, более 30 лет – в Уганде).

В процессе обучения в местных школах нередко происходят конфликты, хотя многие дети вполне успешно адаптируются. «Ребята подружниц учатся, кто в каких школах. Кто как может. Есть в хороших английских, есть в угандийских обыкновенных. Относятся... мой сын рассказывал, который в обычной учился – папа ему говорит “ты в Уганде, тебя будут на руках носить, это твоя страна”. Пошел он в школу, а ему начали говорить, что “ты белый, езжай в свою Россию, что ты наши мотки (овощ – прим. авт.) ешь”. Донимали-донимали-донимали. Он очень опечалился этим. Лет 10 ему было. Я ему говорю – кто тебя больше всех обзывает, как он называется? Ну, по имени определили, что он с северных трайб. Ты не спорь и не дерись, а то получишь палкой от учителя. Но скажи ему, чтоб он ехал в то место, где его трайб живет и там жил. Он от тебя отстанет. И он пару раз так сказал – они и отстали. Поразному бывает. Некоторые хорошо, у них есть друзья. А есть... дети есть дети. Находят, чем дразнить. У кого очки, это естественно. Потом, конечно, в зубы давал. Так и у девочек тоже. У некоторых дети совершенно как хамелеоны пытаются адаптироваться к ситуации. Но это зависит и от семьи. Если она приехала сюда и видит это за счастье, что она сюда попала, значит, ребенок адаптируется. А если она помнит, что русская, то она с ним говорит по-русски и его старается учить на русском языке, тогда... не складывается» (Наталья, 61 год, более 30 лет – в Уганде). «Дочка учится на английском языке в частной школе. Там всякие есть – китайцы, индусы, местные. Дружит с такими как она – со смешанными. Мои дети чувствуют себя, наверное, русскими. Гражданство у них русское. Сын в Россию хотел учиться, но экзамены... Теперь не знаю. Ему ещё 2 года учиться, у него есть девушка из Голландии, приехала сюда, делала исследование. Вот не знаю куда его – продолжать здесь учиться или отправить куда? Надеюсь, что он здесь не

останется. Он у меня хорошо говорит по-русски. Я в детстве пыталась сказки детям рассказывать, но они не понимают смысла – не были в России. Говорю с ними и по-русски, и по-английски» (Светлана, 35 лет, 15 лет – в Уганде)

Заключение

Полученные в рамках данного проекта результаты позволяют составить портрет наших соотечественников, проживающих в Восточной и Южной Африке, и заключить, что эти люди сумели хорошо адаптироваться в непривычной для них природной и культурной среде. Наши соотечественники характеризуются высоким уровнем активности, устойчивой психикой, толерантностью, настойчивостью и умеют находить выход из сложных ситуаций. Те из соотечественников, кто давно и прочно обосновались в африканских странах (10 и более лет), экономически и социально хорошо устроены, они включены в сеть социальных отношений, имеют друзей среди соотечественников, европейцев и африканцев. Эти люди наблюдательны и активно интересуются местной культурой, хорошо знают культурные традиции местных народов, различают их по этническому признаку.

Женщины, вступившие в брак с африканцами более 10 лет назад и сохранившие эти отношения по настоящее время, испытывают к мужьям уважение и привязанность. Некоторые из них рисковали своей собственной жизнью, спасая мужей и детей в моменты этнических конфликтов и гражданских войн (например, в Руанде и Уганде). Многие мужчины и женщины, давно проживающие в Африке, занимают достаточно высокое социальное положение, имеют собственное дело и хорошо усвоили местные правила ведения бизнеса.

В качестве слабой стороны нашего исследования следует указать на небольшие размеры собранной выборки и на некоторую однобокость. Как уже говорилось выше, в опросах принимали участие только желающие. С высокой долей вероятности

можно полагать, что те, кто оказался неуспешен и чувствовал себя неудачником, не пожелали общаться с нами. С другой стороны, в выборку также не попали женщины, чьи мужья занимали на момент нашего визита в данные страны высокие правительственные посты (являлись министрами или членами парламента). Таким образом, наши данные с определенной долей достоверности отражают социально-экономический и психологический портрет наших соотечественников, которые могут быть отнесены в странах своего постоянного проживания в Африке к среднему классу или несколько выше среднего.

Литература

- Африка 2010 – Африка. Гендерное измерение / Сост. и отв. ред. Н.Л. Крылова и Н.А. Ксенофонтова. М., 2010.
- Бутовская и др. 2011 – Бутовская М.Л., Буркова В.Н., Бутовский Р.О. Социально-психологический портрет россиян и выходцев из стран СНГ в странах Восточной и Южной Африки // Азия и Африка сегодня. 2011. № 8. С. 68–72.
- Гендер и власть 2008 – Гендер и власть. Семья, общество, государство. М.: Ин-т Африки РАН, 2008.
- Гендерные исследования в африканистике 2000 – Гендерные исследования в африканистике. М.: Ин-т Африки РАН, 2000.
- Крылова 1996 – Крылова Н.Л. Русские женщины в Африке. Проблемы адаптации. М.: РОССПЭН, 1996.
- Крылова 2006 – Крылова Н.Л. Афро-россияне: брак, семья, судьба. М.: РОССПЭН, 2006.
- Крылова 2010 – Крылова Н.Л. Россиянки в Африке: пути вхождения в новый культурный мир // Африка. Гендерное измерение / Сост. и отв. ред. Н.Л. Крылова и Н.А. Ксенофонтова. М., 2010. С. 85–96.
- Крылова 2010а – Крылова Н.Л. Международные связи группы гендерных исследований. Полевые изыскания // Африка. Гендерное измерение / Сост. и отв. ред. Н.Л. Крылова, Н.А. Ксенофонтова. М., 2010. С. 27–42.
- Крылова, Прожогина 2007 – Крылова Н.Л., Прожогина С.В. Женщина и Чужбина. М.: Ин-т Африки РАН, 2007.
- Львова, Крылова 2010 – Львова Э.С., Крылова Н.Л. «Русские» жены в Танзании. Год

- 2003 // Африка. Гендерное измерение / Сост. и отв. ред. Н.Л. Крылова и Н.А. Ксе-нофонтова. М., 2010. С. 258–269.
- Мужчина и женщина 2004 – Мужчина и женщина. Книга 1. Диалог или соперничество? М.: Ин-т Африки РАН, 2004.
- Prunier 1995 – Prunier G. The Rwanda Crisis, History of a Genocide. New York: Columbia University Press, 1995.
- Eltringham 2004 – Eltringham N. Accounting for horror: post-genocide debates in Rwanda. London, Sterling, Va.: Pluto Press, 2004.
- Melvorn 2004 – Melvorn L. Conspiracy to murder: the Rwanda genocide. London, New York: Verso, 2004.
- Uganda's oil rush: Derricks in the darkness // The Economist, August 6th 2009, retrieved August 10th 2009 / [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.economist.com/node/14177583>

The World Bank, Rwanda, 2010 – <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/COUNTRIES/AFRICAEXT/RWANDAEXTN/0,,menuPK:368660~pagePK:141159~piPK:141110~theSitePK:368651,00.html>

The World Bank, Uganda, 2010 – <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ug.html>

WEOD, Rwanda // Gross domestic product based on purchasing-power-parity (PPP) per capita GDP, Rwanda, 2010. World Economic Outlook Database, 2010 // International Monetary Fund, 2010 – <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/01/weodata/weorept.aspx?sy=2007&ey=2010&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=714&s=NGDPD%2CNGDPDPC%2CPPPGDP%2CPPPPC%2CLP&grp=0&a=&pr.x=34&pr.y=2>

WEOD, Tanzania // Gross domestic product based on purchasing-power-parity (PPP) per capita GDP, Tanzania, 2010. World Economic Outlook Database, 2010 // International Monetary Fund, 2010 – <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/01/weodata/weorept.aspx?sy=2008&ey=2015&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=738%2C754&s=PPPPC%2CLP&grp=0&a=&pr1.x=49&pr1.y=9>

WEOD, Uganda // Gross domestic product based on purchasing-power-parity (PPP) per capita GDP, Uganda, 2010. World Economic Outlook Database, 2010 // International Monetary Fund, 2010 – <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/01/weodata/weorept.aspx?sy=2008&ey=2015&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=746&s=PPPPC&grp=0&a=&pr.x=56&pr.y=13>

WEOD, Zambia // Gross domestic product based on purchasing-power-parity (PPP) per capita GDP, Zambia, 2010. World Economic Outlook Database, 2010 // International Monetary Fund, 2010 – <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2010/01/weodata/weorept.aspx?sy=2008&ey=2015&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=738%2C754&s=PPPPC%2CLP&grp=0&a=&pr1.x=49&pr1.y=9>

Интернет-источники

- Development Indicators Unit*. Population below national poverty line, total, percentage // Development Indicators Unit, Statistics Division, United Nations. Retrieved 2007-10-30 – <http://mdgs.un.org/unsd/mdg/SeriesDetail.aspx?srid=581&crid=894>
- Economy of Rwanda*, 2010 // Wikipedia – http://en.wikipedia.org/wiki/History_of_Rwanda
- Economy of Tanzania*, 2010 // Wikipedia – <http://en.wikipedia.org/wiki/Tanzania>
- Economy of Tanzania. History*, 2010 // Wikipedia – http://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Tanzania
- Economy of Uganda*, 2010 // Wikipedia – http://en.wikipedia.org/wiki/Uganda#cite_note-oilrush-21
- Economy of Zambia*, 2010 // Wikipedia – http://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Zambia
- History of Tanzania*, 2010 // Wikipedia – http://en.wikipedia.org/wiki/History_of_Tanzania
- History of Uganda*, 2010 // Wikipedia – http://en.wikipedia.org/wiki/History_of_Uganda
- History of Zambia*, 2010 // Wikipedia – http://en.wikipedia.org/wiki/History_of_Zambia
- Lord's Resistance Army*, 2010 // Wikipedia – http://en.wikipedia.org/wiki/Lord%27s_Resistance_Army
- Politics of Zambia*, 2010 // Wikipedia – http://en.wikipedia.org/wiki/Politics_of_Zambia
- Projects and Programs. Tanzania* // The World Bank, 2010 – <http://web.worldbank.org/external/default/main?menuPK=287367&pagePK=141155&piPK=141124&theSitePK=258799>

Глава 17

Практика и формы презентации этнической самоидентификации русских жён в Будапеште

Цель и метод исследования, выбор участников интервью

Цель моего исследования – повседневная жизнь и бытовая культура проживающих в Венгрии русских по национальности или русскоговорящих женщин, отраженная в зеркале их биографий. Я искала ответ на вопрос, насколько этим женщинам удалось интегрироваться в Венгрии, насколько сохранилась их «русскость» на уровне взглядов на жизнь, вещей, привычек и образа жизни, как проявляется и проявляется ли вообще в повседневной жизни их этническая принадлежность. Я считала важным зафиксировать также, как выражается их «русскость», их способность и желание адаптироваться в их жилище, какими вещами они себя окружают и какое значение имеют эти предметы. «Русскость», само собой, – всего лишь некая конструкция, не являющаяся неизменной, единой для всех основой. Поэтому я анализировала, каким образом в ситуации миграции складываются индивидуальные этнические конструкции. Это необходимое уточнение к постановке вопроса исследования.

Большинство опрошенных – русские по национальности, однако среди них есть также русскоговорящие люди других национальностей, которые приехали в Венгрию из бывшего Советского Союза или стран СНГ. В Венгрии они считают себя русскими, обстановка их жилища очень часто отражает русскую этничность, и только при более подробных расспросах выясняются их происхождение и национальность.

Можно заметить, что большинство выбранных индивидов – женщины. Это неслучайно и отражает действительное соотношение полов среди мигрантов, прибывших с бывшей советской территории. В настоящее время среди русских мигран-

тов также больше женщин, чем мужчин. Например, в Италии процент русских мигрантов женского пола – 80,9, и для каждой бывшей советской республики это число остается на уровне приблизительно восьмидесяти процентов (Перотто 2010: 85). В Венгрии подобная оценка не осуществлялась.

К целевой группе я отнесла тех женщин, которые легально пребывают в Венгрии в течение, по крайней мере, одного года. Одна их часть – экономически активна, другая – пассивна (например, безработные, домохозяйки).

Учитывая, что с течением времени этнические ценности трансформируются, а образцы идентичности зависят от культурной среды, родительских моделей, традиций конкретного общества или сообщества, конкретных способов проявления этих традиций, а также привычек и системы ценностей, в своей работе я стремилась максимально достоверно зафиксировать и интерпретировать проявления идентичности фигурантов исследования.

Две основные группы русских женщин

Пятнадцать русских или русскоязычных женщин, опрошенных в ходе исследования, можно поделить на две группы в зависимости от того, когда они оказались в нашей стране: в первую группу входят те, кто прибыл в социалистическую Венгрию, во вторую группу – те, кто приехал к нам после перестройки.

В социалистический период, т.е. с 1949 по 1989 гг. между нашими странами происходил интенсивный обмен студентами, специалистами и рабочими. В этот период, вероятно, самой распространенной категорией мигрантов были русские жены, т.е. те русские женщины, которые прибыли в нашу страну в результате замужества. Их

истории любви рождались в университетах, во время длительных командировок, в комсомольских походах. Эти женщины приехали из такого государства, которое – что следует также из их рассказов – не только не поощряло, но и противостояло бракам с иностранцами, считая покинувших родину женщин врагами и предателями. Их решение в этом свете говорит о душевной силе и непоколебимой уверенности.

Одним из мотивов их замужества, помимо чувств к избранникам, в социалистические времена было также то, что попасть из такой закрытой страны, как Советский Союз, в более свободный, предлагающий лучшие условия жизни мир, можно было только путем брака с иностранцем. Многие из них приняли венгерское гражданство потому, что с венгерским паспортом было проще выезжать за границу. Тем более, что во времена Советского Союза не было двойного гражданства.

Характерно, что они приехали к нам молодыми, после окончания университета или средней школы. Некоторые быстро освоились в новой стране, смогли успешно конвертировать полученное образование, другие – особенно прибывшие в период перестройки или немного позже – уже значительно сложнее решали вопрос с работой.

Вторую исследуемую мной группу составляют женщины, приехавшие в Венгрию после смены политического режима, прежде всего в конце 1990-х или в 2000-х годах. Очевидно, что Венгрия не часто является целевой страной для русских мигрантов. Более состоятельные русские едут дальше, в Западную Европу, Венгрия является в лучшем случае транзитной страной. Среди европейских стран русские мигранты предпочитают, в первую очередь, Германию, Австрию, Великобританию, Италию, Францию, Швецию, Чехию.

Посмотрим, по какой причине выбрали Венгрию переселившиеся сюда в последние десятилетия русские мигранты. Один из основных мотивов переезда из России и сегодня имеет политический характер: не-

согласие с существующим в ней режимом и общественной ситуацией. Эти люди, главным образом, интеллигенты, разочаровавшись в российской политической ситуации, ищут более демократическую страну, чем Россия.

При принятии решения не последнее место занимает вопрос, что может позволить себе в финансовом плане потенциальный эмигрант. При выборе Венгрии принципиальную роль играли экономические мотивы, дешевизна, для некоторых имело значение также наличие здесь кого-то, кто мог помочь на первом этапе миграции. В целом можно сказать, что Венгрия привлекает не слишком состоятельных русских, которые хотели бы жить в относительно благоденствии при меньших расходах. Это прослеживается в отношении всех участников интервью, переселившихся в Венгрию не в целях создания семьи. Каждый опрошенный сообщил, что одна из наиболее привлекательных черт Венгрии – дешевизна. Дешевы не только недвижимость, но и проживание. Повседневные расходы здесь существенно ниже, чем в Москве или других больших российских городах.

Мигранты данной категории зачастую работают удаленно, их работа и доход привязаны к Москве, несмотря на то, что их место жительства – Будапешт. Это такие мигранты, которые заявляют, что хотят приспособиться к новой среде, но в действительности едва ли предпринимают активные действия в этом направлении. Знают языки, довольно свободно говорят по-английски. По мнению американского слависта Rancour-Lafertier, они находятся в переходном состоянии между русскостью и русскоязычностью (Perotto 2010: 85).

В ходе моих исследований выяснилось, что большое число переездов после 1990-х годов, как и перед перестройкой, происходит по семейным обстоятельствам (например, брак или работа мужа). Экономическая мотивация существенно ниже, в этом случае переезд происходит, только если у людей есть гарантированное рабочее место.

В отличие от мигрантов социалистического периода, для нынешних русских мигрантов характерны разобщенность и индивидуализм, и не только из-за их немногочисленности, т.е. невозможности добиться языковой привилегии или особого социально-экономического статуса, но также потому, что связи с родиной и со знакомыми в наши дни можно поддерживать через Интернет, Facebook, Skype и другие подобные ресурсы. Современные русские мигранты не только у нас, но и в других странах мира редко организуют сообщества (Perotto 2010: 84). Характерно, что русскоязычные переселенцы не слишком активно принимают участие в мероприятиях, организованных посольством или культурным центром, что также свидетельствует об их негативном отношении к власти.

И среди тех русских женщин, кто проживает в Венгрии десятилетиями, и среди тех, кто входит во вторую группу, большое количество имеет хорошее образование, точнее, каждая из опрошенных закончила вуз. Однако при оценке своего социально-экономического положения они не придают этому обстоятельству существенного значения: как в Венгрии, так и в России одна из характерных черт постсоциалистического периода – переоценка системы ценностей и низведение таких ранее существовавших преимуществ, как уровень образования или профессиональный статус. Подобная самооценка выявляет такие проблемы мигрантов, как чрезмерная образованность, опыт вытеснения с рынка рабочей силы или то обстоятельство, что часто, несмотря на наличие дипломов, они не могут найти работу по специальности.

Помимо политических мотивов, большинство недавно прибывших женщин, как и в период до перестройки, переехали к нам в связи с выходом замуж. В некоторых случаях миграция такого типа является реакцией на проблему российского брачного рынка¹.

При сравнении двух групп выясняется, что в самопрезентации женщин обеих групп присутствуют одинаковые черты. Рассматривая способ переселения, создается впечатление, что семейная миграция – наиболее сильный, закрепившийся образец в обеих группах. Большая часть женщин-мигрантов попадает в венгерское общество путем замужества. Это изначально указывает на то, что их биография в перспективе складывается вокруг такого статуса, при котором они обычно зависят от кого-то другого или являются членами семейной общности. У большинства женщин, реконструировавших историю своей миграции, самая важная нарративная схема в той или иной форме всегда связана с их гендерной ролью и семейным положением. Как давно, так и недавно эмигрировавшим русским женщинам свойственно говорить о своем переезде через упоминание оставленной или созданной в процессе миграции семьи (Melegh, Kovács 2009: 194). Среди опрошенных преобладает смешанный брак: муж – венгр, жена – русская.

Различные формы презентации идентичности

Исследуя, что осталось от «русскости» у опрошенных женщин, я задала нескольким из них вопрос, почему они чувствуют себя русскими в новой, изменившейся обстановке. Наиболее частые ответы: из-за языка, культуры, ментальности. Большую ценность для опрошенных представляют культура и ментальность, наиболее важные составляющие которых – русский язык, сохранение традиций и обычаев.

Как для женщин, переселившихся сюда во времена социализма, так и в более поздние годы характерно, что они не говорят по-венгерски или говорят совсем немного. Читают, смотрят ТВ или фильмы на русском языке, с членами семьи также общаются на русском, даже если для работы используют венгерский язык.

¹ Как в Советском Союзе, так и в современной России женщин больше, чем мужчин. Желаящие

выйти замуж одинокие женщины вынуждены искать мужей в других регионах или странах.

Предмет данной работы составляет, в первую очередь, материальная культура опрошенных женщин, вещи-символы или вещи, отражающие черты русскости, поэтому мы лишь слегка коснемся взглядов на жизнь, обычаев и образа жизни.

Существуют обычаи (например, чаепитие или песенная традиция), которые живущие в Венгрии женщины сохранили в качестве важных ритуалов на семейных и общественных мероприятиях.

Многие говорили об этом, и я сама испытала во время интервью, что чаепитие – это особая форма общения и подразумевает нечто иное, чем когда венгр предлагает гостю кофе. Венгры в этом случае действительно подразумевают только кофе и ставят перед гостем кофейную чашку. Если же русский человек предлагает чай, это подразумевает, что он будет угощать не только чаем, но и пирожными, конфетами¹, вареньем и много чем еще. Если кто-то действительно предлагает один лишь чай, этим он обижает гостя.

По мнению некоторых, один из элементов ментальности русских в том, что в компании они с удовольствием поют русский шансон и народные песни. Большинство дружеских компаний – русские или русскоязычные, в таких компаниях люди чувствуют себя свободнее.

Кроме того очевидного мотива, что в компании, где нет языкового барьера и схож менталитет участников, люди чувствуют себя лучше, при предпочтении русской компании часто на передний план выступает разница в мировоззрении двух народов. Несмотря на то, что среди русских существует представление, что венгры – открытые, дружелюбные, веселые люди, живущие в Венгрии женщины традиционно объясняют выбор русской компании тем, что с венграми сложно завести дружбу, т.к. здешние люди гораздо более закрытые, особенно женщины. Вероятно, представление о веселых и друже-

любных венграх – это привезенный с родины стереотип, корни которого произрастают из времен «гуляш-коммунизма» (*«венгерский социализм» времен Яноша Кадара – прим. ред.*). Более близкое знакомство и общение с венграми омрачает картину, меняя взгляды, с которыми они приехали в Венгрию.

Поддержание связей с Россией

Большинство опрошенных женщин, естественно, не оборвали связи с родиной и стремятся их поддерживать. Недавние мигранты, в отличие от тех, кто живет в Венгрии несколько десятилетий, посещают родину несколько раз в год. С течением времени они все реже ездят на родину, иногда с перерывом в несколько лет. Те, кто живут в нашей стране не более пары лет, ездят на родину не только чаще, но и на более длительный период, т.к. еще довольно сильно привязаны к прежнему дому и родной земле.

Как новым, так и старым мигрантам очень свойственно интересоваться, что происходит в России, каковы актуальные новости и нынешняя российская действительность. Они читают книги, газеты, следят за новостями, смотрят российские телепередачи, фильмы на русском языке, сидят в Интернете, говорят по скайпу с русскими родственниками и друзьями. Все это защищает их от изоляции, от которой страдали раньше русские мигранты. Чтение на русском языке и русскоязычные развлечения, сохранение культурных связей – первичная потребность, незаменимая часть жизни русской интеллигенции.

Непубличные признаки этничности: использование вещей во внутреннем пространстве

Посредством знакомства с вещами мы можем не только лучше узнать культуру и образ жизни общества, народа или этноса, но и проследить изменения в жизни конкретных людей, их систему связей.

Дом – это и непосредственное пространство частной сферы и повседневной

¹ Русские конфеты, в отличие от венгерских *bonbonok*, упакованы поштучно.

жизни, ее постоянного воспроизводства, это и рабочее пространство, пространство поддержания социальных связей и отдыха. Его обстановка тесным образом связана с индивидом, его образом жизни и определяющими его на более глубоком уровне социальными условиями. Предметы обстановки также являются культурными образцами, отражают культурный уровень их пользователя, цивилизационные и экономические стандарты, а также являются качественными, репрезентационными элементами социального статуса семьи. Иными словами, предметная обстановка, в которой человек живет, – не просто некое количество приобретенных в разное время вещей, но и зеркало скрытого в них восприятия жизни и особенностей мышления. В конечном итоге, идентичность – это мозаика ставших частью внутреннего мира предметов (Kovács–Vajda 2002: 23).

Исследование социальной значимости внутреннего пространства существенно потому, что оно выполняет важную функцию стабилизатора идентичности и самоопределения. Значимость внутреннего пространства повышается, оно функционирует в качестве одного из способов закрепления культурной инаковости. Поэтому во время исследования я считала необходимым зафиксировать, как отражается русскость исследуемых женщин, их готовность и желание интегрироваться в их домах, какими вещами они себя окружают и какое придают им значение.

Как у любых мигрантов, у русских также есть «гостиная» и «спальня», внешнее и внутреннее лицо, культура. Дом – это внутреннее пространство, где люди могут быть личностями, индивидуумами. Здесь они окружают себя такими предметами, среди которых хорошо себя чувствуют, которые отражают их индивидуальность, систему ценностей, этническую принадлежность, а также степень адаптации. Эти предметы демонстрируют не только, какую культуру представляет их хозяин, но, как я заметила, и то, что этот человек принадлежит двум нациям. Я в первую очередь подробнее хочу погово-

рить о домашних вещах, определяющих принадлежность к русскому этносу. Находящиеся дома предметы из России, с одной стороны, будят воспоминания об оставленной стране; среди них предметы ностальгии, памятные вещи, напоминающие о детстве, молодости, семье, друзьях, местах, фотографии или вещи, имеющие значение только для их хозяина. С другой стороны, можно найти предметы, связанные с менталитетом, языком, религией, обычаями. Я хотела бы привести несколько примеров.

Предметы ностальгии

В своей работе я исследую мир вещей конкретного этнического сообщества, делаю попытку проследить жизненный путь этих вещей и посредством интервью установить их место в жизни их обладателей. Исследование также предполагает анализ отдельных предметов и групп вещей, в том числе в окружающей их обстановке.

Во время исследования предметов ностальгии нам зачастую представляется способ застать аутентичную атмосферу, настроение и обстановку, что может быть недоступно при использовании других средств. В этом случае субъективность, применение метода непосредственного наблюдения – действительно важная составляющая «прощупывания» идентичности. Личный контакт, установившийся при сборе устной информации, помогает открыть другие невидимые взаимосвязи.

К вещам ностальгического значения я отношу традиционно русские предметы обстановки, мебель, различный декор, посуду, которые в России уже в течение многих лет не используют в повседневном обиходе, они существуют как реликвии ушедших времен. Эти объекты наглядно демонстрируют взгляды на жизнь своих хозяев, их социально-экономическое происхождение, отношение к вещам, людям и окружающей среде. В эту предметную категорию входят, в том числе, национальные символы, среди которых есть первичные, например, государственный флаг,

ленточки и украшения в цвет флага или разные вещи, бокалы с государственным гербом, а также вторичные символы, например, предметы, в течение веков относимые исключительно к русской культуре: самовары, матрёшки в национальных костюмах, предметы народного искусства. С первыми, т.е. с первичными символами (герб и т.п.) я встречалась, главным образом, в официальных местах, а с последними – скорее, при общении с частными лицами. Вещи ностальгического характера я часто наблюдала в домах русских или русскоязычных женщин, покинувших родину несколько десятилетий назад. В доме практически каждой из них можно найти предметы декора с хохломской росписью, разных размеров иконы, не используемые в религиозных целях, самовар или русский фарфор. Эти предметы символизируют родину, тоску по ней и ностальгию.

Елена О., 52-х летний экскурсовод, которая живет в Венгрии с 1987 г., так охарактеризовала свой дом: «Наша посуда – хохломская, и гжельский фарфор, все русское, как будто на родине живем. Я этим каждый день пользуюсь. Гжель есть практически в каждой русской семье. У всех дома есть какой-нибудь уголок с этим фарфором, чайным сервизом. Еще у меня есть деревянная посуда, матрёшки, расписанные лакированные подносы, которые можно купить на Арбате. У меня дома тоже все это есть, это в основном декоративные предметы. Каждый день я пользуюсь только гжельским фарфором».

Такие же большие подносы с ярким цветочным рисунком есть и в доме 84-летней учительницы русского языка Розалии Н., которая живет в Венгрии с 1954 г. Цитирую её дочь Анну: «Мама привозила много русских подносов с узорами, они до сих пор есть, очень красивые. Чаще привозила такие, у которых яркий узор на черном фоне. Есть такой поднос, деревянные стаканы, солонка и ложки. Мама раньше очень любила такую деревянную посуду. До сих пор пользуется теми русскими деревянными ложками, солонкой, которые в

то время привезла из дома. [...] Эта посуда сейчас находится частично у меня, у моего брата и у мамы».

По моим наблюдениям, ценность и престиж русских предметов ностальгии растет в том случае, если женщина по какой-то причине (развод, смерть) осталась одна, без поддержки в чужеродной среде, и в окружении знакомых, привычных русских вещей, она чувствует себя в большей безопасности, не так сильно тоскует, эти вещи поддерживают и утешают ее при столкновении с холодностью внешнего мира. Такой случай – мать Шандора Б., которая живет в нашей стране с 1950-х годов. Её сын, хоть и провел детство в Москве, в русской культурной среде, на уровне вещей едва ли проявляет свое русское происхождение. Его мать, напротив, уже шестьдесят лет живет в Венгрии в окружении русских вещей и книг. «У меня дома есть фарфор из Москвы, которым я до сих пор постоянно пользуюсь. Еще, например, турка, в которой я почти каждое утро варю кофе, она из Санкт-Петербурга. [...] Есть дома подстаканник, им редко пользуюсь, и такой стакан к нему, который в поезде обычно дают. [...] У мамы куча таких вещей, она обычно говорит: ну-ка, посмотрите, из чего сейчас кофе будете пить, и достает такой фарфоровый сервиз, каких и в музее не бывает. У нее такие исторические вещи есть, а у меня только сувениры из Москвы. Такого, что я действительно берегу, очень мало, у мамы гораздо больше».

Эта домашняя утварь сама по себе очень информативна. Главным образом потому, что служит чем-то вроде маркировки: дает сведения о месте ее изготовления (Россия), времени (советский период) и об отношении к ней ее владельца. В то время как двадцати-тридцатилетние русские молодые люди с улыбкой смотрят на эти предметы и такие вещи у себя дома не держат, участники опроса относятся к ним с большим уважением как к предметам, напоминающим оставленный дом и ушедшую молодость, с удовольствием пользуются ими и рассматривают их.

С излишним количеством предметов декора я встретила только в одной квартире. Подобное скопление «бесполезных вещей» и чрезмерных декораций может восприниматься как намерение хозяина таким образом выразить общую неудовлетворенность и социальное напряжение (Szojka 2013: 111). Обстановка дома выполняет, в некотором роде, защитную функцию в жизни его хозяина. В нашем случае изменения в жизни женщины, связанные с эмиграцией, осложнились также конфликтами в личной жизни. Нина Т., 61-летняя учительница рисования, художница, живет в Венгрии с 1989 г. Через пару лет она развелась с венгерским мужем и с тех пор живет вдвоем с дочерью. В профессии также не получилось реализоваться. «Меня дважды уволили, хотя я хороший методист и работала с большой самоотдачей. Не оценили ни мой опыт, ни педагогические способности, ни мое сердце, ни мою душу, ни мои знания, которые я хотела передать. [...] Я чувствую себя здесь гостьей, мне не удалось пустить корни в этой стране. Но и в России я тоже – не дома». Все комнаты в ее квартире наполнены вещами из России. На стенах прихожей – расписные деревянные разделочные доски, на кухне – подносы с цветочным орнаментом на черном фоне, русский чай и чайные сервизы, в спальне – иконы и семейные фотографии, в гостиной – самовары, матрешки, гжельский фарфор, лакированная посуда, груда ложек. Полки сервантов заставлены этими же и похожими вещами. Наряду с предметами ностальгии, в пространстве господствуют написанные женщиной картины, мотивы которых связаны исключительно с родной землей. По ее словам, несмотря на прожитые здесь двадцать пять лет, она чувствует себя в Венгрии чужой, эта страна не стала ее домом. Живет не здесь и не там. На мой вопрос, почему она обставила квартиру таким образом, женщина ответила: «Еще в студенческие годы я начала покупать предметы русского народного искусства, которое мне всегда очень нрави-

лось. [...] Большинство из них я купила в Москве, но некоторые в Загорске или в других местах во время своих поездок, если видела что-то, что мне нравится. [...] В этой квартире я чувствую, что Россия здесь вместе со мной. Душа России в этом народном искусстве, которое я собрала». Дом как частное пространство, вместе с его охраняющими прошлое вещами – это такое место, которое гарантирует его хозяину безопасность, позволяет в полной мере быть собой, уединившись в сконструированном, более привлекательном мире.

Символические предметы

Я была и в таких домах, где присутствуют в большинстве своем символические предметы, ценность которых – не их декоративность или специфические русские черты, а скрытые в них смыслы. Это неотъемлемые элементы мироустройства их хозяев, существующие для них не только на физическом, но и семиотическом уровне. Помимо материального присутствия в пространстве, это вещи образуют семиотические связи в жизни их владельцев. Эти объекты в своих отношениях уже не просто материальные (размещенные в пространстве или заполняющие его) вещи, но и комплексная система связей между знаками, предметами и интерпретаторами, в которой (семиотический) объект и интерпретатор фигурируют в качестве абстракций (Wilhelm 2012: 6).

Среди символических предметов были вещи, напоминающие некое место, жизненную ситуацию, пережитые эмоции, вещи, которые вряд ли что-то говорят посторонним, как, например, чашка, старый осколок черепицы, найденный во время отдыха на море фрагмент древней вазы или типографские клише, с которыми человек работал еще в России. Эти предметы зачастую не несут эстетическую функцию, но способны собирать воедино разные составляющие: действующих лиц, места и события. Они структурируют пространство, придавая значение отдельным эле-

ментам (Sziĵárto 2007: 32). Эти объекты одновременно присутствуют как конкретные, единичные, индивидуальные вещи и как семиотические сущности, указывающие на нечто всеобщее или иное, на (возможное) использование, контекст и т.п.

Дизайнер Максим Г. и культуролог Анна Ч. живут в Будапеште с 2011 г. В их квартире много подобных предметов, хотя, по словам мужа, он привязан к друзьям, к приятным ему людям, а не к вещам. «Из материальных предметов мы привезли в Венгрию в основном то, что связано с работой, половина нашего багажа – материалы наших последних проектов. У меня полно безделушек, которые играют важную роль в нашем хозяйстве. Например, простой, без всякого рисунка бабушкин кувшин. Он стоит в мастерской, в нем очень удобно хранить кисти. Везде вожу его с собой, с одной стороны, потому что он достался мне от бабушки, с другой стороны, без него кисти постоянно везде разбросаны. Я его вместе с кистями обычно заворачиваю в какую-нибудь тряпку и так перевожу. Потом разверну и сразу могу работать. Пробежал мысленно – таких мелочей у меня полно. [...] Эта подставка для амфоры нашлась во время раскопок, вероятно, море выбросило ее на берег. Ей может быть около полутора тысяч лет. Она была почти в человеческий рост, и это все, что от нее осталось. [...] Корабли и море – моя давняя детская любовь, они символизировали свободу, независимость, ничем не связанную жизнь, поэтому я привез с собой этот фрагмент амфоры. [...] Этот осколок черепицы на стене – подарок моего друга Саши, дизайнера, он нашел его в окрестностях Новороссийска, где-то в Геленджике, в руинах старого дома. Он знал, что моя мечта – иметь свой дом, и когда делал мне подарок, пожелал, чтобы эта мечта сбылась. Это первый фрагмент будущей крыши. Ну и вот, здесь, в Будапеште, моя мечта сбылась. У меня есть дом, но так как на его крыше уже есть черепица, этот осколок украшает стену в моей комнате».

Довольно много вещей в их доме, помимо практической пользы (или вообще ее не подразумевая) в первую очередь выполняют символическую функцию. Собственно, они присутствуют потому, что олицетворяют нечто: пережитые эмоции, дружбу, некую идею.

Эти объекты, не входящие в круг повседневно используемых вещей, воспринимаются в качестве общностей, элементы которых определяет созданный их владельцами ментальный контекст. Он объединяет независимые друг от друга группы (Vaudrillard 1987: 102). В то же время такие будничные вещи, как, например, кисти, кровельная черепица или керамическая кружка одновременно могут относиться к разным категориям, и, следовательно, их функции, значение и отношение к ним определяют, какую роль они играют в общественной деятельности и культурной репрезентации. У вещи, как у луковицы, есть несколько слоев: от внешнего, т.е. ее материальной природы, до самого внутреннего, т.е. конкретного, индивидуально-го бытия. Предметы культуры, таким образом, – это одновременно вещи, инструменты, знаки и символы (Wilhelm 2012).

Фотографии, фотоальбомы

В системе вещь–человек–среда важное место занимают находящиеся в доме фотографии, напоминающие прошлое, семью, разные события. Их можно увидеть в рамке на стене, на полке, на письменном столе, они хранятся также в фотоальбомах и в папках на компьютере. Фотографии несут информацию, тесно связанную с индивидуальной судьбой. Посредством фотографий можно контролировать, подтверждать и уточнять личные воспоминания. С одной стороны, исследование визуальной культуры важно в связи с тем, что человеческая деятельность осуществляется среди предметов, их посредством, а с другой стороны – в связи с тем, что особенности нашей материальной культуры красноречиво говорят и о визуальной культуре. Общая психологическая черта

людей в том, что они пытаются визуализировать чувства и мысли, т.к.: «Визуальная информация, как и другие невербальные способы коммуникации, способна донести до нас непосредственный, личный характер впечатления, который невозможно или можно только в ограниченном объеме передать словами» (Gyebnár 1994: 225). Фотография – с технической точки зрения, объективная, реалистичная, документальная фиксация материальных объектов окружающего мира и в то же время личная документация, имеющая важное культурное значение. Наибольшая часть фотографий человека – его семейные фотографии, которые являются способом репрезентации личной истории жизни.

Ценность идеальной фотографии не только в демонстрации момента из жизни, но и в выражении наших идеалов и верований, т.е. культурных предпочтений (Gönczö é. n.: 3) При фотографировании большое значение имеет селекция, т.е. любая фотография проходит через некие фильтры. Настраивая объектив, мы решаем, что именно мы хотим или не хотим показать другим и что хотим запомнить из данной ситуации.

В первую очередь меня интересовало, какие темы присущи фотографиям участников исследования, по какому случаю эти фотографии сделаны. В обеих группах присутствуют в основном фотографии, служащие самопрезентации, напоминающие важные для них события, места и людей. Меня интересовало также, что они делают с фотографиями, где и как хранят их.

Размещение и хранение фотографий сообщает, насколько снимок важен для его владельца. Чем заметнее место, куда помещена фотография, тем более она важна. Я часто видела фотографии над кроватью или телевизором, на полках перед книгами, помещенные в одно место. В последнее время эти важные свидетельства биографии можно найти не только в альбомах или на стенах, но и в компьютерных папках.

Важный момент по категоризации фотографий – являются ли они исключительно

но частными или их можно выставить на обозрение. Последние необходимо рассмотреть отдельно от тех, которые предназначены для частного просмотра – из них я мало что видела.

Выставленные на обозрение фотографии демонстрируют социальный статус и сделаны, например, во время путешествий, или сообщают о семейном положении, т.к. на этих снимках присутствуют дети, внуки, либо это общие семейные фотографии, на которых запечатлены все важные люди. Предназначенные для публичного просмотра фотографии всегда демонстрируют индивида с наиболее выигрышной стороны.

Инженер-нефтяник Валерия П. во время нескольких наших встреч по-разному рассказывала о своих фотографиях, в зависимости от акцентов беседы. Первый раз, когда мы говорили о сложностях интеграции, она сообщила, что не привезла с собой в 1968-м году ни одной фотографии, чтобы легче было привыкнуть к новой обстановке. Когда мы рассматривали отсканированные снимки, она призналась: «Я много фотографий привезла из дома, из них часть в альбоме, часть на компьютере, потому что муж их отсканировал». Поинтересовавшись судьбой семейных снимков, я получила ответ, что «часть из них находится у меня, часть у моего брата, но вообще фотографий у нас немного, потому что жили мы небогато и не могли позволить себе студийные снимки, а в семье никто фотографировать не умел. Когда переезжала, я выбрала пару снимков, которые хотела увезти, и положила их в русский альбом. Одна его часть – фотографии моей семьи, другая – семья мужа. Те фотографии, которые позже мой муж делал, – в пластиковом фотоальбоме». На этих мгновенных снимках изображены, прежде всего, семейные мероприятия, застолья, поездки, т.е. наиболее важные события семейной жизни. Женщина в последние годы живет одна, ее муж умер, сын переехал в другую квартиру. Ее новое хобби – фотографирование и размещение фотографий

в русских социальных сетях. Среди них преобладают постановочные фотографии, со специально выбранным фоном, на которых можно видеть окружающую обстановку, распускающиеся в саду цветы, жуков и птиц.

Экскурсовод Елена О. и ее семья живут в Будапеште уже двадцать пять лет, поэтому для них стало так важно сохранить с помощью фотографий воспоминания о прошлом, о родственниках в России. Смысл этих снимков – остановить течение времени, задокументировать и восстановить в памяти постепенно забывающиеся лица и события. Снимки не слишком хорошего качества, но они все равно их любят. «Мой муж после смерти его матери сразу же привез семейный фотоальбом. Он бесценен, потому что это наши корни. Мы тоже уже не молоды, нам за пятьдесят. Три альбома: о дядях и тетях, о родителях, о своем детстве, о наших детях».

У физика Нины Н., которая живет в Будапеште с 1969 г., мало памятных вещей из России. Среди них одна из самых любимых – фотоальбом о студенческих годах в Ленинграде. Это официальный фотоальбом о выпускниках ЛГУ. «В начале альбома – фотография его владельца, потом идут преподаватели, потом на паре страниц преподаватели физического факультета. Затем студенты, которые пришли фотографироваться. [...] Для меня больше всего ценно в этом альбоме, что фотографии сделаны на фоне достопримечательностей тогдашнего Ленинграда, нынешнего Санкт-Петербурга. Это связывает меня с университетскими годами, освежает воспоминания. Он для этого служит». Альбом находится в гостиной на книжной полке, она видит его каждый день и часто листает, просматривает, хоть и ни с кем из сокурсников не поддерживает отношения, т.к. советские физики не могли переписываться с иностранцами, даже если те – русского происхождения.

Для Шандора Б. фотоальбом – это увечеченные этапы жизненного пути, с его помощью он освежает в памяти семейные

события и лица членов семьи. Он принес его с собой на интервью, чтобы точнее вспомнить ушедшие времена, события и даты. «У меня плохая память, поэтому я принес с собой альбом. Не из-за того, что обожаю смотреть старые семейные фотографии и предаваться воспоминаниям. Это для меня что-то вроде записной книжки, я и свои даты плохо помню».

Экономист Галина М. тоже с помощью фотографий освежает воспоминания. «В первую очередь я привезла фотографии своих детей, вещи – особо нет, скорее – привезла воспоминания в голове. [...] У меня есть фотоальбом, но в последнее время большинство фотографий я храню на компьютере. Сама иногда смотрю, но делала их, скорее, для друзей, чтобы они видели через интернет, что я жива. Фотографии будят во мне воспоминания. На них известные места Волгограда, где я раньше жила, сейчас Будапешт. Есть фотографии моего внука, моей мамы. Если скучаю по ним – смотрю фотографии. На этом снимке мой внук, новорожденный, а через неделю уже четыре года будет».

Для сценариста Алисы Ц. фотографии – тоже хранилище воспоминаний. «Мои фотографии в компьютере. Хотя у меня есть традиционный пленочный фотоаппарат, я сканирую готовые снимки и загружаю в компьютер. Фотографии тогда совсем по-другому выглядят. Мне гораздо больше нравятся снимки, сделанные на пленку. Это тоже одна из особенностей нашего времени, что раньше люди возили с собой фотоальбомы, я же свои фотографии привезла в архиве на диске. У меня на компьютере есть книги в электронном формате, которые вместе с фотографиями всегда со мной на жестком диске».

Фотографии играют разные роли в оформлении квартиры: некоторые, помещенные в рамку, в прямом смысле выполняют функцию картин или, по крайней мере, эстетических объектов, другие хранят память о событиях или важных людях. Две эти роли могут соединяться, но чаще наоборот: одни фотографии вешают на

стену, потому что считают их красивыми, другим же не приписывают никакой эстетической функции, только личные чувства, личные представления о конкретном человеке.

Ассоциируемые с фотографиями чувства усиливаются в зависимости от их расположения. Если снимки размещают, например, над кроватью или среди эмоционально окрашенных предметов, это подчеркивает личное к ним отношение. Фотографии, помещенные на особое репрезентативное место, сообщают о статусе человека. Фотографии на книжных полках свидетельствуют, что личная жизнь человека здесь переплетается с культурой, а также делают акцент на его характере (Kapitány A. – Kapitány G. 2000: 65).

Памятные вещи и подарки

Память избирательна и ненадежна. Она подстраивается под наше мироощущение, меняется, чтобы соответствовать доминирующим в данный момент убеждениям, будучи избирательной, помогает забыть неприятные эпизоды. В нашей жизни происходят события, которыми мы гордимся или, наоборот, не хотим предавать огласке. Если же эти воспоминания по какой-то причине важны нам, мы неосознанно стремимся привязать их к чему-то, что поможет снова их оживить. Обычно эту роль играют вещи, восстанавливающие, координирующие и в какой-то мере ритуализирующие картины прошлого. Во время исследования я видела много предметов, позволяющих увидеть самые разные семейные истории, среди которых есть и очень личные.

Особое значение имеют памятные вещи, подаренные в знак любви и серьезных намерений. Обычно они не представляют из себя ничего особого, и напоминают о волнующих моментах только их участникам. В некоторых вещах изначально скрыта некая чувственная символика.

Вещи русских мигрантов, несущие большую эмоциональную нагрузку – это прощальные подарки друзей, картины, по-

дарки, сделанные друг другу будущими супругами. Подобные объекты я видела в домах женщин, не так давно переехавших в нашу страну, в которых еще сильны воспоминания о переезде и знакомстве с будущим мужем. Как известно, подарок – это не просто памятная вещь, он многое может сказать о дарителе и одаряемом, а также о его изготовителе. Хороший тому пример – прощальный подарок из Санкт-Петербурга, автор которого – сам даритель, известная петербургская художница. Это картина, на которой изображен лев, тянущий повозку, нагруженную петербургскими достопримечательностями. Сразу же понятно, что это исключительно личный подарок, т.к. его получила от своей подруги при переезде в Венгрию бывшая жительница Санкт-Петербурга, ценитель искусства и знаток петербургских достопримечательностей. Для искусствоведа Татьяны М. эта картина, украшающая гостиную, – источник многих приятных воспоминаний, в том числе и о подруге. «Моя подруга Юлия Г. – керамист из семьи художников. Когда я уезжала из Петербурга, она написала мне в подарок картину и сделала изразец. Нарисовала мне льва, их в Санкт-Петербурге очень много. Этот лев тянет за собой повозку с Исаакиевским собором и другими достопримечательностями, чтобы Петербург всегда был со мной». Подпись: «Вот вам немного Питера в дорогу». На картине есть все, что значит для меня родной город, моя жизнь до переезда в Венгрию: сам Петербург, друзья-художники, наша кафедра. Эта картина, которую Юля написала в своих любимых тонах, напоминает работы студентов-керамистов, в общем, она как дружеское послание: твой Питер с тобой».

В спальне супружеской пары переводчика и искусствоведа, т.е. в пространстве частной жизни семьи, есть игрушечный мишка, который был первым подарком венгерского мужа Татьяны М. Он подарил его, когда первый раз признавался Татьяне в любви. Этот медвежонок – одна из любимых вещей много лет живущих вместе супругов, он напоминает им о начале их

отношений. «Летом, в конце моей первой поездки я поняла, что между нами нечто большее, чем дружба. Тогда он подарил мне этого медведя. Купил его на вокзале Келети¹ у продавца газет, когда я уже садилась в поезд. Очень хотел подарить мне что-то на прощание. Никого не забуду, как он тогда спросил: “Как думаешь, сколько мне лет?” На самом деле ему было около семидесяти. “Столько-то”, – говорю. “Нет, – отвечает – мне шестнадцать. По крайней мере, на столько я себя чувствую”. Вот такая любовь была между нами».

Культуролог Анна Ч. в 2011 г. привезла на память в Будапешт настенные часы с анкерным механизмом, которые сейчас находятся в гостиной. «Наши – с Поволжья. В России это такая редкость, что даже в Москве, когда к нам приходили гости – удивлялись, какие необычные у нас часы. А в Северодвинске, когда я принесла их в мастерскую, очередь стояла из желающих посмотреть на диковинку. В Будапеште наши гости даже и не замечают часы, здесь это привычный предмет. В Венгрии в каждом втором антикварном магазине есть подобные. Я первый раз их видела в Скансене, в регионе Верхнего Потисья², в доме еврея-портного. Там точно такие же часы стоят». Установленная в гостиной памятная вещь – свидетельство имущественного положения семьи и ее славного прошлого, наполненный личными чувствами символ семейной истории, которую хочется увековечить.

Экскурсовод Елена О. среди личных памятных предметов выделила старую, конца Второй мировой войны гармонь, которая напоминает ей о любимом отце. «Эту гармонь марки Hohner я храню в память об отце. Один солдат, старший лейтенант подарил ее ему в 1946-м, когда был

в их селе, на Зимовниковском конезаводе № 163.³ Он так красиво играл вечером в клубе, что мой папа, маленький Серёжа, которому тогда было девять лет, с таким вниманием и восторгом слушал музыку, что это и сам солдат заметил. Он позвонил папу к себе и спросил: “Нравится тебе этот инструмент?” “Очень!” “Тогда держи, он твой”, – и подарил ему. Отец один, без помощи начал тогда учиться играть на гармонии. Потом у него другие гармони и другие инструменты были в жизни, но эту он до конца хранил, она всегда была с ним. Папа играл на ней по вечерам или когда был в компании. Очень любил музыку и все свободное время ей посвящал».

Во время подобных рассказов хорошо чувствуется, как памятные предметы не просто символизируют, но и спрессовывают события и воспоминания, подчиненные иному, субъективному ходу времени. Памятная вещь как катализатор вызывает к жизни индивидуальный опыт прошлого. Различные предметы повествуют одновременно и о жизни семьи, и о исторических событиях. *Картина из Санкт-Петербурга* сообщает о художественных вкусах и круге знакомств ее владельца. *Игрушечный медвежонок* – свидетельство близких, до сих пор длящихся отношений супружеской пары, их принадлежности друг другу. *Часы*, являясь декоративным и памятным предметом, одновременно говорят и об общественном положении. *Гармонь* знаменует идеализированное прошлое и напоминает о добросердечном советском офицере.

И символические, и памятные вещи чаще всего помещаются в гостиной, которая, с одной стороны, – окно во внешний мир, а с другой, – не только репрезентативное, но и жилое пространство, и таким образом это помещение хорошо отражает семейную ситуацию, отношение к религии и уровень образования. Размещенные в доме вещи сообщают также, насколько

¹ Восточный вокзал в Будапеште, откуда отправляются поезда и в Россию.

² Скансен (Skanzen) – это музей под открытым небом, находится в 30 км от Будапешта и показывает все регионы Венгрии с характерными для них домами и внутренним убранством.

³ Находится в Ростовской области, там жил в детстве отец Елены О.

адаптирован его хозяин к новой среде, как давно живет здесь. Согласно исследованиям (среди прочих: Miller 2008), мигранты в начальный период обычно стремятся интегрироваться, поэтому приносят в дом вещи, характерные для нового места, сокращая таким образом различие между принимающим сообществом и своим внутренним миром. С течением времени снова появляются вещи из дома, напоминающие детские годы, семейную обстановку. Как мы видели, этот процесс хорошо просматривается в домах живущих в Венгрии русских или русскоязычных женщин. Большинство вещей, напоминающих Россию, например, иконы, лакированные украшения, самовары я видела именно в тех семьях, где русские женщины переехали в Венгрию еще до перестройки и несколько десятилетий живут вдали от родины. Как я заметила, в домах супружеских пар присутствуют как венгерские, так и русские вещи, чтобы оба супруга комфортно чувствовали себя. Одинокие, разведенные женщины сильнее ностальгируют по оставленной родине, и внешнее проявление этой ностальгии – появление в доме большего количества русских памятных вещей. Это обычно не индивидуальные предметы, вызывающее некие воспоминания, а характерные объекты – носители национальной идентичности, которые играют роль в формировании чувства родины.

В домах женщин, прибывших в Венгрию в последние несколько лет – мы видели тому примеры – присутствуют скорее вещи личного характера, индивидуальные памятные предметы, фотографии, прощальные подарки, представляющие собственный жизненный путь, а не русскую идентичность. Подлинная ценность и значение этих вещей – в их скрытом содержании и вызываемых ими чувствах.

Вещи, выражающие ментальность и русскоязычие

Общеизвестно, что находящиеся в доме вещи отражают менталитет, социально-экономическое положение и этническую

принадлежность проживающих в нем мужчин и женщин, взрослых и детей. Среди предметов, выражающих ментальность, часто встречаются любимые книги, аудиоальбомы, сборники стихов.

Книги я видела у всех опрошенных. Они сами по себе отображают интеллектуальный плюрализм и свободное мышление и поэтому являются самыми важными символами интеллигентности (Kapitány A., Kapitány G. 2000: 58). Книги выражают индивидуальность их владельца, через них проявляется его идентичность, содержимое частной библиотеки сообщает о многих персональных качествах ее хозяина. У каждой опрошенной женщины – представительницы интеллигенции – есть собрания сочинений Пушкина, Толстого и Чехова. Помимо сохранения традиционного русского культурного наследия, это свидетельствует и о некоторой консервативной русской патетике. У большинства женщин можно найти русскоязычные поваренные книги. Это говорит о том, что при оценке своего общественного положения данные женщины подчеркивают также свой статус жен и хозяек. Среди русских книг довольно мало профессиональной литературы, я встречалась с ней в основном у женщин, изучавших естественные науки.

Физик Нина Н. при переезде в Венгрию в 1969-м году не привезла с собой памятные вещи и сувениры, а только книги. «В первую очередь – собрание сочинений Пушкина, потому что Пушкина очень люблю, потом собрание Чехова, я их позже, к сожалению или нет, раздарила. Еще привезла три тома Михаила Зощенко и несколько книг Булгакова. Само собой, привезла еще и книги по специальности. Например, у меня есть весь Эйнштейн на русском, но это, скорее, в качестве воспоминания о студенческих годах».

У родителей Анны В. среди книг на русском языке были не только произведения русских писателей, но и переведенные на русский произведения мировой литературы. «Я не только с русской культурой знакома так, через русский язык, но и с другими культурами. У меня в детстве,

начиная с Пиноккио, все было на русском, вне зависимости от того, какой нации принадлежало это произведение, к какой культуре относилось».

Для экономиста Галины М., живущей в Будапеште с 2010-го года, настольной книгой стал русский народный календарь, который она практически каждый день берет в руки, листает, читает, хотя, по ее словам, на родине он не относился к любимым книгам. Развернувшаяся под другим углом любовь к родине и ностальгия выделили этот календарь среди других книг. «Это напоминание о России, я постоянно его просматриваю. Много чего не знаю, что в нем написано: например, какой святой на какой день приходится и что по традиции в этот день делали. Есть в нем и именины, их тоже можно изучать».

Книги чаще всего размещаются в гостиной, на «книжной стене». При небольшом количестве книг эту функцию выполняет книжная полка. Часто книги находятся в спальне рядом с кроватью, т.к. многие читают перед сном. Детские книги – в детской комнате, специальная литература обычно помещается в рабочем кабинете. В домах представительниц русской интеллигенции я видела книги практически в каждой комнате.

Среди предметов-свидетельств русской ментальности можно найти аудиокассеты, у женщин среднего возраста это, в основном, Высоцкий и Окуджава. Их символика аналогична символике книг: музыка, наряду с книгами, искусством и наукой представляют интеллектуальную среду и соответствующую ментальность. Песни Высоцкого и Окуджавы олицетворяют неприятие советского режима, противостояние, свободный, независимый дух. Следующий пример – тому подтверждение. Татьяна М.: «На кассету записан голос Окуджавы, как он стихи читает. Я привезла его не только из-за русского языка, но и потому что этот поэт очень повлиял на мое мышление. У Окуджавы есть песня о дураках. Я часто ее цитирую, когда сталкиваюсь с людьми, которые намеренно не

хотят меня понять и к тому же агрессивны. Стихотворение начинается так:

Антон Палыч Чехов однажды заметил,
что умный любит учиться, а дурак учить.
Сколько дураков в своей жизни я встретил,
мне давно пора уже орден получить.
Дураки обожают собираться в стаю,
впереди главный – во всей красе...

Насчет политики или в другой ситуации, если у меня нет подходящего меткого слова, я его цитирую, потому что он вместо меня гораздо лучше сформулировал мои чувства. Это очень мне помогало».

Музыка, среди прочего, выполняет для индивида функцию своеобразной защитной оболочки, спасает от одиночества и тоски по родине, заполняет ту пустоту, которая образуется как следствие непривычности жизни в другой стране и чувства дезинтеграции.

Блюда и вкусы

Все мигранты, в том числе и русские, как мы видели, приезжают, имея при себе определенные модели мышления, которые в значительной мере определяют их жизнь на новом месте и которых они последовательно придерживаются, как и в случае с кулинарными привычками. Для них важен вкус родины, ради которого они готовы приносить жертвы, например, ездить в расположенные далеко от дома русские продуктовые магазины. Во время поездок на родину они составляют детальные списки продуктов, которые невозможно купить в Венгрии: например, горчичное масло, русский чай определенной марки, черный хлеб или копченая рыба. Хотя и у нас можно купить растительное масло, чай, хлеб или копченую рыбу – вкус совсем другой.

Очень показательны, какие блюда готовят русские женщины. В них отражается и индивидуальная система ценностей, и личные предпочтения, вкусы, установки, привычки. Разнообразие ингредиентов отражает индивидуальность и материальную ситуацию.

Во время разговоров каждая русская женщина упомянула, что в Венгрии ей

очень не хватает копченой рыбы. Учительница русского языка Розалия В., по словам ее дочери, всегда привозит рыбу из родного города Таганрога, находящегося на берегу Азовского моря. «Там существует такой способ приготовления рыбы, что ее вывешивают на морском бризе и солят, т.е. смысл в том, что рыбу именно в том климате вялят или сушат – я не знаю точно, что с ней делают, я в этом не разбираюсь, но это такой особый способ приготовления, для которого нужен именно морской климат ... Мама сильно огорчалась, что в Венгрии, когда она сюда приехала, был только карп. Это как свинина. Не было выбора, из-за чего мама сильно мучилась. По сравнению с традиционной венгерской кухней, мы всегда ели очень много рыбы, и не только количество имело значение, но и способы приготовления были разные. Если кто-то приезжал из Советского Союза, не только мы сами, но и мамы друзья, все всегда привозили рыбу. Это была привычная ситуация, что если кто-то ездил домой, то привозил рыбу и всем раздавал. Потому что здесь ее просто не было. По крайней мере, такой рыбы не было – ее привозили».

Другой продукт, которого не хватает практически всем, – это черный хлеб. Его начали продавать в Венгрии только в последнее время. Инженер-нефтяник Валерия П. в течение многих лет просила маму привезти из Москвы хлеб. «Я обычно просила то, что в Венгрии купить нельзя, например, бородинский хлеб. Это особый черный хлеб, такой вкусный, что просто чудо. Такого темного цвета, как черный шоколад. Сейчас и в Будапеште можно найти. Мама минимум десять буханок привозила. Мы делали из него запасы, разрезали и клали в морозилку. Когда надо – доставали, размораживали, и можно было есть. Этот хлеб можно есть с маслом, а со шами что-то невероятное. Венгерским гостям я обычно подавала щи с бородинским хлебом, это просто мечта».

Часто бывает так, что русские женщины готовят русские блюда из венгерских продуктов. Среди наиболее популярных

блюд – борщ, солянка, мясные и овощные салаты с майонезом, пироги с начинкой и блины¹, которые одновременно являются самыми известными блюдами русской кухни и которыми, наряду с неизменными русскими салатами и выпечкой, угощают венгерских гостей.

Учитель рисования, художница Нина Т.: «Я готовлю, в основном, русские блюда, но умею готовить и венгерский мясной суп, и пёркёльт (тушеное мясо), и фёзелек (густой овощной суп). Однажды я для своих русских гостей сварила фёзелек с зеленым горошком, они до сих пор его вспоминают и смеются: то, чем я их накормила, им очень не понравилось».

Экономист и метеоролог Галина М., живущая в Венгрии с 2010-го года: «Я и в Будапеште готовлю русскую еду, хотя большой разницы между русскими и венгерскими блюдами нет. Здесь тоже можно найти все необходимые продукты, за исключением, разве что, горчичного масла, которое очень люблю, потому что оно дает очень хороший вкус картошке. Всегда привожу из дома пару бутылок. Й. очень любит то, что я готовлю: борщ, пельмени, пирожки, котлеты».

Университетский преподаватель Анна В., русская по матери: «Мама готовила на русский манер, т.е. борщ и разные традиционные русские блюда, их все всегда любили. В них не было много специй, да я их и не люблю. Рыбы гораздо больше ели. Честно говоря, я русскую кухню люблю больше, чем венгерскую».

Отсутствие русских блюд – действительно редкое явление, я встречалась с ним только однажды. Молодая эмигрантка, 35-летняя сценаристка Алиса Ц. не готовит русских блюд. Она, будучи вегетарианкой, предпочитает индийскую кухню: «В какой магазин ни зайду, всегда нахожу нужные продукты, овощи и другое необходимое. В Будапеште много вегетарианских ресторанов и кафе. Моей первой за-

¹ *Блины* – русский аналог венгерского *palacsinta*. Готовится из более густого теста.

дачей было разыскать индийские магазины, у меня уже есть основные места, индийские магазины, где меня узнают». Она не привезла с собой никаких предметов, напоминающих Россию, т.е. не привязана ни к каким вещам, за исключением своих книг по индуизму.

В целом, можно сделать вывод, что, хотя русские жены переехали в Венгрию в разные периоды, имеют разное происхождение и биографии, тем не менее, даже не зная друг друга, они образуют в нашей стране особую субкультуру, характерные черты которой не спутать с чертами других групп мигрантов и которая имеет индивидуальные, только ей присущие признаки.

В домах женщин среднего и старшего возраста мы можем видеть воссоздание внутреннего мира и жизненных стандартов русской интеллигенции. В этих целях используются привезенные из дома вещи, в которых проявляются характерные особенности общественного слоя, к которому принадлежит данная семья. С другой стороны, попытки «сотворения мира» – это стремление сбегать из «реального мира» на собственноручно созданный остров. Основа такого мироощущения – отождествление счастья с сотворением бесконфликтного микромира, среди материальных проявлений которого – скопление русских символов и предметов русского народного искусства, что может быть определено понятием «китч».

Как мы видели, на внутреннее пространство дома и характер находящихся в нем вещей влияет или, лучше сказать, его определяет этническая принадлежность, пол и социальный статус хозяев. Внутренняя символика помещения редко остается неизменной: на нее воздействуют как веяния моды, так и изменения в жизни индивида. Переезд в новую страну, в новую обстановку, повышение или понижение статуса и уровня жизни, процесс старения, с присущими ему замедлением и консервативностью, другие значимые повороты судьбы могут повлечь очень значительные изменения. Изыскания, проведенные с участием русских жен, в оче-

редной раз подтверждают, что формы выражения, культурные образцы и словесные портреты материальных объектов – важное поле исследования в общественных науках и в музеологии.

Литература

- Остапенко 2008 – Остапенко Л.В. Этнорегиональные особенности социально-экономической адаптации // Этнорегиональные модели адаптации. М., 2008. С. 19–44.
- Остапенко, Субботина 2007 – Остапенко Л.В., Субботина И.А. Москва многонациональная. Старожилы и мигранты: вместе или рядом. М.: РУДН, 2007.
- Baudrillard 1987 – Baudrillard J. A tárgyak rendszere. Budapest: Gondolat, 1987.
- Bendarzsevszkij 2011 – Bendarzsevszkij A. Magyarország élő oroszok – nehéz a beilleszkedés. 2011 – http://kitekinto.hu/eia/2011/04/17/magyarorszagon_el_oroszok_nehez_a_beilleszkedes/#.UsmGqtLuK-k.
- Gönczö Viktor é.n – Gönczö Viktor é.n A fényképezés és a fénykép szerepe a kultúrakutatásban http://www.antroport.hu/lapozo.php?akt_cim=195.
- Gyebnár 1994 – Gyebnár V. A képi értekezés és a látásmód összefüggései // Vizuális művészetek pszichológiája I. Szöveggyűjtemény. Farkas András – Gyebnár Viktória, szerk. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó. 1994. P. 297–332.
- Hárs 2010 – Hárs Á. Migráció harmadik országokból a statisztikai adatok tükrében // Az idegen Magyarországon. Örkény Antal – Székelyi Mária, szerk. Budapest: ELTE Eötvös. 2010. P. 49 – 96.
- Kapitány Á., Kapitány G. 2001 – Kapitány Á., Kapitány G. Beszélő házak. (Lakásaink szimbolikája – Magyarország, 1990-es évek.) Budapest: Kossuth, 2001.
- Kolontári 2009 – Kolontári A. К истории русской белой эмиграции в Венгрии в межвоенный период. В поисках лучшей доли. Русская эмиграция в странах центральной и юго-восточной Европы. М.: Indrik, 2009. С. 157–181.
- Kovács, Vajda 2002 – Kovács É., Vajda J. Mutatók. Zsidó identitás történetek. Budapest: Múlt és Jövő, 2002.
- Melegh, Kovács 2009 – Melegh A., Kovács É. Nemek szerint tagolt térben. A bevándorló nők vándorlásának típusai, okai és formái nyolc európai országban. In Szerepváltások. Jelentés a nők és férfiak

- helyzetéről. Nagy Ildikó – Pongrácz Tiborné, szerk. Budapest: TÁRKI – Szociális és Munkügyi Minisztérium, 2009. P. 177–196.
- Miller 2008 – Miller D. *The Comfort of Things*. Cambridge: Polity, 2008.
- Nagy 1997 – Nagy B. *Karrier női módra // Szerepváltozások. Jelentés a nők és férfiak helyzetéről*. Lévai Katalin – Tóth István György, szerk. Budapest: TÁRKI – Munkügyi Minisztérium Egyenlő Esélyek Titkársága. 1997. P. 35–51.
- Örkény 2010 – Örkény A., Székelyi M. *Hat migráns csoport összehasonlító elemzése // Az idegen Magyarország. Bevándorlók társadalmi integrációja*. Örkény Antal és Székelyi Mária, szerk. Budapest: ELTE Eötvös, 2010. P. 49–95.
- Perotto 2010 – Perotto M. *Мигранты из постсоветских стран в Италии // Диаспоры*. 2010. № 1. С. 83–100.
- Szijártó 2007 – Szijártó Z. *A hagyomány és modernitás dichotómiája // Hagyomány és modernitás, IX. Közművelődési Nyári Egyetem, Szeged, 2007. július 2–6 / Ed. Török József*. Szeged: Csongrád Megyei Közművelődési, Pedagógiai és Sportintézmény. P. 26–37.
- Szojka 2013 – Szojka E. *Babák és játékok – a tárgyhalmozás esete*. *Agria*. 2013. № 48. P. 95–117.
- Wilhelm 2012 – Wilhelm G. *Antropológiai tárgyelmélet*. Pécsi Tudományegyetem, Nyelvtudományi Doktori Iskola, Kommunikáció Doktori Program. Tézisek, 2012.

Глава 18

Старый дом на новой улице?

Культурные институты «русской» общины Беэр-Шевы¹

Введение

Миграционные процессы последнего десятилетия двадцатого века, многократно увеличив численность русскоязычной общины Израиля, придали особую значимость ее изучению. Одна из наиболее ярких находок предыдущих научных исследований – интенсивный процесс культурного «обустройства» иммигрантов, выражающийся в попытках выстроить в Израиле организации и институты, которые помогли бы им почувствовать себя дома в новой для них стране. Так, в продолжение почти двух десятилетий с начала массовой иммиграции, выходцы из бывшего СССР создали разветвленную сеть торговли и бытового обслуживания, позволяющую иммигрантам поддерживать привычные паттерны потребления (Bernstein, Carmeli 2004). По инициативе иммигрантов создана система альтернативного образования (детские сады, школы, кружки, спортивные клубы), помогающая детям иммигрантов сохранить русский язык и культурные ценности стран исхода (Epstein, Kheimets 2000; Horowitz et al 2005; Remennick 2007). Кроме того, в Израиле регулярно выходят десятки русскоязычных газет и журналов, функционируют русскоязычные радиостанции и даже телевизионный канал «Израиль Плюс» (Caspri et al. 2002; Elias, forthcoming), а созданный иммигрантами двуязычный театр «Гешер» завоевал авторитет лучшего театра Израиля (Gershenson 2005).

Вместе с тем, несмотря на серьезность упомянутых выше исследований, для мно-

гих из них характерно несколько обобщенное восприятие русскоязычной общины, когда «русскоязычность» определялась как основной параметр исследования и не замечалось проблем внутриобщинной иерархии, этнического разнообразия и специфичности процессов культурного «обустройства» русскоязычной общины, происходящих на локальном уровне². Показательно, что единичные работы в этой области посвящены двум культурным центрам – Тель-Авиву (Левин 2002) и Иерусалиму (Зильберг 2002); и сосредоточены на изучении элитарной культуры русскоязычной интеллигенции. В то же время русскоязычные общины городов периферии Израиля, где порой доля выходцев из стран СНГ в населении превышает 50%, остаются неизученными.

На этом фоне исключением является исследование Горовиц и др. 2007, посвященное русскоязычной общине городка Кацрин, расположенного на Голанских высотах. Исследование велось в течение десяти лет и заключалось в анализе архивных материалов и интервью с представителями учреждений, призванных заниматься проблемами интеграции иммигрантов. Исследование показало, что малочисленной (около 2000 чел.) русскоязычной общине Кацрина удалось создать культурные институты, помогающие иммигрантам в процессе культурной и социальной адаптации: русскоязычное отделение городской библиотеки, клуб ветеранов Великой Отечественной войны, дискуссионный клуб, клуб самодетельной песни, шахматный клуб и др. Подчеркивая ценный вклад данного исследования в изучение локальных русскоязычных общин, вместе

¹ Републикация статьи «Старый дом на новой улице? Культурные институты “русской” общины Беэр-Шевы» производится с разрешения её авторов и редактора сборника: Израиль глазами «русских»: культура и идентичность. М.: Наталис, 2008.

² О важности понимания культурных процессов, происходящих в среде иммигрантов на локальном уровне см. также Georgiou 2006.

с тем отметим, что оно ограничилось общим описанием вышеупомянутых культурных образований, и не обратилось к анализу происходящего в них.

Частично восполняя этот пробел, в данной статье мы обратимся к культурным процессам, протекающим сегодня в одной из наиболее крупных русскоязычных общин Израиля – общины Беэр-Шевы¹. По данным официального сайта мэрии этого города², в период с 1989 по 2005 гг. здесь поселились около 60 тыс. русскоязычных иммигрантов, составив более трети жителей и поставив Беэр-Шеву на третье место в Израиле по численности русскоговорящего населения (после Хайфы и Ашдода). Среди факторов, привлекающих русскоязычных иммигрантов в Беэр-Шеву, следует назвать удачное сочетание низких цен на жилье, наличия социальных программ, а также статус культурного и университетского центра. Развитая система социального обслуживания и сравнительно недорогое жилье привлекает сюда многодетные семьи и пенсионеров, а университет имени Бен-Гуриона – студентов и ученых иммигрантов.

Однако, несмотря на ее многочисленность, русскоязычная община Беэр-Шевы пока не стала предметом научных исследований. В этой статье авторы делают попытку пролить свет на некоторые аспекты культурной жизни русскоязычной Беэр-Шевы, такие как деятельность библиотек, книжных магазинов, театральных и концертных представлений, предназначенных для русскоязычной аудитории. Мы сосре-

доточимся на описании их деятельности, охарактеризуем их посетителей, выявим специфические мотивы, побуждающие последних участвовать в разных форматах культурной жизни города.

Методология

Данное исследование выполнено с применением трех методов: 1) предварительные экспертные интервью с лицами, ответственными за организацию культурной жизни русскоязычной общины Беэр-Шевы с целью «картографирования» (mapping) книжных магазинов, библиотек, концертных и театральных представлений, предназначенных для русскоязычного населения; 2) включенное наблюдение за работой нескольких избранных учреждений; 3) глубинные интервью с иммигрантами, участвующими в их деятельности, в качестве организаторов или потребителей.

В целях картографирования первоначально была получена информация от работников муниципалитета Беэр-Шевы об учреждениях культуры, ориентированных на русскоязычных иммигрантов. В дополнение к этому были проведены очные интервью с организаторами и работниками данных учреждений: продавцами книжных магазинов, добровольцами – организаторами библиотек, предпринимателями – продюсерами гастролей артистов из СНГ, распространителями билетов (всего 12 интервью). Кроме того, были использованы статистические данные, предоставленные распространителями билетов и работниками муниципалитета Беэр-Шевы.

Для проведения включенного наблюдения методом случайной выборки были отобраны учреждения, ориентированные на русскоязычную аудиторию: книжный магазин «Спутник», находящийся в центре города и библиотека «Не хлебом единым». Кроме того, для наблюдения были выбраны два крупнейших концертных зала города – «Гейхал-а-Тарбут» (Дворец культуры) и зал городской Консерватории (музыкальная школа Беэр-Шевы). Наблюдение за работой библиотеки проводилось в

¹ Община (community) предполагает набор социальных связей, основанных на некоем общем основании (язык, культура, коллективные ценности). Понятие «русскоязычная община» здесь и в дальнейшем применяется для описания группы иммигрантов, объединенных владением русским языком, общей историей, культурными ценностями и территорией проживания на момент исследования (Gordon 1996).

² <http://www.beer-sheva.muni.il/openning.asp?Lang=1>.

течение мая 2006 г. в разные дни недели, по два часа в день (с 17.00 до 19.00 час. – единственное время, когда библиотека открыта). Для наблюдения за работой магазина были выбраны эти же часы (продавец рекомендовал их как часы наибольшей посещаемости покупателями). Для наблюдения за театрально-концертными мероприятиями были выбраны максимально разножанровые концерты, проходившие в мае 2006 г. Ими стали вечер русского романса в исполнении российского вокального дуэта; вечер камерной классической музыки в исполнении русскоязычных израильских исполнителей и эротическое шоу в исполнении московской труппы.

По завершении наблюдения, находящимся в данных учреждениях посетителям предлагалось принять участие в глубинном интервью, которое в ряде случаев проводилось непосредственно на месте, а иногда – несколько дней спустя в доме респондента. Всего было проведено 28 интервью¹. В ходе интервью респондентам предлагалось сообщить, как часто и с какой целью они посещают конкретное учреждение и подобные ему, и как они видят роль данных учреждений в своей жизни. Полный текст интервью обрабатывался методом тематического анализа (Lindlof 1995).

Концерты и театральные представления

Наиболее заметные события культурной жизни русскоязычной Беэр-Шевы – сменяющие друг друга гастролы знаменитых российских артистов и музыкантов, выступления местных русскоязычных деятелей культуры и искусства. Ведущими организаторами гастролей российских исполнителей и творческих коллективов в Беэр-Шеве являются фирмы – *Круиз Интернешнл* и *Рест Интернешнл*, основанные иммигрантами из СНГ. Стараниями этих двух фирм в Беэр-Шеву прибывают

ведущие современные, а также слегка подзабытые российские звезды: популярные юмористы, сатирики и барды, рок-группы, труппы московских и Санкт-Петербургских театров. Наряду с ними в Беэр-Шеве выступают театры, инструментальные и симфонические ансамбли, созданные иммигрантами, а также местные барды. Большинство коллективов находятся в стадии становления, не имеют собственных помещений, артисты нередко сочетают выступления с работой в других местах, порой не связанной с творческой деятельностью – так пожелавшая остаться анонимной артистка популярного вокального ансамбля зарабатывает на жизнь стрижкой собак. Основным местом работы других артистов часто является ивритоязычное учреждение культуры: «Израильский театр для заработка, может, еще для самоутверждения, а русский – для души, в свободное от заработка и самоутверждения время», – так прокомментировал свое совместительство один из артистов театра «Зеро», одновременно занятый в труппе «Камерного» театра. Спектакли и концерты проходят на трех основных сценических площадках Беэр-Шевы: местные труппы выступают, как правило, в помещении Дворца молодежи (400 мест), а российские – в помещениях «Гейхал-атарбут» (600 мест) и Городской Консерватории (290 мест). Барды и небольшие камерные коллективы порой выступают в общинных домах культуры, а рок-группы – в помещениях клубов «Абсент» и «Беэр-7». Цены колеблются от 7 до 100 долларов за представление и определяются популярностью звезды. Билеты распространяются через русские книжные магазины, посредством русскоязычного интернет-сайта *Afisha.IsraelInfo.ru* и через кассы, непосредственно перед началом.

Как объяснили нам в агентстве *Круиз Интернешнл*, по сравнению с другими городами Израиля, в Беэр-Шеве билеты расходятся бойко. Уступая другим городам по числу населения вообще и иммигрантов в частности, Беэр-Шева занимает третье ме-

¹ Демографические характеристики респондентов будут приведены в разделе «результаты исследования».

сто (после Тель-Авива и Хайфы) по числу продаваемых билетов. По словам распространителей, аншлаги здесь являются обычным делом: за год в Беэр-Шеве на русскоязычные представления продается порядка 36 тысяч билетов, то есть по 0,63 на каждого русскоязычного жителя. Важно отметить, что израильские и, тем более, мировые «звезды» посещают Беэр-Шеву куда реже российских. Поэтому можно утверждать, что русскоязычные жители Беэр-Шевы имеют куда более разнообразные возможности удовлетворить свои культурные потребности, чем уроженцы страны.

Нами были выбраны три отличающиеся друг от друга по жанру представления, проходившие в мае 2006 г. Цена билета двух из них колебалась от 7 до 12 долларов. Первым был вечер русского романса в исполнении популярного в доперестроечную эпоху певца Леонида Серебренникова и популярной сегодня юной киноактрисы Натальи Гусевой. Вторым был вечер, посвященный юбилею Моцарта, организованный силами русскоязычных израильских исполнителей, солистов Тель-Авивской оперы и Беэр-Шевской Симфоньеты¹.

Несмотря на столь разное содержание, общее впечатление от концертов оказалось удивительно схожим. Прежде всего, общим было ощущение диссонанса между залом Консерватории (музыкальной школы), где проходили оба концерта, и обликом публики, ожидающей возможности войти. Диссонировали рождающие традиционное чувство «начинающегося с вешалки театра» вечерние наряды и костюмы-тройки, приглушенные разговоры перед входом с тем, что ожидало за дверью. А за дверью оказалось скромное фойе и маленький зал. Большим интересом публики пользовались рекламные проспекты грядущих выступлений артистов. В зале были заняты все кресла и приставные стулья в проходах. Концерт состоял из классических русских и современных роман-

сов, а также любимых советских песен. Во время концерта публика подпевала, неформально общалась с артистами.

В покоем благодушном духе проходил и вечер Моцарта. Единственное отличие состояло в выборочном переводе названий исполнявшихся произведений на иврит для нескольких не владеющих русским языком меломанов. Литературная часть вечера, заимствованная из «Маленьких трагедий» Пушкина, шла исключительно на русском. Несколько раз выступающие пытались заговорить с залом на иврите, однако обращения оставались без ответа, публика терпеливо ждала возвращения к русскому языку.

Демографический состав зрителей обоих концертов был почти идентичен: средний возраст зрителей приближался к семидесяти годам, около двух третей составляли женщины. По словам распространителя билетов, такой состав зрителей традиционен: все недорогие выступления российских современных и популярных в прошлом звезд, а также выступления русскоязычных израильских коллективов пользуются популярностью преимущественно у пожилой «дамской» аудитории. Зачем же они сюда приходят? В интервью одна из зрительниц поделилась:

Это не так просто объяснить, зачем я оторвала 56 шекелей² из своей пенсии плюс такси по 17 шекелей в оба конца, чтобы прийти на концерт. Это не желание послушать любимые песни в чудесном исполнении, вернее, не только оно. У меня дома есть телевизор и проигрыватель с пластинками, и я тоже могу послушать, и, слушая, вспоминать те годы, когда я была молодая. И конечно, это не детское желание увидеть любимого артиста живьем. Это другое. Важно, что артист русский на сцене, но и в зале все русские и все слушают вместе и действительно находятся вместе, не просто собранные в один зал. Мы как бы одна команда, коммуна. Мы больше, чем

¹ Так называется небольшой симфонический оркестр Беэр-Шевы.

² Доллар США соответствует примерно 4,2 шекеля.

просто 200 евреев. Нет, я не люблю толпу. На концерте я не чувствую себя в толпе, я чувствую себя в народе. Похожее чувство, только намного сильнее, я помню, когда был парад победы в 1945 году, и мы все слушали его по радио. Здесь я чувствую себя дома хозяйкой (Фира, 83 года, 14 лет в Израиле).

Характерно, что в словах Фиры сквозит даже не удовлетворение от культурного подтверждения своей идентичности, а нечто большее: ощущение общности переживаний и принадлежности к большой русскоязычной общине. Неслучайно она соотносит свои ощущения во время концерта с одним из самых значимых переживаний ее жизни – переживанием известия о всенародной победе. Соединяя эти два переживания, она подчеркивает общее для них ощущение самоценности, социальной уверенности – ощущение, что ты «хозяин своего дома». И теперь, в Израиле, чувство «хозяина» зависит от возможности получать русскоязычную культурную продукцию должного уровня в обществе соотечественников-иммигрантов.

Тема укорененности в русской культуре присутствует и в интервью с другими зрителями этого концерта. Об этом говорят критические заявления наших респондентов в адрес израильского театра «Гешер», который был основан иммигрантами из СНГ и чья труппа состоит в основном, из русскоязычных актеров. Эти замечания в основном сводятся к тому что «Гешер» «в последнее время “обизраилевился”», и дополняются радостью по поводу появления «хороших новых, “по-настоящему русских” театров», таких как «Театр Алии»¹ и комедии и театр «Зеро». Также респонденты выразили положительное мнение о Беэр-Шевской Симфоньете, связав его с тем, что там «все солисты русские».

Третий выбранный нами концерт отличался от двух предыдущих сценической

¹ Слово «алия» на иврите буквально означает «восхождение», употребляется также для обозначения репатриации. В Израиле принято так называть иммиграцию евреев и членов их семей.

площадкой – это был Дворец Культуры с залом на 600 мест, ценой билета – она колебалась от 30 до 70 долларов, а главное, содержанием и масштабом представления. Это было танцевальное эротическое шоу в исполнении 40 артистов Московского мюзик-холла. Русскоязычная публика здесь была явно моложе (средний возраст составлял примерно 45–50 лет), мужчины и женщины были представлены одинаково. Зрители прибывали на собственных автомобилях, однако порой был заметен контраст между вечерними нарядами зрительниц и их усталыми лицами. Присутствовало и немного не говорящих по-русски зрителей. Зал заполнился, однако пустыми остались дорогие первые ряды.

Ведущий открыл концерт на двух языках, признался, что выучил фразы на иврите специально для гастролей в Израиле. Публика поддерживала его опыты разговорного иврита одобрительными возгласами («Нам тоже трудно!») и аплодисментами. После первого отделения ведущий объявил, что, так как в зале 90% «русских», он переводы на иврит прекращает. Публика не возражала.

Противоречия заявленному названию: «От Лидо до Мулен руж», представление более чем наполовину состояло из русских народных танцев («Калинка», хороводы и т.п.). Оставшуюся часть составили бразильские, испанские, восточные и авангардные танцы, а также классический канкан. Хотя «нерусские» танцы поражали отменной хореографией в сочетании с роскошными костюмами, особый восторг вызвало исполнение песен «Москва! Звенят колокола!» и «А я иду, шагаю по Москве...» под марш танцовщиц, одетых в скромные костюмы цветов российского флага. На словах: «А если я по дому загрузу, под снегом я фиалку отыщу и вспомню о Москве» зрители встали с мест и аплодировали стоя.

Во время перерыва в фойе собирались довольно большие русскоязычные компании. Дух «общинного братства» ощущался и в зале: люди делились с соседями жевательной резинкой и шоколадом. Несмотря

на то, что концерт длился более двух часов, по завершении его часть зрителей отправилась продолжать «культурное общение» в других местах.

Тема «общинности» сразу же всплыла и в интервью со зрителями. По словам респондентов, посещение русскоязычного концерта или театральной постановки позволяет им сформировать личное представление об общине, к которой они принадлежат, ощутить ее значимость и культурный потенциал. Таким образом, то или иное культурное мероприятие для ряда иммигрантов становится своеобразным зеркалом, позволяющим увидеть других членов общины в позитивном свете. Леонид 49 лет, 9 лет в Израиле, рассказывает:

Это не первый для меня концерт. Мы часто ходим. Например, мы семьей ходили на спектакль театра «Гешер». Публика была респектабельная, люди моего возраста с детьми. Хотя спектакль был на иврите, было ясно, что в зале большинство русских. Что я чувствовал? Смешной вопрос. Я хорошо себя чувствовал. Я видел, что много русских, что люди модно одеты, с детьми, рад был, что русские – это не только культурные, раз пришли, но и, слава Богу, обеспеченные. Крепко стоящие на ногах, уверенные люди. Значит, можно жить, значит, все будет ОК. Что наши пробились и пробиваются. Мне больно и неприятно встречать бедных опустившихся русскоязычных, не только пьяниц, а и просто невезучих работяг. Это тревожит, вдруг сокращение, и тогда что? А на концерте Агутин для меня был не главным, хотя приятно конечно, хорошо отдохнули. Я до людей не завидую, наоборот, когда вижу, что у других хорошо – рад, люди справляются, мужики, молодцы. Я прихожу на концерт, я среди них, значит и я на уровне.

В словах Леонида, бывшего инженера, а теперь рабочего на пластиковом заводе, мы слышим сомнения в своих возможностях интеграции на рынке труда, с достижением которой он связывает свое благополучие. В то же время, посещение театра и концерта позволяет ему встретиться с

успешными «русскими» и дает возможность отождествить себя и свое будущее с их судьбами. Это дает ему силы надеяться занять место в более обеспеченном слое русскоязычных иммигрантов.

Теперь обратимся к тем, кого мы на русскоязычных концертах не встретили. Так, например, не было заметно представителей бухарской и кавказской общин. По словам распространителей билетов, билеты они покупают редко, и, как правило, на выступления этнически близких к ним артистов. Кроме того, на названных представлениях мы встречали единичных иммигрантов в возрасте 20–40 лет. Распространители билетов говорили, что молодежь (20–30 лет) приобретает билеты на рок-концерты, не очень часто проводимые в клубах, а 30–40-летние иммигранты билетов на русскоязычные культурные мероприятия почти не покупают.

В заключение важно отметить, что в данном исследовании мы не рассматривали концерты и спектакли, предназначенные для детей. По данным агентств, распространяющих билеты, в течение года в Беэр-Шеве проводится от 30 до 40 детских представлений, на каждое из которых продается порядка 300 билетов. Большая часть представлений ставится силами русскоязычных израильских коллективов. Их репертуар – классические детские сказки, такие как Винни-Пух и Красная Шапочка. Интервью с распространителями билетов свидетельствуют, что в последние два года спрос на билеты на детские представления неуклонно растет. Так, например, в июне 2006 г. в городе состоялось четыре детских спектакля на русском языке, их представили три израильских (иммигрантских) коллектива. Таким образом, можно утверждать, что культурная консолидация русскоязычной общины растет, в том числе и за счет детей иммигрантов.

Библиотеки и книжные магазины

Наряду с периодически происходящими концертами и театральными представлениями, в последнее десятилетие в по-

явилась сеть русских библиотек и книжных магазинов, спонтанно превратившихся в культурные центры и «узлы» общинной коммуникации¹. Несмотря на то, что русскоязычные иммигранты составляют лишь треть населения Беэр-Шевы, число русских книжных магазинов сопоставимо с числом аналогичных магазинов, предлагающих книги на иврите, а число русских библиотек значительно превосходит израильские. Так, мы обнаружили семь русскоязычных библиотек и только одну израильскую (городскую). Интересно, что практически во всех израильских книжных магазинах и в городской библиотеке имеются солидные отделы русских книг, в то время как в русских магазинах и библиотеках книг на иврите нет.

Библиотеки расположены в различных районах города в глубине жилых кварталов. Они официально не зарегистрированы и не пользуются поддержкой городских властей, однако сведения о них можно получить у русскоязычных работников городской библиотеки (они посоветуют ту, что ближе к дому), а также у русскоязычных прохожих. «Общеизвестность» адресов библиотек позволяет сделать предположение о значимости библиотеки в системе общественных связей русскоязычной общины города.

Все русские библиотеки созданы «снизу», по инициативе частных лиц или иммигрантских неформальных объединений. Практически все они находятся в тесных подвалах, частных квартирах, не приспособленных ни для хранения книг, ни для удобства читателей. Подвалы арендуются у домовых комитетов, а аренда оплачивается за счет «членских взносов» читателей. Библиотекари не получают зарплаты, и только в одной из библиотек работник недавно начал получать от управления абсорбции муниципалитета ежемесячное вознаграждение в виде проездного билета на 15 поездок в городском автобусе.

¹ О книжном магазине как клубе см. также: (Еленевская, Фиалкова 2005, ч. 1: 180–181).

Мы выбрали для углубленного описания старейшую русскую библиотеку Беэр-Шевы «Не хлебом единым». Хотя число ее читателей перевалило за тысячу, библиотека открыта лишь три дня в неделю с 17.00 до 19.00. Услуги библиотеки дешевы – один доллар в месяц (цена буханки хлеба или литра молока), и эти средства целиком идут на обновление и пополнение книжного фонда. Книги покупают библиотекари в русскоязычных книжных магазинах, руководствуясь при этом своими собственными представлениями о читательском спросе.

Первые книги и читатели в этой библиотеке появились почти тридцать лет назад, задолго до массовой иммиграции 1990-х годов. От того времени сохранился шкаф с произведениями русских классиков, который читатели открывают крайне редко. Проведенное нами наблюдение показало, что чаще всего посетители открывают шкафы с детективами, фантастикой и любовными романами. Это наблюдение совпало с мнением библиотекаря:

Большинство наших читателей, постоянные, ходят к нам годами. В основном это люди старшего возраста. Разное берут. Пожилые женщины берут любовные романы, кровь погреть, попереживать, мужчины – детективы, книги по истории, про политику, про еврейство. Молодые люди, их немного, берут фантастику и тоже детективы. Еще читают об антисемитизме, книги по еврейской истории, читают современных зарубежных и российских авторов. Еще у нас есть шкаф детской литературы. Но дети не ходят. Наверное, уже на иврите читают [...] Книги сейчас очень дорогие. Но мы каждый месяц покупаем новые, уже и ставить некуда, а иначе нельзя: не будет новых книг – не будут к нам ходить.

Библиотека находится в подвале старого жилого дома, где на площади около 20 квадратных метров размещено порядка 10 тысяч книг. Из-за непрерывно нарастающей тесноты книги становятся все менее доступными, они стоят в три ряда, стеллажи поднимаются до самого потолка. Тес-

нота приводит к тому, что читатели не помещаются в библиотеке и некоторым посетителям приходится ожидать своей очереди на улице. Несмотря на неудобство, библиотека популярна – читатели добираются сюда как из близлежащих, так и из удаленных районов: считается, что книжный фонд того стоит. По нашим наблюдениям в час библиотеку посещают около 30 человек, но, видимо, из-за тесноты люди не задерживаются здесь надолго: среднее время пребывания человека в библиотеке – 12 минут. Вместе с тем, можно с уверенностью сказать, что поход в библиотеку для них является специальным мероприятием: посетители одеты несколько официально, и никто из них не пришел с покупками. Только книги.

Войдя в библиотеку, люди начинают узнавать знакомых, и разговор быстро переходит на житейские дела. Тогда библиотекарь делает замечание: «Товарищи! – по-советски обращается она к посетителям, – Тише, пожалуйста. Вы же пришли в библиотеку!» Слово «библиотека» действует как пароль, рождая воспоминания о подзабытой «библиотечной культуре». И хотя тесное подвальное помещение мало похоже на светлые залы бывших советских библиотек, разговор гаснет, чтобы быть продолженным на улице.

Кто они, постоянные посетители? Из наблюдений и бесед с библиотекарями выяснилось, что большинство читателей – это относительно пожилые люди, в возрасте 50–70 лет. Женщин немного больше, чем мужчин. Большинство не владеет ивритом, живут на пособие по старости, по безработице, или же заняты неквалифицированным трудом. Следует признать, что в социальном плане русские библиотеки – это культурный центр для наименее материально обеспеченных представителей русскоязычной общины Беэр-Шевы.

Обратимся к интервью, с тем, чтобы прояснить мотивы, которые подвигают именно эти группы иммигрантов приходить в библиотеку. Анализ интервью показывает, что для большинства посетителей библиотеки, она предоставляет почти

единственную возможность жить в соответствии с их культурными потребностями. Татьяна, 44 лет, в прошлом фармацевт, в Израиле уже 10 лет работает уборщицей, рассказывает:

Когда я в 1996 г. первый раз искала работу, мне девушка в бюро по трудоустройству сказала: «Придешь по такому-то адресу, скажешь «Ани менака» [Я – уборщица]. Запомни это слово «менака» – это ты». Мне эти слова как впечатались. Я работаю уборщицей в больнице. А утром я сиделка, ухаживаю за стариками. Ничего, не обижают, я уже давно работаю. Работа обижает. Я понимаю, что кто-то должен это делать, но мне очень жаль, что именно я. Как будто это единственное, на что я способна. Смотрю на медсестер у нас в больнице. Много русских. Ничем от меня не отличаются. А вот, выучились, работают как люди. А я, вот, не поднялась. Сначала муж учился, потом детей надо было поднимать. Моя культурная жизнь неправильная. Я не в той воде плаваю. Со мной работают хорошие женщины, но необразованные, ограниченные, ну, не уровень. И соседи тоже – мы живем в бедном районе... Газеты [русские] не люблю – уровень их как у моих соседей. Печатают только слетни, политику и рекламу. Хотелось бы, конечно, ходить в театр, часто приезжают русские колллективы, но мы редко ходим – дорого. Поэтому библиотека – это для меня. Тут я возьму книгу, любую, любого уровня. Это доступно. Мне не надо израильскую лицензию¹, чтобы читать Харуки

¹ Татьяна имеет в виду государственную лицензию, необходимую для трудоустройства по большинству специальностей. Например, помимо диплома, требуется специальная лицензия для работы фармацевтом, врачом, медсестрой, водителем, электриком и т.д. Получение такой лицензии часто представляет трудности для иммигрантов, так как связано с необходимостью дополнительного обучения и сдачей экзаменов. В данном контексте Татьяна намекает на лицензию на работу фармацевтом, отсутствие которой не позволило ей трудоустроиться по специальности.

Мураками или Коэльо. Тут я человек такого статуса, на какой я себя чувствую. Только читая книгу, я не сиделка, не уборщица, я – это я.

Кроме функции сохранения традиционных паттернов культурного потребления, интервью выявили дополнительную функцию, выполняемую русскими библиотеками – быть центральным местом для внутриобщинных встреч и поддержания дружеских взаимоотношений. В процессе наблюдений мы неоднократно замечали, как посетители назначали друг другу встречи в библиотеке: «В какой день ты приходишь? Тогда я тоже приду в среду, и потом погуляем...». Кроме того, некоторые читатели использовали саму библиотечную книгу как средство межличностной связи, «знакомства по интересам». Так на романе Ольги Ларионовой мы обнаружили номер телефона и подпись «Зина»; роман Терри Прачетта был украшен номером телефона, изображением медведя и подписью «Олег»; книга Сергея Лукьяненко – эмоциональным призывом: «Мужики! Кто любит Лукьяненко, звоните мне [номер сотового]». По словам библиотекаря, такие надписи чаще всего встречаются на книгах в жанре фантастики: «Молодежь, не берегут книгу, им бы только общаться, да встречаться». Однако библиотекари эти надписи не вымарывают, «писателей» не разыскивают и не наказывают – мирятся: «что делать, может, им надо».

Чтобы лучше понять это необычное явление, мы взяли на себя смелость позвонить по случайно выбранному номеру и таким образом смогли познакомиться с его владельцем. Им оказался Борис, 39 лет, 10 лет в Израиле. Он сообщил, что надпись на книге сделана им три года назад, и что благодаря этому призыву он приобрел новых знакомых, людей с похожими интересами. С большинством из них он виделся один или два раза, но с некоторыми – общается по сей день. Их общение не сводится к обсуждениям книг: говорят о житейских проблемах, пьют пиво. Книги Лукьяненко ока-

зались лишь поводом к знакомству. Ну, а наиболее приятное следствие надписи на книге – Борис уже более года встречается с сестрой одного из откликнувшихся читателей. Так книга выступила не только в качестве средства межличностной коммуникации, но и помогла в создании романтических отношений внутри русскоязычной общины города.

Как мы отметили выше, это явление характерно лишь для относительно молодых читателей. Пожилые иммигранты на книгах не пишут, а напротив всегда подклеят и починят книгу по собственной инициативе. Это поведение перекликается с характерной чертой российского интеллигента, для которого книга – не просто товар, а вещь, требующая к себе безусловного уважения. Так, по словам Славы, 62 лет, 13 лет в Израиле:

Я, когда иду в библиотеку, зорко смотрю – нет ли рядом пакета с книгами. Дело в том, что русские не выбрасывают, не выставляют книги на улицу. Это ивритские книги можно встретить в коробках на улице, и кто-то там копается, а потом дети разбрасывают, балуются, рвут. Страницы летают. Русские книги не валяются. Если книги не нужны, может, места дома нет, а внуки не читают, то народ сюда приносит и ставит под дверь библиотеки. В библиотеку редко когда книгу примут – книги в основном старые, не популярные, а места мало. Но люди заберут. Тут на неделе было собрание сочинений Горького, я себе два тома взял. Сюда, к порогу библиотеки, книги подбрасывают как ребенка к дверям приюта.

Как показывает цитата, даже закрытая дверь библиотеки помогает иммигрантам сохранять экзистенциальные для них ценности книги и чтения, а посредством этого, и столь необходимые в иммиграции ощущения самоценности и даже культурного превосходства. Вместе с тем, материалы интервью показывают, что хотя многие респонденты привезли с собой домашние библиотеки, однако редко кто довольствуется общением с принадлежащими ему

книгами. Для большинства респондентов актуальна потребность в знакомстве с книжными новинками. Так, Яков, 67 лет, живет в Израиле 12 лет, объясняет, почему он еженедельно посещает библиотеку:

Зачем мне новые книги? Книга всегда ценность для евреев. Недаром, евреи – это «народ книги». Да, дома у меня большая библиотека и я ничего не продал и не выбросил. Но мне интересно читать то, что издается сейчас. Я люблю взять современный российский детектив. Нигде, кроме как в детективах, не описан так точно быт современной России. Это не передадут в новостях, в кино не покажут. Не оттого, что скрывают, просто они привыкли и не обратят на это внимания, а значит, и не покажут. А в книге мимоходом автор описывает эти подьезды, дворы, подсобки, кафе, школы, рынки, улицы. И когда я натываюсь на такие вещи, я понимаю, что не ошибся с переездом в Израиль.

Слова Якова позволяют утверждать, что порой современная книга, взятая в библиотеке, предоставляет пожилым иммигрантам информацию о жизни и быте современной России, а, кроме того, она порой может успокоить читателя-иммигранта, уверить его в правильности сделанного выбора. В этой связи важно подчеркнуть, что многие пожилые респонденты воспринимают книгу как единственный заслуживающий доверия источник информации о происходящем в России.

Для более полной характеристики читателей русских библиотек важно ответить на вопрос – кто библиотеку не посещает? Материалы наблюдений и интервью с библиотекарями свидетельствуют, что постоянные посетители – это люди старше 50 лет, выходцы из европейских республик бывшего СССР. Иммигранты молодого и среднего возраста, дети и подростки, а также иммигранты из Средней Азии и Закавказья библиотеку не посещают. Объяснить отсутствие 30–40-летних иммигрантов мы смогли несколько позже, во время изучения русских книжных магазинов, а

вот частичное объяснение отсутствия юных читателей мы нашли, беседуя с подростками, которых во всякий день наблюдения встречали во дворе дома, в подвале которого расположена библиотека. Так, например Нина, 14 лет, 4 года в Израиле, рассказывает:

Там все так стоит, что совершенно невозможно ничего найти. Условия ужасные. Книги мостятся на трех квадратных метрах. Разложены не по алфавиту. Если тебе нужна конкретная книга, нет шанса ее найти. Книги вроде как есть, но, с другой стороны, их и нет. Достать их нет ни малейшей возможности. Я спрашивала у бабок [у библиотечарей], просила их сказать, где находится ЭН Райз [серия книг «Вампирские хроники»], но они не знают, где. Как будто они там не библиотекари, а просто так. Они знают, где стоят их любовные романы и детективы. А где книги, которые нормальные люди читают, они не знают. У них у самих другие интересы. У меня мало знакомых, которые ходят в библиотеку. С Интернета качают, а если книга, ну, очень хорошая – покупают.

Как мы видим, для подростков библиотека не стала культурным центром и местом общения. Они чувствуют себя там неуютно, книги, которыми они интересуются «не в почете» у пожилых библиотечарей. Стоит спросить произведение в жанре фантастики, как следует горделивый ответ библиотечаря: «Ничем не могу помочь, я такого не читаю». То есть культурные различия между работниками библиотек и подростками не оставляют места для культурного же диалога между двумя поколениями иммигрантов, и, таким образом, не позволяют реализовать потенциал русской библиотеки как средства межкультурной связи и преемственности.

Иммигрантов в возрасте 30–45 лет, более обеспеченных и устроенных, тоже редко встретишь в библиотеке. Они предпочитают покупать книги. Тем более, что возможности для этого широкие – в Беэр-Шеве 11 русскоязычных книжных магазинов. Интересно, что если библиотеки раз-

бросаны по городу, максимально приближены к читателям (так же как и русские продуктовые магазины, которые имеются в каждом квартале), то подавляющее большинство русских книжных магазинов расположено вдалеке от жилых кварталов, в центре города, близко друг к другу, нередко «дверь в дверь».

Мы выбрали для наблюдения книжный магазин «Спутник». Узкая витрина с книгами теряется из-за вынесенных стоек с разноцветными футболками, носками и сумками, принадлежащих соседним магазинам. Чтобы сделать книжный магазин заметным для покупателя, продавцы включают записи российских исполнителей и направляют динамики на улицу. Войдя, мы попадаем в удлиненное помещение, где книгам почти так же тесно, как в библиотеке. У самого входа на нас глядят золоченые тома классики и произведения мировой философской мысли. Как отметил продавец: «не так уж их покупают, но надо, чтобы были. Это лицо магазина, человек заходит, видит – серьезный магазин, и пусть он потом поваренную книгу купит, все равно, ему приятно». Также на «лицевой стороне» – книги про Израиль, психология и научно-популярная литература. А фантастика, любовные романы и разного рода советы по похудению скромно прячутся в глубине магазина. Рядом с кассой расположен стенд с предложениями купить билеты на русскоязычные концерты, а также рекламки бесплатных общественных мероприятий. Это явление характерно для многих книжных магазинов Беэр-Шевы, которые являются в полном смысле этого слова культурными центрами. Именно здесь продаются билеты на концерты и спектакли как российских, так и израильских исполнителей, ориентированных на русскоязычную аудиторию. Именно тут располагается реклама экскурсий, организуемых Беэр-Шевскими «клубами путешественников».

По сравнению с библиотекой посетителей немного, за час в магазин входили в среднем десять человек, в результате око-

ло двух третей из них книги покупали. Всем в магазине хватало места, продавщица старалась охватить вниманием всех находящихся в магазине, помогала выбрать книгу, вникала в нужды и интересы посетителей. Похоже, что многие покупатели были постоянными посетителями, так как продавщица знала их по именам. В отличие от библиотеки, люди находились в магазине подолгу, порой более получаса, путешествовали от стеллажа к стеллажу, вели с продавщицей пространственные «литературные» беседы, переходящие в обсуждение жизненных вопросов. Случалось, что в разговор вступал кто-то еще. Все это резко контрастировало с холодной строгостью библиотеки, где посетителей просили соблюдать тишину.

Следует подчеркнуть, что если в числе посетителей библиотек преобладали люди пенсионного возраста, то в книжных магазинах дело обстояло иначе: средний возраст покупателей колебался в районе 35–45 лет, было примерно поровну мужчин и женщин. Посетители производили впечатление людей «заглянувших по дороге», они были с покупками и пакетами. То есть, в отличие от библиотеки, поход в русский книжный магазин отдельным «культурным мероприятием» не является, возможно, потому, что у людей, располагающих средствами для приобретения книг, есть и другие возможности «выйти в свет». Вышесказанное позволяет утверждать, что книжные магазины и библиотеки не «борются» между собой «за читателя», так как их потенциальные клиенты принадлежат к разным социально-демографическим слоям русскоязычной общины. Кроме того, они предлагают читателю совсем разную книжную продукцию. Так, продавец книжного магазина, ответил, что они не конкурируют, а дополняют друг друга:

У нас, если можно так выразиться, совсем разный репертуар. Я это точно знаю, так как библиотеки у нас книги покупают, мы им делаем скидку за опт. У них чтение, как пел Высоцкий: «уколоться

и забыться». Человек берет там детектив, любовный роман, современную фантастику – всякое такое, что читать не оторвешься, но дома тебе этого не надо. Прочитал – забыл. В библиотеке ты не найдешь книг по психологии. Такие книги человек хочет иметь дома. Я знаю, что библиотеки их даже не покупают, так как читатели их быстро «заигрывают». В библиотеке нет научно-популярных книг, философии, эзотерики. Нет там про здоровый образ жизни, про как воспитывать детей, как готовить. Да и классику в библиотеке нет смысла брать – ее надо дома иметь, возвращаться к ней. Мы и они – это все наоборот.

Из материалов интервью с продавцами магазина следует, что покупатели в основном ищут книги, способные поддержать их высокий культурный уровень (классическую литературу), а также книги, позволяющие быстро найти необходимую информацию (словари, энциклопедии и справочники). Вместе с тем, важно выяснить, как объясняют свой приход в магазин сами посетители. Интервью с ними показали, что некоторая их часть приходит не ради приобретения книг, а ради покупки журналов, которые они привыкли читать в стране исхода. Света, 42 лет, полтора года в Израиле рассказывает:

В книжном магазине все очень дорого. За такие деньги никаких книг читать не захочешь. Конечно, были бы деньги, я бы читала. А в книжный я хожу, каждый месяц десятого числа и сразу спрашиваю номер «Крестьянки». Мы в России всегда «Крестьянку» выписывали. Да, я знаю, что можно выписать и тут. Но я не такая дура, чтобы это слушать. Ящик у нас почтовый разломанный, да и журнал целиком в цель не влазит – украдут обязательно. Поэтому мне не труд каждый месяц прийти в магазин и купить журнал. Я там, в магазине прошу свежих журналов, стану в уголке, все их перелистаю, заголовки прогляжу, где и полстатьи уже прочитаю, и какой понравится – беру. Иной раз «Работницу» беру или «Здоровье». Продащица-то с меня

смеется, говорит, что тебе и покупать, уж вон все прочитала, можно так домой идти. Ну, это она (продащица) так, в шутку. Знает, что я как все просмотрю, всегда какой-нибудь покупаю.

Света отличается от общепринятого образа «русской интеллигентки». Она – вдова, одна воспитывает семерых детей, имеет незаконченное среднее образование, в России работала в колхозе, а в Израиле живет на пособие и проживает в одном из самых бедных кварталов Беэр-Шевы в «социальном жилье», предназначенном для слабых слоев населения. Как видно из цитаты, книжный магазин позволяет ей сохранять привычные для нее паттерны культурного потребления (журналы, предназначенные для женщин-работниц) и, таким образом, обеспечить преемственность и устойчивость ее «разорванной» на две части жизни.

Подобно Свете, представляющей низший экономический слой иммигрантов, более пожилые иммигранты (60 лет и старше), живущие на пособие по старости, приходят в магазин не для того, чтобы покупать книги. Они находят в книжном магазине информацию о ближайших концертах и театральных представлениях на русском языке, стараются купить недорогие билеты. Так Нинель, 79 лет, в Израиле 14 лет, рассказывает:

Книг я, признаюсь, не покупаю. У меня очень маленькая комната и хранить новые книги негде. Храню старые книги, еще с пометками покойного мужа, перечитываю. Но в книжный магазин прихожу регулярно ради билетов на концерты. К нам замечательные артисты приезжают. Но надо часто заходить, потому что недорогие билеты быстро разбирают, потом бывают такие представления, как правило, недорогие, на которые мало рекламы, и если ты в магазин не зайдешь, так и не узнаешь. Я стараюсь раз в месяц заходить, беру с собой блокнот, ручку, сажусь возле продащицы, она меня хорошо знает, и переписываю все представления на месяц-полтора вперед.

Магазин исполняет роль источника культурной внутриобщинной информации и для тех, кто приходит лишь затем, чтобы купить книгу. Более того, многие опрошенные подчеркнули, что для них посещение русского книжного магазина превратилось в некий культурный ритуал, не менее важный, чем приобретение книг. Как сообщил Александр, 39 лет, семь лет в Израиле:

Я прихожу в книжный магазин, чтобы купить книги. Я это делаю, если по каким-то делам бываю в Старом городе. Если только вижу книжный, надпись по-русски – тянет зайти. Я покупаю книги, если хочу себя порадовать. Прихожу обычно без плана, не знаю, какую купить. Но что куплю обязательно – знаю. Не может быть, чтобы во всем магазине ничего для меня не нашлось. Посмотрю, схожу. Погляжу, что люди берут, с продавщицей поговорю, что модно, что теперь читают. Да, я знаю, что в Интернете тоже книги покупают, но это не для меня. Интернет – это так, функция, автомат, а тут в магазине – ритуал. Иду, покупаю, все видят, что я покупаю, еду домой, везу, приехал, показываю – смотрите – купил! Иногда я открываю для себя новых исполнителей. Например, бард новый есть – Тимур Шаов, я тоже раньше не знал его, а благодаря магазину и узнал. Был как-то, музыка у них играла и там слова: «И ощутить семитство как блаженство». Я тогда два года в стране был, мне это семитство было таким блаженством, что небо с овчинку, спросил продавца, а он мне тут же билеты на концерт и втер. Сходили на концерт, жене не понравилось, а я до сих пор Тимура Шаова слушаю.

В заключение отметим схожие черты в демографических профилях посетителей книжных магазинов и библиотек: это, прежде всего, отсутствие подростков и иммигрантской молодежи в возрасте 20–30 лет. Одним из возможных объяснений может служить то обстоятельство, что большинство подростков прибыли в Израиль, не имея развитых навыков чтения. Согласно данным представленным Niznik

(2003), менее десяти процентов русскоговорящих подростков-иммигрантов прочитали хотя бы одну книгу на русском языке полностью. Большинство русскоязычных текстов, читаемых ими, это короткие статьи в русских газетах, реклама и программа телевизионных передач. Niznik приходит к выводу, что для известной части русскоговорящих подростков-иммигрантов, русская литература остается *terra incognita*. Похожие данные получены также в исследовании Elias and Lemish (в печати) о системе коммуникации в семьях русскоязычных иммигрантов. Полученные ими данные свидетельствуют, что родители в этих семьях не особенно стараются привить своим детям навыки письма и чтения на русском языке, а довольствуются лишь развитием разговорного русского, необходимого для ежедневного общения.

Заключение

Результаты нашего исследования дают представление о богатой и разнообразной культурной жизни русскоязычной Беэр-Шевы. Так, Беэр-Шева входит в тройку городов – лидеров по числу билетов, продаваемых на представления российских артистов, имеет развитую сеть русскоязычных библиотек и книжных магазинов. Деятельность данных центров культурной жизни общины организована «снизу», по инициативе добровольцев и частных предпринимателей – русскоязычных иммигрантов. Эта деятельность осуществляется без существенной материальной поддержки властей: муниципалитета Беэр-Шевы, министерств абсорбции, просвещения и культуры Израиля. Важно также подчеркнуть, что все изученные нами культурные формирования предназначены для широких кругов населения, а не ограничены элитной группой интеллигенции.

Заметим, что все, обнаруженные в ходе настоящего исследования культурные «центры притяжения» (спектакли и концерты, книжные магазины и библиотеки) существовали и в Советском Союзе. На первый взгляд, они представляют своего

рода «культурный импорт», призванный удовлетворить потребности, характерные для бывших советских граждан. Однако, наше исследование показало, что в условиях иммиграции эти якобы знакомые объекты не только функционируют по-другому, но и наполняются новым смыслом, который не был присущ им в стране исхода.

Не подлежит сомнению, что комфортабельные библиотеки Советского Союза по своим условиям превосходили их безрешевские аналоги. Однако светлые залы районных библиотек часто пустовали. В противоположность им, русские библиотеки Беэр-Шевы настолько востребованы читателями, что последние готовы даже стоять в очереди для того, чтобы иметь возможность войти. Русские книжные магазины по «прибытии» в Израиль также прошли трансформацию, и теперь служат центрами общинной коммуникации. Кроме традиционной покупки книг тут можно получить информацию о культурных событиях города, приобрести билеты, и даже узнать о новых деятелях искусства и творческих коллективах, расцветших в иммигрантской среде. Видимо, мы являемся свидетелями нового культурного явления, которое развивается сегодня в условиях иммиграции и питается двумя характерными для иммигрантов потребностями: в сохранении культурной идентичности страны исхода и во внутриобщинной коммуникации.

Как показало данное исследование, упомянутые центры культуры успешно справляются с этими задачами. Они не только представляют собой основу для культурной деятельности, призванной сохранять контакт с культурой страны исхода, но и помогают развитию внутриобщинных взаимоотношений. Это наиболее заметно проявляется в деятельности русских библиотек, когда многие читатели используют книги для создания новых связей с другими русскоговорящими, объединяясь по принципу литературных вкусов. Однако в этой связи важно подчерк-

нуть, что скромные условия иммигрантских библиотек затрудняют их превращение в более действенный центр внутриобщинной коммуникации, где могли бы проводиться дополнительные культурные мероприятия.

Особого внимания заслуживают различия между группами иммигрантов, предпочитающих разные формы культурного досуга. Так, классические музыкальные представления или представления с участием ретро-звезд советской эстрады привлекают людей старше 60 лет, в то время как представления с участием звезд современной российской эстрады более популярны у иммигрантов среднего возраста. Подобное разделение существует также и в отношении русских библиотек и книжных магазинов, когда в библиотеке чаще можно встретить пенсионеров, а в книжном магазине – более молодых иммигрантов. Напрашивается вывод, что данные формы культурного досуга соответствуют культурным различиям между поколениями.

Однако не только возраст посетителей определяет эти различия. Важно обратить внимание на различия в доступности данных видов культурной деятельности, когда билеты на концерты современных модных исполнителей существенно дороже билетов на вечера классической музыки или концерты звезд советской эпохи. Таким образом, различные представления, обращаясь к людям с разным достатком, отражают не только возрастные различия, но и имущественное расслоение среди русскоговорящих иммигрантов. Подобно этому, низкая цена абонемента в русские библиотеки позволяют самым малообеспеченным иммигрантам сохранять высокую самооценку, в то время как русские книжные магазины обращаются к более обеспеченным слоям иммигрантов.

Несмотря на многообразие видов культурной деятельности, подходящих, как кажется, к самым разнообразным потребностям и экономическим возможностям иммигрантов, мы не нашли среди посети-

телей концертов, книжных магазинов и библиотек подростков и молодежи до 30 лет, а также выходцев из Закавказья и Средней Азии.

Отсутствие молодых иммигрантов можно объяснить их более быстрым вхождением в местную культуру, и, следовательно, предположить, что паттерны их культурного потребления окажутся схожими с аналогичными паттернами уроженцев страны. Вместе с тем в ходе исследования нами была получена информация о существовании двух рок-клубов, облюбованных иммигрантской молодежью Беэр-Шевы, а также о неформальной подростковой организации – «ролевиков», суть деятельности которых заключается в разыгрывании сюжетов популярных в иммигрантской подростковой среде книг. Поэтому, для того чтобы проследить за культурной жизнью иммигрантской молодежи, следует предпринять дополнительное исследование, сфокусировав его на культурных формированиях, созданных представителями второго поколения русскоязычной общины города.

Что касается отсутствия выходцев с Кавказа и Средней Азии на концертах, в русских библиотеках и книжных магазинах, то можно объяснить это относительно слабой их связью с русским языком и культурой. Важно подчеркнуть, что русский язык был навязан жителям Кавказа и Средней Азии советским режимом, и его место в системе их культурной самоидентификации весьма скромное (в отличие от жителей европейских республик бывшего СССР) (Брам 1999). Кроме того, исторически еврейские общины периферии Советского Союза имели больше возможностей сохранять еврейскую культуру (ее сефардский вариант), по сравнению с евреями, проживающими в больших городах России и европейских республиках (Вочаев 1983). Поэтому, по прибытии в Израиль выходцы с Кавказа и Средней Азии стали создавать собственные общины, отделяясь от выходцев из «русских-ашкеназских» областей. Это явление требует дополни-

тельного исследования, которое могло бы сфокусироваться на культурных аспектах жизни общностей, составляющих этническое богатство общины выходцев из стран бывшего СССР.

Наше исследование показало, что более пристальный взгляд на локальную общину позволяет получить представление о непосредственных выражениях массовой иммигрантской культуры. Так, спустившись с «общеизраильского» уровня к локальному, мы обнаружили инициативы рядовых иммигрантов, для которых культура не является областью профессиональной деятельности. Однако даже анализ, проведенный на уровне городской общины, не позволяет составить полное представление обо всем богатстве культурной жизни иммигрантов. Так, в ходе исследования мы обнаружили десятки клубов по интересам, часто официально незарегистрированных и практически всегда созданных инициативой «снизу» – таких как литературные и музыкальные домашние кружки, объединения непрофессиональных художников и литераторов, молодежные фан-клубы и многое другое. Процесс культурного «обустройства» русскоязычной общины ширится, углубляется и требует дальнейшего исследования.

В заключение отметим, что результаты данного исследования способствуют не только лучшему пониманию жизни русскоязычной общины на локальном уровне, но и обнаруживают культурные процессы, характерные, как нам представляется, для иммигрантских общин вообще. Это, прежде всего, попытки придать незнакомому пространству более привычный облик, таким образом, превратив его в дом или хотя бы в напоминание о нем. Этот процесс «культурного обустройства» тесно связан с реализацией насущных потребностей иммигрантской общины, определяющих сам факт ее существования – потребностей в сохранении культурной идентичности страны исхода и во внутриобщинной коммуникации. Чтобы полнее обосновать данное утверждение, следует провести

сравнительное исследование, посвященное различным аспектам культурной жизни русскоговорящих иммигрантов в других городах Израиля, а также в иммигрантских общинах других стран, принявших волны массовой иммиграции с постсоветского пространства, таких как США, Канада и Германия.

Литература

- Брам Хен 1999 – Брам Хен. Между Кавказом и Израилем: Репатриация горских евреев, общинные характеристики Кавказа и проблемы интеграции в Израиле с точки зрения антропологии (Бейн Кавказ ле Исраэль: Алият Еудэй А-Хар). Иерусалим: Институт геронтологии и развития человека Брукдейл (на иврите). 1999.
- Горовиц и др. 2007 – Горовиц Т., Шамай Ш., Илатова З. Из большой страны – в малый город. Адаптация иммигрантов из СССР/СНГ в Израиле. Екатеринбург: Издательство Гуманитарного университета, 2007.
- Еленевская, Фиалкова 2005 – Еленевская М., Фиалкова Л. Русская улица в еврейской стране: Исследование фольклора эмигрантов 1990-х в Израиле. В 2-х ч. М.: ИЭА РАН, 2005.
- Зильберг 2002 – Зильберг Н. Русские евреи в Иерусалиме: культурные коды и манифестация этничности // *Время искать. Журнал общественно-политической мысли, истории и культуры*. 2002. № 6. С. 141–162.
- Левин 2002 – Левин Е. Творческий досуг: русская молодежь в Израиле // *Эрец Ахерет*. 2002. № 19 – <http://www.jafi.org.il/education/russian/Culture/eretz/Levin.html>.
- Bernstein, Carmeli 2004 – Bernstein J., Carmeli Y. Food for Thought: The Dining Table and Identity Construction among Jewish Immigrants from the Former Soviet Union in Israel // *Consumption and Market Society in Israel* / Eds. Y.S. Carmeli, K. Applbaum. Oxford: Berghan Books, 2004. P. 95–123.
- Bochaev 1983 – Bochaev M. The Cultural Autonomy of Bukharan Jews // *In Search of Self* / Ed. D. Prital. Jerusalem: Mount Scopus Publications, 1983. P. 88–95.
- Caspi et al. 2002 – Caspi D., Adoni H., Cohen A.A., Red E.N. White and Blue: The Russian media in Israel // *Gazette*. 2002. № 64 (6). P. 537–556.
- Elias forthcoming – Elias N. Coming Home: Media and Returning Diaspora in Israel and Germany. New York: SUNY Press, forthcoming.
- Elias, Lemish forthcoming – Elias N., Lemish D. Media uses in immigrant families: Torn between «inward» and «outward» paths of integration // *International Communication Gazette*. Forthcoming.
- Epstein, Kheimets 2000 – Epstein A., Kheimets N. Cultural Clash and Educational Diversity: Immigrant Teachers' Effort to Rescue the Education of Immigrant Children in Israel // *International Studies in Sociology of Education*. 2000. № 10(2). P. 191–210.
- Georgiou 2006 – Georgiou M. Diaspora, Identity and the Media: Diasporic Transnationalism and Mediated Spatialities. New Jersey: Hampton Press, 2006.
- Gershenson 2005 – Gershenson O. Geshet: Russian theatre in Israel: a study of cultural colonization. New York: Peter Lang, 2005.
- Gordon 1996 – *The Concise Oxford Dictionary of Sociology* / Ed. Gordon M. New York: Oxford University Press, 1996.
- Horowitz et al. 2005 – Horowitz T., Shamai Sh., Golan M. Segregation vs. Integration: Russian educational networks in Israel. *Wingspan*. 2005. 1(1). P. 62–69.
- Lindlof 1995 – Lindlof Th. R. *Qualitative Communication Research Methods*. Thousand Oaks: Sage, 1995.
- Niznik 2003 – Niznik M. The Dilemma of Russian-Born Adolescents in Israel // *Contemporary Jewries: Convergence and Divergence* / Eds. E. Ben-Rafael, Y. Gorny, Y. Ro'I. Leyden and Boston: Brill Academic Publishers. 2003. P. 235–252.
- Remennick 2007 – Remennick L. *Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict*. New Jersey: Transaction Publishers, 2007.

Глава 19

«Полёт вниз без парашюта»: некоторые аспекты адаптации русских в США¹

«Почему про некоторых русских иммигрантов говорят, что они здесь “без парашюта”? – Потому что в России они бросили все и от всего отказались... им некуда возвращаться...»

(из разговора иммигрантов в г. Сан-Франциско конца 1990-х годов)

Русскоязычная эмиграция в США, начавшаяся в конце 1980-х годов и продолжавшаяся вплоть до начала 2000-х годов, отличается рядом характерных черт, принципиально выделяющих ее среди всех предыдущих иммиграционных волн из нашей страны в Америку. Первая волна, связанная с российским освоением Америки еще в XVIII–XIX вв., была представлена весьма малочисленными русскими исследователями и купцами и означала освоение тихоокеанского побережья североамериканского материка. Вторая проходила на рубеже XIX–XX вв. и была связана с массовым переселением евреев из Российской империи за океан. Третья волна пришлась на 1960–1970-е годы и означала массовый отъезд политэмигрантов из СССР. Четвертая волна пришлась на время падения железного занавеса в нашей стране и, по некоторым оценкам, оказалась самой массовой – около 1 млн человек (Демографический 1999).

Наиболее характерные черты четвертой иммиграционной волны, по сравнению с предыдущими, можно систематизировать следующим образом: 1) добровольный характер эмиграции; 2) высокий образовательный и интеллектуальный уровень переселенцев («утечка умов»); 3) организованный и легальный характер переезда; 4) приоритет экономической мотивации (улучшение качества жизни); 5) сохранение российского гражданства.

В начале 1990-х годов люди семьями уезжали из страны от нищеты, возникшей в результате радикально-либеральных реформ и разорительных условий жизни при «диком капитализме» олигархического типа. Средний доход населения в России в эти годы, по данным Росгосстата, составлял не более 30–50 дол. США в месяц (Сакс 1994: 331). Покидая Россию, люди либо соединялись с родственниками, уже живущими в США и способными хоть как-то поддержать переселенцев первое время, либо всеми силами стремились получить статус беженцев, доказывая правдами и неправдами американскому чиновнику в посольстве, что их притесняли на работе по национальному признаку, либо отчаянно пускались во все тяжкие, делая ставку на выигрыш грин-карты в лотерею. Во всех этих случаях речь, как правило, шла о том, что стабильной материальной базы у эмигрантов при переезде не было, и ставка делалась на поиск хоть какой-нибудь работы в упорядоченной американской жизни.

Проблема адаптации русскоязычных иммигрантов четвертой волны (конец 1980-х годов – начало 1990-х годов) в США сегодня становится предметом научной рефлексии уже на новом, антропоцентрическом уровне, в основе которого лежат не столько статистические показатели, сколько психоаналитический анализ. По прошествии четверти века стало ясно, как именно сложились судьбы тех, кто в конце XX в. сутками дежурили у здания американского посольства на Новинском бульваре в Москве, с замиранием сердца целыми семьями ожидая вызова к завет-

¹ Глава подготовлена по теме НИР «Кросс-культурные и междисциплинарные исследования».

ному окошку и, сбиваясь и путаясь, пытались произвести благоприятное впечатление на бесстрастного заокеанского чиновника за толстым стеклом. Если жалюзи на окошке резко и без всяких объяснений опускалось, это означало только одно – надежды на лучшую жизнь больше нет, все мечты разбиты в прах и многолетние усилия пропали даром. Но те, кто все-таки получал в руки возделанный желтый пакет с разрешительными документами на ПМЖ в США, в одно мгновение становились победителями и обладателями реальной путевки в счастливое будущее. В подтверждение своей лояльности новому государству «счастливчики» спешно прикладывали правую руку к сердцу и, под поощрительным взглядом заграничного чиновника клялись быть всегда верными американским идеям и ценностям, не сильно задумываясь над тем, что же на самом деле эти ценности представляют в реальности.

Понятие «американской мечты» в те годы вообще плохо поддавалось определению, хотя активно муссировалось в отечественных СМИ и не менее активно использовалось в повседневном лексиконе россиян (Ценности американизма 1996). Общим положением такого ажиотажного спроса на словосочетание «американская мечта» стало, пожалуй, вполне понятное желание вчерашних граждан большой страны компенсировать утерю идеалов и привычных целеполаганий чем-то устойчивым, привлекательным и способным изменить их жизнь к лучшему. При этом мало кто в нашей стране тогда вообще пытался расшифровать это понятие – «американская мечта». В ее существование и реализуемость просто верили, как верят в религиозные постулаты или социальные мифы.

Справедливости ради надо заметить, что никто среди властителей дум в нашей стране, отвечавших за формирование «новой картины мира» в массовом сознании, в те годы и не пытался развенчивать миф об американской мечте, тем более провоци-

ровать сомнения в превосходстве американского образа жизни над советским, в одночасье списанным с исторических счетов. Напротив, все американское преподносилось общественному сознанию как некий идеал, к которому надо стремиться и который не подлежит критике. С помощью, в первую очередь, голливудских фильмов в общественном сознании россиян утверждалась идея, что в США живут инициативные, предприимчивые люди, способные на созидательную деятельность и признающие личную ответственность, обладающие здоровым критицизмом в отношении всех возможных политических режимов и экономических систем (Попов 2011: 228). Повседневная жизнь этих предприимчивых людей получала самое выигрышное отражение на экранах кинотеатров, материализовалась в продуктах питания, одежде, сленге и т.п. Среди отечественных экспертов достаточно распространено мнение, что мощнейшему натиску голливудских технологий обработки массового сознания российское киноискусство 1990-х практически ничего не могло противопоставить, лишь «розовый» официоз и «идиотический оптимизм» (Попов 2011: 229).

Несмотря на спорность такого суждения, все-таки следует признать, что «голливудские технологии» сыграли весьма значительную роль в создании мифологем об американской жизни, распространившихся в начале 1990-х годов на всем постсоветском пространстве. Массовое сознание россиян оказалось буквально под прессингом такого рода мифов, которые к тому же подкреплялись и усиливались профессионально и качественно изготовленной американской рекламой (Засурский 2005: 17). Любое сравнение реалий тогдашней России, с ее разрушенным бытом, безработицей, безденежьем и т.п. с заокеанским благополучием и стабильностью, безусловно, не выдерживало никакой критики. При этом мифотворчество только набирало обороты, превращаясь едва ли не в религиозную догму.

Целеустремленность эмигрантов из России 1990-х годов, по сути, была круто замешана на такого рода догмах, не подвергавшимся никакому анализу или хотя бы небольшому сомнению. Именно такая, эмоционально насыщенная и абсолютно не критичная в своей основе мотивация описана автором этой статьи в монографии «Кризис семьи в эмиграции» (Шалыгина 2007: 45), где подробно анализируются проблемы, с которыми пришлось столкнуться жителям острова Пуэрто-Рико, имеющего статус свободно присоединившегося к США государства, при переезде на североамериканский материк. Восторг островитян, убежденных, что «...в Америке есть все – от чулок до зрелищ!», довольно быстро сменился разочарованием и депрессивными настроениями, которые неизбежно наступают при переоценке вождельной мечты. Для объяснения проблем адаптации пуэрториканцев в США в книге приведен целый ряд объективных факторов, среди которых, по видимому, важнейшим следует считать разрыв в культурной дистанции, усугубленный сельским бэкграундом эмигрантов, столкнувшихся с жизнью в мегаполисе (Шалыгина 2007: 18).

Для русскоязычных иммигрантов четвертой волны в США проблемы столкновения с реальностью оказались несколько иными. Показатели официальной статистики говорят о том, что русскоязычные иммигранты 1990-х годов – преимущественно образованные люди, живущие в городах, имеющие профессию, в той или иной мере владеющие английским языком и другими коммуникативными навыками, необходимыми для успешной адаптации к американскому образу жизни (Рыбаковский 2006: 112). Принято считать, что эта волна эмиграция из России в США является самой цивилизованной во всей российской истории, имеет много схожих черт с эмиграционными процессами в развитых странах мира и ориентирована на усвоение так называемых западных ценностей. Формально это так. Однако сугубо этноло-

гические и антропологические методы (прежде всего – включенное наблюдение и автобиографический нарратив) получения информации о русскоязычных иммигрантах 1990-х годов в США вносят существенные коррективы в эту картину и вскрывают закономерности, недоступные формализованным источникам.

Включенное наблюдение проводилось автором этой статьи на протяжении 2000–2003 гг. в нескольких штатах юго-запада США, из которых самым богатым на полевые материалы, составившие основу авторского видео- и фотоархива, стала Калифорния. Для уточнения ситуации следует сказать, что мое изучение русскоязычной диаспоры в Калифорнии представляло собой полное погружение в иммигрантскую среду. Хорошо известно, что главная особенность полного погружения при включенном наблюдении заключается в одинаковости статуса исследователя и объекта его изучения (Козьмин 2012). Моими первыми респондентами стали люди, с которыми нас связывало давнее знакомство и на какое-то время одинаковые условия пребывания в США. Мне не приходилось ничего объяснять или задавать своим респондентам специально подготовленные вопросы, т.к. повседневные заботы сами диктовали сюжеты исследования. У меня и моей семьи не было ни гранта на исследование, ни личных спонсоров (например, родственников, живущих в США), ни заранее обеспеченного рабочего места, ни поддержки русской общины (о чем особый разговор), ни даже достаточного запаса денег, что называется, «на первое время». Иными словами, у меня не было никаких преимуществ по сравнению с теми, кого мне волею судьбы довелось изучать. Но сложившиеся обстоятельства позволили увидеть скрытые, не отраженные формализованными источниками стороны реальной жизни наших бывших соотечественников, которых в США принято объединять термином «русские».

В общей сложности, по данным проведенного наблюдения, в орбите «русских разговоров» (Рис 2005) иммигрантов оказа-

лось 156 чел., приехавших из самых различных регионов бывшего Советского Союза – русские из Москвы, Средней Азии, Зауралья, Прибалтики, Армении. Общение с таким количеством респондентов в рамках неформального разговора удалось реализовать с помощью метода «кустового опроса», предложенного известным американским социологом Оскаром Льюисом (Lewis 1966). Суть метода заключается в том, что, начиная знакомство с одной конкретной семьи, исследователь постепенно знакомится и с их родственниками, друзьями, знакомыми друзей и родственников, соседями, так что круг респондентов постепенно расширяется сам собой.

Судя по жизненным историям, которыми иммигранты охотно делились, значительным препятствием к их адаптации к новой социокультурной среде с первых же дней стал английский язык. Абсолютное большинство переехавших в 1990-е годы на ПМЖ в США наших сограждан, как выяснилось, плохо владели английским языком (если не сказать, что вообще не владели). И это вполне объяснимо: специальная подготовка к эмиграции, включая изучение английского языка, требовала времени, которого у них фактически не было, а уровень знания иностранных языков в рядовой советской школе оставлял желать лучшего.

Государственная программа США уже не первое десятилетие предусматривает бесплатное обучение легальных иммигрантов английскому языку. Для этого во всех крупных и даже во многих небольших городах США существуют множество специальных школ для взрослых (Community College), в которых выходцы из самых различных стран распределяются в зависимости от фактического уровня владения английским языком. Условия обучения в таких школах предельно просты и у большинства иммигрантов не вызывают вопросов: «Сами занятия проходят весело, никого ничего не заставляют делать специально. Кто-то опаздывает и все дружно здороваются. Народ прино-

сит кофе в термосах и воду. Атмосфера очень доброжелательная. Есть упражнения с соседом за столом, иногда учительница сама пробегала по всем, проверяя письменное задание. Упражнения все быстрые и простые. В пятницу все решили устроить чаепитие и составили список, кто что вкусное принесет к завтраку в класс» (Голос 2015).

Однако, несмотря на, казалось бы, идеальные условия для изучения английского языка в США, русскоязычные иммигранты в массе своей рано или поздно отказываются от посещения этих школ, так и не освоив в достаточной мере язык. Причина, как правило, заключается в том, что обучение в такой школе реально возможно только для тех, кто хотя бы временно не имеет финансовых проблем, не обременен заботой о детях-подростках и может позволить себе не искать работу. Но в большинстве случаев иммигранты буквально связаны по рукам и ногам бесконечными собеседованиями, непрым графиком поденной работы, территориальной удаленностью школы от места работы, а также необходимостью перевозить детей-подростков с места их учебы домой и обратно. Все вкуче не только не поддается более или менее разумной логистике, но и сильно утомляет, буквально не оставляя сил на системное изучение языка. Поэтому русскоязычные иммигранты 1990-х годов, не имея стабильной экономической базы для поэтапной адаптации в США, чаще всего осваивали язык в процессе повседневной жизни.

Если основным добытчиком в семье сразу же по прибытии в Америку становился мужчина, то женщина, проводя большую часть времени дома (иногда на протяжении 2–3 лет), обычно «брала язык», как принято говорить в иммигрантской среде, через телевизор. Разнообразие телепередач американского ТВ позволяло выбирать наиболее подходящий формат для просмотра, тот, где проще было что-то понять (реклама, комиксы, мультфильмы и т.п.). Художественные фильмы или ток-

шоу быстро утомляли вынужденных домохозяйек и не продвигали существенно их освоение языка. В итоге, у женщин в лучшем случае наращивался словарный запас, но не знание, например, грамматических конструкций, позволяющих легко понимать английскую речь. Для похода в магазин такого уровня было достаточно, а для собеседования с работодателем – нет.

Однако, справедливости ради, надо сказать, что большинство русскоязычных женщин-иммигранток все-таки не сидели дома, а с самого начала своего пребывания в США стремились найти работу. Основной мотивацией при этом является не желание самореализации, как может показаться на первый взгляд, учитывая в среднем достаточно высокий образовательный статус женщин, а элементарное желание обеспечить семью, точнее, необходимый ей уровень выживания. Данный феномен был отмечен автором ранее при изучении адаптационных возможностей латиноамериканок в США и определен как «гендерный дифференциал структурной ассимиляции» (Шалыгина 2007: 131). Суть этого термина заключается в том, что адаптивные ресурсы иммигрантов изначально различаются по признаку пола: женщины в условиях иной культурной среды не только быстрее утрачивают иллюзии относительно новой среды обитания, но и демонстрируют более гибкие, по сравнению с мужчинами, возможности приспособления к ней, что обеспечивает им в итоге и более успешную ассимиляцию на всех ее стадиях – структурной, культурной и психологической.

Утрата иллюзий относительно перспектив улучшения своей жизни в США у русскоязычных женщин начинается едва ли не сразу по прибытии на новое место жительства. Эйфория первых дней от знакомства с американской жизнью очень скоро сменяется на озабоченность проблемами, которые, по выражению одной из женщин, растут, как снежный ком (ПМА). Одной из таких проблем оказалось трудоустройство мужчин. В начале 1990-х

едва ли не самой популярной иллюзией в России стала убежденность в том, что мужчины 35–45 лет, имеющие техническое образование лучших вузов СССР, автоматически способны стать программистами. Многие из моих респонденток рассказывали, что при переезде в США совершенно искренне делали ставку на трудоустройство своих мужей (ПМА).

У большинства потенциальных эмигрантов 1990-х годов не было достаточной информации о реальном рынке труда в США. Легенда о том, что любой русский программист, приезжая в Сан-Франциско, немедленно окажется востребованным на фирмах Силиконовой долины, мягко говоря, не соответствовала действительности. По данным отчета хорошо известной в компьютерном мире инициативной группы «Next Silicon Valley: на волнах инновации», отслеживающей благосостояние и развитие одного из крупнейших научно-технологических центров современного мира, к началу 1990-х годов на территории между г. Сан-Хосе и г. Сан-Франциско в Калифорнии, т.е. там, где располагалось наибольшее количество предприятий микропроцессорной индустрии, начался кризис перепроизводства. За предыдущие 1,5 десятилетия, начиная с 1975 г., число рабочих мест увеличилось более чем в 2 раза (со 100 тыс. до 276 тыс. к концу 1980-х). Число предприятий, насчитывавших 15 лет назад 830 фирм, увеличилось к 1990 г. до 3000. Но жесткая конкуренция, вызвавшая корпоративные скандалы, а также сокращение фондовых опционов со стороны Пентагона, как раз к началу последнего десятилетия XX в. привели к очередному и достаточно резкому спаду в развитии IT-компаний (Экспресс-отчет 2015). Для русскоязычных программистов 1990-х, фактически не владеющих английским языком и в массе своей уже достигших среднего возраста 40–45 лет (Супян 2009), найти работу по специальности оказалось практически непосильной задачей (ПМА). Рассылка резюме у мужчин иногда занимала многие месяцы, а в некоторых случаях и

годы: «... Говорят, что здесь на несколько сотен резюме только один ответ бывает. Да и то сначала приглашают на интервью, да часто не одно, а три. И если понравилась, то берут на испытательный срок. Так сложно с работой...» (ПМА). Но семья, не обладающая солидным первоначальным капиталом или поддержкой родственников, должна была как-то выживать. Как правило, вариантов было несколько: 1) на работу устраивалась женщина, которая и содержала всю семью; 2) мужчина отказывался от своих претензий на высокопрофессиональную деятельность и наравне с женой начинал зарабатывать деньги любым разрешенным законом способом; 3) семья получала социальное пособие.

В случае получения пособия (*welfare*), ситуация на какое-то время выглядела более или менее благополучно: «Всем эмигрантам типа нас дают пособие 4 месяца по \$750, а потом сажают на *welfare* («велфер»)... Платят его тоже какое-то определенное количество месяцев... Таким, как мы с мужем, имеющим детей до 18 лет, дают на это время и медицинскую страховку. Но! Как только хотя бы один из нас (я или муж) устраивается на работу, снимают с пособия и с медикейта – плати сам. И за обучение, и за квартиру, и за медицину, и за машину и т.д. Самое дорогое здесь – это медицина и обучение. Вот и получается, что многие боятся начать работать. Ведь это должна быть дорогая работа, чтобы много платили. А работу здесь теряют часто, то сокращение, то просто чем-либо не угодил. То фирма разорилась, говорят...».

Но, как бы привлекательно ни выглядела жизнь на социальное пособие, все мои респондентки делали выбор в пользу поисков работы для себя и скорейшей интеграции в деловую среду работающих американцев. Говорили, что так надежнее, да и перспектив больше: «... Главное здесь найти работу. А это, ох, как не просто! Моя ведущая по трудоустройству американка Синтия познакомила меня со своей

портнихой. Зовут ее Регина, она полька, говорит по-русски. В Польше она 1,3 года сидела в тюрьме как политзаключенная и потом 9 лет назад приехала в Америку, не зная ни слова по-английски. Теперь она владеет “*Dry cleaning*”, т.е. химчисткой и занимается переделкой одежды. Ей 43 года. Это невероятно энергичная, ловкая, быстрая, умная женщина, работающая день и ночь без выходных и праздников.... Необычайно любящая людей и переживающая за них. К сожалению, она и живет и работает очень далеко отсюда. Мне приходится вставать в 5–5.30 каждый день. Цель моего прихода к ней – научиться работать, понять, что я смогу, и может быть она мне поможет где-нибудь устроиться. Она не должна мне платить, т.к. является волонтером. Но все же таки платит мне. Я проработала у нее 10 дней по 10 часов, брала работу на дом и заработала \$130 + кожаную куртку для сына. Это конечно очень мало, но мы рады, т.к. я многому учусь у нее, и для нас и этот доход важен. Пока еще не пойму, сумею ли я зарабатывать таким образом. Языка пока не хватает, а вот курсы англ. яз. опять временно перестала посещать» (ПМА).

Повседневные будни работающих в США русскоязычных женщин недостаточно освещаются в отечественной научной литературе. Чаще всего для определения успешной интеграции иммигрантов в принимающее общество используются сугубо статистические показатели, фиксирующие общую численность мигрантов, показатели профессионального роста, уровень их дохода и т.п. Между тем, именно в рутинной деятельности и повседневных заботах заложен ответ на многие вопросы формирования адаптивного ресурса иммигрантов, их индивидуальных подходов к осознанию себя в новой для них среде. Вот, например, как описывает женщина-иммигрантка, инженер из Москвы, свою работу швейей в ателье по починке одежды в г. Сан-Франциско, где ей платили 6,5 дол. в час.: «...Принимаю заказы, выдаю

готовые вещи и вкалываю, вкалываю... передуваю (пошире, поуже, пришить, подшить...). Устаю, не пересказать как. Без еды – тороплюсь, т.к. хочу побольше успеть. Но все оправдывает цель – так я привыкаю к английскому языку, ну, и вообще к здешней жизни... Вот уже произошла очень неприятная история из-за моего плохого английского. Я приняла заказ у очень приятной черной женщины. Прекрасное платье. Написала в квитанции. Только не знала, как объяснить, что надо там одну деталь убрать. Написала, как могла. Сальва (владелица ателье) не поняла и отрезала платье на 3 инча – это порядка 7 см. (!!!). Если бы не язык! Теперь в понедельник надо придумать что-то с платьем. В общем, что и говорить» (ПМА).

Очевидно, что данный случай представляет собой яркий пример того, что в научной литературе по проблемам иммиграции принято называть «нисходящим социальным лифтом», т.е. вариант интеграции иммигрантов в принимающее общество через неизбежное понижение социального статуса. Среди русскоязычных иммигрантов в США четвертой волны такой вариант интеграции (смена более высокого социального статуса на более низкий) был характерен для большинства российских ученых, музыкантов, актеров и т.п., уехавших на ПМЖ в другие страны. Например, среди работников русского продовольственного магазина в Сан-Франциско можно было встретить у кассы пианистку с консерваторским образованием, среди подавальщиц расфасованной колбасы – доктора филологических наук и т.п. Все они попали в Калифорнию разными путями, но исключительно по доброй воле, оставив в российских городах работу, дом, друзей и знакомых. Тема «американской мечты» в разговоре с этими женщинами не вызвала отторжения с их стороны, но и особого желания обсуждать ее они также не проявили. С удовольствием рассказывали, как ездят по выходным на озеро Тахо, как играют там в снежки, как

удалось за 10 лет пребывания в США один раз съездить на Большой каньон и т.д. При этом вопрос глубинного, мировоззренческого свойства, удалось ли им при переезде в США достичь здесь какого-то другого успеха, осуществить другую мечту, казавшуюся в России особенно привлекательной, старались обойти стороной и не заострять на нем внимание.

Еще одна моя респондентка, Людмила, преподаватель математики в московской школе, изначально ориентировалась на конкретный успех в иммиграции, связанный с обретением материального благополучия. Ее семья, получив после продажи единственной квартиры в Москве первоначальный капитал для переезда, решила вложить его в трудоустройство самой Людмилы, т.к. высокий уровень ее технического образования, красный диплом и личные способности семья расценила как самый лучший ресурс для конвертирования его в «американскую мечту»: *«Я закончила теоретическую часть платных курсов для получения профессии тестировщика программ. Это близко к программированию. Теперь мне осталось 3 месяца практики (полный рабочий день и бесплатно), а затем поиск работы, в успехе чего ручаться трудно. Очень большой наплыв иммигрантов, и найти работу чем дальше, тем труднее. Все говорят, что 5 лет назад было несравненно проще. Но как говорится, “надежда умирает последней”... А трудоустроиться мне очень помог мой красный диплом! Интервью я прошла с первого раза, потому что китайцу, который со мной говорил, понравился именно мой московский диплом. Кажется, он даже не обратил особого внимания на мой, ну очень слабый английский... Работать тяжело, но не из-за того, что тестирование мне тяжело дается, это как раз ерунда... Не хватает английского...»* (ПМА).

Стабильная работа и личные способности Людмилы достаточно быстро позволили ее семье достичь искомого уровня материального благополучия, о котором

она мечтала до переезда в США: «...Мы купили машину – белый Ford Taurus 89 года. Для новой машины у нас пока “кишка тонка”. Но это тоже не плохая: это самая лучшая американская модель, очень красивая по виду, напоминает новую Волгу, но по техническим данным мощнее ее... Переехали в другую квартиру – четырехкомнатную (two bedroom, как здесь говорят). Для троих, может, и великовата, но по-другому нас бы здесь не поняли... Район, где мы снимаем квартиру, лучшие предыдущего, чище, спокойнее, но очень много черных... Это так называемые “субсидированные” дома, т.е. часть ренты компании платит городское правительство. Сейчас мы платим за эту квартиру 28% от моего дохода, т.е. всего 615\$ в месяц...» (ПМА).

Уровень материального благополучия, который многие русскоязычные иммигранты рассматривали как успех, имел, однако, довольно четко обозначенные в США границы – low middle class (т.е. нижний средний класс), совокупный семейный доход которых составлял от \$32,5 до \$50 тыс. в год (или \$1150–1750 в месяц на члена семьи). Уровень жизни такой семьи во многом зависит от того, в «дорогом» или «скромном» штате проживает семья (разница в уровне цен между Калифорнией и любым штатом среднего Запада может достигать двукратного уровня), состава семьи, состояния здоровья, образовательных амбиций, ситуации с жильем и других факторов (Березин 2011).

Одной из самых приоритетных статей расходов для русскоязычных иммигрантов стало образование детей, где сразу же обозначились две серьезные проблемы. Во-первых, уровень образования в московских школах, как выяснилось, намного превышал аналогичный уровень образования в американских. Во-вторых, более или менее приличная американская школа (католическая, например) с трудом «укладывалась» в бюджет семьи нижнего среднего класса, тем более, с расчетом на дальнейшее образование в колледже и универси-

тете (а именно на такой уровень образования изначально ориентировалась любая русскоязычная семья иммигрантов).

Относительно успеваемости детей русскоязычных иммигрантов даже в самых лучших школах США необходимо дать некоторые комментарии. Русские дети, приходя из своей новой американской школы, ежедневно рассказывают родителям, что их, детей из России, поражает больше всего. Например, доска почета по математике для 8-го класса представляла 4 столбца списков фамилий учеников, которые являются лучшими по... сложению, вычитанию, умножению и делению. Зато в этом же классе 2/3 учебного времени отводится на физкультуру, игру в бейсбол и т.п. Когда сын одной из моих респонденток, недавно приехавшей вместе с семьей в Калифорнию, рассказал своим одноклассникам, какие предметы и как именно он изучал в том же 8 классе в Москве, даже не будучи лучшим учеником школы, реакция была своеобразной: «А у вас там что, как в Кембридже?».

До переезда в США практически все русскоязычные иммигранты 1990-х годов, как уже упоминалось, чрезвычайно слабо представляли себе то, что их ждет в реальности на новом месте. Но иллюзии по поводу образования оказались самыми большими. Шестнадцатилетний сын одной из моих респонденток, пребывая в эйфории от своих перспектив обучения в США, совершенно искренне рассказывал следующее: «Так же, как раньше мне невозможно было представить себя в Америке, так и теперь, не могу представить себя в России. Как же здесь, в Америке, хорошо! Сейчас готовлюсь сдавать экзамены. Поступить буду в Harvard, MIT, Boston University. Туда нужно получить 640 баллов по TOEFL. Это довольно высокая отметка. Поэтому, много внимания уделяю я сейчас английскому. По-русски почти не говорю, весь день – английский. На работе, на учебе, дома. Поэтому сейчас даже трудно расписать руку на русский... Ура! Я студент Harvard University. С сентября

выхожу на учебу, а жить ... в студенческом городке, который протянулся на много миль (Кембридж). Рядом находится всем известный MIT. Я уже походил по "феймановским" местам. Если Гарвард построен по принципу монастыря, т.е. старинные дома с разбитыми перед ними лужайками и огромными садами, где водятся огромное количество белок, барсуков и скунсов, то MIT более современно. Апувау, жизнь студенческая кипит именно в Гарварде. В MIT атмосфера мехмата МГУ...» (ПМА).

Некоторое время спустя, мать этого мальчика рассказала, что он «...учится все не в Кембридже. Он старался туда попасть, но здесь необходимо либо заплатить большие деньги, либо каким-то путем получить скидку. Но это очень трудно и иногда невозможно. Так вот в случае нашего сына не получилось. Он пошел в местный Комьюнити колледж и сдал туда экзамены. Решил там учиться пока. Программа рассчитана на три года, и он будет экаунтингом, т.е. тем, кто рассчитывает налоги и т.д. А здесь ведь везде и за все налоги. За это время усовершенствует свой язык и даже получит кредиты (оценки) для института, а там видно будет. Через 1,5 месяца его снимут с велфера и он должен работать. Он поработал 2 недели в Bookstore при этом колледже и получил \$500, потом этот Bookstore закрылся и теперь он ищет работу. Конечно, и работать и учиться нелегко, но здесь нет другого пути. Он старается! Здесь нелегко всем. Говорят, о нем написали в местной газете с его фотографией, т.к. он добровольно помогал в библиотеке, подбирал материал, заказывал книги и т.д. ...» (ПМА).

Все русскоязычные женщины-иммигрантки, у которых я брала интервью, сходятся в одном: дети в семье, решившей переехать на ПМЖ в США, должны быть не старше 6–7 лет. В этом возрасте начинается формальная социализация, когда, начиная со школы, легко усваиваются не только внутрисемейные ценности, но и те,

которые необходимы для успешного вхождения в общественную жизнь (Майерс 1999: 121). Если ребенок находится во время переезда уже в подростковом возрасте, разрыв между уже усвоенными ценностями и теми, которые предлагает новая социальная среда, нередко оказывается слишком велик для еще неоформленного сознания. И такое положение дел, к сожалению, может приводить к самым нежелательным последствиям. В трех из семи семей, с которыми у меня сложились в США дружеские отношения, дети-подростки переживали именно такие трудности, а в одной семье «ценностная ломка» подростка закончилась суицидом.

Суммируя сказанное, хотелось бы еще раз подчеркнуть, что трудности адаптации иммигрантов 1990-х в США, помимо объективных социально-экономических обстоятельств, не в последнюю очередь были связаны с иллюзиями о жизни в США вообще. В отличие от сегодняшнего дня, когда мы имеем, по сути, неограниченные источники информации об окружающем нас мире, и при первой же необходимости получаем все необходимые нам сведения о любой стране, четверть века назад ситуация выглядела иначе. Информационное поле в принципе функционировало по-другому, и американская мечта не просто доминировала в сознании россиян – она не имела альтернативы. Женщины, уезжая в США, были уверены, что спасают своих детей, что в России у них нет будущего и что, как бы трудно им ни пришлось в Америке на первых порах, – это страна, которая дает неограниченные возможности, было бы только желание ими воспользоваться.

Столкновение с реальной Америкой неизбежно ставило перед нашими эмигрантами вопрос о том, как ее принимать. Один из рецептов, озвученный наиболее успешными моими респондентами, заключался в том, чтобы как можно быстрее погрузиться в истинно американскую действительность, т.е. свести до минимума общение с соотечественниками (как в самой Америке, так и

с друзьями, знакомыми и даже родственниками в России); говорить только по-английски и только с носителями американского диалекта; постараться привыкнуть к американской еде и отказаться от посещения русских магазинов, даже если очень хотелось бородинского хлеба и конфет «Мишка косолапый»; отмечать День благодарения и другие американские праздники в первую очередь; ездить в отпуск не в Россию, а на Карибские острова или в Европу, не смотреть русскоязычные каналы по ТВ и т.д. Иными словами, для того, чтобы достичь успеха в Америке, требовалось полностью отказаться от привычного для россиян образа жизни и начать даже думать, как американцы. Другой рецепт основывался на прямо противоположной идее – сохранение русскости как жизненно необходимого убежища в процессе вживания в новую среду.

Русскоязычные эмигранты 1990-х годов в массе своей, сами того не осознавая, оказались между двумя конфликтующими тенденциями ассимиляционного процесса в США, которые получили название соответственно «плавильного котла» (melting pot) и «миски салата» (salad bowl). Что касается «плавильного котла», стремящегося в идеале к образованию «универсальной нации», то его фактическая кончина была отмечена еще в середине 1970-х годов (Иорданский 1993: 84). Концепция «миски салата», означающая фактическое замедление ассимиляционного процесса, напротив, в 1990-х только начала набирать обороты.

Сегодня в американском обществе все-таки принято выделять как минимум уже четыре разнонаправленные тенденции ассимиляции иммигрантов: 1. *Тотальная идентичность*, или полное сохранение иммигрантской группой своей культурной идентичности; 2. *Частичная идентичность*, или коммуницирование иммигрантов с общим стилем жизни в США при избирательном сохранении своей идентичности; 3. *Неприсоединенные*, т.е. космополиты, люди науки, искусства и т.п.; 4. *Ги-*

бриды, т.е. родившиеся в межнациональных семьях (Making America 1987).

Относится ли русскоязычная иммиграция 1990-х годов к одной из этих групп, или все-таки представляет собой что-то особенное, присущее только ей? Результаты включенного наблюдения и последующие контакты с респондентами на протяжении как минимум 20 лет позволяют утверждать, что ни женщины, ни мужчины, переехав в 1990-х в США из постсоветской России, полностью свою национальную идентичность не утратили до сих пор. Однако успешная структурная ассимиляция, т.е. обретение со временем финансового благополучия, недвижимости, стабильного социального статуса и т.д. в США, негативным образом коррелируют с «русскостью», т.е. исходный культурный код среди «состоявшихся» русских постепенно истончается даже в первом поколении, сохраняясь почти исключительно в виде «салонного ностальжи». И наоборот, если полноценное вхождение в социально-экономическую структуру США по разным причинам так и не состоялось, ощущение себя частью «русского мира» заметно усиливается, особенно в условиях формирования геополитической многополярности современного мира в целом.

У русскоязычных мигрантов, переехавших на ПМЖ в США в 1990-е годы, проблемы, о которых шла речь выше, накапливались быстрее, чем успехи. И чем дальше, тем труднее становилось осваивать язык, подыскивать хорошо оплачиваемую работу и предоставлять детям хорошее образование. Изменить что-либо в таких условиях они практически не могут: кредиты, проданные в Москве квартиры, невозможность заработать нужный капитал и т.п. Обращение к «русскому миру» в таких условиях все чаще приобретает формат жесткой ностальгии, которая совсем недавно была озвучена одной из моих респонденток: «Вы, в России, живете, а мы тут, в Америке, существуем».

В заключение хотелось бы подчеркнуть главную, на мой взгляд, черту четвертой

волны русскоязычных иммигрантов в США: возможность переезда в США после прекращения существования Советского Союза для большинства наших сограждан оказалась почти полной неожиданностью, случайным шансом, который они не захотели упустить. Скоропалительный конец СССР и тотальный хаос в государственной политике 1990-х годов предоставили бывшему советскому человеку множество принципиально новых для него жизненных сценариев, включая эмиграцию, к которым он попросту не был готов. Возможно, что последующая рефлексия, неизбежная при любой адаптации к инокультурной среде, расставит новые акценты в восприятии русскими американской культуры.

Литература

- Березин 2012 – Березин И. Распределение доходов в России и США 2012 // <https://www.liveinternet.ru/users/koblentz/post227863003>.
- Голос 2009 – Голос русскоязычной Америки 2009 // <http://www.forumdaily.com/gde-najti-besplatnye-kursy-anglijskogo-v-nyu-jorke>.
- Демографический 1999 – Демографический ежегодник России. Статистический сборник. М.: Госкомстат России, 1999.
- Боровик 2005 – Боровик М., Шемберко Л. Европейский вектор современной российской эмиграции: проблемы безопасности // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Вып. 15. М., 2005. С. 15–20.
- Засурский 2005 – Засурский И.И. Реконструкция России (Масс-медиа и политика в 90-е). М., 2001.
- Иорданский 1993 – Иорданский В. Глобальный этнический кризис, или сумерки разобщенности // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 12. С. 84–98.
- Майерс 1999 – Майерс Д. Социальная психология. Санкт-Петербург, 1999. С. 121–135.
- Попов 2011 – Попов А.С. Кинематограф 1990–2000-х гг. и изменение ценностей в российском обществе // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурные коммуникации. 2011. № 1. С. 213–228.
- Рис 2005 – Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- Рыбаковский 2006 – Рыбаковский Л.Л. Россия и новое зарубежье: Миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М., 2006.
- Сакс 1994 – Сакс Дж. Рыночная экономика в России. М., 1994.
- Супян – Супян В.Б. Российская эмиграция в США. Социально-статистический портрет <http://ricolor.org/rz/amerika/ar/ist/4>.
- Шалыгина 2007 – Шалыгина Н.В. Кризис семьи в эмиграции (США. Пуэрториканская модель). М.: ИЭА РАН, 2007.
- Экспресс-отчет «Силиконовая долина» (Silicon Valley) – <http://rudocs.exdat.com/docs/index-69547.html>
- Lewis 1966. – Lewis O. La Vida. Puerto Rican Family in the Culture of Poverty. N.Y., 1966.
- Making America 1987 – Making America / Ed. by L.S. Luedtke. Wash. 1987. P. 78.

Часть III

ЯЗЫКОВЫЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РУССКОГО МИРА

Глава 20

Коммуникативный репертуар русского мира: язык солидарности и солидарность языков¹

В данной главе делается попытка соотнести предметную область современной этнологии, социальной антропологии и этнополитологии в соответствии с новыми задачами по укреплению этических и эстетических норм и принципов современных межэтнических отношений в тактике и стратегии Русского мира (Тишков, Шабает 2011; Чешко 2014).

Преодоление дефицита социального капитала

В недавно увидевшей свет книге, представляющей собой скорее коллективную научную монографию, чем сборник статей, «Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования» (М.: ИЭА РАН, 2018) подведены первые итоги предпринятых в Институте этнологии и антропологии РАН исследований, посвященных значению нравственности, морали и этики в современных социальных и этнических процессах. Коротко говоря, их идейный смысл можно выразить лаконично: **нравственность имеет значение**. При этом книга неслучайно посвящена юбилею директора этого института, профессору Марине Юрьевне Мартыновой. Вместе с известной исследовательницей устного поэтического творчества народов России, в том числе народов Севера, Н.А. Лопуленко, М.Ю. Мартынова предвидела вызовы расчеловечивания и дегуманизации,

коренящиеся в снижении уровня доверия в обществе, переходящем от социализма к капитализму. Учёные Института этнологии и антропологии РАН едва ли не первые предугадали грядущую политизацию и идеологизацию этики и эстетики, что нашло отражение в «холодной войне» между депутатами Госдумы и журналистами, в усилении внимания постсоветских российских политиков, общественных деятелей и деятелей культуры к вопросам этики, сексуального домогательства, нормам приличия в повседневной жизни.

Одно из первых специальных исследований миротворческого потенциала этических категорий, уходящих корнями в библейские заповеди, на примере института обычного права – «инсан маана булмасын» («чтобы народ не осудил»), было реализовано в южных районах Республики Молдова (Губогло 2016). Оно показало, что реальный потенциал миротворческой энергетики православных гагаузов, компактно расселённых в четырёх районах Гагаузии, в немалой мере связан с двумя историческими источниками: традиционной культурой, подпитываемой и поддерживаемой русскоязычием и ценностями русскоязычной культуры.

Сегодня в России, как и на остальной территории бывшего СССР, ощущается кризис доверия и толерантности. Неслучайно в каждом из десяти Посланий первых двух Президентов постсоветской России в ряду важнейших приоритетных задач социального заказа ставится цель по

¹ Работа выполнена в ходе реализации проекта РФФИ № 17-01-00281-ОГОН.

созданию условий для наращивания социального капитала. Дело в том, что зарю нового тысячелетия Россия встретила с невиданным дефицитом социального капитала (ДСК). Для гуманитарных наук, особенно для этносоциологии и этнополитологии, чрезвычайную актуальность приобретают задачи по изучению социального капитала, в том числе форм, способов и ситуаций его проявления и существования, причин и условий форсирования, восстановления и поддержания.

В ряду губительных последствий дефицита социального капитала (ДСК) особую тревогу вызывает замедление темпов естественного прироста населения. Это как продукт ДСК грозит старением населения, депопуляцией России, угрозой мирной интервенции ее малоосвоенных территорий. Метастазы в психическом состоянии российской нации вызывают притупление и апатию, падение уровня доверия, как составной части ДСК на разных уровнях, в различных сферах и ситуациях жизнедеятельности, препятствует здоровым консолидационным процессам. Истощается надежда на укрепление национальной безопасности, разрушаются веками складывающиеся устои нравственности межэтнических общении, выхолащивают-

ся взаимодействие и взаимовлияние этнических культур, снижается взаимодействие адаптационных технологий в поисках ответов на вызовы глобализации.

Противоречиво проявляет себя доверительность в сфере семейной жизни в современной России, как и в развитых странах Запада. Снижение планки доверия вместе с сексуальной революцией и феминизацией, развернувшимся в самое последнее время движением против сексуального домогательства, увеличение удельного веса матерей-одиночек и т.д. ослабляют прочность семейных уз, сокращают рождаемость, подтачивают позитивную функцию семьи по воспроизводству населения и по социализации подрастающего поколения. Дело в том, что именно члену семьи больше доверяют, чем кому-либо другому (другу, коллеге по работе, кумиру, политику или общественному деятелю) и молодежь, и взрослое население ряда постсоветских государств, в том числе и России. Именно семья и семейная идентичность ценятся выше всего среди 15 номинированных ценностей (материальное благополучие, профессия, дружба, свобода, предприимчивость и др.). И в третьих, именно труд и инвестиционная мощь обеспеченной семьи являются

Табл.1

**Социально-психологический, нравственный климат семейной жизни
(в% по итогам опроса, n=1088)**

Что характерно для семьи	Всего	Место проживания		Пол	
		город	село	М	Ж
Семейные проблемы решаются сообща	61,9	34,5	65,4	59,0	64,9
Атмосфера доверия и взаимопомощи	54,9	53,8	55,5	51,1	58,7
Родители разделяют интересы детей	42,5	16,2	26,3	38,1	46,9
Решающее слово за главой семьи	32,1	29,4	33,7	33,9	30,3
Жёсткий контроль родителей за детьми	21,0	16,8	23,4	21,8	20,1

источником обогащения и залогом достижения успеха.

В первом постсоветском десятилетии сокращение векторов доверия населения к государственным органам управления, сопровождалось снижением рейтинга первого президента России. Начало нового тысячелетия было отмечено продолжающимся падением доверия к коррумпированному чиновничеству, и одновременно высоким уровнем доверия второму президенту России Владимиру Путину.

Безудержная критика истории России, равнодушие к ценностям традиционной культуры, распространение культа денег и наживы, безудержного потребительства и наркомании вместе с нарастающей распущенностью молодёжи, при отсутствии государственной политики и особого закона о воспитании и соблюдении нравственности, заботы о пропаганде добра и справедливости неизменно обостряют тенденции декультуризации и расчеловечивания в обществе.

Ошеломляющим итогом совместных российско-американских этносоциологических исследований, проведённых на рубеже первого и второго постсоветских десятилетий в ряде ареалов постсоветского пространства, стало выявление огромной роли семьи в формировании букета идентичностей среди постсоветских людей и, прежде всего, семейной идентичности, воспринимаемой как принадлежность и как тождественность человека с идеалами и ценностями своей семьи. Отказ от советской идеологии и выталкиваемых принципов советскости, слабое понимание и либеральных ценностей, толкало людей в спокойное семейное затишье. Спасение от революционных преобразований и социального расслоения люди искали в замкнутом мире семьи. Неслучайно, по данным российско-американского проекта «Национальные процессы, языковые отношения и идентичность» (1998 г.), по самой высшей мерке («очень значимо» и «значимо») оценили для себя «быть в браке» – 84,0% населения Приднестровья,

81,7% – Республики Молдова, 85,7% – Гагаузии, 81,7% – Азербайджана и 90,4% армянских беженцев из Азербайджана, поселившихся в Ереване.

Смутное время первого десятилетия после развала Советского Союза, в условиях острого дефицита доверия и падения уровня межэтнической солидарности, на передний план в представлениях граждан выдвинулись эстетические и миротворческие ценности. Почти каждый третий житель Гагаузии в 2006 г. считал наиболее характерным и, следовательно, ценным для себя, совместное решение семейных проблем. Основанием для такого социально-психологического климата служила разруха в головах и в стране, возросшие алармистские чувства и обострение старых ран исторической памяти от исторических травм, испытанных предшествующими поколениями. Относительно новые ценности, пропагандируемые адептами рыночной экономики и конкуренции, значительно уступали ценностям традиционной культуры традиционного общества. Около половины жителей Гагаузии считали, что «решающее слово принадлежит главе семьи» и, что в их семье осуществляется «жесткий контроль родителей за детьми» (см. табл. 1).

В представлениях жителей сельской местности, особенно среди женской половины, «семейные проблемы решались сообща» чаще, чем в городах и среди мужской половины. Что касается «атмосферы доверия и взаимопомощи» между сельскими и городскими, между мужчинами и женщинами больших различий не наблюдалось. Соблюдение принципов этики, как элементов традиционной культуры, было важнее, чем законы грядущего капитализма, согласно которым «человек человеку волк».

Вспыхнувшая в соответствии с переходом постсоветских стран из одной в другую экономическую систему состязательность не затронула в Гагаузии межэтнические отношения подобно тому, как это произошло в других регионах бывшего Советского Союза. Размах вариации в

представлениях гагаузов и болгар, имеющих более двухсотлетний стаж совместного проживания, о совместном решении семейных проблем составлял всего 6,2%, а о господстве в семье этических ценностей доверия и взаимопомощи – немногим более 11% между болгарами и гагаузами (см. табл. 2).

Характерной особенностью переходного периода стала трансляция новых, порой

враждебных для традиционной культуры смыслов и концептов. Эта трансляция ведётся упорно и продуманно в условиях Республики Молдова, которую политические круги Запада пытаются вывести из орбиты влияния российской культуры и русского языка. Нелояльные противники самобытной культуры народов бывшего Советского Союза встраиваются в организм традиционной культуры, подтачивая

Табл. 2

Представления о семейных отношениях среди представителей различных национальностей (в % по итогам опроса, n=1088)

Что характерно для семьи	Всего	Национальности		
		Гагаузы	Русские	Болгары
Семейные проблемы решаются сообща	61,9	61,6	64,8	67,8
Атмосфера доверия и взаимопомощи	54,9	52,9	56,8	64,4
Родители разделяют интересы детей	42,5	39,9	46,4	57,8
Решающее слово за главой семьи	32,1	33,2	24,0	42,2
Жёсткий контроль родителей за детьми	21,0	22,4	13,6	18,9

Табл. 3

Представления лиц разного возраста о социально-психологическом климате семейных отношений (в % по итогам опроса, n=1088)

Что характерно для семьи	Всего	Возраст					
		18–24	25–29	30–39	40–49	50–59	60 и старше
Семейные проблемы решаются сообща	61,9	59,1	66,4	66,8	64,0	59,1	56,2
Атмосфера доверия и взаимопомощи	54,9	57,2	62,3	58,2	55,2	47,4	49,3
Родители разделяют интересы детей	42,5	45,1	41,8	47,3	46,4	38,0	31,5
Решающее слово за главой семьи	32,1	29,8	30,3	31,0	33,2	29,8	39,0
Жёсткий контроль родителей за детьми	21,0	15,8	14,8	22,3	23,6	22,2	26,0

её изнутри. В итоге уже в первые годы нового столетия размах вариации между людьми в возрасте 30–39 лет и представителями старшего поколения (60 лет и старше) по представлениям о солидарности, как стрессовой ценности семейной жизни, составил 10,6%, а по уровню доверия между 25–29 летними и 50–59 летними – почти 15% (см. табл. 3).

Для преодоления дефицита социального капитала (ДСК) необходима система внеязыковых условий, коммуникационных технологий и механизмов. Условно говоря, нужны не только учебники по толерантности, но и рефрижераторы для перевозки фруктов из стран СНГ в центральные и северные регионы России, т.к. чем дешевле будет виноград, тем больше будет толерантности и лояльнее отношение россиян к мигрантам, взявшим на себя исключительно важную роль локомотива посредничества.

Полифункциональная роль русского языка

Важная роль в утверждении толерантности, в восстановлении доверительности, в ликвидации ДСК принадлежит русскому языку как языку русского народа и русскоязычной культуры, как государственному языку Российской Федерации, как официальному языку ООН и межгосударственных общений СНГ, и, наконец, как «языку без галстука» в процессах межэтнических общений и трансформационных изменений. Полифункциональная роль русского языка выдвигает на повестку дня ряд сложнейших задач по концептуально-терминологическому оснащению причинно-следственных аспектов трансформационных и коммуникационных процессов в Евразийском пространстве. Для того чтобы лучше понимать друг друга, надо договориться о терминах. Трансформационные процессы, как бы мы их не воспринимали и не оценивали, вносят значительные коррективы, как в отражение меняющейся реальности, так и в виртуальное восприятие самой этой реальности. Одни термины уже

ушли в прошлое или уходят («старший брат», «новая историческая общность людей – советский народ»), другие сохранились («двуязычие», «межэтнические отношения»), третьи наполнились новым содержанием (сегодня нация это не только «этническая общность», но и «согражданство» всех людей независимо от их этнической принадлежности) (Тишков, 2013), четвертые находятся в процессе хирургической реконструкции (от «многонационального народа» к «многонациональной нации», от национальной к «этнической политике», от «культуры межнационального общения» к «толерантности»). Достоянием научного дискурса, языка СМИ, политиков и общественных деятелей стали такие новорожденные термины как «этническая мобилизация», «мобилизованный лингвицизм», «этнократия», «межэтническая солидарность» и другие.

Дефицит мер по пропаганде, сохранению и поддержке русского языка и культуры, немедленно отразился на общем культурном уровне постсоветских людей. Угрозы бескультурия вызывали большую тревогу в различных регионах бывшего Советского Союза. Почти каждые двое из пяти опрошенных лиц в Гагаузии в 2006 году считали необходимым усиление культурной политики за счёт воспитания межэтнической лояльности, терпимости людей друг другу и за счёт повышения образовательного уровня людей. В первом случае особую обеспокоенность выражало сельское, во втором – городское население (см. табл. 4). Особого внимания заслуживает острая реакция общественного мнения на снижение уровня нравственности. Неслучайно забота о повышении нравственности и о сохранении традиционных духовных ценностей занимала в начале второго постсоветского десятилетия третье место в ряду наиболее актуальных проблем культурной политики (см. табл. 4). Мудрость общественного мнения исходила из понимания того, что ряд других озабоченностей, таких как укрепление солидарности народов, ограничение влияния западной массовой культуры,

проявление заботы о культурном наследии и религиозности зависели от качества образования, воспитания и высокой нравственности (см. табл. 4).

Отношение к распаду Советского Союза, тенденциям декультуризации и паде-

нию нравственности, по-разному воспринималось разными поколениями. Так, например, понимание важности улучшения воспитания терпимости и межэтнической лояльности среди малограмотной части населения воспринималось острее, чем

Табл. 4

Стратегии культурной политики по улучшению социального самочувствия граждан (в % по итогам опроса, n=1088)

Меры культурной политики	Всего	Место проживания	
		город	село
Воспитание терпимости людей друг другу	42,4	36,4	63,6
Повышать образовательный уровень населения	40,9	47,7	36,9
Повышать нравственность и сохранять духовные ценности	29,9	34,6	27,1
Укреплять солидарность народов Молдовы	21,5	19,5	22,7
Ограничивать влияние Западной массовой культуры	17,7	16,3	18,6
Проявлять заботу о культурном наследии	14,2	12,8	15,1
Усиливать религиозное воспитание	12,0	5,4	16,0

Табл. 5

Стратегии культурной политики по улучшению социального самочувствия граждан в представлениях разных групп по уровню образования (в % по итогам опроса, n=1088)

Меры культурной политики	Всего	Образование			
		Н/ср и ниже	Среднее, ПТУ	Среднее спец.	Н/выс., высшее, степень
Воспитание терпимости людей друг другу	42,4	47,8	41,0	44,8	38,5
Повышать образовательный уровень населения	40,9	30,6	42,0	40,1	45,9
Повышать нравственность и сохранять духовные ценности	29,9	27,4	23,5	25,6	41,4
Укреплять солидарность народов Молдовы	21,5	19,7	23,9	21,6	20,1
Ограничивать влияние Западной массовой культуры	17,7	19,7	16,7	18,8	16,6
Проявлять заботу о культурном наследии	14,2	14,6	14,7	13,3	14,6
Усиливать религиозное воспитание	12,0	15,9	15,4	11,7	7,3

среди лиц, имеющих высшее или незаконченное высшее образование. Напротив, в повышении образовательного уровня видели основную задачу культурной политики лица с высшим уровнем образования (см. табл. 5). Непосредственная зависимость нравственности от образования наиболее отчетливо осознавалась лицами с высоким уровнем образования: почти в 1,8 раза сильнее, чем среди лиц со средним и техническим образованием (см. табл. 5). Межпоколенные и кросспоколенные различия в понимании стратегии культурной политики менее заметны были среди задач по укреплению солидарности, ограничению влияния западной массовой культуры, в проявлении государственной заботы о сохранении и поддержке культурного наследия (см. табл. 5).

Несмотря на длительное совместное проживание, между гагаузами и болгарами наблюдались межэтнические различия в востребованности векторов культурной политики. Среди гагаузов озабоченность

дальнейшим повышением образовательного уровня почти в полтора раза превышала аналогичный «запрос» среди болгар. Напротив, забота о воспитании межэтнической лояльности среди болгар в полтора раза превышала потребности гагаузов, и более, чем в 2 раза среди русских (см. табл. 6). Укрепление нравственности представлялось более актуальным и более востребованным среди гагаузов и русских по сравнению с установками болгар (см. табл. 6).

В первые постсоветские десятилетия достоянием научного дискурса, языка СМИ, политиков и общественных деятелей вместе с векторами культурной и языковой политики стали такие новорожденные термины как «этническая мобилизация», «мобилизованный лингвизм», «этнократия» и другие.

Переосмысление национальных историй в нынешних республиках России, в странах СНГ и Балтии, привело к концептуально-терминологическому разнообразию в интерпретации мифических имен и исто-

Табл. 6

Представления о мерах культурной политики по улучшению социального самочувствия граждан среди представителей различной национальности (в % по итогам опроса, n=1088)

Меры культурной политики	Все-го	Национальности		
		Гагаузы	Русские	Болгары
Повышать образовательный уровень населения	21,0	22,9	15,2	16,7
Воспитание терпимости людей друг другу	19,3	19,3	12,8	30,0
Ограничивать влияние Западной массовой культуры	11,7	11,4	12,0	16,7
Повышать нравственность и сохранять духовные ценности	8,2	8,6	6,4	4,4
Укреплять солидарность народов Молдовы	8,1	8,0	10,4	6,7
Усиливать религиозное воспитание	5,5	5,4	4,8	4,4
Проявлять заботу о культурном наследии	4,5	3,7	8,8	6,7

рических события, что оказывает существенное влияние на характер современных межэтнических и межгосударственных отношений. Например, Бухарестский мир 1812 г. одни считают освобождением Бессарабии от османского господства, а другие, напротив – порабощением ее народов в результате колонизаторской политики Императорской России. Взятая сегодня на вооружение политика воспитания толерантности тактически полезна, но стратегически ограничена, так как не обогащает, а обедняет резервуар социального капитала. Она отвлекает от решения более важных задач по утверждению нравственности, доверительности и солидарности демократического государства и гражданского общества.

Русскоязычное пространство Молдовы как часть Русского мира

Опыт этноязыковой жизни молдавского русскоязычного пространства иллюстрирует смену двух сходных и вместе с тем различных состояний языковой ситуации, каждая из которых обладает специфическими особенностями, вытекающими из восходящего или нисходящего вектора развития русскоязычного пространства.

На протяжении более двух столетий, начиная с Бухарестского мира 1812 г., согласно которому Бессарабия вошла в состав Российской империи, восходящая линия развития русскоязычного пространства характеризовалась нарастанием и уплотнением коммуникативных сфер функционирования русского языка и расширением речевого поведения русскоязычного населения.

Нисходящий вектор развития русскоязычного пространства Молдавии (начавшийся с «языковой революции» 1989 г., когда были приняты три закона о функционировании языков в Молдавской республике, и продолжающийся до наших дней) состоит в последовательном сокращении коммуникативных сфер, обслуживаемых русским языком, эмиграцией части русского и русскоязычного населения в Россию и в другие

страны, падением удельного веса русского языка в речевом поведении граждан нынешней Республики Молдова.

Русскоязычное пространство Молдовы представляет собой часть Русского мира. Русские, украинцы, гагаузы, болгары, евреи и представители других национальностей, владеющие русским языком и использующие его в повседневной жизни и в официальных структурах вместе с русским языком в той или иной мере разделяют культурные ценности русской культуры, как интеллектуальной основы российской нации¹.

Согласно итогам переписи 2014 г., 320,4 тыс. граждан РМ находится за границей, в основном на заработках. По данным «Инфотаг», это втрое меньше неофициальных данных, согласно которым за рубежом находятся порядка 1 млн жителей Молдовы. Большинство выехавших находят себе работу в городах и регионах России и, как правило, свободно владея русским языком, входят в состав русскоязычного пространства Молдовы. Примечательной особенностью переписи 2014 г. было отсутствие должного доверия граждан к её результатам. По мнению ряда экспертов, перепись населения была проплачена Румынией и проведена под руководством криминальных структур, задача которых состояла в искусственной румынизации страны. Недоверие к методике и итогам переписи 2014 г. привело к тому, что руководство Гагаузии приняло решение провести в регионе свою перепись. «Складывается впечатление, – заявил башкан Гагаузии Михаил Формузал, – что задача переписи – занижить процент малых

¹ Важнейшая особенность русскоязычного коммуникативного пространства состояла в том, что внешняя история русского языка (его функциональное развитие) складывалась на своего рода оспариваемой территории, которая после успешного старта румынского нацистроительства в 1862 г., завершившегося в 1881 г. возникновением Румынского королевства, стала «яблоком раздора», объектом соперничества между Россией и Румынией (Кушко, Таки 2012: 19, 20).

народов и национальных меньшинств, проживающих в Молдове. Это, по меньшей мере, странно, потому что каждый год в Гагаузии увеличивается рождаемость. Мы посмотрим на результаты переписи, после чего, если будет необходимо, проведём собственную перепись в автономии» (replica.md.yng/4319-v-gagauzii-provedut-alternativnuyu-perepis-naseleniya.html).

Одна из важнейших задач переписи 2014 года, по мысли её организаторов и спонсоров, состояла в том, чтобы максимально «румынизировать» этнодемографическую и этноязыковую ситуацию в стране и до предела сократить масштабы русскоязычия.

Представители четырёх наиболее многочисленных национальностей после молдаван, в том числе украинцы (282406), русские (201219), гагаузы (147500) и болгары (65662), практически поголовно владеющие русским языком, составляли одну пятую (20,6%) часть русскоязычного пространства. В русскоязычное пространство вовлечены и представители остальных малочисленных национальностей (цыган, евреев, поляков), а также тех, кто в опубликованных материалах были отнесены в две графы: «другие» и «национальность не указана». Их численность составила 48421 чел.

По явно заниженным данным, русским языком свободно владело 1347647 чел. (39,8%) и ещё 128372 чел. (3,8%) обычно разговаривало на русском языке в повседневной практике. Трудно поверить, что более 13,7 тыс. русских не знали русский язык и обычно разговаривали на каком-либо ином языке. Следовательно, можно считать, что около половины населения Республики Молдова, по данным даже предвзято проведённой переписи населения, входило в русскоязычное коммуникационное пространство.

Дискриминация русскоязычного коммуникационного пространства

Относительно полнокровно изложены в Кодексе об образовании (принят Парламентом 17 июля 2014 г.) принципы госу-

дарственной политики в области образования, культуртрегерские и социальные ориентиры и гуманистический идеал образования. Однако составители Кодекса забыли про русскоязычное коммуникационное пространство, про интересы и потребности русского и гагаузского населения, о проживании в республике Молдова представителей многих национальных меньшинств.

При внимательном прочтении 157 статей, внесенных в Кодекс, как в закон, призванный обеспечить реализацию всех манифестированных норм, принципов функционирования сферы образования, непредвзятому читателю видно, что многие из них противоречат ранее принятой Конституции Республики Молдова, не содержат гарантии сохранения мира и солидарности между молдаванами, гагаузами и представителями других национальностей страны, выводят за скобки русскоязычного коммуникационного пространства русский язык и унижительно перечисляют его после румынского, английского и французского языков, вводят в школьную программу «уроки бизнеса» и «занятия бизнесом» (статья 139-я) с целью воспитания предпринимательской хватки вместо повышения уровня культуры и обеспечения условий для оптимальной социализации подрастающих поколений, ограничивают доступ представителям национальных меньшинств в высшие учебные заведения и тем самым препятствуют созданию гармоничной социальной структуры молдавского общества, как сбалансированной основы стабильности этнополитической ситуации и прочности межэтнических отношений.

Курс на румынизацию русскоязычного пространства ясно и недвусмысленно обозначен в 7 пункте статьи 9 Кодекса: «Государство гарантирует формирование и развитие навыков эффективного общения на румынском языке, по обстоятельствам – на языках национальных меньшинств и по меньшей мере на двух языках международного общения». Напомню, что согласно

Конституции Республики Молдова, принятой 29 июля 1994 г., «государственным языком Республики Молдова является молдавский (а не румынский – М.Г.) язык, функционирующий на основе латинской графики» (Новые Конституции 1997: 312).

Юридическая основа по дискриминации русского языка и русскоязычной части населения Молдовы заложена в туманной формуле: «в рамках возможностей образовательной системы». Раскрывая её имплицитно выраженную дискриминационную угрозу, экс-депутат молдавского парламента, ныне Башкан Гагаузии – Ирина Фёдоровна Влах пишет: «Да, государство гарантирует преподавание болгарского языка в школах Тараклийского района и гагаузского – в автономии, но лишь в рамках возможностей. А государство у нас бедное, на всех денег не хватает. Поэтому если в будущем учебном году эти предметы будут исключены... ну что ж, такие вот ограниченные возможности нашей образовательной системы, скажут нам чиновники» (<http://enews.md/articles/view/4545>).

Пунктом 8-м, статьи 9-й Кодекс устанавливает, что «Государство обеспечивает условия и формирование навыков общения на английском, французском и русском языках». И снова мы видим в Кодексе нарушение Конституции Республики Молдовы, в которой заложена государственная забота и гарантия русскому языку и где ему посвящён отдельный пункт, что свидетельствует об уважительном отношении: «Государство признаёт и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков, используемых на территории страны» (Новые Конституции 1997: 312).

Курс на румынизацию, заложенный в основу Кодекса об образовании, противоречит не только молдавской Конституции, но и ряду законодательных актов. «Создается впечатление, – отмечал Олег Бабенко, – что Кодекс подготовило не Министерство просвещения, а либералы – Анна Гуцу и Виталия Павличенко. Кодекс исключил русский язык из списка обязательных

школьных предметов. <...> Однако по закону «О функционировании языков на территории Молдавской ССР» от 01.09.1989 г. четко сформулировано, что «Молдавская ССР обеспечивает на своей территории условия для использования и развития русского языка как языка межнационального общения в СССР, а также языков других национальностей, проживающих в республике».

Правовые условия применения русского языка и языков национальностей, проживающих в Республике Молдова, предусмотрены и в других законодательных актах. Например, в статье 5 закона «О правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организации» от 19.07.2001 г. сказано: «Государство обязуется содействовать созданию необходимых условий для сохранения, развития и выражения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам», «Государство обеспечивает проведение научных исследований по истории, языку, и культуре национальных меньшинств». В статье 6(1) говорится, что «Государство гарантирует реализацию прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, получать дошкольное воспитание, начальное, среднее (общее и профессиональное), высшее и постуниверситетское образование на молдавском и на русском языках и создает условия для реализации их прав на воспитание и обучение на родном языке (украинском, гагаузском, болгарском, иврите, идише и др.)».

<...> «Право граждан выбирать язык обучения предусматривает и подписанный Республикой Молдова документ Совета Европы «Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств». Статья 10 гласит: «Стороны обязуются признавать за любым лицом, принадлежащим к национальному меньшинству, право свободно и беспрепятственно пользоваться языком своего меньшинства устно и письменно в частной жизни и публично». Таким обра-

зом, ущемление прав родителей в выборе языка обучения их детей и сужение сферы применения русского языка противоречат перечисленным законам как Республики Молдова, так и международным законам» (<http://argumenti.md/archives/3559>).

В сфере школьного образования молодые специалисты русского языка не могут найти работу. С одной стороны, сокращается количество школ и численность учеников, в которых преподавание ведётся на русском языке или он преподаётся как предмет. С другой стороны, в условиях экономического кризиса вышедшие на пенсию учителя продолжают работать, отнимая у молодёжи часы школьной программы (Семёнова 2014).

Русскоязычное пространство в сфере образования

В Кишинёве сокращается подготовка преподавателей русского языка и литературы. Специалисты считают, что в ближайшее время преподаватели русского языка будут такой же редкостью, как космонавты. В 2014 г. в Молдавском государственном университете не стало первого курса филологического факультета на русском языке, так как не набрали студентов. Такая же ситуация сложилась в Славянском университете, в котором только на русском отделении филологического факультета было набрано несколько человек первокурсников. Численность студентов, получающих образование на русском языке, сократилась за пятилетний период между 2008 и 2013 годами на 13695 чел. В результате доля студентов, обучающихся в вузах с румынским языком преподавания, увеличилась с 72,5% до 82,6%, а доля русскоязычных студентов за этот же период снизилась с 25,9 до 15,7% (Васильева 2014).

Несмотря на потери русскоязычного пространства в сфере школьного и вузовского образования, эксперты не теряют надежды на сохранение и некоторую стабилизацию позиций русского языка. Определённую надежду вселяют итоги

парламентских выборов 30 ноября 2014 г., в ходе которых Либеральная партия, возглавляемая адептом румынизации Михаем Гимпу, потерпела сокрушительное поражение, получив 13 мандатов. Победу одержала «Партия социалистов Республики Молдова». Она получила 25 мандатов. Вместе с партией коммунистов она занимает более лояльную позицию по отношению к русскому языку и ориентирована на Таможенный союз.

Противодействие правящей молдавской элиты в деле подготовки специалистов русского языка и литературы идёт по нескольким направлениям. Во-первых, ужесточаются правила приёмных экзаменов. Так, например, в 2014 г. 40% выпускников не смогли сдать экзамен на степень бакалавра. Чиновники министерства просвещения, являющие собой оплот румынизации, объясняют это слабой подготовкой абитуриентов. Однако сторонники русскоязычного пространства объясняют провал своих детей зверскими методами приёма вступительных экзаменов, которые проходят под контролем металлоискателей, видеокамер, железной дисциплиной, не позволяющей выпускникам лицеев и абитуриентам выйти даже в туалет.

Драконовские методы приёма экзаменов по русскому языку вызывают стрессы и аннулирование работ. В 2014 г. около 12 тыс. выпускников, как потенциальных студентов университетов, были лишены дипломов, без которых путь в университет закрыт. При явной нехватке университетов (всего 30 вузов) на Кишинёв с его 800-тысячным населением происходит дискредитация самой идеи высшего образования: принимают двоечников, выпускают недочетков, которые покидают сферу образования, чаще всего вследствие того, что не могут трудоустроиться.

Согласно принятому Кодексу об образовании, в школах с молдавским языком обучения, русский язык будет изучаться в качестве иностранного наряду с английским или французским. После того, как в соседней стране президентом избрали эт-

нического немца, в Кишинёве пошли слухи и разговоры о расширении изучения немецкого языка.

В политическом истеблишменте Молдовы нет единства в безоговорочном вытеснении русского языка из коммуникативного пространства страны. Так, например, летом 2014 г. накануне парламентских выборов председатель Демпартии Мариан Лупу, выступая в эфире одного из телеканалов, заявил, что государственным языком Молдовы является молдавский язык, а не румынский. А русский язык должен изучаться в школах в обязательном порядке. «Мы против исключения русского языка из списка языков обязательного изучения. Считаю, что необходимо иметь 3 обязательных иностранных языка для изучения: английский, французский и русский». Кроме того ДПМ, как сказал её председатель, предлагает включить в Кодекс предмет «История Республики Молдова». Использование сферы образования в качестве полигона румынизации представляет исключительную опасность для коммуникативного функционирования русскоязычного пространства.

Доктринальная основа образовательной политики, заложенная в новом Кодексе об образовании, не лишена лукавства. Ориентация на румынизацию в ней основывается не только на ущемлении интересов и прав русскоязычного населения и на сокращении русскоязычного пространства, но и на переориентации воспитательного процесса с задач гражданского и патриотического воспитания на воспитание подрастающих поколений в духе предпринимательства. Евроинтеграторская политическая элита, настроенная на ликвидацию молдавской государственности и на вхождение Молдовы в состав Румынии, не заинтересована в формировании среди населения гражданской идентичности и, следовательно, в успешном продвижении молдавского националстроительства. Не стоит удивляться, что более половины молдавской молодёжи намерены покинуть пределы страны и поселиться на постоянное место жительства в зарубежных странах.

Политика румынизации русскоязычного пространства

При проведении переписи населения в Республике Молдова с 12 по 25 мая 2014 г. была организована широкомасштабная кампания по зомбированию населения. Пропагандистская машина унионистов работала на полную мощность, призывая всех, кто говорит на молдавском, указывать, что они румыны. Напомним, что у этой кампании был весьма солидный этноязыковой задел. По данным переписи (2004 г.) 481503 чел., т.е. 18,8% молдаван, назвали себя молдаванами, но при этом родным указали румынский язык. Дополнительный вес и значимость этой интриге придавали ещё 475126 молдаван (18,5%), указавших в ходе той же переписи румынский язык «языком, на котором обычно разговаривают» (Молдаване 2010: 95).

Несмотря на прямолинейность и наивность лозунгов и призывов к румынизации, выражаемых представителями крайнего румынизма, как идеологической основы унионизма, выходило, что если все молдаване или их значительное большинство, признают румынский язык своим родным языком, Республика Молдова потеряет шанс на существование в качестве суверенного государства и должна быть имплантирована в состав соседнего государства, чтобы стать частью румынской нации (Молдаване 2010: 95).

Согласно предварительным данным переписи населения 2014 г., опубликованным рядом молдавских СМИ, 56,8% жителей республики назвали себя молдаванами, 23,2% – румынами, 7,6% – украинцами, 5,5% – русскими, 3,9% – гагаузами, 1,6% – болгарам. По данным тех же источников, около 40% назвали своим родным языком румынский, 38% – молдавский, 13% – русский. Обращает на себя внимание и вызывает сомнение значительное увеличение численности лиц с румынской идентичностью и с родным румынским языком. Создаётся впечатление, что почти 17% лиц не-румынской национальности назвали родным языком

румынский язык. Явно завышенные данные по румынизации вызвали скандал. Национальное бюро статистики Республики Молдовы вынуждено было распространить сообщение, согласно которому указанные данные якобы были переданы в редакции СМИ с некоего фальшивого почтового ящика, к которому НБС не имеет отношения и ответственности за достоверность этих данных не несёт. Директор НБС Лучия Стоялэ пояснила, что обработка данных по этнической и языковой принадлежности жителей ещё не завершена и поэтому официальная информация на этот счёт будет представлена позже (<http://www.regnum.ru/news/1885921.html>).

В годы накануне и вскоре после развала Советского Союза популярными в молдавских СМИ были антирусские лозунги: «Ворбиць тоць ла лимба ромынэ» («Все говорите по-румынски»); «Чемодан – вокзал – Магадан», «Евреев в Днестр, русских за Днестр»; «Молдова фэрэ рушии» («Молдова без русских»).

По мере укрепления во власти прорумынски настроенных политических деятелей Либеральной, Либерально-демократической и других ассоциированных партий и группировок, расширилось наступление на позиции русского языка и на сферы русскоязычного пространства. Красноречивым примером может служить запрет демонстрировать кино на русском языке.

Таким способом прорумынское руководство Республики Молдовы надеется получить дополнительный шанс, гарантии и условия для румынизации русскоязычного пространства, сохранения и расширения численности носителей румынской идентичности.

Дальновидные молдавские общественные деятели хорошо понимают губительные для Молдавии последствия языковой румынизации. Вот как комментирует инициативу молдавских властей по «языковой реформе» кинематографической отрасли главный редактор РИА «Днестр» Роман Коноплев: «Для русской диаспоры, – пишет он, – разумеется, можно закрыть

гайки – убрать русский язык не только из кинотеатров, но и, скажем, из кабельных сетей. Затем можно закрыть газеты, выходящие на русском. Так можно очень далеко зайти. Кто-то это, разумеется, переживет спокойно. На митинги русские не пойдут – просто соберутся и уедут» (<http://www.moldova.md/ru/comments/show.372>).

После обретения независимости в Молдове резко изменилось соотношение выпускаемой печатной продукции. Если в 1985 г. на молдавском языке выходило 33,7% книг и 32% журналов, то менее чем через 10 лет, в 1996 г. доля тиража и брошюр на румынском языке составила 85,8% (Суляк 2007: 9).

Особым усердием в пропаганде румынизма и внедрении чувств русофобии отличается молдавское общественное телевидение. Многие эксперты приводят убедительные факты, что «В Молдавии идет наступление на русский язык. Осенью 2014 г. правительство Молдавии официально объявило, что русский язык исключается из списка обязательных для изучения предметов. А Координационный совет по телерадиовещанию Молдавии запретил на территории республики вещание сразу всех телеканалов, ретранслирующих российские новостные программы. В связи с этим, российские соотечественники, проживающие в Молдавии, выступили с заявлением по такому дискриминационному решению» (<http://http://www.gumilev-center.ru/natsionalnyie-menshinstva-moldavii-hotyat-uchastvovat-v-gosudarstvennom-upravlenii/>).

Русский язык и сфера науки

С особым рвением изгоняется русский язык из гуманитарной сферы, в том числе из сферы образования, СМИ и науки. Руководство АНМ рекомендует редакторам журналов по общественным наукам создавать приоритетные условия для румынского и английского языков в ущерб статьям и материалам, поступающим в редакционный портфель на русском языке. Так, например, в одном из последних номеров ведущего журнала молдавских этнологов,

социальных антропологов и искусствоведов (“Revista de etnologie și cultorologie” volume XVI, Chisinau, 2014) из 21 статьи, 7 опубликовано на английском языке, в том числе 3 статьи сотрудников ИЭА РАН, переведённых с русского языка, ещё 6 статей – на румынском, и только 8 статей – на русском языке. Между тем до недавнего времени интернациональный Редакционный совет и Редколлегия издавали журнал в основном на русском языке, не ущемляя интересов русскоязычного населения и адресуя публикуемые материалы широкому кругу читателей.

Анализ языкового репертуара электронных страниц органов власти позволяет выявить картину последовательной румынизации. Так, например, на сайтах правительства и администрации президента содержатся переводы на русский язык. Однако о документах и особенно стенограммах высшей законодательной власти, в том числе о работе народных избранников, можно прочитать только на румынском, английском и французском языках. В министерствах и ведомствах коммуникационная обстановка характеризуется едва ли не тотальным речевым поведением на румынском языке (Васильева 2014).

Одна из задач румынизации науки и сферы научной деятельности состоит в вычёркивании из истории молдавского народа и молдавского государства участия в ней представителей национальных меньшинств. Не трудно понять логику этой стратегии. Она состояла раньше и продолжает иметь место и сегодня, в ограничении доступа этой категории в высшие эшелоны власти, что приводило к созданию социальной напряжённости.

В журналистских кругах Кишинёва раздался голос о том, что «учёным не стоит заниматься политикой. У них есть более достойное дело – наука. И поскольку вопрос о происхождении молдаван и молдавского государства давно стал камнем преткновения и разделил общество практически на два лагеря, то ему (Президенту АН РМ – МГ) как человеку, зани-

мающему публичную должность, – главы Академии наук Молдовы, а значит обязанному понимать, что его слова могут иметь резонанс, не стоит подливать масла в огонь и нагнетать обстановку вокруг этой темы» (www.newsmoldova.md).

В сохранении коммуникативного пространства на русском языке Молдавии важную роль играет русскоязычная культура. Её глубокие и мощные корни позволяют ментальным всходам пробивать асфальт угнетающей языковой политики. Из молодой поросли, характеризующей состояние опредмеченных продуктов научной деятельности, позволю себе привести несколько знаменательных примеров. В 2011 г. в Кишинёве был издан толково-энциклопедический «Универсальный иллюстрированный словарь русского языка» в 18 томах. В нём содержится около 130 тыс. слов, огромное количество устойчивых сочетаний и крылатых выражений, неологизмов. Широко представлена лексика современного русского языка, сложившаяся к концу XX – началу XXI вв. от Пушкина до наших дней, а также новейшая лексика всех литературных жанров и стилистических направлений, обогатившая русский язык за последние 20–30 лет. По итогам реализации научно-исследовательских проектов в «Словарь» включено около 10 тыс. иллюстраций – репродукций шедевров живописи, графики, рисунков, фотографий, схем, что, по словам экспертов и издателей обогащает его толково-энциклопедическую направленность и универсальность, делает его настольной книгой для профессионалов различных областей знания. О научной, художественной и общественной значимости молдавского «продукта по русскому языку», можно судить по тому внушительному факту, что он одержал победу среди 640 книг-номинантов, представленных 170 крупнейшими издательствами 10 стран СНГ: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Узбекистана и Украины (<http://www.newsmoldova.ru/rus/20120507/191390145.html>).

Появление указанного «Словаря» послужило важной поддержкой русскоязычного сообщества и коммуникационного пространства Молдовы. За подпиской на это издание в полном его объёме в Кишинёве выстраивались очереди, несмотря на то, что 18 томов стоили более 1 тыс. долларов. В связи с подпиской на словарь в 30 русских школах в Кишинёве разразился скандал, вызванный тем, что в словаре содержалось толкование слов, относящихся к ненормативной лексике (Гамова 2012).

Сокращение масштабов русскоязычного пространства, особенно в сферах школьного образования, издательской деятельности в науке и литературе оказывает негативное влияние на качество владения русским языком и на его развитие. Широкое распространение (при румынизации) русского языка получает, в частности, такое позорное явление, как двойное полуязычие, когда люди плохо владеют и первым, и вторым, и молдавским (румынским) и русским языком. В повседневной жизни можно, например, услышать образцы двойного полуязычия: «Сходи в алиментару, купи плачинты, дам их за поману, скоро уже будем готовиться к куматрии, это надо обсудить с нанашами» (Васильева 2014).

Феномен молдавской русофобии

Русофобия молдавского (унионистского) разлива – это доктринальная идеология, официальная политика и повседневная практика, воспитывающая неприязнь к русскоязычному коммуникативному пространству, к русским, истории и культуре русского народа и Российского государства. Она наносит вред Республике Молдова, дестабилизирует этнополитическую ситуацию, разрушает исторически сложившиеся позитивные традиции межэтнических отношений, роняет имидж Молдовы и молдаван перед лицом мировой общественности.

В конечном счёте русофобия прорумынски настроенной части политической и научной и художественной и культурной элиты Молдовы – это признак слабости

молдавской государственности, показатель политической незрелости правящего альянса «За европейскую интеграцию», индикатор инфантильности социальной структуры молдавской нации и отсутствие чёткой программы молдавского нациестроительства, – это, наконец, отказ молдавских румынистов от значительной части национального культурного наследия, созданного многими поколениями выдающихся молдавских деятелей на древнерусском, а в новейшее, в том числе в советское время, на русском языке.

В литературе встречаются немало интерпретаций русофобии как «страшной болезни», однако нет сколько-нибудь обстоятельного диагноза исторических предпосылок и исследования новейших причин её возникновения, не показана в чём состоит её социальная и антропологическая ущербность, не предложены рецепты излечения и пути преодоления. Более того, нельзя допустить, что некоторые её причины легко устранимы: например, этнополитический разлом между крупными империями, в воронку которого втягиваются малочисленные народы и мелкие этнические группировки. В соперничестве между сложившимися крупными нациями-государствами рождаются риски и страхи как источники ксенофобии. Феномен молдавской русофобии, рождённый как на наковальне между Россией и Румынией, далеко не единственный пример.

В разломах между империями, в пограничных зонах и ареалах, имеет место благоприятная среда с этнически разнородным составом населения и неустоявшейся этнической идентичностью. Маргинальное состояние этнокультурной идентичности выступает немаловажным фактором ксенофобии. Таковы, в частности, были истоки молдавской русофобии в начале XX в., накануне празднования 100-летия со времени вхождения Бессарабии в состав императорской России. Она коренилась в том, что «публичная сфера» т.е. коммуникативное пространство в Бессарабии в те годы «была почти исключительно русской и русскоязычной» (Кушко, Таки 2012: 285).

Страх перед русским языком и российской культурой, одновременно и ревность к ней, порождает русофобию. Однако и то, и другое имеют под собой реальные социальные мотивы. Переориентация на европейскую интеграцию подпитывается внедрением мифологемы, заимствованной из румынских учебников межвоенного периода о генетическом родстве молдаван с легендарными Ромулом и Ремом.

Русофобия коренится в слабой конкурентоспособности кишинёвской элиты, перед приднестровской и гагаузской элитами, набравшими интеллектуальную силу, социальный и этнокультурный вес, и готовность к равноправному диалогу с кишинёвской элитой, страхующей себя законодательными актами и монополией молдавского (румынского) языка. Русофобия и недоверие служат источником недопонимания между Кишиневом и Комратом, также как на Украине между Киевом и Симферополем.

Благодаря русскому языку, открывающему доступ к ценностям мировой культуры, образования и науки, русскоязычное население Молдавии накануне распада СССР стремительно наращивало свой мобилизационный потенциал и адаптационные возможности. Приднестровские лидеры и общественные деятели Гагаузии оперативно реагировали и отвечали на вызовы глобализации и переустройство миропорядка.

Ещё одним немаловажным фактором молдавской русофобии, как части ксенофобии, является неспособность правящего режима установить атмосферу и практику доверия в стране, навести порядок в этнополитической и межэтнической ситуации. Неудачи в экономической, финансовой сфере, рост безработицы и обнищание широких народных масс русофобы «списывают» на «тяжёлое советское наследие» и на итоги «русификаторской политики» Кремля.

С особой активностью волны русофобии накатили на кишинёвских сторонников унионизма Молдовы в связи с воссоединением Крыма с Россией после референдума 2014 г.

* * *

Особенно велик удельный вес открытых русофобов среди части молдавской художественной интеллигенции, прежде всего среди поэтов, писателей и лиц, близких околотературным кругам и кабинетам министерства просвещения и молодёжи, министерства культуры и туризма.

Наряду с современными меркантильными интересами молдавских писателей и поэтов, имеющими в Румынии в разы более широкую читательскую аудиторию на румынском языке по сравнению с численностью молдавских читателей, молдавская русофобия, подобно украинской, имеет свои исторические корни.

Румынская русофобия как предтеча молдавской, зародилась под воздействием нацистроительства в Румынии при прямом активном содействии западных держав, и в первую очередь Австрийской империи Габсбургов.

Несмотря на то, что в советские времена Молдавия и Украина были одними из самых благополучных республик бывшего СССР, усилиями которого была создана, например, молдавская художественная элита (Эмиль Лотяну, Ион Друцэ, Емелиан Буков, Евгений Дога, Михаил Волонтир и многие другие) сегодня молдавская и украинская русофобия взаимно подпитывают и катализируют друг друга. В литературе, науке и в искусстве это находит выражение в том, что в обеих странах советское культурное наследие, русский язык и культура вытравливаются из памяти, а государственная пропаганда акцентирует внимание исключительно на негативных сторонах: репрессии, коллективизация, голод, депортации, «русификация», утрата самобытности.

«В Молдове, как и на Украине, – пишет Михаил Пасичник, – за 23 постсоветских года выросло целое поколение, воспитанное в духе воинствующей русофобии по учебным программам, разработанным ещё в начале 90-х, причём зачастую намного западнее Киева и Кишинёва. Учебники по «истории румын» в Респуб-

лике Молдова в части культивирования ненависти к России мало чем отличаются от украинских учебников истории. Сегодня эта молодёжь, зомбированная школой и телевидением, является главной ударной силой Запада по недопущению крена стран в сторону России. У США и ЕС есть в наличии эффективная дубинка против постсоветских элит под названием «Майдан» (<http://ukraina.ru/analytics/20140830/1010008333.html>).

Молдавская и украинская русофобии имеют не только межгосударственную, но и внутрисоциальную направленность. Киевская и Кишинёвская элиты не смогли найти оптимальные формы диалога с региональными лидерами, не принимали в расчёт этнокультурные интересы населения Крыма и Новороссии на Украине, задачи нациестроительства в молдавской Гагаузии. Называя носителей региональной идентичности сепаратистами, молдавские и украинские русофобы культивируют антироссийские и антирегионалистские настроения и тем самым подталкивают свои страны к этническому и региональному расколу. «Вместе с тем между двумя странами существуют и различия. В Молдове нет такой многовековой традиции русофобии, как на Украине. В Молдове она распространена в значительно меньшей степени и в основном охватывает элитарные круги. Для основной части молдавского народа национализм гораздо менее характерен, чем для украинских народных масс, ставших объектом целенаправленной многовековой антироссийской пропаганды» (<http://ukraina.ru/analytics/20140830/1010008333.html>).

«Если Украина, – продолжает свой анализ Михаил Пасичник, – является участницей горячего конфликта, то на территориях, оспаривающих своё пребывание в составе прозападной Молдовы, в Приднестровье и Гагаузии, конфликты происходят в тлеющей форме. Горячие конфликты на территории бывшей Молдавской ССР уже имели место более 20 лет тому назад. Приднестровье уже испы-

тало на себе весь ужас гражданского конфликта, включая городскую войну с массовой гибелью мирных жителей. Но, как оказалось, это всего лишь цветочки по сравнению с тем, что сегодня испытывает Донбасс» (<http://ukraina.ru/analytics/20140830/1010008333.html>).

Активная пропаганда русофобии, внедряемая в сознание масс адептами румынизма, порождает, а также реанимирует бытовавшую в отдельных регионах Бессарабии в межвоенный период румынофобию. Немаловажную роль в возрождении румынофобии в последние годы играет недалёковидная политика правящего режима Бухареста. Прежде всего речь идёт о призывах бывшего президента Румынии Траяна Бэсеску о ликвидации молдавского государства и о включении Молдовы в состав Румынии. «Некоторые местные политики и их электоральные сторонники, называющие себя «молдавскими патриотами», всех румын – скопом, только за то, что они румыны! – огульно обвиняют во всевозможных преступлениях – против Молдавии, против России, против других стран и народов, не трудясь приводить при этом сколько-нибудь весомые доказательства, не делая никакой разницы между румынским народом и румынскими политиками», пишет известный молдавский политолог Виталий Андриевский (<http://inosmi.ru/sngbaltia/20140110/216381912.html>).

Вместе с тем имеют место и другие фобии – гагаузофобия, молдавофобия, приднестровофобия и ряд других зловредных фобий, омрачающих повседневную жизнь граждан, дестабилизирующих этнополитическую ситуацию в стране и размывающих почву межэтнического доверия, толерантности и солидарности.

Заключение

Итак, на рубеже XX–XXI вв. можно выделить три ключевые вехи в снижении правового статуса и в сокращении масштабов употребления русского языка в Республике Молдова с параллельно идущим усилением русофобии.

На первом этапе, в ходе «языковой революции» 1989 г., когда были приняты три «языковых» закона, в том числе законодательное установление идентичности молдавского и румынского языков, перевод письменности с кириллицы на латиницу и придание только молдавскому языку статуса государственного языка. Одновременно с низведением статуса русского языка до «языка межнационального общения», не имеющего к тому же юридической силы по причине того, что «язык межнационального общения» не может быть субъектом права, накануне и после выхода из состава СССР в республике началась массированная пропаганда востребованности и ценностей румынизма в ущерб молдовенизму, при общем отрицательном отношении к культурному наследию и истории молдавского народа, а также непризнание самобытности и автохтонности этнонима «молдаване» и автоглоттонима «лимба молдовеняскэ» (Стати 2010; Шорников 2007).

Второй этап обозначился молдавским мини-Майданом 7 апреля 2009 г., когда в результате попытки государственного переворота политическая элита Молдавии раскололась на сторонников евроинтеграции («Альянс за Евроинтеграцию») и Таможенного союза. Соответственно, первые взяли курс на борьбу с русским языком, на нагнетание русофобии и на самоуничтожение молдавской самобытности, на переидентификацию молдаван в румын, вторые – на сохранение русскоязычия и ориентации на Таможенный союз.

Как уже говорилось, известные основания для смены идентичности в первом десятилетии нового тысячелетия были выявлены в ходе переписи населения 2004 года. Почти полмиллиона молдаван указало родным румынский язык, что стало вполне реальной основой для раскола молдавского народа. Заблудившись в поисках своей языковой идентичности, эта часть молдавского народа послужила не только горьким упрёком радикально настроенным этническим мобилизаторам из «Народного фронта Молдовы», но и серьёзным уроком

для трезвомыслящих политиков, искренне желающих процветания молдавскому народу.

Индикатором третьего этапа языковой политики по разрушению русскоязычного коммуникативного пространства стало принятие молдавским парламентом 17 июля 2014 г. Кодекса об образовании. Центральным нервом этого документа стало исключение русского языка из числа обязательных предметов в школах с молдавским языком обучения и одновременно ударом по языковой жизни русскоязычного населения. Все три модели отношения молдавской политической элиты к русскому языку не содержат в себе какую-то лингвистическую основу. Они представляют собой социальный ресурс, используемый в качестве социального капитала, удобного для усиления конкурентоспособности лиц титульной национальности. На разных этапах истории молдавская элита использовала знание того или иного языка для пребывания во власти и участия в дележе ресурсов. Так, например, в первой половине XVII в., в период наибольшего усиления культурного влияния Польши на политическую и культурную жизнь Молдавии, вторым языком молдавской элиты был польский язык (Кушко, Таки 2012).

В межвоенный период и в первые послевоенные десятилетия XX в. вплоть до хрущёвской оттепели и брежневского застоя фактором успешной профессиональной социализации и политической мобилизации для молдавской элиты служило знание и употребление русского языка. Накануне развала СССР, когда русский язык стал конкурентным фактором для лиц немолдавской национальности в силу всеобщего роста образовательного уровня, молдавская элита поменяла правила игры. «Любовь» к русскому языку уступила страсти по родному молдавскому языку, который ради пущей убедительности был назван румынским языком. Однако по истечении четверти века после провозглашения независимости и фронтального вытеснения русского языка из коммуникативно-

го русскоязычного пространства, «дети» молдавской неокоренизации не сумели консолидировать своё политическое влияние и добиться значительных успехов в деле румынизации молдаван в ущерб интересам русского языка и русскоязычного пространства.

Итак, при знакомстве с условиями и основными фактами проявления молдавской русофобии возникает вопрос о степени её опасности и деструктивном заряде для молдавской государственности, оказавшейся в геополитическом провале между соперничающими США и Россией. Молдавская русофобия, критически направленная в конечном счёте на политические верхи России, а не на её русское население, сама по себе не является преступлением. Преступлением она становится в тот момент, когда становится ориентиром и призывом к действию по разрушению молдавской государственности, взяв на вооружение против национальных меньшинств доктрину сепаратизма и участие в воссоздании «Великой Румынии». В этом случае крайне неуместными и неловкими выглядят молдавские русофобы, обвиняющие гагаузов и гагаузскую политическую элиту в сепаратизме. Это классический случай, раскрытый русской поговоркой, когда громче всех кричит «Держите вора!» сам вор.

Молдавскую русофобию как социальную болезнь нельзя лечить какой-либо другой напастью. И если политические, научные и художественные элиты не могут предложить лекарство от русофобии, надо самому народу «работать» во имя своего излечения. Начинать с простого понимания: если в русскоязычном коммуникативном пространстве граждане разговаривают на русском языке, это не значит, что они выступают против молдавской культуры и против молдавского национализма. И, наоборот, если граждане Республики Молдова разговаривают на государственном (молдавском) языке, это не значит, что они выступают против русской культуры.

Сохранение и поддержка русскоязычного коммуникативного пространства предполагает наличие инициатив, уличных акций и митингов, действий по объединению в общественные организации, по созданию в образовательной сфере, СМИ, в культуре волонтёрских объединений, общественных дискуссий. Наконец, не следует соглашаться с тем, что лозунгом межэтнического сосуществования могут служить нежизнеспособные призывы типа: «Молдова для молдаван», или «Украина для украинцев». Для того чтобы удалить жало ядовитой русофобии из доктринальной основы молдавского национализма, надо взять на вооружение задачу по смещению акцента из межэтнического противостояния на конструктивный общественный и политический диалог между русскоязычным и молдавоязычным пространством.

Отрицательный заряд русофобии не содержит в себе посылы для единения населения страны, в том числе обращение к самим молдаванам и представителям других национальностей. Если адепты альянса «За Европейскую интеграцию» являются собой конструкторов молдавского национализма, то логично было бы ожидать в их программе дружелюбную риторику, подобную, например, советской доктрине «семьи народов». Однако откровенно высказываемое недоверие политическим лидерам Приднестровья и Гагаузии в течение четверти века не свидетельствует о готовности Кишинёва включать всё население в «семью братских народов Молдовы».

Литература

- Андреевский 2014 – Андреевский В. Фобии в Молдавии: русофобия, румынофобия // <http://inosmi.ru/sngbaltia/20140110/216381912.html>.
- Бабенко – Бабенко О. Гора родила мышь, или ещё один неудавшийся кодекс образования // <http://argument.md/archives/3559>.
- Башляр 2014 – Башляр Г. Избранное. Поэтика пространства. М., 2014.

- Бессарабия 1996 – Бессарабия на перекрёстке Европейской дипломатии. Документы и материалы / Ред. В.Н. Виноградов. М., 1996.
- Васильева – Васильева Г.В. Молдове прикусили русский язык // www.pan.md/news/v-moldove-prikusili-russkiy-yazik/492236.
- Грек, Руссев 2011 – Грек И.Ф., Руссев Н.Д. 1812 – поворотный год в истории Буджака и «задунайских переселенцев». Кишинёв, 2011. 142 с.
- Гросул 1997 – Гросул В.Я. Система управления Молдавии в составе России // Национальные окраины в составе России (XVII – начало XX вв.). М., 1997.
- Губогло 2010 – Губогло М.Н. Языковая жизнь молдаван в постсоветский период // Молдаване / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. М., 2010. С. 95–106.
- Губогло 2013 – Губогло М.Н. Страсти по доверию. Опыт этнополитического исследования референдума в Гагаузии. М., 2013.
- Губогло 2014 – Губогло М.Н. Опыт этносоциологического исследования референдума в Крыму. Кишинев, 2014.
- Коноплёв – Коноплёв Р. Русофобия – это болезнь // <http://www.moldovanova.md/ru/comments/show/372>.
- Конституция 1997 – Конституция Республики Молдова // Новые Конституции стран СНГ и Балтии. Сборник документов. М., 1997. С. 309–346.
- Кушко, Таки 2012 – Кушко А., Таки В. (при участии О. Грома). Бессарабия в составе Российской империи. 1812–1917 // Новое литературное обозрение. М., 2012.
- Лысенко 2015 – Лысенко В.С. Потребность в социально-персональной значимости – базовая потребность человека // Независимая газета. 2015. 11 февраля. С. 14.
- Млечко 2010 – Млечко Т. Пространство русского языка в Молдове (20 лет Закону о функционировании языков на территории Республики Молдова // Сборник докладов Международной конференции «Русский язык в коммуникативном пространстве Содружества Независимых Государств». М., 2010.
- Млечко 2013 – Млечко Т. Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев: Славянский университет Республики Молдова, 2013. 437 с.
- Молдаване (Серия «Народы и культуры») / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. М., 2010.
- Новые Конституции 1997 – Новые Конституции стран СНГ и Балтии. Сборник документов. М.: Манускрипт, 1997.
- Никогло 2014 – Никогло Д.Е. Этнокультурная и историческая общность молдаван и гагаузов // 655-летию молдавской государственности посвящается. Комрат, 2014. С. 53–68.
- Русофобы – Русофобы в Молдавии: кто они? // <https://regnum.ru/news/726720.html>.
- Семёнова – Семёнова Ю. Молдаване теряют образование на русском языке // www.ruskiymir.ru/media/magazines/article/152379.
- Стати 2003 – Стати В.Н. История Молдовы. Кишинёв, 2003. 480 с.
- Стати 2009 – Стати В. Молдаване. Историческое и этнополитическое исследование. Кишинёв, 2009. 488 с.
- Стати 2010 – Стати В.Н. От волохов к молдаванам. Молдавский язык // Молдаване (Серия «Народы и культуры») / Отв. ред. М.Н. Губогло, В.А. Дергачёв. М., 2010. С. 43–94.
- Суляк 2007 – Суляк С. Русская культура – многовековое достояние народов Молдавии // Русин. 2007. № 3(9). С. 5–14.
- Суляк 2010 – Суляк С. Русский язык в Молдавии // Русин. 2010. № 3.
- Тишков, Шабаев 2011 – Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. М.: Изд-во МГУ, 2011. 376 с.
- Тулянцеv – Тулянцеv И. Новый кодекс об образовании в РМ вернёт времена Антонеску // <http://beta-press.ru/newsitem/11742>.
- Флоря – Флоря К. Кодекс об образовании: бизнес-навыки вместо патриотизма // <http://glodeni2.ru/publ/4-1-0-233>.
- Черепяхин – Черпяхин Ю. Русофобия на Украине // <http://www.belyelebedi.lt/index.php/ru/articles/838>.
- Чешко 2014 – Чешко С.В. Этнология и социальная антропология. М., 2014. 240 с.
- Шаповалов – Шаповалов Б. Чего хотят русские Молдовы? // <http://www.ruvek.info/action/view8ibid=8035&module=articles>.
- Шорников 2007 – Шорников П.М. Молдавская самобытность. Тирасполь, 2007. 400 с.

Глава 21

Столетие независимости и русский язык в Финляндии

Общая ситуация с русским языком в Финляндии

Согласно данным Статистического ведомства Финляндии, на 31.12.2016 здесь проживало 75 444 чел., которые заявили, что их родным языком является русский. В это число, как правило, не входят так называемые «старые» русские и их потомки, т.е. поселившиеся в Финляндии до того, как она стала независимой, среди них есть потомки священников, крестьян с Карельского перешейка, купцов, фабрикантов, военных, но также дачники и беженцы (Протасова 2004; Shenshin 2008); дети от смешанных браков; репатриировавшиеся финны-ингерманландцы, заявившие, что их родным языком является финский; а также граждане других государств (например, Эстонии, США, Канады, Израиля), говорящие по-русски, но указавшие в качестве своего основного языка, например, эстонский или английский. Таким образом, фактически говорящих по-русски значительно больше. Финское законодательство пока позволяет указывать в регистре гражданского населения только один «материнский» язык. В некоторых документах предлагается также выбрать язык для делового общения (обычно это выбор между финским, шведским и английским, на которых говорит большинство чиновников).

Среди некоренного населения Финляндии люди с русским языком составляют самую большую группу. До 1990 г. подавляющая часть русскоязычных были русскими, родившимися в Финляндии. Потом это были преимущественно финны-ингерманландцы, которых пригласил переехать в Финляндию президент Мауно Койвисто, и члены их семей. В XXI в. стало появляться все больше предпринимателей, а сейчас основная масса переезжающих – это люди с рабочей или учебной визой. За

последние десять лет число русскоязычных удвоилось, сейчас это – 1,4% населения, причем 20% из них моложе 20 лет. 30 970 чел. имеют гражданство России, а у 27 456 – два гражданства (финское и российское). Предполагается, что рубеж в 100 тыс. чел. будет пройден в начале 2020-х годов. (Vaajonen et al. 2017). По нашим данным, среди тех, кто отправляет своих детей учить русский язык как родной, есть не только россияне нерусской идентичности (чеченцы, удмурты и др.), но и финны, долгое время жившие в России, граждане бывших союзных республик (Украины, Белоруссии, стран Балтии, Центральной Азии, Кавказа), славяноязычных государств (Болгарии, Македонии, Польши, Сербии). Все эти выкладки показывают, насколько разнородно сообщество русскоязычных. Если первые приезжавшие ощущали себя иммигрантами, стремящимися интегрироваться, а Финляндию считали своей новой родиной, то недавно прибывшие – в большей степени экспаты, которые имеют несколько гражданств и могут переехать на жительство в другие страны, если им будет предложена такая возможность. Подавляющее большинство, однако, вполне удовлетворено своей жизнью в этой стране, а близость России создает дополнительное преимущество: легко приглашать гостей (не только родных и друзей, но и специалистов, артистов, ученых) и ездить в гости, посещать культурные мероприятия в Петербурге и Москве.

Финские власти целенаправленно дают разрешение на постоянное местожительство тем россиянам, у которых есть хорошее образование, добавляя к нему финский язык и повышая квалификацию приехавших в соответствии с европейскими требованиями. Есть также беженцы, получающие вид на жительство по политическим или личным мотивам. Среди россиян по семейным причинам приехал 41%, по рабо-

чей визе – 32%, для учебы – 25%. Все же, как свидетельствуют многочисленные публикации в Интернете (например, Аксенова 2016; Кроз, Никитина 2017; intofinland.ru; yourfinland.ru; fin.kaleidoskooppi.info/rus), переезд и его последствия – дело нелегкое, не всем удается устроиться так, чтобы получить удовольствие от жизни.

Ведутся разговоры о том, что «старые» русские могли бы официально быть признаны историческим меньшинством, поскольку их родственники проживали на территории Финляндии больше ста лет. Это лишь незначительная часть из всех, говорящих по-русски. В случае принятия положительного решения новые переселенцы должны были бы увеличить наполненность этой группы населения на не совсем законном основании, однако аналогичные процессы происходят и в других странах.

Родной русский язык (как и более пятидесяти других языков иммигрантов) преподается на правах так называемого *домашнего* (*kotikieli*) факультативно в объеме двух часов в неделю по муниципалитетам при школах, в двух десятках детских садов, в нескольких двуязычных школах. Инфраструктура русскоязычного сообщества включает в себя различные организации, как функционирующие по городам, так и зонтичные (около полутора сотен), множество сайтов, центральный книжный фонд в библиотеке «Селло» в Эспоо и небольшие фонды в районных библиотеках, ежедневные новости на русском языке по центральному телевидению и постоянно обновляемый сайт yle.fi/novosti. Ежемесячники «Финляндский торговый путь» и «Спектр», а также периодические литературно-публицистические альманахи выходят в бумажном варианте. Даже российский сайт inosmi.ru сделал подборку финских статей «100 лет в разводе с Россией» (inosmi.ru/trend/finland/?id=240760320&date=20171114T145200).

Безусловно, возможность общаться на своем языке – основной фактор, объеди-

няющий людей. Они собираются ради того, чтобы послушать музыку или лекцию психолога, посетить театральный спектакль или выставку, отпраздновать Новый год и 8 Марта, обсудить проблемы воспитания детей. При этом обычно присутствуют и несколько финнов. Есть проекты, поддерживающие семьи с детьми, инвалидов, пожилых. Среди тех, кто предпочитает русскоязычное общение, есть люди, плохо владеющие финским и/или английским, но не только. Например, люди, в детстве говорившие по-русски, но всю жизнь проработавшие в финноязычной или шведоязычной среде, выйдя на пенсию, могут начать читать русские книги, посещать русскоязычные мероприятия, смотреть российское телевидение (таких примеров много). Вообще, русскоязычная коммуникация привлекательна своей семантической насыщенностью, общими ассоциациями, культурным фоном. Внутри русскоязычного сообщества формируются группы по интересам и по политическим убеждениям. Особенностью Финляндии является то, что многие культурные инициативы в отношении русскоязычных идут от представителей финского государства: это и преподавание языка, и фестивали, и различные проекты, направленные на помощь русскоязычным, и финансовая поддержка писателей. Насколько нам представляется, самыми заметными и активными становятся организаторы различных обществ (в том числе в Интернете), мнением которых начинают интересоваться. Есть некоторые русскоязычные депутаты в местных органах власти и в парламенте, их голоса слышнее, потому что их часто интервьюируют и дают им возможность высказать свое мнение по самым разным вопросам.

Известным финном, владеющим русским языком, является актер и режиссер Вилле Хаапасало. Он также часто рассказывает о своем российском опыте и восприятии российской жизни. Его документальные сериалы о России и постсоветском пространстве вызывают большой ин-

терес у широкой публики. В школах последние годы отмечается некоторый рост популярности русского языка как иностранного (возможность изучать его предоставляется с первого класса до окончания школы, для всех курсов есть собственные, выпущенные в Финляндии линейки учебников), однако доля финноязычных школьников, изучающих этот язык, до сих пор не превышает пяти процентов. В связи с тем, что выросло много полноценных билингов, хорошо освоивших и финский, и русский, потребность в переводчиках с родным финским стала меньше. Однако и сейчас русский язык привлекателен по экономическим, политическим, культурным, оборонительным причинам (Viimaranta et al. 2017). В то же время это язык соседа, с которым связаны все основные войны в истории страны и от которого Финляндия получила независимость 100 лет назад, 6 декабря 1917 г. Именно поэтому существует разное отношение и к стране, и к изучению языка. Оно зависит от возраста, личного и семейного опыта посещения России и общения с русскоязычными, знакомства с русской литературой, заинтересованности в восточном рынке (ср.: Мустайоки, Протасова 2017). С начала 1990-х годов и по сей день в отношениях между странами бывали взлеты и падения: от единичных несостоятельных туристов и бедных переселенцев к самой большой туристической и иммиграционной группам, дающим приток капитала и оживляющим восточные приграничные области, а также к представительству во всех слоях населения.

Православие исповедует 1,1% жителей. Это, прежде всего, Православная церковь Финляндии (Финляндская архиепископия Константинопольского патриархата, новостильная), но есть и старостильные патриаршие приходы (Московского патриархата), некоторые открылись в недавнее время. Большая часть новых русскоязычных жителей Финляндии тяготеет к последним, однако те, кто имеет ингерманландские корни, обычно придерживаются евангели-

ческо-лютеранского вероисповедания. Церковные общины объединяют коренных русских и недавних переселенцев. В некоторых лютеранских приходах также есть богослужение на русском языке (www.helsinginseurakuntayhtyma.fi/ru).

Исследования по межкультурной коммуникации финнов и русских показывают как множество различий, так и общих черт в манерах отмечать события, вести повседневную жизнь, питаться, воспитывать детей, читать книги, одеваться (этим вопросам посвящен, например, эстонский материал «146 фактов о Финляндии глазами русских» (www.stena.ee/blog/146-faktov-o-finlyandii-glazami-russkih)). Есть несовпадения в системе ценностей, расставлении приоритетов, политических и спортивных пристрастиях. С годами, прожитыми русскоязычными в Финляндии, одни различия нивелируются, другие не исчезают, третьи становятся гибридными. Кто-то начинает чувствовать себя финном, получив финское гражданство, а кто-то продолжает в большей степени ориентироваться на происходящее в России. Один из сложных вопросов – гендерное равноправие. Для тех, кому трудно привыкнуть понимать роль женщин в финском обществе и воспитывать по-новому девочек, выпущена книга (Куриikka 2007). В содержание книги, являющейся переложением финского учебника для русскоязычных читателей, входят разделы, трактующие универсальность человеческих прав, историческое понимание прав человека как прав мужчины, недостаточность осуществления прав женщин и девочек, равенство как цель женщин и независимость прав человека от его возраста, особенности нищеты у женщин, разделение работы по полу, демографические факторы, право на получение образования, равноправие в образовании, роль женщин в принятии решений и в органах власти, насилие и сексуальные отношения, домогательство, дискриминацию, миграцию, проституцию, вооруженные конфликты, различные факторы здоровья, роль женщин в СМИ (акцентирование половой

принадлежности в новостях, рекламе и т.д.). Дается много конкретных практических разработок по осознанию перечисляемых и обсуждаемых проблем.

На русском вышла книга «Наша страна. Сто историй о независимой Финляндии» (Коуса 2017) с предисловием известного политика Эско Ахо. В ста статьях, написанных известными финскими и зарубежными авторами, рассказывается о самых разных чертах финской жизни, составляющих основу неповторимости этого народа. Сюда входят рассказы о людях (маршале Маннергейме, композиторах, архитекторах, программистах, нобелевских лауреатах, дирижерах, финнах за рубежом и др.), о природе, о спорте, о сильных женщинах и поворотных исторических событиях, школах и библиотеках, Карелии и Лапландии, финском и шведском языках, промышленности и городском строительстве, художниках и ювелирах, ресторанном деле и компании *Finnair*, биотехнологиях и медицине, сушилке для посуды и ножницах *Fiskars*. Все это – безусловные предметы гордости, и этими чувствами финны хотят поделиться с русскоязычными читателями.

В настоящей статье мы хотим проанализировать, как отражалась «русская тема» в событиях 2017 г., прошедшего под знаком столетия обретения Финляндией независимости, что считалось важным в отношениях между Россией и Финляндией и как реагировала на эти темы русскоязычная общественность. В приводимых ниже цитатах найдутся также подтверждения высказанным ранее положениям общего характера.

Разные поколения русскоязычных

Весь 2017 г. прошел под знаком юбилея страны. Основная идея, проходившая через многие материалы: Финляндия не та, что прежде, она мультикультурна и должна стать домом для всех, кто имеет право жить в ней, а все новички, естественно, должны приобщиться к финской истории

и узнать о том взгляде на мир, который свойствен коренному населению. Столетие финской независимости отмечалось широко, ему посвящено множество событий, о чем постоянно информировал сайт suomifinland100.fi. Некоторые материалы дублировались или снабжались субтитрами на разных языках иммигрантов, в том числе на русском. Много поучительных и забавных рассказов помещалось на сайте finland.fi/ru.

В изданиях предъюбилейного года не были забыты и свои русскоязычные: им посвящена книга «Русскоязычные в Финляндии. Завтрашние финны», изданная финским Институтом миграции (Tanner, Söderling 2016). В своей вводной статье И. Сёдерлинг приводит составленный им демографический прогноз, согласно которому численность русскоязычного населения Финляндии может к 2050 г. увеличиться до 200000 или даже 250000. В связи с этим непременно возникнут дискуссии о статусе русского языка в Финляндии, причем ключевым вопросом, по мнению автора, является то, насколько активно сами русскоязычные будут отстаивать свои языковые права. Статья Т. Лехтонена содержит подробный демографический анализ русскоязычного населения Финляндии на сегодняшний день по таким показателям, как доля русскоязычных в разных регионах страны, возрастная структура, причины иммиграции, виды деятельности (при этом отмечается, что доля безработных более чем вдвое превышает аналогичный показатель среди коренного населения), а также число российских граждан, получивших в разные годы гражданство Финляндии (к концу 2013 г. в общей сложности 26 621 чел., из которых подавляющее большинство сохранило за собой также российское гражданство).

А. Лейцингер дает исторический обзор русскоязычной иммиграции в Финляндию с XVIII в. до последнего времени. Автор подчеркивает разнообразие русскоязычного населения Финляндии (в том числе в отношении национальности, религии и

политических убеждений), в связи с чем политически мотивированные попытки представить русскоязычное меньшинство как единую группу не соответствуют действительности. Он отмечает также, что многие русскоязычные иммигранты принесли значительную пользу финскому обществу и государству, что доказывает целесообразность проводимой в стране интеграционной политики. Статья Т. Флинка посвящена истории репатриации и интеграции ингерманландских финнов, получивших в 1990 г. право на статус репатриантов. Отмечая, что человеческий капитал ингерманландских финнов до сих пор слабо использован в Финляндии, автор предлагает ряд мер, направленных на улучшение ситуации. Э. Кахла рассматривает вопрос о значении религии, в данном случае православия, как составляющей национальной самоидентификации. Для значительной части русскоязычных иммигрантов причастность к православной общине имеет большое значение, причем многие из них чувствуют себя более уютно в приходах Русской православной церкви (которые имеются в некоторых финских городах), нежели в структурах Финляндской православной церкви (юрисдикции Константинопольского патриархата). Такое предпочтение может быть связано с большей подверженностью политической пропаганде со стороны российского государства. Автор выражает мнение, что Финляндская православная церковь может сыграть немаловажную роль в деле интеграции иммигрантов в финское общество.

Д. Стровский и Ю. Пиетилийнен дают обзор истории русскоязычной прессы в Финляндии от «Финляндской газеты», созданной в 1900 г., до современных публикаций (не учитывая тех, которые существуют только в Интернете). По оценке авторов, русскоязычная пресса в Финляндии стала в последние десятилетия более разнообразной и более прагматичной в своем стремлении помогать читателям в преодолении проблем, связанных с повседневной жизнью языкового меньшинства. Другая

статья Ю. Пиетилийнена (в качестве единственного автора) посвящена вопросу о том, как финские СМИ освещают жизнь русскоязычного населения страны. Вопрос рассматривается на материале главной ежедневной газеты страны Helsingin Sanomat. Автор констатирует, что русскоязычным людям и специфике русскоязычной жизни в Финляндии уделяется относительно мало внимания. Отмечается также низкая активность русскоязычных организаций в выдвигании актуальных для русскоязычного населения тем в финском медиапространстве. О. Давыдова-Менге рассматривает вопрос о медиапотреблении среди русскоязычных жителей Финляндии. В качестве конкретного примера автор анализирует горячие интернет-дискуссии на форуме suomi.ru по поводу волнений в Таллинне в 2007 г., связанных с переносом т.н. «бронзового солдата» (памятника советским воинам) из центра эстонской столицы на военное кладбище. На основе этого материала можно констатировать, что русскоязычные в Финляндии следят и за российскими, и за финскими СМИ, по-разному оценивая достоверность предлагаемой в разных источниках информации. В своих выводах автор подчеркивает необходимость поддержки русскоязычного медиапространства в Финляндии. Тема статьи А. Луукканена – русскоязычное меньшинство в Финляндии и политика РФ в отношении соотечественников за рубежом. Автор отмечает, что после 2006 г. российская сторона неоднократно пыталась создавать конфликтные ситуации, которые могли бы дать русским в Финляндии повод для недовольства действиями финских властей, однако, по оценке автора, высокая степень интегрированности русскоязычных иммигрантов в финское общество означает, что подобные попытки обречены на неуспех.

С точки зрения переселенческих индивидуальных историй интересны материалы, присланные на конкурс «Память миграции – миграция памяти» в журнал LiteraruS и опубликованные в № 1 за

2017 г. и материалы одноименной конференции в № 2 (www.literarus.org). Начинается подборка стихотворением А. Анохиной из Ювяскюля и заканчивается сочинениями современных двуязычных школьников из Эспоо, собранными учительницей русского языка О. Кукконен. Повторяющиеся мотивы – (не)случайность переезда, оставшиеся за границей родные и друзья и привычки, как и явление границы само по себе, трудности в изучении финского языка и способы найти общий язык с финнами, возможность обрести себя в новом обществе и реализовать свой потенциал, удивление перед особенностями природы и жизни в Финляндии и тем, что встречается при поездках в Россию, постоянное обнаружение в себе черт русскости и финскости и собственной чужеродности. Рассматривая тему памяти в творчестве финляндской русской эмиграции в 1920–1940-е годы, Э. Сойни отмечает те же моменты и заканчивает статью словами: «Словом, граница не только разделяет, но и объединяет. Культура стремится к границам, в своем стремлении концентрирует образы памяти и наполняет творчество новыми смыслами» (Сойни 2017: 81). Финны до сих пор помнят Элизабет Ярнефельдт, урожденную Елизавету Карловну Клодт фон Юргенсбург, в семье которой формировалось мировоззрение многих финских деятелей искусства (Хенинен 2017). Об этой и о других женщинах, связавших свою судьбу с двумя странами, говорится в книге (Кахла и др. 2017).

В течение 2017 г. в газете «Спектр» (www.spektr.net) выходила серия статей Ю. Вангонена и К. Ранкса, посвященных обретению независимости. Авторы описывали сложную ситуацию и полемику, связанную с отделением, роль Ленина и Сталина, Куусинена и Хуттунена, позиции финского рабочего движения, социал-демократов и буржуазии, международной обстановки и принятых на себя большевиками обязательств по соблюдению принципов права наций на самоопределение. Залогом суверенитета стало единство

взглядов всех слоев общества на стратегическую цель вне зависимости от тактики осуществления перехода.

Финское телевидение вело ретроспективу важных для национальной самоидентичности программ и фильмов, добавляя к имеющимся новые проекты: areena.yle.fi/tv/ohjelmat/30-371. Среди прочих был сериал «Финляндия русская», в котором рассказывается об истории отношений двух стран, о российском и русском влиянии в Финляндии, о современном русскоязычном меньшинстве. По данному материалу вышла также книга (Vilkko 2015).

Сайт Юле.фи/новости выпускал в течение года материалы о том, что происходило в Финляндии сто лет назад, как революционные события в России преломлялись на соседней с ней территории (например, Jormanainen 2017; Varho, Jormanainen 2017; также на этих сайтах есть ссылки и на другие публикации авторов по данной проблематике). Тема захватывает: сравнивая судьбы двух стран, читатели неизбежно задаются вопросом, что могло бы сложиться иначе и почему события происходили таким образом. Другой ежедневный проект сайта «Русская Финляндия: 100 лет – 100 судеб», выполненный под руководством доктора философии Хелли Йорманайнен, был посвящен судьбам ста знаменитых в стране людей, необязательно этнических русских, но говоривших в семье по-русски, связавших свою жизнь с Финляндией (yle.fi/uutiset/osasto/novosti/russkaya_finlyandiya_100 лет_100_sudeb/9798698). Среди них – общественные деятели, ученые, военные, певцы, инженеры, коммерсанты, архитекторы, предприниматели, переводчики, музыканты, священники, благотворители, танцоры, спортсмены, путешественники, художники, исследователи, дизайнеры, писатели, помещики, коллекционеры, хореографы, педагоги, режиссеры.

Опорой для новых иммигрантов могут служить истории успеха тех, кто давно или недавно пустил корни в финском обществе, и тех, кто сумел сохранить при-

верженность русскому языку в нескольких поколениях. Практически все СМИ, печатая исторические экскурсы, рассказывали о «русском следе» и о времени, когда Финляндия была частью Российской империи. Примером включения в собственную русскоязычную историю Финляндии может быть книга о художнике Александре Линдеберге, столетие со дня рождения которого совпало со столетием независимости Финляндии (Ylimartimo 2017). Этому же посвящен и репортаж об открытии выставки, отражающей его творчество (Mattila 2017). Семейным языком оставался русский (наряду с другими), поддерживались связи с русскими родственниками в России и других странах. Линдеберг много рисовал на фронте, для театральных постановок, для мультфильмов, создавал портреты, а также занимался рекламой, прежде всего для продукции фабрики Fazer. Среди выполненных им иллюстраций финских и зарубежных авторов – оформление книги русских народных сказок, «Петербургских повестей» Гоголя, произведений Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского, Солженицына и др. Под впечатлением от русских изобразительных традиций и «Мира искусства» художник создал серию колоритных исторических персонажей. Мастер окончил свои дни в возрасте почти 100 лет в православном Доме престарелых Св. Елены (его также называют Богадельней, без всякого уничижительного оттенка).

С Приходским домом на Елизаветинской улице связано имя другого известного русского – Алексея Петровича Миролубова, рассматривающего свою должность церковного старосты как почетную. Интервью с ним было опубликовано на сайте Финляндской православной церкви (Сократилин 2017). В этой семье не считали себя эмигрантами, т.к., особенно с материнской стороны, предки оказались в Финляндии еще до 1917 г. Церковная деятельность была частью жизни уже с XIX в., а потом также прибавилась и музыкальная. Иногда приходилось работать

под псевдонимом (*Пекка Мирола* вместо Петра Миролубова) или сокращать и финнизировать фамилию (Казанский → *Касанко*, Филиппов → *Силппула*). Рассказывается о путях адаптации церкви к финскому обиходу (смена календаря, увеличение объема финского языка, введение летних лагерей, внешний вид священнослужителей) при стремлении к сохранению равновесия. Упоминаются трудности в получении высшего образования, с которыми сталкивались те, кто заканчивал русскоязычные гимназии в послереволюционное время, и обусловленный ими переход учащихся в финноязычные школы. Несмотря на отдельные инциденты, отношения с финнами были в целом спокойными, как и у жившего в том же доме шведоязычного семейства: дома говорили на одном языке, на улице – на другом. Но у самого Алексея Петровича была масса финских приятелей, с которыми вместе ходили в школу, играли во дворе, занимались спортом. Воспоминания усеяны деталями, связанными с церковным обиходом и служителями храма. Работая в коммерции, он более 300 раз бывал в разных городах СССР, ощущая, что теснее всего его семья связана с Питером. А.П. Миролубов рассказывает: «Домашний язык был только русский. Потом меня отдали в финский детский сад, чтобы я язык учил... И уже после этого – чисто финское образование... /.../ у меня мышление тоже финское, финские манеры. У меня иногда спрашивали: “Ты что, всё переводишь?” Да, нет, не то. Я сотрудничал с Советским Союзом, потом Россией, на постоянной основе с 1972 г., до самой пенсии, на которую вышел в 2008 году. Я разучил подход. Финн, честный или нечестный, если рассчитал, то это – вот, так. А коллегам с другой стороны стола надо торговаться. Финн торгуется за два процента, а им двадцать пять не хватает. Финн считает, что если даст те двадцать пять процентов, то окажется мошенником, потому что хотел с самого начала обмануть. Вот, это финский подход. Я именно это имею в виду под чи-

сто финским образованием. И в этом смысле я – финн, но я хочу сохранить ту культуру, которую получил дома. Ту – русскую культуру... /.../ В том-то и дело, что мне не нужен был тот Советский Союз, как мне не нужна и теперешняя Россия. Я хочу сохранить то, что получил дома, оставаясь русским в Финляндии. Может быть я – последний из могокан, может быть...». Миролюбов и сегодня читает Чехова на русском языке, отмечая, что невозможно все перевести и на финском часть содержания пропадает. Он употребляет шведоязычные названия населенных пунктов вместо финноязычных, что типично для речи старых русских. Отдельные моменты рассказа свидетельствуют об особенностях русского языка в Финляндии, отличающих его от современного русского языка в России. В целом для него история русского православия, к которой он причастен, развертывалась именно в Финляндии.

Книжный магазин и издательство «Руслания» позиционирует себя как посредника между культурами. В праздничном каталоге, посвященном столетию независимости, сообщается о полезных для русскоязычных публикациях, в том числе об исследовании Э. Иоффе «Линии Маннергейма. Письма и документы, тайны и открытия», о новых и старых переводах финской литературы на русский язык и русской – на финский. Т. Мякинен (2017) рассказывает об истории предприятия – от переводов, закупок словарей к самостоятельным проектам на книжном рынке и превращению в один из центров русской культуры, где проводятся сотни мероприятий в год.

О том, как живут представители нового поколения русских в Финляндии, можно узнать и в публикациях журнала «Mosaikki» («Мозаика»), имеющем разные версии в регионах. М. Рябикова из Череповца переехала в Финляндию в связи с замужеством, имея двенадцатилетний опыт работы в сфере образования, а также богатое портфолио наград и достижений,

чувствовала себя младенцем, который только начинает жить, учиться говорить и постигает окружающий мир. Жизнь с нуля. Я ощущала себя никем, что было психологически тяжело после такой насыщенной жизни в России. Не хватало светскости, публичности. А главное – хотелось найти себе применение, быть полезной. /.../ Да, мне повезло, что я встретила любимого человека, но ценой этому стало моё расставание с Родиной. Я благодарна Финляндии за всё, что она дала мне, но, наверное, навсегда останусь патриотом...» (Рябикова 2017: 124). Учительница русского языка М. Пийло переехала сюда, с детства владея финским языком, больше двух десятилетий назад, поселилась в Тампере и с тех пор постоянно повышает свою квалификацию. В ее городе русский как родной преподают 7 учителей примерно четырьмя сотням учеников в разновозрастных и разноуровневых группах. По ее словам, в финском преподавании больше свободы и непринужденности, а в советском образовании, которое она получила, было больше универсальности и фундаментальности. Язык преподается не только как объект, но и как инструмент общения, познания и творчества, в том числе благодаря новым технологиям, энциклопедическим изданиям и междисциплинарным проектам, но при этом М. Пийло учит своих учеников быть людьми и гражданами, принимающими во внимание нормы общества и окружающих. Число учащихся с русским языком растет в абсолютных и относительных цифрах, причем все чаще удается довести даже тех, кто родился уже в Финляндии, до конца школьной программы. Не снимая ответственности с родителей за организацию жизни ребенка и продумывание четкого графика занятий (регулярность – основа успеха), педагог подчеркивает, что благодарна государству за организацию уроков в школе, и считает, что нужны также «встречи с русскоязычными сверстниками, кружки, секции, лагеря и т.д. /.../ Задача школы – научить детей навыкам участия в социальной жизни

и экологической культуре, умению влиять на окружающую среду. Школьники уже предлагают, как район обустроить, как школу улучшить. Цель – быть полноправными гражданами, прямо с первого класса на том уровне, на каком это возможно». Это новая задача школы, и ее нужно донести и до русскоязычных родителей, с которыми проводятся регулярно встречи в виде кафе (Ниemi 2017). В данном случае направленность сотрудничества с семьей, заданная новыми программами школьного образования, решается через взаимодействие с педагогом, преподающим русский язык: объяснение всего спектра изменений трудно усвоить на финском, т.к. установки русскоязычных не совпадают с установками финских родителей (ср.: Бурса 2016).

Финны о России

Юбилей страны был также юбилеем отношений между странами, чему было посвящено множество мероприятий в разных городах. В Хельсинкском университете прошли две серии открытых лекций для широкой публики, «100-летние соседи: Финляндия и Россия» (о культурных взаимодействиях, об общих идеях и разных моделях общества, о Карелии и границе, о внутренней безопасности и связях с соседями, о внешней политике стран, экономике, общих глобальных вызовах) и вторая, посвященная 1917 г. в России с под разными углами зрения (идеи свободы, мира, крестьянства, национальных меньшинств, женский вопрос, экспериментальное искусство и культура авангарда, переворот в поэзии и музыке, религия и атеизм, временное правительство, хулиганство, преступность и террор, рождение нового государства и его бюрократии, поиски новых ценностей). Проект GLASE («Многослойные границы глобальной безопасности») провел открытое заседание «На многих границах России» в научном кафе Хельсинкского университета, где рассматривались вопросы двойного гражданства, пограничного контроля и взаимодействия пограничных служб.

Александровский институт Хельсинкского университета специализируется на отношениях с Россией и Восточной Европой. Подготовлена программа англоязычной магистратуры (начало с 2018 г.). Международный воркшоп на тему «СМИ, капитал и культура: промежуточные институциональные пространства» был посвящен свободе выражения, обсуждению разнообразия и социальной критике в России с точки зрения культурной и неолиберальной экономической политики, прямым или косвенным образом определяющей индивидуальное и коллективное предпринимательство в сфере русскоязычных культуры и СМИ в век диджитализации, транснациональной мобильности и глобального потребления. Шла речь о гибридизации и геймификации в культуре, СМИ и политике, влиянии законодательства, технологий и образования, роли городов, сообществ, свободе слова онлайн, пропаганде и поппе, новостных и информационных ресурсах, новых пространствах для искусства. Конференция «Критические вопросы исследований современной российской политики» была проведена совместно с Академией Финляндии профессором В. Гельманом в начале лета. В октябре прошла ежегодная конференция, которая в 2017 г. называлась «Выбор России на 2030 год» и была заключительным мероприятием Центра превосходства «Выбор путей российской модернизации».

Один из исследовательских семинаров с международным участием (специалистов из Финляндии, России, Австралии, Японии) был посвящен вопросам индивидуальных и институциональных тенденций в процессе политического развития России. Говорилось о структурных и повседневных последствиях советского проекта, как запланированных, так и непредвиденных, о системе табу и коллективизме, о неудаче очищения первоначального замысла во время перестройки и возвращении к традиционной России, которая, как до этого казалось, исчезла навсегда. Другой семинар назывался «Глобальный взгляд на Россию: региональная и интернациональная

динамика в политике и экономике». Ученые из США, Великобритании, Дании, России и Финляндии говорили о взаимоотношениях России и США, адаптации соседей России к меняющейся ситуации, культуре неавторитаризма. Постоянные выступления исследователей-стажеров затрагивают различные вопросы общественной жизни, например, альбомы советских фотографий из путешествий, теология после ГУЛАГа, благосостояние и негосударственные акторы в современной России, русский стиль в создании коалиций, здоровье матерей с точки зрения государственных и рыночных услуг, политика в отношении непризнанных государств. Вышла коллективная монография, посвященная модернизации России (Mustajoki, Lehtisaari 2017), и исследование социальных изменений в российской глубинке (Granberg, Sätre 2017). Готовится специальный выпуск «Женщины и технологии в постсоветском контексте». Своими взглядами на положение России сто лет назад, сегодня и в будущем поделились сотрудники Александровского института (www.helsinki.fi/aleksanteri/insight).

Общество любителей русской литературы посвятило серию лекций столетней истории литературных связей двух стран: переводам и осмыслению образов, изображению России в финской литературе, Зимней войны в советской литературе, впечатлениям от чтения русских авторов и поездок в СССР у финнов (в том числе и андеграунда) и советских писателей в Финляндию, влиянию авангардных течений (в частности, имажинизма на Генри Парланда), произведений Солженицына и Эдуарда Успенского, а также современному состоянию взаимоотношений и роли русскоязычных писателей в самой Финляндии сегодня.

Журнал "Idäntutkimus" («Исследование Востока») обозначил темами последних номеров (№№ 3, 4 за 2017) «Информацию» и «Свободу». Речь идет о СМИ, их влиянии и общественном значении, медиаобразовании и соответствии своему времени. В центре номера проблема по-

требления СМИ русскоязычным населением Финляндии, его предпочтений и подверженности пропаганде.

Финско-шведский журналист и писатель Калле Книйвила выпустил книгу «Улица Тани. Жизнь в Петербурге 1917–2017 гг.» (Kniivilä 2017). Часть исходных материалов представлена на его сайте kniivila.net. Речь идет о том, как в тяжелых условиях на протяжении ста лет справлялись с повседневными заботами обыкновенные жители 2-й линии Васильевского острова, где был написан знаменитый блокадный дневник Тани Савичевой. Писатель застал тех, чьи родители участвовали в революции, кто пережил Большой террор, блокаду, хрущевские и брежневские времена, кто сегодня готов участвовать в общественной жизни. Для него важно показать финскому и шведскому читателю, какими заботами живут простые люди в соседней стране.

Под названием «Великая и интересная Россия» вышел четвертый номер журнала HS Teema за 2017 г. Дайджест, выходящий шесть раз в год, является своего рода тематическим приложением к газете «Helsingin Sanomat» и имеет значительный общественный резонанс. На первых страницах «российского» выпуска приводятся сравнительные статистические данные о России и Финляндии. Далее следует раздел, в котором журналисты представляют читателю семь «финско-русских личностей» (русскоязычных жителей Финляндии и финнов, имеющих тесную связь с Россией). Центральную часть журнала составляют три статьи с политической и военной тематикой. В первой из них П. Хаккала анализирует президентство В.В. Путина (чей портрет украшает обложку журнала), отмечая прежде всего его возрастающую отдаленность от народа, что ничуть не уменьшает его популярность благодаря профессионально созданному медиамиджу сильного президента. Статья Н. Кеттунена («После нас тишина») посвящена истории системы ядерного удара «Периметр», причем о текущем статусе

системы автор не делает никаких утверждений. В статье Л. Халминен отмечается, что Россия является сверхдержавой в области информационного воздействия, причем ставшие широко известными в Финляндии «путинские интернет-тролли» играют здесь меньшую роль, чем государственные СМИ, войска информационных операций Вооруженных сил РФ и, возможно, ФСБ. По мнению автора, Финляндия должна в современных условиях готовиться к информационной войне независимо от того, является ли атакующей стороной Россия или какое-нибудь другое государство.

В противовес «серьезным» темам вниманию читателей предлагается статья о дачной жизни в России, а также рецепты некоторых блюд русской кухни в исполнении работающих в Финляндии (и в большинстве случаев этнически финских) поваров. Еще одна статья посвящена возвращению амурских тигров в естественную среду обитания. Далее следуют короткие интервью, в которых десять рядовых граждан из разных городов России излагают свой взгляд на состояние страны. Заключительный раздел состоит из четырех весьма различных «точек зрения» на Россию и финско-российские взаимоотношения. Опытный политический комментатор У. Хямляйнен отмечает, что отношения между Финляндией и Россией стали в последние годы более напряженными. По мнению автора, непредсказуемость политической ситуации в России дает Финляндии повод для того, чтобы повысить в том числе и свою военную готовность. Рассматривая финско-русские отношения с личной точки зрения, К. Миллер, которую «финны считают русской, а русские – финкой», высказывает мнение о том, что финны и русские на самом деле не сильно отличаются друг от друга и финнам следовало бы познакомиться с Россией и русскими без предубеждений. Специалист по вопросам религии К. Айтамурто обсуждает возрастающее общественное значение Русской православной церкви и ее тесное

сотрудничество со светскими властями. Журналист Ю. Конттинен, проживший год в якутской деревне со своей финской семьей, рассказывает о своем сибирском опыте. Вообще, Конттинен регулярно сообщает о своих приключениях в газете «Helsingin Sanomat» и ежемесячно к ней приложении (его блог со всеми статьями www.hs.fi/aihe/jussi-konttinen). Иногда его материалы переводят на русский (например, Конттинен 2017). В статье, вышедшей накануне Дня независимости, он рассказывает о тюленьих лежбищах.

Телевизионная дискуссия «Сто лет независимости соседа России» состоялась на самом высоком уровне, с участием президента Тарьи Халонен (Социал-демократическая партия) и кандидатов в президенты Пекки Хаависто (Зеленые) и Матти Ванханена (Партия центра). Затем прошел семинар для широкой публики с участием политиков «Роль России в современной политике».

В Турку Общество Санкт-Петербурга выступило одним из организаторов серии лекций «Финский путь к независимости» (рассматривалось положение Финляндии в Европе, разделение церковей, обретение независимости и гражданская война, партийное строительство и т.п.). В Лаппеэнранте на семинаре «Покой и буря или устойчивое развитие: торговля с Россией с 1990-х годов по настоящее время» выступали специалисты по России из университетской среды и сферы бизнеса, связанные с банковским прогнозированием, сотрудники Финляндско-Российской торговой палаты, российского торгпредства и финны, входившие в советы директоров российских предприятий, парламентарии, входящие в группу друзей России, юристы. В Йоэнсуу прошла междисциплинарная конференция «Восприятие России в современном мире: память, идентичность, конфликты». Ее задачей было показать, как в евроазиатском дискурсе различными этнокультурными группами из постсоветских, постсоциалистических и западных стран конструируется образ России. Важ-

но было сопоставить публичное и политическое с восприятием обычных людей и их персональным опытом. Социологи, историки, социолингвисты, литературоведы, политологи и т.д. из разных стран обсуждали трансформации в интерпретации исторических событий, межпоколенческие и гендерные несовпадения, культурные пространства коммодификации и эмоциональную значимость русского языка, миграцию и туризм, роль личных контактов и диаспоральных связей в качестве определяющих факторов.

Управление образованием (EDUFI) организовало семинар для заинтересованных в обмене с российскими вузами (Программы Erasmus+ и FIRST). Встреча, посвященная сотрудничеству между учреждениями высшего образования, прошла в Лаппеенранте. Общество «Финляндия-Россия» собрало данные о преподавании русского языка и провело информационные дни по всей стране для будущих обучающихся, направленные на увеличение количества школьников, изучающих русский. Это же общество провело дискуссию «Отношения России и Финляндии на переломе – что происходит в экономике?», организовало семинар, посвященный финно-угорским народам в 1917 г., и проводило встречи читателей книг о России.

Накануне Дня независимости «Московский комсомолец» опубликовал интервью с чрезвычайным и полномочным послом Финляндии в России Микко Хауталой (Яшлавский 2017), поставив в центр внимания проблему суверенитета, стабильности, исторической памяти и отношений с Россией. Посол ответил, каковы традиции празднования Дня независимости (прием в президентском дворце, который смотрит больше половины населения, а в этом году было вообще рекордное количество зрителей – *XB и ЕП*, студенческое факельное шествие, просмотр фильма «Неизвестный солдат» по телевидению, помещение двух зажженных сине-белых свечей на подоконнике). Он отметил, что Гражданская война между белыми и красными воспринимается как национальная трагедия и только Зимняя

война сплотила народ. Интервьюера интересует оценка периода автономии Финляндии в составе Российской империи, и посол подтверждает, что первые 70 лет были благополучными, а период русификации и попытки ограничить права финляндцев изменили отношение к властям. М. Хаутала считает, что в Финляндии хорошее отношение к русскому языку, хотя финны изучают его недостаточно. При этом самая большая часть туристов прибывает в Финляндию – из России.

Заключение

В рассмотренных в нашей статье материалах рассказывается о разных путях иммиграции и особенностях интеграции в финляндское общество, о столетней истории взаимоотношений независимой Финляндии с Советским Союзом и Российской Федерацией. Можно сказать, что подходы к сотрудничеству двух стран опираются на уроки прошлого и устремлены в будущее.

Хотя между русскоязычным населением Финляндии и Россией проходит граница, для некоторых людей и некоторых позиций она не кажется существенной. Вместе с тем русскоговорящие в Финляндии не образуют цельного сообщества за пределами участия в общекультурных мероприятиях, не несущих политической окраски.

Большинство встретившихся нам мнений были толерантными с обеих сторон. Фактор России как вечного и сложного соседа постоянно присутствует в финской внешней и внутренней политике и сказывается на том, сколько людей изучает русский язык и Россию в целом. Александровский институт при Хельсинкском университете проводит разносторонние исследования России и является одним из крупнейших международных центров этого научного направления в мире.

Как и задумывалось руководителями юбилейных торжеств, столетие финской независимости стало общим праздником, в том числе и для русскоязычных, живущих в Финляндии: они принимали поздравле-

ния и выражения теплых чувств от своих зарубежных друзей и отмечали событие, судя по постам в социальных сетях, так же, как и прочие граждане страны. Участие в праздновании – одна из инициатив, вызывающих дискуссии о меняющейся на протяжении истории страны роли России и тех, кто говорит по-русски.

Литература

- Аксенова 2016 – Аксенова С. Русские истории про финский бизнес // fontanka.fi/articles/28189 20.05.2016.
- Бурса 2016 – Бурса А. Европейский проект по сотрудничеству с семьей в вопросах двуязычия // Возвращение к двуязычию в детских садах России: опыт регионов / Ред. Н. Антонова, Е. Протасова, Й. Сиркия. Helsinki: Suomi-Venäjä-Seura, 2016. С. 173–186.
- Кахла, Клинге, Тимонен 2017 – Размышляющий пейзаж. Русская Финляндия и финский Петербург / Ред. Э. Кахла, М. Клинге, С. Тимонен. СПб.: Лимбус-Пресс, 2017. 256 с.
- Конттинен 2017 – Конттинен Ю. Финский журналист отправился в поход по Сибири на оленях // inosmi.ru/social/20171101/240667965.html#comments 01.11.2017.
- Коуса 2017 – Наша страна. Сто историй о независимой Финляндии / Ред. Т. Коуса. Эспоо: Verbatim Oy, 2017. 328 с.
- Кроз – Кроз В. Как я нашла работу в Финляндии – личный опыт // e-finland.ru/info/smi/kak-ya-nashla-rabotu-v-finlyandii-lichnyui-opyt.html.
- Куриikka 2007 – Фрида. Права человека, женщин и девочек / Ред. О. Куриikka. Helsinki: Art-Print, 2007. 111 с.
- Мустайоки, Протасова 2017 – Мустайоки А., Протасова Е.Ю. Русский среди других языков Финляндии: актуальные проблемы // Многообразие в социокультурном пространстве современной России: коллективная монография / Отв. ред. Б.М. Гаспаров, Н.А. Купина. М.: Флинта, 2017. С. 220–240.
- Мякинен 2017 – Мякинен Т. *Руслания* – 30 лет магазину русской литературы в Хельсинки // *Руслания*. Праздничный выпуск / ruslania.com/download/ruslania22112017netti.pdf. 2017. С. 18–23.
- Ниemi 2017 – Ниemi М. «Не делать как все, а найти свой путь». Учитель русского в Финляндии об интеграции и образовании. 29.08.2017 // mosds.mos.ru/presscenter/news/detail/6809610.html.
- Никитина 2017 – Никитина А. «Теперь мой дом – не Москва, а Хельсинки». 03.07.2017 // lenta.ru/articles/2017/07/03/helsinki.
- Протасова 2004 – Протасова Е.Ю. *Феннороссы: жизнь и употребление языка*. СПб.: Златоуст, 2004. 308 с.
- Рябикова 2017 – Рябикова М. О жизни в Финляндии и любви к литературе // *Mosaikki*. 2017. № 1–2. С. 123–124.
- Сойни 2017 – Сойни Е. Трансформация памяти в творчестве русской эмиграции 1920–1940-х годов // *LiteraruS / Литературное слово*. 2017. № 2. С. 77–81.
- Сократилин 2017 – Сократилин В. Я – финн, но я хочу сохранить ту культуру, которую получил дома. Ту – русскую культуру... // *Финляндская Православная церковь (Suomen ortodoksinen kirkko)* / www.ort.fi/ru 27.7.2017.
- Хенинен 2017 – Хенинен Л. Русская мать финской культуры // *Лицей (gazeta-licey.ru)*. 2017. 30 апреля.
- Яшлавский 2017 – Яшлавский А. Посол Финляндии: «Говорить по-русски на улицах можно совершенно свободно» // *Московский комсомолец*. 2017. 5 декабря / www.mk.ru.
- Granberg, Sätre 2017 – Granberg L., Sätre A.-M. *The Other Russia: Local experience and societal change*. New York: Routledge, 2017. 206 pp.
- Jormanainen 2017 – Jormanainen Н. В дни Февральской революции в Хельсинки русские убивали русских, а финны радовались уходу царя // yle.fi/uutiset/osasto/novosti/v_dni-fevral'skoi-revoljutsii_v_khelsinki_russkie_ubivali_russkikh_a_finny_radovalis_ukhodu_tsarya/9516620.
- Kniivilä 2017 – Kniivilä K. *Tanjan katu. Elämää Pietarissa 1917–2017*. Helsinki: Into, 2017. 270 s.
- Mattila 2017 – Mattila A. От русских сказок к финским рекламным плакатам – открылась выставка Александра Линдеберга // yle.fi/uutiset/osasto/novosti/ot_russkikh_skazok_k_finskim_reklamnym_plakatom_otkrylas_vystavka_aleksandra_lindeberga/9754523.
- Mustajoki, Lehtisaari 2017 – Philosophical and Cultural Interpretations of Russian Modernisation / Eds. Mustajoki A., Lehtisaari K. New York: Routledge, 2017. 210 pp.

- Shenshin 2008 – Shenshin V. Venäläiset ja venäläinen kulttuuri Suomessa. Kulttuurihistoriallinen katsaus Suomen venäläisväestön vaiheista autonomian ajoilta nykypäiviin. Helsinki: Helsingin yliopisto, 2008. 132 s.
- Tanner, Söderling 2016 – Venäjänkieliset Suomessa. Huomisen suomalaiset / Eds. Tanner A., Söderling I. Helsinki: Siirtolaisinstituutti, 2016. 208 s.
- Varho, Jormanainen 2017 – Varho E., Jormanainen H. Летом 1917 г. социалисты хотели провозгласить независимость Финляндии // yle.fi/uutiset/osasto/novosti/letom_1917_goda_sotsialisty_khoteli_provozglasit_nezavisimos_t_finlyandii/9732978.
- Varjonen, Zamiatin, Rinas 2017 – Varjonen S., Zamiatin A., Rinas M. Suomen venäjänkieliset: tässä ja nyt. Tilastot, tutkimukset, järjestökentän kartoitus. Helsinki: Kulttuurisäätiö, 2017.
- Viimaranta, Protassova, Mustajoki 2017 – Viimaranta H., Protassova E., Mustajoki A. Aspects of commodification of Russian in Finland // Russian Journal of Linguistics. 2017. № 21(3). P. 620–634.
- Vilkko 2015 – Vilkko M. Suomi on venäläinen. Helsinki: Schildts & Söderströms, 2015.
- Ylimartimo 2017 – Ylimartimo S. Aleksander Lindeberg. Mestarillinen ja monialainen kuvataiteilija. Helsinki: Avain, 2017. 252s.

Глава 22

Русский язык в коммуникативном пространстве русского мира¹

Миграционные процессы в России и в мире в последние годы становятся всё более сложным и многообразным явлением. Они приобрели глобальные масштабы, охватили все континенты, все сферы общественной жизни, все социальные слои и группы общества. Возникают всё новые направления миграции, мигранты осваивают новые территории и сферы занятости, усиливаются интеграционные процессы, возрастает семейная иммиграция, сменяются поколения мигрантов. Численность международных мигрантов, т.е. людей, живущих вне страны своего происхождения, во второй половине XX в. возросла с 75 млн человек в 1965 г. до 120 млн в 1990 г. и достигла в 2001 г. 140 млн чел. Сегодня наши бывшие соотечественники проживают во множестве стран мира. Их основная часть живет в Израиле, Германии и более всего – в США, где около трех миллионов населения считают себя «Russians»². За последние четверть века

количество владеющих русским языком в США выросло в четыре раза и достигло (по разным оценкам) от 800 тыс. до почти миллиона человек (Norton 2011). Сегодня русский язык – восьмой по популярности язык в стране (Belousova 2012).

Среди самых многочисленных центров, где проживают наши бывшие соотечественники, это – Восточное побережье, особенно Нью-Йорк и Бостон. По данным последних переписей населения США, штат Массачусетс (г. Бостон) является одним из семи американских штатов, служащих местом наибольшего сосредоточения эмигрантов из бывшего Советского Союза. Моя работа проводилась в различных городах и штатах США (Вашингтон, Нью-Йорк, Чикаго, Массачусетс, Калифорния) в ходе стационарных (1999–2000 гг.; 2004–2005 гг.) и полевых (периодически с 1991 по 2010 гг.) выездов с применением различных исследовательских методов, но основу данной главы составили материалы этносоциологического обследования наших бывших соотечественников, проведенного автором в г. Бостон. Важное место в исследовании занимали также литературные, архивные, статистические данные; анализ Интернет-сайтов и русскоязычных изданий; предварительные экспертные интервью и углубленные интервью представителей русской общины Бостона, «Русского Бостона».

Официально эту общину называют «Russian Community Association of Massachusetts». Для американцев – аборигенов Бостона, все выходцы из бывшего СССР – «русские». Так они их определяют по языку: «Говорит по-русски, значит – «русский». Наши иммигранты согласны: «Мы здесь – все русские, но есть русские русские, есть русские евреи, есть русские

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 16-01-00287–ОГН.

² Оценить общее число бывших советских граждан в США, в том числе и в Бостоне, очень сложно. Информация, которой располагают правительственные и общественные организации далеко не точна. По данным HIAS (Hebrew Immigrant Aid Society), за период с 1970 по 1993 гг. только со статусом беженца в США въехало 308,6 тыс. граждан СССР. Кроме того, около 100 тыс. чел., приехавших из бывшего Союза с другим статусом (рабочая, студенческая, гостевая виза), влились в состав «русских» иммигрантов, и этот процесс продолжается и по сей день. Существует и так называемая вторичная эмиграция бывших советских граждан, въехавших первоначально в другие страны (Израиль, Канада, Франция и т.п.), а затем – в США. Следует напомнить и о такой форме легального въезда в США как выигрыш в специальной лотерее «зеленой карты» – права на получение статуса постоянного жителя США. Статистика относительно русских американцев затруднена, в том числе, и

потому что на английском языке «русский» и «российский» обозначается одним словом.

татары, русские белорусы и т.п.». В моем обследовании, в результате, приняли участие «русские» бостонцы, у которых в пятой графе их советских паспортов значилось: русские; евреи; украинцы; белорусы; армяне; грузины; татары; бухарские евреи; таджики; корейцы; латыши. Это – бывшие советские граждане, эмигрировавшие в США в послевоенные годы. Возраст опрошенных – от 18 до 94 лет. Среди них женщин – 68 чел., мужчин – 52. В ходе обследования удалось сохранить основные половозрастные параметры выборки и сделать ее представительной. 120 «русских» бостонцев составили около 1% всей генеральной совокупности, что по социологическим меркам служит вполне надежной выборкой для экстраполяции и получения выводов. По официальным данным, хотя и достаточно противоречивым, в Большом Бостоне на момент обследования проживало около 20 тыс. иммигрантов из бывшего СССР. Около 12 тыс. из них – люди в возрасте от 18 лет и старше. Примерно 62% составляли женщины. Оказалось практически невозможным представить социально-профессиональный состав русских бостонцев: подобной статистики не существует. Тем не менее, в опросе приняли участие представители самых разнообразных социальных групп: студенты и пенсионеры, домохозяйки и продавцы, врачи, научные работники, юристы, парикмахеры, таксисты, развозчики пиццы, служащие банков, различных фирм и «хронические» безработные, преподаватели, музыканты, журналисты, грузчики, медсестры, аспиранты и т. д.

Первые выходцы из России, прибывшие в Бостон еще в конце девятнадцатого века, обычно селились в таких его районах, как Челс, Молден, Норт Энд и Уэст Энд. Местами расселения «русских» иммигрантов второй волны в Бостоне были Дорчестер и район вокруг Блю Хилл Авеню. После 1967 года районами обитания выходцев из России стали Бруклайн, Ньютон, Свампскотт, Марблхэд, Рэндолф. Последнее время «русские» селятся традиционно в Брайтоне,

Олстонеде, Бруклайне, меньше – в Эктоне, Молдене, Линне, Ньютоне и других районах Бостона. Олстон/Брайтон (Allston-Brighton) – самый русский район Бостона. Глава муниципального совета этого района Брайан Хонан считает, что: «одной из важнейших особенностей района является постоянный рост числа жителей, представляющих различные этнические и культурные группы. Русская община – одна из крупнейших. Все больше слышна на улицах русская речь». Ему вторит другой высокопоставленный бостонский чиновник – Гильберт Хой: «В Олстоне, Брайтоне и Бруклайне проживает очень много русских жителей. Это заметно и по огромному числу русских бизнесов, расположившихся в этих районах, и по тому, как часто слышится русская речь на улицах... После довольно короткого адаптационного периода почти все ваши соотечественники находят работу, покупают дом или квартиру и становятся органичной частью общины, в которой они живут». Старожилы Бостона подчеркивают, что массовое прибытие русскоязычных иммигрантов в 1990-е годы добавило культурного разнообразия Бостону.

«Русские» жители Олстона, Брайтона и Бруклайна также отмечают: «У нас в районе – на каждом шагу русские вывески, русская реклама: различные магазины, в том числе книжные, рестораны, мастерские, парикмахерские, ателье, стоматологи, юристы... И даже работу можно найти, где нужен только русский язык». Те, кто проживает в «русском» Бостоне десять и более лет, подчеркивали в своих интервью, что «теперь мы спокойно говорим на родном языке. А ведь в начале 1990-х говорить по-русски в общественном месте было как-то неудобно. Это выглядело как недостаток» (Ж., 56 л., преподаватель из Москвы). Подавляющее большинство наших соотечественников, не владеющих и плохо владеющих английским языком, отмечали, что любая проблема в эмиграции – «проблема вдвойне неразрешимая, а без языка – просто беда». Однако, при

этом, как правило, они подчеркивают, что за последние годы их жизнь изменилась к лучшему, т.к. в Бостоне «теперь можно прожить и без английского языка». И с гордостью говорят о том, что знают примеры, как люди других национальностей специально учат русский язык: «Наш домовладелец – мексиканец, учит русский язык, чтобы селить в своем доме именно русских». «Русскоязычные» родители с удовольствием рассказывают о том, что их дети, «уже рождённые в других странах, всё чаще берут в руки русскую книгу, наверное, чтобы понять нас, неисправимо “русских” родителей». «У дочки в университете есть предмет “Русская литература”, на который она неожиданно записалась. Они читают в оригинале Зощенко и других писателей и потом пишут сочинения, делают доклады по прочитанному. Кроме русских студентов, есть даже два американца. Сейчас они пишут сочинение – как ты думаешь, о чём? Об эмиграции!» (Ж., 47, инженер из Ленинграда).

Как очень важное событие в жизни Русского Бостона в своё время респонденты оценивали появление в городе «русских» аптек. Одна из них открылась ещё в 1999 г. в Брайтоне по соседству с жилым комплексом «Юлинкауз», в котором проживало несколько сотен русскоязычных пожилых иммигрантов, большинство которых не знали английского языка. Сотрудники аптеки говорили на русском языке и оказывали множество услуг, помимо фармацевтических. В аптеке можно было оплатить коммунальные услуги, изготовить ключи, отправить посылку и денежный перевод, факс, сделать ксерокс, проявить фотопленку, сделать фотографии на документы и т.п. Для иммигрантов особенно важно было то, что аптека предлагала большой выбор привычных для них европейских лекарств: проблема перехода на американские аналоги многими русскоязычными больными зачастую воспринимается очень остро. В другом районе Бостона (Линн) существует еще одна подобная «Русская аптека».

Наши респонденты постоянно подчеркивали особую роль «русских» книжных магазинов («Березка», «Петрополь» и др.) в сохранении и расширении русскоязычного культурного пространства. Сотрудники магазинов – энтузиасты книжного дела, не формально, а очень творчески выполняют свою работу. Они не только тщательно комплектуют отделы русской классики, но и следят за новыми явлениями в русскоязычной литературе, в кино, в театральной жизни как России, так и Русского Зарубежья. Выписывают, привозят, «достаю» новинки. Деятельность русских книжных магазинов осуществляется в разнообразных формах, ею охвачены большие группы иммигрантов, что способствует включению новых граждан в социальную и культурную жизнь страны, их участию в общественных и политических дискуссиях. В частности, при них действует культурно-общественный клуб, цель которого – активизировать духовную жизнь русскоязычной общины и содействовать сохранению русскоязычного пространства. В нём проводятся поэтические вечера, встречи с литераторами, обсуждение русскоязычной журналов, книг, творчества отдельных писателей.

В Бостоне действуют различные землячества «русских» иммигрантов. Эти добровольные объединения создавались энтузиастами, обычно интеллигенцией среднего и старшего возраста с целью оказания взаимопомощи и поддержки землякам. Землячества призваны не только помочь новым иммигрантам из своего родного города (региона) адаптироваться в новой среде, но и способствовать сохранению русской культуры, русского языка, преодолению «культурного вакуума» у русскоязычных эмигрантов, независимо от времени их приезда в США. Их члены совместно отмечают праздники, юбилеи, события, связанные с историей и культурой родных мест, организуют лекции, встречи с известными земляками, собирают архивы и воспоминания, пропагандируют свои культурные ценности и т.д.

Наряду с этим землячества делают попытки знакомства иммигрантов с американской культурой, оказывают помощь в изучении английского языка, организуют экскурсии по стране.

Культурная жизнь русскоязычного Бостона на момент нашего обследования была насыщена и разнообразна. И это неслучайно. По данным М. Каган на 1990 г., большая часть эмигрантов, прибывших в Бостон – высоко образованные люди: 90% из них имели высшее образование, а 7% – ученые степени (Каган 1996). И хотя «лицо» эмиграции из бывшего Союза в постсоветские годы очень изменилось, люди с высокой степенью образования по-прежнему стремятся в Бостон. Их привлекает то, что Бостон – крупнейший научный и культурный центр США. Сергей Довлатов в свое время заметил: «...Ленинград обладает мучительным комплексом духовного центра, несколько ущемленного в своих административных правах. Сочетание неполноценности и превосходства делает его весьма язвительным господином. Такие города есть в любой приличной стране. В Италии – Милан. Во Франции – Лион. В Соединенных Штатах – Бостон» (Довлатов 2002).

«Русские» бостонцы считают свою общину одной из самых культурных и образованных в русской Америке. Среди тех, кто сохраняет русский язык и русскую культуру, они называют имена писателей, поэтов, публицистов, критиков, искусствоведов, пишущих на русском языке: Наум Коржавин, Людмила Штерн, Лев Лосев, Юз Алешковский, Катя Капович, Дм. Бобышев, А. Янов, Б. Парамонов, Ал. Есенин-Вольпин, М. Хазанова-Медведева и др. Среди замечательных людей некоторые респонденты особенно выделили филологов Г.Е. Тамарченко и его жену А.В. Эмме, которые приехали из Ленинграда в Бостон в 1978 г. Невзирая на преклонный возраст, они собрали вокруг себя всех бостонских славистов, раздобыли фонды и организовали при Бостонском университете Русский исследовательский

институт, который долгие годы был культурным центром Русского Бостона и способствовал сохранению и изучению русской культуры и русского языка.

И всё же наиболее значимая роль в сохранении русскоязычного пространства не только Бостона, но и США, принадлежит русскоязычным СМИ. «Русские» иммигранты привезли с собой «культуру чтения», отсюда их потребность в прессе. Второй Всемирный конгресс русской прессы, состоявшийся в Нью-Йорке и Вашингтоне 26–28 апреля 2000 г. с целью создания единого русскоязычного информационного пространства, объявил о том, что в США выходит более 40 русскоязычных периодических изданий. В Бостоне выходило несколько газет: «Бостонский марафон», «Бостонский курьер», ежемесячные бюллетени «Контакт», «Бостон», а также различные интернет-издания. Другой мощный экстралингвистический фактор – русскоязычные радио и ТВ появились вместе с третьей волной эмиграции в начале 1980-х годов, когда были созданы первые русскоязычные радиостанции в Лос-Анджелесе и в Сан-Франциско. В 1983 г. они появились на Аляске и в Чикаго. Первые телепрограммы на русском языке также вышли в Калифорнии. В 1987 г. была создана станция Russian American Broadcasting Company, которая затем превратилась в крупнейшую радио и телевизионную сеть США.

Четвертая волна иммиграции породила множество новых русских СМИ (газет, радиостанций), а также интернет-издания. Наши респонденты с гордостью говорили о том, что «у русскоязычной молодёжи, точнее её части, есть общий Интернет. Лидеры русскоязычного сетевого движения – наши из США: Валера Колпаков, Махно, Леня Делицын» (М., 24 г.). На момент нашего исследования интернет, в основном, «принадлежал» молодым иммигрантам, в настоящее время им активно пользуются «русские» бостонцы всех возрастов.

Около $\frac{2}{3}$ респондентов отмечали положительную роль русских СМИ в своей

новой жизни: «Я приехала в США без языка, знакомых – никого... Если бы не русские газеты, я бы не выжила» (Ж., 47 лет). В этой группе респондентов большинство принадлежит пожилым людям. «Для пожилых, не знающих английского языка, русское телевидение – “свет в окошке”: и передачи из России, и местные программы... Но для нас важно смотреть американское ТВ, но на русском языке. Мы хотим знать все об Америке, о жизни американцев. ТВ может помочь нам адаптироваться, а то мы живем в своей “деревне”, как в параллельном мире, а хотели бы включиться в американскую жизнь» (Ж., 67 лет)

Более 18% опрошенных заявили, что они не следят за русскими СМИ. «Меня не интересуют русскоязычные СМИ, предпочитаю читать классику» (Ж., 62 года). «Я не интересуюсь нашими СМИ, их между собойчиками и междуособицами. Я не могу жить без книг. Но, к сожалению, здесь новые книги на русском языке – проблема» (Ж., 65 лет). Молодые респонденты из этой группы нередко подчеркивали, что они сознательно не интересуются русскоязычными СМИ. «Я уже адаптировался к Америке и давно потерял интерес к русским СМИ. Я читаю “Boston Glob” и “New York Time”. И вообще, приехавшие в США молодые, до 30 лет, через 3–4 года не читают ни американских, ни русских газет» (М., 25 лет). Определенная часть респондентов очень избирательно относится к русским СМИ: «Я газет не читаю, ТВ смотрю американское, но слушаю русское радио. Иногда бывает интересно: о молодежной культуре, о музыке, о сексе, об Интернете... Но в целом, на них влияет аудитория, а ведь их слушают в основном неработающие: пенсионеры, домашние хозяйки. И если идти у них на поводу, можно деградировать!» (М., 29 лет).

Респонденты, интересующиеся русскими СМИ, по-разному оценили качество русскоязычных изданий: «НРС» («Новое русское слово») – самая разнообразная и интересная газета. В ней есть материалы

на любой вкус: события в мире, в России, в нашей общине, статьи о культуре, науке, спорт, юмор. «Наша семья без “НРС” жить не может: уже почти 30 лет читаем ее каждый день» (Ж., 52 лет). «Я знаю прекрасно английский язык и еще несколько языков, но все равно читаю русскоязычную прессу. Очень жаль, что “НРС” исписалась и не представляет ценности для читателей. Дурной вкус, раболепие, постоянные клятвы “в преданности Великой Америке”... США у них – “Земля обетованная”, видимо, путают с Землей Ханаанской...» (Ж., 82 года).

И все же подавляющее большинство (более 82%) всех опрошенных подчеркнули роль русских СМИ в сохранении русского языка и русскоязычного пространства на их новой родине. Особое место надежды «русские» бostonцы возлагают на ТВ. «Телевидение для таких, как я – безъязыких – окно в окружающий мир». (М., 76 л.). «Среди мигрантов много одиноких, несчастных, для которых весь свет в окошке – телевизор. У многих в жизни, кроме русского телевидения, нет никакой отрады» (Ж., 59 л.). «RTVI делает очень хорошее дело: спланирует русскоязычных иммигрантов. Создает единое культурное, языковое, экономическое пространство. У меня родные живут и в США, и в Германии. Я смотрю этот канал, и все знаю и о их погоде, и о проблемах, о спорте, о культуре. И реклама полезная бывает. Так что – молодцы! Очень нужное дело делают для нас» (М., 45 л.).

Однако, не все зрители довольны «русским» телевидением. «Телевизор для меня очень много значит. Кстати, русскому ТВ в Америке уже много лет! К сожалению, сейчас оно стало хуже. Раньше, когда были Григорий Антимонец и Иосиф Сац, нам показывали много интересных и качественных передач. Сейчас принудительно кормят НТВ» (Ж., 63 года). По мнению пожилых респондентов, «российское ТВ смотрят лишь пожилые, молодые работают, учатся, смотрят американское телевидение! Мы, старики, больше чем молодежь

зависим от русскоговорящего ящика» (Ж., 74 года). Часть молодых респондентов считает, что «русские СМИ вызывают положительные эмоции у новых мигрантов и помогают совсем не утратить возможность правильно изъясняться на живом русском языке» (Ж., 27 л.). Однако, «русскоязычные СМИ нужны как источник информации. И эту свою роль они в целом выполняют. Но стать властителем дум, особенно молодых, никогда не смогут. А вот “русские” сайты в интернете – это круто!» (М., 30 л.).

В целом, результаты изучения степени потребления «русскими» бostonцами масс-медиа на русском и на английском языках позволили выделить четыре (условные) группы потребителей: 1) те, кто адаптируется (англоязычное потребление масс-медиа превосходит «русское»); 2) «дуалисты», для которых характерно примерно равное потребление англоязычных и русскоязычных масс-медиа); 3) «сепаратисты» (только русскоязычное потребление); 4) «изоляционисты» (не потребляют никаких масс-медиа). Выяснилось, что «сепаратисты» составили подавляющее большинство наших респондентов. «Дуалисты» находятся на втором месте, «адаптирующиеся» – на третьем, «изоляционисты» – на последнем.

Русификация городского пространства в Бостоне – прекрасный индикатор увеличения численности и усиления русской общины, русского анклава. Множество эмигрантов разных национальностей в США живут подобным образом, анклавом, сохраняя свою культуру, свой язык, имея «своих» врачей и юристов, свои магазины, автомастерские, рестораны, похоронные бюро... Они могут десятилетиями жить в США в своем изолированном «параллельном» мире, практически не общаясь с «коренными» американцами. Среди «русских» бostonцев популярна такая шутка: «Русские» эмигранты с Брайтон-Бич на вопрос: «Как поживает Америка?» честно отвечают: «Не знаем, мы до них не ходили».

Исследователи постоянно отмечают такую закономерность: чем больше иммигрантская община, тем меньше ее члены нуждаются в изучении нового для них государственного языка. Один из типичнейших примеров тому – русскоязычная община в Брайтон-Бич (г. Нью-Йорк, США). Противоположную ситуацию мне удалось наблюдать в 2003 г. в весьма малочисленной армянской общине г. Иерусалима: немногочисленные армяне Старого города, как правило, говорят не только на армянском и турецком языках, но также на иврите, арабском, английском, а иногда и на русском языках.

Социолингвисты различают два вида билингвизма: избирательный (дополнительный) и ситуационный (вычитающий). Избирательный билингвизм характеризуется тем, что человек, находясь в родном речевом окружении, добровольно изучает новый (дополнительный) язык и пользуется им без ущерба для своего родного языка. Ситуационный (вычитающий) билингвизм обычно связан с миграцией, вынужденным переселением людей. Он также, на наш взгляд, может быть вызван резкими политическими катаклизмами в обществе, в частности, изменениями государственной политики в языковой сфере, ярким примером чему служат события последнего десятилетия XX в. в некоторых республиках бывшего СССР, и прежде всего, прибалтийских. Ситуационный (вычитающий) билингвизм характерен для человека, как правило, находящегося в чужом речевом окружении и вынужденного бессистемно (спонтанно) овладевать новым языком в сложных жизненных обстоятельствах. Такой способ изучения нового языка обычно сопровождается постепенной утратой (вычитанием) родного языка.

Для «русских» бostonцев – иммигрантов третьей волны, на мой взгляд, был более типичен ситуационный (вычитающий) билингвизм. Отличием этой волны было ее особое качество: отборные люди, ехавшие по идеологи-

ческим мотивам. Их было немного, по крайней мере, они не создали критической массы для возникновения «русского» культурного анклава. Тем более, что не только не могли, но и не ставили этой задачи, т.к. стратегия их выживания в США состояла в том, чтобы интегрироваться в американское общество. Одним из важнейших условий их удачной интеграции было свободное владение языком доминирующего большинства.

Насколько билингвизм характерен для иммигрантов четвертой волны? Вопрос о том, в какой степени владеют английским языком постсоветские иммигранты, задавался в ходе нашего обследования. В результате выявилась следующая картина (см. табл.1):

Таблица 1

Свободно владею английским языком: понимаю, говорю, читаю, пишу	8%
Знаю английский язык: понимаю, говорю, читаю	28%
Понимаю и могу объяснить по-английски	26%
Я с трудом говорю и понимаю по-английски	27%
Я не говорю по-английски	11%

Самую значительную группу мигрантов, не владеющих английским языком, составили люди в возрасте от 60 лет и старше. Подавляющее большинство (82%) пожилых «русских» бостонцев признались в том, что они «не понимают и не говорят по-английски». И для многих стариков, особенно одиноких, а также не имеющих родственников со знанием английского языка, в связи с этим возникает множество юридических, медицинских и прочих житейских трудностей.

По данным нашего обследования, пожилые русские бостонцы считают своими основными проблемами следующие (сумма ответов превышает 100%, поскольку в

анкете можно было указывать более одной проблемы (табл. 2):

Таблица 2

Здоровье	83%
Проблемы психологической адаптации	68%
Одиночество	37%
Материальные проблемы	29%
Отношения с детьми	19%

Как видно по результатам опроса, проблему владения английским языком пожилые русские бостонцы не назвали среди своих главных проблем. Однако, позднее в своих интервью, многие из них подчеркнули, что «несмотря на то, что американское правительство делает очень многое для наших стариков, особенно ветеранов и инвалидов Второй мировой войны, все-таки существует целый ряд специфических проблем. Материально они обеспечены, но существуют психологические проблемы. Здесь они чувствуют себя ненужными ни обществу, ни детям. Они живут на обочине американской жизни» (М., 69 лет). Проблема общения – одна из самых острых в эмиграции для многих, особенно пожилых людей. А при отсутствии английского языка тем более. Наличие многих других проблем в своей жизни многие старейшие «русские» бостонцы также связывали с такими факторами, как «возраст» и «владение английским языком». И в целом, подавляющее большинство наших соотечественников, не владеющих и плохо владеющих английским языком, отмечали, что любая проблема в эмиграции – «проблема вдвойне неразрешимая, а без языка – просто беда».

Особую, практически неразрешимую проблему для пожилых, как впрочем, и других наших бывших соотечественников, не владеющих английским языком, представляет сдача тестов на американское гражданство. Неслучайно русскоязычные пенсионеры обращались в своё время с петицией к конгрессменам США с просьбой поддержать законопроект Дж. Надлера о

сдаче пожилыми иммигрантами экзамена на американское гражданство на родном языке. Дело в том, что хотя в США правом сдачи на гражданство и прохождения интервью на родном языке обладают люди, достигшие возраста 55 лет и имеющие статус постоянного жителя не менее 15 лет, или достигшие 50 лет и имеющие указанный статус не менее 20 лет на момент подачи заявления, пожилые люди не могут ждать так долго. Тем более что Конгресс США постоянно сокращает государственную помощь иммигрантам, не получившим американское гражданство. В связи с этим иммигранты, невзирая на болезни и возраст, пытаются как можно скорее сдать этот трудный для них экзамен. Это заставило многих, том числе и людей пенсионного возраста, посещать курсы по подготовке к сдаче экзаменов на гражданство. На момент нашего обследования сохранялось финансирование обучающих программ и оказание другой помощи пожилым людям, стремящимся сдать экзамен на гражданство, за счет бюджета штата Массачусетс. В Бостоне есть целый ряд организаций, которые стараются им в этом помочь: Russian Community Association of Massachusetts (RCAM), Jewish Vocational Service (JVS), Jewish Family Service of Metro West (JFS/MW) и др.

Обычно как наиболее удачную форму обучения пожилых людей английскому языку в пример приводились языковые курсы в Юлинхауз (Ulin House, Brighton). Юлинхауз – один из жилищных комплексов Бостона, в котором проживает больше всего русскоязычных иммигрантов (около 600 человек). Здесь, как и в других подобных субсидированных домах (например, The Patricial Hagan White Apartments, 20, Washington street, Brighton) селили лишь людей пенсионного возраста. Отдельные квартиры сдаются в аренду, поэтому передать их детям или продать нельзя. Юлинхауз знаменит активной и плодотворной деятельностью своего домкома (домового комитета), причем не только в Русском Бостоне. О нем писали и крупные амери-

канские газеты, снимало американское ТВ. Он был создан самими русскоязычными жильцами с целью оказания помощи иммигрантам из бывшего СССР. Домком организовал работу свыше 30 групп по изучению английского языка и подготовки к сдаче экзамена на гражданство. Он оказывал юридическую помощь в подготовке различных документов, в переводе их с русского языка на английский и наоборот. Домком помогал поменять квартиру внутри дома, заботился о больных, устраивал встречи, концерты, лекции, праздники, и что важно – на русском языке.

Пожилые русскоязычные бостонцы, проживающие в Юлинхаузе, приняли в нашем обследовании очень активное участие. Большинство их (около 72%), как правило, довольны жильем и условиями проживания. Лишь некоторых из них (17% опрошенных) «коробит излишняя опека» англоязычной охраны, которая, по их мнению, «слишком много на себя берет и превышает порой свои полномочия. И вообще, нам трудно найти с ними общий язык». Эту группу респондентов составили те, кто «жил в СССР в собственном доме и был в нем полным хозяином», и что немаловажно, не владеющие английским языком. В целом, более $\frac{2}{3}$ опрошенных в Юлинхаузе признались, что практически не владеют английским языком, около четверти оценили свои знания английского языка как «очень слабые». Многие из тех, кто посещали или посещают языковые курсы, в целом подчеркивая их ценность и необходимость, утверждали, что они помогли в сдаче тестов лишь единицам слушателей, т.к. «в пожилом возрасте невозможно выучить чужой язык».

Помимо пожилых мигрантов, зачастую желающих, но не способных в силу возраста и болезней изучить английский язык, в эту группу входят и более молодые люди, которые, по мнению многих респондентов, «просто ленятся учить новый язык, да и русский они обычно толком не знают». Причины этого явления остаются за рамками данной статьи, равно, как и

проблема эмигрантских волн. Однако, невозможно не согласиться с мнением одного из наших респондентов: «Сейчас уже нужно говорить о четырех волнах эмиграции. И если в трех первых много общего, то четвертая (с конца 1980-х) еще долго будет жить на обочине американской жизни. Так было и с предыдущими. Все через это проходят. Но последним будет труднее, потому что среди них много случайных попутчиков, поверивших в сказку об американском рае, людей не знающих и не желающих знать английский язык, не умеющих вкалывать и бороться за место под солнцем. Они хотят жить в одной большой “русской коммуналке” и всю жизнь сидеть на пособиях!» (М., 35 л.).

По мнению наших интервьюеров, в процессе адаптации постсоветских мигрантов, в том числе и языковой, прослеживается определенная роль половозрастного фактора: «У пожилых выходцев из Союза – все в порядке: и муж, и жена знают свое место в семье, поэтому и браки крепче, и живут, как люди... А вот среди 30–50-летних всякое бывает! Часто женщина в семье все тащит на себе, а муж и рад бы быть хозяином в доме, да то без работы сидит, то языка не знает, а то и вообще, пьет и на диване лежит» (Ж., 46 лет). «Русские» бостонцы постоянно подчеркивали в своих интервью, что «наши женщины – не феминистки, но вынуждены зачастую играть главную роль и в семье, и в бизнесе... А что делать? Надо выживать!» (Ж., 33 года). Вместе с тем определенная часть респондентов-мужчин отметила: «Да уж, что-то здесь и с нашими происходит: начинают права качать, по судам таскают». Мужчины считают, что подобные настроения в общине создают «СМИ и разные писаки»: «Почитайте “нетленку” Муравьевой, Анны Левиной и прочих “великих писательниц русской иммиграции”. У них все женщины – благородные красотики, а мужики (причем, только эмигранты) – проходимцы, бездельники, воры, пьяницы» (М., 52 года). И все же большинство (76%) наших респон-

дентов, независимо от их половозрастных характеристик, согласны с мнением о том, что «женщины в эмиграции быстрее и легче адаптируются, успешнее преодолевают языковой барьер, да и физически более выносливы» (Ж., 58 л.).

Среди «русских» мигрантов, «не знающих и не желающих знать английский язык», большинство, по мнению участников углубленного интервью, составляют мужчины. Однако результаты нашего опроса не выявили четкой зависимости знания английского языка от фактора пола. Среди тех, кто практически не знает английского языка мужчины и женщины представлены почти поровну (52% и 48%). В группе тех, кто «с трудом говорит и понимает по-английски» несколько преобладают мужчины, а в группе «свободно владеющих английским языком» – женщины. Однако, напомним, что эти данные носят самооценочный характер.

Можно также ставить под сомнение объективность самооценки степени владения английским языком респондентами первой (8%) и второй (28%) групп. Неслучайно даже тот, для кого знание английского языка является профессиональной необходимостью, наш бывший соотечественник, профессор из пригорода Бостона, поэт Лев Лосев с откровенной самоиронией пишет:

Живу в Америке от скуки
И притворяюсь не собой,
Произношу дурные звуки –
То горловой, то носовой,
То языком их приминаю,
То за зубами затворю,
И сам того не понимаю,
Чего студентам говорю.

Как уже упоминалось, в процессе углубленного интервьюирования русские бостонцы вновь оценивали свои знания английского языка. Их данные сопоставлялись с материалами опроса и верифицировались различными способами. В результате можно сделать вывод о том, что весьма четким критерием самооценки уровня билингвизма опрошенных может

служить, на мой взгляд, отсутствие в их языковой практике такого явления как интерференция. «С языками не вижу никаких проблем. У нас вся семья прекрасно говорит на двух языках, не смешивая их никогда. В каждой конкретной ситуации – свой язык. Легко переходим с одного – на другой, как делают все образованные люди. Надо просто учить языки!» (Ж., 47 л.) В ходе интервьюирования выявилось, что количество тех, кто «...говорит на двух языках, не смешивая их никогда. В каждой конкретной ситуации – свой язык», составило около 12% от числа всех опрошенных (вместо ожидаемых 36%, полученных в результате массового опроса). В этом плане представляется вполне уместно процитировать С. Довлатова: «Жена как-то спросила: Почему Рон Фини этого не делает? – Чего? – Не путает английские и русские слова?... – Потому что Фини в совершенстве знает оба языка» (Довлатов 1979: 45).

В ходе углублённого интервьюирования выяснилось, что многие респонденты прекрасно осознают, что «свободное и творческое владение двумя языками – богатство, которое трудно переоценить, но как всякое богатство, далеко не всем оно достается. Я говорю на английском, но разве это сопоставимо с моим русским. А очень-очень жаль! Я замечаю, когда наш, русскоязычный человек, начинает легко и красиво говорить по-английски, он даже сам преображается: становится увереннее, раскованнее, даже порой смелее и развязнее. В любом случае – свободнее» (Ж., 57 лет). Проблема билингвизма беспокоит «русских» бостонцев: «Я в Америке с 11 лет. Мой английский еще требует совершенства, а русским я уже не очень хорошо владею» (Ж., 30 лет). Части (4,8%) участников нашего опроса хорошо знакома ситуация, в которую попала семья другой респондентки: «Мы в своей семье после приезда решили говорить только на английском языке. В результате дети не знают русского вообще, а родители за 16 лет так забыли родной язык, что в России

вынуждены были пользоваться словарем» (Ж., 45 л.).

Подавляющее большинство опрошенных, также как и участников интервьюирования, согласны с тем, что «если хочешь иметь нормальную жизнь здесь, учи английский!» (М., 32 г.) Кстати, в их число входят и те «русские» бостонцы, которые, по их признанию, абсолютно не владеют английским языком.

Напомним, что по итогам опроса они составили 11%. Тем не менее в результате углубленного интервьюирования, выяснилось, что значительная доля (76%) не владеющих английским языком, не считает это своей первоочередной проблемой. «Я английского языка абсолютно не знаю, но это не главное, – признается женщина 73-х лет, – главная забота – здоровье! Я здесь перенесла четыре сложнейших операции. Без конца болею: и годы, и проблемы скапливаются, а главное – климат после Тбилиси – неподходящий. А лечиться здесь не просто. Хорошо, что есть медикэр, но дедактибл все время снижают, и лекарственный бенефит недостаточен. А медикэйд дают далеко не всем нуждающимся». Интересно, что в эту группу входят не только пожилые люди, но и мигранты средних лет, и даже молодые люди. «Я по-русски и по-татарски говорю, английским не владею. Но ничего – живу, и неплохо живу. Некоторые интеллигенты так не живут, как я» (М., 52 года).

Ранее упоминавшийся Сергей Довлатов уже делал похожий вывод, правда, в шуточной форме, наблюдая жизнь «русских» нью-йоркцев за 20 лет до нашего обследования: «Единственная страна на земном шаре, где человек непонятного происхождения, владеющий восточноевропейским языком, будет чувствовать себя естественно – это Америка» (Довлатов 1979: 72). В качестве подтверждения этого вывода «русские» бостонцы неоднократно приводили мне пример, ставший уже давно местным анекдотом: «Да, с языком доходит до смешного. Слышали, что произошло в русском магазине. Там все говорят

только по-русски. Вдруг одна из покупательниц обращается по-английски к продавщице. Та кричит в сторону подсобки: «Роза, иди быстро: иностранку обслужить надо!» (Ж., 32 года). И по этому поводу Сергей Довлатов иронизировал: «Коренных жителей мы называем иностранцами. Нас слегка раздражает, что они говорят по-английски. Мы считаем, что это бестактность» (Довлатов 1979: 76).

В «русских» магазинах и прочих русскоязычных «оазисах», действительно, рабочий язык – русский. Однако неподготовленному слушателю поначалу он может показаться незнакомым, странным, каким-то специфичным. Помимо самых различных диалектных особенностей, регионализмов и т.п., настораживает множество непонятных слов и выражений. В магазине постоянно слышится: «Наслайсайте мне паунд!» – «Мне полпаунда ветчинки. Только не писиком, а слайсиками». Из бесед и разговоров «русских» бостонцев в транспорте, на улице, во время опроса, интервьюирования и т.д.: «У нас апартмент просто найс!» – «Ты берешь машину в рент, едешь по 17-ой дороге (экзиты с 64-го по 37-ой)». – «Сходи на дисплей и посмотри на эти экземпляры». – «Я сегодня очень бизи, а завтра буду фри». – «Он – типичный кризи, велфэрщик из Сайбириэ, делает Step by step, но все зря». – «Она даже чек не может окешить». – «Нашел работу на констракшен»... Или объявления в «русских» газетах, на досках объявлений в магазинах и т.п.: «Присмотрю за ребенком, когда Вы идете "out"». – «Требуется Travel Agent». – «Сниму Junior Studio».

Естественно, что и «русские» бостонцы в своих интервью отметили подобное явление: «У нас здесь постоянно происходит вкрапление одного языка в другой, “смесь нижегородского с французским”. Причем, помимо желания человека, само собой вылетает» (Ж., 24 года). Некоторых респондентов оно раздражает: «Когда наши миксают “нижегородский с французским”, меня это фрикует». (Ж., 52 года).

Защитники смешения языков заявляют: «Мы говорим на нормальном русском языке, для нас нормальном, именно такой язык нас устраивает. Здесь пуризм речевой не нужен: язык – продукт речевой практики и самого себя, законов собственного развития. (М., 64 года)». Заметим, что проблема смешения языков особенно типична для той группы (27%) мигрантов, которые «с трудом понимают и говорят по-английски».

Их оппоненты считают, что в данном случае «речь идет не о языковом пуризме, а о жуткой каше, месиве из отходов двух языков. “Микс” – значит вирус. Особенно опасен этот вирус для детей. Дети, подрастающие в такой языковой атмосфере, никогда не смогут читать в оригинале ни Толстого, ни Сэлинджера. Часть родителей считает необходимым учить своих детей русскому языку, специально приглашая для этого русскоязычную няню, а затем и преподавателя русского языка, или же пользуясь услугами курсов. Но все же это могут себе позволить лишь немногие. А большинство и не видит проблемы» (Ж., 67 лет).

Проблема, тем не менее, существует и её уже давно изучают специалисты. Кстати, это явление отмечено не только лингвистами. Еще в 1920-е годы. В.В. Маяковский писал в стихотворении «Американские русские»:

Я вам, сэр, назначаю апойтман.
Вы знаете, кажется, мой апартман.
Тудой пройдете четыре блока,
Потом сюдой дадите крен,
А если стриткара забита, около
Можете взять подземный трен.

Проблема «русских» бостонцев состоит в том, что они попадают не только в новые социальные, политические, экономические, культурно-психологические условия, но и в новое, для многих совершенно неосвоенное языковое пространство. У человека, не владеющего в достаточной мере английским языком, может наступить, по наблюдениям специалистов, своего рода языковая растерянность. При

освоении нового языка происходит как бы смещение разных способов мышлений, что может проявиться во всем: в английском построении фраз на русском языке, в «американских» модуляциях, («русские» сначала учат американский акцент, а затем только английский язык» (М., 35 л.), в интонировании русской речи, в вкраплении английских слов в разговор на родном языке, их оформлении рамками русской речи и т. п. Такое обращение с языками психологи и психотерапевты считают знаком психологических трудностей адаптации, невротической адаптационной депрессией с высокой вероятностью психосоматических расстройств.

Подобное состояние «языковой растерянности», и вместе с тем озабоченность судьбой русского языка в странах современного Русского Зарубежья очень образно выразила наша бывшая соотечественница Дина Рубина: «Мучительное н а д е в а н и е чужого языка, постепенное п е р е о д е в а н и е сознания – это ли не трагический карнавальный процесс, суть болезненных эмигрантских перевоплощений! А ведь с годами происходит еще и обветшание родного языка, частичная его потеря, прорехи именно в смысловых, подтекстовых оттенках» (Рубина 2000).

Случается, что человек специально говорит на языковой смеси, полагая, что американизмы украшают его речь, полагая, что употреблять их престижно и модно. Но эти люди обычно не чувствуют чужого языка, и изобретают новые формы и значения слов. Это, как правило, также связано с кризисом идентичности носителя такого языка. Специалисты отмечают, что те, кто уверенно чувствуют себя в американском обществе, даже не всегда блестяще владея английским языком, никогда не вставляют в свой русский язык американизмы.

Наблюдаемый в «Русском» Бостоне процесс русификации английского языка в русскоязычной среде иммигрантов вызвал к жизни появление нового жаргона, сленга, языкового суррогата, интерференции

(«речевой чересполосицы»). Позволим себе обозначить это явление как «рашен – пиджин» (далее – РП), по ассоциации с «ток-писин» («пиджин-инглиш»). Некоторые специалисты называют американизированный русский язык – *RunGLISH*. Он сохранил русскую грамматику, но лексически во многом заимствован из американского английского).

Позволим себе обозначить это явление как «рашен – пиджин» (далее – РП), по ассоциации с «ток-писин» («пиджин-инглиш»). Терминологически «пиджин» – функциональный тип языка, развившийся путем существенного упрощения структуры языка источника. Пиджин, как правило, служит средством межэтнического общения в среде смешанного населения, причем, в той среде, где отсутствуют исконные носители языка. Однако, среди определенной части «русских» бостонцев РП существует как реальность, но вместе с тем он никогда не станет престижным, общим, тем более литературным. Среда его обитания в русской общине: семейно-бытовая сфера, дружеское, соседское общение, а также сфера обслуживания русскоязычных американцев («русские» магазины, аптеки, парикмахерские, мастерские и т. д.).

Американцы, изучающие профессионально русский язык, боятся общения с носителями РП, считая его «грязным» и «заразным», поэтому предпочитают брать уроки русского языка и практиковаться в нем только у тех носителей русского языка, которые хорошо знают английский язык или вообще его не знают. Возникновение такой разновидности русского языка, как РП, не может служить взаимопониманию людей и никогда не станет языком межнационального общения. Ему не уготована судьба «ток-писин» (в прошлом – «пиджин-инглиш»), ставшего языком межнационального общения в Папуа Новой Гвинее или бислама, ставшего в Республике Вануату, наряду с английским и французским, сначала официальным языком государства, а затем и единствен-

ным государственным языком. В данном контексте РП скорее похож на суржик или синглиш.

«Рашен – пиджин» – это язык недостаточно образованных выходцев из бывшего СССР, не овладевших английским языком в необходимой степени, чтобы пользоваться им самостоятельно и творчески.

Потенциальные носители РП – новые русскоговорящие иммигранты, не владеющие в достаточной мере для выражения своих мыслей английским языком, но пытающиеся это сделать, а также их дети, не получившие хорошей языковой подготовки в английском языке и не имевшие возможности находиться в англоязычной среде. Именно язык детей постсоветских мигрантов вызывает особую озабоченность «русских» бостонцев. «У многих наших, особенно у детей – не язык, а жуткий жаргон, месиво из английских и русских слов: “Родители поехали на маркет, э кар покупать”; “Эти виндовки не открываются”; “Я купил айс-крема”. А что родители говорят: “Мы живем в двухbedрумном апартементе, сидим на велфэре, шопаем в русских магазинах!” Ужас! Рыба гниет с головы, а культура – с языка!» (Ж., 62 года). Можно бесконечно приводить подобные примеры общения родителей со своими детьми: «Ты слышал, я говорю: «Ноу!» – «Возьми токен и беги в сабвей!» – «Принеси кейк из рефрижиратора!» И, наконец: «Будешь миксать слова, убью!».

Особую группу языкового риска составляют подростки. «Послушайте, как наша “русская” молодежь разговаривает: мат-перемат. Английский не выучили, а нормальный русский, похоже, уже забывают» (Ж., 67 л.) И в целом, подростки – недавние иммигранты попадают в наиболее трудное положение. Как всякие другие подростки, они, зачастую тяжело переживая период физического созревания и становления характера, находятся в конфликте не только с самим собой, но еще страдают от окружения, непонятного и, как им кажется, враждебного. Специалисты, знают, что адаптационные воз-

можности подвергаются особому испытанию именно в подростковом возрасте, когда старые еще слабо усвоенные ценности приходится срочно менять на новые. Привыкшие жить в прежней своей жизни в коллективе себе подобных сверстников, ничем не отличаясь от них, ощущая себя самодостаточными и полноценными людьми, «русские» подростки неожиданно оказываются в полной изоляции. «Американские подростки их не принимают: психология – другая, игры – другие, шутки-другие. Сам прошел через это» (М., 21 год).

К сожалению, специальный опрос детей и подростков не проводился. Но их родители практически единодушны в том, что взаимоотношения подростков-иммигрантов и старожилов складываются непросто, и подавляющее большинство «русских» не имеют дружеских отношений с американскими. «Проблем с детьми много. Родители заняты выживанием, а дети попадают в разные ситуации, нуждаются в поддержке, а родителям не до них! Особенно тяжело подросткам, и прежде всего мальчишкам. Они не умеют и не знают многого из того, что престижно среди американских тинэйджеров. И эта борьба за самоутверждение да еще, если с родителями нарушен контакт, доводит иной раз до трагедий! Я сама знаю несколько жутких случаев!» (Ж., 37 лет). Родители считают, что «дети эмигрантов нуждаются в особой защите и помощи взрослых и всей общины. Вы знаете, как здесь создают людей второго сорта? Я работала в детских учреждениях, я это знаю. Каждый год правительство выделяет субсидии на детские сады, школы, как для нормальных детей, так и с отклонениями. Чтобы освоить эти деньги, коллегам помочь, да и свою жизнь облегчить, из нормальных школ и детских садов детей отправляют в “ненормальные”. Никаких заключений специалистов, никаких обследований: ребенка обвиняют в “дефиците внимания”, объявляют отстающим в развитии... А у него может быть проблемы с английским

языком, или ему скучно на занятиях, или он уже многое знает, но у него трудности с общением. Это никого не интересует. Ставят штамп с детства» (Ж., 41 г.).

Родители нередко связывают проблемы воспитания и обучения своих детей с языковыми проблемами: «А у русских детей еще и с языком бывают трудности. Вот и возникает ощущение неполноценности, потерянности и одиночества. Хотя, в общем, наших детей хвалят и в школе, и в университете они – лучшие. Но чего им это стоит! Короче, везти сюда нужно только младенцев или рожать здесь» (Ж., 40 лет). Действительно, детей «русских» бостонцев хвалят и в школах, и в университетах, их принято считать благополучными. В частности, член Палаты Представителей штата Массачусетс Рони Сидни считает, что «Бруклайн (один из районов массового проживания «русских» в Бостоне – Г. К.) означает своими школами, что, конечно же, важно для нашего города. Сегодняшняя задача состоит в том, чтобы поднять уровень обучения в городских школах Бостона, который пока ниже, чем в Бруклайне. Я совершенно точно знаю, что практически все русскоязычные школьники очень серьезно относятся к учебе и стремятся получить максимум необходимых им в будущем знаний. И в этом огромная заслуга родителей, прививших им эту тягу к знаниям и самосовершенствованию».

«Русские» дети, как правило, хорошо учатся и нацелены на высокие социальные позиции. Родители в русском Бостоне считают, что они сами прежде всего ответственны за своих детей, их учебу, воспитание, времяпрепровождение и т.п. Родительский надзор в общине действительно существует и дает свои плоды. «Русские» дети не сбиваются в «стаи», не хулиганят, не ведут себя развязно и вызывающе, как некоторые «коренные» американские подростки. Внешне все выглядит вполне благополучно, но все же проблем у детей русского Бостона достаточно много. Среди них – изолированность от американской

среды, невозможность адаптации к ней; языковой барьер и связанное с этим непонимание американской жизни.

Вместе с тем «русские» родители, как правило недовольны городскими школами, уровнем обучения в них, в целом, и английскому языку, в частности. «В Союзе в школах был порядок, система, план, ответственность за каждого ребенка. В США директора школ имеют “тэньор” (гарантия пожизненной работы), поэтому от плохого директора невозможно избавиться. Эта система приводит к злоупотреблениям властью, плодит неквалифицированных учителей. К тому же школьный учитель, не директор и его “любимчики”, а обычный учитель, получает гроши. Неслучайно в школах такая низкая успеваемость. Представляете, прошлой весной $\frac{2}{3}$ учащихся школ Нью-Йорка провалили экзамены по английскому языку и математике! Вы можете такое представить в бывшем СССР?» (Ж., 46 лет)

«Русские» бостонцы видят особенно серьезную проблему в том, что родители и их дети говорят на разных языках, в буквальном и переносном смысле этого значения. Прежде всего потому, что существует огромная разница между семейными стандартами русскоязычных родителей, и теми, которые широко рекламирует американские СМИ, внушая подростку, что он – свободная личность, что он – индивидуальность, создавая ему условия для формирования чувства собственного достоинства и независимости. Социальная ментальность Америки основана на идеях выбора и жизненных перемен. У молодых русских бостонцев возникает новое самоощущение, выработанное под влиянием рекламы, которое выливается в чисто внешние поведенческие бунты. Прежде всего они начинают воевать с родителями, стремятся освободить от их влияния, начинают стыдиться их. Возникает неприятие родителей, их отторжение, которое порой выражается и в том, что дети демонстративно переходят на английский язык. Подавляющее большинство (более

70%) респондентов считают: «Как только в семье дети и взрослые начинают говорить на разных языках – семье конец. Мой муж очень сердился, когда сын начал с нами говорить по-английски дома» (Ж., 36 л.). «Дома мы говорим только по-русски. Иначе нельзя: путать языки опасно, можешь один забыть, а другой не выучить» (М., 42 г.).

Недовольство «русских» родителей усиливается позицией американской школы, которая, как и все общество, поддерживает стремление подростков к самостоятельности, к независимости от чьего-либо влияния. Например, в США очень важная позиция – уважать частную жизнь ребенка. В это понятие входит не только то, что он должен научиться сам отвечать за себя, за свои дела и поступки, сам решать свои проблемы, но и то, что никто не смеет вторгаться в его внутренний мир, если ребенок этого не захочет. «Поэтому если русский ребенок начинает говорить по-английски с родителями, совершенно не владеющими этим языком, или того хуже, молчит и закрывается в своей комнате, они не вправе что-либо с ним поделаться» (Ж., 39 л.).

Безусловно, проблемы «русских» детей обычно как в зеркале отражают родительские проблемы. Процесс вживания детей в американское общество во многом зависит от стратегии адаптации их родителей. В частности, от того, какой из двух крайних позиций придерживаются взрослые в семье: стратегии на изоляцию или стратегии на ассимиляцию. В любом случае проблемы адаптации детей, особенно подростков-иммигрантов имеют и языковые аспекты. Дина Рубина, одна из самых ярких писателей современного русского зарубежья, на примере собственных детей сделала такое заключение: «В этом перевернутом, вывернутом наизнанку мире наши дети – особь статья. Понятно, что везли их сюда за: здоровым национальным самоощущением, чувством собственного достоинства, раскованностью, знанием языка предков, традиций, культуры, рели-

гии. Но – Боже мой! – не за тем же, чтоб они потеряли наш болезненно любимый, родной, самый-прекрасный-на-свете русский язык! А они, наши дети, катастрофически его теряют» (Рубина 2000). Отметим, что многие «русские» бостонцы озабочены проблемой сохранения русского языка. Особое место среди них занимают те, для кого родной язык всегда служил профессией. Кстати, именно они составили основу группы наших респондентов, которые никогда, независимо от степени владения английским языком, не позволяют себе говорить на «миксе» и с пренебрежением отзываются о «брайтонбичском диалекте» русских американцев.

Наше обследование выявило в Бостоне повышенный удельный вес эмигрантов из Москвы и Петербурга. Это – инженеры, программисты, врачи, музыканты, химики, гуманитарии, биологи, физики. Судя по их интервью, приехав в Бостон, многие из них обречены менять профессию, свой социальный статус, переучиваться, т. к. именно здесь особенно велика конкуренция в научной, творческой среде, а спросом пользуются лишь высококвалифицированные рабочие. Как показало наше исследование, в эмиграции и психологически, и практически, как правило, выигрывает тот, кто, уехав из бедности, не строит больших планов, а просто надеется на себя, свои силы, удачу. Это, прежде всего, люди из небольших городков, из провинции. В Америке они объединяются в артели, группы, кланы и занимаются трудом, который нужен везде: строительством, ремонтом квартир, прокладкой труб. Чтобы выжить, они забывали о своих дипломах, высшем образовании, часто начинали учиться с нуля. Другие занялись пусть и маленьким, но своим бизнесом: открывали магазинчики, мастерские, ателье. Они настраивали пианино, вставляли стекла, ремонтировали автомобили и т. д. Они сразу взялись за работу, и адаптация для них проходила с наименьшими моральными потерями. Освоившись и пустив корни, они стали вызывать своих родственников

и друзей. Так формировалась наиболее активная и работающая часть эмиграции – «мужики».

«Элита» эмиграции – врачи, адвокаты, компьютерщики немногочисленны, но, как правило, занимают вполне приличное место в обществе. Особенно успешны молодые люди, получившие образование уже в США и хорошо владеющие доминирующим языком – английским. Обладатели советских и российских дипломов обычно проходили переподготовку на знаменитых Каплановских курсах и сдавали экзамены. В Америке существует очень сложная система законов, регулирующих медицинское образование. В каждом штате действует свой порядок сдачи экзаменов на получение лицензии врача. Врачи – эмигранты среднего и старшего поколения, даже будучи прекрасными специалистами, зачастую не способны получить лицензию из-за недостаточного знания английского языка. Значительный слой составляют в эмиграции всякого рода «бизнесмены». Как правило, это те, кто и на родине занимался перекупкой, перепродажей, всякого рода торговыми операциями. Они не хотели менять профиль занятий, например, учиться какой-либо рабочей профессии. Самое большее, на что они соглашались – это поработать таксистом, скопить денег, купить лицензию и организовать свое дело. Зачастую им удавалось это сделать даже при отсутствии знания английского языка.

Между тем, творческие люди (литераторы, журналисты, актеры, юристы, преподаватели гуманитарных предметов и т.п.), чья профессия связана с языком, оказываются в самой сложной ситуации. Языковой барьер, культурно-психологическая дистанция, западные стандарты, иная логика, иные ценности – все это и многое другое не позволяют им быть конкурентоспособными в своей профессиональной среде. Этой категории «русских» иммигрантов особенно трудно приспособиться, найти высокооплачиваемую работу. И вместе с тем, они не могут «делать что-то полулегальное», что-

бы встать на ноги. Творческие люди, особенно предпенсионного возраста, как правило, оказываются в наиболее плачевном состоянии. Они объединяются в какие-то центры, читают лекции, что-то издают, но это маленькие тиражи, малочисленные аудитории, жалкие доходы. «Здесь есть очень интересные, разнообразные авторы. Благодаря им сохраняется литературный русский язык. Хотя, вы знаете, каково нашим писателям приходится. Хорошо, если он преподает в университете, колледже или в школе, в библиотеке или в банке работает, а то и грузчиком...» (Ж., 61 г.). «И хотя русская литература перестала в США быть профессией, литературный труд на Западе, не оплачивается, талант он и в Америке – талант!» (М., 62 г.). Многие представители этой социальной группы, особенно пожилые, не владеют английским языком. Но они сохраняют свое главное богатство – родной язык. «...Ни одна таможня не сумела у нас отобрать наши знания, нашу культуру, нашу любовь к книге, наш русский язык» (бывшая ленинградка, 76 л.); «В эмиграции люди не преображаются, а лишь проявляются, проясняются. Обнажается все, что человек скрывал, все подлинное. И именно здесь начинаешь понимать цену всему, в том числе и тому, что осталось в России. К счастью, такое бесценное богатство – родной русский язык – с нами. И он по-прежнему служит нам» (М., 57 лет).

Заключение

Миграция населения Земли в наши дни приняла невиданные размеры. Мало кто сегодня живет в доме своих предков, и слишком многие не живут даже в стране своих отцов. И пути эмиграции неисповедимы. Наше исследование со всей очевидностью продемонстрировало, насколько по-разному складываются эмигрантские судьбы наших бывших соотечественников. Однако, есть и то общее, о чем обычно говорят: «Эмиграция – это растянутый во времени стресс». Наиболее явным проявлением эмигрантского стресса служит так

называемый «культурный шок». Приезжая в новую страну, любой иммигрант привозит с собой свой «культурный багаж», свой родной язык, свою религию, свое отношение к жизни, свое представление о том, «что такое хорошо и что такое плохо», свои жесты, позы, интонации, все то, что позволяет человеку данной культуры общаться с себе подобными, и свои «культурные стереотипы» в отношении себя, окружающего мира, оценок того или другого явления, все то, что принято называть «культурными кодами». И может случиться, что весь этот культурный багаж оказывается непригодным, а иной раз даже и вредным в новых жизненных обстоятельствах, в новой стране, жители которой имеют другой культурный багаж и используют другие культурные коды. И тогда при контактах эмигрантов с коренным населением, когда такие столь противоположные представления сталкиваются, возникает конфликт, обозначаемый как «культурный шок», острые переживания и ощущения, которые человек испытывает при смене привычных условий жизни на новые. При переезде в другую страну культурный шок типичен для всех иммигрантов, но степень и сроки культурного шока у каждого индивида свои. Это можно рассматривать и на уровне личности и на уровне культуры, к которой человек принадлежит. Но если даже не учитывать коллизии каждой отдельно взятой судьбы, можно выделить основные параметры, то общее, через что проходят все иммигранты, независимо от возраста и пола, профессии или уровня образования, вероисповедания, черт характера и т.д. И среди всех этих основных параметров, безусловно, первое место занимает язык.

Роль русского языка в процессе адаптации и, прежде всего, культурной адаптации, его роль как адаптационного ресурса, как важнейшего фактора социально-пси-

хологической адаптации трудно переоценить. Изучение этой роли позволяет не только обозначить проблемы, но и дает возможность объяснить многое из того, что происходит в современном русском мире. Ведь в условиях эмиграции русский язык зачастую служит единственным объединяющим фактором, фактором единения, в то время как конфессиональные, политические и другие взгляды представителей зарубежного русского мира далеко не всегда совпадают.

Литература

- Бурвикова 2012 – Бурвикова Е. Русский язык в Новой Англии: опыт преподавания РКИ в университетах // Русский язык за рубежом. 2012. № 1(23). С. 116–120.
- Довлатов 1979 – Довлатов С. Колонка редактора // Новый американец. 1979.
- Довлатов 2002 – Довлатов С. Марш одиноких. СПб., 2002.
- Каган 1996 – Каган М. Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 99. М.: ИЭА РАН, 1996.
- Комарова 2002 – Комарова Г.А. Русский Бостон. М.: ИЭА РАН, 2002. 306 с.
- Комарова и др. 2014 – Комарова Г.А., Беляева Е.Е. Роль языка в культурной адаптации // Многообразии народов – многообразие культур. Казань: КГУ, 2014.
- Пустовойт 2015 – Пустовойт И.В. На перекрестке двух мировых языков: русскоязычная диаспора США // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Гранада; СПб, 2015. С. 166–170.
- Рубина 2000 – Рубина Д. Под знаком карнавала. Иерусалим, 2000.
- Тишков 2000 – Тишков В.А. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43–63.
- Belousova 2012 – Belousova M. The Russian Diaspora in the USA // Russian Analytical Digest. № 107. January 27, 2012.
- Norton 2011 – Norton W.P. Rediscovering Russian America. Oct 19, 2011. Institute of Modern Russia.

Глава 23

Специфика, проблемы и реалии распространения православия в Китае¹

С момента возникновения и вплоть до настоящего момента Китайская автономная православная церковь (КАПЦ) ощущает внимание и поддержку со стороны Русской православной церкви (РПЦ). Годы советско-китайской вражды и время «культурной революции» сказались на положении китайских верующих. В условиях, когда любой намёк на сопричастность к чему-либо иностранному грозил гонениями, притеснениями, расправой или тюремным заключением, чуждая китайской культуре вера воспринималась как пособничество иностранному государству, в частности СССР. Верующие боялись открыто проявлять свои религиозные чувства, не имели возможности получать религиозное образование, обучаться на священников. В конце 1980-х годов отношения между двумя странами начали меняться в лучшую сторону, однако это практически не затронуло религиозную сферу. Для многих китайских чиновников, воспитывавшихся в 1960–1970-е годы, между православной верой и российской политической пропагандой по-прежнему стоит знак равенства. А это значит, что православный священник, приехавший в Китай по просьбе китайских верующих, воспринимается как проводник политических интересов Российской Федерации. В результате такого подхода страдают простые люди, среди которых много лиц с русскими корнями.

В рамках данного исследования мы попытаемся установить, как изменились взаимоотношения России и Китая в религиозной сфере (а именно в сфере укрепления в Китае позиций православия) за последние двадцать лет? Какие работы осуществляются для изменения отношения

китайских властей к православной церкви? Какие усилия предпринимаются РПЦ для оказания помощи русским верующим в Китае, в частности представителям русского национального меньшинства?

Историография вопроса

Историография истории православия в Китае тесно связана с деятельностью Русской духовной миссии в Пекине. Однако, несмотря на то, что история миссии начинается в первой четверти XVIII в., первые работы, посвящённые этому вопросу, датируются второй половиной XIX в. В 1870–1880-е годы одна за другой появляются работы, посвящённые истории Русской духовной миссии. Практически все они написаны членами миссии. Данные труды весьма однообразны как по используемым заголовкам, так и по избранной тематике. В своих трудах авторы вводили в научный оборот ранее неизвестные документы, освещающие деятельность Русской духовной миссии в Пекине (Гурий 1884; Можаровский 1886; Адоратский 1887а, Адоратский 1887б; Миротворцев 1888). Их целью была систематизация сведений о деятельности Пекинской миссии и её роли в российско-китайских отношениях. Кроме того, велись работы по переводу святоотеческого наследия на китайский язык (Ивановский 1885).

Внимание исследователей к теме Российской духовной миссии не угасало вплоть до Октябрьской революции 1917 г. Интерес вызывала роль миссии в истории российско-китайских отношений, влияние деятельности её членов на укрепление взаимопонимания между странами и приращение знаний о Китае. Авторы подчеркивали ту большую позитивную роль, которую сыграла миссия для России, и пытались создать наиболее полную историю

¹ Глава подготовлена по теме НИР «Кросс-культурные и междисциплинарные исследования».

Русской духовной миссии в Пекине (Можаровский 1896; Соколов 1899; Веселовский 1905; Материалы 1905; Можаровский 1912; Краткая история 1916), продолжая аналогичную работу своих предшественников, усиленно трудившихся в данном направлении с 1870-х годов.

После Октябрьской революции 1917 г. число работ по рассматриваемой теме снизилось практически до нуля. И такая ситуация сохранялась в СССР на протяжении, как минимум, десяти лет. Темы русского присутствия в Китае, КВЖД и православия не вызывали интереса в стране с нестабильной политической ситуацией.

В 1920–30-е годы в советской историографии получила распространение теория торгового капитала. В духе этой теории были выдержаны работы, посвященные Русской духовной миссии в Пекине. Согласно её принципам, миссионерам отводилась роль агентов капитала. М. Барановский (Барановский 1930) и некто Г.Л. (Г.Л. 1932) оценивали миссию как элемент системы политического и экономического шпионажа в колониальной политике России. Несмотря на такой подход к истории миссии, ценность этих статей заключается в том, что они включают в себя в полном объеме источники – донесения начальников миссии в Министерство иностранных дел.

До 1950-х годов, т.е. до начала первых «возвращений» русских из Маньчжурии, у учёных практически не было объективных источников информации. А потому для оценки ситуации и научных разработок исследователи пользовались архивами и материалами еще императорской России. Выводы, сделанные на базе таких материалов, были в подавляющем большинстве случаев устаревшими и необъективными, тем не менее, они кочевали из издания в издание.

В 1970–1980-е годы круг изучаемых тем существенно расширился, хотя в целом он был ориентирован на изучение истории российско-китайских контактов (Мясников 1980), что объясняется обострением советско-китайских отношений в тот период. В эти же годы некоторые учё-

ные обратились к теме изучения христианства в Китае. Среди них были такие исследователи, как В.Ф. Быков, Л.С. Васильев, Д.В. Дубровская, Д.Е. Фурман и др. (Васильев, Фурман 1974; Дубровская 1974; Быков 1980; Васильев 1983).

Крупные труды, посвященные Русской духовной миссии, были созданы В.М. Алексеевым, В.В. Бартольдом, П.Е. Скачковым, А.Н. Хохловым, С.Л. Тихвинским и др. (Алексеев 1982; Бартольд 1977; Скачков 1977; Хохлов 1978а, Хохлов 1978б; Тихвинский 1988). Для этих авторов характерен упор в первую очередь на научные заслуги и деятельность православной миссии. Предпочтение при изучении отдавалось знаменитой русской триаде востоковедов – Н.Я. Бичурину, В.П. Васильеву и П.И. Кафарову. Каждому из них, кроме многочисленных научных биографий, посвящались тематические издания (Бичурин 1977; История и культура 1974; Кафаров 1979; Хохлов 1979; Семенов 1979), жизни и творчеству остальных миссионеров – отдельные статьи (Радовский 1961; Боград, Рифтин 1983; Мясников 1979; Смирнов 1958).

Завершением периода научно-культурного изучения Русской духовной миссии в Пекине можно считать издание «Истории отечественного востоковедения до середины XIX века» (История отечественного востоковедения 1990). В этом коллективном труде деятельность миссионеров в Китае рассматривается как составная часть практического востоковедения, обслуживавшего нужды в первую очередь внешней политики и торговли; приведены творческие биографии учёных-востоковедов.

Начиная с 1990-х годов, круг тем, изучаемых учёными, уже необычайно велик, а количество работ, публикуемых в России, растёт год от года. Обширность исследуемых вопросов и скорость приращения знаний дают основания полагать, что в ближайшем будущем в истории русского присутствия в Китае и истории российско-китайских отношений останется мало «белых» пятен.

История Русской духовной миссии в Пекине по-прежнему привлекает внимание исследователей. Регулярно переиздаются труды членов миссии, публикуются работы, посвящённые Китайской православной церкви и миссионерской деятельности РПЦ в Китае (Новгородская 1993; Зимин 1993; История миссии 1997; Августин 2001; Андреева 2001; Шаталов 2001; Шубина 2001; Кирилл 2002; Ломанов 2002; Хохлов 2002; Владыкин 2003; Самойлов 2004; Бэй-гуань 2006; Ипатова 2006; Карезина 2006; Манакова 2007; Волков 2010; Дацышен 2010 и др.). Целая группа научных исследований посвящена вопросу распространения христианства, в частности православия, на Дальнем Востоке и в Азии (Поздняев 1997, 1998; Ду Иоанн 1999; Ломанов 1999; Шаталов 2001; Шубина 2001; Кепинг 2001; Бовкало 2001; Титаренко 2002; Христианство на ДВ 2006; Дацышен 2007; Курто 2009, 2009–2010, 2010 и др.), вопросам сохранения православных храмов (Черкасов-Георгиевский 2003). Наиболее известные специалисты по этой теме – А.В. Ломанов, В.Г. Дацышен. Ряд научных конференций избрали своей темой распространение православия на Дальнем Востоке.

В 1993 г. в Санкт-Петербурге к 275-летию Русской духовной миссии в Пекине был издан сборник статей ведущих российских исследователей, занимающихся изучением данного вопроса. В частности, Н.Ю. Новгородская попыталась осмыслить задачи, которые ставились государством перед миссией, а также роль миссии в российско-китайском диалоге, выявила существующие проблемы и определила возможные на тот момент способы их решения.

Особую роль в изучении положения православия в Китае играет протоиерей, настоятель храма святых первоверховных апостолов Петра и Павла в Гонконге Дионисий Поздняев. Год за годом он публикует новые материалы по самым разным вопросам, связанным с деятельностью православной церкви в Китае. Многие из них уникальны и не использовались ранее в

иных публикациях. Ежедневная миссионерская работа, общение с прихожанами Гонконга и верующими, разбросанными по всему Китаю, снабжает исследователя ценным материалом, часть которого он использует при написании своих работ. Д. Поздняев привлекает внимание к темам, забытым в советские атеистические годы: к истории строительства православных храмов, к вопросу о святых китайских мучениках. В последнее десятилетие труды протоиерея стали публиковаться регулярно. Они охватывают широкий круг тем, среди которых – церковная жизнь православных общин Маньчжурии, Синьцзяна, Пекина, Шанхая и других городов Китая. При его непосредственном участии была налажена максимально возможная в КНР церковная жизнь четырёх храмов, что также нашло отражение в ряде публикаций (Поздняев 2000а, Поздняев 2000б, 2006, 2009 и др.; Христианство на ДВ 2000 и др.).

Исследователей привлекает не только история Русской духовной миссии, но и религиозные будни простых русских жителей Китая: молодёжные объединения, участие верующих в строительстве храмов, проведение церковных праздников (Рождество, Крещение, Пасха, Троица и другие) и т.д. (Бовкало 2001; Кепинг 2001; Черкасов-Георгиевский 2003 и др.).

История православия в Китае

Официально история православия в Китае начинается в 1685 г., после захвата китайцами русской крепости Албазин. Результатом захвата крепости стало пленение отряда казаков. В числе угнанных в Китай был и православный священник Максим Леонтьев. Оказавшись вдали от Родины, он посвятил свою жизнь делу духовного окормления пленных албазинцев. После смерти священника казаки обратились к русскому правительству с просьбой прислать нового пастыря. Под влиянием этих обстоятельств, а также осознавая политическую целесообразность укрепления отношений с Китайской империей, Пётр I издал указ, призванный активизировать миссио-

нерскую деятельность в Сибири и Цинской империи: «А для утверждения и приумножения в православную Христианскую веру, и проповеди Святого Евангелия в ... идолопоклонных народах, Великий Государь... указал писать к Киевскому Митрополиту, чтобы он... искал... из Архимандритов и Игуменов... доброго и учёного, и благаго непорочнаго жития человека, которому бы в Тобольску быть Митрополитом» (Указ Петра I 1830). Согласно указу митрополиту надлежало «... исподоволь в Китае, и в Сибири, в слепоте идолослужения и в прочих неверствиях закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго живаго Бога» (Указ Петра I 1830). В результате весьма скоро в Китай была направлена первая духовная миссия, на многие годы ставшая центром православия на Дальнем Востоке.

С первых дней пребывания на китайской земле православная церковь старалась не вступать в конфликты с местными властями и чтить местные порядки. За долгие годы своего пребывания в Китае Русской духовной миссии удалось сохранить приверженность православию в душах потомков албазинцев, ее члены успешно сотрудничали с китайскими властями, изучали китайскую культуру. В итоге, в первой половине XX в. в Китае проживала многочисленная православная паства, а самой православной церкви принадлежали огромные территории в Пекине. По всей стране ею были основаны православные храмы и монастыри. Несмотря на эти достижения, православие в Китае с большим трудом пережило невзгоды революции, Гражданской войны в России, «белой» эмиграции, японской оккупации, Второй мировой войны, культурной революции и пр. Снижение авторитета православия привело к тому, что в 1951 г. все китайские религиозные объединения сформировали союзы и имели представителей при Государственном управлении по делам религий при Госсовете КНР – кроме православной церкви. А 30 июля 1954 г. Священный Синод РПЦ

под председательством Патриарха постановил упразднить Русскую духовную миссию в Пекине, передав всё её имущество в ведение учреждённого 5 июня 1946 г. Восточно-Азиатского Экзархата РПЦ. Уже 31 мая 1955 г. в ноте Министерства КНР Посольству СССР было объявлено: «Русская Духовная Миссия и Восточно-Азиатский Экзархат Московской патриархии в Китае ликвидируется. Из имущества, принадлежащего Русской Духовной Миссии и Экзархату, в собственности СССР остаются и передаются МИД СССР для нужд Посольства СССР в КНР здания, сооружения и другое имущество, находящиеся в г. Пекине на земельном участке Бэйгуань, занимаемом Духовной Миссией» [Перевод ноты МИД КНР 2010]. В соответствии с протоколом указанная передача была осуществлена 30 марта 1956 г. В том же году КАПЦ получила от Московской Патриархии статус автономной, а Отдел по делам религий при Госсовете КНР дал согласие на назначение главы КАПЦ. Данные события имели историческое значение для всех православных верующих Китая, поскольку они определили статус православной церкви в Китае.

В период советской власти любая религиозная деятельность в России находилась под строгим контролем. А поскольку КАПЦ напрямую зависела от благополучия РПЦ, притеснения, чинимые советскими властями православию, эхом отзывались и в Китае. После распада СССР православная церковь в России встала на путь возрождения. Не испытывая давления со стороны государства, она принялась за восстановление разрушенных церквей и монастырей, начала осуществлять религиозную деятельность не только внутри страны, но и за рубежом. Для того чтобы оправиться от советской эры «безбожия», РПЦ до сих пор нужны ещё многие годы. В 1990-е годы она была ещё не в силах заниматься проблемами зарубежной паствы. В результате к началу XXI в. сложилась ситуация, при которой на 15 тыс. православных граждан Китая нет ни одного

признанного властями китайского православного священника. Таким образом, ставится под вопрос само существование КАПЦ. Ведь ей нужны не только священники и епископы, но также православные духовные учебные заведения. Потребность в этом испытывают как православные китайцы, так и представители современного русского сообщества, проживающие в Китае в настоящее время. А если учесть, что темпы роста российско-китайского сотрудничества год от года нарастают, существуют все основания полагать, что потребность в деятельности православной церкви в Китае будет неуклонно расти.

В настоящее время КАПЦ не имеет ни своего предстоятеля, ни православных священников. Митрополит Волоколамский Иларион в своём обращении к верующим так высказался по этому поводу: *«Сегодня в Китае не так уж много православных верующих, но, сколько бы их ни было, они имеют право на богослужение, на пастырское окормление и полноценную религиозную жизнь. Болит сердце, когда заходишь в прекрасный православный храм, открытый и действующий, в котором нет священника. Люди могут прийти в этот храм в праздник или обычный воскресный день, могут поставить свечку, услышать церковное пение в звукозаписи, но они не увидят священника, не будет там совершаться богослужение, не будет совершено Таинство. И, постояв, они уйдут, может быть, не только с радостью от посещения храма, но и со скорбью о том, что этот храм не является полноценно действующим»* (Митрополит Иларион 2011).

В таких условиях 17 февраля 1997 г. Священный Синод РПЦ был вынужден констатировать, что в соответствии с православными канонами до избрания Поместным Собором КАПЦ Патриарха каноническое попечение о китайской пастве будет осуществляться Патриархом Московским и Всея Руси. О принятом решении в апреле 1997 г. Председателю КНР Цзян Цзэминю сообщил письмом Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. С

27 декабря 2000 г. временное архипастырское попечение о пастве КАПЦ, проживающей в АР Внутренняя Монголия КНР, осуществляет епископ Читинский и Забайкальский, а временное архипастырское попечение о пастве Синьцзян-уйгурского АР КНР с 17 июля 2002 г. осуществляет архиепископ Астанайский и Алма-Атинский (Православие в Китае 2010).

Деятельность РПЦ по восстановлению статуса православия в Китае в настоящее время

Начиная со второй половины 1990-х годов, РПЦ начала работу по возобновлению активной миссионерской деятельности в странах Востока. В 1999 г. году в стенах Московской духовной академии и семинарии (МДА и С), расположенной в Сергиевом Посаде, началось преподавание восточных языков, среди которых был и китайский язык. В числе первых учеников данного курса были Виталий Фомиченко и Дионисий Бондаренко. И уже спустя два года, 11 июня 2001 г. произошло важное событие. В стенах всё той же Московской духовной академии и семинарии был открыт Дальневосточный центр. Главной целью центра было объявлено создание миссионерской базы проповеди христианства на Дальнем Востоке.

С первых дней существования центра стало очевидно, что перед ним стоят колоссальные по объёму задачи. Понимая необходимость научного подхода к решению проблем, центр установил тесные связи с ведущими востоковедческими институтами и сообществами, в частности с Обществом российско-китайской дружбы, Институтом Дальнего Востока РАН, Институтом востоковедения РАН, Институтом стран Азии и Африки и т.д. Важным направлением деятельности центра стала подготовка специалистов, способных работать в инокультурной среде. В его стенах обучаются специалисты в области богословия и миссионерской деятельности, владеющие восточными языками, умеющие работать с носителями восточной

культуры и обладающие высоким моральным обликом. С целью повышения качества образования студентов центр установил контакты с рядом высших учебных заведений Тайваня и Сянган (Гонконга), в которые он направляет своих учеников для прохождения стажировок. В свою очередь МДА и С также принимает на обучение граждан других стран. В частности, здесь готовятся стать священниками несколько китайцев. В мае 2010 г. делегация центра посетила приход в Казахстане. После беседы с русскими священниками было принято решение о создании в городе Инине русской улицы.

27 декабря 2007 г. на зимнем заседании Священного Синода РПЦ при поддержке священника Дионисия Поздняева и Дальневосточного центра МДА и С было признано целесообразным открыть в Москве подворье КАПЦ. Осуществить данную инициативу удалось лишь спустя четыре года, когда указом Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла от 7 февраля 2011 г. подворье было учреждено на базе московского храма святителя Николая в Голутвине. Его настоятелем был назначен протоиерей Игорь Зуев.

Дальневосточный центр сейчас – это сообщество единомышленников, работающих с целью укрепления сотрудничества России и Китая в научной и религиозной сферах, а также на благо православных верующих Китая. На ближайшее время центром запланировано продолжение работы по сохранению клира в КНР, сохранение независимости от китайского законодательства, обучение китайцев в духовных учебных заведениях России. Для осуществления последней задачи на территории материковой церкви, то есть в России, планируется создать соответствующий образовательный центр. Кроме того, в будущем планируется открывать миссионерские центры в приграничных с Китаем областях, обучать китайских студентов в приграничных семинариях, открывать библиотеки, организовывать для китайских верующих регулярные паломничества по святым местам России,

работать с китайскими протестантами и т.д. Центр намерен принимать деятельное участие в создании научно-исследовательских центров в приграничных епархиях, восточковедческого центра в библиотеке МДА и С, сайта МДА и С на китайском языке, а также продолжить развивать связи с высшими учебными заведениями континентального Китая (В настоящее время Дальневосточный центр сотрудничает только с высшими учебными заведениями Тайваня и Гонконга). Руководитель ДВЦ при МДА и С иеромонах Серафим (Петровский) так сформулировал стоящие перед ними задачи: *«Наша цель – стать союзниками и сотрудниками с Китаем. Мы хотим, чтобы в нас перестали видеть шпионов»* (Серафим 2011).

Следует отметить, что за последние годы РПЦ внесла весомый вклад в сохранение культурного наследия русских, проживавших на территории Китая в первой половине XX в. Примером такой работы является труд православных священников и семинаристов по составлению картотеки раритетных книг, переданных в дар библиотеке МДА и С русским консульством в Харбине. В результате этой работы российские исследователи-востоковеды получили доступ к таким редким книгам как «Устав Русского клуба и библиотеки в Ханькоу» (Устав 1907), «Справочник по северной Маньчжурии и КВЖД» (Справочник 1927), «Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога» (Сев. Маньчжурия и КВЖД 1922), «По поводу недавно возникшей в Южной Маньчжурии русской области» (Бретшнейдер) и др.

В последние годы наблюдается рост интереса россиян к китайскому региону Трёхречье. Первое русское население появилось в этом крае во второй половине XIX в., превратившись со временем в одно из национальных меньшинств Китая. Для изучения данного меньшинства в край было организовано несколько экспедиций, некоторые из которых были организованы по инициативе д.ф.н. В.Л. Кляуса. По результатам экспедиций им были опублико-

ваны такие статьи, как «Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трёхречье (КНР)» (Кляус 2011), «“Русская” деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурии (КНР)» (Кляус 2010а), «Административная реконструкция русской деревни в Китае» (Кляус 2010б), «“Русское Трёхречье” в Маньчжурии» (Кляус 2015). В 2010 г. аналогичные исследования проводились читинской исследовательской группой под руководством А.П. Тарасова и А.Г. Янкова. По результатам этой экспедиции была подготовлена к изданию книга (Тарасов, Янков 2012). Среди зарубежных исследователей хорошо известен китайский учёный Лю Куйли, изучавший русских Трёхречья (Лю Куйли 2001). А на прошедшей 9 декабря 2011 г. в Сергиевом Посаде конференции «Православие в Китае» киножурналист, сценарист, режиссёр-документалист, член Союза кинематографистов России Н.А. Соболева рассказала о своей работе над фильмом «Православный крест Поднебесной», материал для которого она собирала на протяжении несколько лет. Как было совершенно справедливо ею отмечено «У русских жителей Трёхречья маленький процент русской крови, но в них крепка русская вера. И вера ассоциируется у этих людей с русскими корнями» (ПИМА 2011).

При поддержке Дальневосточного центра планируется создание фильма о жизни и деятельности православного миссионера, востоковеда Иакинфа (Бичурина), аналогичный тому, что был снят в 1985 г. режиссёром Б. Урицким (Урицкий 1985).

В настоящее время серьёзной проблемой в деле укрепления позиций православной веры в Китае является перевод на китайский язык православной лексики и православных текстов. Одним из исследователей, работающих в данной сфере, является кандидат филологических наук, сотрудник кафедры китайской филологии ИСАА МГУ, доцент М.В. Румянцева. Главным итогом её трудов в этом направлении является изданный в 2008 г. «Русско-китайский словарь православной лек-

сики» (Румянцева 2008). Реализованный ею проект – лишь мизерная часть того объёма работы, который предстоит выполнить православным миссионерам в Китае. По признанию самого автора словаря, главные сложности перевода заключаются в том, что высококвалифицированный переводчик не всегда способен передать смысл церковных текстов, в то время как китайский язык хорошего богослова крайне редко находится на нужном для перевода уровне. Вместе с тем, полемика между переводчиками весьма часто ставит под угрозу сроки выполнения работы. Несмотря на это, сама М.В. Румянцева твёрдо убеждена в том, что при создании подобных переводов необходимо работать коллективно, привлекая не только русских переводчиков и православных миссионеров, но и хорошо образованных китайцев, способных понять предлагаемые русскими толкования сложных христианских терминов. При отсутствии в китайском языке подходящих лексических единиц, следует предлагать читателю адекватный описательный перевод, а там, где это возможно, использовать буддийские термины. Переводчик должен избегать громоздких переводов, «кальки», многозначных китайских слов. В столь сложных условиях главной целью переводчика должно стать желание донести до китайца доброе начало православной веры (Румянцева 2011).

В настоящее время РПЦ не удалось добиться от китайских властей разрешения назначить преемников скончавшихся китайских православных священников. Тем не менее, в последние годы в российских семинариях получили духовное образование несколько китайских граждан, поскольку в КНР получить подобное образование негде. Несмотря на это, служить в зарегистрированных православных храмах Китая им не разрешено, поскольку их обучение не было санкционировано соответствующими религиозными организациями страны. Для разрешения этой противоречивой ситуации Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Пре-

зиденте РФ и Государственное управление по делам религий в 2009 г. приняли решение о возможности обучения в семинариях РПЦ студентов из Китая. Первый санкционированный приезд китайских студентов активно обсуждался в 2012 г. Митрополит Волоколамский Иларион так высказывался по этому поводу: «...в последние годы намечился определённый прогресс в нашем взаимодействии с властями КНР с целью нормализации жизни православных верующих в этой стране. Конечно, мы идём не семимильными, а небольшими шагами. Но недавно нам пообещали, что двое студентов приедут из Китая для учёбы в наших духовных школах, чтобы впоследствии стать священниками и нести своё служение на китайской земле» (Иларион 20.12.2011).

Бесспорно важнейшим событием в жизни православных верующих Китая стал визит Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла в КНР в 2013 г. В ходе этого важнейшего для российско-китайских отношений визита предстоятелю русской православной церкви удалось совершить несколько богослужений, провести важные встречи с китайскими лидерами и пообщаться с прихожанами, вот уже столько десятилетий сохраняющих преданность вере своих предков.

Подводя итоги, ещё раз обозначим основные проблемы, связанные с миссионерской деятельностью православных священников в Китае, с положением православия и православных верующих, а также определим главные направления деятельности РПЦ, призванные улучшить ситуацию.

Во-первых, в силу специфики нынешней религиозной ситуации в Китае осуществление миссионерской деятельности здесь следует осуществлять в рамках курса, принятого РПЦ, исходя из реального положения церкви и особенностей законодательства. Надлежит помнить, что несогласованная миссионерская работа может повлечь необратимые последствия, в частности, всплеск недоверия и нетерпимости

к православной церкви со стороны китайских властей. Руководство миссионерской деятельностью РПЦ осуществляет Отдел внешних церковных связей.

Во-вторых, главной проблемой КАПЦ в последние несколько десятилетий была и остаётся острая нехватка православных священников, что, в свою очередь, является следствием отсутствия в Китае духовных учебных заведений и запрета, наложенного китайскими властями, на получение китайскими гражданами духовного образования за рубежом.

Третьей важной проблемой является дефицит переведённой на китайский язык духовной литературы. И здесь, с одной стороны, сказывается отсутствие людей, в равной мере хорошо владеющих китайским языком и разбирающихся в тонкостях православного вероучения. С другой стороны, та немногочисленная литература, которая уже переведена на китайский язык, в силу китайского законодательства не может быть в необходимом объёме завезена или напечатана внутри страны.

В-четвёртых, китайские верующие не имеют возможности постигать основы православной культуры внутри страны. В этой связи РПЦ следует открыть в приграничных областях миссионерские центры и библиотеки с религиозной литературой. Кроме того, следует организовывать для китайских верующих паломнические поездки по святым местам России и ближнего зарубежья.

Знакомство православных миссионеров с проблемами КАПЦ, публицистическая и переводческая деятельность, направленная на нужды КАПЦ, обучение китайских верующих, расширение их возможностей в религиозной сфере – это те основные проблемы, которые стоят на сегодняшний момент перед РПЦ, как церковью-матерью.

Литература

Августин 2001 – Августин (Никитин), архимандрит. Россия и Китай: становление отношений (Пекинская Миссия в XVII столе-

- тии) // Миссионерское обозрение. 2001. № 6, 7.
- Адоратский 1887 а – Адоратский Н. История Пекинской Духовной миссии в первый период её деятельности (1685–1745). Вып. I. Казань, 1887.
- Адоратский 1887 б – Адоратский Н. Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования. Опыт церковно-исторического исследования по архивным документам иеромонаха Николая (Адоратского), смотрителя Херсонского духовного училища. В 2-х вып. Вып. 1. История Пекинской духовной миссии в первый период ее деятельности (1685–1745). Казань, 1887.
- Алексеев 1982 – Алексеев В.М. Наука о Востоке. Статьи и документы. М., 1982.
- Андреева 2001 – Андреева С.Г. Пекинская духовная миссия во время восстания ихэтуаней (1898–1901) // XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2001.
- Барановский 1930 – Барановский М. Пекинская духовная миссия. Из деятельности царской России в Китае. Атеист. 1930. С. 10–35.
- Бартольд 1977 – Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. С. 197–482.
- Бичурин 1977 – Н.Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение. К 200-летию со дня рождения // Материалы конференции / Сост. А.Н. Хохлов. Ч. 1–2. М., 1977.
- Бовкало 2001 – Бовкало А.А. Деятельность Христианского Союза Молодых Людей на Дальнем Востоке // Православие на Дальнем Востоке. СПб., 2001. Вып. 3. С. 125–135.
- Боград, Рифтин 1983 – Боград В.Э., Рифтин Б.Л. Русский китаевед Дэмин, его «Поездка в Китай» и перевод из «Сна в Красном тереме» // Народы Азии и Африки. 1983. 6. С. 78–87.
- Бретшнейдер 1900 – Бретшнейдер Э. По поводу недавно возникшей в Южной Маньчжурии русской области. Харбин, 1900. 17 с.
- Быков 1980 – Быков В.Ф. Миссионеры-иезуиты и русско-китайские отношения в XVII в. (Нерчинский договор 1689 г.). Информационный бюллетень ИДВ. № 104. М., 1980. С. 147–159.
- Бэй-гуань 2006 – Бэй-гуань: Краткая история Российской духовной миссии в Китае / Сост. Б.Г. Александров. СПб., 2006.
- Васильев 1983 – Васильев Л.С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М., 1983.
- Васильев, Фурман 1974 – Васильев Л.С., Фурман Д.Е. Христианство и конфуцианство (опыт сравнительного социологического анализа) // История и культура Китая. М., 1974. С. 405–477.
- Веселовский 1905 – Веселовский Н.И. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине. СПб., 1905.
- Владыкин 2003 – Владыкин А. Копия с рапорта Маньчжурского и Китайского языков ученика Антона Владыкина от 12-го Ноября 1795 г. // Восточная коллекция. № 1. М., 2003.
- Волков 2010 – Волков М. Из истории деятельности Русской православной церкви на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии (XIX – нач. XX в.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2.
- Г.Л. 1932 – Г.Л. Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30–50-е гг. XIX в. Красный архив. Т. 4 (53). 1932. С. 162–166.
- Гурий 1884 – Гурий (Карпов). Русская и грекороссийская церковь в Китае в XVII–XIX вв. Русская старина. № 9. СПб., 1884.
- Дацышен 2007 – Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М., 2007.
- Дацышен 2010 – Дацышен В.Г. История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг, 2010.
- Ду Иоанн 1999 – Ду Иоанн, протоиерей. Распространение Русской православной церкви в Тяньцзинь и его окрестностях // Китайский благовестник. 1999. № 2.
- Дубровская 1974 – Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. М., 1974.
- Зимин 1993 – Зимин С. Доношение в Коллегию иностранных дел бывшего в Пекине в Духовной свите церковника Степана Зимины, поданного в 7 июня 1773 году // Православие на Дальнем Востоке. 1993. С. 24.
- Ивановский 1885 – Ивановский А. Богослужebные книги православной Церкви на китайском языке // Христианское чтение. Т. 2. СПб., 1885.
- Иларион 20.12.2011. – Митрополит Волоколамский Иларион совершил богослужение на Китайском Патриаршем Подворье в Москве // Служба коммуникации ОВЦС, 21.09.2011 / www.mospat.ru.
- Ипатова 2006 – Ипатова А.С. Православие на Дальнем Востоке: историографический обзор // Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 2, 3.
- История и культура 1974 – История и культура Китая // Сборник памяти академика В.П. Васильева / Ред. Л.С. Васильев. М., 1974.

- История миссии 1997 – История Российской духовной миссии в Китае / Ред. С.Л. Тихвинский. М., 1997.
- История отечественного востоковедения 1990 – История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990.
- Карезина 2006 – Карезина И.П., Адамек П. Православный катехизис на китайском языке Иакинфа (Бичурина) // XXXVI научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2006.
- Кафаров 1979 – П.И. Кафаров и его вклад в отечественное востоковедение. К 100-летию со дня смерти // Материалы конференции / Ред., сост. А.Н. Хохлов. Ч. 1–3. М., 1979.
- Кепинг 2001 – Кепинг К.Б. Храм Всех Святых Мучеников в Бэй-гуане // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 3. СПб., 2001. С. 113–125.
- Кирилл 2002 – Кирилл, митрополит. Пути Православия в Китае // Китайский благовестник. 2002. № 2.
- Кляус 2010а – Кляус В.Л. “Русская” деревня на карте этнотуристического маршрута в Маньчжурии (КНР) // Новый исторический вестник. № 26 (4). М.: РГГУ, 2010.
- Кляус 2010б – Кляус В.Л. Административная реконструкция русской деревни в Китае // Сибирская деревня. В 3-х тт. Омск, 2010. Т. 3. С. 234–245.
- Кляус 2011 – Кляус В.Л. Рождение и смерть русского дома в Приаргунском Трехречье (КНР) // Традиционная культура: Научный альманах / Гл. ред. В.Л. Кляус. М.: Традиционная культура, 2011. № 2(42). С. 32–42.
- Кляус 2015 – Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» в Маньчжурии. М.: ИМЛИ РАН, 2015.
- Краткая история 1916 – Краткая история русской православной миссии в Китае, составленная по случаю исполнившегося в 1913 г. двухсотлетнего юбилея её существования. Пекин, 1916.
- Курто 2009 – Курто О.И. Православие в Китае // Русский Дом. № 8. М., 2009. С. 50–51.
- Курто 2009–2010 – Курто О.И. Православие в Китае // Мир Божий. М., 2009–2010. № 14. С. 94–97.
- Курто 2010 – Курто О.И. Китайские христианские секты. Поместная церковь Уитнесса Ли // Православие в Китае. М., 2010 / www.russianshanghai.com/articles/china/post2107
- Ломанов 1999 – Ломанов А.В. Христианство в Китае: история культурной адаптации (нач. XIX – сер. XX в.). М., 1999.
- Ломанов 2002 – Ломанов А.В. Проповедь Российской духовной миссии в Китае // Христианство и китайская культура. М., 2002. С. 311–317.
- Лю Куйли 2001 – Лю Куйли. «Китайские русские» на правом берегу реки Аргунь // Живая старина. Гл. Фольклор и этнокультурные контакты. 2001 г. № 2. С. 33–34.
- Манакова 2007 – Манакова Т. Красная фанза Российского посольства в Пекине. Островок православия в Китае 2007.
- Материалы 1905 – Материалы для истории российской духовной миссии в Пекине / Ред. Н.И. Веселовский. Вып. 1. СПб., 1905.
- Миротворцев 1888 – Миротворцев В. Материалы для истории Пекинской духовной миссии // Православный собеседник. 1888. № 9. С. 98.
- Митрополит Иларион 2011 – Митрополит Волоколамский Иларион совершил богослужение на Китайском Патриаршем Подворье в Москве // Служба коммуникации ОВЦС, 21.09.2011 / www.mospat.ru
- Можаровский 1886 – Можаровский А. К истории нашей духовной миссии в Китае (архимандрит Петр Каменский) // Русский архив. № 7. М., 1886.
- Можаровский 1896 – Можаровский А. Петр Каменский, архимандрит, начальник Десятой Российско-Императорской миссии в Пекине // Русская старина. Январь-март 1896. Т. 85. С. 592.
- Можаровский 1912 – Можаровский А. Архимандрит Петр Каменский, начальник Десятой Российской-Императорской миссии в Пекине. Пекин, 1912.
- Мясников 1979 – Мясников В.С. Русский маньчжуровед Г.М. Розов // Проблемы Дальнего Востока. 1979. № 1. С. 181–187.
- Мясников 1980 – Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., 1980.
- Новгородская 1993 – Новгородская Н.Ю. Роль и место Российской Духовной миссии в Пекине в истории русско-китайских отношений (кон. XVII – XVIII вв.) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной миссии в Китае / Ред. М.Н. Боголюбова. СПб., 1993. С. 12.
- Перевод ноты МИД КНР 2010 – Перевод на русский язык ноты МИД КНР о ликвидации Российской Духовной Миссии в Китае и Восточно-Азиатского Экзархата и передаче её имущества Правительству КНР. 21 декабря 1955 г. // Православие в Китае. М.:

- Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010 г. С. 155.
- ПМА (Полевые материалы автора) 2011 – Интервью с Соболевой Н.А. (ПМА, 9 декабря 2011 г., г. Сергиев Посад).
- Поздняев 1997 – Поздняев Д. Православие в западном Китае // Встреча. № 2(5). 1997. С. 60-64.
- Поздняев 1998 – Поздняев Д. Православие в Китае. М., 1998.
- Поздняев 2000а – Поздняев Д. Церковь на крови мучеников // Китайский Благовестник. № 1. М., 2000. Поздняев 2000б – Поздняев Д. Церковная жизнь в Маньчжурии в начале XX в. М., 2000.
- Православие в Китае 2010 – Православие в Китае. М.: Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата, 2010 г. 200 с.
- Радовский 1961 – Радовский М.И. Русский китаевед И.К. Россохин // Из истории науки и техники в странах Востока. Вып.2. М., 1961. С. 88–99.
- Румянцева 2008 – Румянцева М.В. Русско-китайский словарь православной лексики. М.: Восточная книга, 2008.
- Румянцева 2011 – Румянцева М.В. К вопросу проблематики уяснения терминологии и составления русско-китайского словаря православной лексики // Доклад на конференции «Православие в Китае» (ПМА, 9 декабря 2011 г., г. Сергиев Посад).
- Самойлов 2004 – Самойлов Н.А. Пекинская духовная миссия и диалог культур России и Китая // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 4. СПб., 2004.
- Сев. Маньчжурия и КВЖД 1922 – Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога. Сост. Экономическое Бюро Китайской Восточной железной дороги. Харбин, 1922. 692 с.
- Семенас 1979 – Семенас А.Л. Кафаров как лексикограф / Ред., сост. А.Н. Хохлов. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1979. С. 186–193.
- Серафим 2011 – Серафим (Петровский), иеромонах. Выступление на открытии конференции «Православие в Китае». Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра. Московская Духовная Академия. 09.12.2011
- Скачков 1977 – Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977; Хохлов А.Н. П.И. Каменский и его труды по истории Китая // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников ИВ АН СССР. М., 1970. С. 139–140.
- Смирнов 1958 – Смирнов Г.Ю. Антон Михайлович Легашев: 1798–1865; Кондратий Ильич Корсалин: 1809 и после 1872; Иван Иванович Чмутов: 1817–1865; Лев Степанович Игорев: 1822–1893 // Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Середина девятнадцатого века. М., 1958. С. 541–566.
- Соколов 1899 – Соколов И.П. Архимандрит Аввакум Честной // Тверские епархиальные ведомости. 1899. № 7–9.
- Справочник 1927 – Справочник по северной Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Издательство Экономического Бюро КВЖД, 1927. 607 с.
- Тарасов, Янков 2012 – Тарасов А.П., Янков А.Г. Русские Трёхречья: история и идентичность. Чита: Экспресс-издательство, 2012.
- Титаренко 2002 – Титаренко М.Л. Духовные ценности православия, евразийство и христианство в Китае // Китайский благовестник. 2002. № 2.
- Тихвинский 1988 – Тихвинский С.Л. Выдающийся русский китаевед Н.Я. Бичурин. К 200-летию со дня рождения // Тихвинский С.Л. Китай и Всемирная история. М., 1988. С. 163–182.
- Указ Петра I 1830 – Указ Петра I о караванной торговле и миссионерской деятельности православного духовенства в Сибири и Цинской империи. 18 июня 1700 г. // Полное собрание законов Российской империи. I издание. Т. 4. № 1800. СПб., 1830.
- Урицкий 1985 – Урицкий Б. Непокорный монах Иакинф Бичурин // Кинофильм. Реж. Урицкий Б., оператор Воронков А., автор сценария Кагарлицкий В. 1985.
- Устав 1907 – Устав Русского клуба и библиотеки в Ханькоу. Пекин: Типография при Русской духовной миссии, 1907.
- Хохлов 1978а – Хохлов А.Н. Н.Я. Бичурин и его труды о Монголии и Китае // Вопросы истории. 1978. № 1. С. 55–72.
- Хохлов 1978б – Хохлов А.Н. Об источниковедческой базе работ Н.Я. Бичурин о цинском Китае // Народы Азии и Африки. 1978. № 1. С. 129–137.
- Хохлов 1979 – Хохлов А.Н. П.И. Кафаров: жизнь и научная деятельность (краткий биографический очерк) / Ред., сост. А.Н. Хохлов. М.: Институт востоковедения АН СССР, 1979. С. 3–91.
- Хохлов 2002 – Хохлов А.Н. Николай Адоратский (1849–1896) – историограф Пекинской

- духовной миссии // XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 2002.
- Христианство на ДВ 2000 – Христианство на Дальнем Востоке // Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток, 2000.
- Христианство на ДВ 2006 – Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научно-практической конференции. Хабаровск, 2006.
- Черкасов-Георгиевский 2003 – Черкасов-Георгиевский В. Храмы Китая // Русский храм на чужбине / Ред. Е. Лукьянова. М.: Паломник, 2003. С. 231–255.
- Шаталов 2001 – Шаталов О.В. Архимандрит Пётр (П.И. Каменский) – начальник Десятой Российской Духовной Миссии в Пекине // Православие на Дальнем Востоке / Ред. М.Н. Боголюбов. Вып. 3. СПб., 2001. С. 85–99.
- Шубина 2001 – Шубина С.А. Захар Фёдорович Леонтьевский (1799–1874) // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 3. СПб., 2001. С. 99–113.

Глава 24

«Русские» и православие в постсоветском Узбекистане

В постсоветский период было опубликовано множество работ, посвященных положению русских в республиках Центральной Азии после распада СССР, при этом большинство из них касались ситуации в Казахстане и Кыргызстане. Исследований по Узбекистану опубликовано гораздо меньше. Среди научных трудов по проблемам русского/русскоязычного населения в постсоветском Узбекистане были исследования, анализирующие изменения статусно-правового положения, объемы и потоки миграции «русских» из республики после распада СССР и др. (Мониторинг 2008: 198–239). В 1990-е годы немногочисленные работы по Узбекистану перемещаются в этнополитическую плоскость. Некоторые публикации были посвящены анализу тех важных изменений, которые происходили в сфере самоидентификации русских в постсоветском Узбекистане, поиску собственного места в «национализирующемся» узбекском обществе (Абдуллаев 2007: 9–33; Цыряпкина 2015: 172–184; Цыряпкина 2015: 206–213; Flynn 2007: 267–288).

В последние 20–30 лет практически не публикуются этнографические/антропологические работы, посвященные обрядам жизненного цикла русского населения Узбекистана и трансформации культурных и религиозных традиций. Отчасти это связано с тем, что русские в Узбекистане вряд ли представляют гомогенное этническое образование, их чаще включают в группу русскоязычного населения, куда вместе с русскими входят татары, корейцы, немцы, евреи и часть коренного населения республики (Абдуллаев 2007: 18). Кроме того необходимо учитывать, что среди среднего и молодого поколения русских Узбекистана высок процент выходцев из смешанных в этническом и религиозном плане браков/союзов, что вызывает сложности в этнической идентификации и отождествлении с конфессией.

Тем не менее, согласно официальным данным, имеющимся у автора, на 1 января 2015 г. из 31 022 525 жителей Узбекистана русские составляли 776 923 чел. (2,5%) (Материалы 2015). За последние 26 лет число русских в республике снизилось более, чем в 2 раза. Суверенизация в Узбекистане породила огромный исследовательский интерес к культуре и традициям титульного населения – узбеков. Чрезвычайно востребованными оказались работы по истории, культурной и обрядовой жизни корейцев Узбекистана, спонсируемые южнокорейскими фондами. Русские как особая этнокультурная группа узбекского общества оставалась в тени, хотя по всеобщему признанию русские/русскоязычные в Узбекистане, несмотря на значительный миграционный отток, по-прежнему составляют достаточно серьезный интеллектуальный, культурный и экономический потенциал.

Православие в Узбекистане в историческом контексте

Православие на территории современного Узбекистана появилось в период освоения Туркестана во второй половине XIX в. С начала освоения Туркестана у русских переселенцев было особое положение в регионе, что повлияло на формирование их социокультурных особенностей. Анализируя различные документальные источники о русском освоении Туркестана в конце XIX – начале XX вв., можно выделить следующие социокультурные характеристики русского сообщества: 1) православие; 2) проживание отдельными анклавами во вновь создаваемых переселенческих поселках или «русской части» городов Туркестана; 3) отчужденность и неконсолидированность переселенцев; 4) «европейская» идентичность русских переселенцев в Туркестане.

Русская администрация Туркестана придавала важное значение религии во-

дворянских переселенцев – православию, что было закреплено в Туркестанском положении 1886 г., согласно которому утверждались правила переселения в край. В Туркестанском положении 1886 г. было прописано требование приоритетного переселения православных во вновь присоединенную окраину. К водворению в Туркестан допускались преимущественно русские *православного вероисповедания*, принадлежавшие к сословию сельских обывателей. Переселенцам отводились участки из свободных государственных земель, выделяемые исходя из возможностей данной местности, но не более 10 десятин на каждого работника (Переселенческое дело 1910: 181). Согласно данным переписи населения 1897 г. по Сырдарьинской области, доля православных составляла 2,86%, старообрядцев – 0,19%, католиков – 0,2%, протестантов – 0,13%, остальных христиан – 0,01% (Первая всеобщая перепись 1897 1905: XI). Среди пришлого населения в Сырдарьинской области православные были большинством.

Русские переселенцы из различных регионов Российской империи в Туркестане, различающиеся по диалектам и говору, особенностям ведения хозяйства и быта, традициям и менталитету успешнее всего могли сплотиться по принципу принадлежности к православной общине. Православие как государственная религия в Российской империи обеспечивала связь переселенцев с государством в Туркестане, который в большинстве был заселен мусульманским коренным населением (Цыряпкина 2015: 41).

Кроме православных в Туркестан в ограниченных масштабах заселялись представители других христианских вероисповеданий – сектанты и старообрядцы, размещавшиеся преимущественно в Закаспийской и Семиреченской областях, хотя эти группы попадали и в коренные области региона Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую. В Сырдарьинской области был известен случай водворения молокан из Кавказа (*русская рационали-*

стическая секта – Ю.Ц.) отдельным поселком в Ташкентском уезде. Туркестанские чиновники в отчетах отмечали, что молокане как особая группа русских в хозяйственном плане отличались стабильностью и крепостью хозяйства. Молокане отвергали православный культ, считали греховным употребление в пищу свинины и спиртных напитков, что положительно выделяло их на фоне православных переселенцев. В Ташкентском уезде существовали села, в которых совместно с православными проживали старообрядцы, молокане, баптисты, субботники, иеговисты, а также последователи учения Л.Н. Толстого (ЦГА РУз. Ф. И.-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 46).

Сравнивая хозяйственные характеристики сектантов и православных, чиновники отмечали, что последние проигрывали сектантам в нравственном облике и успешности ведения переселенческого хозяйства. Это связано в первую очередь с тем, что аграрное напряжение в Европейской России выдавливало, в первую очередь, малоземельных или безземельных крестьян, располагающими небольшими денежными средствами от продажи сельскохозяйственного инвентаря.

Несмотря на то, что молокане, другие сектанты и старообрядцы являлись русскими и по хозяйственным характеристикам положительно выделялись, Военный Губернатор Сырдарьинской области в 1910 г. в отчете туркестанскому Генерал-Губернатору писал: «...сектанты... пока не желательны в крае, так как у них не только отпадает один из существенных элементов связи края с Государством – **религия** (*выделено мною – Ю.Ц.*), но обособленность их религии ослабляет даже племенную их связь с главной массой православного русского населения» (ЦГА РУз. Ф. И.-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 46 об.). В целом в 1910-е годы изменилось отношение властей к неправославным русским переселенцам в сторону большей терпимости в деле водворения в регион сектантов на общих основаниях с право-

славными, хотя принципы переселенческой политики в итоге не изменились. С экономической точки зрения хозяйства немцев-лютеран и сектантов были успешнее, но государство поддерживало переселение православных русских, тем самым пытаясь консолидировать разнородное русское сообщество с помощью государственной религии.

Все пришлые православные автоматически ставились под окормление Русской Православной церкви. В 1871 г. была образована Туркестанская и Ташкентская епархия. В переселенческих поселках первоначально создавались молитвенные дома, по мере улучшения экономического положения у общины появлялись деньги на строительство здания церкви или храма. Иногда молитвенный дом принимал прихожан и из соседних поселков.

Редким примером церковного строительства первыми русскими переселенцами является дошедшая до наших дней церковь в селении Кауфманском Ташкентского уезда Сырдарьинской области Туркестана, воздвигнутая в конце XIX – начале XX вв. Ныне – это посёлок Дерби-сек Сарыагашского района Южно-Казахстанской области Республики Казахстан.

В советский период в связи с объективными общественно-политическими изменениями произошла трансформация идентификационных маркеров русских. В советское время важными идентификационными маркерами русских стали такие маркеры как этническое самосознание, владение русским языком, социально-политический «статус экстерриториальности», а также европейская идентичность. Православие перестало иметь первостепенное значение для русских.

Этничность у русских в советское время стала инструментальной, дети от смешанных браков в графе национальность записывали «русский». Русские в советское время в любой республике СССР, даже там, где их численность была невысокой (случай Узбекской ССР) чувствовали себя свободно в употреблении родного

языка, уверенности в себе придавало наличие государственных институтов на русском языке. Этот феномен исследователь Пол Колсто обозначил как «статус экстерриториальности» (Kolsto 1999: 613). Соответственно, в СССР для всех групп, исключая русских, национальность была территориализована. В советское время у русских сохранилась европейская идентичность, отчасти она реализовалась в формуле «старшего брата» и стала оправдывающим фактором в деле культурного строительства народов СССР вокруг русского ядра и языка.

Советская эпоха – сложнейший период для православия. В условиях советского государства в 1920–1930-е годы, объявившего атеизм одним из своих лозунгов, православному духовенству пришлось столкнуться с такими трудностями, как обновленческий раскол, разрушение храмов и соборов (в Ташкенте в 1930-е годы были снесены Храм Святого Сергия Радонежского, Храм Святого Николая Чудотворца, Военный Спасо-Преображенский собор), сокращение числа православных приходов. Все это значительно сократило число людей православного вероисповедания, снизило сакральное значение Воскресенья и других православных праздников для верующих. Советское руководство методично отучало население от празднования религиозных праздников. К примеру, в 1920-е – 1930-е годы в пасхальное воскресенье организовывались рабочие дни, выходной переносился на понедельник и др. (ЦГА РУз. Ф. Р-837. Оп. 39. Д. 901. Л. 10).

Отношение советского руководства к православию смягчилось во время и после Великой Отечественной Войны. В городах, имевших крупные православные соборы в дореволюционный период, советское руководство частично разрешило открывать приходы. В 1946 г. в Фергане православный молельный дом открылся в здании польского костела.

Если в таких городах как Ташкент и Фергана, где были уже сильны позиции православия с дореволюционной эпохи,

разрешили восстанавливать православные приходы, то иная ситуация складывалась во вновь построенных советских городах. Во время советской индустриализации появились такие крупные индустриальные центры в Ташкентской области (Алмалык, Ангрен, Чирчик, Янгиёр, Янгиюль и др.), в 1958 г. был построен город Навои в Бухарской области, градообразующим предприятием которого стал горно-металлургический комбинат. Все вновь построенные промышленные города в Узбекской ССР были связаны с добычей стратегически важного сырья, урановой и горнорудной добычей. В новых промышленных центрах, связанных с современными достижениями технического прогресса, не отводилось места для религиозной жизни, наоборот, делалась ставка на формирование материалистического сознания. Тем не менее даже в таких условиях православные общины в советском Узбекистане консолидировались в новых урбанизированных центрах, к примеру, в городе Алмалык (около 50–60 км от Ташкента) православная община существовала с 1963 г., когда в городе начал работать молебельный дом, созданный по инициативе его жителей без государственной поддержки.

В целом, в городах, где православные храмы и соборы существовали с дореволюционного периода, приходская жизнь возобновилась после окончания Великой Отечественной Войны. В советских индустриальных центрах – приходская жизнь чаще всего осуществлялась либо нелегально, либо её не было вообще.

Общественно-политическая ситуация в постсоветском Узбекистане и идентификационные маркеры «русских»

После распада СССР правительство Узбекистана берет курс на суверенизацию общественно-политической жизни. В республике строится узбекское национальное государство, базирующееся на идее ядра узбекского этноса, его истории, культуры

и языка, другими словами на ценности «узбекчилик» (узбекскость). Согласно государственной идеологии, консолидация нации в постсоветском Узбекистане происходит на основе принятия меньшинствами ценностей «узбекчилик». При этом пропагандируются лозунги: «Узбекистан – наш общий дом!», «Узбекистан – страна толерантности!». Государство обеспечивает равные права всем гражданам Узбекистана вне зависимости от этнической принадлежности и религиозного вероисповедания. В конфессиональной жизни провозглашались принципы веротерпимости.

Русские и русскоязычные в Узбекистане лишились прежних привилегий, связанных со «статусом экстерриториальности» и законодательно закрепленным статусом русского языка. Процессы суверенизации в Узбекистане и миграционный отток русского/русскоязычного населения привели к изменениям в самосознании, в некоторой степени в обрядовой и культурной жизни русских.

За двадцатилетний период существования суверенного Узбекистана русское/русскоязычное население выбрало 2 модели адаптации к новой общественно-политической ситуации. Первое – это миграция за пределы республики, статистика свидетельствует о том, что только доля русских снизилась в 2 раза (в 1989 г. русских насчитывалось 1653 тыс. чел.), то есть республику покинул каждый второй русский (Национальный состав населения СССР 1991: 13). По данным на 1 января 2015 г. в Узбекистане проживает 776 923 русских (2,5%). Второй путь – это процесс адаптации к жизни в национализирующемся Узбекистане в условиях, когда русские/русскоязычные, а также все те, кто разделяет «европейскую» идентичность, оказываются в меньшинстве даже в городах.

Под воздействием процессов национализма у русского населения Узбекистана прослеживается тенденция к адаптации в среде азиатско-мусульманского большинства, в том числе с помощью изменения идентификационных маркеров.

Быстрее всего у русских размывается *этническая идентичность*. Связано это с тем, что увеличилось количество создаваемых межэтнических браков или, чаще всего, союзов между русскими и представителями коренных народов региона (узбеки, таджики). У детей-метисов от смешанных браков и союзов возникают сложности с этническим самоопределением. Если в советский период дети из смешанных браков, где кто-то либо из родителей был русским, чаще всего в паспорте записывались «русскими». При этом отождествление с религией либо не происходило, либо на очень поверхностном уровне, так как в эпоху атеизма религия была под запретом.

В постсоветский период этническая идентичность и отождествление с религией становится необходимым в «национализирующемся» Узбекистане. В узбекских паспортах обязательной для заполнения является графа «национальность», которая диктует необходимость твердо определиться с этнической принадлежностью. Самоотождествление населения с религией чаще всего происходит на основе религиозной традиции предков. В то же время «национальность», зафиксированная в узбекском паспорте, не всегда соответствует этнокультурному самоопределению человека. Носители русской культуры и языка, преимущественно из смешанных семей, изменяют свои идентификационные маркеры. Зачастую это решение принимается осознанно и связано с выбором дальнейшей стратегии на проживание в Узбекистане. Из интервью О., татарка, 39 лет, Ташкент: *«О.: Мама русская, папа – татарин, но всегда говорил только по-русски. Я в 16 лет пошла в церковь, захотела креститься, мама меня отговорила. В 16 лет (1990 г. – Ю.Ц.) получила паспорт, была записана как русская. В 24 года я крестилась, долго выбирала между православием и исламом. Но в 25 лет (1999 г. – Ю.Ц.) при получении нового паспорта переписалась под татарку.*

Ю.Ц.: Почему в 25 лет записалась в паспорт как татарка?

О.Н.: Проживая здесь, лучше быть татаркой!» (ПМА 2013, Республика Узбекистан, Ташкент: О., татарка, 39 лет, журналист).

В данном случае расчет смены этнической идентичности оправдан тем, что татары имеют промежуточный статус между «европейской» и национальной социокультурной идентичностью. Большинство татар отождествляют себя с исламом и всегда были ближе к узбекам. Соответственно, этническая идентичность русского/русскоязычного населения не является прочным идентификационным маркером русского населения в постсоветском Узбекистане.

Православие и Русская Православная Церковь в социокультурной жизни «русских» в городах Узбекистана

Отношение государства к религии в Узбекистане изменилось в начале 1990-х годов. В постсоветском Узбекистане произошли положительные изменения в отношении всех религий, в первую очередь ислама, но в то же время можно с уверенностью отметить, что православие находится на особом месте в конфессиональной политике правительства. Во всех городах Узбекистана появились приходы Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). В настоящее время в Узбекистане 35 приходов, в том числе 5 приходов в Ташкенте, 3 в Самарканде. Все православные приходы Узбекистана подчиняются Ташкентской и Узбекстанской Епархии (глава Среднеазиатского митрополичьего округа). Деятельность и инициативы Ташкентской и Узбекстанской Епархии регулируются комитетом по делам религий при Аппарате Президента Республики Узбекистан.

Автор статьи в 2012–2015 гг. проводила полевые исследования в отдельных городах Ташкентской области, Фергане, Кагане (12 км от Бухары), фиксирующие этнокультурные особенности «русских» Узбекистана, в том числе и выявляла особенности приходской жизни православного населения вышеуказанных городов.

Можно отметить, что в Узбекистане происходит общее сокращение носителей православной культуры – русских, связанное как с естественной убылью, так и миграционным оттоком. Если считать, что основные носители православия – русские, то можно заметить количественную динамику в уменьшении русских, а, значит, и православных. Сложность заключается в том, что деятельность Русской православной церкви строго координируется комитетом по делам религий при Аппарате Президента Республики Узбекистан и православные священнослужители не имеют права заниматься миссионерской деятельностью за пределами православных приходов и храмов. У РПЦ есть единственный выход работать с потенциально православными, а это преимущественно русские, либо дети от смешанных браков, тяготеющих к православии. Когда владыка Викентий (Морарь) был назначен главой Среднеазиатского митрополичьего округа, он поставил задачу привлечь русских в Храмы, вытащить их из сект (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ангрен: иерей Алексей, русский).

В Узбекистане, как и в России РПЦ применяет опыт огласительных бесед, предложенный патриархом Кириллом (Гундяевым), по правилам перед таинством крещения необходимо провести 12 огласительных бесед с крещаемыми и крестными, участвующими в Таинстве. Все опрошенные автором иереи считают, что практика огласительных бесед положительно сказывается на приобщении православных верующих к церкви, также огласительные беседы позволяют священнослужителям лучше узнать свою паству и сплотить православную общину. Для православия в Центральной Азии – это спасительная мера, чтобы крещаемые стали прихожанами, а не «захожанами».

В отдельных городах Узбекистана выделяется своя специфика с православной обрядовостью, и связано это с множеством факторов, в первую очередь с социально-демографическими характеристиками русских.

Ангрен, Ташкентская область, молитвенный дом в честь иконы Божьей Матери «Взыскание погибших»

По данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. в Ангрене русских насчитывалось 43218 чел. (31,4%) (Российский государственный архив экономики. Ф.1562. Оп.336. Д.4865. Л.123). По официальным данным государственного комитета статистики Республики Узбекистан на 1 января 2015 г. в Ангрене проживает 172880 человек, из них 130959 человек – узбеки (73% от всего населения города), таджиков – 30147 (16,8%), **русских** – 3901 (2, 6%), татар – 995 (0,7%), корейцев – 8190 (4,7%) (Материалы 2015).

Практически в 10 раз снизилась доля русского населения, которое является либо православным, либо потенциально православным. При этом наблюдается старение русских, ухудшение демографических показателей. Не стоит забывать, что средний процент активно верующего населения значительно ниже процента населения, потенциально исповедующего православие (русские). К примеру, в статье действующего священнослужителя из г. Усть-Каменогорска (Республика Казахстан) М.М. Ларионова (Иустин) отмечается, что в среднем от общей численности русского населения только 0,5 –1,5% можно отнести к активным верующим (Ларионов 2013: 13). К тому же на русское население в Ангрене накладывает отпечаток опыт проживания в пролетарском городе, а именно склонность к материалистическому мировоззрению, отсутствие молельного дома в советское время.

В подобных условиях с 1992 г. в Ангрене действует молитвенный дом в честь иконы Божьей Матери «Взыскание погибших». Здание представляет собой небольшое одноэтажное строение – частный дом, который был выкуплен прихожанами и общими усилиями превращен в церковь. Настоятель молитвенного дома иерей Алексей Балухатин, приписанный к ангренскому приходу с 2009 г., сообщил, что в год совершается около 150 крещений, на

воскресной службе регулярно присутствуют 50–60 чел., что свидетельствует об активной деятельности ангреноского прихода среди потенциально православного населения (невоцерквленных русских, корейцев и др.) и «возвращению» русских из сект. К тому же православное население крупного поселка Нурабада (30 км от Ангрена) посещает ангренский молитвенный дом. После введения практики огласительных бесед перед крещением большинство крещаемых становятся активными прихожанами (ПМА автора 2014, Республика Узбекистан, Ангрэн: иерей Алексей, русский).

Алмалык, Ташкентская область, Храм Успения Пресвятой Богородицы

Ситуация с православием в г. Алмалык по сравнению с Ангреном отличается большей степенью религиозной активности в связи с большей долей потенциально православного населения города – русских. Хотя алмалыкская православная община обладает теми же чертами, что и ангренская – малая традиция воцерквленности населения, связанная с созданием здесь горно-металлургического производства в советское время. Однако, с другой стороны, невоцерквленное русское население дает потенциал для миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. В Алмалыке с 1988 г. работает Храм Успения Пресвятой Богородицы, который был специально построен под нужды православной общины. Алмалык в постсоветский период сохранил основные производственные мощности города, поэтому отток населения из него не был таким масштабным как из Ангрена. К 1 января 2015 г. в городе проживало 121097 чел., среди них узбеков – 51672 чел. (42,6%), **русских** – 30266 чел. (25%), корейцев – 6895 чел. (5,6%), таджиков – 4696 чел. (3,8%) (Материалы 2015). По сравнению с Ангреном, в Алмалыке потенциальных православных больше в виду высокой доли их удельного веса в составе населения города. Положительным фактом было то, что при Храме работала Воскресная

детская школа. Настоятель Храма в 2013 г. иерей Игорь Скорик сообщил, что в 2012 г. провел 700 крещений за 1 год (ПМА 2013, Республика Узбекистан, Алмалык: иерей Игорь Скорик, русский). В 2013 г. воскресные службы регулярно посещали 60–80 человек. В последние годы деятельность православной церкви направлена на осознанное привлечение прихожан и приобщение к христианским ценностям. В интервью иерей Игорь Скорик также отметил, что основной трудностью работы с паствой является смешение у них христианского мировоззрения с пристрастием к оккультизму некоторых прихожан, что приводит к тому, что в Храме Успения Пресвятой Богородицы в Алмалыке свечи на вынос за пределы храма не продавали (ПМА 2013, Республика Узбекистан, Алмалык: иерей Игорь Скорик, русский).

В 2013 г. иерей Игорь Скорик по состоянию здоровья уехал в Россию. С 2013 по 2015 г. алмалыкский настоятель игумен Григорий Палехов совмещал служение на приходе с послушанием в Ташкентской и Узбекстанской епархии, настоятель приезжал к пастве на выходные и по православным праздникам.

Фергана, Ферганское благочиние, Храм Сергия Радонежского

Город Фергана (Новый Маргилан) был основан в 1876 г. как военно-административный центр Российской империи, в котором в дореволюционный период был построен Храм Александра Невского, разрушенный в 1936 г. Специфика зарождения города, его промышленная база обусловили этносоциальный состав его жителей – высокая доля русского населения. Советская статистика по этническому составу Ферганы оказалась недоступной автору данной работы, имеются данные по Всесоюзной переписи населения 1926 г., когда в городе было зафиксировано 14275 жителей, среди которых **русских** – **7942 (55%)**, узбеков – 3011 (21%), украинцев – 667 (4,6%), татар – 728 (5%), армян – 388 (2,7%), немцев – 111

(0,7%) и др. (Всесоюзная перепись населения 1926 г. 1928: 148–149). Фергана в советское время была молодым городом, культурной столицей Узбекистана, в которой находился Русский драматический театр, собственная футбольная команда, Ферганский университет, пополнившийся в годы Великой Отечественной Войны кадрами из лучших московских и петербургских университетов. Этот город выделялся особым духом интернационализма. И в то же время в Фергане в 1946 г. советские власти разрешили открыть Храм Сергия Радонежского. Это особый уникальный центр православия в Узбекистане.

Постсоветская трансформация в 1990-е – 2000-е годы кардинально изменила этнический состав города. Большая часть русского населения и представителей других этнических групп с «европейской» идентичностью покинули Фергану. По данным на 1 января 2015 г. в городе проживало 268 064 чел., среди которых узбеков 244 317 (91,1%), русских – 7973 (2,9%), корейцы – 1864 (0,6%) (Материалы 2015). Соответственно, уехала часть прихожан, которая регулярно посещала Храм. В Фергане были предложены действенные меры по сплочению православной общины в городе.

С 2000 г. и на момент полевых исследований автора статьи в августе 2014 г. настоятелем Храма являлся протоиерей Владислав Чеченов, инициировавший организацию Школы Юношества, которая включала не только организацию воскресных занятий с детьми прихожан. В школе Юношества занимались также дети не прихожан, были открыты различные отделения самодеятельности при Храме – спортивные секции, занятия танцами и многое другое. На базе Воскресной Школы при Храме Сергия Радонежского постоянно проходили детские фестивали. Настоятель находил спонсоров, оплачивающих поездки детей в Москву и др. Вероятнее всего, протоиереем Владиславом Чеченовым была поставлена задача воспитания нового поколения православных, создавались условия для их прямого и косвенного участия в жизни Храма и

Воскресной школы, православной среды в целом.

Диакон Павел, служащий при Храме Сергия Радонежского сообщил, что каждую субботу на вечерней службе присутствует 30–40 чел., воскресную службу посещают около 100 чел. На Пасху приходят гораздо больше – около 300 чел., причем не только православные: *«Интерес в Пасхе и православной обрядовости проявляют мусульмане. На Пасху они приходят с девками целоваться (христосоваться)»* (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Фергана: диакон Павел, русский). Диакон Павел также отметил, что с введением огласительных бесед изменилось отношение прихожан к таинству Крещения, у прихожан появилась возможность более глубокого осмысления канонов православия и православной обрядовости: *«Раньше прихожане приходили как в магазин – быстро крестились и уходили. Но, благодаря занятиям, у нас появились люди. Если раньше 10–15 чел. крестились в воскресенье, то сейчас 10–15 чел. крестятся в месяц, но они приходят в Храм постоянно»* (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Фергана: диакон Павел, русский). Деятельность священнослужителей Ферганского прихода – один из примеров активной работы по сплочению православного населения города в условиях сокращения русского населения. По последним данным диакон Павел скончался 12 августа 2014 г., через неделю после записанного интервью с ним, протоиерей Владислав переехал в Россию в 2016 г.

Каган, Свято-Никольский Храм

Город Каган (Новая Бухара) был основан в 1888 г. как русское поселение при Закаспийской железной дороге. Интересен тот факт, что Свято-Никольский Храм в Кагане расположен в непосредственной близости от мечети. Каган был опорным пунктом российских имперских властей в непосредственной близости от Бухары, поэтому Храм здесь существовал с 1892 г. Современное здание построено в 1968 г., его отличительной особенностью является

его иконостас, представляющий собой часть исторического иконостаса московского храма Преображения Господня, закрытого и взорванного в 1964 г. Официальной статистики по численности русского населения в Кагане нет. Настоятель Храма иерей Сергей Заворотнев сообщил, что городе проживает 45 тыс. чел. из которых около 3000 русских. Во всех службах и праздниках участвуют 15–20 прихожан, в основном, это люди старших возрастных групп. Таинство Крещения проходят около 60 чел. в год, часть из них крестятся перед отъездом в Россию из-за экономических соображений: *«Количество прихожан уменьшается, но среднее держится. По Пасхе видно, уменьшилось или нет. В Пасху даже ленивый приходит. Раньше в Пасху стояли во дворах, а сейчас стоят свободно»* (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Каган: иерей Сергей, русский). При церкви действует Воскресная школа, но посещать её практически некому, так как мало прихожан с детьми. В Свято-Никольском Храме применяется опыт огласительных бесед, при которых достаточно 3–4 занятия. К тому же иерей Сергей заметил, что огласительные беседы перед Крещением проходили и до 2011 г., то есть до их официального введения.

Фиксируя ситуацию в 4 разных православных приходах Узбекистана, можно сделать общий вывод, что православие напрямую зависит от доли русских, потенциально православных, в составе населения урбанизированных центров. На условия и активность приходской жизни влияют экономические условия в городе, наличие работы, а также личность и харизма настоятеля. Священники выполняют чрезвычайно важную функцию – сохраняют православную религию и обрядовость в Узбекистане в условиях острой нехватки кадров. Для большей части опрошенных респондентов в Ташкенте, Ангрене, Алмалыке и Фергане характерно поверхностное отношение к православной обрядовости, которая, по сути, и составляет основу церкви.

Православие в исламском контексте

Несмотря на то, что в 1990–2010-е годы правительство И. Каримова предприняло меры по укреплению официальных религий государства, в том числе и православия, для русских традиционная вера не приобрела былого значения, которое имела в дореволюционное время. После распада СССР в Узбекистане также возникает «мода на религию», каждый должен отождествить себя с той или иной конфессией. Если в моноэтнических семьях русских процесс выбора религии проходит безболезненно, детей отождествляют с православием, то самоидентификация по религиозному признаку размывается в первую очередь у русских из смешанных семей, то есть метисов. Метисы – дети, рожденные от смешанных в национальном и религиозном плане союзов, в настоящее время являются многочисленной группой в Узбекистане. Обычно это союз женщины-христианки и мужчины-мусульманина, в каждом случае процесс определения религии для детей становится трудным выбором именно в условиях постсоветской действительности. Одним из выходов из сложившейся ситуации становится такой феномен как *религиозный синкретизм* – соединение как православной, так и мусульманской обрядовости. В смешанных семьях воспроизводятся обряды православия и ислама. Это свидетельствует о том, что воспроизводимые религиозные практики приобретают ритуальный характер. Из интервью В., 38 лет, русская, Фергана: *«Вышла замуж за таджика, в семье воспитываем сына и дочь, говорим по-русски, хотя и сын, и дочь владеют узбекским. Все религиозные праздники отмечаем, и Пасху, Хаит (Рамазан Хаит, Курбан Хаит – Ю.Ц.). На Пасху муж все яйца уносит в свою семью, к родителям. У нас нет разделения по религии и национальности. Мне говорят: «Верахон, у Вас праздник, погода испортилась, значит, ничего делать нельзя». Узбеки на Хаит пловом угощают, ты куличи раз даешь на Пасху. Детей я крестила, сына крестила в Кувайской церк-*

ви (Кувасай – город Ферганской долины, расположенный в непосредственной близости от киргизско-узбекской границы – Ю.Ц.) Муж (таджик – Ю.Ц.) с бабушкой договаривался о крещении, но обрезание сыну также будем делать» (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Фергана: В., 38 лет, русская, бухгалтер).

Другой пример из интервью Ф., 19 лет, Алмалык, у которой в семье воспитывается сводный брат четырех лет. «Ф.: У брата родители разные: мама – мусульманка, папа – христианин, и никаких конфликтов не возникает. Ю.Ц.: Какую веру выберет брат? Ф.: Он сам решит, когда вырастет, но отец сказал, что ему можно делать обрезание» (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Алмалык: Ф., 19 лет, узбечка, выпускница академического лицея). Даже если в дальнейшем мальчик крестится, по мнению родителей, обрезание – ритуал, который не помешает приобщению к православной обрядовости.

Из интервью Э., Ташкент, татарка, 41 год: «Мусульманские праздники больше значимы для моих родителей. Я люблю праздники, всевозможные Хаиты (имеет в виду Рамазан Хаит и Курбан Хаит – Ю.Ц.) еще по детской традиции, просто потому что можно собраться семьей, а в мегаполисе для этого мало возможностей. Что касается православных праздников, то мы не так чтобы празднуем, но, во-первых, наша семья, мы же выросли в России, мы детьми красили яйца на Пасху. Для нас не было никакой религиозной подоплеки... Сейчас у нас в семье сноха (жена брата Э. – Ю.Ц.) русская. Она носит нательный крестик, ходит в церковь. Она, кстати, перед Пасхой печет куличи, освещает в церкви, мы у них на Пасху тоже собираемся и все это поедает. Это, скорее, ни сколько даже религиозные какие-то вещи, а вот уже просто такие даже где-то бытовые. Ну, просто такие праздники, это обряд, за которым нет религиозного смысла.

Ю.Ц.: Какую религию выберут дети в семье Вашего брата, правильно я понимаю, что он мусульманин? Э.: У моего

брата сын и дочь, они пока не крещенные, да и не мусульмане. Хотя его сыну сделали обрезание. Но родители приняли решение, что выбор детьми религии должен быть осознанным. Я не могу сказать, что мой брат религиозный, что он прям себя мусульманином считает. Его жена более традиционная в плане религии» (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ташкент: Э., 41 год, татарка, психолог).

Стоит обратить внимание, что в последнем примере брат и сноха респондента – оба русскоязычные и разделяют «европейскую» идентичность. Эти идентификационные маркеры гораздо крепче религиозных предпочтений каждого из родителей. Религиозный синкретизм в смешанных семьях приводит к тому, что дети адаптируют религиозные обряды и из православия и из ислама, что свидетельствует о том, что религиозные традиции носят, скорее, ритуальный поверхностный характер, без глубокого осмысления обрядовой стороны и православия, и ислама. В статье священника Сергея Стаценко (Ташкентская Духовная семинария) указывается, что дети-метисы, неопределившиеся со своей конфессиональной принадлежностью, в дальнейшем могут так и не сделать выбор в пользу одной из религий и продолжать выполнять мусульманские ритуалы, одновременно накладывая на себя крестное знамение и произносить христианские молитвы (Стаценко 2010: 311).

В 2014 г. в Ангрене была записана ситуация, в которой проявился конфликт между родителями в выборе религии дочери. В интервью А., русский, 21 год рассказал, что женился на девушке с «европейской» идентичностью из смешанной семьи, у которой мама – наполовину татарка, наполовину узбечка, папа из еврейско-русской семьи. До свадьбы его будущая жена заявляла, что атеистка. Первый конфликт по поводу религии в семье вспыхнул после рождения дочери: «Я прихожу с работы, теща привела каких-то бабок, типа молитвы мусульманские читать Алисе (дочери – Ю.Ц.), чтобы она мусульманкой стала. Я

на них наорал и выгнал: «Почему без меня решаете кем стать моей дочери, я её крестить буду». Тут выяснилось, что жена моя вовсе не атеистка, а мусульманка. Я ей говорю: «Если ты – мусульманка, иди, мети двор» (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ангрэн: А., 21 год, русский, рабочий). Опять-таки этот случай нельзя назвать типичным, хотя бы потому что брак христианина и мусульманки даже в советское время был очень редким явлением, так как этническая принадлежность и религия зависят от отца. Более традиционные узбеки и таджики старались не отдавать дочерей замуж за русских.

С. Стаценко отметил, что существует феномен религиозной раздвоенности, когда выходцы из смешанных семей отстаивают лозунг: «Веры бывают разные, но Бог – один» более всего присущ татарам в силу их тяготения к европейской культуре и ценностям, в то же время их выбора в пользу ислама (Стаценко 2010: 311). В подтверждении этой версии хотелось бы привести выдержку из интервью О., татарка, 41 год, Ташкент.: «Я была на причастии в Храме на Боткинском. И, значит, я причастилась, и бабушки, и батюшка меня пригласили завтракать, у них после причастия внутри церкви внутренние работники кушают, там только по приглашению приглашают, то есть на кухню, очень вкусная кухня, там такая потрясающая каша была и все такое. И вот мы сидели, кушаем. Сидит узбек напротив меня, кушает, мы так все болтаем. Мы разговариваем с бабушкой, которая меня пригласила, и я ей говорю: “У меня такое лето тяжелое, вот впереди поминки бабушки, надо как-то все это сделать, тяжело. Еще мусульманский, все это выпало в Уразу (30-ти дневный пост у мусульман в месяц Рамадан – Ю.Ц.)”. Мы делали вечером, получается, после ифтара (вечерний прием пищи во время месяца Рамадан – Ю.Ц.), а этот дяденька на меня так смотрит и говорит: “Мусульманка, что ли?”. Я говорю: “Ну бабушка – мусульманка! Я – крещеная, а бабушка – да”. Я говорю: “Сейчас тоже надо, здесь за

всех своих попросила в христианской церкви, сейчас надо в мечеть сходить”. Он говорит: “Хотите я Вам почитаю?”. А я так обалдела, говорю: “Как?”. А он говорит: “А я – мулла!”. Я говорю: “Как мулла?”. У меня, видимо, на лице все это было написано. Он смеется, говорит: “А Вы что думаете, у каждого Бог разный? Бог один”» (ПМА 2015, Республика Узбекистан, Ташкент: О., татарка, 41 год, преподаватель в лицее).

Данный эпизод свидетельствует также и о той степени толерантности и веротерпимости, которая существует в узбекском обществе между представителями основных конфессий.

Другой важной особенностью православия, выявленной в ходе полевых исследований, является **интерес коренного населения региона к православной обрядовости, святыням**. В каждом приходе священники отмечают, что нередки случаи, когда мусульмане (чаще всего женщины) ставят свечки за здоровье своих родственников, просят священника помолиться (к примеру, за мужа, который находится на заработках в России).

Иерей Алексей (Ангрэн): «Приходят узбеки и спрашивают святую воду» (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Ангрэн: иерей Алексей, русский). Иерей Сергей (Каган): «Узбечки приходят, просят помолиться за них. Я им говорю: «Приходите, молитесь Николаю Чудотворцу», они приходят. Святую воду просят постоянно, узбеки детей посылают за ней. Им требуется даже больше, чем нам» (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Каган: иерей Сергей, русский). Интерес к православию и православным святыням отчасти связан с трудовой миграцией и повышением статуса России в Узбекистане в 2000-е годы. К примеру, в апреле 2012 г. в Свято-Успенский собор Ташкента привезли частицу мощей Блаженной Матроны Московской, это событие вызвало ажиотаж в жизни города. Не только православные верующие приходили поклониться мощам Святой Матроны, но и представители других конфессий.

В каждом приходе есть единичные случаи крещения мусульман. Мусульмане крестятся крайне редко из-за традиционности больших семей. К тому же Русская Православная Церковь не ставит своей задачей проведение миссионерской работы среди мусульманского населения. В ходе полевых исследований в Ташкенте в 2015 г. была опрошена казашка, 42 года, которая проживала в браке с русским и приняла православие в Храме Георгия Победоносца мужского монастыря в г. Чирчик (30 км от Ташкента). Однако, ей приходится скрывать этот факт от собственных родственников.

Приведенные факты требуют дальнейшего изучения и осмысления, но уже сейчас стоит заметить, что они входят в диссонанс с мыслями, декларируемыми многими российскими СМИ о повальной радикализации и исламизации населения центральноазиатских республик, в том числе и Узбекистана. Хотелось бы подчеркнуть другую мысль, узбеки, не отказываясь от своей религии и обычаев, очень восприимчивы и толерантны к другим культурным традициям, в том числе и религиозным. Из интервью Р., узбечка, Фергана: «Я на Пасху некла русским куличи, знаете, как у меня их разбирали?» (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Фергана: Р., узбечка, пенсионер). В Ангрене на праздновании Пасхи 20 апреля 2014 г. узбеки также покупали куличи, чтобы символически приобщиться к празднику, либо поздравить православных родственников или соседей.

Наверное, наиболее насущной станет последняя особенность православия в исламском контексте – **нехватка религиозного воспитания, влияние ислама, поверхностное знание церковных обрядов, канонов и догматов**. В большей степени эти тенденции проявляются в небольших городах, где доля русских быстро снижается, в церковь приходят прихожане старшего возраста, а у молодежи не хватает мотивации и времени, чтобы вникнуть в православную обрядовость полностью. Выходцы из смешанных семей и остальные русские в небольших городах несо-

знанно «приближаются» к идентификационным маркерам мусульманского большинства, проживающего в Узбекистане. Как узбеки, так и русские с удовольствием поддерживают миф о том, что у русских в Средней Азии, благодаря положительному мусульманскому влиянию, выработалась стойкость к спиртным напиткам, в отличие от их собратьев в России и мн. др.

Возвращаясь к вопросу о религиозном воспитании, диакон Павел в 2014 г. в Фергане пояснил это так: «Если увидишь в церкви незнакомую женщину, прилично одетую, в платке, которая ведет себя скромно, значит, она из России» (ПМА 2014, Республика Узбекистан, Фергана: диакон Павел, русский). Все опрошенные настоятели Храмов и молитвенных домов отметили, что практика огласительных бесед позволяет вести важную индивидуальную работу с прихожанами и приобщать их к православной обрядовости и ценностям. Это позволяет сплотить православную общину через общие праздники, мероприятия, поддержку членов общины в сложных жизненных обстоятельствах и др.

В ходе проведенных в 2012–2015 гг. полевых исследований, где было опрошено около 40 респондентов в разных городах, только трое респондентов можно отнести к категории воцерковленных верующих. Остальные, если и отождествляли себя с православием, то церковь посещали лишь по праздникам.

* * *

Резюмируя все вышеизложенное, хотелось бы отметить тот факт, что православие в Узбекистане исторически связано с судьбой русского населения. Несмотря на тот факт, что правительство Республики Узбекистан создает благоприятные условия для развития православия, как и других религий, дальнейшая судьба православных приходов городов Узбекистана будет зависеть от миграционной активности русского населения, а также процессов, происходящих с идентификационными маркерами русских/русскоязычных.

Советская эпоха кардинально изменила отношение русских к православию, низкий уровень православного сознания, нерегулярное участие в приходской жизни приводит к тому, что большинство респондентов помнят о православных праздниках, соблюдают атрибутику главного из них – Пасхи, но серьезно не вникает в православную обрядовость и все христианские каноны. Православные приходы в обозримом будущем, скорее всего, станут малочисленнее, но у них есть возможность превратиться в «спящие» общины, если продолжится работа по приобщению «русских» к христианским ценностям.

В условиях национализирующегося Узбекистана идентификационные маркеры русских/русскоязычных подстраиваются под новые общественно-политические и социокультурные условия. Быстрее всего размывается этническая идентичность русских и отождествление с православием, более устойчивой основой идентификации русских/русскоязычных становится владение русским языком и «европейская» социокультурная идентичность.

Литература

- Абдуллаев 2006 – Абдуллаев Е.В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях модернизации // Диаспоры. 2006. № 2. С. 6–35.
- Абдуллаев 2007 – Абдуллаев Е.В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях модернизации // Русский мир в Центральной Азии. Сборник материалов и статей / Под общ. ред. А.А. Князева. Вып. 1. Бишкек, 2007. С. 9–33.
- Абдуллаев 2008 – Абдуллаев Е.В. Об идентичности русских Средней Азии // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 7–10.
- Абдуллаев 2009 – Абдуллаев Е.В. Русский язык: жизнь после смерти. Язык, политика и общество в современном Узбекистане // Неприкосновенный запас. 2009. № 4(66).
- Всесоюзная перепись 1982 – Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том IV. Узбекская ССР. М.: издание ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 148–149.
- Ларионов 2013 – Ларионов М.М. Взаимосвязь демографических процессов в Средней Азии и Казахстане с административными реформами Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) // История и культура юго-западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы четвертой международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск, 6–7 июня 2013 г. Горно-Алтайск, 2013. С. 5–17.
- Материалы 2015 – Материалы предоставлены Государственным комитетом по статистике Республики Узбекистан №01/3-13-07/3-280 от 5 октября 2015 г.
- Мониторинг 2008 – Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, в центральноазиатском регионе (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан. М.: Институт стран СНГ, 2008. С. 198–239 (раздел по Узбекистану).
- Национальный состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989. Москва: финансы и статистика, 1991. 160 с.
- Первая Всеобщая перепись 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXVI. Сыр-Дарьинская область. 1905. 207 с.
- Переселенческое дело 1910 – Переселенческое дело в Туркестане. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером графом К.К. Паленом. Санкт-Петербург, 1910. 430 с.
- ПМА – Полевые материалы автора 2013 – 2015 гг. Республика Узбекистан.
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 4865. Л. 123.
- Стаценко 2010 – Стаценко С. Специфика современного конфессионального состояния православной диаспоры в Средней Азии // Вторые Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. Ташкент, 2010. С. 301–328.
- ЦГА РУз – Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз. Ф. Р-2412. Оп. 1. Д. 346; ЦГА РУз. Ф. И.-1. Оп. 17. Д. 858; ЦГА РУз. Ф. Р-837. Оп. 39. Д. 901.
- Цыряпкина 2015а – Цыряпкина Ю.Н. «Русские» Ферганы: этнокультурная специфика в трансформирующемся обществе // Восто-

- коведные исследования на Алтае. 2015. № 7. С. 172–184.
- Цыряпкина 2015б – Цыряпкина Ю.Н. Идентификационные маркеры русского населения Узбекистана в постсоветский период // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 4(50). С. 206–213.
- Цыряпкина 2015 в – Цыряпкина Ю.Н. Православная церковь в Узбекистане во второй половине XIX – начале XXI века под влиянием политики центральной власти // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4(64). Т. 1. С. 41–43.
- Flynn 2007 – Flynn Moya Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan // Nationalities paper, Vol. 35. № 2. March 2007. P. 267–288.
- Kolsto 1999 – Kolsto P. Territorialising Diasporas: The Case of Russians in the Former Soviet Republics // Millennium – Journal of International Studies. 1999. December. Pp. 607–631.

АВТОРЫ

БУГАНОВ Александр Викторович – доктор исторических наук, зав. отделом русского народа ИЭА РАН (e-mail: buganov@rambler.ru)

БУРКОВА Валентина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭА РАН (e-mail: v.burkova@rambler.ru)

БУТОВСКАЯ Марина Львовна – доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник, зав. сектором кросс-культурной психологии и этологии человека ИЭА РАН (e-mail: marina.butovskaya@gmail.com)

БУТОВСКИЙ Руслан Олегович – доктор биологических наук, профессор, главный научный сотрудник ВНИИ охраны окружающей среды

ВИИМАРАНТА Ханнес – преподаватель отделения языков Хельсинского университета (e-mail: hannes.viimaranta@gmail.com)

ГРОНСКИЙ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (e-mail: agr1976@yandex.ru)

ГУБОГЛО Михаил Николаевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра по изучению межэтнических отношений ИЭА РАН (e-mail: guboglo@yandex.ru)

ЗОЛОТУХИНА Мария Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина и Национального исследовательского ядерного университета МИФИ (e-mail: maria.zolotukhina@icloud.com)

КЕРЕЖИ Агнеш – старший научный сотрудник Этнографического музея (г. Будапешт). Ágnes Kerecsi (e-mail: kerecsi.agnes@gmail.com)

КЕРИМОВА Мариям Мустафаевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЭА РАН (e-mail: mkerimova@yandex.ru)

КОМАРОВА Галина Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИЭА РАН (e-mail: galakom@mail.ru)

КУРТО Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭА РАН (e-mail: olga.kurto@gmail.com)

МАРТЫНОВА Марина Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, директор ИЭА РАН, руководитель Центра европейских и американских исследований ИЭА РАН, заслуженный деятель науки РФ (e-mail: martynova@iea.ras.ru)

НОСЕНКО-ШТЕЙН Елена Эдуардовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (e-mail: nosenko1@gmail.com)

ОСТРОУХ Ирина Германовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭА РАН (e-mail: ira_ostroukh@mail.ru)

ПРОТАСОВА Екатерина Юрьевна – доктор педагогических наук, доцент отделения языков Хельсинского университета (e-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi)

ПУШКАРЕВА Наталья Львовна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующая сектором этногендерных исследований ИЭА РАН (e-mail: pushkarev@mail.ru)

ПЧЕЛИНЦЕВА Наталья Дмитриевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИЭА РАН (e-mail: pchelin.nd@gmail.com)

СОЛОВЬЕВА Любовь Тимофеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭА РАН (e-mail: soloveva@iea.ras.ru; lubsolov@gmail.com)

СУСЛОВ Михаил Донатович – кандидат исторических наук, PhD in History and Civilization, преподаватель Университета Копенгагена

ТИШКОВ Валерий Александрович – академик РАН, академик-секретарь Историко-филологического отделения РАН, научный руководитель ИЭА РАН (e-mail: eawarn@mail.ru)

ФАИС-ЛЕУТСКАЯ Оксана Давидовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИЭА РАН (e-mail: oxana-fais@yandex.ru)

ХВОРОСТЬЯНОВА Наталья – преподаватель Университета им. Бен-Гуриона (Израиль)

ХОЛЛЕР Екатерина Викторовна – кандидат исторических наук, этнолог (e-mail: ekaterina.holler@gmail.com)

ЧЕШКО Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИЭА РАН, главный редактор журнала «Вестник антропологии» (e-mail: ieamoscow@mail.ru)

ЦЫРЯПКИНА Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета (e-mail: guzvenko@yandex.ru)

ШАЛЫГИНА Наталья Валентиновна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИЭА РАН (e-mail: etgender@mail.ru)

ЭЛИАС Нелли – преподаватель массовой коммуникации Университета им. Бен-Гуриона (Израиль)

Научное издание

Русский мир в меняющемся мире

Ответственный редактор и составитель
Галина Александровна Комарова

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая*

Редактор – В.В. Комаров
Корректор – Е.Е. Беляева, О.Л. Милова, Т.В. Царёва
Компьютерная верстка – И.А. Иванов
Макет обложки – Е.В. Орлова

Подписано в печать 2.11.2018.
Формат 60×84 ¹/₈. Усл.-печ. л. 46,8
Тираж 500 экз. Заказ № 147

Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии РАН
119991 Москва, Ленинский проспект 32А